

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФАШИЗМА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФАШИЗМА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**ЗНАТЬ
И ПОМНИТЬ**

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФАШИЗМА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
374

Федеральное архивное агентство Министерства культуры
Российской Федерации

Российский государственный архив социально-политической истории

Ответственный составитель
Н.К. Петрова, доктор исторических наук

Официальные рецензенты:
Г.А. Куманев, академик РАН;
М.Ю. Мягков, доктор исторических наук, профессор

374 **Знать и помнить. Преступления фашизма в годы Великой Отечественной войны** / Авт.-сост. Н.К. Петрова. — М.: Вече, 2018. — 576 с. : ил. — (Память Великой Победы).

ISBN 978-5-4484-0108-4

Знак информационной продукции 16+

С каждым годом отдаляется от нас во времени грозная военная эпоха. Уходит военное поколение, и все меньше и меньше интересуется современная молодежь трагической и героической правдой прошлой войны. Но люди, прошедшие через нечеловеческие испытания, никогда их не забудут. Не скоро еще заживут в сердцах и душах ветеранов глубокие раны, оставленные нацистами.

Книга возвращает нас к трагедиям и ужасам, которые выпали на долю людей, побывавших в оккупации или плену. В книге собрано большое количество документов, свидетельствующих о чудовищных преступлениях, совершенных руководством нацистской Германии на территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-4484-0108-4

© РГАСПИ, 2018
© Петрова Н.К., предисловие,
составление, комментарии, 2018
© ООО «Издательство «Вече», 2018

**ВСЕМ, испытывавшим ужасы фашизма,
военнослужащим Красной Армии,
прошедшим плен и концлагеря,
посвящается**

Предисловие

Кто-то из древних мудрецов заметил, что человеческая память — это медная доска, покрытая буквами, которые годы незаметно сглаживают, если по временам не возобновлять их резцом. Таким резцом у человека являются книги, которые воскрешают подробности иных событий. Но есть события, которые оставили такой след, что он напоминает постоянную кровоточащую рану. Это Великая Отечественная война 1941—1945 гг.

4 часа утра 22 июня 1941 г. — это рубеж, от которого начался отсчет страданий и бед народов нашей страны, отсчет поражений и побед Красной Армии. Это начало Великой Отечественной войны и начало того действия, которое можно объединить под понятием *преступления фашизма на временно оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.*¹

Какое смысловое значение несет понятие *преступления*?

В. Даль трактует это слово как «злодеяние, поступок, противный закону» и далее пишет: «За преступления предают суду»². Забегая вперед, следует сказать, что такой суд состоялся, это был Нюрнбергский процесс.

Мы часто, особенно для периода 1941—1945 гг., употребляем для характеристики содеянного фашистами не только слово *преступления*, но и такие понятия, как *злодеяния* и *зверства*. При этом мы не всегда задумываемся над тем, что между ними есть смысловые различия. Так, понятие *злодеяние* у В. Даля трактуется как «причинение зла, большой обиды, насилия личности»³. А о понятии *зверствовать* В. Даль пишет, что это «поступать зверски, лютовать, неистововать»⁴. Все эти три трактовки как нельзя точнее характеризуют все те беды и горести, которые

---

¹ Выделения слов и фраз в предисловии сделаны автором «Предисловия».

² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 3. С. 396.

³ Там же. Т. 2. С. 684.

⁴ Там же. Т. 1. С. 674.

выпали на наших соотечественников в 1941—1945 гг. Но больше всего подходят, по моему мнению, понятия «преступления» и «зверства».

Война сама по себе есть не что иное, как преступление по отношению ко всему живому. А войну, начатую без предупреждения, без объявления, когда на головы спящих людей посыпались бомбы, когда на рассвете начался ураганный огонь вражеских орудий в пограничных районах, а затем двинулись подготовленные и соответственно настроенные вооруженные силы противника, нельзя назвать иначе как **преступлением фашизма, точнее фашистской Германии.**

То, что творили фашистские армии на временно оккупированных территориях Советского Союза, забвению не подлежит, и за давностью лет этому прощения нет и быть не может. В рабочем блокноте А.А. Жданова, бывшего в 1945 г. секретарем ЦК ВКП (б), есть коротенькая запись, сделанная на заседании в связи со слушанием вопроса об итогах работы Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Привожу эту запись дословно и полностью солидаризируюсь с тем, кто ее сделал. **«Забьть (слово дважды подчеркнуто автором блокнота. — Н.П.) — преступление перед памятью пожилых людей и их семьями»⁵.**

От 1945 года нас отделяет не одно десятилетие. Идет новый, XXI век. Если о преступлениях и зверствах фашистской Германии, особенно после Нюрнбергского процесса и до начала 70-х гг. прошлого века, в нашей стране издавали периодически сборники на эти темы, то затем оставили ее «в покое». Справедливости ради необходимо отметить, что отдельные сборники небольшими тиражами выходили в связи с датами Нюрнбергского процесса и в последующие годы. С 1990-х гг. прошла серия больших публикаций о холокосте, о геноциде еврейского народа. Вышла наконец и на русском языке в 1980 г. в Иерусалиме «Черная книга», которая долгие годы ждала своей очереди, чтобы выйти в свет⁶.

Но все хорошо, когда все делается вовремя и не для галочки в отчете, а в интересах воспитания общества, молодого поколения. А мы? Мы крепили дружбу с соседними государствами и народами, старались не травмировать те государства, кто в союзе с Германией пытался покорить Советский Союз, его народ. В эти годы менялись поколения и тяжелыми воспоминаниями старались не тревожить память старших. Но при этом упустили новое, а точнее, новые поколения, которые в настоящее время в основной своей массе *не знают почти ничего о Великой Отечественной*

---

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 77. Оп. 3. Д. 174. Л. 145.

⁶ Подробнее см. «Советское общество: будни холодной войны. Материалы круглого стола. Москва—Арзамас. 2000. С. 249.

войне, не знают о преступлениях фашизма и о зверствах, которые выпали на долю тех, кого опалила война.

Мы, точнее, наше общество и государство, жалели психику молодого поколения, а в результате получили неуважительное отношение к собственной истории и к ее героическому военному прошлому. В настоящее время с сожалением узнаем о том, как глумятся над мемориалами боевой славы, над военными боевыми реликвиями на местах, бывших когда-то последними рубежами, где был остановлен враг ценой жизни тех солдат и офицеров, для которых слово **Родина** значило много. Значило — ценой своей жизни уничтожить врага.

В настоящее время эти слова, которые я написала, а вы прочли или пробежали глазами, для многих, особенно для тех, кто плохо знает или вообще не знает, что было в 1941—1945 гг., могут вызвать усмешку. Могут вызвать и раздражение с комментарием, дескать, кому нужны эти напоминания в наше демократическое время, когда есть «Наши» и своя «Молодая гвардия»⁷, которая в своем большинстве не знает, что это была за организация, имя которой она носит.

Сказать, что это не наше дело, это не сказать ничего. Данная книга — это третий сборник из серии публикаций навстречу 70-летия Великой Победы. Сборник — *не хроника всех преступлений и зверств*, совершенных на временно оккупированных территориях Советского Союза. **Это напоминание** о том, что было и что нельзя забывать, потому что это часть нашей истории, это наша память.

В 1943 г. И.Г. Эренбург под впечатлением зверств, которые творили оккупанты на нашей земле, написал одну из своих обличительных статей, в которой прямо поставил вопрос: кто ответит за все эти преступления? «Мое поколение пережило многое. Не первую войну вижу я, — писал военный журналист И.Г. Эренбург. — Но вот я не могу спокойно писать обо всем, что я вижу здесь. Не перо нужно — автомат. *Мы не смеем умереть, мы, старшие, не сказав себе перед смертью: это не повторится. Совесть требует возмездия, искупления, торжества поруганной, окровавленной, опаленной справедливости* [курсивом выделено. — Н.П.]»⁸. Эти мысли, высказанные в годы Великой Отечественной войны, не потеряли своей актуальности спустя десятилетия.

Выйдя из войны победителями над фашистской Германией, в последующие годы в нашей стране не очень часто говорили о страданиях, которые испытывали советские люди во время оккупации, а тема о военнопленных долго была закрытой темой. Жили по закону, что у героической Красной Армии ее воины не могли быть военнопленными. НЕ БЫЛО ИХ. Но война есть война. И пленные, к сожалению, всегда бывают на войне.

---

⁷ «Наши» и «Молодая гвардия» — это молодежные крылья партии «Единая Россия».

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 192. Л. 82.

Именно советские военнопленные испытали все: с ними враг поступал по-зверски, не считая за людей, лютовал и неистовствовал над ними, потому, что они находили в себе силы не только выживать, но и сопротивляться в неволе, чем вызывали удивление и ожесточение у своих мучителей, охранных лагерных служб. Германское командование, преступно попирая все издавна признанные законы и обычаи ведения войны, приказало своим воинским частям брать в плен мужское гражданское население, а во многих местах и женщин, детей и применять к ним режим, установленный гитлеровцами для военнопленных.

Согласно данным, которые поступили из Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, количество детей и молодежи до 16 лет, освобожденных и вернувшихся на родину к середине июля 1945 г., составляло 218 662 человека. А вывезено немцами их было 660 630 человек.

Известны факты насильного удержания детей, оказавшихся в зонах наблюдения союзных армий. Но в результате планомерных последовательных переговоров было достигнуто позитивное решение и этого вопроса.

К марту 1946 г. были репатрированы 4 199 488 советских людей, в том числе 2 654 188 гражданских и 1 545 303 военнопленных⁹. Следует знать, что из общего числа советских граждан 5 269 513 чел., насильственно вывезенных в Германию, после окончания войны не возвратились по различным причинам и стали эмигрантами 451 100 чел., 2 164 313 чел. погибли и умерли в фашистской неволе¹⁰.

Для пленных мирных жителей это означало не только рабский труд, но и неизбежную во многих случаях гибель от голода, болезней, от избиений и организованного массового умерщвления. Один из прошедших этот ад вспоминал, что в лагере для «военнопленных» близ Минска под открытым небом содержались ок. 100 тыс. человек. Это было в подавляющем своем большинстве мужское крестьянское население Белоруссии в возрасте от 15 до 60 лет, сотни ежедневно погибали от голода, болезней, побоев, расстрелов. Трупы погибших не убирались в течение долгого времени. Захваченных в плен оставляли без пищи и воды по 5–6 дней. При каждой выдаче пищи она доставалась только [пленным], находящимся близко от места раздачи. При каждой такой «выдаче» пищи имелось несколько десятков убитых. Охрана лагеря иногда «развлекалась» тем, что открывала пулеметную стрельбу на высоте одного метра от земли, заставляя этим «пленных» передвигаться по лагерю, в котором содержались 7 тыс. человек, число военнослужащих Красной Армии составляло лишь 15 %, все остальные — мирные украинские жители, обреченные на рабский труд и вымирание. Тот же режим

⁹ См. История СССР. 1996. № 4. С. 34–35.

¹⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 231.

голода и смерти — в десятках других лагерей, созданных для мирного гражданского населения, переведенного в разряд «пленных»¹¹.

По данным управления по делам военнопленных Верховного главнокомандования вермахта, по состоянию на 1 мая 1944 г. общее число истребленных советских военнопленных составляло 3 291 157 человек, из них умерли в лагерях — 1 981 тыс. человек, расстреляны и убиты при попытке к бегству — 1 030 157 человек, погибли в «пути» — 280 тыс. человек. По другим данным фашистского командования, к середине 1944 г. были уничтожены около 3,3 млн советских военнопленных. В обзорном томе «Всероссийская книга памяти 1941—1945 гг.» высказано мнение (и с ним можно согласиться), что эта цифра соответствует реальному числу истребленных советских людей, потому что в число жертв, кроме военнопленных, включены подпольщики, угнанные на каторжные работы, лица из народного ополчения и др.¹².

Советские военнопленные, оказавшись в плену, не желая смириться перед врагом, совершали побег. Они бежали не только из лагерей, но и на этапе формирования колонн военнопленных, которые пешим маршем шли на сборные пункты или в пересыльные лагеря. По далеко неполным данным, с 1941 г. по 1944 г. из фашистских лагерей совершили побег около 450 тыс. советских военнопленных. К сожалению, не все из них спаслись, но тысячи все же остались живы¹³.

Многие из них, пройдя проверку, вливались в ряды Красной Армии и продолжали бить врага и освобождать оккупированные области. Другие вливались в ряды партизан и сражались там. Тысячи граждан СССР, попавшие во время войны в немецкий плен или насильно угнанные в Европу для принудительных работ, совершив побег из лагерей военнопленных или трудовых лагерей, вливались в движение Сопротивления. По неполным данным, в нем приняли участие до 40 тыс. советских граждан различных национальностей, большинство из которых были русские¹⁴.

Вернувшиеся из плена были направлены: более 1 млн человек — для прохождения службы в части Красной Армии, 606 тыс. — для работы в промышленности в составе рабочих батальонов и 339 тыс. (в том числе некоторая часть гражданских лиц), как «скомпрометировавшие себя в плену», — в лагеря НКВД¹⁵.

Восстановление законных прав бывших военнопленных и репатриантов затянулось на десятилетия. Только спустя 50 лет после Победы в войне с фашизмом наконец был подготовлен и опубликован Указ российского президента «О восстановлении законных прав бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период».

¹¹ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 149.

¹² Всероссийская книга памяти. 1941—1945. Обзорный том. М., 2005. С. 234.

¹³ Там же. С. 183.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 261.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз явилось актом заранее спланированной и тщательно подготовленной агрессии. Для оправдания этой агрессии Германия создала миф о «превентивности войны», который в 1990-е годы прошлого века нашел поддержку и активно «раскручивался» историками не только за рубежом, но и в России. Этот миф существует и в настоящее время, но это не проблема данного сборника.

В 1941 году, когда фашистские армии шли по нашей земле, в сводках Советского Информационного бюро и на страницах газет не сразу появились материалы о том, что творил враг с гражданским населением, с ранеными и военнопленными Красной Армии.

Вступая на территорию Советского Союза, армии Третьего рейха четко следовали программе истребления миллионов людей, которая была изложена в плане «Ост». «Перед нами, — утверждал А. Гитлер, — встает обязанность уменьшить чуждое население... Нужно разработать технику сокращения чуждого населения... Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые». С точки зрения германского фашизма ставилась (а по ходу военных действий пыталась быть выполненной) задача: Германия должна быть хозяином, все остальные народы обязаны работать на нее и быть ее рабами. Согласно данным, опубликованным БПВ (Бюро политической войны)¹⁶, присланным из Лондона, число иностранных рабочих, вывезенных в Германию (по их подсчетам на 30 июня 1944 г.), было представлено следующими цифрами¹⁷:

Русских — 1 850 000. Из них военнопленных — 400 000
Поляков — 1 615 000. ————— — 65 000
Из Балканских стран — 100 000

Германия хотела командовать, а остальные народы должны были ее слушаться.

Об этом желании говорили и писали многие «разработчики» экономических и политических планов в Германии. 24 июня 1941 г. в газете «Франкфурте Цайтунг» господин Лей утверждал: «Борьба идет за нашу продовольственную свободу». Получалось, что фашисты двинулись в СССР за хлебом. Другой деятель, Зейсс-Инкварт, в конце июня 1941 г. заявил, что «Восточное пространство надо вернуть Европе. Это огромное пространство принадлежит нам. Эта территория нужна нам для усиления нашего стратегического положения»¹⁸.

Гитлер в преддверии войны с Россией не скрывал, что «будущая война будет ужасная, кровавая и жестокая», что война «не будет делать

---

¹⁶ Бюро политической информации (RWE) — это пропагандистская организация, которая входила в британское Министерство иностранных дел. Официально, т.е. «для прочей публики», как заявил 19 сентября 1944 г. 1-й секретарь британского посольства в Москве г. Барман.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф.Р-8581. Оп. 2а. Д. 98. Л. 79.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2а. Д. 28. Л. 56.

разницу между военными людьми и мирным жителями». И при этом он, Гитлер, был убежден, что «одновременно с вооруженным выступлением мы [т.е. Германия. — *Н.П.*] деморализуем противника в войне нервов»¹⁹. Практически во всех выступлениях А. Гитлера явно или косвенно звучало: «Мы должны быть жестоки со спокойной совестью — время благородных чувств миновало»²⁰. Такая была фашистская установка на «молниеносную войну», которую фюрер планировал закончить через 10—15 дней после ее начала. Но... легко было планировать и трудно, невыполнимо оказалось реализовать намеченное.

Гитлер считал: «Если мы хотим создать Великую Германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого...» «Я, — обещал А. Гитлер, — освобождаю человека от унижительной химеры, называемой совестью. Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную и жестокую. Я так хочу. Я хочу, чтобы она походила на молодых диких зверей»²¹. «Я так хочу», — как заклятие, повторял фюрер, забывая, что фашистская Германия — это не все человечество. Он, Адольф Гитлер, не знал или забыл в эти минуты слова одного из политиков, Ллойд Джорджа, о том, что «Россия — страна, в которую легко войти, но из которой трудно выйти»²².

Трудности, с которыми столкнулась немецкая армия с первых же недель вторжения на территорию Советского Союза, заставили идеологов Гитлера задуматься о перспективах войны и Германии. В связи с этим в ноябре 1941 г. Й. Геббельс опубликовал статью в газете «Дас Рейх», где писал о тяжелом положении Германии в связи с войной. Он объяснял, что «нам больше некуда податься. Мы ничего не можем изменить или отложить». На вопрос народа, когда же конец войне, Геббельс заявил: «Вопрос о том, как закончится война, имеет гораздо большее значение, чем вопрос, когда закончится война»²³. Это было в ноябре 1941 г.

На вопрос, как закончится война, ответ дал май 1945 года. А вот пожелание фюрера вырастить в ходе войны молодежь, похожую «на молодых диких зверей», осталось, к счастью, нереализованным. В комментариях английского журналиста А. Верта в связи со снятием блокады Ленинграда в феврале 1944 г. он приводит интересный факт: «Сражения под Ленинградом носили настолько ожесточенный характер, что в первые дни русские брали очень мало пленных. У немцев настолько нечиста совесть, что они боятся быть взятыми в плен. Один немецкий пленный,

¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 49.

²⁰ Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 74.

²¹ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 49.

²² ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2а. Д. 28. Л. 57.

²³ Там же. Ф. Р-4459. Оп. 12. Д. 216. Л. 220.

когда ему сказали, что его пошлют в Ленинград, умоляюще закричал: «Пошлите меня куда угодно, только не в Ленинград! Неужели нельзя послать меня в Сибирь?!»²⁴

По мнению А. Гитлера, необходимо было «прежде всего добиться уменьшения числа славянского населения... Нужно уничтожить 20 миллионов человек. Начиная с настоящего времени это будет одна из основных задач германской политики, задач, рассчитанных на длительный срок, — всеми средствами уменьшить плодovitость славян»²⁵.

Для реализации политики геноцида в странах, которые Гитлер планировал захватить, было заблаговременно продумано оккупационное «законодательство». Согласно ему, население захваченных стран, по существу, должно было превратиться в рабов. В официальной гитлеровской радиопропаганде откровенно заявлялось о том, что «на Украине будет поселено 25 миллионов колонистов-немцев и родственных им народов, которые могут не бояться тягостей, ибо для тяжелой и черной работы будут применены украинцы»²⁶.

Одновременно были разработаны методы и способы массового уничтожения людей, готовились специальные кадры палачей, насильников и убийц. Одним из «средств», направленных на эту цель, было создание и деятельность концлагерей — «фабрик смерти». Так, лагерь смерти в Освенциме был рассчитан на истребление 30 тыс. человек в день, в Трешлинке — 25, в Собибуре — 20, в Белжеце — 15 тыс. и т.д.²⁷ В Европе затем были созданы и другие концлагеря. Эту сеть справедливо называли индустрией смерти, которая состояла из 23 основных лагерей и 2 тыс. филиалов. Это были места массового заключения и физического уничтожения противника. Начало создания этим лагерям было положено после захвата власти фашистами. Через эти лагеря, включая уничтожение сразу после прибытия в лагерь без регистрации, прошли **18 млн человек**, из них — **11 млн человек** погибли. В лагере Освенцим было уничтожено св. 4 млн человек, в Майданеке — 1380 тыс., Трешлинке — 800 тыс., в Маутхаузене — около 123 тыс., в Заксенхаузене — 100 тыс., в Равенсбрюке — 92 тыс., в Бухенвальде — 56 тыс., в Берген-Бельзене — 48 тыс., в Дахау — 31 тыс. человек²⁸.

О массовой гибели советских людей в гитлеровских лагерях свидетельствуют следующие цифры. С 1941-го по 1945 г. в Бухенвальд поступили 23 тыс. советских граждан, а вышли из лагеря в день освобождения, 11 апреля 1945 г., только 4,7 тыс. В Дахау были сожжены свыше 7 тысяч советских военнопленных. **Из 16 тыс.**²⁹ **зарегистрированных советских**

²⁴ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 76.

²⁵ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 56.

²⁶ Там же. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 28. Л. 149.

²⁷ Всероссийская книга памяти 1941—1945. Обзорный том. М., 2005. С. 178.

²⁸ Там же. С. 183.

²⁹ Там же. С. 452.

военнопленных в концлагере Освенцим выжили лишь 96 человек. Как это назвать иначе, чем не геноцидом советских людей без различия национальностей?!

Нюрнбергский процесс по делу над военными преступниками квалифицировал концлагеря как *центры самого жестокого террора и чело́веконенавистничества*³⁰.

«Юридическим» основанием для создания концлагерей был указ имперского президента «О защите республики» от 28 февраля 1933 г. Этот указ предоставлял власти право содержать в заключении на неограниченный срок всех подозреваемых противников фашизма без судебного разбирательства. Создавая концлагеря, их делили на три категории, но к началу Второй мировой войны все они были преобразованы в одну единственную категорию, а именно — *для особо опасных преступников без надежды на исправление*. Преследуя план политического и экономического закабаления не только Европы, но и всего мира, фашистская Германия ставила задачу физического уничтожения целых народов, в первую очередь славянских, цыган и евреев.

Напомним один малоизвестный трофейный документ. Речь идет о совещании в комендатуре для военнопленных Шталага XII (Stalag XII) военного округа, которое было датировано 1 августа 1941 г. и значилось под грифом «секретно»³¹.

На совещании генерал Рейнеке инструктировал собравшихся по вопросу, что представляют собой русские военнопленные и как обращаться с ними. Немецкий генерал подчеркивал, что «русского военнопленного следует воспринимать, как фанатика-большевика, готового каждую минуту нанести какой угодно вред. Совершенно неверно представлять себе русских военнопленных, как добродушных, лишь затравленных людей. Опыт фронтовых частей и комендантов лагерей, а также неоднократные инспекционные поездки господина генерала должны были бы показать, что в лице русских военнопленных мы имеем дело с хитрыми тварями».

В связи с этим генерал Рейнеке указал, что «на фронте сейчас главным образом русские, родившиеся в 1918 г. и позже, т.е. выросшие при большевизме и воспитанные в его духе. *Поэтому при обращении с русскими военнопленными не может быть и речи о человеческом отношении*». По отношению к советским военнопленным должно служить «*безоговорочное повиновение или моментальный расстрел*» (курсив мой. — Н.П.).

Информация об этом совещании была составлена 12 августа 1941 г. комендантом лагеря военнопленных XXI Иоганенсбанберг (Лотарингия). Все четко и по-немецки педантично описано и предписано: к русским военнопленным не проявлять человеческого отношения, за малейшее неповиновение расстрел без суда и следствия. «*Вы не несете*

³⁰ Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Энциклопедия. М., 1995. С. 367.

³¹ РГАСПИ. М. Ф-7. Оп. 1. Д. 7066. Л. 10—11об.

*ответственности за это, а я, поэтому убивайте», — утверждал Геринг в ходе войны (курсив мой. — Н.П.)*³².

Это указание было законом для всех концлагерей. Во время войны их число увеличилось. Если к апрелю 1942 г. насчитывалось 15 основных концлагерей и 100 филиалов, то к концу 1944 г. было св. 20 основных концлагерей и 1000 филиалов³³. В приговорах Международного военного трибунала в Нюрнберге, работа которого продолжалась около года — с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., отмечалось: «Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн»³⁴.

Не все знают, что еще до нападения на СССР, в мае 1941 г. в Берлине было издано секретное распоряжение «об особых мероприятиях» войск и о применении военной подсудности в районах будущих боевых действий, т.е. на территории СССР. Это распоряжение снимало с фашистских солдат и офицеров всякую ответственность за любые преступления на оккупированной советской земле. Убийство мирных жителей, сожжение сел, грабежи и насилия были признаны нормой поведения немецких солдат на Востоке³⁵. Даже попадая в плен, они не стеснялись рассказывать о своих «подвигах». Вчитайтесь в показания одного из тех, кто зверствовал на советской земле. Это было «...на второй день похода, в Литве, утром 23 июня [1941 г.]. Батарея, стоявшая на расстоянии примерно 100 м. от единственного крестьянского домика, расположилась на отдых, вдруг раздался далекий случайный выстрел из пистолета. Сейчас же солдаты и офицеры схватились за оружие и сначала изрешетили пулями крестьянский дом. Семья, которая состояла из мужчины примерно 40 лет, 35-летней женщины, 18-летней девушки и 8—9-летнего ребенка, убежала в свой погреб для картошки, мужчина прыгнул в яму за домом. Тогда наши солдаты под руководством лейтенанта Гофмана из 6 бат. 35 ап. 35 пд двинулись с винтовками, ручными гранатами и даже с пулеметом против крестьянского двора. Лейтенант Гофман бросил в погреб, в котором находились обе женщины и ребенок, ручную гранату. Ребенок был убит, а старшая из женщин вышла из погреба раненая. Ис поднятыми руками пошла навстречу немецким солдатам. В нее опять один выстрелил. Она повернулась и попробовала спастись в сарае. Но ее пронзили две очереди пулемета... В это время молодая девушка высунулась из погреба и была готова вылезти, но пулеметчик разорвал ее длинной очередью в ключья... После этого вернулись к мужчине. Один солдат бросил бутылку с керосином в яму. Мужчина сгорел живым.

³² РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.

³³ Великая Отечественная война. Указ. соч. С. 366.

³⁴ См.: Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками». Сб. док. В семи томах. М., 1957—1961.

³⁵ Подробнее см.: «Преступные цели — преступные средства». Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). М., 1968.

Чтобы закончить уничтожение, двор полностью спалили»³⁶. И никаких эмоций и сожалений. Даже зверь нападает только тогда, когда ему что-то угрожает или он голоден. А здесь? Оккупанты зверствовали — ради развлечения, сытые и довольные собой.

В дневнике Фридриха Шмидта, секретаря тайной полевой полиции 626-й группы при 1-й танковой армии, который был убит в мае 1942 г., читаем: «...Начались массовые расстрелы: вчера 6-х, сегодня 33 заблудших создания... Если бы мои родные знали, какой трудный день я провел! Ров уже почти наполнен трупами. И как героически умеет умирать эта большевистская молодежь! Что это такое — любовь к отечеству или коммунизм, проникший в их плоть и кровь? Никто из них, в особенности девушки, не проронили ни слезинки. Ведь это же доблесть!..»³⁷

В первые недели войны информация в Советском Союзе о зверствах была чудовишной по изложению фактов и, к сожалению, крайне немногочисленной. Возникает вопрос: почему так было, почему советская пропаганда не информировала мировую общественность о том, что творили на нашей земле армии Гитлера? Почему стеснялись сказать, что наш народ испытывает боль и страдания, которые несла с собой война? Может быть потому, что накануне войны руководство СССР утверждало миру, что мы сильны и врага разобьем на чужой территории и т.д., и тут вдруг трагедия, начавшаяся 22 июня 1941 г.

Объяснение этому отчасти можно искать в том, что недостаточно было проверенной информации. Не будем забывать, что в это время мы с боями отступали, трофейные материалы, которые попадали в штабы, нуждались в уточнении, но на это не хватало времени и кадров. Фронтовые советские газеты, которые давали первичную информацию, нуждались в корреспондентах, а их было недостаточно, это во-первых, а во-вторых, многие из них гибли, потому что были необстрелянными и к тому же война никого не щадила. Было принято специальное решение: поручить отделу агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) заняться вопросом комплектования фронтовых газет.

26 августа 1941 г. на имя секретаря ЦК ВКП (б) А.С. Щербакова поступила докладная записка от и.о. директора ТАСС Я.С. Хавинсона. Он писал, что «...опыт двухмесячной работы наших органов пропаганды и контрпропаганды приводит к убеждению, что данные о германских зверствах в занятых территориях Советского Союза используются нами далеко в недостаточной степени. Несколько заявлений т. Лозовского³⁸ на пресс-конференциях, несколько сообщений в газетах, весьма скудный фотоматериал и специфические сообщения по радио — вот и все, что

³⁶ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 102, 103.

³⁷ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 2580. Л. 4.

³⁸ С.Я. Лозовский (в 1941—1945 гг. подписывал документы как А. Лозовский) в годы войны был заместителем наркома иностранных дел СССР и заместителем председателя Совинформбюро СНК СССР.

сделано до настоящего времени в этом вопросе». Я.С. Хавинсон совершенно справедливо считал, что для тех стран, которые живут далеко от театра военных действий, важнее не только доходчивость и эффективность информации, но не меньшее значение имеет «характер источника, который эту информацию распространяет». И далее Я.С. Хавинсон развивал свою мысль следующим образом: «С этой точки зрения весьма существенно, чтобы наряду с официальной и официозной информацией для заграницы о немецких зверствах мы создали в качестве систематического источника подобной информации широкий и авторитетный общественный комитет, носящий официальный характер»³⁹.

Такая практика была не впервые — во время Первой мировой войны 1914—1918 гг. в ряде стран были подобные комитеты. Я. Хавинсон не только предложил состав комитета, но и предложил круг задач, которыми его члены должны были заниматься. В его задачи должны были войти следующие функции: а) собирание документированных материалов о немецких зверствах, организация в отдельных случаях следственного производства с опросом потерпевших; б) публикация отдельных материалов, а также выпуск сборников материалов, фотодокументов и т.д.; в) выставки в стране и для заграницы с разоблачением немецких зверств.

Как показали дальнейшие события, многие из перечисленных выше задач были реализованы в последующие годы. Но в тот момент, летом 1941 г., сложилась следующая ситуация. А.С. Щербаков, на чье имя пришла бумага, запросил мнение Г.Ф. Александрова, возглавлявшего в это время Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). И в результате 29 октября 1941 г. Я.С. Хавинсону сообщили, что «Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) считает создание такого комитета в данное время нецелесообразным»⁴⁰.

Однако предложение Я.С. Хавинсона обсудили «в верхах», и через год, 2 ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета была создана ЧГК⁴¹. ЧГК провела огромную работу, но, как писал в марте 1943 г. один из ее членов, Эрзя Левонтович, А. Толстому, «исчерпать все зло, причиненное немцами, разумеется, немислимо: слишком оно необъятно»⁴².

В ходе войны в результате изучения полученных донесений был составлен и опубликован на страницах центральных газет официальный документ — нота НКВД Советского Союза⁴³. Одновременно с этим первая нота о зверствах гитлеровских властей в отношении советских

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 51. Л. 24, 25.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 51. Л. 26

⁴¹ ГАРФ. В Ф. Р-7021 хранятся документы и материалы, собранные ЧГК, в т.ч. св. 250 тыс. протоколов опроса свидетелей и заявлений о злодеяниях нацистов, св. 54 тыс. актов о злодеяниях, около 4 млн о причинении материального ущерба.

⁴² РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 40. Л. 2 об.

⁴³ См. «Правда», 25 ноября 1941 г.

военнопленных была направлена 25 ноября 1941 г НКВД СССР по-слам всех стран, имевших в это время с Советским Союзом дипломатические отношения. Эта нота была опубликована в советской печати, прозвучала в сводках Совинформбюро. В ней говорилось, что фашисты истязают и убивают советских людей, «пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают им глаза, вспарывают им животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Подобного рода изуверства и тяжелые преступления фашистско-германские офицеры и солдаты совершают на всем протяжении фронта, всюду, где они только появляются»... По мере освобождения от врага советской территории, временно оккупированной врагом, стали известны чудовищные подробности.

Масштабы зверств фашистов потрясли изощренностью злодеяний и массовостью гибели как воинов Красной Армии, так и гражданского населения, особенно детей. Рано утром 22 июня 1941 г. военные корабли Германии обстреляли спящие пионерские лагеря в Прибалтике, в первую очередь в Паланге, сбросили бомбы на все пионерские лагеря вблизи границы⁴⁴. За Равой-Русской немецкий грузовик перерезал дорогу и задержал грузовик, на котором ехали около 20 женщин с детьми из пограничных районов. Гитлеровцы расправились с матерями, а детей закололи штыками⁴⁵.

«У тебя нет сердца и нервов — на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского советского. Не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай», — наставляли в специальных памятках, отпечатанных для фашистских солдат и офицеров. И они маленьких детей убивали только за то, что они мешали им спать. Пулеметчики и автоматчики превращали ребят в мишень для пристрелки оружия. Конвоиры прикалывали штыками детей при насильственном угоне населения в немецкий тыл. Саперы широко использовали детей для разминирования путей своих колонн. Немецкие врачи насильно брали кровь у детей для переливания раненым оккупантам. Но чаще всего фашисты мучили, калечили и убивали детей просто так, потому что это были советские дети. Кто сомневается в правдивости этих строк, посмотрите материалы ЧГК или материалы других архивов.

Из полученных трофейных материалов всему миру стали известны приказы германского командования, согласно которым, войскам вменялось в обязанность истреблять советских детей. В приказе № 91 от 25 ноября 1941 г., зачитанном перед строем фашистов, требовалось следующее: *«Страх перед немцами должен войти в каждого до самых костей. По отношению к большевистским “недочеловекам” не может*

---

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 28. Л. 71.

быть никакого снисхождения. Это относится также к женщинам и детям. Партизан и их единомышленников — на первый сук».

В другом приказе 13-го армейского корпуса от 28 ноября 1941 г. немецким солдатам предлагалось уничтожать, как партизан, «мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 16 лет». Главнокомандующий фон Клюге в приказе по армии от 8 февраля 1942 г. предлагает «особое внимание обратить на повсюду снующих мальчиков (советская русская организация молодежи — “Пионеры”). Кто, несмотря на объявления о запрещении, незаконно попадает на железнодорожное полотно — расстреливается.... В любом случае безоговорочно поступать решительно»⁴⁶.

Отступая, враг, следуя приказам из Берлина, пытался оставить опустошенную землю, на которой жить было невозможно. Как «иллюстрацию» действий фашистов, читаем документ, перевод с немецкого, поступивший с Северо-Западного фронта в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

«Воззвание

Немецкие войска уходят, чтобы бить большевиков на другом фронте. Все жители остаются на месте и повинуются местному коменданту. Неповиновение будет караться смертью.

Все продукты остаются на месте в вашем распоряжении, за вами сохраняются ваши дома, ваша собственность.

С 18.00 ни один человек не должен выйти из своего дома в продолжении двух дней.

Кто выйдет из своего дома, будет расстрелян.

Везде лежат мины.

В домах, где жили немцы, в землянках и сараях, на дорогах, под мостами, на опушке леса и в окопах лежат мины.

Если возникнет огонь, не гасите его.

Оставайтесь в домах, если вы не хотите умереть.

Если в деревне кто-либо из жителей будет заниматься шпионажем и саботажем, все дома будут сожжены.

Мы вернемся.

Комендант»⁴⁷.

Вернемся для чего? Чтобы мучить и убивать людей? Чтобы творить то зло, о котором свидетельствовали оставшиеся в живых и сами фашистские документы? Напомним о том, что стало известно при освобождении нашей территории от врага. Жестокость оккупантов и изощренность зверств над гражданским населением на оккупированных территориях не поддаются пониманию.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 50.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 132.

Как объяснить то, что творили с нашими детьми? Это было в январе 1942 г. в районе г. Ржева. Группа советских разведчиков ночью вошла в село, на окраине которого уцелел один дом. За сто метров от него слышны были плач и крик женщины. Разведчики ворвались в дом и остолбенели от того, что там увидели. У порога сидел немецкий офицер, перед ним на коленях стояла рыдающая женщина. У горячей плиты два немецких солдата жгли на раскаленной сковороде двух детей: один был грудной, второму — два года. В большом чугуне кипящей воды варился четырехлетний ребенок⁴⁸. Трудно поверить, что описанное выше, правда?! Но это было.

При разгроме частями Красной Армии кавалерийской немецкой бригады СС в районе г. Торопца в январе 1942 г. среди захваченных документов был найден отчет 1-го кавалерийского полка названной бригады об «умиротворении» ими Старобинского района в Белоруссии. Как о большом успехе, командир полка докладывал, что наряду с 239 пленными отрядом его полка расстреляны 6504 человека из числа гражданских жителей, причем в отчете умалчивается, что отряд действовал на основании приказа по полку № 42 от 27 июля 1941 года. Командир 2-го полка той же бригады фон Магилл докладывал в своем сообщении о проведении «усмирительной» операции в районе Припяти с 27 июля по 11 августа 1941 года: «Мы выгнали женщин и детей в болота, но это не дало должного эффекта, так как болота не были настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть»⁴⁹.

При освобождении Керчи было выявлено следующее зверское преступление. Местная немецкая комендатура приказала родителям отправить детей в школу. Подчиняясь приказу кавалерийской немецкой бригады СС, 245 детей с учебниками и тетрадями в руках отправились в свои классы. Домой не вернулся никто. О том, что с ними произошло, стало известно после освобождения города, когда в 8 км от него в глубоком рву было найдено 245 трупов этих детей. Они не были расстреляны, их **живыми** закопали оккупанты. Имеются документы и фотографии, относящиеся к этому чудовищному преступлению⁵⁰.

«Экономия» патронов и свои силы, в ходе массовых казней фашисты приказывали людям, которых собирались уничтожить, ложиться рядами на землю в подготовленный ров. Расстреляв первый ряд, они укладывали на него второй, третий, следующий, до шести, семи рядов. Окончив расстрел, ров засыпали землей, как одну большую могилу. В г. Пирятине воины Красной Армии стали свидетелями страшной картины. Они увиделидвигающийся холм над могилой 1600 человек расстрелянных, но недорасстрелянных — зарытых живьем людей⁵¹.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 171. Л. 37.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 156.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 192. Л. 77.

«...Мероприятие — создание зоны пустыни — имеет решающее значение для ведения войны зимой и в соответствии с этим должно быть подготовлено и проведено беспощадно и до конца», — значилось в приказе по 512-му пехотному полку от 10 декабря 1941 года. А в одной служебной записке немецкого унтер-офицера (фамилия его отсутствует) было записано несколько пунктов о том, как поступать в том или ином случае на оккупированной советской территории. Обращаем внимание на три пункта из них: «...2. Солдат в гражданском [платье], не местных — расстреливать. 3. Несовершеннолетних шпионов расстреливать. 4. Партизан, убежденных в антинемецких действиях, — вешать»⁵². Как видим, в немецких инструкциях самым действенным методом была рекомендация: расстреливать или вешать без суда и следствия.

Из занимавшихся немцами районов Московской области насильственными мерами были уведены в германский тыл 6080 человек. В освобожденных районах Смоленской области нет ни одного населенного пункта, где бы ни была обнаружена та же картина жестокости и произвола с уводом мирного населения в плен — либо поголовно, либо мужчин, отрываемых от своих семей, либо женщин, сплошь и рядом разлучаемых со своими детьми. Лишь незначительному меньшинству удавалось вернуться в родные места. Вернувшиеся рассказывали о неслыханных унижениях, непосильном труде, массовом вымирании «пленных» жителей от голода и пыток, об умерщвлении фашистами всех раненых и больных.

Когда читаешь о десятках, сотнях тысяч погибших от рук фашистов, то становится страшно от мысли, сколько погибло ни в чем не повинных людей по прихоти небольшой группы лиц, пожелавших владеть чужими землями и властвовать, повелевать другими народами. Говоря о преступлениях и зверствах фашизма, как правило, аргументируют их массовыми акциями над военнопленными и мирными советскими гражданами и очень редко вспоминают отдельные случаи. А ведь именно они дополняют цепь преступлений на советской земле, позволяют вспоминать тех жителей, которые сами погибли, а села, деревни, города, где они жили, так и не восстановились в тех местах, где они были до Великой Отечественной войны... Чинимые гитлеровской армией казни принимали и такую форму, казалось бы, немислимую в XX веке, как совершенная в г. Сольцы Ленинградской обл. зверская казнь *заподозренных* (обращаем внимание, только *заподозренных*) *в сочувствии* к партизанам учителя Агеева и юноши Баранова. Они были посажены на кол, и трупы их не разрешалось снимать с кола в течение двух недель...

Наверное, никто бы не узнал о другом простом человеке, если бы не то, что с ним сотворили фашисты. В селе Покровском Черемисиновского района Курской области до войны жил простой колхозник Алехин А.Н. Пришли немцы. Им чем-то не понравился этот мужчина. Они заставили

---

⁵² РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28.Л. 99, 100 б.

его раздеться и приказали копать себе могилу, заставляя его для измерения ямы несколько раз ложиться в нее. Когда могила была вырыта, оккупанты обломали Алехину руки, обрезали уши, выкололи глаза, а затем расстреляли⁵³. За что так поступили? Зачем издевались, и кому мешал Алехин А.Н.? И ведь таких мучеников было немало. Кто знает о них? Но эта казнь, как и многие другие, которые происходили везде, была совершена согласно указаниям рейха, гласившим: «Поскольку занятые районы должны быть завоеваны для Германии надолго, вы должны сознавать, что являетесь представителями великой Германии и новой Европы. Поэтому вы должны проводить с достоинством даже жесточайшие и самые беспощадные мероприятия, которые диктуются германскими интересами. В противном случае вы не сможете больше занимать ответственные посты на родине»⁵⁴. Когда составлялась эта инструкция, в Германии еще не задумывались над тем, а останется ли живым тот, кому отдавался этот приказ.

Судьба населения деревни Дубовцы (Северо-Западный фронт) являлась одним из таких примеров, которые повторялись во многих районах германской оккупации. Назначив деревню Дубовцы к сожжению, немецкий комендант объявил всем жителям, что лица, которые останутся в деревне после 8 часов, будут расстреляны. Все жители должны были идти на запад, беспрекословно подчиняясь любым требованиям немецких солдат, которые будут их сопровождать. 14 крестьян, в том числе 7 женщин, отказавшиеся покинуть родные места, были расстреляны оккупантами. Остальных жителей, включая женщин с грудными детьми, лишенных теплой одежды, несмотря на зимнее время, немцы погнали в западном направлении, не давая отдыха, питания, пристанища, заставляя в пути выполнять разные непосильные работы. В пути замерзали целые семьи, но колонны пополнялись жителями, сгонявшимися из других селений, через которые лежал путь⁵⁵.

По признанию немецких солдат, как свидетельствует Вильгельм Шолле, старший ефрейтор 279 пп 106 пд, когда началось отступление немецкой армии, «составлялись команды поджигателей, которые поджигали дома, последний скот забирали с собой, а население оставалось без крова и какого-либо продовольствия. Все живое было обречено на голодную смерть»⁵⁶. Команды поджигателей, или, как их еще называли, «факельщиков», создавались из саперных отрядов немецкой армии. Им помогали пехотинцы, танкисты и обозники.

И это было у противника в порядке вещей, как и осуществление массовых казней. В г. Сумы в подвале школы № 5 замучили 300 человек, а в г. Рыльске провели расстрел граждан с детьми. Были у фа-

---

⁵³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 28. Л. 153.

⁵⁴ Там же. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 28. Л. 151.

⁵⁵ Там же. Ф. М-1. Оп. 4. Д. 28. Л. 150.

⁵⁶ Там же. Л. 100.

шистов и другие способы «развлечений». Так, в трофейном дневнике штабс-ефрейтора 2-го охранного батальона Отто Бергера есть одна потрясающая запись: «Шестка... Привели 50 пленных. Их выдали для прицеливания... На Новый год в Смоленске расстреляны все евреи... Удивительно, что украинское население настроено к нам враждебно. Наша полевая полиция расстреляла 60 украинцев»⁵⁷.

6 января 1942 г. была направлена нота НКВД от имени В.М. Молотова послам всех стран, имевших с СССР дипломатические отношения, «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях». В ней были изложены документы, факты, цифры. Человеческий ум отказывался воспринимать все это. Перед преступлениями немецких фашистов меркли ужасы средневековой инквизиции. Нота НКВД рассказала многое, но далеко не все. В дополнение к ней сводки Совинформбюро и газеты каждый день публиковали все новые и новые документы о преступлениях гитлеровцев. Эти документы были доказательством того, «что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определенную систему, заранее предусмотренную и поощряемую германским правительством и германским командованием»⁵⁸.

За сухими, хотя и четкими цифрам наших потерь скрываются потрясающие душу факты кровавых расправ гитлеровцев. Напомним некоторые из них, а вместе с этим отдадим дань памяти тем воинам, о которых пойдет речь. Мало кто не знает, что на Карельском фронте при наступлении частей Красной Армии были обнаружены десятки трупов израненных солдат, замученных финскими фашистами. Так, у красноармейца Сатаева финны выкололи глаза, отрезали губы, вырвали язык. У красноармейца Гребенникова они отрезали ухо, выкололи глаза и вставили в них пустые гильзы. Красноармейцу Лазаренко после долгих пыток финны разбили череп и набили туда сухарей, в ноздри вогнали патроны, а на груди раскаленным металлом выжгли пятиконечную звезду⁵⁹.

В дер. Красноперове Смоленской области наступающими частями Красной Армии было обнаружено 29 раздетых трупов пленных красноармейцев и командиров без единой огнестрельной раны. Все пленные убиты ножевыми ударами. В том же районе в дер. Бабаево гитлеровцы поставили у стога сена 58 пленных красноармейцев и двух девушек-санитарок и подожгли стог. Когда обреченные на сожжение люди пытались бежать из огня, немцы их перестреляли. В дер. Кулешовке немцы,

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 125. Л. 79.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1 Д. 28. Л. 65.

⁵⁹ См. РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 157.

захватив 15 тяжелораненых бойцов и командиров, раздели пленных, сорвали с их ран повязки, морили их голодом, кололи штыками, ломали руки, раздирали раны, подвергали иным пыткам, после чего оставшихся в живых заперли в избе и сожгли.

В г. Волоколамске оккупанты запретили красноармейцам, запертым на 5-м этаже дома № 3/6 по Пролетарской улице, выходить из этого дома, когда в нем возник пожар. Всех, пытавшихся выйти или выброситься из окон, расстреливали. В огне погибли и были расстреляны 60 пленных. В 6 километрах от станции Погостье Ленинградской обл. немцы, отступая под натиском частей Красной Армии, расстреляли разрывными пулями после страшных побоев и зверских пыток свыше 150 советских военнопленных. У большинства трупов отрезаны уши, выколоты глаза, обрублены пальцы, у некоторых отрублены одна или обе руки, вырваны языки. На спинах трех красноармейцев вырезаны звезды⁶⁰.

В районе деревень Большая и Малая Влоя десятки пленных, построенные в сомкнутые ряды, в течение четырех суток гонялись гитлеровцами по заминированному полю. Ежедневно на минах взрывались несколько пленных. Этот способ уничтожения военнопленных был предусмотрен приказами германского командования. В приказе по 203-му пехотному полку за № 109 сказано: «Главкомандующий армией генерал-фельдмаршал Рунштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистку минных полей производить русскими пленными. Это относится также и к германским минам»⁶¹.

Приказ по 60-й мотопехотной дивизии за № 166/41 прямо требует массового убийства военнопленных. В приказе говорится: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться вплоть до его полного обезвреживания»⁶².

Какими словами можно назвать то, что творили гитлеровцы? Думается, что это было самое настоящее **зверство, преступление над людьми. Солдаты это были или офицеры — это не важно. Важно, что это были живые люди. Не будем об этом забывать, будем помнить.**

Будем помнить блокаду Ленинграда, когда шла плановая осада города с уничтожением его жителей голодом и обстрелами. В 1941 г. путиловцы обратились с письмом ко всем ленинградцам. А письмо заканчивалось такой фразой: «Скорее смерть испугается нас, чем мы смерти». В 1941 г., когда отдельные танки прорвались почти в завод «Красный путиловец», эти слова казались клятвой. За 900 дней блокады фашисты сбросили на Ленинград 107 тыс. фугасных и зажигательных

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 158.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 159.

⁶² Там же.

бомб и обстреляли город 150 тыс. тяжелых артиллерийских снарядов. В результате бомбежек и артобстрелов были убиты, соответственно, 16 747 и 33 782 человека, умерли от голода 641 тыс. человек⁶³. «Пожалуй, нигде немцы не проявили такой бешеной жадности к уничтожению, как здесь», — комментировал А. Верт действия гитлеровских войск, пытавшихся огнем и голодом уничтожить Ленинград и его жителей⁶⁴.

Гитлер, не ожидавший того, с чем столкнулись его войска, отдал приказ, согласно которому, никого из жителей Ленинграда в плен не брать, во-первых, и во-вторых, город после взятия стереть с лица земли, т.е. затопить. Но этим планам не суждено было исполниться. В феврале 1944 г. была снята блокада Ленинграда. Английский журналист Александр Верт считал, что «сражения под Ленинградом носили настолько ожесточенный характер, что в первые дни русские брали очень мало пленных немцев. У немцев настолько нечиста совесть, что они боятся быть взятыми в плен», поэтому не удивительно, что после снятия блокады пленные гитлеровцы испытывали ужас при словах, что их отправляют в Ленинград⁶⁵. Выступая по радио из блокадного Ленинграда, Ольга Берггольц говорила: «...Интересная история. Чем больше немцы терзали Ленинград, чем больше обстреливали его, тем больше они начинали его бояться». Подтверждением этому было то, что пленные немцы кричали: «Я не стрелял по Ленинграду»⁶⁶.

Известно, что цели Третьего рейха состояли не только в захвате и ликвидации СССР как государства. Ставилась цель гораздо шире: порабощение и истребление огромных масс славянских и других народов, которые, по мнению германских идеологов и теоретиков, являлись «низшей расой». 1 сентября 1939 г. стало очевидно, что цель фашистской Германии — завоевание мирового господства, порабощение народов, полное истребление всех сил, противостоящих введению «нового порядка». Гитлер считал, что «славянская человеческая масса, как расовый отброс, недостойна владеть своими землями, — они должны отойти в руки германских господ, а славяне — собственники земель — превращены в безземельных пролетариев». Не останавливаясь на этом, Гитлер планировал систематически в течение долгих лет делать все, чтобы остановить рождаемость славян, считая, что никто не может оспаривать это его «право».

Одновременно с этим оккупанты вели планомерное разрушение советских городов и деревень, уничтожая жилища, школы, больницы, музеи, театры, разные общественные здания, оскверняли и уничтожали исторические и культурные памятники. «...Уничтожение советских городов и деревень превратилось в особую преступную деятельность

⁶³ Всероссийская книга памяти 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С. 407.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 79.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Л. 76.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 282. Л. 55.

немецких захватчиков на советской территории», — констатировалось в ноте НКВД СССР от 28 мая 1942 г. Методам разрушения были посвящены специальные инструкции, издавались подробные приказы германского командования, создавались отдельные отряды, обученные ремеслу разрушения. Так, из приказа по 512-му немецкому пехотному полку, подписанному полковником Шитнингом, следовало: «...В пунктах, в которых должно быть проведено полное разрушение, следует сжигать все дома, для этого предварительно набивать соломой, в особенности каменные, имеющиеся каменные постройки следует взрывать, в особенности надо также разрушать имеющиеся подвалы»⁶⁷.

В 23 районах Московской области, попавших в зону немецкой оккупации, гитлеровцы сожгли и разрушили 947 школ (из 1220 существовавших в этих районах), 54 детских сада и яслей, 14 детских дома. В Тульской области разрушили все, что было связано с именем Льва Толстого, сожгли школу и, чтобы население не могло тушить пожар, заложили в здание снаряды. Разрушили интернат и библиотеку. При этом немецкий офицер сказал, показывая на грудного ребенка одной из жительниц: «Этот уже не будет говорить по-русски»⁶⁸.

В Сторожевском и Селявинском сельсоветах Давыдовского района Воронежской области до войны было 1300 домов. После ухода немцев осталось только 7 разбитых домов. Всего по Воронежской области фашисты разрушили и сожгли 64 000 жилых зданий. Только по 8 областям Левобережной Украины и в г. Киеве было разрушено свыше 4 млн кв. метров жилой площади, что составляло половину жилого фонда этих областей. В городах Сталино (ныне Донецк), Полтаве, Чернигове было разрушено 2/3 жилого фонда. В 197 районах Украины немцы предали огню 319 000 дворов колхозников. Каждый 4-й дом колхозника был уничтожен⁶⁹.

За время, когда хозяйничали немцы и румыны в «Артеке», лагерю был нанесен значительный ущерб: 29 октября 1943 г. был подожжен Суук-Сунский дворец — лучшее здание пионерского лагеря. Дворец почти полностью сгорел, за исключением подсобных помещений. Были разрушены водолечебница, электростанция, а все оборудование вывезено, так же как и вся киноаппаратура. Взорвана пристань. Уничтожены экспонаты Краеведческого музея, а также вся скульптура лагеря, это до 30 скульптур. Уничтожены пальмы, кипарисы, аллеи разбиты, забиты мусором. Оборудование и весь инвентарь фашистами были вывезены при отступлении⁷⁰. Тем, кто увидел «Артек» после освобождения, было трудно поверить, что все это безобразия могли сделать люди. Да и верно. Это были не люди, это были вандалы, озлобленные, что их планы

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 67.

⁶⁸ Там же. Л. 69.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 2580. Л. 3.

⁷⁰ Там же. Ф. М-1. Оп. 4с. Д. 58. Л. 96.

разрушены, которые действовали по принципу: если не нам, то и вам ничего не останется.

Напомним, что фашистская Германия оккупировала около 2 млн кв. км советской территории, на которой до начала войны проживали 88 млн чел. Были эвакуированы на восток страны, а также призваны в Красную Армию около 15 млн чел. Под власть гитлеровцев остались не менее 73 млн чел., или 37 % всего населения страны. Всего в России подверглось оккупации в той или иной степени 23 области, края и автономные республики (по административно-территориальному делению военных лет). Накануне войны там проживали около 80 млн человек⁷¹.

Ни Гитлер, ни его окружение, планируя войну с Советским Союзом, не скрывали далеко идущих планов о том, чтобы громадную территорию, которую фашистская Германия завоюет, «сделать полезной для Германии». Эрих Кох, как наместник Украины, в своем рождественском послании немецким солдатам в декабре 1942 г. развивал этот тезис, считая, что «мы, немцы, принимаем решения для целых столетий... Я... думаю — о гигантской колонизаторской (поселенческой) работе, которая должна быть выполнена на далеком Востоке.

Здесь имеется территория для всех солдат, здесь имеется место для всех, которые хотят работать и прогрессировать, здесь ожидается проблема действительной исторической величины. Необходимо создать жизненную основу для всех немцев, строить наследие для поколений... Мы знаем и глубоко уверены, что вы самые большие победители всех времен и самой тяжелой войны всех времен вернетесь обратно»⁷². Необходимо заметить, что ход последующих военных событий не позволил этим планам реализоваться в действительности. Но планы, озвученные представителями рейха, унесли сотни жизней гражданского населения оккупированных районов всех национальностей.

Из предписаний германского командования, которые надлежало выполнять, настойчиво звучало требование: «Сейчас необходимо вновь подчеркнуть основные задачи, вытекающие из особенностей Восточного фронта. Здесь в неизмеримо большей степени, чем на всех фронтах, следует воспитывать у немецких солдат чувство беспощадности. Никакое проявление мягкотелости по отношению к кому бы то ни было, независимо от пола и возраста, недопустимо...»⁷³

Сроки оккупации районов были различные: несколько дней, несколько недель, другие районы — до трёх лет. По имеющимся данным, на оккупированной территории умерли, в том числе и от непосильного труда, голода, отсутствия медицинской помощи, 8,5 млн человек. Если вычесть из этого числа естественную убыль (6 % населения), рассчитан-

---

⁷¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Стат. исслед. М., 2001. С. 229, 231.

⁷² РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 33. Л. 3, 4.

⁷³ РГАСПИ. Ф. М-4. Оп. 1. Д. 28. Л. 97.

ную для условий мирного времени и составляющую 4,4 млн человек, то число преждевременно умерших от жестокости оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и др.) составило не менее 4,1 млн человек, в т.ч. и детей.

Общее число безвозвратно потерянных жизней гражданского населения на оккупированных территориях и на принудительных работах в Германии составляет больше половины людских жертв Советского Союза за период Великой Отечественной войны (13,7 млн чел. и 26,6 млн чел.).

Потери детей, родившихся в годы войны и тогда же умерших из-за повышенной детской смертности, составили 1,3 млн чел. В соответствии с гитлеровским планом «Ост» всего были преднамеренно истреблены на оккупированной территории более 7,4 млн человек мирного населения, в том числе 216 431 ребенок⁷⁴.

В том числе по России — 1 млн 800 тыс., из них, по неполным данным, более 15 тыс. детей.

Нацистами только на территории Украины было создано более 230 концлагерей⁷⁵. Не меньшее количество таких центров массового геноцида советских людей было создано и действовало на территории России, Белоруссии, Прибалтики. Эти «центры» — страшные фабрики смерти, к сожалению, не так широко известны мировой общественности, как Майданек, Освенцим, Трешлинка, Дахау, Бухенвальд, Равенсбрюк, Заксенхаузен, Алитус, Саласпилс или Резекне.

Когда шла война, эти, как и многие другие, свидетельства были еще не известны миру. Ужасающие факты нечеловеческих зверств и злодеяний над людьми становились известными после публикации нот НКВД СССР, сводок Совинформбюро. Не сразу стала известна массовая карательная акция фашистов против жителей одного мирного городка, которая произошла осенью 1943 г. и является одним из крупнейших нацистских преступлений. Корюковка была центром партизанского движения на Черниговщине. Весной 1942 г. оккупанты сожгли три села — Елино, Мостки и Ключы — и уничтожили свыше 400 чел. А 1—2 марта 1943 г. в этом же районе фашисты за неповиновение им уничтожили более 7,5 тысячи человек. В Сталинской области были уничтожены свыше 200 тысяч человек через расстрелы, повешивание, живых сбрасывали в шурфы шахт. В г. Харькове оккупанты умертвили в душегубках и расстреляли свыше 30 тысяч человек. В Белоруссии только в деревне Клубовке погибли 1500 человек⁷⁶. Все население этой деревни было сожжено заживо. Мировая общественность отказывалась в это

---

⁷⁴ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Стат. исслед. М., 2001. С. 229, 231.

⁷⁵ 50-летие Великой Победы над фашизмом. История и современность. Смоленск. 1995. С. 273—274.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 2580. Л. 5.

верить, настолько изощренными и нечеловечными были изложенные факты преступлений. Эти факты требовали обобщения и проверки.

13 августа 1942 г. Оргбюро и секретариат ЦК ВКП(б), заслушав и обсудив вопрос «О работе на фронтах специальных корреспондентов центральных газет и ТАСС», постановило «принять меры к немедленному исправлению... недостатков в работе корреспондентов на фронте», при этом особое внимание было обращено на необходимость «*обязать все редакции газет и военных корреспондентов обратить самое серьезное внимание на соби́рание и публикацию материалов о зверствах и грабежах немцев на оккупированной ими территории* (курсив мой. — Н.П.)»⁷⁷.

Международная общественность с большим недоверием реагировала на факты гитлеровских зверств. 18 сентября 1942 г. американский журналист М. Хиндус в беседе с председателем правления ВОКСа В.С. Кеменовым обращал внимание на то, что «в США нет ненависти к немцам». М. Хиндус высказал убеждение, что «одной из главных целей пропаганды должно явиться воспитание этой ненависти... В США не печатают информации о зверствах гитлеровцев... В США существует недоверие к рассказам о зверствах с Первой мировой войны»⁷⁸.

В Канаде была аналогичная ситуация. Редактор газеты «Торонто стар» в телеграмме на имя заместителя начальника Совинформбюро А.С. Лозовского осенью 1942 г. сообщал, что редакция газеты «не хочет нарушать пищеварение своих читателей, поэтому и не печатает о зверствах на оккупированных территориях СССР», а также, сообщал редактор, «не интересуемся рассказами о советских детях»⁷⁹. К сожалению, такая позиция была не единичная.

Корреспондент английской газеты «Таймс» Ральф Паркер осенью 1942 г. высказывал мнение, что неправильно, «когда во время встреч и бесед ответственные работники скрывают трудности и говорят только о хорошем. Трудности во время войны не могут не быть, поэтому слишком розовая информация возбуждает в английском читателе сомнения»⁸⁰. Р. Паркер был не одинок в таких суждениях. Но к ним в кругу тех, кто готовил материал для зарубежного читателя, не всегда прислушивались. А отсюда и результат эффективности советской пропаганды. По этому поводу осенью 1943 г. Л. Лемперт, который по своей работе был связан с учреждениями в области пропаганды, в письме М.М. Литвинову писал о чрезвычайной неэффективности советской пропаганды. Лемперт тогда высказал мнение, что она «находится приблизительно на таком уровне, на каком была... экспортная торговля в 1925—1926 гг., когда товары отгружались без учета норм и требований мировых рынков»⁸¹. В какой-то

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 110. Л. 6, 7.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 2а. Д. 7. Л. 133,133 об.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д.86. Л. 42.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 2а. Д. 7. Л. 19 об.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 244. Л. 47.

степени он, может быть, был прав. Но не будем упускать из вида и такой момент, что официальная английская печать была не всегда объективной в изложении фактов. Корреспондент ТАСС в Лондоне сообщал в Москву в ноябре 1943 г., что в английских газетах при публикации доклада И.В. Сталина, сделанного на торжественном заседании в связи с очередной годовщиной Великой Октябрьской революции, был опущен ряд принципиальных мест. К их числу следует отнести такие, как об удержании Красной Армией наступательной инициативы, об ухудшении экономического положения Германии, о перспективах потери фашистами всей Украины, о том, что Германия стоит перед катастрофой. Не было ни слова об истреблении немцами сотен тысяч мирных жителей, опущены слова, что освобождению подлежат Чехословакия, Польша, Греция. Поправки были разосланы 8 ноября и напечатаны только в «Таймс» и «Дейли телеграф энд морнинг пост»⁸². Такой способ информации читателей напоминал усеченную правду как о политике СССР, так и об успехах Красной Армии в борьбе с агрессором.

Безусловно, каждая страна имела свою информационную пропагандистскую политику. Но ведь Великобритания была одной из стран — союзников с Советским Союзом и, очевидно, должна была быть заинтересованной популяризировать его успехи на Восточном фронте. Но в действительности все было наоборот. Великобритания придерживалась политики умеренного освещения и восхваления военных успехов СССР, чтобы было ясно, что без поддержки союзников победа будет достигнута не скоро.

В определенной мере с этим можно согласиться. Но возникает другой вопрос: как информировать читателя, который живет за океаном, о повседневной правде войны с фашизмом, если не писать о ней?! По свидетельству американских журналистов, даже в 1944 г. «американцам очень трудно было понять и поверить в зверства немцев». Один из журналистов, Л. Грулио, объяснял «это тем, что на американскую территорию еще не упала ни одна немецкая бомба»⁸³. Но были и другие страны, куда не падали фашистские бомбы. Интерес проявлялся, но весьма сдержанный. Так, в это же время зав. 1-м Европейским отделом НКВД СССР П.Д. Орлов сообщил, что в Швеции представители социал-демократической прессы «высказали пожелание, чтобы советские статьи, эпизоды с фронта и тыла были бы не особенно острыми против немцев, а материалы о зверствах немцев будут совершенно неприемлемыми»⁸⁴.

В то же время шведская писательница Стринберг просила подобрать ей материал о зверствах в оккупированных районах над мирным населением, пленными, о разрушении памятников культуры и культурных учреждений, о введении приказов, направленных на истребление

---

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 192. Л. 89.

⁸³ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Д. 21. Л. 95 об.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 2а. Д. 7. Л. 127.

граждан СССР и введение рабского труда, и т.д. Писательница хотела «иметь материал самый верный — акты, протоколы, немецкие приказы (без перевода), показания свидетелей, перебежчиков и пленных», чтобы издать их в Швеции»⁸⁵.

Об этой просьбе был проинформирован секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков. Обращает внимание суждение, высказанное по этому поводу заместителем председателя правления ВОКСа И. Зотовым: «Считаю возможным удовлетворить просьбу писательницы Стринберг. В то же время необходимо заняться и нам, с тем чтобы по окончании войны издать такую “черную книгу” или издать по частям, томам, и по мере накопления материалов. Предлагаю поручить эту работу Литагенству»⁸⁶. Это пожелание так и осталось пожеланием. Спустя годы с большим трудом была подготовлена и издана «Черная книга» о Холокосте, о чем уже было сказано выше. В то же время изданные в двух томах документы ЧГК по праву можно считать «Черной книгой» о злодеяниях фашистов на территории СССР.

Интересно отметить, что, согласно материалам радиоперехватов ТАСС и Радиокomiteта за июль 1944 г., в пропаганде союзников почти ничего не говорилось о зверствах и расправах гитлеровцев с мирным советским населением. В этих материалах так же не упоминалось, что в Декларации, подписанной руководителями трех государств антигитлеровской коалиции — Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом, поставлен вопрос «о привлечении гитлеровцев к ответственности за совершенные преступления»⁸⁷.

Но нельзя забывать и то, что в радиопропаганде из Лондона появлялись и трезвые голоса, серьезно оценивавшие обстановку на Восточном фронте. Так, комментатор Патрик Лейси обращал внимание слушателей, что «нельзя забывать того, что Россия является сейчас господином военного положения на Востоке и что она делала больше, чем кто-либо из союзных стран для вытеснения германских войск из Польши и общего разгрома германской военной машины»⁸⁸.

В то же время следует отметить факт о снятии грифа «секретно» в середине 1990-х гг. с группы документов ГАРФ по фонду Р-8581 — Совинформбюро. Среди этих документов интересны директивы союзников по вопросам ведения пропаганды на европейские страны. В центральной директиве союзников из БПИ от 25.04 — 2.05.1945 г. (это, по существу, конец войны) был раздел под № 2. Он назывался «Интерпретация фактов». То, что там написано, заслуживает внимания. Цитируем дословно: «а) Слово **зверства** или какие-либо эквиваленты его, имеющие тенденциозно-пропагандистское значение, следует избегать при общении о голоде, плохом обращении и убийствах. Используйте слово

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-5283. Оп. 2а. Д. 7. Л. 127.

⁸⁶ ГАРФ. Л. 127 об.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2а. Д. 107. Л. 29.

⁸⁸ Там же. Л. 39.

преступления. При сообщении фактов, как бы ужасны они ни были, тон наших передач должен быть трезвый, основываться на фактах беспристрастных и объективных.

б) Поскольку имеется и, к несчастью, будет иметься в изобилии материал, поступающий из районов оккупированных экспедиционными силами союзников, поэтому **следует только упоминать о лагерях, обнаруженных нашим советским союзником, и не следует делать никаких общих сравнений преступлений, совершенных на различных театрах военных действий.**

в) *Даже при сообщении непосредственных фактов моменты следует преподносить в сжатом виде или по крайней мере включать только в последние известия или в кратком изложении новостей»* (курсив мой. — Н.П.)⁸⁹.

Почему надо было делать так? Кого и зачем оберегали от тяжелейшей информации о фашистских преступлениях, от описания ужасов концлагерей и вида освобожденных советских военнопленных и советского гражданского населения, угнанного гитлеровцами в Германию? На этот вопрос хотелось бы услышать ответ самих разработчиков этих предложений. Но ни в прессе, ни в научной литературе пока, т.е. почти 70 лет прошло, это не нашло объяснения.

9 мая 1945 года — День Победы. День, который дал право советскому народу сказать всему миру, что **он, советский народ, и Советский Союз** спасли цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. Спасли, но какой ценой?!

С 22 июня 1941 г. до 6 июня 1944 г. Советский Союз вел войну на своей территории один на один с Германией и всей гитлеровской коалицией. Это «сообщество» ответственно за все преступления и зверства, совершенные в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн. 6 июня 1944 г. союзники открыли второй фронт.

ЧГК проанализировала 54 тыс. актов, свыше 200 тыс. протоколов, полученных с тех территорий, которые подверглись временной оккупации или бомбардировкам фашистской коалиции, и в 1945 году представила документ об ущербе народному хозяйству Советского Союза. В отчете указано 1710 разрушенных городов и 70 тысяч сел и деревень; более 6 млн разрушенных зданий; 25 млн человек, лишившихся крова; 3 млн 800 тыс. разрушенных фабрик и заводов с 4 млн рабочих и служащих; 98 тыс. колхозов; 7 млн лошадей и 17 млн коров и др.

Прямой ущерб народному хозяйству — 679 млрд рублей⁹⁰.

26,6 млн советских людей погибли в 1941—1945 гг.

Не существует такой методики, которая позволила бы оценить тяжесть всех преступлений и зверств, которые испытали советские люди от фашистских агрессоров. Но им нет прощения и забвения.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-8581. Оп. 2а. Д. 141. Л. 2, 3.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 174. Л. 145.

Знать и помнить о преступлениях фашизма — это требование всех, кто сражался с гитлеровской коалицией, к нам, наследникам Великой Победы. Это — вечная память о погибших, даровавшим нам свободу и жизнь.

***

Этот сборник — третий по счету в серии о Великой Отечественной войне, который подготовлен на материалах и документах, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории, и посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Напомним, что праздник Победы (День Победы) установлен Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 8 мая 1945 г. в ознаменование победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Отмечается ежегодно 9 мая.

В 1946 году, в первую годовщину, тоже торжественно отмечался, как и в последующие годы, но день 9 мая оставался хотя и торжественным, но был рабочим днем в стране. В начале 1960-х гг. исполнялись круглые даты: 20-летие начала Великой Отечественной войны (22 июня 1961 г.) и 20-летие разгрома фашистской Германии (9 мая 1965 г.).

В руководстве страны родилась хорошая мысль: достойно отметить эти даты. В связи с этим редакция газеты «Комсомольская правда» в 1961 году обратилась к своим читателям, участникам и свидетелям событий 1941—1945 гг.:

«Дорогие друзья! Мы приглашаем тех, кто с оружием в руках сражался на фронтах с фашистской гадюгой, тех, кто участвовал в обороне наших городов-героев, и тех, кто в тылу ковал победу над врагом, прислать в редакцию свои воспоминания О САМОМ ПАМЯТНОМ ДЛЯ ВАС ДНЕ ВОЙНЫ. Наиболее интересные рассказы будут опубликованы на страницах газеты.

Пишите нам по адресу: Москва, ул. Правды, 24, редакции газеты «Комсомольская правда» с пометкой на конверте «Самый памятный день войны».

В ответ на это обращение начали поступать письма, некоторые из них были напечатаны на страницах газеты.

Когда страна готовилась отмечать двадцатилетие со Дня Победы над фашистской Германией, редакция в январе 1965 г. вновь обратилась к своим читателям. Предлагаем вам текст этого обращения:

«ОТ РЕДАКЦИИ: Дорогие друзья! Скоро — через четыре месяца — мы будем отмечать двадцатилетие со Дня Победы над фашистской Германией.

Готовясь к этой большой дате, «Комсомольская правда» будет широко печатать материалы, посвященные великому подвигу нашего народа в

годы Второй мировой войны, повествующие о героизме, стойкости бойцов и командиров нашей армии, бесстрашии советских партизан, самоотверженных буднях тружеников тыла. Молодое поколение ждет рассказов о мужественных героях — комсомольцах военных лет.

Вот почему сегодня, следуя традиции газеты, мы обращаемся к нашим читателям, участникам войны. Расскажите о самом ярком боевом эпизоде, оставшемся в вашей памяти. Напишите о человеке, который был и остается для вас примером отваги и героизма.

Огромный интерес представляют документы, дневники, записки времен войны, неопубликованные стихи и песни, письма с фронта и на фронт. Мы просим прислать их в газету...

От наших юных читателей мы ждем вестей о розыске героев, о поисках и находках реликвий военных лет.

Наиболее интересные из присланных материалов будут опубликованы на страницах “Комсомольской правды”, а затем изданы отдельной книжкой. Все документы будут переданы в Музей Советской Армии».

После этих публикаций начали регулярно поступать письма.

В «Предисловии» к вышедшим ранее сборникам этой серии мы уже писали, что их авторами были те, кто шагнул в грозные бои чуть ли не со школьного урока. В данном сборнике использованы письма тех, кто на себе испытал, что такое первый бой, плен, что значит помощь верных друзей в тяжелые минуты жизни. Для молодежи война представлялась совсем иной, чем оказалась в действительности. Многие из них военкоматы отказывали, потому что им не было 18 лет. И их из-за возраста не имели права призывать в действующую армию.

О тех, кто ушел воевать, защищать свою Родину, можно говорить, что именно о них впоследствии писал поэт-фронтовик К. Ваншенкин, что они были «рыцари без страха и упрека». Это они, уцелев в боях с врагом, пройдя плен и фашистские концлагеря, остались живыми и считали своим долгом рассказать и описать события и подвиги своих товарищей по оружию, и в первую очередь тех, кто остался на полях сражений, кто погиб в фашистских лагерях. Рассказать о тех, кто даже в концлагерях пытался вредить врагу. Это о них можно сказать словами М. Алигер:

У каждого была своя война,
Свой путь вперед, свои участки боя,
И каждый был во всем самим собою,
И только цель была у всех одна.

После Великой Отечественной войны, когда ее участников спрашивали, какими воспоминаниями они хотели бы поделиться со своими товарищами по работе, один из них напомнил слова писателя Бориса

Агапова, сказанные в разгар войны, в 1943 г.: «Как бы сделать так, чтобы те, кто войдут в жизнь позже нас, знали бы не только по учебнику, какие были победы, а сердцем знали, каких несчастий стоила их жизнь. Что сделать, чтобы вложить в их сознание это с такой же силой и видимостью, как знаем все это мы — свидетели войны. Это нужно не для благодарности и не к прославлению нас, а чтобы понимали они, по какой земле ходят и сколько она стоила».

Но не будем забывать, что многие не хотели вспоминать о том, что с ними случилось в годы войны. Пройдя плен и концлагеря, а затем проверочные лагеря, эти воины испытывали чувство стыда за то, что с ними случилось, за то, что многие им не верили или не хотели верить и понимать их. Поэтому их воспоминания в письмах — это боль сердца, это крик души, это просьба к читателю понять их. И самое главное — в этих воспоминаниях звучит горячее желание рассказать не только о себе и о своей беде, а звучит желание рассказать о тех, кто не дожился до Победы, кто ушел в вечность через печи крематориев или спит в земле без всякого надгробия, и никто не знает, кто он и откуда.

В «Предисловии» вышедших сборников (тиражи которых чудовищно малы) мы обращали внимание на то, что авторами писем двигало желание не только вспомнить или напомнить о трудностях военных лет. Авторам писем-исповедей хотелось также создать представление о том, как отразилась война на их судьбах. В той или иной форме высказывалось многократно мнение (от рядового до генерал-майора в отставке), что «необходимо писать не только о здравствующих и ныне Героях минувшей войны. Хотелось бы... вспомнить о тех, кто героически сражался в годы войны и сложил свои головы на поле брани, кто не дожился до победного конца. О тех, могилы которых не сохранились или затеряны по различным причинам».

Речь идет о так называемых маленьких героях, чья грудь при жизни не была украшена соответствующими знаками отличия, о многих героях военных будней долгое время молчали, потому что у них за плечами был «военный грех», а именно — был плен. Бывшие советские военнопленные тоже писали в редакцию газеты «Комсомольской правды». Но их писем по определенным причинам не печатали. Никого не волновало, что испытывали эти люди в душе. Ведь у них были семьи или создавались новые семьи, рождались дети, а те ребята, которые были постарше, спрашивали «Что ты делал на войне? Почему у тебя есть шрамы, а нет награды?» — и др. Письма, полученные редакцией и вводимые сейчас в исторический оборот знаний, — это подлинные документы военного периода. Этим письмам можно и нужно верить. Чем больше людей ознакомится с ними, тем яснее станет многое из того далекого военного времени, о котором некоторые не хотят вспоминать и говорить: оно слишком тяжелое незабываемое прошлое в жизни каждого.

Публикуемые материалы — письма из архива газеты «Комсомольская правда» — дают бесценный материал в изучении такой фундаментальной проблемы, как «человек на войне». Авторы писем в своем преимущественном большинстве участники Великой Отечественной войны — солдаты и офицеры.

«Мы, — писал младший лейтенант запаса Е.А. Новоселов, — были в таком возрасте, когда страшно беспокоит ответственность за будущее, когда мучительно размышлять о выборе жизненного пути, ищешь смысл жизни. Но нашему поколению не было дано терзаться раздумьями. Шла война, и каждый рвался на фронт. Мы были романтики... и нам казалось, что подвиг — это что-то красивое, вдохновенное и творят его люди с удивительной легкостью, словно поют звучную песню».

Время создания публикуемых документов имеет два временных предела. Это 1941—1945 гг. и 1961—1965 гг., что делает их особенно важными для понимания описываемых событий. Этот сборник — коллективный письменный памятник минувшей войны. Он представляет в своей основе две большие группы документов. В одну из них входят официальные документы и воспоминания, созданные по живым следам событий 1941—1945 гг. Во вторую группу входят письма-воспоминания, поступившие в редакцию газеты «Комсомольская правда» в 1961—1965 годах. Имея свои временные особенности, они ни в коей мере не противоречат друг другу, а как бы добавляют видение того, что было в годы Великой Отечественной войны. Лаконичность рассказов, а в ряде случаев, наоборот, излишняя детализация описания событий, что объясняется желанием поделиться тем, что с ними случилось, попытка найти ответы на волнующие вопросы только усиливают эмоциональное восприятие документов. Однако при чтении этих воспоминаний у читателя не возникает недоверия к рассказу собеседника из далекого военного времени, ты ему **веришь**.

То же самое испытываешь к письмам-воспоминаниям, которые пришли в 1961 и 1965 годах.

К 1965 году прошло 20 лет с окончания войны, это — немало. Но даже самым старшим из основной массы участников войны было лишь немного за 50 лет, когда они взялись за перо. Память была еще свежа, еще не утихла боль потерь, желание вспомнить погибших и их подвиги, рассказать о пережитом, защитить и наградить несправедливо забытых, попытка восстановить справедливое отношение к тем, кто прошел плен и немецкие концлагеря.

В своих письмах люди «сняли тяжесть с души», обратившись с письмами-воспоминаниями в уважаемую газету, стремясь зафиксировать, довести до сведения нужных «инстанций» свою боль, гордость за свои военные подвиги, давали самостоятельную оценку событий. Безыскусные рассказы рядовых участников событий создают картину поистине народной войны, народных страданий и всенародного подвига.

Они написаны без оглядки на цензуру. В этом их преимущество перед более поздними мемуарами.

Публикуемые материалы — документы и письма, присланные в газету «Комсомольская правда», — дают представление о том, как отразилась война на судьбах людей. Материалы сборника помогут в изучении такой фундаментальной проблемы, как «человек и война».

В сборник включены также письма тех, кто в войну был ребенком, кто чудом остался живым в период временной оккупации, кто сумел, а точнее, кому помогли выжить в концлагерях.

Почти все документы имеют ряд общих черт. Это позволяет обобщить их содержание, опустить в большинстве случаев текст с описанием погоды 22 июня 1941 г. и 9 мая 1945 г., здравицы в адрес руководителей государства в 60-е гг., призывы к борьбе с американским империализмом, чаяния о скором построении коммунистического общества и т.д. В таких случаях опущенные фразы отмечены отточием, но не имеют комментариев. Это касается и обычной в конце писем, характерной для 1960-х гг. активной риторики, протеста против войны во Вьетнаме, угрозы миру со стороны империалистов и т.д.

Однако такое хорошее начинание, как публикация писем с воспоминаниями о событиях прошедшей войны, продолжалось недолго и носило характер предпраздничной кампании, связанной с 20-летием Победы. Многие интересные письма и дневниковые записи не заинтересовали работников газеты. Авторам таких писем отсылали размноженный, формальный ответ: *«Уважаемый тов. (далее ф.и.о.)! Извините за задержку с ответом... Ваш материал представляет интерес для газеты, мы внимательно ознакомились с ним. Понятно, что все присланные воспоминания (а их было св. двух тысяч) опубликовать не представилось возможным. Вот и Ваш материал был вытеснен другими.*

Еще раз спасибо за внимание.

С приветом!

Зав. военно-физкультурного отдела (подпись).

Не беремся анализировать чувства, какие испытывали авторы — солдаты Победы, получая такие формальные отписки тех «работников газеты», которые не знали, что такое Война. Редакция не вернула большинству авторов их военные фотографии и письма с фронта, доверительно присланные в «Комсомольскую правду», и не выполнила обещания издать их отдельной книгой. Через 45 лет наш сборник пытается исправить ошибки прошлых лет.

Впервые большинство из полученных и неопубликованных ранее писем вошли в сборники «Самый памятный день 1941—1945 гг. Письма-воспоминания» и «Война глазами детей. Свидетельства очевидцев», изданные в издательстве «Вече» в 2010 и 2011 годах общим тиражом 3 тысячи экземпляров, что является каплей в море для тех, кто хранит

память о Великой Отечественной войне. Данный сборник — третий из серии, посвященной 70-летию Великой Победы.

В 1961 году редакция газеты «Комсомольская правда», приглашая участников Великой Отечественной войны к написанию воспоминаний о годах войны, была в то же время предельно осторожной, публикуя материалы. Во многом работал инстинкт самосохранения: как бы чего ни вышло. Старались печатать интересные материалы, но при этом придерживались определенных внутренних правил, а именно — предпочтение отдавали тем авторам или их героям, которые были уже в какой-то мере известны. Остальным, а их было великое множество, отсылали стандартный ответ, меняя только фамилию автора и адреса. Так было и с П.С. Казеем. Он, бывший узник Дахау, после войны проживал в Брестской области, в г. Пружаны. Узнав из газеты об обращении написать в редакцию воспоминания о войне, о своих друзьях, отправил в Москву свой текст. И... от зав. военно-физкультурным отделом газеты получил ответ следующего содержания:

«Уважаемый тов. Казей!

Извините за задержку с ответом.

Получив ваш материал, мы предполагали использовать его в юбилейном номере, посвященном Дню Победы. Однако планы редакции изменились — другие статьи, корреспонденции и заметки заняли газетные полосы, и опубликовать Ваш материал не представилось возможным.

С приветом!

Зав. военно-физкультурным отделом

(С. Тосунян).

В ответ на эту отписку под № 61 417 от 15 мая 1961 года Павел Степанович Казей высказал свое мнение, в котором звучали обида и непонимание:

«Уважаемый товарищ Тосунян!

Ваш ответ я получил, в котором Вы сообщаете, что мой материал Вам напечатать в газете не представляется возможным, так как юбилейный номер газеты к Дню Победы был наполнен, хотя мой материал Вы и подготовили к печати (так я понял с Вашего письма). Мне кажется, что для этого материала не обязательно день с датой Дня Победы. Думается, что в свете событий раскрытия бывших палачей одного за другим в Западной Германии и суда над Эйхманом в Израиле — это делает мой материал každодневным.

К тому же 10 июня будет 16 лет, как на Родину возвратились уцелевшие узники концлагеря Дахау. Этот день всегда отмечается секцией военнопленных Советского комитета ветеранов войны, а в 1957 году секцией было принято специальное обращение к бывшим заключенным концлагеря Дахау. (Смотрите “Правду” от 11 июня 1957 г.) Я думаю, для этой статьи 10 июня (так в документе. — Н.П.) подходящий. Время от времени, встречая бывших заключенных концлагерей Дахау, задается

первый вопрос: “А что теперь в бывшем концлагере Дахау?” Этот вопрос интересует всех. Мне кажется, из моего материала Вы хотя бы могли выбрать эту тему и написать.

Казей».

Особенностью публикаций на страницах газет в 60-е годы да и позже было то, что печатались письма только тех авторов, чьи фамилии не вызывали никаких вопросов, а также публиковали статьи и письма о павших героях. Это, в свою очередь, породило ряд вопросов со стороны читателей, обращений с просьбами, отказать в исполнении которых было невозможно. Как иллюстрацию к сказанному выше, обратим внимание читателей на письмо Юрия Барвинка из г. Караганды с описанием злодеяний на Ровенщине, в селе Балашовке, где его застала война. Он был настолько мал, что не запомнил, в каком году было то, что запечатлела его память: казни его односельчан, затем смерть матери. В конце письма автор просит: «Прошу, напечатайте это. Пусть люди знают, что делали фашисты там, где их партизаны били каждую ночь и из-за каждого угла». «Прошу напечатайте...» — такая просьба во всех поступивших письмах.

Общим являлось также желание «от живых и мертвых поблагодарить за спасение, за человеческое сердце и их бесстрашие перед немцами из-за нас», как написала Н.К. Дейнеко из г. Челябинска. В письмах также просили помнить о тех, кто попал в плен, о тех, кого расстреливали или сжигали живьем, и при этом никто не знал фамилии и имени погибших. «Мы, оставшиеся в живых, обязаны сделать все, чтобы их подвиги стали достоянием всего нашего народа, а могилы — священным местом», — это общее пожелание для тех, кто писал в газету, и об этом идет речь в письмах, которые включены в данный сборник.

Мы привели эти выдержки из писем, которые свидетельствуют о сопереживании судьбам, семьям не известных им воинов Отечества. Тяжелые годы войны закладывали в людях чувство сопричастности к радости и бедам страны. Думается, что об этом стоит помнить и учить молодое поколение XXI века.

* * *

Хронологические рамки сборника 1941—1945 гг.

Выявление документов и материалов проводилось в Российском государственном архиве социально-политической истории по фондам Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) — Ф. 17. Оп. 125; Центрального комитета ВЛКСМ — Ф. М-1, Антифашистского комитета советской молодежи — Ф. М-4, по материалам выставки «Комсомол и молодежь в годы Великой Отечественной войны» — Ф. М-7, по фонду редакции газеты «Комсомольская правда» — Ф. М-98.

Из большого числа выявленных документов в сборник включено 137 документов и материалов, из которых 130 публикуются впервые. Повторные публикации (см. раздел 1) вызваны важностью документов для освещения темы и давностью их публикаций в предыдущие годы.

Документы разнообразны по своему характеру. Это, в основном, воспоминания времен 1941—1945 гг., официальные документы этого же периода, которые дополняются материалами тех же лет о злодеяниях на временно оккупированной территории, документами-свидетельствами актов о фашистских преступлениях. Если в раздел 1 включены официальные документы 1941—1945 гг., то в разделы 2 и 3 вошли письма-воспоминания, поступившие в редакцию газеты «Комсомольская правда» в 1961 и 1965 годах. Ряд писем этих разделов были опубликованы в двух сборниках этой серии, опубликованных в 2010 и 2011 годах, о которых шла речь выше. Принимая во внимание, что тиражи этих сборников мизерные, а документы необыкновенно интересные, мы сочли возможным их включение в данный сборник.

Особенностью сборника является прежде всего то, что включенные в его состав письма-воспоминания долгие годы ждали своей очереди, чтобы увидеть свет. Несколько десятилетий они лежали в архиве газеты «Комсомольская правда», а затем были переданы в РГАСПИ, где и хранятся. Письма-воспоминания извлечены в результате изучения 94 дел, около 2 тыс. писем, свыше 22 тыс. листов. Для публикации были отобраны письма, которые можно было прочесть, потому что многие написаны карандашом и неразборчивым почерком, потерты на сгибах листов.

Публикуемые документы разнообразны. Среди них маленькие письма, на 1—2 страницы, и воспоминания, изложенные в 3—4 рукописных тетрадах. Получены были не только письма, но есть и стихи, рассуждения о цене Победы, есть истории поиска или просьба помочь найти фронтовых друзей, своих родственников, жалобы на неустроенность в послевоенной жизни и просьбы помочь найти награды, к которым они представлялись за героизм и самоотверженность в ходе боевых военных действий.

При отборе документов из общего количества поступивших писем предпочтение отдавалось тем, которые содержали конкретные описания событий, лиц, мест действия, а не просто пусть и очень правильные, но общие, «лозунговые» фразы, рассуждений.

В первую очередь отбирались письма о событиях, не получивших ранее должного освещения по идеологическим соображениям, письма, которые в мельчайших деталях восстанавливали детали того или иного боя, характер бойцов и командиров, личные переживания авторов. Практически все письма были написаны людьми, которые ранее никогда не обращались в органы печати, не всегда излагали свой рассказ ясно и даже были просто малограмотными, что не снижает ценности сообщаемых ими сведений..

Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой **оригинальную публикацию**, потому что в него **впервые** включены официальные документы времен войны и письма-воспоминания, написанные в редакцию газеты «Комсомольская правда» в 1961 и 1965 гг., дневники 1941—1942 гг. Официальные докладные записки, акты ЧГК дают страшные общие данные, совершенные на временно оккупированной территории Советского Союза в 1941—1944 гг. И все это не просто цифры и отдельные факты. *Через эти документы проходят судьбы людей, проходит жизнь оккупированных районов СССР. А письма-воспоминания, которые были получены через годы, свидетельствуют о том, что ничто не забыто, никто не забыт и что надо делать все возможное, чтобы прошлое не повторилось. Надо учить народ помнить, что было...*

С целью наилучшего и наиболее полного восприятия содержания документы в первом разделе объединены по принципу хронологии, в соответствии с основными этапами Отечественной войны, в последующих двух разделах — документы-воспоминания авторов расположены в алфавитном порядке. Сборник состоит из предисловия, пролога, трех разделов, эпилога, приложения, списка сокращений.

Археографическая подготовка документов проведена в соответствии с общепринятыми правилами издания исторических документов. Ряд документов дан в извлечениях. Передача текстов документов осуществлена с сохранением стилистических и языковых особенностей, исправлены только грамматические ошибки, особенно это касается перевода трофейных документов. Общепринятые сокращения внесены в список сокращений. В квадратных скобках восстановлены сокращения, не являющиеся общепринятыми. Понятные и не имеющие двойного толкования сокращения оставлены без раскрытия.

Об авторах (с правой стороны в конце письма) даются общие для всех сведения: фамилия и город. Слева: дата (если она стоит в письме или на конверте), номер дела, лист.

Заголовки к документам составлены с учетом научно-популярного характера публикации и рассчитаны на массового заинтересованного читателя. Заголовок каждого документа (за редким исключением) выражается цитатой из самого документа, которая наиболее полно выражает смысл обращения автора в газету с письмом.

Вид документа указывается, так как не все публикуемые *документы* — письма в редакцию газеты «Комсомольская правда».

Практически все письма-воспоминания представляют рукописный текст. В редких случаях (ок. 10 %) имеется машинопись, сделанная автором или по его просьбе. В этих случаях «подлинность» фактического материала подразумевает наличие автографа подписи.

В приложении к сборнику даются сохранившиеся в РГАСПИ тексты двух дневников немецких офицеров — К. Бранда и Г. Шварца

(1941–1942 гг.) – и свидетельства советских репатриантов (по материалам пересыльного пункта ССП 17).

К сборнику составлен *научно-справочный* аппарат, состоящий из предисловия (историческая и археографическая части), примечаний по тексту, списка сокращений и оглавления.

Выявление, отбор, археографическое оформление документов по сборнику осуществлены д.и.н. Н.К. Петровой (ответственный составитель). В первичном выявлении ряда документов по Ф. М-98 принимала участие к.и.н. Е.М. Болтунова.

На различных этапах подготовки сборника техническую помощь в работе оказали главные специалисты РГАСПИ – Д.А. Александров и Г.М. Токарева. Компьютерная версия документов раздела 1 сделана специалистом 1-й категории М.Д. Моллот.

Создание сборника было бы невозможно без организационной и научной поддержки в ходе работы заместителя директора РГАСПИ к.и.н. В.Н. Шепелева.

За консультации и конструктивные советы, высказанные в ходе подготовки рукописи сборника к изданию, составители признательны известным общественным деятелям Российской Федерации: кандидату педагогических наук Л.К. Балясной и бывшему Первому секретарю ЦК ВЛКСМ, Чрезвычайному послу Е.М. Тяжельникову.

Не могу не сказать слов благодарности за спонсорскую поддержку в издании этой книги своему сыну Борису, отец которого был солдатом Великой Отечественной войны.

Нина ПЕТРОВА,
доктор исторических наук

Март 2012 г.

г. Москва

ПРОЛОГ

Я НЕ ПРОЩАЮ

...Я никогда не забуду и уверен, что не найдется в нашей стране человека, чтобы он мог забыть все зверства, изобретаемые для уничтожения людей этими фашистскими извергами.

Разве можно забыть: убитых детей на улицах Харькова, повешенных на балконах и замученных в застенках, и тысячи расстрелянных безвинных советских граждан.

Кто из харьковчан забыл Совнаркомовскую улицу, там находилась тюрьма, которую в феврале месяце 1943 года фашисты сожгли, а тысячи находившихся там наших людей сгорели.

А Орловская тюрьма, где умерщвлено несколько тысяч человек, причем большинство из них погибли от голода.

А величайшая трагедия Вадинского леса, где гитлеровские изверги расстреляли стариков, женщин и детей (даже грудных), а потом сложили в кучу, облили бензином и подожгли.

А под Вильнюсом на Панарах за три года эти убийцы расстреляли около ста тысяч евреев.

А «Гросс-Лазарет» в городе Славута Каменец-Подольской области, где этими «чистокровными» арийцами уничтожено всякими зверскими способами сто пятьдесят тысяч раненых советских военнопленных.

А «Бабий Яр» под Киевом, какое преступление может сравниться с этим зверством.

А концлагерь Бельзен, где уничтожено десятки тысяч ничем не повинных людей и причинами смерти были: голод, пытки и расстрелы, именно там давали заключенным пол-литра «супа» один раз в 10 дней.

А Руссен-лагерь № 344, расположенный около города Ламсдорф, где фашисты приговорили (за свои неудачи на фронте) всех военнопленных к голодной смерти и тысячи людей погибли от истощения.

А злодеяния немецко-фашистских захватчиков в городе Минске, где за время оккупации уничтожено около полумиллиона советских граждан.

А Люблинский лагерь уничтожения «Майданек», что может сравниться с этим комбинатом смерти, куда в ворота зашли два миллиона человек и не вернулись.

А лагерь в городе Освенцим, где путем расстрела, голода, отравлений и истязаний фашистские ублюдки истребили около 5-ти миллионов граждан всех стран Европы, из которых большая половина были Советскими⁹¹, где только в течение суток сжигали 10–12 тысяч трупов.

А десятки других лагерей смерти.

А город Жиздры, где не осталось ни одного дома, фашисты предварительно обливали каждое здание бензином, а потом поджигали и подрывали толом, а всех или почти что всех жителей расстреляли.

А миллионы насильственного угона в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан, из которых сотни тысяч домой не вернулись, а погибли от лишений мук на чужбине.

А тысячи разрушенных и сожженных городов и сел, от которых остался только пепел и груды битого кирпича.

Разве можно все это забыть?

Я не видел, как эти изверги убивали ударом сапога в живот.

Я не видел, как эти фашистские палачи убивали заключенных ударом палки по затылку.

Я не видел, что эти волки подвешивали заключенных за связанные назад руки.

Я не видел, как эти вандалы кидали живых людей в печи крематориев.

Я не видел, как эти изуверы — немецкие дикари отнимали грудных детей у матерей от груди и на глазах убивали о стенку.

Я не видел (и не дай бог видеть), как фашистские людоеды отбирали маленьких детей у матерей и на глазах разрывали, брали рукой за одну ножку, на другую становились ногой и таким образом разрывали ребенка.

Я всего этого не видел — но это было! Зато я видел: разрушенные, ограбленные и сожженные наши города и села.

Я видел полные колодцы убитых детей (Сталинская обл., 1943 г.).

Я видел тысячи трупов солдат разных возрастов.

Я видел ходячие скелеты, обтянутые кожей людей.

Я видел повешенных на телеграфных столбах и деревьях советских мирных граждан.

Я видел то, что видели миллионы людей: голод, холод, всякие лишения и на каждом шагу смерть и смерть, и все это по вине этих горе-завоевателей, этих мракобесов, этих дикарей, в жилах которых течет «голубая» кровь.

Я видел десятки тысяч сирот, матерей и вдов, которые и по сей день оплакивают своих родных и близких, погибших во время войны, в слезах которых можно было бы утопить всех нацистских преступников.

---

⁹¹ Написание слова с заглавной буквы — так в документе.

Я видел печи крематория «Майданека» и горы пепла от сожженных трупов людей.

Я видел концлагерь около города Фюстенберга, со всеми его «достопримечательностями»: 4-метровой стеной, несколько рядов колючей проволоки под током высокого напряжения, сторожевыми вышками, дотами и дзотами, а в середине, как символ лагеря, крематорий. Я именно там видел около дверок печей крематория обгоревшие, но не успевшие полностью сгореть конечности человека.

Я видел там склад, в котором сложены штабелями до самого потолка бумажные мешки, в которых находился пепел от сожженных трупов.

Я именно там видел под навесом огромные яруса носильных вещей, всяких видов и размеров, бывших в употреблении, а рядом горы (да, да, именно горы) разной мужской, женской и детской обуви.

Я там видел полные подвалы (канцелярии концлагеря) документов, принадлежащих уничтоженным в этом лагере гражданам.

Я там видел кругом лагеря десятки громадных могил, где похоронены тысячи узников, которых не успели сжечь.

НЕТ меры и нет края возмущению, кровь стынет в жилах при одном только воспоминании, какие только зверства творили эти павшие до уровня диких зверей гитлеровские бандиты...

Советский народ никогда не руководствовался чувством мести в отношении Германского⁹² народа, мы сочувствуем и активно помогаем всем тем немцам (и другим народам), которые желают с нами жить в мире...

М.Е. ГАЛАКОВ

2 мая 1965 г.,

г. Фрунзе

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 12. Л. 82—86. Подлинник.

---

⁹² Написание слова с заглавной буквы — так в документе.

Раздел I

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

№ 1

Секретное предписание командования одной из германских армий — «О поведении войск в восточном пространстве» от 10 ноября 1941 г.⁹³

Командование Армии

Штаб армии 10.10.1941

Секретно!

СОДЕРЖАНИЕ: О поведении войск в Восточном пространстве. Относительно поведения войск по отношению к большевистской системе существует весьма часто еще неясное представление.

Существеннейшей целью похода против еврейско-большевистской системы является полнейшее разрушение аппарата господства и выкорчевывание азиатского влияния в европейском культурном кругу.

Исходя из этого, перед войсками возникают задачи, которые выходят за пределы традиционного одностороннего солдатского духа. Солдат в восточном пространстве — это не только боец по правилам военного искусства, но носитель неумолимой народной идеи и мститель за все зверства, которые были причинены немецкой и родственной ей народности.

Поэтому каждый солдат должен обладать полным пониманием необходимости жестокого, но справедливого возмездия по отношению к еврейскому подчеловечеству. Его задачей является подавлять в зародыше всякие восстания в тылу немецкой армии, которые, как показывает опыт, всегда разжигаются евреями. Все еще отсутствует понимание серьезного значения борьбы с противником в тылу. Все еще продол-

---

⁹³ Данное предписание было обнаружено среди штабных документов разгромленного 328-го полка 227-й пехотной дивизии вермахта и направлено 9 февраля 1943 г. начальником Политуправления Ленинградского фронта генерал-майором Г.И. Куликом члену Военного Совета фронта секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову. На сопроводительной записке к предписанию есть пометы: «Нач. ПУР ККА тов. Щербакову. Не следует ли использовать, как похабнейший документ, прямо ориентирующий на убийства, грабежи населения». Жданов. 10.02.43 г. Ниже стоит помета: «Использовано в специальном сообщении Совинформбюро 15.01.42 г. (Приказ Рейхенау). Инстр [уктор] УПА ЦК ВКП(б) А. Сушков».

жают брать в плен коварных жестоких партизан⁹⁴ и выродившихся баб, все еще продолжают обращаться с убийцами из-за угла, одетыми в полувоенную, иную и полугражданскую форму, и бродягами, как с порочными солдатами, и отводят их в лагеря для военнопленных. Да, пленные русские офицеры рассказывают с усмешкой, что советские агенты⁹⁵ шляются безнаказанно по улицам и часто едят на немецких полевых кухнях. Такое поведение часто можно объяснить лишь полным отсутствием мысли, но это значит, что для начальника наступило время пробудить понимание значения современной борьбы.

Питание местных жителей и военнопленных, не находящихся на службе в германской армии, на полевых кухнях является такой же плохо пошитой человечностью, как и раздаривание папирос и хлеба. То, в чем родина, испытывая большие лишения, отказывает себе, то, что руководство с величайшими трудностями доставляет на фронт, не должно раздариваться солдатом врагу, даже в том случае, если это происходит из трофеев. Трофеи — это необходимая часть нашего снабжения.

При своем отступлении советы часто поджигают здания. Войска лишь постольку заинтересованы в работах по тушению, поскольку должны быть сохранены необходимые для размещения войск помещения. Во всем остальном уничтожение символов былого большевистского владычества, даже в виде зданий, входит в задачи истребительной войны. Ни исторические, ни художественные соображения не играют при этом в восточном пространстве никакой роли. В отношении сохранения важных военных сырьевых материалов и промышленных предприятий руководством даны необходимые указания. Полное разоружение населения в тылу сражающихся войск является первостепенной задачей при учете длинных чувствительных коммуникаций⁹⁶. Где можно, следует сохранять и оберегать трофейное оружие и боеприпасы. Если обстоятельства этого не позволяют, следует приводить оружие и боеприпасы в негодность. В случае обнаружения в тылу армии действий отдельных партизан следует прибегать к драконовским мерам. Эти меры следует распространить на все мужское население, которое было в состоянии воспрепятствовать нападениям или заявить о них, безучастность многочисленных якобы антисоветских элементов, вытекающая из выжидательной позиции, должна уступить место четкой решимости активно сотрудничать в борьбе с большевизмом. Кто от этого отказывается, пусть не пеняет, если его будут рассматривать (и) с ним будут обращаться как с причастным к советской системе. Ужас перед немецкими контрмероприятиями должен быть сильнее, чем угрозы шатающихся большевистских последышей.

---

⁹⁴ 25 августа 1942 г. Гитлер издал директиву, которая запрещала употреблять термин «партизаны», «партизанский отряд» и требовала называть их «бандитами».

⁹⁵ Подчеркивания в этом документе и далее сделаны лицами, которым он был направлен.

⁹⁶ Погрешности перевода выделены курсивом. Так в тексте.

Будучи далеко от всякого политического обсуждения будущего, каждый солдат обязан выполнить следующие две задачи:

1. Полное уничтожение большевистского лжеучения советского государства и его армии.

2. Безжалостное уничтожение чужого коварства и жестокости и тем самым обеспечение жизни германской армии в России.

Лишь таким путем мы справимся с нашей исторической задачей освободить от азиатско-еврейской опасности раз и навсегда немецкий народ.

Подпись: ⁹⁷.

При этом прилагается одобренный фюрером приказ командования одной из армий о поведении войск в Восточном пространстве и в расположении корпуса обстоятельства в общем таковы, что солдаты должны быть воспитаны в духе большей твердости.

Снова указываю на следующие пункты:

1. Каждый кусок хлеба, отданный гражданскому населению, недостает на родине.

2. Следует стрелять в любое гражданское лицо, так же и женщин и детей, кто хочет перейти через кольцо блокады вокруг Ленинграда. Чем меньше едоков в Ленинграде, тем длительнее там сопротивление, и каждый беглец способен к шпионажу и партизанщине. Все это стоит жизни немецких солдат.

3. Немецкие автомашины не служат для перевозки русского населения/также повозки/.

Подпись:

генерал-лейтенант⁹⁸.

Копия верна.

*Начальник общей части Политуправления
Ленинградского фронта
капитан Сильверстов*

Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 12—13 об.

Копия с копии перевода с немецкого на русский язык.

№ 2

Докладная записка штурмшарфюрера войск СС Кноппа о проведении операции по расстрелу заключенных концлагеря в г. Бердичеве, адресованная командиру полиции безопасности и СД в Житомире⁹⁹.

г. Бердичев

24 декабря 1942 г.

По вопросу инцидента, происшедшего сегодня при проведении особой бережной операции.

⁹⁷ Подпись в документе отсутствует.

⁹⁸ Подпись в документе отсутствует.

⁹⁹ Публикуемые в сборнике документы № 2—5 на немецком языке были обнаружены при освобождении г. Львова от немецкой оккупации и направлены заместителем наркома государственной безопасности СССР Б.З. Кобуловым в декабре 1944 г. секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Жданову.

Основание: нет.

При проведении назначенной на сегодняшний день особорежимной операции были убиты два сотрудника управления после того, как у них было отнято лицами, подлежащими этой особорежимной операции, оружие — 1 пистолет-пулемет и одна русская самозарядная винтовка. Я не задавал никаких вопросов о происшедшем для того, чтобы не повлиять на показания свидетелей. Я установил из разговоров, что оба сотрудника — СС — унтершарфюрер Пааль и СС — штурман Фольпрехт — не соблюли необходимых мер предосторожности. Перед отправкой назначенных для проведения операции сотрудников управления я указал им на необходимость соблюдения особой осторожности.

По мое предложение — дать дополнительно одного человека — было отклонено под тем предлогом, что в этом нет необходимости, так как будут иметь дело с инвалидами.

Для расследования обстоятельств дела я командировал на место инцидента СС — ротенфюрер Гессельбах.

Необходимые меры по розыску сбежавших 20 (примерно) заключенных приняты. Для преследования бежавших из стационарного лагеря № 358Н в Бердичеве команда в 20 человек.

Кнопт СС — штурмшарфюрер.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 174.

Копия перевода с немецкого языка на русский язык.

№ 3

Подробная докладная записка штурмшарфюрера Ф. Кноппа и ротенфюрера СС Гессельбаха командиру полиции безопасности и СД в Житомире об уничтожении тяжелораненых советских военнопленных в Бердичевском концлагере

г. Бердичев

24 декабря 1942 г.

По вызову явился СС-штурмшарфюрер и криминал-обер-секретарь Кнопп Фриц, родился 18.II—1897 года в Нойклинце, округ Кеслин. Кнопп Фриц показал следующее:

«С середины августа я являюсь руководителем Бердичевского отделения командира полиции безопасности и СД в г. Житомире. 23.XII—1942 г. заместитель командира гауптштурмфюрер СС Кальбах обследовал местное отделение и воспитательно-трудовой лагерь, находящийся в ведении вверенного мне учреждения. В этом воспитательно-трудовом лагере с конца октября или начала ноября находится 78 бывших военнопленных, которые в свое время были переведены туда из стационарного лагеря в Житомире вследствие не-

трудоспособности». Значительное число военнопленных в свое время было передано в распоряжение командира полиции безопасности и СД. Из их состава в Житомире было отобрано небольшое число до некоторой степени пригодных к труду, а остальные 78 человек были направлены в здешний воспитательно-трудоустройственный лагерь. Как мне помнится, часть военнопленных еще в то время была перевезена на грузовике куда-то поблизости. В дальнейшем проводившиеся отправки военнопленных были прекращены в связи с возражением армии. Я не хочу, чтобы мои слова были истолкованы превратно: армия не столько возражала против этих отправок, сколько выражала желание, чтобы эти военнопленные, будучи расконвоированные и направляемые куда-то, немедленно получали пристанище.

Находившиеся в здешнем лагере 78 военнопленных были исключительно тяжелораненые. У одних отсутствовали обе ноги, у других — обе руки, у третьих одна какая-либо конечность. Только некоторые из них не имели ранения конечностей, но они были так изуродованы другими видами ранений, что не могли выполнять никакой работы. Последние должны были ухаживать за первыми.

При обследовании воспитательно-трудоустройственного лагеря 23.XII—1942 г. СС гауптштурмфюрер Кальбах отдал распоряжение, чтобы оставшиеся в живых, после имевших место смертных случаев 68 или 70 военнопленных, подверглись сегодня же особому, режимному обращению. Для этой цели он выделил грузовую автомашину с шофером — эсэсовцем Шефер из управления командующего, который прибыл сюда сегодня в 11 часов 30 мин.

Подготовку экзекуции я поручал сегодня рано утром сотрудникам местного управления: СС-унтершарфюреру Паалу, СС-роттенфюреру Гессельбаху и СС-штурмфюреру Фольпрехту. Ответственным за проведение экзекуции был назначен мною Фольпрехт. Он взял с кожзавода грузовую автомашину и 8 человек из политической тюрьмы местного управления для рытья могил. При выполнении этой работы присутствовали Пааль и Гессельбах. Установление связи между заключенными, привлеченными к рытью могилы, и бывшими военнопленными, подлежащими экзекуции, было абсолютно исключено. В то время как экзекуция евреев производилась обычно в пределах рабочего лагеря, правда, в месте, укрытом от взоров содержащихся в лагере лиц, для сегодняшней казни я приказал, считая это целесообразным, избрать подходящее место вне лагеря, на пустыре, находившееся за стационарным лагерем.

Об упомянутых выше 3-х лицах, которым я поручал произвести расстрел военнопленных, мне было известно, что они, еще будучи в Киеве, принимали участие в массовых экзекуциях многих тысяч человек. И в местном управлении им, уже в мою бытность, поручались расстрелы многих сотен людей. На основании указанного и ввиду сильной занятости по службе я предоставил этим трем лицам проведение

сегодняшней экзекуции, а ее ответственным исполнителем назначил СС-унтершарфюрер Пааль. Из оружия они имели: немецкий пистолет-пулемет, русскую самозарядную винтовку, пистолет 08 и карабин. Хочу еще подчеркнуть, что я намеревался дать в помощь этим трем лицам СС-гауптшарфюрера Венцеля, но это было отклонено СС-штурманном Фольпрехтом, заметившим при этом, что они втроем вполне справятся с этим делом.

По поводу обвинения:

Мне не пришлось в голову обеспечить проведение обычной экзекуции более многочисленной командой, так как место экзекуции было скрыто от посторонних взоров, а заключенные не были способны к бегству ввиду их физических недостатков.

Приблизительно в 15 часов мне сообщили по телефону из стационарного лагеря, что один из сотрудников моего отделения, выполнявший это особое поручение, ранен и один бежал. Я сейчас же направил на подводе к месту экзекуции СС-гауптшарфюрера Венцеля и СС-обершарфюрера Фрича. Через некоторое время мне вторично сообщили по телефону из стационарного лагеря, что два сотрудника моего отделения убиты. Я сейчас же на случайно прибывшей ко мне в отделение военной машине отправился в стационарный лагерь. Недалеко от лагеря я встретил грузовую машину командного пункта, в которой лежали оба убитых сотрудника. Гессельбах доложил мне о случившемся. Согласно его донесению, он, Гессельбах, производил расстрелы в могиле, в то время как два другие сотрудника несли охрану у автомашины. Когда Гессельбах уже расстрелял 3-х военнопленных, а четвертый стоял возле него, он вдруг услышал выстрелы, раздавшиеся над могилой. Тогда он, застрелив 4-го военнопленного, вылез из могилы и увидел, что военнопленные один за другим разбегаются в разные стороны. Он стал стрелять по беглецам и, по его мнению, застрелил 2-х из них. Я заехал в лагерь и дал распоряжение особенно зорко охранять заключенных. Усилить охрану я не мог, так как в моем распоряжении не было необходимых для этого людей. Из других полицейских органов я также не мог получить людей для подкрепления охраны, так как я знал, что они находятся на операции. На месте, в стационарном лагере, Гессельбах уже распорядился, чтобы команда в составе 20 человек обыскала местность для поимки беглецов. Для их дальнейшего розыска я известил полевую жандармерию, полицейскую жандармерию и железнодорожную полицию. Гессельбах, шофер и оба посланных мною чиновника закопали, как полагается, расстрелянных военнопленных.

Я хотел бы еще указать на то, что изложенный мною инцидент произошел при второй экзекуции. Ей предшествовал расстрел примерно 20 военнопленных, прошедший без инцидентов. Сейчас же по возвращении я доложил об этом по телефону командиру в Житомире.

Ничего больше показать я не могу. Я заверяю, что мои показания вполне правдивы, и мне известно, что ложные показания с моей стороны повлекут за собой наказание и исключение меня из СС.

Подпись:

Фрид¹⁰⁰ Кноп, СС штурмшарфюрер.

Верно:

Кунтце, СС оберштурмфюрер».

Дополнение

Затем по вызову явился СС-роттенфюрер Гессельбах Фридрих, родился 24 1—1909 года, уроженец Фейдингена, из округа Витгейнштейн (Вестфалия) и дал следующие показания:

«Я поставлен в известность о существовании предстоящего допроса. Мне указано, что ложные показания с моей стороны повлекут за собой наказание и исключение меня из СС.

По существу дела: Вчера вечером СС-шарфюрер Пааль сообщил мне, что сегодня я должен принять участие в расстреле военнопленных. Позже я получил также соответствующее задание от СС-гауптшарфюрера Венцеля, в присутствии СС-штурмшарфюрера Кноппа.

Сегодня в 8 часов утра мы, СС-гауптшарфюрер Бергер, СС-унтершарфюрер Пааль, СС-штурманн Фольпрехт и я, поехали на взятой на кожзаводе машине, шофером которой был украинец, на участок, находящийся примерно в 1—1,5 километра за лагерем, с восемью заключенными нашей тюрьмы, чтобы выкопать могилу. При выполнении этой работы украинец шофер стоял от нас на таком расстоянии, что мог видеть нашу работу. По моему мнению, шофер понимал, для какой цели предназначалась эта яма. На обратном пути мы проезжали мимо воспитательно-трудоу лагеря, где Пааль слез с машины, чтобы произвести в лагере необходимые приготовления к экзекуции. По прибытии грузовика с командного пункта г. Житомира я поехал с Фольпрехт в лагерь. У входа в лагерь Фольпрехт, по распоряжению Пааля, вышел из машины. Этим распоряжением Пааль имел в виду скрыть от содержащихся в лагере наши намерения и не выдать эти намерения присутствующим в лагере большого количества сотрудников СС. Поэтому погрузку пленных в машины производили только я, Пааль и еще несколько милиционеров¹⁰¹. Первая группа состояла по распоряжению Пааля почти исключительно из безногих. Я возражал против того, чтобы забирать сначала всех безногих, считая такое распределение неправильным, но Пааль заявил мне, чтобы я в это дело не вмешивался, так как он уже распорядился о таком распределении.

Экзекуция первой группы совершилась без инцидентов. В то время, как Фольпрехт оставался возле могилы, я и Пааль поехали обратно в лагерь, где мы погрузили в машину следующих 28 пленных. Вторая группа должна была состоять прежде всего из людей с ампутирован-

¹⁰⁰ Так написано в документе. Правильно «Фриц».

¹⁰¹ Очевидно, речь о пособниках из местного населения.

ными руками, но, насколько я теперь помню, большинство из них не имело ампутации. И в этом случае я также критиковал неправильное распределение пленных Паалем, на что он мне возразил, что все равно они все калеки. Я все же предупредил его о необходимости соблюдать особую осторожность. По распоряжению Пааля я встал на подножку кабины шофера и следил, держа наготове пистолет, за заключенными, помещавшимися в открытом кузове. Сам Пааль не стоял на подножке по другую сторону, что было необходимо, а сидел рядом с шофером. В то время, как расстрел первой группы был произведен Фольпрехтом из его пистолета-пулемета, расстрел второй группы был теперь поручен Паалем мне. При этом Пааль имел в виду сохранить большую огневую мощь для охраны грузовика при этой более опасной группе. Таким образом, непосредственно возле машины стоял Пааль с русским автоматом через плечо, одетый в толстую шоферскую шубу; Фольпрехт тоже стоял непосредственно у машины, одетый в шинель, с пистолетом-пулеметом в руке. Шофер Шефер стоял на посту наверху, на краю могилы, в то время как я производил расстрел в могиле из моего пистолета 08. Перед спуском в яму я еще раз предупредил Пааля, чтобы он был более осторожен, и посоветовал ему снять шубу для большей подвижности. Я также посоветовал ему держать винтовку наизготове, так как мы здесь имеем дело не с евреями. Пааль никакого внимания не обратил на мое замечание и, наоборот, приказал, чтобы заключенных подводили к яме по одному, т.е. чтобы я и шофер вели сразу двоих к могиле. После того, как я расстрелял первых трех заключенных, я вдруг услышал наверху крик. Так как четвертый заключенный был как раз на очереди, я быстро прихлопнул его и, взглянув затем наверх, увидел, что у машины происходит страшная суматоха. Я и до этого уже слышал выстрелы, а тут увидел, как пленные разбегались в разные стороны. Я не могу дать подробных данных о происшедшем, так как я находился на расстоянии около 40—50 метров. Я только могу сказать, что я увидел моих двух товарищей, лежавшими на земле, и что двое пленных стреляли в меня и шофера из добытого ими оружия.

Поняв, в чем дело, я выпустил оставшиеся у меня в магазине 4 патрона вслед заключенным, обстреливавшим нас, вставил новую обойму и вдруг заметил, что пуля ударила совсем рядом со мной. У меня появилось такое ощущение, будто бы в меня попали, но потом я понял, что ошибся; теперь я объясняю это нервным шоком. Во всяком случае, я расстрелял патроны второго магазина по беглецам, хотя не могу точно сказать, попал ли я в кого-нибудь из них. Только потом мы нашли у грузовика двух убитых заключенных.

Заключенные имели возможность очень быстро скрыться из виду, так как поблизости находились ходы сообщения и окопы стрелков огневых позиций тяжелых пулеметов. Шофер, который, так же как и я, расстрелял все свои патроны и, так же как и я, не был ранен, побежал

вместе со мной к находившемуся поблизости перекрестку дорог, где мы остановили проезжавший грузовик ВВС. На нем мы поехали в стационарный лагерь, где я немедленно распорядился, чтобы 20—25 конвоиров лагеря немедленно направились под предводительством шофера к месту экзекуции для того, чтобы оттуда начать преследование беглецов. Я сам взял винтовку с 50—60 патронами и поехал на грузовике по другой дороге к тому месту, откуда пленные убежали. Однако наши розыски остались безрезультатными. Это я приписываю в первую очередь тому, что фельдфебель, командовавший отрядом розыска, действовал неумело и не следовал моим распоряжениям.

Еще раньше я попросил в стационарном лагере известить о происшедшем данное учреждение. По получении сообщения о происшедшем инциденте на место происшествия прибыли СС-гауптшарфюрер Венцель и СС-обершарфюрер Фрич. Мы вместе бросили двух заключенных в могилу и засыпали их землей. Положив двух наших убитых товарищей на грузовик, мы поехали обратно в отделение. Больше ничего показать не могу.

Подпись:

Гессельбах — роттенфюрер СС.

Верно:

Кунтце — СС-оберштурмфюрер».

Примечание: Иоганн Шефер — шофер командира полиции безопасности и СД в Житомире описывает происшествие точно так же, как и СС-роттенфюрер Гессельбах.

Является по вызову шофер Иоганн Шефер, 8. IV—1908 года рождения, уроженец Амстердама, и, будучи призван говорить только правду и заслужив показания роттенфюрера Гессельбаха, дает следующие показания:

«Показания СС-роттенфюрера Гессельбаха по поводу тех событий, участником которых я был, правильны по всем пунктам.

Я присоединяюсь к ним и больше добавить ничего не могу».

Подпись:

Шефер.

Верно:

Кунтце — СС-оберштурмфюрер.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 175—182 об. Копия перевода с немецкого на русский язык.

№ 4

ДОНЕСЕНИЕ

о расследовании обстоятельств гибели двух сотрудников войск СС во время расстрела советских военнопленных-инвалидов

г. Житомир

27 декабря 1942 г.

При инспектировании 23 декабря 1942 года Бердичевского отделения и подчиненного ему воспитательно-трудового лагеря СС-гауптштурмфюрер Калльбах установил, что в лагере, приблизительно с конца

октября, находится довольно большое число расконвоированных военнопленных, нетрудоспособных вследствие полученных ими на войне ранений. Поскольку из следствия по делам о партизанах известно, что партизанские отряды в первую очередь стремятся к насильственному освобождению военнопленных, далее, поскольку содержание пленных в вышеназванном воспитательно-трудовом лагере не столь безопасно, как в стационарном лагере, существовала опасность, что партизаны во время своей более активной деятельности в рождественские праздники попытаются освободить этих военнопленных. Кроме того, благодаря своей нетрудоспособности военнопленные представляли также значительный балласт для лагеря. Исходя из этого, СС-гауптштурмфюрер Калльбах распорядился, чтобы 24 декабря была произведена экзекуция бывших военнопленных. Ни здесь в управлении, ни в отделении нельзя было установить, по каким именно причинам прежний командир принял этих калек-пленных и отослал их в воспитательно-трудовой лагерь. В данном случае не было никаких данных относительно коммунистической деятельности этих пленных за все время существования советской власти. По-видимому, военные власти предоставили в свое время этих военнопленных в распоряжение здешнего отделения для того, чтобы подвергнуть их особорежимному обращению, ибо они вследствие своего физического состояния не могли быть использованы ни на какой работе.

Итак, СС-гауптштурмфюрер Калльбах назначил экзекуцию на 24 декабря около 17 часов. Начальник Бердичевского отделения СС-штурмшарфюрер Кнопп сообщил по телефону, что при выполнении назначенной особорежимной операции оба работника отделения — СС-унтершарфюрер Пааль и СС-штурманн Фольпрехт — подверглись нападению заключенных и были убиты из их собственного оружия¹⁰². Я получил задание немедленно отправиться на легковой машине в сопровождении СС-шарфюрера Иергенса, члена СС Мейера и шофера в Бердичев для расследования всего случившегося. Как показали допросы СС-штурмшарфюрера Кноппа, СС-роттенфюрера Гессельбаха и шофера Шефера, а также произведенное на следующее утро обследование места преступления, нападение на Пааля и Фольпрехта следует приписать их собственной вине. Они своим совершенно недопустимым легкомыслием и неосторожностью дали повод и возможность к нападению на них со стороны заключенных. Когда начальник отделения Кнопп хотел дать им в помощь СС-гауптшарфюрера Венцеля, они отказались, сказав, что они вчетвером достаточно сильны, чтобы справиться с особорежимной операцией в отношении этих калек и инвалидов.

Непонятным кажется также указанное Паалем распределение колонн заключенных для доставки их на место экзекуции. В то время как с 1-й колонной были отправлены для проведения особорежимной

---

¹⁰² Так в документе.

операции только 18 человек, и почти исключительно безногие, со следующей колонной Пааль распорядился отправить на место экзекуции 28 заключенных с относительно незначительными повреждениями. Местность и расположение рва для экзекуции также оказались, на мой взгляд, малопригодными для этой цели. Хотя место экзекуции не было видно с окружающих дорог, однако оно находилось у начала впадины, так что грузовую машину с заключенными нельзя было установить удобно. К тому же Пааль приказал шоферу настолько близко подъехать ко рву, что машина, стоя задом к могиле и находясь на возвышенности, давала заключенным возможность наблюдать все, что происходило при расстреле.

Совершенно непонятными кажутся легкомыслие и неосторожность, с которыми Пааль и Фольпрехт караулили находившихся в машине заключенных. Так, например, Пааль, одетый в толстую шинель, с русской самозарядной винтовкой на ремне, стоял непосредственно около дверцы машины, а Фольпрехт находился лишь в 1–1,5 метра, одетый так же, с пистолетом-пулеметом в руке, а не наизготове.

Следует заметить, что СС-роттенфюрер Гессельбах неоднократно критиковал распоряжения Пааля относительно распределения заключенных, а также и его неосторожное поведение при охране автомобиля. Однако Пааль не обращал никакого внимания на совершенно правильные и доброжелательные советы Гессельбаха, а только резко обрывал его. Точного представления о самом происшествии составить не удалось, так как оба подвергшиеся нападению убиты, а СС-роттенфюрер Гессельбах и шофер Шефер, стоявшие в яме, были свидетелями событий, происшедших у грузовика, только после того, как их внимание было привлечено криками и выстрелами.

Вероятно, дело произошло следующим образом: по предварительной договоренности несколько заключенных спрыгнули с грузовика на охранявших их обоих сотрудников СС — Пааля и Фольпрехта. Ввиду неожиданности и некоторой связанности движений сотрудников СС благодаря их толстым шинелям заключенным удалось одолеть их, тем более что сотрудники СС не могли защищаться от напавших своим огнестрельным оружием, потому что не держали его наизготове.

Согласно медицинскому освидетельствованию, Пааль был убит двумя выстрелами в живот, а Фольпрехт — выстрелом в грудь.

После этого заключенные открыли огонь из захваченного ими оружия по остальным двум сотрудникам СС, и только благодаря чистой случайности эти последние не были ранены и даже смогли при небольшом количестве имевшихся у них патронов убить еще двух бежавших заключенных. Таким образом, из 28 заключенных 4 было застрелено в могиле, 2 — при побеге, остальные 22 бежали. Немедленно принятые СС-роттенфюрером Гессельбахом меры для поимки беглецов при помощи команды находящегося поблизости стационарного лагеря были

целесообразны, но безрезультатны. Все сбежавшие были немедленно объявлены в розыск начальником Бердичевского отделения, о чем были поставлены в известность все полицейские и армейские инстанции. Розыск, однако, будет затруднен тем, что имена бежавших неизвестны. Имеются лишь имена всех подлежащих особорежимному обращению, так что в розыск пришлось объявить и уже казненных и сбежавших.

25 декабря на том же месте под моим руководством была проведена особорежимная операция с остальными 20-ю бывшими военнопленными. Так как можно было опасаться, что сбежавшие заключенные уже успели в короткий срок установить связь с каким-либо партизанским отрядом, то я распорядился о том, чтобы стационарный лагерь снова послал команду в 20 человек, вооруженную легкими пулеметами и карабинами, для охраны окрестностей. Экзекуция прошла без инцидентов.

В качестве меры возмездия я распорядился, чтобы жандармерия сейчас же произвела в прилегающих районах проверку всех уже расконвоированных военнопленных с целью выявления их политической деятельности за все время существования советской власти и чтобы из их рядов были арестованы и подвергнуты особорежимному обращению 20 активистов и членов КП. Кроме того, я передал штурмшарфюреру Кноппу инструкции и директивы относительно производства дальнейших экзекуций.

Когда я прибыл в Бердичевское отделение, тела убитых товарищей находились в специально оборудованном для этого помещении. Начальник отделения получил через армию в Бердичеве гробы, так что 27 декабря можно было произвести отpravку убитых товарищей сюда. Погребение состоялось сегодня, в 14 часов, на кладбище героев СС и полиции в Хегевальде.

Подпись:

Кунтце, СС-оберштурмфюрер».

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 183—186 об. Копия перевода с немецкого на русский язык.

№ 5

БЮЛЛЕТЕНЬ ДЛЯ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ ВОЙНЫ¹⁰³

Главный штаб вооруженных сил
Штаб оперативного руководства

Декабрь 1942 г.
№ 12

Управление пропаганды

С участием командующих сухопутными силами ВВС и ВМФ

---

¹⁰³ Информационный материал для офицерского корпуса был получен из трофейных материалов, доставленных в штаб Брянского фронта и направленных для ознакомления в УПА ЦК ВКП(б) Г. А. Александрову 29 августа 1943 г.

О смысле этой войны

Мы знаем, что в этой войне английская империя всеми силами старается разбить сильную в Европе Германию, а американский империализм на развалинах Германии и ее союзников расширить сферу своего влияния до невиданных размеров. Изучить план англичан мы имели возможность уже очень давно. На этом поле боя обстановка чрезвычайно проста. Грубая политика английского золотого мешка требует для себя такой несвободы действий во всем мире, на которую уже всегда претендовал англо-саксонско-еврейский капитализм в своей стране.

Если это явление наиболее кратко и ярко можно выразить в слове «уничтожение», то большевизм на Востоке представляет собою подобную же волю к уничтожению, но, вероятно, в еще более радикальной форме. Плутократические державы примирились бы с Германией, осужденной к политическому и экономическому бессилию, да еще если бы она достигла того, что ее население стало бы наемными рабами стран-победительниц. Большевизм делает еще шаг дальше. Политическую задачу еврейско-марксистской мировой революции он признает выполненной только тогда, когда уничтожит в Германии и в союзных с нами странах всех лиц, призванных к руководству государством. Что это именно так, большевики доказали сами, ликвидировав в своей собственной стране руководящий слой людей; недавно они продемонстрировали это снова, когда в 1939—1940 гг., временно продвинувшись на Запад, со слепой ненавистью уничтожали людей благородной крови.

Ответ на вопрос относительно смысла этой войны предельно прост для каждого, кто смотрит на политическую действительность трезво и серьезно и делает соответствующие выводы. Эта война является защитой, обороной против хаоса, которым угрожает нам в одинаковой мере как со стороны Англии и Америки, так и со стороны большевиков. Таким образом, она является освободительной борьбой немецкой нации.

Навязывается вопрос, как могла возникнуть столь ужасная угроза нашему существованию! После мировой войны в Германии имелись иллюзионисты, которые думали, что для угрожающих нам сил достаточно только смены формы государственного управления и смены отдельных государственных лиц. После 1919 г. они приложили все усилия, чтобы добрым увещеванием, удачными формулировками и частыми признаниями необходимости мира унять всех демонов. Они даже клеветали на свой народ, заставляя его признаваться в самых ужасных вещах, только чтобы вместо грозных облаков, нависших над миром, создать хорошую погоду. Но ничто не помогло. Их заблуждение было таким же, как и заблуждения многих государственных деятелей на пороге нового века. Тогда надеялись, что многогранные жизненные отношения и культурные связи народов лишат законы, господствующие в этом мире, их суровости и начнется период мирного взаимопонимания. Вместо генерала, думали эти люди, слово будет принадлежать руководителю экономической жизни.

Но за последнее время все эти иллюзии у нас прошли. Англия не однажды демонстрировала нам, что Германия Фридриха Великого, Бисмарка, сильной монархии, Германия Адольфа Гитлера — ее враг. Другими словами, Германия становилась объектом стремлений Англии к уничтожению каждый раз, как только руководство Германии оказывалось достаточно сильным. А что, если оно ослабнет? Тогда следует — это мы уже пережили с 1919-го по 1932 г. — не дружба народов. Воля к уничтожению воплощается тогда в практические дела: тогда начинается эксплуатация и выжимание до последней капли крови. Тогда нет никаких гуманных соображений, хотя многие миллионы человек Германии голодают, тогда грабительский капитализм оскаливает зубы и душит свою жертву, пока не покончит с ней.

И другая иллюзия была разбита. Мы знаем сегодня, что законы существования на земле суровы. Только сильный пробивается, только он может претендовать на создание культурных ценностей, и только там его культура сможет свободно развиваться, где меч подготовил и обеспечил почву.

Освободительная борьба немецкого народа трудна прежде всего потому, что наши претензии на жизнь вытекают из полноты ее, посланной нам милостью создателя. Были бы мы ленивым, тупым обществом, жили бы мы без стремлений и страстей, не задумала бы добрая судьба наградить нас большим количеством людей, призванных творить и созидать, не были бы мы народом мыслителей и поэтов и нацией дерзающих пионеров во всех областях жизни, то нас, конечно, оставляли бы все в покое. И века государственного бессилия и разобщенности Германии Англия не мешала своему немецкому кузену, бедный родственник между Рейном и Вислой не был конкурентом в мире. Но когда Бисмарк в войне 1870 г. подготовил объединение страны, на Темзе начали беспокоиться.

Цена нашей освободительской борьбы — полная свобода немецкой жизни в самом широком смысле слова. Характерной чертой новой исторической эпохи, начатой Адольфом Гитлером, внутренней особенностью новой эры, наступившей в эти годы, является как раз тот факт, что немцы нашли путь, идя по которому, они превратились из народа мыслителей и поэтов в народ деятелей.

Этот мир создан космосом сил. Немецкий дух в течение нескольких веков свершил несравнимое, воссоздав космос мыслей... Где стоял бы сегодня мир без кристаллической ясности духовного богатства, добытого в течение нескольких веков умнейшими немецкими головами? А теперь новое поколение приступило к тому, чтобы охватить этот космос, выйти из мира мысли и приступить к переделке его в мир творческой деятельности. Вождь показал пример такого суверенного восприятия мира и жизни, он подал сигнал и поставил задачу. Выступление на сцену немецкой нации, имевшее место десятилетие тому назад, является

фактом первостепенной важности в европейской истории, оказавшим свое влияние и на развитие мировой истории.

Смысл этой войны состоит в обеспечении этого подъема нашего народа.

Мы народ не воинов, а солдат. Не война является целью нашей жизни. Немецкий труд направлен на создание ценностей мирного времени. Но мы настоящий солдатский народ. Мы готовы добровольно отказаться от мира великих идей, которые приходят нам в голову. Мы чувствуем себя совсем молодым народом, стоящим еще только в начале своей смелой и творческой жизни. Мы вовсе не намерены довольствоваться крохами, которые подает нам еврейско-англо-сакский капитализм, считая, что этого с нас достаточно. Мы народ господ в том смысле, что хотим дать всем нашим силам, способностям полную возможность проявиться.

Вождь делал прямо-таки отчаянные попытки мирным путем обеспечить нам территорию и участие в богатстве мира, на которое, как само собой разумеется, мы можем претендовать.

С циничной надменностью все его старания были сведены на нет. Плутократы добивались этого, потому что слишком заманчивым казался им сбор процентов с немецкого народа, превращенного в.....¹⁰⁴ Их материалистическое мировоззрение не допускало органического роста немецкого народа, и потому его можно было не уважать. Большевизм же должен нас просто ненавидеть, потому что для его дьявольского мира благочестивый немец является вообще противником.

Все глубже познаем мы смысл войны. Величайшая миссия возложена на лучшие народы земли: устранять хаос, дисциплинировать и воспитывая дух и волю и очищая расу, придать космосу новые формы, согласно законам вечного провидения. Немецкий народ понял эту миссию и готов выполнить ее, поэтому совершенно серьезно можно сказать о его борьбе: «Бог с вами».

Мы чувствуем, что подавление большевизма и по существу своему одинаково дьявольской еврейско-англо-сакской плутократии — наиболее нравственная задача, которая только может выпасть на долю народа. Все наши мысли и надежды по-прежнему связаны с миром, который будет осуществлением жизненного труда немцев.

Но мы знаем, от берега этого мира нас отделяет еще противник, который является вообще противником немецкой нации. 40 месяцев германские вооруженные силы в качестве душеприказчика воли немецкого народа пробивались в мире вперед. Они завершат и последний участок пути и достигнут цели этой войны.

Перевел: *военный переводчик РО штаба Брянского фронта — ст. лейтенант адм. службы — Боршевская.*

Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 56—59.

Копия перевода с немецкого на русский язык.

¹⁰⁴ Так в тексте.

Немецкий трофейный документ «Соображения о воспитании воинского духа» от 14 февраля 1943 г.¹⁰⁵

Главное командование 9-й армии
Разведывательный отдел

Штаб армии, 14.2.1943 г.

I.

СООБРАЖЕНИЯ О ВОСПИТАНИИ ВОИНСКОГО ДУХА – ФЕВРАЛЬ 1943-ГО.

Ни в какой другой момент войска так не нуждаются в ориентировке и идейном руководстве, как в момент напряжения и перехода в новую большую фазу войны. Потому что каждая фаза войны требует присущие только особому характеру внутренние установки. Осенью 1942 г. закончилась первая фаза войны — борьба держав оси за пространство для развития хозяйства. Движимым чувством в этой фазе были наступление и воля к завоеванию пространства и уничтожению живой силы и материальных ценностей противника. Успехи, достигнутые фюрером за эти несколько лет после захвата власти, были настолько велики, что удалось улучшить исходное положение за счет широких пространств большей части Европы.

При таком положении дел, как англо-американско-русский союз, поддерживаемый к тому же евреями всего мира, уже с самого начала было ясно, что союзники не согласятся поддаться без того, чтобы всеми средствами не попытаться совместными наступлениями вернуть потерянное пространство, оспаривая его у держав оси. При этом противник, как показало совещание в Касабланке¹⁰⁶, решил все свои силы сконцентрировать на европейском театре военных действий. Следующая большая фаза войны ознаменуется поэтому контрнаступлением.

Для Германии эта фаза началась большим наступлением на Южном фронте. Наступление противника еще продолжается. И пока еще трудно определить его результаты, но уже сейчас ясно, что мы сумеем выдержать контрудар на юге, если мы не дадим противнику возможности этим наступлением захватить нас врасплох и будем его рассматривать как одно из боевых действий в общем ходе военных действий второй,

¹⁰⁵ Данный трофейный документ направлен 19 июня 1943 г. начальником VII отдела Главного политуправления РККА Бурцевым начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову.

¹⁰⁶ С 14 по 24 января 1943 г. состоялась конференция в Касабланке с участием глав правительств США и Великобритании. Сталин от участия отказался в связи со сложным положением на фронте. На конференции одним из вопросов был вопрос открытия второго фронта. Было принято решение: второй фронт в Европе в 1943 г. не открывать, а сосредоточить свои усилия в Африке.

большой фазы войны. Германия начинает эту новую фазу войны двумя определенными мероприятиями:

Мобилизация всех людских, трудовых и материальных резервов.

Усиление подводной войны.

В словах фюрера, сказанных им 30 сентября: «Наши противники могут вести войну до тех пор, пока они будут в состоянии это делать. Все, что мы можем сделать, чтобы их разбить, мы сделаем», — звучит решимость в нужный момент перейти от обороны к боевым средствам первой фазы — наступлению.

II.

Основная задача идейного руководства и влияния состоит в том, чтобы довести до сознания войск правильное понимание задач этой фазы войны и, исходя из этого, привести к внутренней решимости, вместо этой «необходимости» должно утвердиться здоровое восприятие: желание жить. Это значит, с личной точки зрения, сохранить жизнь ради жены, детей и работы. А в высшем, историческом понимании это значит: сохранить жизнь народу, чтобы строить новую, свободную жизнь. Как конечную цель войны фюрер ставит перед нами следующее: «Германское государство немецкой нации, как вечную и равную для всех родину». К тому же еще «жизненное пространство», чтобы в будущем оградить семью народов Европы от опасности с Востока.

III.

Из этой внутренней установки, которая в действительности является результатом лозунга «Германия пробудись!», взбудоражившим всех нас, немецких людей, родина и фронт должны сделать необходимые выводы.

Родина: что все мужчины и женщины должны включиться в работу для нужд войны, что все ненужное и незначительное для военных целей должно быть отстранено, что сейчас не время считаться с переживаниями внутренне слабых людей.

Государственное руководство вполне соответствовало этой внутренней уверенности и стремлению людей к действию.

Под влиянием тяжелых событий под Сталинградом изменился тон прессы и радио. Сейчас перестали считаться с нервами слабых людей. Утвердилось сознание того, что народ, который перенес все трудности последней зимы, при правильном идеологическом руководстве готов и впредь на любые жертвы.

Закон об использовании рабочей силы соответствует требованию о включении в работу всей, без исключения, имеющейся в распоряжении рабочей силы. Единодушная поддержка этого призыва к действию подтверждает внутреннее развитие.

Уже ощутимые решительные меры, предпринятые в отношении не нужных, не способствующих ведению войны предприятий и отраслей труда, равным образом являются проявлением воли к тотальному использованию всех сил.

Единодушная поддержка мероприятий, проводимых государственным руководством, ясно доказывает развитие внутренней решимости народа и твердую готовность к действию.

Фронт: в связи с новым положением и напряженным состоянием в стране армии также придется сделать соответствующие выводы:

1. Каждое новое пополнение с родины представляет собой ценный человеческий материал, который необходимо, пользуясь опытом, соответственно, заботливо воспитывать.

2. Каждое новое вооружение и доставленные боеприпасы нужно ценить как достижение родины, добытое в тяжелых условиях.

3. Завоеванную русскую территорию нужно рассматривать не как чужую землю, а как новую европейскую территорию. На этой новой европейской территории будут жить русские люди, которые за нас, для нас работают и борются вместе с нами, и к ним следует соответственно относиться.

Задача военного руководства состоит в том, чтобы как можно более интенсивно и продуманно организовать форму борьбы против русской хитрости и изворотливости, противопоставив им собственную хитрость и изворотливость, суровость и благоразумие.

Идеологическое руководство должно исходить из того положения, что решающим во всякой войне является не только захват важнейших стратегических пунктов и экономических пространств, но еще и то, что численно превосходящий противник в конце концов только тогда ослабнет и уменьшит силу своего сопротивления, когда он снова, и с каждым разом сильнее, будет слушать превосходящего своего противника. Французский солдат и французский народ в двух войнах, 1870—1871 гг. и в мировую войну 1914—1918 гг., с каждым разом все сильнее ощущали превосходство немецкого солдата и поэтому в 1940 г. уступили новому натиску немцев. Во время Первой мировой войны русские также ощутили превосходство немцев. Во время первых трех этапов войны — лето 1941 г., зима 1941—1942 гг. и лето 1942 г. — русские почувствовали это снова. Русское руководство, несомненно, приложит все усилия к тому, чтобы использовать успех на юге для поднятия морального состояния Красной Армии.

Именно поэтому не следует ослаблять борьбу. Все немецкие солдаты уверены в том, что, если мы только захотим, мы можем показать свое превосходство над русским человеком и солдатом. Это чувство превосходства является той силой, которая помогает продержаться даже в тяжелом положении. Каждый из нас, где бы он ни находился, в окопе передового края или у последней повозки в обозной колонне, целиком и полностью втянут в борьбу в силу своих внутренних убеждений, своего

поведения и своих действий. Чтобы довести это до сознания каждого в отдельности — вот практическая задача идеологического руководства.

Одновременно это является тем требованием фюрера с которым он обратился в своем воззвании к каждому из нас, говоря: «В этой самой жесткой борьбе всех времен мы не должны ожидать, что providение подарит нам победу. Каждый человек в отдельности и каждая нация получают свою оценку, и то, что слишком легковесно, должно отпасть». В течение этой длительной войны мы не раз ставили противника в тяжелое положение. Он пытается, со своей стороны, сделать то же самое. Мы должны показать и в этом случае свое превосходство над ним. К этому нас обязывает жертва, принесенная павшими в этой войне товарищами. Так же, как смерть отдельных товарищей обязывает взвод, роту и даже целый полк, также жертва, принесенная 6-й армией, связывает обязательством весь немецкий народ, Фронт и родину. Начинается новая фаза войны. Не только потому, что противник нападает на Востоке и подстерегает на Западе, а потому, что жертвы, принесенные немецким народом, вызывают в нас волю к борьбе и к жизни.

Не необходимость, а желание — вот наш пароль!

Перевел Д. Хейфец.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 19—20 об.

Копия перевода с немецкого на русский язык.

№ 7

Директива штаба 2-й танковой армии Германии о поведении германских войск по отношению к населению оккупированных советских территорий¹⁰⁷

Главное командование 2 Танковой Армии
Оперативный отдел, № 881/42 (секретно)
Штаб армии
Апрель 1943 г.

Инструкция для офицеров

для повседневного инструктирования всех военнослужащих

Освобождение Германии и всей Европы от большевистской опасности является задачей немецкой армии и войсковых частей союзных стран. Поэтому наша борьба должна быть направлена против Красной Армии и банд, находящихся под командованием Москвы и расположенных в тыловых районах. Но мы боремся не против русского народа!¹⁰⁸

¹⁰⁷ Это трофейный документ, захваченный партизанами в ходе боевых действий и направленный штабом партизанского движения 4 октября 1943 г. в УПА ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову.

¹⁰⁸ Подчеркивание в тексте документа.

Портрет фюрера со словами «Гитлер — освободитель», распространенный нами, дает об этом полное представление.

Невыполнение данной директивы было бы не только недостойным для германской армии, но даже неразумным.

Красную Армию мы должны бить не только оружием, но и в борьбе против большевистской пропаганды, как «освободителя» страны, уничтожить идеи коммунизма в нами оккупированных областях. И из этой борьбы мы должны выйти победителями, в противном же случае все наши блестящие боевые успехи против Красной Армии и все наши кровопролития были бы напрасны.

Если для борьбы на фронте поведение и отношение к нам русского народа имеют большое значение, то для умиротворения тыловых областей они являются прямо решающими. Срыв подвоза, неуверенность в тылу действующей армии, трудность обеспечения родины продовольствием, затруднения в обеспечении немецкой военной промышленности сырьем и рабочей силой могли бы явиться неизбежными последствиями недостаточного усмирения этих областей.

Прочность тыла имеет громадное значение для борьбы на фронте, потому что все то, что сегодня происходит по эту сторону фронта, завтра же отразится за пределами линии фронта. Это склоняет красноармейцев и вынужденных бандитов к перебежке¹⁰⁹, подрывает авторитет Москвы и тем самым расшатывает силы сопротивления Красной Армии.

Большинство русского народа отклоняется от большевизма, ждет от нас освобождения из-под советского ига и улучшения жизненных условий. Такое отношение к большевикам дает нам в руки большие преимущества; в случае, если его недостаточно учесть, то результаты легко могут стать обратными. Одновременно пропаганда Москвы пытается в Красной Армии и в народе возбудить веру, что эта борьба является «Отечественной оборонительной войной против бесовского напавшего агрессора». Тем самым она пытается объединить все слои населения (даже тех, которые до этого были антисоветски настроены) в борьбе против «чужеземных захватчиков» и воспрепятствовать тому, чего мы должны добиться при всех обстоятельствах, а именно: совместной работы с русским народом в борьбе против большевизма.

Эта цель не может быть достигнута при помощи только обычной пропаганды. Как командование, так каждый офицер и рядовой боец должны понять значение борьбы, которая должна быть примером для всего мира. Поведение и отношение к населению и к органам власти, нами назначенным, должно быть направлено для достижения этой цели.

Излишняя жестокость и всякий произвол также вредны, как недостойное заискивание перед населением.

---

¹⁰⁹ Имеется в виду переход на сторону неприятеля.

Наше военное, давно признанное превосходство мы доказываем и в других областях только нашими делами и безупречным поведением. От русского человека можно добиться всего деловым корректным, но дружелюбным поведением. Напротив, все несправедливые мероприятия оскорбляют его, грубое поведение и угрозы побуждают его к тому, что он начинает проявлять скрытое сопротивление и переходит на сторону бандитов. Поэтому во имя целеустремленного соблюдения интересов армии перед благонамеренным населением мы должны предстать не как «захватчики», а как освободители и, насколько возможно, согласовать его интересы с нашими. При взимании неизбежных сборов русским нужно оставить необходимое для жизни. Русский человек нетребовательный, он понимает потребность военного, времени, нужно постараться объяснить ему создавшееся положение, результатом чего может быть его положительное сотрудничество.

Против банд¹¹⁰ и их сообщников нужно бороться с беспредельной энергией, применяя силу, но эта борьба не должна распространяться на крестьян, которые часто действовали под беспощадным террором бандитов. Безрассудно сжигать деревни, которые, в конце концов, являются продовольственными базами армии. Также не должны иметь места случаи убоя мелкого скота, т.к. это прежде всего вызывает недовольство со стороны сельского населения.

Также недопустимы расстрелы заложников и других невинных лиц, т.к. следствием подобных мероприятий бывает то, что расположенное к нам население переходит на сторону банд, а не помогает ликвидировать бандитизм.

Все мероприятия военного характера, предпринимаемые в целях умиротворения страны, безусловно, должны быть ограничены до необходимого предела.

К русским, которые за время продолжительного сотрудничества с немецкими властями проявили себя надежными и ценными для нас людьми, мы при всех обстоятельствах должны соответственно относиться и по мере возможности помогать им. У них большой опыт, который впоследствии может быть использован нами.

Этих людей можно еще больше приблизить к себе оказанием полного доверия и предоставлением им области самостоятельных действий. Каждый русский, который усердно работает на нас и признает себя врагом большевиков, уже скомпрометировал себя в их глазах, отрезал все пути к Советам.

Русские, поставленные на ответственные должности, могут выполнять для нас очень большие работы и тем самым...¹¹¹

---

¹¹⁰ Выше уже отмечалось, что 25 августа 1942 г. Гитлер издал директиву, запрещающую употреблять термин «партизаны», и потребовал называть их «бандитами».

¹¹¹ Конец фразы стерт, разобрать нельзя.

Чем быстрее и глубже русское население будет убеждено в сумасшествии большевиков, тем легче будет наша борьба против Красной Армии и московских банд. Тем быстрее мы придем к конечной победе и тем больше будет сохранена драгоценная немецкая кровь.

От главного Командования танковой армии, шеф Генерального Штаба

*Куровский.
Перевела Н. Филатова.*

Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 127—130.

Копия перевода с немецкого на русский язык.

№ 8

Информация начальника 1-го Управления НКГБ А. Фитина секретарю ЦК ВКП(б) А.С.Щербакову о количестве и положении советских пленных в Норвегии

г. Москва

26 июня 1943 г.

Сообщаем сведения о положении советских военнопленных, находящихся в немецком плену в Норвегии. Сведения получены от норвежских беженцев, прибывших в Швецию в 1943 году.

На работах по строительству укреплений возле г. Киркенеса в Северной Норвегии зимой 1943 года работало около 4000 советских военнопленных. Пленные принимают 1,5 кгр. хлеба в день на 8 человек. Смертность среди пленных очень велика. Зимой в течение 2—3 месяцев от голода, холода, болезней и зверского обращения со стороны немцев умерло около 1500 человек. Пленных часто расстреливают по самым незначительным предложениям. Тела умерших и расстрелянных бросают у стены барака, в котором живут военнопленные. Трупы лежат по несколько дней, а затем хоронятся в братских могилах. Среди пленных много больных, но никакого медицинского наблюдения за ними не ведется.

В Эрландет (Orlandet) (губ. Тронделаг) под руководством организации ТОДТ на каменоломнях работает около 800 советских военнопленных. Условия жизни военнопленных почти невыносимые. Пленных кормят впроголодь отбросами рыбы. Живут они в неотапливаемых бараках. Ежедневно пленные вынуждены ходить на работы за 8 км от места расположения лагеря.

Начальник 1-го Управления НКГБ СССР

(Фитин).

Ф. 17. Оп. 125. Д. 170. Л. 86. Подлинник.

№ 9

Докладная записка заместителя НКГБ СССР
Б.З. Кобулова секретарю ЦК ВКП(б)
А.С. Щербакову о массовых расстрелах
в г. Таганроге

г. Москва

15 октября 1943 г.

По сообщению УНКГБ по Ростовской области, на второй день после захвата немцами гор. Таганрога туда прибыла гестаповская «зондеркоманда СС—10А» во главе с полковником Кристманом и доктором Герцем, которая подвергла советских граждан массовым расстрелам.

По предварительным данным, немцами расстреляно и зверски замучено свыше 6000 жителей гор. Таганрога.

В 20-х числах октября 1941 года Кристман опубликовал распоряжение о регистрации евреев. 29 октября 1941 года всем зарегистрировавшимся было объявлено, что «ввиду близости фронта» они будут выселены из гор. Таганрога, для чего им надлежит на следующий день собраться в назначенный пункт и взять с собой трехдневный запас продуктов и ценные вещи. Явившиеся 30 октября в назначенное место мужчины, женщины, старики и дети, в количестве свыше 1800 человек, были отправлены с вещами на машинах и пешком за город и расстреляны в Петрушевской балке.

Тогда же гестаповцами было расстреляно 185 колхозников-цыган колхоза им. Орджоникидзе, а несколько позднее 30 человек душевнобольных, находившихся на излечении в городской психиатрической больнице.

Кроме того, немецкие захватчики вывезли из гор. Таганрога в Германию до 16 тысяч человек советских граждан, состоявших в большинстве из молодежи.

При отступлении из Таганрога немцы разрушили или сожгли 16 школ, 18 детских садов и яслей, Дворец пионеров и 5 техникумов Института механизации сельского хозяйства, два корпуса 5-й городской больницы, корпус санатория на Миусе, 4 клуба и 65 жилых зданий.

Проводятся дополнительное расследование и документация фактов зверств оккупантов в гор. Таганроге.

*Заместитель народного комиссара
государственной безопасности Союза ССР Кобулов.*

**Стенограмма судебного процесса
о зверствах немецко-фашистских захватчиков
на территории гор. Харькова и Харьковской области
в период их временной оккупации**

г. Харьков

15—18 декабря 1943 г.

15 декабря в гор. Харькове в Военном Трибунале 4-го Украинского фронта под председательством генерал-майора юстиции тов. А.Н. **Мясникова**¹¹² и при участии государственного обвинителя полковника юстиции тов. Н.К. **Дунаева** началось слушание дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации.

По настоящему делу преданы суду по обвинению в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, чиновник 560-й группы германской тайной полевой полиции старший ефрейтор вспомогательной полиции **Рецлав Рейнгард**, офицер германской военной контрразведки **Лангхельд Вильгельм**, заместитель командира роты СС «зондеркоманды СД», унтерштурмфюрер СС **Рид Ганс** и их пособник, изменник Родины **Буланов**, служивший в качестве шофера в Харьковской «зондеркоманде СД».

В судебном заседании участвует судебно-медицинская экспертиза в составе главного судебно-медицинского эксперта НКЗ СССР директора научно-исследовательского института судебной медицины т. В.И. **Прозоровского**, профессора кафедры судебной медицины 2-го Московского медицинского института т. В.М. **Смолянинова**, старшего научного сотрудника Института судебной медицины т. П.С. **Семеновского**, главного судебно-медицинского эксперта 2-го Украинского фронта, майора медицинской службы т. М.П. **Притворова**, судебно-медицинского эксперта, майора медицинской службы т. Г.И. **Городниченко** и патологоанатома майора медицинской службы т. Д.Е. **Якаша**.

Обвиняемых защищают по назначению от суда адвокаты Н.В. **Комодов**, С.К. **Казначеев** и Н.П. **Белов**.

Председательствующий генерал-майор юстиции тов. **Мясников** производит опрос подсудимых и свидетелей, предупреждая свидетелей об их обязанности показывать суду правду. Председатель предупреждает судебно-медицинских экспертов, что они должны представлять суду свои заключения в соответствии со своими специальными познаниями. Присутствующие на суде переводчики предупреждаются председателем об их обязанности с абсолютной точностью переводить все вопросы и ответы.

---

¹¹² Здесь и далее по всему документу идет выделение фамилий и дат.

После того, как опрос подсудимых и свидетелей закончен, суд оглашает обвинительное заключение. Его зачитывает секретарь суда капитан юстиции т. **Кандыбин**.

Обвинительное заключение подробно воспроизводит чудовищную картину массовых убийств и истязаний ни в чем не повинных советских людей, которые были тысячами уничтожены немецко-фашистскими извергами, временно оккупировавшими город Харьков и Харьковскую область.

Заседание суда 15 декабря 1943 г.

Обвинительное заключение по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Харькове и Харьковской области

По мере изгнания немецко-фашистских захватчиков с временно оккупированной советской территории вскрываются все большие и большие злодеяния, творимые, войсками германской армии.

После освобождения от немецких фашистов города Харькова и Харьковской области были выявлены многочисленные факты чудовищного истребления немцами мирных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей.

Немецко-фашистские войска под руководством своих начальников удушили в специально оборудованных газовых машинах — «душегубках», повесили, расстреляли и замучили многие десятки тысяч советских людей, разграбили имущество государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций, сожгли и разрушили целые города и тысячи населенных пунктов, угнали в немецкое рабство многие сотни тысяч мирных жителей.

Все эти злодеяния и бесчинства являются не отдельными изолированными фактами, а лишь звеном в большой цепи преступлений, которые творились и творятся немецкими захватчиками по прямому указанию германского правительства и Верховного командования немецкой армии.

Еще задолго до войны главарь немецких фашистов Гитлер, излагая планы порабощения Европы, указывал на необходимость истребления славянских народов — русских, украинцев, поляков, чехов и других.

Ближайший помощник Гитлера — Геринг, реализуя установки своего хозяина, призывал немцев убивать советских граждан.

Эти людоедские установки фашистских руководителей являлись и являются основой воспитания немецкой армии, давшего свои кровавые плоды.

Для практического осуществления планов Гитлера по истреблению славянских народов германское командование в своих военных школах и училищах ввело специальный курс лекций на тему о необходимости истребления советских людей.

Так, обвиняемый по настоящему делу старший ефрейтор германской армии **Рецлав** Рейнгард, прошедший обучение в отдельном батальоне «Альтенбург», на следствии показал:

«На курсах даже было организовано несколько лекций руководящих чиновников ГФП (германской тайной полевой полиции), которые прямо указывали о том, что народы Советского Союза и особенно русской национальности являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены, а в незначительной своей части использованы немецкими помещиками в качестве рабов.

Эти указания исходили из политики германского правительства в отношении народов оккупированных территорий, и надо признать, что в практической работе каждым военнослужащим германской армии, в том числе и мной, неуклонно выполнялись» (т. 2, л. д. 67). Когда началась война с СССР, эти установки немецкие войска начали проводить в жизнь во временно оккупированных районах Советского Союза.

Вторгнувшись на территорию нашей Родины и встретив повсеместное сопротивление советского народа, немецко-фашистские армии и германские карательные органы начали широко применять разбой и убийства ни в чем не повинных советских людей.

Взятый в плен частями Красной Армии оберштурмбаннфюрер **Хейниш** Георг — бывший заместитель начальника штаба Гесса, занимавший на временно оккупированной советской территории пост окружного комиссара города Мелитополя, член национал-социалистской партии с 1923 года, на допросе показал:

«В середине августа 1943 года в одном из поселков близ города Ровно состоялась конференция 28-ми окружных комиссаров Украины.

Работой конференции руководил имперский комиссар Украины — Кох.

Из докладов окружных комиссаров вытекало, что население сопротивляется насильственной мобилизации на работу в Германию.

В связи с этим Кох говорил о необходимости усилить мероприятия против населения и не останавливаться перед тем, чтобы уничтожить лишних несколько тысяч человек.

В частности, он заявил, что принял решение отправить на работу в Германию максимальное количество работоспособных жителей районов Северной Украины, а остальное население этих районов полностью уничтожить, так как в этих районах действовало «несколько неуловимых партизанских отрядов, а ранее применяемые к мирному населению репрессивные меры — сожжение деревень, массовые расстрелы и уничтожение жителей этих районов, — по словам Коха, удовлетворительных результатов не дали.

Уничтожение наибольшего числа граждан Советской России может пойти только на пользу Германии, так как это ослабляет Россию.

Последние слова Коха отражают линию Гитлера и его Ставки. Особенно беззастенчиво германское командование проводит эту линию при отступлении, когда производятся максимально полные разрушения всех населенных пунктов и принудительная эвакуация местного населения.

Того, кто отказывается эвакуироваться, расстреливают на месте.

Дети, старики, а также женщины, угоняемые немцами, погибают от голода, так как их никто не снабжает продовольствием, от болезней и лишений.

Ясно, что такого рода мероприятия не имеют другого смысла, кроме уничтожения максимального количества советских людей, с тем чтобы большевики не получили рабочей силы и пополнений в армию» (т. 3, л. д. 9—10). Таким образом, зверское истребление советских людей путем умерщвления их в газовых автомобилях — «душегубках», расстрелов и избиений, насилия и грабежей, чинимые немецкими войсками в городе Харькове и Харьковской области, является выполнением чудовищных планов правящей клики фашистской Германии по уничтожению советского народа.

Следствием установлено, что зверства, насилия и грабежи в городе Харькове и Харьковской области во время их оккупации немцами чинились офицерами и солдатами германской армии, в частности:

дивизией СС «Адольф, Гитлер» под командованием обергруппенфюрера войск СС **Дитрих**;

дивизией СС «Мертвая голова», которой командовал группенфюрер войск СС **Симон**;

германскими карательными органами:

Харьковской «зондеркомандой СД» во главе с ее начальником штурмбаннфюрером **Ханебиттер**;

группой германской тайной полевой полиции г. Харькова, возглавляемой комиссаром полиции **Кархан** и его заместителем — секретарем полиции **Вульф**;

560-й группой ГФП при штабе 6-й германской армии — комиссаром полиции **Мериц**;

привлеченными по настоящему делу в качестве обвиняемых:

Рецлав Рейнгардом, чиновником 560-й группы германской тайной полевой полиции;

Лангхельд Вильгельмом — капитаном германской военной контрразведки;

Риц Гансом — заместителем командира роты СС «зондеркоманды СД»;

пособником немцев, изменником Родины:

Булановым Михаилом — шофером Харьковской «зондеркоманды СД».

Предварительным следствием установлена система:

удушения — окисью углерода в специально оборудованных автомашинах — «душегубках» многих тысяч советских людей, зверской расправы над мирными советскими гражданами и уничтожения городов и населенных пунктов временно оккупированной территории;

массового истребления стариков, женщин и малолетних детей;

расстрелов, сожжения и издевательств над советскими ранеными и военнопленными.

Все это является вопиющим нарушением правил ведения войны, установленных международными конвенциями, и общепринятых правовых норм.

I

Судебным следствием по делу о зверствах немецких оккупантов в городе Краснодаре, произведенным в июле 1943 года, было установлено существование специально оборудованных автомашин, называемых «душегубками», в которых германские карательные органы умерщвляли мирных советских граждан окисью углерода.

Судебно-медицинская экспертиза, производившая эксгумацию и исследование трупов, обнаруженных в противотанковом рву близ города Краснодара, в своем заключении от 29 июня 1943 года констатировала:

«На основании судебно-медицинских данных — розовой, розово-красной и ярко-красной оболочки кожных покровов, слизистой губ, скелетных мышц, наружной оболочки сердца, брюшины, наружной оболочки кишечника, слизистой оболочки желудка, поверхности разрезов почек и в некоторых случаях других внутренних органов (например: легких, сердца), — судебно-химических и спектроскопических исследований крови, кровянистой жидкости и кусочков органов, изъятых из трупов при судебно-медицинских исследованиях, установлено, что причиной смерти в 523 случаях (из эксгумированных 623 трупов) было отравление окисью углерода» (т. 4, л. д. 77—78).

Как установило следствие, такие же «газовые автомобили», получившие название «душегубки», немцы применяли для умерщвления мирных советских граждан, помимо Краснодара, также и в городе Харькове.

Машины эти, как показывают обвиняемые немцы, привлеченные по настоящему делу, а также и свидетели, являвшиеся очевидцами творимых немцами злодеяний, представляют собой крытые, больших размеров автомашины темно-серого цвета, с дизель-мотором.

Внутри эти автомашины обиты оцинкованным железом и в задней части кузова имеют две двухстворчатые, герметически закрывающиеся дверцы. Пол кузова оборудован деревянной решёткой, под которой проходит труба с отверстиями, соединяющаяся с выхлопной трубой мотора.

Отработанные газы дизель-мотора, содержащие окись углерода высокой концентрации, поступают в кузов автомашины, вызывая быстрое отравление и смерть от удушья запертых в машине людей.

Обвиняемый по настоящему делу старший ефрейтор германской армии **Рецлав** Рейнгард, чиновник группы германской тайной полевой

полицейских в городе Харькове, принимавший непосредственное участие в умерщвлении советских людей посредством газовых автомобилей — «душегубок», показал:

«Массовые казни путем повешения и расстрелов казались для германского командования слишком хлопотливыми и медленными средствами для достижения поставленных перед карательными органами задач, поэтому приходилось задумываться над применением более простых способов истребления населения, и надо сказать, что они были найдены.

Придя как-то в первых числах марта 1942 года в тюрьму, я обратил внимание на группу полицейских, столпившихся около находившейся во дворе большой автомашины темно-серого цвета, которая стояла около самого входа в тюрьму с открытыми сзади дверцами.

Увидев среди столпившихся полицейских своего знакомого, сотрудника СД Каминского (немец из Берлина, служивший до войны в отряде СС), я спросил у него, что это за машина и для какой цели она предназначена. Каминский рассказал, что это “газовый автомобиль” и предназначен для умерщвления людей.

Впоследствии мне много раз приходилось наблюдать работу этой машины и несколько раз принимать непосредственное участие в погрузке в нее арестованных, содержащихся в Харьковской тюрьме. При этом я убедился, что газовый автомобиль вполне соответствует своему назначению» (т. 2, л. д. 68—69). Применение немцами для уничтожения советских граждан «газовых автомобилей» — «душегубок» подтверждают также привлеченные по настоящему делу в качестве обвиняемых немцы: унтерштурмфюрер **Риц** Ганс, заместитель командира роты СС, капитан германской армии **Лангхельд** Вильгельм — офицер военной контрразведки, изменник Родины **Буланов** Михаил — шофер Харьковской «зондеркоманды СД», а также свидетели: немцы оберштурмбаннфюрер **Хейниш** — окружной комиссар города Мелитополя, **Кош** Карл — инженер роты 79-й германской пехотной дивизии и **Бойко** Иван — шофер Харьковской «зондеркоманды СД».

Свидетель оберштурмбаннфюрер **Хейниш** показал:

«В СД (служба безопасности) был изготовлен так называемый “газовый автомобиль”. По внешнему виду он почти ничем не отличался от обыкновенного тюремного автомобиля, но его кузов закрывается герметически и выхлопные газы от мотора по специальной трубке направляются в кузов. В эту машину помещается несколько десятков человек. Им обыкновенно объявляется, что они отправляются в другую тюрьму или лагерь.

Когда автомобиль трогается, газы направляются в кузов, и находящиеся там люди задыхаются» (т. 3, л. д. 4).

Показывая о применении немцами этого страшного орудия смерти, сами же немцы — обвиняемые по настоящему делу, рисуют чудовищные

картины подготовки к умерщвлению и насилию над советскими гражданами во время погрузки их в газовые автомобили — «душегубки».

Тот же обвиняемый, ст. ефрейтор германской армии **Рецлав** показал:

«Когда доходила очередь до посадки в машину женщин, это были самые страшные картины. Все без исключения женщины, не говоря уже о детях, рыдали, падали на колени, умоляя пощадить их. Плач женщин перемешивался с плачем детей, которые обращались к нам, к непосредственным участникам и исполнителям этих злодеяний, с просьбами о пощаде. Но в ответ на это получали пинки, удары прикладами винтовок и рукоятками пистолетов.

В таких случаях я, а вместе со мной и другие чиновники ГФП и СД скручивали женщинам руки и вталкивали их в машину.

С детьми дело обстояло еще проще. Их хватали за руки, а нередко и за ноги и с размаха бросали в кузов машины.

Такие действия вызывали проклятия по адресу немцев, и двор наполнялся душераздирающими криками, мольбой о помощи и пощаде.

Мне припоминается такой факт, когда женщина, на глазах которой офицер СД бросил в кузов машины ее ребенка, набросилась на офицера, вцепилась руками ему в лицо и расцарапала его до крови.

В большинстве случаев с такими непокорными арестованными расправлялись просто: их тут же пристреливали, а затем бросали в машину» (т. 2, л. д. 94—95). Свидетель **Бойко Иван Семенович**, работавший шофером в Харьковской «зондеркоманде СД» и ставший вследствие этого очевидцем многих злодеяний немецких фашистов, показал:

«Больные, поняв, что они обмануты и что им готовят гибель, при посадке в машину сопротивлялись, но гестаповцы загоняли людей в “газваген” ударами прикладов и палок, заставляя более здоровых втащить в машину тех, кто не мог передвигаться самостоятельно.

В кузове машины слышались крики о помощи и рыдания женщин.

Когда в “газваген” было погружено около 50 человек больных и обслуживающего персонала, дверь машины захлопнули, и она направилась за город» (т. 3, л. д. 87). Свидетельница **Подкопай Ульяна Никитична**, проживающая в городе Харькове, по Рыбной улице, где размещался гараж гестапо, в котором стояли «душегубки», показала:

«Среди арестованных были мужчины, женщины и дети, которых гестаповцы пинками и прикладами загоняли в машину. У многих на лицах были синяки и кровоподтеки, одежда порвана, женщины и дети плакали, но гестаповцы их хватали и насильно вталкивали в машину. Когда автомашина была битком набита людьми и ее хотели уже закрыть, два гестаповца ввели во двор плачущую женщину с двумя девочками, лет 8 и 10.

Одна из девочек, не понимая, что происходит, торопясь, стала кричать: «Мама, иди быстрее, а то машина уйдет без нас».

Подойдя к машине, женщина, услышав из нее крики и стоны, заплакала еще сильнее и остановилась, но ее силой втолкнули в кузов.

Одна из девочек в это время тоже заплакала и стала кричать: «Мама, мама».

Стоявшие рядом гестаповцы схватили обеих девочек и вбросили в машину к обезумевшей от страха матери. Вслед за этим двери машины захлопнулись, и она выехала со двора тюрьмы» (т. 3, л. д. 182). Следствием также установлено, что немецкие захватчики трупы советских людей после умерщвления их в «душегубках» вывозили на окраину города Харькова, где выбрасывали в пустые бараки и другие полуразрушенные здания, обливали бензином и затем сжигали.

Обвиняемый старший ефрейтор германской армии **Рецлав** по этому вопросу показал:

«В конце марта 1942 года я принимал участие в погрузке людей в “газовый автомобиль” и затем получил приказание Ханебиттер сопровождать машины к месту разгрузки. Проехав через город, мы достигли барakov Харьковского тракторного завода и там остановились. При этом начальник команды СД Ханебиттер приказал находившимся с нами солдатам «зондеркоманды» разгружать трупы и складывать их в коридор одного из барakov, в котором, как я видел своими глазами, уже находилось большое количество трупов, привезенных, видимо, раньше.

Когда разгрузка была закончена, Ханебиттер дал команду отвести все машины в сторону, за исключением одного грузовика, на котором ехала группа солдат «зондеркоманды».

Из этого грузовика по указанию Ханебиттер, солдаты взяли несколько банок с бензином, пошли во внутрь барака, облили все выброшенные туда трупы, затем облили некоторые места наружной части барака и подожгли его» (т. 2, л. д. 95—96).

Факты сожжения немцами трупов людей, умерщвленных посредством «газового автомобиля» — «душегубки» в бараках Харьковского тракторного завода, помимо обвиняемого Рецлава, подтверждаются показаниями свидетелей **Серикова** Даниила Александровича, **Ризван** Порфирия Иосифовича и заключением судебно-медицинской экспертизы, производившей эксгумацию и исследование трупов, вскрытых на территории города Харькова и его окрестностей.

Исследовав обстоятельства сожжения трупов в бараках Харьковского тракторного завода и останки тел и костей, извлеченных при раскопке на месте сожжения барakov, судебно-медицинская экспертиза в своем заключении от 15 сентября 1943 года констатирует:

«При осмотре территории нескольких сгоревших барakov ХТЗ обнаружено значительное число обгоревших человеческих костей и целых черепов без механических повреждений.

При разрытии одной из нескольких щелей (укрытий) около одного сгоревшего барака среди золы, земли и мусора также были найдены

обгоревшие человеческие кости (ключицы, ребра, позвонки) и целые черепа без механических повреждений.

Кроме того, также были найдены обгоревшие куски одежды, ложки, котелки, металлический замок от дамской сумочки и т.п.»

Боясь ответственности за совершаемые чудовищные преступления и истребление советских людей при помощи специально оборудованных автомашин, немецкие фашисты за последнее время стали принимать меры к тому, чтобы скрыть применение ими этого орудия смерти.

Оберштурмбаннфюрер **Хейниш** на допросе показал, что в июле 1943 года на закрытом совещании 5-ти окружных комиссаров Таврической области выступил начальник СД и гестапо по Крыму и Таврии генерал-лейтенант полиции фон Альвенслебен, который заявил, что Гитлер крайне недоволен болтливостью лиц, которым так или иначе стало известно о существовании «газового автомобиля». В результате этой болтливости, заявил фон Альвенслебен, а также в результате беспечности отдельных руководителей СД и гестапо материалы о «газовом автомобиле» попали в руки русских.

В связи с этим, как заявил Хейниш, фон Альвенслебен передал им предписание Гитлера о необходимых мерах к прекращению подобного рода болтливости и к усилению конспирации при использовании «газового автомобиля» (т. 3, л. д. 5).

II

Стремясь истребить возможно больше мирных советских граждан, немецкие захватчики, помимо уничтожения людей посредством «газовых автомобилей» — «душегубок», прибегали к массовым расстрелам, виселицам, истязаниям и пыткам над советскими людьми.

В результате систематических облав и массовых арестов мирных советских граждан, как показали обвиняемые по настоящему делу — Рецлав, Рид, Лангхельд и изменник Родины Буланов, тюрьмы гестапо и других германских карательных органов были переполнены ни в чем не повинными советскими людьми.

Чиновники фашистских карательных органов на допросах каждого арестованного, независимо от наличия на него материалов, подвергали нечеловеческим пыткам и избиениям шомполами, резиновыми дубинками, плетками и палками, добываясь таким образом от него «показаний».

Причем многих из них избивали до такой степени, что они умирали прямо на допросах.

Особенно жуткое зрелище представляла расправа немецких извергов с советскими детьми и подростками. Не единичны случаи, когда малолетних детей немцы живыми бросали в ямы и закапывали.

В городе Харькове по распоряжению гестапо многие мирные советские граждане были переселены из городских квартир в специально

отведенные бараки, расположенные на территории рабочего городка Харьковского тракторного завода.

Во время переселения из городских квартир в этот рабочий поселок, как показал обвиняемый **Буланов**, советские граждане подвергались неоднократным ограблениям и издевательствам со стороны немецких солдат и сотрудников гестапо.

После того, как все переселяемые были водворены в бараки, немцы стали формировать партии, по 200—300 человек в каждой, куда входили также и подростки, дети и старики. Потом под видом отправки в глубокий тыл их уводили в балку, расположенную в 4—5 километрах от рабочего городка Харьковского тракторного завода, где и расстреливали их у заранее подготовленных больших ям.

В декабре 1941 года гестаповцами было расстреляно 900 советских граждан, находившихся на излечении в Харьковской больнице, среди которых было много детей и стариков. Расстрел их был произведен в 4—5 километрах от города Харькова, недалеко от дороги, идущей в сторону Чугуева. Трусами были наполнены две большие ямы, которые заранее были подготовлены для этой цели. Обвиняемый **Буланов**, участник этих расстрелов, показал:

«Мне было предложено на трехтонной автомашине выехать в больницу, находившуюся на окраине города Харькова. Там уже находились и другие машины. Как только я поставил свою машину вплотную к парадному одному из больничных корпусов, гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в кузов машины. В каждую машину помещалось до 40 человек.

Погрузив свою машину, я отвез их к месту расстрела, которое было оцеплено гестаповцами.

Там больных из машин вытаскивали и ставили к яме. На месте разгрузки слышались душераздирающий плач, вопли взрослых и детей, больные, умоляя, просили о пощаде, однако гестаповцы не обращали на это внимания, расстреливали всех, сваливая их затем в яму.

Насколько я помню, исключительным зверством отличались переводчик гестапо Берг Ганс и медфельдшер Алекс. Оба они сопротивляющихся ударами сбивали с ног, сбрасывали в яму, а затем расстреливали.

Я видел, как некоторые из сопротивляющихся, сброшенные в яму, будучи только ранеными, окровавленными, пытались подняться. Их снова сбивали с ног, а затем по приказанию участников этого злодеяния — шефа гестапо и переводчика Берг Ганса — закапывали еще живыми.

Среди закопанных в ямах живыми было много подростков и детей» (т. 2, л. д. 255—256).

Лесопарк, расположенный в районе поселка Сокольники, на окраине города Харькова, покрыт густой сетью могил, в которых закопаны жертвы немецко-фашистского террора.

Описывая чудовишные картины расстрелов советских людей в лесопарке, свидетели **Беспалов** Александр Филиппович и **Даниленко** Дарья Васильевна, проживающие в поселке Сокольники и являющиеся невольными очевидцами творимых немцами злодеяний, показали, что на протяжении 1942—1943 гг. немецкие фашисты почти ежедневно на нескольких машинах доставляли в лесопарк обреченных на смерть людей, где над ними издевались, мучили и расстреливали их.

Некоторые из заключенных набрасывались на немцев, но их сбивали с ног, кололи штыками, били ногами и прикладами винтовок.

По лесу раздавались душераздирающие крики и стоны умирающих людей. Видно было, как отдельные люди корчились в предсмертных судорогах и в таком положении немецкими палачами сбрасывались в ямы.

Картину одной из таких зверских расправ свидетель **Беспалов** обрисовал следующим образом:

«В конце июня прошлого года я лично видел, как в лесопарк было привезено на 10—12 грузовых автомашинах до 300 девушек и женщин.

Несчастные в ужасе металась из стороны в сторону, плакали, рвали на себе волосы и одежду, многие падали в обморок, но немецкие фашисты не обращали на это внимания. Пинками, ударами прикладов и палок заставляли их подняться, но с тех, кто не поднимался, палачи сами срывали одежду и бросали в ямы. Несколько девушек, с которыми были дети, пытались бежать, но были убиты.

Я видел, как после автоматной очереди некоторые женщины, шатаясь и размахивая беспомощно руками, с душераздирающими криками шли навстречу стоявшим немцам. В это время немцы их расстреливали из пистолетов... Обезумевшие от страха и горя матери, прижимая к груди детей, со страшными воплями бегали по поляне, ища спасения.

Гестаповцы вырывали у них детей, хватали их за ноги или за руки и швыряли живыми в яму, а когда матери бежали за ними к яме, то их расстреливали» (т. 3, л. д. 162—163).

Подтверждая факты массового расстрела советских людей в лесопарке, свидетель **Даниленко** показала:

«В конце января 1943 года на этом же месте немцы в течение двух дней опять расстреливали советских граждан. В эти страшные два дня в лесу были слышны стрельба и невероятные крики людей, слышны были мужские, женские и детские голоса.

Весной 1943 года, когда снег растаял и земля, которой были засыпаны ямы, осела, я вместе с другими жителями ходила засыпать ямы. Когда я пришла к месту, где были расстреляны наши советские граждане, то увидела, что обе ямы были набиты трупами расстрелянных. Из-под небольшого слоя земли были видны торчащие голые человеческие руки и ноги» (т. 3, л. д. 1521)

III

Международные правовые нормы запрещают жестокое обращение с военнопленными.

Военнопленные — раненые и больные, согласно этим международным положениям, должны пользоваться защитой со стороны воюющего, во власти которого они окажутся.

Однако, попирая всякие международные правовые нормы, германо-фашистские головорезы систематически уничтожали и уничтожают советских раненых военнопленных.

Более того, в лагеря военнопленных германское военное командование помещает мирных советских граждан, захваченных на временно оккупированной территории Советского Союза, рассматривая их как военнопленных.

Так, свидетель фельдфебель германской армии **Янчи** Гейнц, сотрудник при офицере контрразведки в лагере военнопленных, именуемом «Дулаг-231», показал:

«Кроме советских военнослужащих, в германском лагере военнопленных “Дулаг-231” находились также мирные граждане, захваченные на оккупированной территории Советского Союза и расцениваемые германским командованием как военнопленные. Среди этих мирных жителей были старики, женщины и дети.

Мне известно, что пленники из мирного гражданского населения оккупированных германскими войсками советских областей были не только в нашем лагере, но и в других германских лагерях, именуемых официально лагерями для военнопленных.

Мирные советские граждане заключаются в лагеря военнопленных под предлогом эвакуации населения, в других случаях под предлогом набора рабочей силы для отправки в Германию и, наконец, в целях изоляции нежелательного элемента, в том числе детей и подростков, как потенциальных бойцов антинемецких формирований» (т. 3, л. д. 38—39).

С целью уничтожения советских военнопленных, больных, раненых и гражданского населения немцы создали невыносимые условия содержания больных и раненых в госпиталях, военнопленных и мирных граждан в лагерях. Их морили голодом, медицинской помощи не оказывали и чрезмерной скученностью и отсутствием элементарных санитарных условий вызывали среди них массовые эпидемические заболевания, приводящие к большой смертности.

Беспричинно и путем искусственного создания «материалов обвинений» немцы расстреливали и заживо сжигали раненых и военнопленных, предварительно учиня над ними пытки и издевательства, вплоть до натравливания на них собак.

Все эти злодеяния немцев находят свое подтверждение в показаниях обвиняемых **Рица**, **Ланхельда** и свидетелей: немца **Янчи** Гейнца, про-

фессора **Каткова** Е. С, врача **Джинчвиладзе** Г. З., медицинской сестры **Сокольской** В.А., **Козловой** М.А. и других, а также актами судебно-медицинской экспертизы.

О нечеловеческих мучениях советских военнопленных и мирных граждан в германских лагерях дал показания и обвиняемый по настоящему делу капитан германской армии **Лангхельд**, являвшийся непосредственным участником всех этих убийств и издевательств. **Лангхельд** показал:

«Зверства, которые чинили германские офицеры и солдаты, в том числе над русскими людьми, путем истребления, голодной смертью, физическими избиениями истощенных людей, расстрелами, травлей собаками и проч., соответствовали установкам германского правительства по отношению к русским людям...

По моему приказанию люди расстреливались неоднократно.

Так, например, в мае — июне 1942 года в Дергачах, близ Харькова, по моему приказанию была расстреляна группа русских военнопленных, примерно в 20 человек, по обвинению в связи с местным населением... Я должен заявить, что обвинение в данном случае было спровоцировано, ибо в самом деле люди были просто истреблены за то, что они русские.

Другой случай расстрела группы русских офицеров был на сборно-пересыльном пункте военнопленных осенью 1941 года.

Выбрав 10 русских средних офицеров, я приказал солдатам на глазах у всех военнопленных расстрелять их из автоматов.

Трупы расстрелянных были сброшены в заранее подготовленные ямы.

Как правило, русские не выдавали военных секретов, в связи с чем я избивал военнопленных палкой толщиной в 4—5 см, после чего допрашиваемых нередко из моего кабинета приходилось выносить. Избиения военнопленных практиковались во всех частях немецкой армии. На толпу измученных и голодных людей во время раздачи скудной пищи конвойные солдаты натравливали собак.

Собаки врывались в толпу, рвали в клочья одежду и тела пленных, сшибали отдельных из них на землю и таскали, терзая их, по земле. Некоторых растерзанных и полуживых военнопленных и гражданских лиц солдаты пристреливали и приказывали выбросить за ограду, чтобы не возиться с их лечением» (т. 2, л. д. 194—195, 211).

В марте 1943 года немцы расстреляли и сожгли захваченных ими в плен 800 раненых бойцов и офицеров Красной Армии, находившихся на излечении в 1-м армейском сортировочном госпитале 69-й армии, размещавшемся в городе Харькове, по улице Тринклера.

Описывая обстоятельства этого злодеяния немецко-фашистских захватчиков, свидетели — профессор **Катков**, врач **Джинчвиладзе** и медсестра **Сокольская**, работавшие в то время в госпитале, — показали, что 13 марта 1943 г. к госпиталю подъехали три автомашины с эсэсовцами

дивизии «Адольф Гитлер», которые закрыли дверь, ведущую в 8-й корпус, и бросили в него зажигательный снаряд. Корпус загорелся. Спасаясь от смерти, находившиеся в корпусе раненые выбрасывались из окон горящего здания, но здесь же расстреливались эсэсовцами из автоматов.

На другой день группа эсэсовцев в количестве 9-ти человек вновь явилась в этот госпиталь и, выгнав из палаты медперсонал, расстреляла всех раненых, находившихся в других корпусах госпиталя.

Свидетель **Козлова** Мария Александровна, муж которой был зверски убит во время этой кровавой расправы гитлеровцев, показала:

«Будучи в действующей Красной Армии, мой муж был ранен и помещен на лечение в 1-й армейский госпиталь, находившийся в то время в городе Харькове.

15 марта я решила снести ему передачу. Подойдя к месту расположения госпиталя, я не могла сразу узнать, что это тот самый госпиталь, в котором находится на лечении мой муж.

Жуткая картина встала перед моими глазами: везде и всюду груды развалин, по всей территории валялись трупы сожженных и зверски замученных советских граждан. Видя чудовищные злодеяния, я, не помня себя, побежала к уцелевшему от огня 4-му корпусу. Ужас охватил меня, когда я вошла в первую палату. Горы трупов, изуродованных до неузнаваемости, валялись в ней. В беспамятстве я подбежала к кровати мужа — она была пуста и залита кровью. При этом труп своего мужа, обезображенный и окровавленный, я увидела на полу, валявшимся между кроватями. Голова была пробита, один глаз выколот, руки сломаны, из зияющих ран еще сочилась кровь» (т. 3, л. д. 146—147).

Таким образом, материалами следствия — показаниями обвиняемых, свидетелей, а также актами судебно-медицинской экспертизы — установлено, что немецко-фашистские захватчики за период временной оккупации города Харькова и Харьковской области умертвили в «газовых автомобилях» — «душегубках» и повесили, расстреляли и замучили в застенках гестапо свыше 30 000 советских граждан.

IV

Таким образом, является установленным, что всю полноту ответственности за массовые убийства и злодеяния, учиненные немецко-фашистскими захватчиками в период временной оккупации города Харькова и Харьковской области, за пытки и массовое истребление мирных жителей, за расстрелы и умерщвление путем удушения окисью углерода в специально оборудованных автомашинах — «душегубках», за сожжение и другие виды уничтожения ни в чем не повинных советских людей, в том числе женщин, стариков и детей, несут руководители разбойничьего фашистского правительства Германии и верховного командования германской армии.

Установлено также, что в преступлениях, явившихся объектом расследования по настоящему делу и конкретно изложенных выше, принимали непосредственное участие нижеследующие командиры и начальники немецких воинских, полицейских и карательных организаций:

Командир дивизии СС «Адольф Гитлер», обергруппенфюрер **Дитрих**.

Командир дивизии СС «Мертвая голова», группенфюрер войск СС **Симон**.

Начальник Харьковской «зондеркоманды СД» штурмбаннфюрер — **Ханебиттер**.

Начальник группы германской тайной полевой полиции города Харькова — комиссар полиции **Кархан**.

Начальник 560-й группы ГФП при штабе 6-й германской армии — комиссар полиции **Мериц**.

Зам. начальника группы германской тайной полевой полиции города Харькова — секретарь полиции **Вульф**.

Виновность всех вышеназванных лиц в совершенных ими преступных действиях полностью доказана произведенным расследованием, в силу чего все они подлежат уголовной ответственности за преступления, совершенные ими в отношении советских граждан на советской территории, в соответствии с уголовным законодательством Союза ССР.

Наряду с ними виновными во всех этих зверских злодеяниях являются участники преступления, привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу сотрудники военных, полицейских, разведывательных и карательных органов немецкой армии — **Рецлав** Рейнгард, **Риц** Ганс, **Лангхельд** Вильгельм, а также их пособник, изменник Родины **Буланов** Михаил.

Конкретная преступная деятельность названных лиц выразилась в нижеследующем:

Рецлав Рейнгард, являясь чиновником германской тайной полевой полиции в Харькове, вел следствие по делам ряда арестованных советских граждан, вымогая у них показания путем нечеловеческих истязаний и пыток и фальсифицируя в отношении их заведомо искусственные обвинения.

Составил заведомо вымышленные заключения о том, что трое арестованных якобы сознались в антигерманской деятельности, и умышленно вписал в эти заключения 25 человек рабочих Харьковского тракторного завода и Харьковской городской электростанции.

На основании его заключений эти рабочие были арестованы и в дальнейшем из них 15 человек были расстреляны, а 10 умерщвлены посредством «душегубки».

Неоднократно лично погружал в «душегубку» советских граждан, убив таким образом еще до 40 человек.

Сопровождая «душегубку» к месту разгрузки, на территорию Харьковского тракторного завода, принимал непосредственное участие в сожжении трупов удушенных.

Риц Ганс, являясь заместителем командира роты СС при Харьковской «зондеркоманде СД», принимал участие в истязаниях и расстрелах мирных советских граждан.

В июне 1943 года участвовал в массовом расстреле ни в чем не повинных советских людей в районе деревни Подворки, близ Харькова.

Участвовал в допросах арестованных «зондеркомандой СД».

Лично избивал их шомполами и резиновыми палками, добываясь получения от них заведомо вымышленных показаний о проводимой якобы ими антигерманской деятельности.

Лангхельд Вильгельм, являясь офицером военной контрразведки, принимал непосредственное участие в расстрелах и зверствах, чинимых над военнопленными и мирным населением.

Допрашивал военнопленных, путем истязаний и провокаций добивался от них заведомо вымышленных показаний.

Сфальсифицировал ряд искусственных дел против советских граждан, по которым было расстреляно до 100 человек.

Буланов Михаил Петрович, изменив Родине, перешел на сторону немцев и поступил к ним на службу на должность шофера Харьковского отделения гестапо.

Принимал участие в истреблении советских людей путем их удушения в «душегубке».

Вывозил на расстрел мирных советских граждан, принимал личное участие в расстреле группы детей, в количестве 60 человек.

Все обвиняемые, привлеченные по настоящему делу, а именно — **Рецлав Р., Риц Г., Лангхельд В. и Буланов М.П.**, признали себя виновными в предъявленном им обвинении и дали подробные показания о своей преступной деятельности.

На основании изложенного **обвиняются:**

Рецлав Рейнгард, 1907 г. рождения, уроженец гор. Берлина, со средним образованием, чиновник германской тайной полевой полиции города Харькова, старший ефрейтор вспомогательной полиции.

Риц Ганс, 1919 года рождения, уроженец гор. Мариенвердер (Германия), немец, с высшим образованием, член национал-социалистической партии с 1937 г., зам. командира роты СС, унтерштурмфюрер СС.

Лангхельд Вильгельм, 1891 г. рождения, уроженец г. Франкфурт-на-Майне, немец, член национал-социалистической партии с 1933 года, офицер военной контрразведки германской армии, капитан, — в том, что:

являясь военнослужащими германской армии, в 1941—1943 гг. принимали непосредственное участие в массовом и зверском истреблении мирных советских людей посредством применения специально оборудованных автомашин, называемых «душегубками», а также в том,

что лично участвовали в массовых расстрелах, повешении, сожжении, грабежах и издевательствах над советскими людьми, т.е. в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Буланов Михаил Петрович, 1917 года рождения, уроженец станции Джанибек Казахской ССР, русский, беспартийный, в том, что, изменив Родине, добровольно перешел на сторону немцев и поступил на службу в германские карательные органы.

Вместе с немцами принимал непосредственное участие в массовом уничтожении советских людей путем удушения их в «душегубках».

Лично расстреливал мирных советских граждан, в том числе стариков, женщин и детей, т.е. в преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Вследствие изложенного перечисленные выше лица подлежат суду Военного Трибунала.

Обвинительное заключение составлено 11 декабря 1943 г.

После перевода обвинительного заключения на немецкий язык суд приступает к допросу обвиняемых. Все подсудимые — **Рецлав** Рейнгард, **Лангхельд** Вильгельм, **Риц** Ганс и **Буланов** — полностью признают себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Первым допрашивается подсудимый Вильгельм **Лангхельд** — капитан германской контрразведки. Он признает, что являлся непосредственным участником массовых расстрелов советских людей. Недаром он считался примерным служакой и получил от своего командования три награды. Отвечая на вопросы прокурора, Лангхельд рассказывает о том, как в лагерях для военнопленных гитлеровцы фабриковали ложные обвинения, на основании которых ни в чем не повинные люди подвергались расстрелу.

— Мое непосредственное начальство, — показывает он, — майор Люляй сделал мне замечание, почему у меня мало расстрелов. Я извинился, сказал, что недавно в этом лагере и еще не имел возможности себя проявить.

Прокурор. — А вы не пытались доказать майору, что военнопленные не совершили никаких преступлений?

Лангхельд. — Да, я знал, что нет преступлений и нет дел, но замечание майора воспринял как приказ создать их; если нет, то выдумать. Я приказал привести ко мне одного из самых истощенных пленных, думая, что от него мне удастся легко получить нужные показания.

Прокурор. — То есть вымышленные?

Лангхельд. — Да, разумеется, вымышленные, спровоцированные. Когда ко мне привели пленного, я спросил, известно ли ему, кто в лагере собирается совершить побег, и пообещал при этом улучшить его питание. Пленный отказался назвать мне какие бы то ни было фамилии, сказав, что он о таких случаях не знает. Но так как я все-таки должен

был выполнить приказ майора, то приказал бросить пленного на землю и избивал его палками, пока он не лишился сознания. Затем я составил протокол, пинками поднял потерявшего сознание пленного и попытался заставить его подписать протокол. Он снова отказался.

Прокурор. — Кто же все-таки подписал протокол?

Лангхельд. — Переводчик.

Прокурор. — Следовательно, этот протокол был подложный?

Лангхельд. — Да.

Прокурор. — Что же в нем было записано?

Лангхельд. — Мы написали, что двадцать военнопленных якобы собираются совершить побег. Фамилии назвали совершенно произвольно. Я просто выбрал их из лагерного списка. На следующий день протокол доложили майору, и он распорядился всех расстрелять. Это распоряжение было выполнено.

Прокурор. — Таким образом, были расстреляны ни в чем не повинные люди?

Лангхельд. — Да.

Из дальнейших показаний подсудимого выясняется, что подобная практика у Лангхельда и других немецких офицеров была системой. Подсудимый показывает о втором таком же случае. На этот раз его жертвой были шесть ни в чем не повинных украинских женщин. Это были крестьянки ближайших деревень. Они приходили в лагерь искать своих родственников. Желая отличиться перед начальством, Лангхельд решил добиться от этих женщин показаний в том, что они якобы помогали установить связь между партизанами и находящимися в лагере военнопленными. С этой целью были арестованы шесть женщин, из них одна с пятилетним ребенком. От них добивались вымышленных показаний теми же методами: раздевали, бросали на скамью, били палками и шомполами. Но никакие мучения и пытки не могли вынудить у советских женщин ложных признаний. Они падали без сознания, но не сказали ни слова.

— Как вела себя женщина, у которой был ребенок, — спрашивает прокурор, — и как вел себя ребенок?

Лангхельд. — Ребенок сначала цеплялся за мать, плакал, а затем отполз в угол и забился там в страшном испуге.

На следующий день Лангхельд написал служебную записку в местную комендатуру, указав, что якобы им вскрыто пять случаев связи партизан с военнопленными. Местная комендатура увезла пятерых женщин и, как выяснилось впоследствии, расстреляла.

Прокурор. — Но ведь женщин было шесть. Что же стало с шестой?

Лангхельд бесстрастным тоном показывает, что шестая в ту же ночь умерла от побоев и поэтому для него не было смысла включать ее в служебную записку. Этой шестой и была женщина с пятилетним ребенком.

На вопрос прокурора, что же стало с ребенком, Лангхельд отвечает: он цеплялся за мертвую мать, громко кричал. Ефрейтору, который пришел, чтобы вытащить труп женщины из помещения, это надоело, и он застрелил ребенка.

Ропот возмущения пробегает по залу. Подлые детоубийцы. Они отвечают за свои чудовищные злодеяния.

Допрос продолжается.

Прокурор спрашивает подсудимого, являлись ли подобные случаи единичными или они были системой в германской армии.

— Это имело место всюду, было системой, — отвечает Лангхельд.

Он далее указывает, что эту систему утверждали и поощряли приказы и распоряжения германского правительства и командования германской армии. На вопрос прокурора — значит, можно считать установленным, что приказы о массовом уничтожении ни в чем не повинных советских людей исходили от германского правительства, Лангхельд отвечает твердо и четко: да. Он приводит факт, когда по его распоряжению в Дарницком лагере были расстреляны десять ни в чем не повинных офицеров Красной Армии, чтобы «предупредить побег».

— Эта моя инициатива, — добавляет он, — была полностью одобрена командованием.

Лангхельд признает, что он не только знал о существовании так называемого газового автомобиля — специально оборудованной автомашины для удушения советских людей окисью углерода, но и видел лично эту машину, наблюдал, как производится в нее погрузка советских граждан.

Из дальнейших показаний Лангхельда выясняется страшная картина режима террора и провокаций, царившая в немецких лагерях военнопленных. В этих лагерях вместе с военнопленными содержалось под видом военнопленных и гражданское население. Военнопленных и содержащихся под видом военнопленных гражданских лиц морили голодом, травили собаками, уничтожали под всяким предлогом и вовсе без предлогов. Лангхельд приводит такой факт. В одном из лагерей пленные жили под открытым небом. Чтобы согреться, они по ночам зажигали костры. Лагерное начальство само давало на это разрешение, а затем солдаты открывали стрельбу по беззащитным людям, собравшимся у костров. Это была заранее обдуманная изуверская провокация.

— Скажите, Лангхельд, — спрашивает прокурор, — сколько лично вы уничтожили советских граждан?

Фашистский палач глубококомысленно поднимает глаза вверх, минуту думает и отвечает:

— Точно цифру назвать затрудняюсь, но полагаю, что не менее ста.

Прокурор. — А известно ли вам, сколько всего было уничтожено немцами советских людей за время оккупации Харькова и Харьковской области?

Лангхельд. — Я слышал, что было уничтожено более тридцати тысяч человек. Столько же, а то и больше уничтожено в Киеве, около пятнадцати тысяч — в Полтаве.

Так Лангхельд и ему подобные проводили на практике указание германского правительства о массовом истреблении советских людей.

Председатель суда, генерал-майор юстиции Мясник уточняет путь палача Лангхельда по советской земле. Он был в Полтаве, под Киевом, в Дергачах, в Россоши.

Председатель. — И везде вы принимали такое активное участие в истреблении советских людей?

Лангхельд. — Да, везде.

Председатель. — Вам не известны случаи, когда германское командование привлекало бы своих офицеров к ответственности за издевательства над мирным населением?

Лангхельду этот вопрос кажется непонятным — такая практика не только не наказывалась, но всячески поощрялась германским командованием. И на вопрос председателя, за что он получил три награды, не за то ли, что так рьяно уничтожал советских людей, Лангхельд отвечает:

— Да, я старался выполнять приказы моего начальства.

Председатель. — Вопрос имеет член суда тов. **Харчев.**

Член суда тов. Харчев. — По каким мотивам и когда вы вступили в национал-социалистскую партию?

Лангхельд. — В национал-социалистскую партию я вступил в 1933 году главным образом потому, что считал ее программу правильной.

Председатель. — У экспертов имеются какие-либо вопросы к подсудимому Лангхельду?

Эксперты. — Вопросов не имеется.

Председатель (к защите). — Имеются ли у защиты вопросы к подсудимому?

Защитник Коммодов. — Чем подсудимый Лангхельд занимался до войны?

Лангхельд. — До войны я был чиновником в городском управлении города Франкфурта-на-Майне.

Коммодов. — С какого времени вы на Восточном фронте?

Лангхельд. — С начала войны.

Коммодов. — Разделяли ли вы взгляды национал-социалистской партии до вступления в партию?

Лангхельд. — Нет, я до этого не был членом партии.

Коммодов. — Принимали ли вы участие в войне 1914—1918 гг.?

Лангхельд. — Да, я был участником мировой войны 1914—1918 гг.

Коммодов. — Как вы объясните личное свое участие в совершении тех преступлений, в которых признаете себя виновным?

Лангхельд. — Я выполнял приказы своего начальства, и если бы я их не выполнил, то был бы предан военно-полевому суду.

Председатель. — У защиты имеются еще вопросы к подсудимому?

Защита. — Нет.

Логика фактов — самая сильная логика. Когда председатель суда, суммируя все факты, выявленные во время допроса Лангхельда, спрашивает его, считает ли он германское правительство и командование германской армии полностью ответственными за все эти злодеяния, за массовое истребление советских граждан, Лангхельд отвечает:

— Да, считаю.

После этого суд объявляет перерыв до 10 часов 16 декабря.

Утреннее заседание суда 16 декабря 1943 г.

Заседание начинается ровно в 10 часов утра.

Председатель, генерал-майор юстиции т. **Мясников.** — Судебное заседание Военного Трибунала продолжается. Продолжаем допрос подсудимого Лангхельд.

Вопрос председателя суда:

— Подсудимый Лангхельд, где вы видели «газовую машину»?

Подсудимый Лангхельд отвечает через переводчика Копылова.

— Я видел «газовую машину» в Харькове.

Председатель. — Когда?

Лангхельд. — Это было примерно в мае 1942 года, когда я был в служебной поездке в Харькове.

Председатель. — Опишите, что представляет собой «газовая машина».

Лангхельд. — Насколько я припоминаю, «газовая машина» представляет из себя автомобиль темно-серого цвета, совершенно закрытый, имеющий сзади герметически закрывающуюся дверь.

Председатель. — Сколько вмещала людей эта машина?

Лангхельд. — Примерно 60—70 человек.

Председатель. — При каких обстоятельствах вы видели эту «газовую машину» в Харькове?

Лангхельд. — Я был на Чернышевской улице, 76, где размещался штаб СД, и слышал во дворе этого здания сильный шум и крики.

Председатель. — Что же там происходило?

Лангхельд. — «Газовая машина» в это время подъехала к главному входу здания, и можно было видеть, как туда насильно загоняли людей, причём у дверей «газовой машины» стояли немецкие солдаты.

Председатель. — Вы присутствовали, когда загоняли людей в «газовую машину»?

Лангхельд. — Да, я находился в нескольких шагах от «газовой машины» и наблюдал это.

Председатель. — Расскажите, как происходила погрузка людей в «газовую машину».

Лангхельд. — Среди людей, которые грузились в «газовую машину», были старики, дети, пожилые и молодые женщины. Добровольно эти

люди не хотели входить в машину, и поэтому эсэсовцы пинками и ударами прикладов загоняли людей в «газовый автомобиль».

Председатель. — А почему люди не шли добровольно в машину? Что, они знали, что это за машина?

Лангхельд. — Я предполагаю, что эти люди догадывались о судьбе, которая их ожидает.

Председатель. — Кто руководил погрузкой в «газовую машину» в вашем присутствии?

Лангхельд. — Я затрудняюсь назвать какие-либо определенные имена, так как все это были лица, мне не знакомые, но, во всяком случае, это были эсэсовцы. Возле «газового автомобиля» я встретил одного своего знакомого, капитана германской армии.

Председатель. — Как его фамилия?

Лангхельд. — Это был капитан Бойко.

Председатель. — В каких городах оккупированной советской территории применялась «газовая машина» для истребления советских людей?

Лангхельд. — Я слышал от капитана Бойко, что подобный «газовый автомобиль» применялся в большинстве городов оккупированной советской территории, как то: в Харькове, Полтаве, Киеве.

Председатель. — Известно ли вам, что и в Смоленске была применена «газовая машина», как об этом вы показали на предварительном следствии?

Лангхельд. — Да, об этом я также слышал, что и в Смоленске «газовый автомобиль» применялся.

Председатель. — По чьему приказу?

Лангхельд. — Так как «газовая машина» применялась эсэсовцами, то можно заключить, что применение этого автомобиля производилось по указанию правительства.

Председатель. — Назовите фамилии и должности своих помощников, с которыми вы работали.

Лангхельд. — Моими помощниками являлись фельдфебель Рунге, переводчик Шульц, старшие ефрейторы Этман и Майна.

Председатель. — Они также принимали активное участие в расстрелах и избиениях русских военнопленных и мирных граждан?

Лангхельд. — Да, они все принимали одинаковое участие.

Председатель. — Уточните виновность каждого из них в отдельности.

Лангхельд. — Фельдфебель Рунге, в основном, выполнял приказы по приведению в исполнение расстрелов. Трое остальных принимали участие в избиениях на допросах и тому подобных действиях.

Председатель. — Следовательно, в отношении своих подчиненных вы являлись таким же лицом, как и майор Люляй?

Лангхельд. — Да, это можно так сказать.

Председатель. — Вы признаете это?

Лангхельд. — Да, я это признаю.

Председатель. — Расскажите, почему немецкие офицеры и солдаты, как вы показывали на следствии, проходя по лагерю, срывали с военнопленных фуражки и бросали их в запретную зону?

Лангхельд. — Солдаты этим занимались как развлечением, чтобы таким образом выразить свою ненависть по отношению к русским.

Председатель. — Как это происходило дальше?

Лангхельд. — Когда пленные пытались поднять принадлежавшие им фуражки, то охрана стреляла в них. Само собою разумеется, что при этом бывали случаи, когда они их убивали.

Председатель. — Были ли еще случаи, когда стреляли по пленным?

Лангхельд. — Да. Такие случаи имели место, и я сам наблюдал подобные факты в лагере в Полтаве.

Председатель. — Кто стрелял — солдаты или офицеры?

Лангхельд. — Особенно отличался в этом вахмистр, фамилию которого в настоящий момент я припомнить не могу.

Председатель. — Значит, военнопленных избирали в качестве мишени, так?

Лангхельд. — Да, можно сказать, что военнопленных в данном случае рассматривали, как дичь, по которой можно стрелять.

Председатель. — Немецкие офицеры и солдаты раздевали военнопленных?

Лангхельд. — Да. Все хорошие вещи, которые имелись у военнопленных, отбирались у них.

Председатель. — То есть их грабили?

Лангхельд. — Да, так можно сказать.

Председатель. — И вы в том числе грабили?

Лангхельд. — Да, я принимал в этом участие.

Председатель. — Куда девались вещи, которые грабили у военнопленных?

Лангхельд. — Как правило, такие вещи раздавались военнослужащим рот.

Председатель. — У мирного населения немецкая армия также отбирала вещи?

Лангхельд. — В отношении гражданского населения я не могу дать никаких подробных показаний.

Председатель. — А куда девались из лагерей трупы убитых военнопленных?

Лангхельд. — За пределами лагерей были вырыты ямы, и туда бросали трупы убитых пленными.

Председатель. — Какое ориентировочно количество военнопленных погибло в лагерях?

Лангхельд. — Наивысшая цифра составляет ориентировочно за сутки 60 мертвых пленных.

Председатель. — Получается, что это были не лагеря военнопленных, а лагеря смерти?

Лангхельд. — Да, можно сказать.

Председатель. — Есть ли дополнительные вопросы у военного прокурора?

Военный прокурор. — Нет.

Председатель. — У защиты имеются вопросы?

Защита. — Нет.

Председатель. — Садитесь, подсудимый Лангхельд.

После Лангхельда суд приступает к допросу подсудимого **Рица**. Допрос подсудимого начинается прокурор.

Прокурор. — Подсудимый Риц, скажите, какой у вас был чин в германской армии?

Подсудимый Риц отвечает через переводчика Стеснову, что у него был чин унтерштурмбаннфюрера СС, который соответствует чину лейтенанта.

Прокурор. — Вы служили в войсках СС?

Риц. — Да, я служил в войсках СС.

Прокурор. — Какие функции выполняли войска СС?

Риц. — Войска СС применяются так же, как и обычные армейские части, однако к эссовцам предъявляются определенные требования: арийское происхождение, определенный рост, преданность национал-социализму и т.п.

Прокурор. — Какие функции выполняла часть, которой вы командовали?

Риц. — Я руководил ротой СС, которая являлась карательным органом и была прикомандирована к «зондеркоманде СД» в гор. Таганроге.

Прокурор. — В частности, что эта рота конкретно делала?

Риц. — Рота СС действовала по приказу «зондеркоманды СД» города Таганрога и выполняла карательные функции, как то: расстрелы, принудительную эвакуацию населения из деревень и перевозку и охрану арестованных.

Далее, отвечая на вопросы прокурора, Риц уточняет «деятельность» роты СС. Оказывается, эта «деятельность» заключалась, главным образом, в уничтожении мирного населения путем фальсификации разного рода искусственных обвинений. При этом истреблялись и старики, и женщины, и дети. Риц признает, что только по его личным приказам было уничтожено таким путем около 300 человек в районе Таганрога.

Прокурор. — А другими сведениями вы не располагаете, т.е. о других районах ничего не знаете?

Риц. — Мне известно также об уничтожении мирных граждан в Харькове. Об этом я узнал, когда был проездом в городе Харькове, а затем когда находился при «зондеркоманде» города Харькова.

Прокурор. — Расскажите подробно об этом.

Риц. — 31 мая 1943 года я прибыл в Харьков и явился к начальнику «зондеркоманды» города Харькова Ханебиттер, которого я знал еще ранее по Германии. Там я познакомился также с офицерами «зондеркоманды» — заместителем начальника «зондеркоманды» Кирхнер, офицерами Фаст, Петерс, доктором Каппе и лейтенантом Якобе. Я могу рассказать о некоторых случаях, которые мне приходилось наблюдать в Харькове. В первую очередь мне приходилось сталкиваться с лейтенантом Якобе, который заявлял мне, что сейчас у «их очень много работы с арестованными, содержащимися в Харьковской тюрьме, но что, слава богу, у них имеется специальный метод, который помогает им освобождать тюрьмы от арестованных. Тогда я спросил у него, что это за специальный метод. Якобе ответил, что это «газовый автомобиль». Когда я услышал термин «газовый автомобиль», я вспомнил, что мне было известно еще в Германии об этой машине. Я помню об этой машине со времени пребывания под Варшавой, где мне приходилось наблюдать, как при помощи этой машины эвакуировали неблагодатное население г. Варшавы. Из разговоров с секретарем национал-социалистской организации г. Варшавы Рихтером мне стало известно, что часть населения г. Варшавы эвакуировалась по железной дороге, а другая часть погружалась в «газовую машину» и уничтожалась. На мой вопрос, что это за машина, Рихтер ответил, что это самая обычная грузовая транспортная машина, но у нее выхлопные газы направляются в кузов, при помощи которых и уничтожаются находящиеся в ней люди. Подобного рода объяснения о «газовой машине» я получил также в сентябре 1942 г. в Риге от инженера-строителя Дегте и, кроме того, в мае 1942 г. от чиновника русского городского управления Майера, рассказавшего, что при помощи «газового автомобиля» уничтожалось мирное население г. Витебска. Об этих рассказах вышеуказанных лиц я вспомнил сейчас же, как только мне лейтенант Якобе сообщил, что в Харькове применяли «газовый автомобиль». Я попросил лейтенанта Якобе разрешить мне осмотреть эту машину. Лейтенант Якобе дал на это свое согласие, заявив, что как раз для этого есть подходящий момент, так как на следующий день в 6 часов утра будет происходить погрузка в этот «газовый автомобиль», и я могу явиться во двор тюрьмы и посмотреть. На следующий день я явился в условленное время во двор тюрьмы, где находился лейтенант Якобе, поздоровался с ним, после чего он показал мне стоящую во дворе машину. Это была самая обыкновенная военная машина, предназначенная для перевозок, только с герметическим закрывающимся кузовом. Лейтенант Якобе открыл дверцы машины и показал мне. Внутри эта машина была обита железными листами, в полу машины имелись отверстия, через которые поступали выхлопные газы из мотора, при помощи которых и отравляли находящихся в ней людей. Вскоре после этого открылись двери тюрьмы и группами оттуда

начали выводить арестованных. Среди них были женщины различных возрастов и старики, которые шли в сопровождении эсэсовцев. Особенно тяжелое впечатление произвел на меня вид этих людей: люди были исхудавшие, со всклокоченными волосами, со следами побоев на лице. Те из арестованных, которые не хотели идти, получали побои и пинки. Им дано было приказание направиться к машине и погрузиться в нее. Хочу добавить еще, что количество арестованных составляло примерно 60 человек. Когда началась погрузка в машину, часть арестованных пошла в машину, другая же часть не хотела входить и оказывала сопротивление, но насильно вталкивалась эсэсовцами пинками и ударами прикладов. Наблюдая это, я спросил лейтенанта Якобе, почему известно этим людям, что их ожидает в «газовой машине». Лейтенант Якобе ответил мне на это, что, собственно, людям не говорили о том, что их ожидает, но так как «газовая, машина» нашла уже широкое применение в Харькове, то многим, видимо, известно, что их ожидает в этой машине.

Прокурор. — Сколько раз вы наблюдали подобную погрузку в «газовую машину»?

Риц. — Я наблюдал это только единственный раз, о котором рассказываю.

Прокурор. — Присутствовали вы при массовых расстрелах советских граждан?

Риц. — Да, я принимал в этом участие.

Прокурор. — Расскажите об этом подробно.

Риц. — Ханебиттер мне сказал, что предстоит расстрел примерно 3000 человек, которые при занятии гор. Харькова советскими войсками приветствовали приход советской власти. Ханебиттер сказал мне, что я имею возможность присутствовать при этом расстреле.

Прокурор. — Вы сами запросились присутствовать при расстреле?

Риц. — Да, я сам просил майора Ханебиттер разрешить мне присутствовать при этой операции.

Прокурор. — Расскажите подробно об этом.

Риц. — 2 июня майор Ханебиттер, захватив меня, выехал с рядом офицеров в деревню, расположенную недалеко от г. Харькова, Надворки или Продворки, где должен был происходить расстрел. В пути мы обогнали три автомашины, нагруженные арестованными, в сопровождении эсэсовцев, которые также направлялись туда. Машина, на которой я ехал, обогнала машину с арестованными и прибыла на лесную поляну, где были подготовлены ямы. Эта поляна была оцеплена эсэсовцами. Вскоре после этого появились автомашины с арестованными. Ханебиттер сказал, что в этот день подлежит расстрелу до 300 человек. Арестованные были разделены на небольшие группы, которые поочередно расстреливались эсэсовцами из автоматов. Не хочу умалчивать и о своем участии в этой операции. Майор Ханебиттер сказал мне: «Покажите, на что вы способны», — и я, как военный человек, офицер, не отказался от этого, взял у одного из эсэсовцев автомат и дал очередь по арестованным.

Прокурор. — Среди расстреливаемых были женщины и дети?

Риц. — Да, я помню, что была женщина с ребенком. Женщина, пытаясь спасти ребенка, прикрыла его своим телом, но это не помогло, так как пули пронизали ее и ребенка.

Прокурор. — Сколько человек было в этот раз расстреляно в вашем присутствии?

Риц. — Мне майор Ханебиттер сказал, что в этот день должно было быть расстреляно до 300 человек.

Прокурор. — Не видели ли в ямах, в которых хоронили расстреливаемых людей, умерщвленных при помощи «газового автомобиля»?

Риц. — Да, когда мы, офицеры, потом осмотрели место расстрела, то лейтенант Якобе показал мне одну из ям, где из-под слегка присыпанной земли видны были очертания человеческих трупов. Якобе сказал, что вот, дескать, пассажиры вчерашней поездки на «газовом автомобиле».

Прокурор. — Вы занимались допросами арестованных мирных советских граждан?

Риц. — Да, я принимал участие в допросах советских граждан в городе Таганроге.

Прокурор. — Расскажите, как вы допрашивали советских граждан.

Риц. — Сначала я допрашивал арестованных согласно тем юридическим познаниям, которыми я обладал. Однако вскоре ко мне явился начальник зондеркоманды города Таганрога Эккер, который заявил, что так дальше дело не пойдет, что люди эти толстокожие и к ним надо применять другие меры. И тогда я начал избивать их на допросах.

Прокурор. — Побои были системой допроса советских граждан?

Риц. — Да, можно со всей определенностью сказать, что были системой. В городе Харькове, как я уже раньше показал, я имел возможность присутствовать при допросах и убедился, что все, начиная с начальника и кончая младшим чином зондеркоманды, избивали, причем сильно избивали на допросах. Так что, повторяю, это, безусловно, система.

Прокурор. — Вот вы, Риц, человек с высшим юридическим образованием, очевидно, считающий себя человеком культурным, как вы могли не только наблюдать эти избиения, но и принимать в них активное участие, расстреливать ни в чем не повинных людей, причем расстреливать не только по принуждению, но и по собственной воле?

Риц. — Я должен был выполнять приказ, так как если бы я приказа не выполнил, то меня представили бы к военно-полевому суду и наверняка приговорили бы к смертной казни.

Прокурор. — Это не совсем так, потому что вы сами изъявили желание участвовать при погрузке людей в «газовую машину» и вас туда никто специально не приглашал.

Риц. — Да, верно то, что я сам изъявил желание присутствовать при этом, но прошу учесть, что тогда я еще являлся новичком на Восточном фронте и хотел лично убедиться, действительно ли здесь, на Восточном

фронте, применяется такая автомашина, о которой я слышал ранее. Поэтому я и изъявил желание лично присутствовать при погрузке в нее людей.

Прокурор. — Но в расстрелах невинных советских граждан вы ведь принимали непосредственное участие?

Риц. — Я уже показал ранее, что при расстрелах в Подворках майор Ханебиттер сказал: «Покажите, на что вы способны». Не желая оскандалиться, я взял у одного из эсэсовцев автомат и стал расстреливать.

Прокурор. — Следовательно, на этот мерзкий путь, на путь расстрелов ни в чем не повинных людей, вы стали по собственной воле, ибо вас к этому никто не понуждал?

Риц. — Да, я действительно в этом должен признаться.

Прокурор. — Вот вы, Риц, человек, обладающий некоторыми познаниями в области права, скажите — на Восточном фронте нормы международного права немецкой армией в какой-либо степени соблюдались или нет?

Риц. — Я должен сказать, что на Восточном фронте не могло быть и речи ни о международном, ни о каком-либо другом праве.

Прокурор. — Скажите, Риц, по чьему приказу все это происходило, почему эта система совершенного бесправия и зверской расправы с невинными людьми утвердилась?

Риц. — Это бесправие имело свои глубокие причины, а именно — оно вызвано указаниями Гитлера и его сотрудников, указаниями, которые можно подробно проанализировать.

Прокурор. — Расскажите подробно и конкретно, кто же именно виноват во всем этом.

Риц. — Первым и основным виновником я считаю Гитлера, призывающего, во-первых, к водворению системы жестокости и, во-вторых, говорившего о превосходстве германо-арийской расы, которая призвана водворить порядок в Европе. Он также говорил о необходимости уничтожения малоценного русского народа. Далее я хочу указать на Гимmlера. Гимmlер неоднократно говорил, что нечего обращать внимание на параграфы, приговаривающие к смерти, а надо приговаривать согласно своему арийскому чувству. Это германо-арийское чувство в Германии надо было как-то прикрывать, а на Восточном фронте немецкие войска творили неприкрыто. Далее я хочу сказать о Розенберге, на чей счет следует записать пропаганду, восхваляющую превосходство германской расы. Эта пропаганда, которую проводил Розенберг и в отношении русских, как варваров, привела к такому поведению германских солдат. Таким образом, говоря о действительных глубоких причинах этих злодеяний, я счел нужным указать на эти три имени, с которыми, безусловно, связаны преступления немецких войск.

Председатель. — Подсудимый Риц, расскажите кратко свою биографию.

Риц. — Я родился в 1919 г. в городе Мариенвердер (Германия) в семье профессора. С 1925 г. я сначала три года посещал народную школу, а затем девять лет гуманитарный университет; который и окончил, сдав испытания. Затем семь месяцев я отбывал трудовую повинность, после чего поступил в Кёнигсбергский университет, где изучал право, а также занимался музыкой. С 1939 года я был призван в германскую армию, но затем был отпущен в отпуск для того, чтобы в марте 1940 года сдать государственный экзамен. До октября 1940 года я числился в рядах армии, но затем был демобилизован в связи с болезнью желудка и занимался в первое время судебной деятельностью при оберпрезидиуме Восточной Пруссии в Кёнигсберге. С апреля 1941 года по май 1943 года я работал в качестве юриста в Познани. В конце мая 1943 года по так называемой тотальной мобилизации я был призван в германскую армию и направлен на Восточный фронт.

Председатель. Какие вы занимали общественные посты, будучи членом союза гитлеровской молодежи?

Риц. — Будучи членом союза гитлеровской молодежи с 1933 года, я вначале занимал небольшие руководящие должности, но затем был в Познани председателем суда чести союза гитлеровской молодежи.

Председатель. — Подсудимый Риц, сколько времени вы находились в Таганроге?

Риц. — Я находился в Таганроге с 5 июня по 1 сентября 1943 года.

Председатель. — Вы со своей ротой производили карательные мероприятия не только в Таганроге, но и в окрестностях Таганрога?

Риц. — Рота производила расстрелы, как я показал ранее, в районе песчаных карьеров, расположенных северо-восточнее города Таганрога. Кроме того, рота осуществляла и другие карательные экспедиции.

Председатель. — Сами вы принимали участие в расстреле в песчаных карьерах?

Риц. — Да, принимал участие в расстрелах, произведенных в песчаных карьерах.

Председатель. — Какое количество людей было расстреляно в песчаных карьерах?

Риц. — Там было расстреляно до 60 человек.

Председатель. — Это за один раз?

Риц. — Да, за один раз.

Председатель. — А всего?

Риц. — В общем, за два раза было расстреляно 120 человек, общее количество расстрелянных составляло примерно 2000—3000 человек.

Председатель. — Это по Таганрогу?

Риц. — По Таганрогу и его окрестностям.

Председатель. — Назовите должности и фамилии гестаповцев, которые принимали активное участие в расстрелах в Таганроге и его окрестностях.

Риц. — Начальником и лицом, который полностью был ответственным за проведение расстрелов, являлся руководитель зондеркоманды гаупштурмфюрер Эккер, непосредственным участником расстрела был фельдфебель Шульц. Помню также капитана Васбергер, лейтенанта Хейнгель и рядовых Майнгор и Речке.

Председатель. — Расскажите, вы лично принимали участие в расстрелах в яме в окрестностях Таганрога?

Риц. — Как и во многих других случаях, я получил приказ от руководителя зондеркоманды гаупштурмфюрера Эккер выделить команду для расстрела. Взаяся за это я сам. Выслав команду, я выехал на место расстрела проверить, насколько точно проводится в жизнь мое указание.

Председатель. — Что вы видели на месте?

Риц. — Когда я прибыл на место, я увидел яму примерно размером 50 × 50 метров, глубиной — 4 метра. Там находились группа лиц, подлежащих расстрелу, примерно 50 человек, и команда под руководством фельдфебеля Туркел. Арестованные были избиты и плохо одеты. Фельдфебель Туркел доложил мне о готовности начать расстрел. Я ответил: начинайте, после чего был открыт огонь. Сразу же после открытия огня в яме образовался клубок окровавленных тел, среди которых были еще недобитые люди. Тогда я предложил спуститься в яму двум рядовым и прикончить тех, кто остался в живых. Вслед за этими двумя эсэсовцами сошел в яму и я. Двух людей, которые, будучи ранеными, еще были живы, я пристрелил из пистолета. После того как операция была закончена, я приказал двум рядовым остаться на месте в качестве охраны, а остальной части команды вернуться в Таганрог, куда отправился и сам для того, чтобы рапортовать Эккеру о выполнении задания.

Председатель. — Были ли там женщины и дети?

Риц. — Детей при этом я не видел, но что там были женщины — это я могу совершенно точно сказать.

Председатель. — В каких городах применялись «газовые машины»?

Риц. — Мне известно о применении «газовых автомобилей» в Харькове, о чем я уже подробно рассказывал. Дальше из разговоров с Эккером и офицерами зондеркоманды СД мне известно, что последнему рассказывал бывший заместитель начальника СД по Краснодару Раббе, что и там применялись «газовые машины».

Председатель. — Кого уничтожали в Краснодаре в «газовых машинах»?

Риц. — Мне известно, что в Краснодаре уничтожалось гражданское население. Кроме того, при помощи «газового автомобиля» были уничтожены больные, находившиеся в больнице.

Председатель. — То есть уничтожали женщин, детей и больных?

Риц. — Это правильно.

Председатель. — Сколько человек было уничтожено в Краснодаре?

Риц. — Там было уничтожено несколько тысяч.

Председатель. — Вы показали, что уничтожение населения путем «газовой машины» происходило в Варшаве и Риге. Кто руководил в Варшаве и Риге уничтожением людей путем применения «газовых машин»?

Риц. — Это происходило в указанных городах также под руководством гестапо.

Председатель. — А кто конкретно руководил?

Риц. — Это мне не известно.

Председатель. — От кого вам стало известно, что «газовая машина» применялась в Варшаве?

Риц. — Об этом мне рассказывал, как я показал уже выше, некий Рихтер, бывший руководящий работник окружного руководства национал-социалистской партии.

Председатель. — А о гор. Риге откуда вам стало известно?

Риц. — Об этом мне известно от инженера-строителя Денете и от некоего майора, бывшего чиновника рижского городского управления.

Председатель. — Есть ли у защиты вопросы к подсудимому?

Коммодов. — Скажите, остались ли вы верны идее национал-социалистской партии в настоящее время?

Риц. — Я не могу сказать, что я остался верен взглядам национал-социалистской партии, так как за время нахождения на Восточном фронте я имел возможность шаг за шагом убедиться в ложности тезисов национал-социалистской партии.

Коммодов. — Понимаете ли вы теперь, что германское правительство и национал-социалистская партия обманывают немецкий народ?

Риц. — Слово «обман» будет самым подходящим для этого определения.

Коммодов. — Разделял ли ваш отец-профессор воззрения национал-социалистской партии?

Риц. — Мой отец, который до прихода Гитлера к власти был членом либеральной партии, в связи с тем, что он хотел сохранить свою должность, вступил в национал-социалистскую партию, стал ее членом. Однако я не могу сказать, что он полностью разделял взгляды национал-социалистской партии.

На этом допрос подсудимого Рица заканчивается.

По окончании допроса подсудимого **Рица** после пятнадцатиминутного перерыва утреннее заседание 16 декабря продолжится.

Допрашивается подсудимый **Рецлав**.

Прокурор. — Скажите, подсудимый Рецлав, из какой семьи вы происходите, какое имеете образование?

Рецлав. — Мой отец был служащим больничной страховой кассы. Я имею среднее образование.

Прокурор. — Чем вы занимались до войны?

Рецлав. — Я был заместителем начальника отдела по рассылке газет в редакции франкфуртской газеты.

Прокурор. — С какого времени вы служите в германской армии?

Рецлав. — С мая 1940 года.

Прокурор. — В качестве кого вы служили в германской армии?

Рецлав. — В начале мая 1940 года я получил подготовку в качестве радиста в артиллерийской части. Затем, совершив поход во Францию, я был переведен в охранный батальон, дислоцировавшийся вначале во Франции, а затем в Померании.

Прокурор. — Что это за охранный батальон?

Рецлав. — Этот батальон занимался охраной пленных, причем тогда мы охраняли французов и бельгийцев.

Прокурор. — Как вы попали в этот батальон?

Рецлав. — Я был назначен в этот батальон, так как находился в том возрасте, который после французского похода уже не призывался в действующую армию.

Прокурор. — Этот батальон был подчинен германской тайной полиции?

Рецлав. — Нет, он, скорее, являлся ополченским. В мае 1941 года из этого батальона я был переведен в батальон особого назначения «Альтенбург».

Прокурор. — Расскажите подробно, что из себя представляет батальон «Альтенбург».

Рецлав. — Батальон «Альтенбург» является школой, где проходили подготовку чиновники германской тайной полевой полиции.

Прокурор. — Как вы попали в этот батальон?

Рецлав. — Я был направлен командованием.

Прокурор. — Сколько в этом батальоне было человек?

Рецлав. — Количество личного состава батальона колебалось, но в то время, когда я обучался, там находилось около 200 человек.

Прокурор. — Кого готовил этот батальон?

Рецлав. — В этом батальоне готовились чиновники германской тайной полевой полиции. Это была единственная в Германии школа, где они проходили подготовку. Обучение охватывало военную подготовку и специальную подготовку по линии службы тайной полевой полиции.

Прокурор. — Какие дисциплины изучались в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — В этом батальоне велось преподавание, в основном, по следующим предметам: уголовное право, практика допросов, арестов, обысков, агентурная работа среди гражданского населения. Кроме того, нам читали специальные лекции.

Прокурор. — Какие именно?

Рецлав. — Руководящие чиновники гестапо нам читали специальные доклады, в которых освещалась роль германского народа как носителя

высшей германской расы и его задачи по установлению «нового порядка» в Европе и связанных с этим мероприятий.

Прокурор. — Что же это за мероприятия?

Рецлав. — Нам говорили, что советский народ, как низшая раса, должен быть уничтожен.

Прокурор. — Следовательно, в батальоне вас обучали методам уничтожения советских людей?

Рецлав. — Да.

Прокурор. — Эта установка исходила от германского правительства?

Рецлав. — Да, эти установки германское правительство годами посредством печати, кино и радио внедряло в умы немцев.

Прокурор. — Следовательно, из вас готовили не чиновников, а палачей в этом батальоне?

Рецлав. — Да, как я позднее убедился на практике, так можно сказать.

Прокурор. — И в своей практической работе вы выполняли палаческие установки, которые получили в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — Да, я так же, как и другие чиновники тайной полевой полиции, выполнял эти указания.

Прокурор. — То есть вы принимали непосредственное участие в истреблении советских людей?

Рецлав. — Я должен признать, что по приказу своих непосредственных начальников я принимал личное участие в истреблении советских граждан.

Прокурор. — Расскажите, как вы истребляли советских граждан.

Рецлав. — Когда я был в г. Житомире, где располагалась 560-я группа «ГФП» (тайная полевая полиция), то убедился, что те методы, которые нам преподавали, в практической работе применяются.

Прокурор. — Говорите конкретнее.

Рецлав. — Как правило, все лица, которые задерживались военными властями и передавались для следствия в «ГФП», подвергались сначала избиению. Если арестованный давал нужные нам показания, то избиения прекращались, а в отношении тех, которые показаний не давали, избиения продолжались и дальше, так что нередко бывали случаи смертельного исхода...

Прокурор. — Значит, если человек не признавался, его убивали, а если признавался, его расстреливали. Правильно это?

Рецлав. — Да, так было в большинстве случаев.

Прокурор. — Были ли случаи, когда фабриковались дела, фальсифицировались показания?

Рецлав. — Да, все это имело место, и довольно часто, можно сказать, что это было в порядке вещей.

Прокурор. — Кроме расстрелов и виселиц, еще к каким способам уничтожения советских людей прибегала тайная полевая полиция?

Рецлав. — Кроме этого, насколько я знаю, применялась «газовая машина».

Прокурор. — Что из себя представляет «газовая машина»?

Рецлав. — Когда я в марте 1942 года зашел во двор Харьковской тюрьмы, я увидел там большую закрытую автомашину, окрашенную в темно-серый цвет.

Прокурор. — Один раз видели эту машину или несколько раз?

Рецлав. — После этого я часто видел указанную машину.

Прокурор. — Расскажите все, что вам известно о применении «газовой машины».

Рецлав. — В марте 1942 года я увидел во дворе Харьковской тюрьмы стоявшую автомашину. Я спросил знакомого мне солдата харьковской команды СД Каминского, для чего применяется эта машина, так как мне было известно, что до сих пор на расстрел возили в машине открытого типа. На это Каминский ответил, что эта машина является новым методом истребления русских, сокращающим много времени. Далее Каминский объяснил, что отработанные газы, поступающие из мотора в кузов автомашины, через некоторое время отравляют находящихся в машине людей. Я сам в середине и в последних числах мая получил от комиссара полиции Кархан указание передать 20 человек, арестованных по подозрению в антинемецкой деятельности, в распоряжение службы безопасности СД. Вместе со мной были фельдфебель Фольман и унтер-офицеры Тецман и Герлиц. По приходе в канцелярию тюрьмы я увидел там штурмфюрера СД Фрезе. Я доложил ему о цели своего прихода, на что Фрезе сказал, что как раз сегодня тюрьма подлежит очистке, и предложил мне принять в этом участие. Вскоре в тюремную канцелярию явился штурмбаннфюрер доктор Ханебиттер, предложивший всем сотрудникам выйти во двор. Когда мы вышли во двор, то к двери тюрьмы подъехала «газовая машина». Доктор Ханебиттер приказал нам забрать из камер арестованных. У меня был на руках список с именами 20 заключенных. Я их вызвал из различных камер, после чего им было приказано построиться в коридоре. Затем некоторым из них было объявлено, что они переводятся в другую тюрьму, а другим было сказано, что их переводят в лагерь. После этого арестованные были выведены во двор тюрьмы, где перед выходом уже стоял «газовый автомобиль». Там сотрудники СД производили погрузку арестованных в машину, и мы присоединили к ним приведенную нами партию. Правда, назначение «газового автомобиля» держалось в строгой тайне, но тем не менее некоторым, очевидно, было известно о нем. Некоторые арестованные сопротивлялись при посадке в «газовый автомобиль», и при этом их ударами дубинок, прикладов и рукоятками пистолетов загоняли туда. Среди этих арестованных находились старики, женщины и даже дети. Как раз в этот день разыгралась дикая сцена. Женщины плакали, некоторые бросались на колени, умоляя сохранять им жизнь. Припоминаю

случай, когда у одной женщины был вырван из рук ребенок и она забилась в рыданиях, бросилась на стоящего офицера СД и расцарапала ему лицо. Этот офицер СД немедленно вынул пистолет и пристрелил женщину. Труп ее был брошен солдатами СД в автомобиль.

Прокурор. — Сколько всего было уничтожено советских людей при помощи «газового автомобиля»?

Рецлав. — Со слов сотрудника СД Каминского мне известно, что в марте месяце было уничтожено всего 5000 человек. Если учесть эту цифру и то, что «газовый автомобиль» совершал ежедневно свои смертные рейсы, то можно считать, что общее количество умерщвленных в городе Харькове примерно 30 000 человек.

Прокурор. — Сколько советских людей уничтожено при помощи «газового автомобиля» и при вашем непосредственном участии?

Рецлав. — Я лично два раза принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль», в марте и июле 1942 года. Каждый раз я погрузил до 20 человек.

Прокурор. — Как хоронились умерщвленные в «газовом автомобиле» люди?

Рецлав. — Трупы умерщвленных хоронились во рву южнее Харькова или сжигались.

Прокурор. — Почему сжигались?

Рецлав. — В конце марта 1942 года я получил приказ сопровождать «газовый автомобиль» и поехал в район барачков Харьковского тракторного завода. Когда мы туда прибыли, Ханебиттер приказал все автомашины, за исключением «газового автомобиля» и автомашины с сотрудниками СД, отвести в сторону. «Газовый автомобиль» остановился возле окрашенного в серый цвет барака. Сотрудники СД выпрыгнули из автомашины, на которой они приехали, и стали выгружать трупы умерщвленных людей из «газового автомобиля» в этот барак. Когда я сам зашел в барак, то увидел, что боковые помещения справа и слева от коридора барака были уже завалены трупами, очевидно, привезенными ранее.

Прокурор. — Сколько трупов примерно было в бараке вместе с привезенными?

Рецлав. — Количество их составляло примерно 300—350 трупов.

Прокурор. — Продолжайте показания.

Рецлав. — Когда привезенные нами трупы умерщвленных людей были сложены в коридоре барака, то солдаты СД вошли в барак и облили бензином трупы. Также были облиты бензином наружные стены барака, затем солдаты СД бросили зажженный факел внутрь барачного помещения и подождли его. Я видел еще 6 подобных барачков, сожженных таким же способом.

Далее подсудимый Рецлав показывает, что он видел эти сожженные барачки и знает, что и в них были также сожжены трупы людей, умерщвленных в «газовом автомобиле».

Прокурор. — С какой целью умерщвленные в «газовой машине» сжигались в бараках?

Рецлав. — Это было вызвано тем, что назначение «газовой машины» должно было держаться в строгой тайне, поэтому и следы ее работы — трупы — должны были быть сожжены.

Прокурор. — У меня вопросов к подсудимому больше не имеется.

Председатель. — Подсудимый Рецлав, в каких оккупированных советских городах вы работали?

Рецлав. — Я был в июне 1942 года в городе Житомире, работал в 560-й группе тайной полевой полиции. 560-я группа тайной полевой полиции была придана к штабу шестой германской армии, и вместе с этой группой я был в городах Иваньков, Передела, Лубны, Полтава.

Председатель. — Были ли вы в Житомире?

Рецлав. — В Житомире я был со второй половины июня до сентября месяца.

Председатель. — Во всех этих городах вы тоже занимались уничтожением советских людей?

Рецлав. — Да, во всех этих городах группа «ГФП» — тайной полевой полиции — проводила аналогичную деятельность.

Председатель. — Сколько было уничтожено советских людей в тех городах, в которых вам приходилось бывать?

Рецлав. — Только тайной полевой полицией в городе Житомире было уничтожено примерно 5—8 тысяч человек. Точную цифру я затрудняюсь назвать.

Председатель. — На предварительном следствии вы называли количество истребленных советских людей также в Переяславе и Лубнах.

Рецлав. — Да, называл, но в этих городах уничтожением советских граждан занимались органы СД. Мне известны следующие данные: в Киеве было уничтожено 35 000 советских граждан, в Лубнах — 4000, в Переяславе — 2000. В отношении Полтавы я сведениями не располагаю.

Председатель. — В уничтожении какого количества советских граждан вы принимали непосредственное участие?

Рецлав. — При моем участии в «газовую машину» было погружено не более 40 человек. Кроме того, по приказанию комиссара полиции Мериц, находясь в городе Житомире, я принимал участие в массовых расстрелах.

Председатель. — Кто еще занимался массовыми расстрелами?

Рецлав. — Все работники 560-й группы тайной полевой полиции.

Председатель. — Подсудимый Рецлав, расскажите, как вы фальсифицировали дела о рабочих, которых допрашивали.

Рецлав. — В апреле 1942 г. я получил приказание начальника тайной полевой полиции города Харькова комиссара полиции Кархан допросить двух арестованных. Кархан предупредил меня, что необходимо изобличить арестованных в партизанской деятельности и добиться от

них показаний об их соучастниках. На допросе я установил, что оба арестованных были рабочими Харьковского тракторного завода.

У меня создалось мнение, что эти лица не виновны, и я доложил об этом комиссару полиции Кархан. Кархан спросил меня, не применял ли я побои. Я ответил отрицательно.

Тогда Кархан приказал мне избить арестованных. Я выполнил приказание Кархана, но это не дало желаемых результатов.

Председатель. — Расскажите подробно, как вы выполнили приказание Кархана?

Рецлав. — Я одолжил у фельдфебеля Тихнер принадлежащую ему резиновую дубинку, которой он обычно пользовался на допросах, и бил ею арестованных.

Председатель. — Добились ли вы этим чего-нибудь?

Рецлав. — Ничего я таким путем не добился и об этом доложил комиссару полиции Мелисс, который направился в кабинет, где я допрашивал. Мелисс сказал мне, что при допросах надо быть более изобретательным. Указывая на арестованных, он сказал: посмотрите, вот у этого арестованного чудесная борода. Выдерните из нее волосы, а другого поколите иголкой. Я выполнил и это приказание, но никаких результатов не добился.

Председатель. — Выдернули человеку всю бороду и не добились никаких результатов?

Рецлав. — Это не совсем так, я выдернул волосы из бороды одного арестованного, а другого я немного поколол иголкой. *(В зале движение.)*

Председатель. — Скажите, что стало с рабочими, которых вы допрашивали?

Рецлав. — Мне так и не удалось добиться от них нужных показаний. Тогда комиссар полиции Кархан приказал мне через паспортное бюро города Харькова достать список рабочих тракторного завода и выписать из него 15 фамилий. Я выполнил это приказание Кархана и на следующий день передал ему список на 15 рабочих. Мне известно, что двое арестованных, которых я допрашивал, были удушены «газовым автомобилем», а 15 рабочих, фигурировавших в моем списке, были расстреляны.

Председатель. — На этих 15 рабочих вы давали какое-либо заключение?

Рецлав. — Нет, вообще в тайной полевой полиции не заводилось никаких дел и не писалось никаких заключений. Я просто составил список и передал его комиссару полиции. И по списку они были расстреляны.

Председатель. — Как часто вы пользовались таким методом следствия?

Рецлав. — Подобный метод был применен мною два раза: один раз в апреле — по приказанию комиссара полиции Кархан, а другой раз

позднее по приказу комиссара полиции Вульф. Здесь дело касалось рабочих электростанции.

Председатель. — Кто командовал батальоном, в котором вы обучались?

Рецлав. — Батальоном командовал Кроне.

Председатель. — Кто читал вам лекции об истреблении советских людей?

Рецлав. — По знакам различия это были руководящие сотрудники германской тайной полевой полиции. Но так как на курсах они не постоянно преподавали, а делали лишь доклады, я их фамилий не знаю.

Председатель. — Не помните ли фамилий двух рабочих Харьковско-го тракторного завода, которые были умерщвлены в «газовой машине», и тех 15 рабочих, которые были расстреляны?

Рецлав. — Нет, не помню. За время моей работы мне пришлось возиться с таким большим числом арестованных и пленных, что запомнить все эти русские фамилии я не в состоянии.

Председатель. — Часто ли приходилось вам быть при погрузке советских людей в «газовую машину»?

Рецлав. — Лично я только два раза принимал участие в погрузке людей в «газовый автомобиль», но видеть мне «газовый автомобиль» приходилось часто, так как я ежедневно совершал обход Харьковской тюрьмы.

Председатель. — Расскажите, подсудимый, как происходила посадка людей в машину, особенно женщин и детей.

Рецлав. — Вообще погрузка в «газовый автомобиль» происходила сравнительно спокойно, так как в большинстве случаев люди не знали цели и назначения этой машины, но бывало, что один или несколько человек стариков, женщин и детей доставляли нам затруднения. В таких случаях сотрудникам СД приходилось подгонять их ударами прикладов и палок.

Председатель. — Признаете ли вы, что систематически занимались истреблением советских людей?

Рецлав. — Да, признаю, хотя я и делал это все по приказу моего непосредственного командования.

Председатель. — От кого же исходили указания по истреблению советских людей?

Рецлав. — Я получал приказы от своих начальников. Хочу также добавить, что германский народ годами воспитывался национал-социалистскими руководителями в духе проведения подобной политики.

Председатель (обращаясь к защите). — Имеются ли у защиты вопросы к подсудимому?

Казначеев. — Подсудимый Рецлав, вы рассказали здесь о ряде зверств, и я буду вас просить уточнить, в какой мере вы лично считаете себя ответственным за совершенные злодеяния.

Рецлав. — Господин Казначеев, я признаю себя виновным во всех преступлениях, которые совершил по приказу моего непосредственного командования.

Казначеев. — Чем было обусловлено то, что, имея специальность радиста, вы были направлены в батальон по охране военнопленных, а затем в батальон «Альтенбург»?

Рецлав. — Когда я кончил свое обучение в качестве радиста, окончилась война с Францией, и поэтому меня не использовали в качестве радиста, а направили в батальон по охране военнопленных. Далее, в связи с тем, что я являлся не пригодным к действительной военной службе, а также в связи с тем, что по роду своей работы, как канцелярский служащий, я имел достаточную подготовку, меня направили в батальон «Альтенбург».

Казначеев. — Меня интересует вопрос о том, кто производил отбор в батальон «Альтенбург» и как он производился.

Рецлав. — В батальон «Альтенбург» меня отобрал бывший начальник батальона по охране военнопленных.

Казначеев. — Сколько времени вы пробыли в батальоне «Альтенбург»?

Рецлав. — Курс, который проходили находившиеся в батальоне «Альтенбург», длился шесть недель.

Казначеев. — Все ли лица, находившиеся в батальоне «Альтенбург», направлялись в дальнейшем на службу в тайную полевую полицию?

Рецлав. — Нет, не все. По окончании курса всем было предложено написать подробно свою биографию, после чего часть курсантов была отправлена обратно, по месту своей прежней службы.

Казначеев. — Вы сразу были направлены на службу и сразу стали чиновником полиции?

Рецлав. — Да, это было именно так. Я был направлен чиновником полиции. То же самое было и с большинством других, за исключением лишь небольшого числа, которые показали себя неспособными.

Казначеев. — Чиновником полиции вы прослужили около года?

Рецлав. — Да.

Казначеев. — Больше вопросов к подсудимому Рецлаву не имею.

Председатель. — На очереди допрос подсудимого Буланова. Прокурор имеет вопросы?

Прокурор. — Да. Подсудимый Буланов, сколько времени вы прослужили в гестапо и «зондеркоманде»?

Буланов. — В гестапо я прослужил с октября 1941 г. по февраль месяца 1943 г.

Прокурор. — В каких городах протекала карательная деятельность «зондеркоманды»?

Буланов. — Как мне известно, карательная деятельность нашей команды протекала в городе Харькове и в станции Нижне-Чирской.

Далее подсудимый Буланов подробно излагает факты зверской расправы с гражданским населением, которая проводилась «зондеркомандой» в Харькове, станице Нижне-Чирской и других районах. Работая в качестве шофера «зондеркоманды», Буланов неоднократно присутствовал при расстрелах мирных советских граждан.

Прокурор. — Вы лично принимали участие в расстрелах советских людей, когда и где это происходило?

Буланов. — Да, работая шофером гестапо, мне приходилось часто ездить на расстрелы, а также на аресты советских граждан в городе Харькове, в станице Нижне-Чирская и в других районах.

Прокурор. — Вот, расскажите об этом подробно.

Буланов. — В начале декабря месяца 1941 года в Харькове по приказанию шефа гестапо было расстреляно с около 900 человек, находившихся на излечении в Харьковской больнице.

Прокурор. — Какое вы участие принимали в этом деле?

Буланов. — Мне было предложено подать трехтонную машину в распоряжение Харьковской больницы. Когда я прибыл в Харьковскую больницу, туда прибыли также, кроме моей машины, еще 9 грузовых трехтонных автомобилей.

Прокурор. — Сколько рейсов сделали?

Буланов. — Мне пришлось сделать четыре рейса, за которые я доставил к месту расстрела примерно около 150 человек.

Прокурор. — Видели ли вы, как расстреливали немцы?

Буланов. — Да.

Прокурор. — Расскажите, как это происходило.

Буланов. — Когда я прибыл в больницу, то мне было сказано, чтобы я подал машину к одному из больничных корпусов. В этот момент гестаповцы стали выводить больных в одном белье и погружать их в машины. После погрузки в сопровождении немцев я повел машину к месту расстрела. Это место находилось примерно в четырех километрах от города. Когда я прибыл к месту расстрела, там уже стояли крики и плач расстреливаемых больных. Немцы расстреливали их на глазах у остальных больных. Люди молили о пощаде, падали в холодную грязь голыми, но немцы сбивали их в ямы, после чего производили расстрел.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно о расстреле детей в Нижне-Чирской детской больнице.

Буланов. — Летом, когда команда СД была разбита по отделениям и выехала в разные города, районы и местечки, то мне пришлось с отделением команды СД поехать в станицу Нижне-Чирская. Числа 25—26 августа 1942 года мне и шоферу Блохину было предложено приготовить машины. Когда машины были готовы, нам приказали вести их в Нижне-Чирскую детскую больницу. Когда мы приехали туда, то гестаповцы стали выводить детей из больницы и погружать в машины. Дети были оборванные, распухшие от голода. Многие дети сопротивлялись и не хотели погружаться в

машину, но гестаповцы стали их уверять, что они поедут к дядям и тетям в город Сталинград. Некоторые дети, поддавшись уговорам, сели в машину, некоторые же сопротивлялись до конца, после чего гестаповцы насильно погрузили и их в машину, и мне было приказано застегнуть сзади машины брезент. Когда я выполнил это приказание, то в сопровождении немцев поехал на станцию Чирская, где за мостом, в 3—4 километрах от станицы Нижне-Чирская, была заранее приготовлена яма. Подъехав к яме, я по приказанию шефа отделения, а также и другие гестаповцы стали водить детей к яме, около которой стоял гестаповец, немец Алике, фамилии точно не знаю. В упор из автомата в голову он расстреливал детей, после чего сталкивал их в яму. Дети, видя происходившее, вырывались и кричали: «Дядя, я боюсь», «Дядя, я хочу жить, не стреляйте в меня», — и т.д., но на это немцы не обращали внимания.

Прокурор. — В каком же возрасте были дети?

Буланов. — Дети были в возрасте от 6 до 12 лет.

Прокурор. — Вы, Буланов, видели «газовую машину», в которой люди умерщвлялись окисью углерода?

Буланов. — В январе 1942 года к нам в гараж из Германии прибыла такая автомашинка. Немцы эту машинку называли.

Прокурор. — А ремонтировать вам ее приходилось?

Буланов. — Приходилось мне также ее ремонтировать и производить чистку. При производстве чистки машины я видел внутри кузова, когда выметал, детские шапочки, башмачки, очевидно, спавшие с умерщвленных детей.

Прокурор. — Расскажите подробно, что из себя представляла эта машина, устройство ее, как она выглядит, как умерщвлялись люди в этой машине.

Буланов. — Эта машина представляет из себя двухосный, огромных размеров автомобиль тоннажем примерно 5—7 тонн. Окрашена она в серую краску. На ней поставлен шестицилиндровый мотор. Кузов этой машины имеет двухстворчатую дверь, герметически закрывающуюся. Герметичность достигалась, очевидно, при помощи каучуковой прокладки, которая была на дверцах.

Прокурор. — Это прокладка дверей?

Буланов. — Да, прокладка дверей. Внутри кузов обит оцинкованным железом, внизу кузова находится деревянная решетка.

Прокурор. — То есть эта решетка представляет из себя пол?

Буланов. — Да, как бы пол, на который становятся ногами арестованные. Внизу машины находится выхлопная труба мотора, от которой через специальный шланг в кузов проходит отработанный газ. Когда люди погружаются в автомобиль, он закрывается, включается мотор и идет до места выгрузки. В этот период люди умерщвляются.

Прокурор. — Вы много раз наблюдали, как грузили людей в «газовую машину»?

Буланов. — Мне приходилось наблюдать погрузку несколько раз, а выгрузку приходилось наблюдать 20 с лишним раз.

Прокурор. — Кто из немцев обслуживал эту машину?

Буланов. — Шофером на этой машине был немец, лет 35—36, вид у него был болезненный. Фамилии его я не знаю.

Прокурор. — А по чьему приказанию эта машина использовалась, знаете?

Буланов. — По приказанию шефа гестапо.

Прокурор. — Как фамилия?

Буланов. — Фамилии шефа я хорошо не помню, как будто Ханебиттер.

Прокурор. — Какое участие вы принимали в погрузке в эту машину?

Буланов. — Мое участие выражалось в том, что я возил полицейских на место выгрузки.

Прокурор. — Сколько раз?

Буланов. — Мне приходилось возить больше 20 раз за период с января по июнь 1942 года.

Прокурор. — Сколько же, таким образом, на ваших глазах, при вашем участии было умерщвлено людей этой машиной?

Буланов. — Когда я привозил полицейских на место выгрузки, мы выгружали трупы в бараки Харьковского тракторного завода, после чего гестаповцы зажигали эти бараки. Когда мы вновь приезжали на место, то бараки были уже сожжены. Таким образом, мне приходилось сваливать трупы в два барака. Но до этого там были уже трупы. Точно определить я не могу, но приблизительно на моих глазах были сожжено до 600 трупов, а то и больше.

Прокурор. — Бараки эти сжигались на ваших глазах?

Буланов. — Я видел только, как их обливали какой-то жидкостью, но когда зажигали бараки, мне не приходилось видеть.

Прокурор. — Приходилось видеть вам, как грузили в эти «душегубки» детей, грудных младенцев?

Буланов. — Неоднократно. Два или три раза приходилось видеть, как гестаповцы погружают женщин с детьми в «душегубки».

Прокурор. — Какое же вознаграждение от немцев вы получили за свою предательскую деятельность?

Буланов. — От немцев я получал содержание 90 марок, или 900 рублей, также получал паек, солдатский. Кроме того, вещи от расстрелянных советских граждан, которые оставались, когда немцы отбирали себе лучшие, а прочее давали нам. *(В зале шум.)*

Прокурор. Что же, лучшие вещи немцы отправляли в Германию?

Буланов. — Хорошие вещи немцы отправляли в Германию.

Прокурор. — У меня вопросов нет.

Председатель. — Объявляется перерыв до 18 часов.

Вечернее заседание суда 16 декабря 1943 г.

Председатель. — Судебное заседание Военного Трибунала продолжается. Подсудимый Буланов, вам приходилось ремонтировать «душегубку»?

Буланов. — Да, мне приходилось ремонтировать «душегубку».

Председатель. — Вы показывали, что принимали участие в расстреле 60 детей.

Буланов. — Да, я рассказывал об этом.

Председатель. — Вы этих детей привозили к месту расстрела?

Буланов. — Да.

Председатель. — Из машины детей выводили вы?

Буланов. — Да, я, а также и другие гестаповцы.

Председатель. — Вы показывали, что за свою работу получали деньги и вещи расстрелянных. Какие вещи вы получили за свою работу?

Буланов. — Получил пальто для жены и себя, а также получил два костюма и обувь.

Председатель. — Подсудимый Буланов, из ваших показаний следует, что вы изменили Родине, продались немцам за 90 марок, принимали активное участие в систематических расстрелах и уничтожении ни в чем не повинных советских людей. Признаете вы себя виновным в этом?

Буланов. — Да, признаю.

Председатель. — У защиты имеются вопросы к подсудимому?

Защитник Белов. — В процессе следствия вы рассказывали все честно и искренно, как здесь, на суде?

Буланов. — Нет, когда меня арестовали, я, боясь, что в прифронтовой полосе со мной могут поступить жестоко, скрыл свою работу в гестапо, когда же меня перевели в лагерь, я решил рассказать всю правду.

Белов. — Скажите, подсудимый Буланов, известно ли вам, успела ли эвакуироваться «зондеркоманда», в которой вы служили?

Буланов. — «Зондеркоманда», в которой я служил, успела эвакуироваться.

Белов. — У меня больше нет вопросов.

Председатель. — У подсудимых есть вопросы к Буланову?

Подсудимые через переводчика Иванову, переводившую им весь допрос Буланова, ответили, что вопросов не имеют.

На этом допрос обвиняемых заканчивается. Председательствующий генерал-майор юстиции т. **Мясников** объявляет, что суд переходит к допросу свидетелей.

Первым допрашивается свидетель **Хейниш**. Допрос его ведется через переводчика Копылова.

Председатель. — Ваш год рождения?

Хейниш. — Я родился 8 ноября 1901 года в городе Нойштадт.

Председатель. — Из какой семьи происходите?

Хейниш. — Из семьи торговца.

Председатель. — Ваш военный чин?

Хейниш. — Я имею чин оберштурмбаннфюрера. В прошлом являлся заместителем начальника штаба Гесса, а в последнее время был окружным комиссаром и гор. Мелитополе. Мой чин соответствует чину генерал-майора.

Председатель предупреждает свидетеля Хейниш, что он должен давать Военному Трибуналу правдивые показания. За дачу ложных показаний он будет отвечать по закону.

Председатель. — Свидетель Хейниш, к вам имеет вопросы военный прокурор.

Прокурор. — Скажите, свидетель, вы член национал-социалистской партии?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — С какого года?

Хейниш. — С 1923 года.

Прокурор. — Вы занимались активной партийной работой?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — Какую партийную работу вы выполняли?

Хейниш. — Я был организатором и руководителем отряда СД в городах Бремен, Франкфурт-на-Майне и политическим руководителем штаба Гесса до 1941 года.

Прокурор. — Какие вы имеете награды?

Хейниш. — Я имею следующие награды: бронзовую, серебряную и золотую медали национал-социалистской партии и почетный знак национал-социалистской партии, как член партии с 1923 года.

Прокурор. — Что вы делали и чем занимались, будучи в Мелитополе комиссаром?

Хейниш. — В мою задачу входило руководство управлением хозяйства и эксплуатацией вверенной мне области. Я должен был выкачивать сельскохозяйственные продукты для обеспечения армии и германского тыла.

Прокурор. — Что же, жители охотно сдавали вам продукты?

Хейниш. — Население неохотно сдавало продукты, саботировало сдачу их, а часть населения вообще не была в состоянии сдавать требуемую норму сельскохозяйственных продуктов.

Прокурор. — Что же вы делали с людьми, которые не сдавали продукты?

Хейниш. — Те лица, которые сопротивлялись и не сдавали нужные продукты, были арестованы гестапо и СД и ликвидированы.

Прокурор. — Что значит ликвидированы?

Хейниш. — Ликвидировать — значит уничтожить, расстрелять.

Прокурор. — Следовательно, вы занимались грабежом, а гестапо — убийствами.

Хейниш. — Так точно.

Прокурор. — Сколько людей было уничтожено в вашу бытность в Мелитополе?

Хейниш. — За время с 1 сентября 1942 года по 14 сентября 1943 года в Мелитопольской области было уничтожено 3—4 тысячи человек.

Прокурор. — Известно ли вам, что в Мелитополе после изгнания немцев было обнаружено 14 000 трупов? Не преуменьшаете ли вы цифру?

Хейниш. — Это расхождение объясняется тем, что еще в 1941—1942 гг. при оккупации Мелитополя органы гестапо и СД уничтожили многих советских граждан.

Прокурор. — Сколько таких больших операций было проведено в вашу бытность в Мелитополе?

Хейниш. — За время моей работы в Мелитополе было примерно 3—4 массовые операции, в частности, в декабре 1942 года было арестовано 1200 человек сразу.

Прокурор. — Это что, в ночь под Рождество?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — За что же были арестованы эти люди?

Хейниш. — За саботаж и антигерманские настроения.

Прокурор. — А что же сделали с этими людьми потом?

Хейниш. — Они были направлены в Симферопольский лагерь и там расстреляны или уничтожены при помощи «газового автомобиля».

Прокурор. — Там был лагерь для военнопленных?

Хейниш. — В России не организовывались концентрационные лагеря, а использовались для этой цели лагеря для военнопленных.

Прокурор. — Следовательно, гражданское население заключалось в лагеря для военнопленных?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — Расскажите все, что вам известно о «газовом автомобиле».

Хейниш. — «Газовый автомобиль» представляет собой тип тюремного автомобиля с герметически закрывающейся двухстворчатой дверью, в котором выхлопные газы из мотора поступают по специальной трубке в кузов, и, таким образом, все находящиеся в этом автомобиле люди удушаются.

Прокурор. — Вы давно знаете о существовании этого «газового автомобиля»?

Хейниш. — Я о существовании «газового автомобиля» узнал во время совещания окружных комиссаров, на котором присутствовал генерал-лейтенант полиции фон Альвенелебен.

Прокурор. — Расскажите о совещании и о том, что вы узнали тогда о «газовом автомобиле».

Хейниш. — Генерал-лейтенант полиции фон Альвенелебен заявил на совещании, что в руки русских попали материалы о «газовом автомо-

биле». По заявлению генерал-лейтенанта полиции фон Альвенелебен, фюрер, то есть Гитлер, распорядился о том, чтобы болтовня по поводу «газового автомобиля» прекратилась, иначе виновники будут преданы специальному суду СС.

Прокурор. — Вы лично видели когда-нибудь «газовый автомобиль»?

Хейниш. — Да, «газовый автомобиль» я видел в городе Ровно, правда, не во время его работы, а во время стоянки.

Прокурор. — Вы принимали участие в умерщвлении людей посредством «газового автомобиля»?

Хейниш. — Нет, не принимал.

Прокурор. — Расскажите подробно о вашей беседе с Зоманом.

Хейниш. — Зоман рассказал мне в беседе, что смерть от отравления газами безболезненна и более гуманна. Он указал, что смерть в «газовом автомобиле» наступает очень быстро, но на самом деле она наступала не в 12 секунд, а более медленно и была связана с муками. Зоман рассказал мне о лагере в Аушвиц (Германия), где также применялось отравление газами арестованных, Им говорили, что их переводят в другое место, а иностранным рабочим объясняли, что их отправляют на родину, и под этим видом направляли в баню. Лица, подлежащие казни, сначала поступали в барак с надписью «Дезинфекция», где раздевались мужчины отдельно и женщины и дети — отдельно. Затем им приказывали перейти в другой барак, с надписью «Баня». Во время мытья открывали специальные клапаны, в помещение поступал газ, от которого люди умирали. Затем умерщвленных сжигали в специальных печах, в которых одновременно может быть сожжено до 200 трупов.

Прокурор. — Вам не говорил Зоман, по чьему указанию стали применяться казни газом?

Хейниш. — Зоман рассказывал мне, что осенью 1942 г. состоялось совещание между Гитлером, Гиммлером и начальником СД Кальтенбруннером, где было решено приступить к казням путем применения газов.

Прокурор. — Может быть, вы скажете о своем отношении к зверствам Гитлера и его клики?

Хейниш. — Как национал-социалист я призван выполнять приказания и указания, полученные от фюрера. Однако я отрекаюсь от жестокостей.

Прокурор. — Отрекаетесь от жестокостей?

Хейниш. — Да.

Прокурор. — А к отравлению людей газом вы тоже отрицательно относитесь?

Хейниш. — Я считал, что отравление путем газа — гуманное средство, но я не знал, что при этом смерть наступает после таких продолжительных мучений.

Прокурор. — Не известны ли свидетелю какие-либо документы, характеризующие политику германского правительства в оккупированных странах, в частности, во временно оккупированных районах СССР?

Хейниш. — Нет, такие документы мне не известны. Однако из высказываний авторитетных руководителей я знаю, что предполагалось довольно быстро разбить русскую армию.

Учитывая, что держать в повиновении русский народ будет весьма затруднительно, было приказано беспощадно применять репрессивные меры по отношению к гражданскому населению. Нечего было останавливаться перед арестами и расстрелами, так как только таким образом была возможность держать народ в повиновении и провести колонизацию страны. Кроме того, нужно было ослабить силу народа путем уменьшения количества людей, т.е. путем их истребления. Имперский комиссар Украины Кох говорил в августе этого года на совещании окружных комиссаров о трудностях, связанных с вербовкой рабочей силы для отправки в Германию. Кох требовал от комиссаров беспощадного применения всех имеющихся средств для поставки в Германию требуемого контингента рабочих. Далее Кох заявил на этом совещании, что он предполагает насильственным путем эвакуировать все население районов Северной Украины в Германию. Кох говорил, что в борьбе с партизанами сожжение деревень и тому подобные репрессивные меры не приносят требуемых результатов, так как партизаны имеют возможность всегда укрыться в лесистых районах. С целью ослабления упорства русского народа Кох предлагал уничтожать все ненужные элементы.

Прокурор. — Что же, эти установки Коха отражали собой линию германских правителей?

Хейниш. — Так точно.

Прокурор. — У меня вопросов больше нет.

Председатель. — Скажите, свидетель Хейниш, кто такой Зоман?

Хейниш. — Зоман являлся начальником службы безопасности (СД) Бреславльского округа.

Председатель. — От него вам стало известно о применении газов?

Хейниш. — Так точно.

Председатель. — В каких городах применялись бани для отравления газами мирного населения?

Хейниш. — Уничтожение людей путем отравления газом должно было быть проведено в концентрационных лагерях.

Председатель. — На оккупированной немцами территории?

Хейниш. — В оккупированных областях нет концентрационных лагерей.

Председатель. — Значит, в Германии?

Хейниш. — Да.

Председатель. — Известно, что в Мелитополе 14 000 человек было удушено, повешено и расстреляно, вы же показали только о 4-х тысячах. Остальные 10 тысяч человек когда же были уничтожены?

Хейниш. — Наибольшая часть советских элементов была уничтожена сразу же после занятия города.

Председатель. — Значит, тогда, когда проходили передовые части германской армии?

Хейниш. — Так точно.

Председатель. — И население уничтожали передовые части германской армии?

Хейниш. — Да.

Председатель. — Но потом передовые части германской армии прошли дальше за Мелитополь, кто же уничтожил 4000 человек?

Хейниш. — Гестапо и СД.

Председатель. — А при отступлении немецкой армии также уничтожалось мирное население?

Хейниш. — При отступлении германских войск города и деревни сжигались, а мирное население подвергалось насильственной эвакуации.

Председатель. — Какие задачи стояли перед вами как окружным комиссаром на случай эвакуации города Мелитополя?

Хейниш. — Я получил лично от полевого коменданта указания о проведении насильственной эвакуации населения. Ее проводили армейские части.

Председатель. — Какие вы имели директивы в отношении разрушения в городах государственных и общественных зданий, жилых помещений?

Хейниш. — Помещения и учреждения города и важные в оборонном отношении здания были уничтожены хозяйственными отрядами армии.

Председатель. — По чьему приказу?

Хейниш. — По приказу полевого коменданта.

Председатель. — Кто в это время был полевым комендантом?

Хейниш. — Генерал Тазер.

Председатель. — По вашим показаниям выходит, что, когда германские передовые части вновь занимали территорию, они убивали и грабили мирное население, а потом гестапо, СД и другие карательные органы уничтожали советских людей. Перед отступлением частей германской армии также уничтожалось мирное население. Правильно это?

Хейниш. — Я не имею права критиковать указания фюрера, обусловленные военным временем. (*Смех в зале.*)

Председатель. — Что вам известно о вывозе имущества и ценностей из занятых германской армией территорий и какие на этот счет имелись директивные указания свыше?

Хейниш. — Я имел указание от имперского комиссара — все, что не нужно германской армии на месте, выкачать у населения (это касается сельскохозяйственных продуктов) и отправить в Германию. Исполни-

тельной властью в этом отношении пользовались хозяйственные отряды при генеральном комиссариате.

Председатель. — А кто вывозил имущество и ценности?

Хейниш. — Этим занимались хозяйственные отделы в округах, а в германской армии — хозяйственные команды.

Председатель. — Хозяйственные отделы кому подчинялись?

Хейниш. — Хозяйственные отделы были подчинены главному хозяйственному отделу при генеральном комиссаре.

Председатель. — Как вы считаете, кто виновен во всех совершенных немцами злодеяниях, в разрушении городов, селений, в уничтожении ни в чем не повинных людей?

Хейниш. — Я не распоряжаюсь гестапо и СД.

Председатель. — У защиты имеются вопросы к свидетелю Хейниш?

Защитник Белов. — Не сможет ли свидетель Хейниш сказать, какое наказание по законам военного времени предусматривается за уклонение от эвакуации при отступлении германских войск?

Хейниш. — Об имевшихся приказах по этому поводу я ничего не могу сказать.

Защитник Белов. — А если уклонится сотрудник «зондеркоманды» от эвакуации при отступлении германских войск?

Хейниш. — Он тогда, согласно военным законам, расстреливается.

Защитник Белов. — У меня нет больше вопросов.

На этом допрос свидетеля Хейниш заканчивается.

Председатель. — На очереди допрос свидетеля **Кош**.

Входит свидетель **Кош**, который дает свои показания суду через переводчика.

Председатель. — Ваша фамилия, год рождения?

Кош. — Кош, Карл, родился 27 декабря 1908 года.

Председатель. — Какое имеете образование?

Кош. — Архитектор.

Председатель. — Какую занимали должность в армии?

Кош. — Я служил в саперных частях.

Председатель. — Командиром или рядовым?

Кош. — Я был сапером.

Председатель. — Какой имели военный чин?

Кош. — Рядовой солдат.

Председатель предупреждает, что свидетель обязан показывать правду.

Прокурор. — Скажите, свидетель Кош, что вам известно о способах истребления германской армией мирного советского населения.

Кош. — Кроме массовых расстрелов, которыми пользуются национал-социалисты для уничтожения мирного советского населения, мне еще известно о специальном способе, а именно — о «газовом автомобиле».

Прокурор. — Откуда вам известно о «газовом автомобиле»?

Кош. — Я слышал о «газовом автомобиле» от моих товарищей, а также эту машину видел лично.

Прокурор. — Расскажите, при каких обстоятельствах и где вы этот автомобиль видели.

Кош. — Это было в начале мая 1943 года в Сретенке, близ Волновахи, где находился наш батальон. В этот день я должен был по служебным делам быть в Волновахе. Закончив свои дела, я должен был ожидать грузовой автомобиль, который принадлежал нашему батальону и который должен был меня отвезти обратно в Сретенку. Я стоял на шоссе и ожидал автомобиль. В этот момент по шоссе ехала в моем направлении большая автомашина, которую я принял за тюремный или почтовый автомобиль. Автомобиль остановился возле меня. Из кабины шофера вышел унтершарфюрер и спросил, не видел ли я большую грузовую машину с эсэсовцами. Затем унтершарфюрер подошел ко мне, закурил папиросу, и я заметил, что унтершарфюрер был слегка навеселе. Я обратился к нему с вопросом, не может ли он меня подвезти на своей машине по направлению к Мариуполю. Он засмеялся и, подойдя вместе со мной к задней двери автомашины, смеясь, заявил: «Ну, что ж, полезайте, здесь места хватит для многих». Когда он открыл дверь, оттуда понесло отвратительным запахом. Машина была совершенно пустой. И в этот момент я подумал, что, вероятно, это и есть тот «газовый автомобиль», о котором я раньше слышал. Я сказал: «Что же, вы хотите меня на этой машине прокатить в небеса?» Унтершарфюрер внезапно умолк, стал серьезным и спросил: а что вы знаете об этой машине? Я ответил, что о «газовом автомобиле» я много слышал. Унтершарфюрер ответил, что это действительно «газовый автомобиль», но я об этом ни звука никому не должен говорить, так как эта машина держится в строгой тайне. Унтершарфюрер далее заявил, что они только что приехали из одной местности, где были убиты 42 русских.

Прокурор. — От кого вы впервые услышали об этой «газовой машине»?

Кош. — Впервые я услышал о существовании «газовой машины» от унтер-офицера Хаас. Хаас до этого был на центральном отрезке Восточного фронта и рассказывал, что он видел «газовый автомобиль» в окрестностях Смоленска, а также в Витебске и Белгороде. Я слышал также о «газовой машине» от Винн и Бернхольд — военнослужащих 179 батальона 1 роты 79 германской пехотной дивизии. Эти люди также говорили, что они видели и слышали про «газовые машины» на центральном отрезке фронта в районах Смоленска, Витебска и Белгорода. Неудивительно, что теперь все народы связывают имя немцев с варварами. За это обозначение германский народ может благодарить Адольфа Гитлера, а также за то, что сейчас совсем невесело быть немцем. (*Смех и*

оживление в зале.) Кровь и кровь сопровождает весь этот гитлеровский трест с начала его основания до конца. Гитлеровцы праздновали тризну крови всюду, где они появлялись.

Было бы самым справедливым, если бы Гитлер и его клика нашли бы себе место в этом «газовом автомобиле», который они выдумали на позор Германии.

Следующим допрашивается свидетель **Янчи**.

Председатель. — Ваша фамилия?

Янчи отвечает через переводчика **Копылова**.

Янчи. — Янчи Гейнц.

Председатель. — Год рождения?

Янчи. — 1916 года.

Председатель. — Место рождения?

Янчи. — Город Вена.

Председатель. — Образование?

Янчи. — Высшее образование.

Председатель. — В какой должности в армии были?

Янчи. — Я был фельдфебелем.

Председатель. — Свидетель Янчи, вы должны показывать только правду. Задачу ложных показаний свидетели подвергаются ответственности по закону.

Прокурор. — Вы служили в лагере 271?

Янчи. — Да.

Прокурор. — Кто содержался в этом лагере?

Янчи. — В этом лагере содержались формально только военнопленные. В действительности там было и гражданское население.

Прокурор. — Расскажите, какой режим был в лагере военнопленных и что вам известно о лагере военнопленных в городе Вязьме.

Янчи. — В городе Вязьме в октябре и ноябре 1941 года имелся лагерь военнопленных.

Прокурор. — Сколько было заключенных в этом лагере?

Янчи. — Когда мы прибыли, в этом лагере было примерно 25 000 военнопленных и лиц гражданского населения.

Прокурор. — Расскажите, как эвакуировали заключенных из лагеря в Вязьме в Смоленск?

Янчи. — Командованием лагеря в городе Вязьме было решено этапировать в Смоленск заключенных.

Прокурор. — Сколько предполагалось этапировать человек?

Янчи. — 15 000.

Прокурор. — Известно свидетелю, сколько человек из 15 000 дошли до Смоленска?

Янчи. — Да. Из смоленского лагеря от приемщика было сообщение, что в Смоленск прибыло 2000 человек.

Прокурор. — Куда девалась остальные 13 000?

Янчи. — Эти 13 000 по пути умерли от истощения, а часть просто были расстреляны охраной. Военнопленные, среди которых были женщины, старики и дети, еще до отправки были истощены, разуты и раздеты. По пути многие от усталости и истощения падали и умирали от голода, истощенных солдаты из охраны расстреливали.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, как были размещены и как потом жили оставшиеся в Вязьме военнопленные и гражданские лица?

Янчи. — 10 000 оставшихся военнопленных и гражданских лиц были переведены в здание, находившееся на площади завода.

Прокурор. — Это по Пекарной улице?

Янчи. — Да.

Прокурор. — Это здание, куда были переведены военнопленные и гражданские лица, по своей площади было достаточно для размещения такого количества людей?

Янчи. — Нет, военнопленные и гражданские лица были вынуждены стоя находиться в здании день и ночь, не имея возможности спать. Они стояли так, как стоят в переполненном трамвае. Здание было настолько заполнено, что первое время туда невозможно было зайти.

Прокурор. — Какая погода была в это время?

Янчи. — Погода была чрезвычайно скверная, сырость, дождь и холод.

Прокурор. — Вы сказали, что в здание нельзя было совершенно войти, а что же, потом стало свободнее там?

Янчи. — Да, после того, когда большая часть находившихся там военнопленных и гражданских лиц умерла, в лагере стало немного свободнее.

Прокурор. — Много людей умерло в лагере?

Янчи. — Из 10 000, которые вначале там находились, умерло 6000.

Прокурор. — Медицинская помощь больным оказывалась?

Янчи. — В самом лагере не было врача, имелось лишь небольшое помещение, оборудованное под лазарет.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, как кормили содержавшихся в лагере?

Янчи. — Никакой кухни в лагере не было, питание заключалось в следующем: сторожевым командам выдавался ящик с концентратами (пакетиками) каши, солдаты сторожевой команды, чтобы облегчить себе раздачу пищи, выходили на лестницу и оттуда бросали в толпу заключенных пакетики с концентратами.

Прокурор. — А приготавливать пищу можно было?

Янчи. — Никто об этом не заботился, считали, что такой метод раздачи пищи вполне удовлетворителен.

Прокурор. — Всем давалась пища?

Янчи. — Нет, при таком способе раздачи пищи могли получить эти пакетики с кашей лишь те счастливы из заключенных, которые нахо-

дились в первом ряду и могли поймать на лету бросаемые пакетики, а остальная масса военнопленных, среди них и гражданские лица, дети, старики и больные, находившиеся в лагере, не могли получить эту пищу и умирали от голода.

Прокурор. — Много было в лагере детей, женщин, стариков?

Янчи. — Да.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, были ли случаи расстрела военнопленных и гражданских лиц?

Янчи. — Да, охранная команда использовала всякую возможность для стрельбы по заключенным: например, при раздаче еды охранная команда стреляла по военнопленным и гражданским лицам из винтовок со сторожевой башни, стреляли и из пулеметов, бросали гранаты. По предложению офицера контрразведки капитана Живан, командиром лагеря майором фон Титскрон был издан специальный приказ, позволяющий стрелять. Я уже сказал, что заключенные, которые получали пакеты с кашей, не имели возможности ее приготовить, для этого не было никаких средств. Они собирали из грязных луж и сточных канав воду и таким образом старались себе что-нибудь сварить, а также собирали по лагерю остатки топлива и раскладывали костры. При таком количестве военных и гражданских лиц необходимо было зажигать костры и в темноте. Лагерная охранная команда использовала приказ Титскрон для того, чтобы открывать стрельбу не только по тем, кто разводил костры, но также и по тем пленным, которые собирали воду из луж или щепки и остатки топлива в лагере. В этом лагере стреляли с утра до вечера. Если бы кто-либо приблизился к лагерю, он мог бы подумать, что здесь идет сражение стрелковых частей.

Прокурор. — Свидетель, вы в помещение лагеря заходили?

Янчи. — Да, я заходил в помещение лагеря, но лишь тогда, когда после всех этих расстрелов и смертей лагерь настолько опустел, что в него можно было зайти.

Прокурор. — Расскажите подробно, что вы видели в помещении лагеря, когда заходили.

Янчи. — Вид, который представлял собою лагерь после того, как туда можно было зайти, был ужасен. Площадка перед фабричным зданием была превращена в целое море грязи, которая местами доходила до полуметра, и в этой грязи были погребены сотни трупов военнопленных и трупов гражданских лиц. Так, можно было видеть в одном месте высовывающуюся руку, в другом — ногу, в третьем — голову. Особенно сплошным было скопление трупов около стен фабричного здания. Там лежали трупы расстрелянных, около лагерных стен находились также умирающие, сидя или стоя в каком-нибудь из углов лагеря, где они искали убежище от холода. На площадке перед фабричным зданием было большое количество канав, в которых собрались грязь и дождевая вода, и там лежали трупы, посиневшие и вздувшиеся от воды. Не-

которые из этих канав использовались военнопленными как отхожие места. Там также было большое количество трупов. Я никогда ранее не представлял себе, что человек перед смертью может быть настолько истощенным. Они были настолько истощены, что их трупы представляли собой обтянутый кожей скелет. Головы представляли собой настоящие черепа. В здании была та же картина, оконных проемов в этом здании не было. Крыша этого здания была наполовину сломана, был сильный сквозняк.

Прокурор. — Расскажите, хоронили трупы умерших и расстрелянных военнопленных?

Янчи. — Трупы стали хоронить лишь тогда, когда в лагере почти все умерли, всюду лежали горы трупов, на одном лишь чердаке их было более 500–600. Тем же, которые еще могли двигаться, были даны в руки обрывки телефонного провода, который прикреплялся петлей за шею, руку или ногу умершего или убитого, и таким образом тащили через весь лагерь к заранее вырытым ямам, куда их сбрасывали и засыпали землей. Особенно ужасным было, что военнопленные, которые хоронили трупы, знали, что через пару дней они сами будут сброшены в эти ямы.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, какое положение было в лагерях в Борисове, Касторном и Миллерове?

Янчи. — В этих лагерях было положение такое же, как и в Вязьме.

Прокурор. — Расскажите, свидетель, были ли в лагере собаки?

Янчи. — Да, были. Официально собаки находились в лагере для охраны лагеря, но фактически они использовались для натравливания на военнопленных, а также на гражданское население, которое скапливалось возле лагеря, чтобы узнать о судьбе своих близких.

Прокурор. — Кто-нибудь из инспекторских лиц посещал лагерь?

Янчи. — Да, и очень часто.

Прокурор. — И что же, после этого режим лагеря улучшался?

Янчи. — Нет, положение не изменялось.

Прокурор. — Следовательно, об этих ужасах, которые творились в лагерях, знало высшее командование?

Янчи. — Да, высшее командование, безусловно, было осведомлено о положении в лагерях, так как в тот же лагерь, в Евдакове, прибыл полковник Рит, который заявил, что прибыл прямо от Адольфа Гитлера. Верховное командование не только было осведомлено о порядках, царивших в лагерях, но и само их организовывало. Эти лагеря были, по существу, не лагерями для военнопленных, а лагерями, где истреблялись военнопленные и гражданское население Советского Союза.

Прокурор. — Скажите, свидетель, кто является непосредственным виновником гибели советских военнопленных и гражданских лиц в 231-м лагере?

Янчи. — Непосредственными виновниками гибели заключенных в 231-м лагере являются в первую очередь комендант лагеря 231, ра-

ботавший с начала советско-германской войны до декабря 1941 года, майор Фонст, затем сменивший его подполковник Гутшмидт, офицер контрразведки, доктор Гжеван, лагерный врач доктор Рабензонфнер и адъютант, он же заместитель коменданта лагеря, лейтенант Кирнс. Это основные виновники.

Прокурор. — Вы жили в гор. Харькове?

Янчи. — Да, я был в Харькове.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно о военнопленных и гражданских лицах, находившихся в лагере 364, который был расположен на Холодной Горе?

Янчи. — В лагере на Холодной Горе в гор. Харькове я жил всего четыре дня. Я приехал туда, чтобы взять оттуда заключенных на работу. То, что я там видел, нисколько не отличается от того, что было в лагере 231. Кроме того, мне об этом лагере много рассказывал офицер Хельгеман.

Прокурор. — В этом лагере на Холодной Горе также содержались лица из гражданского населения?

Янчи. — Да, я сам видел гражданских лиц в этом лагере.

Прокурор. — Расскажите подробно об этом лагере.

Янчи. — Этот лагерь был размещен в здании бывшей тюрьмы. В помещение я не входил, но был во дворе лагеря. Там также лежали трупы умерших и умирающие, которым никто не оказывал помощи. Все они были истощены, оборваны, многие из них не имели обуви. Охранные посты ударами палок гнали этих заключенных на работу. За эти 4 дня, которые я был в лагере, пришел приказ об отправке пешим порядком в Полтаву. Этапирование проходило так же, как из Вязьмы в Смоленск. Люди были так истощены, что большинство из них до места назначения не дошло. Через несколько дней мне довелось ехать в автомашине в Коломак, и я увидел, что дорога была усеяна трупами пленных и лиц из гражданского населения. Среди них были женщины и дети. Несколько сот военнопленных оставались в лагере на Холодной Горе. Они были уже настолько истощены, что не могли стоять. Как я позднее слышал от солдат, которые оставались там, в лагере, незадолго до прихода советских войск военнопленные, оставшиеся в лагере, были расстреляны.

Следующим допрашивается свидетель **Бойко**.

Председатель. — Пригласите в зал судебного заседания свидетеля **Бойко**.

(В зал судебного заседания входит свидетель **Бойко**).

Председатель. — Ваша фамилия?

(Обвиняемым вначале переводят вопрос на немецкий язык переводчик Стеснова, затем переводчик Иванова.)

Свидетель. — Бойко.

Председатель. — Имя и отчество?

Бойко. — Иван Семенович.

Председатель. — Год рождения?

Бойко. — 1900-й.

Прокурор. — Расскажите, как вы попали на службу к немцам?

Бойко. — В октябре 1941 года в г. Киеве я пошел работать шофером, а также переводчиком в карательный отряд при гестапо.

Прокурор. — Потом вы вместе с командой переехали в Харьков?

Бойко. — Через некоторое время отряд переехал из Киева в Харьков, куда мы приехали 16 ноября 1941 года.

Прокурор. — Расскажите, как переселялись по приказу германского командования граждане города Харькова из городских квартир в бараки. Вы знаете об этом?

Бойко. — Через некоторое время был приказ начальника СД о выселении жителей города Харькова за город, в бараки, находящиеся вблизи Харьковского тракторного завода.

Прокурор. — Расскажите, как вывозили из больницы города Волчанска больных людей и уничтожали их.

Бойко. — 12 июня 1942 г. был получен приказ о выделении 15 человек. В это число попал и я, и мне надо было выехать в город Волчанск. По приезде в Волчанск для размещения прибывших была избрана больница. Больница была переполнена, но Гельмрих дал приказ очистить больницу от людей и вывезти их оттуда. После этого стали выполнять приказ. Немецкие солдаты, войдя в больницу, приказали всем больным одеваться якобы для переезда в Харьков. Все начали одеваться, но ввиду того, что был отдан приказ не надевать на себя одежду, некоторые из них поняли, в чем дело, и здесь началась паника. Их гнали, они не хотели выходить. Больные рвались к дверям, но здесь кругом стояли гестаповцы и выходить не разрешали. В тех, которые пытались уйти, стреляли, и в результате этого много было ранено и убито. Затем началась погрузка в машину с применением палок и оружия.

Прокурор. — Сколько человек было уничтожено таким путем?

Бойко. — В первый раз они вывезли 50 человек, а потом остальных. Всего было уничтожено 90 человек, около 80 больных, а остальные — обслуживающий персонал больницы.

Прокурор. — Расскажите, что вам известно об уничтожении советских граждан — жителей города Воронежа, высланных по приказу фон Радецкого?

Бойко. — После того, как наш отряд закончил работу в Волчанске, мы выехали оттуда в город Воронеж. Когда мы проезжали Белгород, «газенваген» остался в Белгороде. Через Курск мы приехали в Воронеж.

Прокурор. — По дороге вы никого не арестовали?

Бойко. — По дороге из Волчанска в Курск, а затем в Воронеж все время происходили аресты и расстрелы. По приезде в Воронеж фон Радецкий издал приказ, чтобы все жители, оставшиеся в городе, покинули его, а тот, кто останется в городе, будет расстрелян или повешен. Приказано было идти по направлению к местечку Хохол. Запуганные

жители с детьми из города направились к местечку Хохол. Часть жителей была оставлена на месте, а других направили в другую сторону для проверки документов.

Прокурор. — Сколько человек тогда уничтожили?

Бойко. — Около 2000 человек.

Прокурор. — Расскажите, как производилось уничтожение.

Бойко. — Прибывших пешком в местечко Хохол заключенных я и другие шоферы повезли по направлению к селу Матреновка. По прибытии на место мы получили приказ разгрузить машину. Среди приехавших на машинах началась паника. Тех, кто пытался бежать, немедленно расстреливали. Я помню, как одна женщина, плача, кричала: «Зачем вы нас убиваете, не убивайте». Помню, как одна девочка умоляла гестаповца не расстреливать ее мать. Она просила: «Дяденька, не убивайте мою маму». Но гестаповец расстрелял сначала мать, а потом и девочку.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Так продолжалось здесь несколько дней, и было расстреляно около 2000 человек. После мы поехали в город Курск. Когда мы находились при гараже в городе Курске, шофер Ганс Хери рассказал мне, как расстреляли людей в Курске. Он говорил, что несколько машин подъехало к тюрьме. В них были погружены арестованные, которых по приказу Радецкого отвезли к баракам и расстреляли. Ввиду нехватки патронов осталось не расстрелянных 25 человек. Радецкому посоветовали, чтобы их отвезли в тюрьму и расстреляли в следующий раз, но он отдал приказ — обратно в тюрьму не возить, а убить их лопатами, винтовками и другими предметами.

Прокурор. — Следовательно, 25 человек, для которых не хватило патронов, были убиты винтовками и лопатами?

Бойко. — Да, винтовками и лопатами.

Прокурор. — Потом куда вы поехали?

Бойко. — Потом отряд выехал в Киев. Отсюда отряд поехал в Чернигов для борьбы с партизанами, но я заболел и остался в Киеве при местной команде. Я оставался на Институтской улице, № 5, в главном штабе.

Прокурор. — Главный штаб чего?

Бойко. — Главный штаб гестапо.

Прокурор. — Расскажите, что вы делали в Киеве.

Бойко. — Я работал в гараже. Шоферы, которые давно работали здесь, говорили, что в Киеве каждый день происходят аресты и расстрелы. Я видел газовую машину, которая стояла в гараже. Она уходила утром и возвращалась к вечеру.

Прокурор. — Назовите, свидетель Бойко, фамилии гестаповцев, руководивших массовым уничтожением советских граждан в Харькове.

Бойко. — Штурмбаннфюрер Гранбель, оберштурмфюрер Фейнгольц, оберштурмфюрер Кирхе, оберштурмфюрер Фаст и его помощник Петере.

Утреннее заседание суда 17 декабря 1943 г.

На утреннем заседании 17 декабря продолжался допрос свидетелей. Как и в предыдущие дни, зал переполнен народом. С напряженным вниманием следят присутствующие за ходом судебного заседания, вскрывающего все новые жуткие подробности преступлений, которые чинили немецко-фашистские захватчики в период временной оккупации Харькова и Харьковской области.

Перед Военным Трибуналом проходит группа свидетелей — бывших работников 1 армейского сортировочного госпиталя 69-й армии.

Показания свидетелей вскрывают во всех подробностях страшную трагедию, разыгравшуюся в госпитале, в котором находились раненые красноармейцы, после захвата Харькова немцами.

— То, что мне пришлось видеть и пережить в период немецкой оккупации, — говорит свидетель **Джинчвиладзе**, — просто не вмещается в человеческом сознании: в восьмом корпусе госпиталя было собрано 400 тяжело раненных, нуждавшихся в немедленной оперативной помощи, находившихся в операционной и готовившихся к очередной операции, когда раздался глухой взрыв. Навстречу мне с криком бежали санитарки. Оказывается, к госпиталю подъехали эсэсовцы и, предварительно заколотив все входные двери, бросили в помещение две зажигательные бомбы. Первый этаж моментально охватило пламя. Огонь перекинулся на кровати, где лежали раненые. С загоревшейся одеждой они поползли к окнам. Многие были так слабы, что, не успев проползти нескольких шагов, падали мертвыми. Тех же, кто успел добраться до окон и вылезти на подоконники, пристреливали из автоматов эсэсовцы, оцепившие здание кругом. Нельзя передать словами то, что происходило в этот момент: горящие люди метались по палатам, им нигде не было спасения — в помещении бушевал огонь, а за окнами подстерегали пули. Такая же сцена разыгралась и во втором этаже, куда вскоре перекинулся огонь. Нам удалось спрятать группу раненых на лестничной клетке и, когда эсэсовцы, видимо, думая, что все раненые погибли в огне, уехали, вытащить их через окна на улицу. Из 400 человек, находившихся в корпусе, спаслись не более 50.

Раненых, оставшихся в других корпусах госпиталя, постигла та же участь. Назавтра в госпиталь вновь приехал отряд эсэсовцев, и начался массовый расстрел. Эсэсовцы обшаривали все углы, подвалы. Некоторых раненых вытаскивали во двор и там расстреливали, других приканчивали на месте. Эта кровавая расправа продолжалась 4 дня. Трупы убитых 12 дней лежали во дворе и в подвалах. Гестаповцы не разрешали их хоронить.

Показания **Джинчвиладзе** дополняет свидетель, профессор **Катков**, являвшийся к моменту этой трагедии заместителем начальника и фактически исполняющим обязанности начальника госпиталя. Его показания с неоспоримой ясностью устанавливают, что это чудовищное

преступление было заранее обдуманно, подготовлено и организовано гитлеровцами.

— Накануне трагедии, — показывает **Катков**, — в госпиталь явился немецкий офицер и приказал сосредоточить всех раненых в одном из корпусов, где, как он заявил, будет госпиталь для русских. Когда это было сделано, к госпиталю подъехали эсэсовцы, оцепили корпус, в котором мы начали сосредоточивать раненых, и подожгли его зажигательными бомбами, а тех, кто, спасаясь от огня, пытался выскочить в окно, расстреливали из автоматов. Назавтра немцы начали обходить помещения остальных корпусов — палата за палатой, подвал за подвалом. Подойдя к какому-либо помещению, они вначале бросали туда несколько гранат, давали очередь из автоматов и затем, войдя в помещение, добивали тех, кто еще оставался в живых. Каким-то чудом уцелевшие раненые рассказывали мне потом, что впереди немцев шел офицер, который освещал карманным фонарем все углы. Подходя к каждой кровати и убедившись, что человек мертв, он говорил «Капут» и шел дальше.

Не довольствуясь этими зверствами, немецкие изверги распяли одного из тяжелобольных, прибив его гвоздями к стене во дворе госпиталя. Вокруг распятого собралась кучка немцев, они весело хохотали, а многие фотографировали свою жертву.

Все присутствующие с огромным удовлетворением восприняли приведенные свидетелем **Катковым** факты исключительной самоотверженности и патриотизма русских женщин.

Рискуя жизнью под немецкими пулями, женщины, фамилии которых, к сожалению, остались неизвестны, проникали на территорию госпиталя, приносили раненым, уцелевшим от расправы, еду, ухаживали за ними, как родные матери и сестры.

Следующей допрашивается свидетельница **Сокольская**, работавшая медицинской сестрой в 1 сортировочном госпитале. Ее показания полностью подтверждают все, о чем говорили на суде предыдущие свидетели.

— Я находилась 14 марта в помещении госпиталя, когда раздался взрыв. Это немцы бросили зажигательные бомбы.

В здании начался пожар. Раненые, спасаясь от мучительной смерти в огне, сползли с кроватей, но большинство тут же падало. Но и тем из них, кто добрался до окон, не удалось спастись. Немцы подстерегали их и расстреливали из автоматов.

Свидетельница **Сокольская** рассказывает о неслыханном преступлении гитлеровцев во дворе госпиталя. В одном из подвалов они нашли человека, который еще был жив. Несчастного выволокли во двор и хотели тут же пристрелить. Один немец уже поднял было автомат, но другой ему что-то сказал, и оба громко захохотали. Первый немец куда-то убежал и быстро вернулся с молотком и гвоздями. Оба немца

набросились на полуживого человека и, сорвав с него одежду, начали прибивать его к стене на потеху себе и другим немецким извергам.

Сильнейшее впечатление на всех присутствующих произвело краткое показание свидетельницы **Козловой**. Во время кровавой бойни, учиненной гитлеровскими извергами, в госпитале погиб ее муж, который находился там на излечении.

— Когда я пришла в госпиталь, — рассказывает **Козлова**, — я не узнала здания. Вместо корпуса высились обгоревшие развалины. Внутри здания я увидела множество трупов. Ими было завалено все помещение. Чтобы пройти из одной комнаты в другую, приходилось буквально шагать по трупам, среди них я нашла обезображенный труп своего мужа.

О кровавой расправе с советскими людьми, учиненной фашистами в Сокольническом лесопарке, показал проживающий на территории парка свидетель **Беспалов**. Из окна своего дома, на расстоянии каких-нибудь 150 метров, он трижды видел, как гитлеровские звери уничтожили несколько тысяч советских граждан, в том числе много детей, женщин, стариков.

— Несколько часов, — рассказывает **Беспалов**, — немцы возили арестованных к заранее подготовленным ямам. Всем было приказано раздеваться. Тех, кто сопротивлялся, избивали и насильно, сорвав одежду, живыми втаскивали в ямы и затапывали ногами. Вещи, отобранные у раненых, немцы собрали, погрузили в машины и с песнями уехали.

Через несколько дней в то же место была привезена большая партия женщин и детей. Лес огласился громкими криками и плачем.

Немцы избивали свои жертвы прикладами, топтали ногами, а детей вырывали из рук матерей. Многие гитлеровцы развлекались тем, что еще до начала массового расстрела избирали себе жертву и расстреливали ее из пистолета. Затем всех загнали в яму и расстреляли из автоматов.

— Возле моего сада, — показывает **Беспалов**, — немцы выкопали яму огромных размеров. В течение трех дней они свозили сюда арестованных советских граждан. Среди них были и военнопленные, и женщины, и маленькие дети, и глубокие старики. Невозможно описать душераздирающие сцены, которые здесь разыгрывались. Люди плакали, прощались друг с другом, матери и отцы прижимали к груди детей, некоторые, отчаявшись, плевали в физиономию своим палачам, бросались на них с кулаками. Всех обреченных гитлеровцы загнали в яму, забросали ручными гранатами и одновременно выпустили по ним несколько автоматных очередей. Такая же расправа, как показывает далее свидетель **Беспалов**, была учинена немцами над большой группой советских женщин, которых они собрали якобы для заготовки леса.

На вопрос председателя суда подсудимый **Буланов** подтверждает показания свидетеля и говорит, что он сам неоднократно возил в Сокольнический лесопарк осужденных на расстрел советских граждан.

Следующим допрашивается свидетель **Сериков**. Он воспроизводит в своих показаниях обстановку, в которой производилось переселение тысяч харьковчан из городских квартир в бараки тракторного завода. С наступлением темноты переселяющимся было запрещено двигаться по улицам, заходить в дом, чтобы обогреться, им также не разрешали. Люди были раздеты и разуты. В это время стояли лютые холода, и многие замерзали прямо на улице. С наступлением рассвета то тут, то там можно было видеть трупы замерзших людей.

Свидетель показывает далее о том, что он видел бараки, битком набитые трупами.

— Однажды, — говорит **Сериков**, — комендант погнал меня на работу расчищать бараки. Я лично выносил из барачных обгоревшие трупы и складывал их в траншеи. Несколько раз я наблюдал, как к барачным, где были сложены трупы, подъезжали немецкие солдаты и поджигали их.

Свидетельница **Подкопай**, проживающая в Харькове, на Рыбниковской улице, 8, где помещался гараж гестапо, дополняет вскрытую на суде картину массового уничтожения советских людей посредством «душегубки».

— Во дворе гаража, — говорит она, — было много машин.

Но одна из них обращала на себя особое внимание — это была машина с огромным кузовом, окрашенным в темно-серый цвет. Я спрашивала шофера гестапо Бойко, что это за машина. Он сначала отмалчивался, говорил, что это секрет, а потом все-таки рассказал. «Эта машина, — сказал мне Бойко, — предназначена для того, чтобы отравлять людей газом».

Однажды я стояла на дворе, когда подъехала «душегубка». Всех медленно выгнали в помещение. Из окна я видела, как немецкие солдаты вытаскивали из машины трупы.

Впоследствии я узнала, что «душегубка» отправилась в очередной рейс, но по дороге испортилась и была возвращена в гараж для ремонта.

О зверском истреблении больных показал свидетель **Гайдамак**, проживавший на территории больницы Липецкого района Харьковской области.

— Однажды мы увидели, — показывает **Гайдамак**, — что на территорию больницы пришел большой отряд немецких солдат. Мы все бросились по домам прятать свои пожитки, так как знали, что, раз пришли немцы, значит, начнутся грабежи. Немцы приказали нам всем закрыть окна, запереть двери и предупредили, что всякий, кто выглянет на улицу, будет расстрелян. Вскоре после этого раздался ружейный залп. Я потихоньку выглянул в окно и увидел, что немец ведет по больничному двору за ограду группу полураздетых больных. Снова раздался залп. Он повторялся много раз.

Больные кричали, вырывались из рук палачей, но немцы, подталкивая и избивая их прикладами винтовок и автоматов, принуждали идти к месту казни. Эта кровавая расправа продолжалась, пока не стемнело.

Вскоре после этого многие работники больницы рассказывали мне, как происходило дело. К главврачу явился немецкий офицер и предложил отравить больных ядом. Когда главврач отказался, офицер заявил: «Ну, в таком случае, я сам их уничтожу». Он приказал всему медицинскому персоналу оставаться на местах, а сам направился во двор больницы и руководил расстрелом

Так было расстреляно 435 больных, в том числе много женщин.

Вечернее заседание суда 17 декабря 1943 г.

На вечернем заседании 17 декабря допрашивается свидетель **Головко**, работавший врачом Липецкой больницы.

— 21 ноября 1941 г., — показывает свидетель, — в больницу явились трое немецких офицеров — один капитан и два лейтенанта. Один из них заявил мне, что имеется распоряжение об уничтожении всех больных, находящихся на излечении в нашей больнице, и предложил мне взять на себя отравление их ядом. Я горячо протестовал и заявил, что обязанность врачей лечить, а не травить людей. Тогда офицер спросил: «Может быть, кто-либо из медперсонала вашей больницы возьмет на себя выполнение этого задания?» Я ответил, что таких у нас не найдется. Тем не менее офицер приказал мне собрать медперсонал и довести до его сведения это предложение. Я подчинился приказу, собрал весь медицинский персонал. Как я и ожидал, все работники больницы единодушно поручили мне заявить офицеру, что они отказываются стать палачами наших больных. Я довел об этом до сведения офицера. Тогда он заявил: «В таком случае, я сделаю это сам». Я пытался спасти больных, сказав, что если германскому командованию нужно помещение нашей больницы, то оно будет немедленно освобождено. «Нет, помещение нам не нужно, — ответил офицер, — нам нужно уничтожить больных». Он приказал всем работникам больницы войти в помещение и не выходить оттуда под угрозой расстрела. После этого во двор вошла группа германских солдат, другие солдаты окружили всю территорию больницы, а за оградой на перекрестках дорог были выставлены пулеметы. По всему было видно, что немцы готовились к этой операции очень тщательно и продумали все до мелочей. Офицер приказал солдатам выводить больных из отделений по 10 человек. Больных выводили из здания и приказывали идти в больничный сад. А там в овраге лежали несколько немецких солдат во главе с офицером. Когда больные приближались к оврагу, немцы открывали огонь. Кое-кто из больных пытался бежать, но немецкие солдаты их догоняли и добивали. В это время подъехала другая машина — прибыл еще один немецкий офицер, заявивший, что он врач, присланный принять от меня больничное имущество. Услышав слово «врач», я обрадовался и просил его помочь приостановить это зверское убийство беззащитных больных. Офицер заявил, что его дело принять имущество, а все остальное его не касается. Войдя в склад, этот «врач» первым делом выбрал себе свитер, примерил его, сказал «гут» и пошел

дальше. Тем временем в саду шли расстрелы. Они продолжались до позднего вечера и назавтра с утра возобновились. Были уничтожены почти все больные, за исключением нескольких, которые не могли двигаться. Немецкие солдаты выносили их во двор и там расстреливали.

— Сколько было в больнице больных? — спрашивает председатель суда.

— 435, — отвечает свидетель.

Председатель. — Дети и женщины среди них были?

Головко. — Да, более половины.

Председатель. — Использовалось ли в дальнейшем помещении больницы германским командованием?

Головко. — Нет, оно пустовало более года и только непродолжительное время использовалось в качестве казармы.

Суд приступает к допросу свидетельницы **Осмачко**. Эта пожилая колхозница стояла под расстрелом, и только благодаря случайности ей удалось спастись от смерти.

— Услышав выстрелы, — показывает **Осмачко**, — несколько наших колхозниц решили выйти за село, посмотреть, в чем дело. Я тоже пошла и взяла с собой своего сына Владимира. Не успели мы выйти за село, как нас остановили немецкие солдаты. Они приказали нам выстроиться вдоль дороги и повели в поле. Там возле большой ямы немцы расстреливали людей. Нас они поставили на край ямы и открыли по нам стрельбу. Женщины закричали, многие упали, обливаясь кровью. Я тоже упала в яму и потеряла сознание. Когда очнулась, слышу — стреляют. Рядом со мной лежал труп моего сына Владимира. Сверху продолжали падать прямо на меня все новые и новые трупы. Я едва удержалась, чтобы не закричать, но решила, что единственное для меня спасение — притвориться мертвой. Я пролежала в яме дотемна, а когда гитлеровцы закончили расстрел и ушли, выбралась из ямы и кое-как доползла до дома.

Председатель суда генерал-майор юстиции **Мясников** объявляет, что допрос свидетелей окончен. После краткого перерыва суд заслушивает заключение судебно-медицинской экспертизы.

* * *

Акт, составленный судебно-медицинской экспертизой, зачитал профессор кафедры судебной медицины 2-го Московского медицинского института **В.М. Смольянинов**.

Старший сотрудник Института судебной медицины **П.С. Семеновский** и судебно-медицинский эксперт 69-й армии майор медицинской службы **Г.И. Городниченко** дали ответы на вопросы, поставленные перед судебно-медицинской экспертизой на утреннем заседании суда 17 декабря.

Главный судебный медицинский эксперт НКЗ СССР В.И. **Прозоровский** зачитал общее заключение судебно-медицинской экспертизы по данному делу.

Заключение судебно-медицинской экспертной комиссии в судебном заседании Военного Трибунала 4-го Украинского фронта

Судебно-медицинская экспертиза исследовала в гор. Харькове и его окрестностях места преступлений немецко-фашистских захватчиков — места, где ими производилось уничтожение советских граждан. Это — пожарище корпуса армейского госпиталя, где были расстреляны и сожжены военнопленные, тяжело раненные воины Красной Армии. Это — места массовых расстрелов здоровых и больных, малых детей, подростков, молодых, пожилых и престарелых женщин и мужчин на территориях лесопарка «Сокольники», вблизи села Подворки, в Дробицком яру и на территории лечебницы колония «Стрелечье». Судебно-медицинская экспертиза исследовала на этих территориях ямы-могилы и эксгумировала из них трупы расстрелянных, отравленных, сожженных и иным способом зверски истребленных советских граждан. Судебно-медицинская экспертиза исследовала места, где немецко-фашистские оккупанты уничтожали путем сожжения трупов следы своих преступлений — отравлений окисью углерода. Это — пожарище на территории, где находились бараки для рабочих Харьковского тракторного завода.

Изучение территорий, на которых закапывались трупы или производилось их сожжение, изучение ям-могил и положения трупов в них, сопоставление с материалами судебного следствия дают право считать, что количество трупов умерщвленных советских граждан в гор. Харькове и его ближайших окрестностях исчисляется в несколько десятков тысяч человек, цифра же 30 000 уничтоженных советских граждан, называемая подсудимыми и некоторыми свидетелями, является весьма приближенной — несомненно, преуменьшенной. В 13 ямах-могилах, что были раскрыты только на территории города и его ближайших окрестностей, оказались огромные массы трупов. В большинстве этих могил они были в исключительном беспорядке, хаотично переплетаясь между собой, образуя не поддающиеся описанию клубки человеческих тел. Трупы лежали так, что допустимо говорить об их сваливании, сбрасывании, но не о погребении в братских могилах. В двух ямах, что находятся на территории лесопарка «Сокольники», были обнаружены трупы, лежавшие правильными рядами, ничком, с руками, согнутыми в локтях, и кистями рук, прижатыми к лицу или шее. На всех трупах оказались сквозные огнестрельные ранения головы. Такое положение трупов не случайно. Оно свидетельствует о том, что жертв заставляли ложиться вниз лицом и в этом положении расстреливали. В ямах-могилах, где были трупы, или в тех местах, где их сжигали, судебно-медицинская экспертиза находила предметы бытового обихода и личного пользо-

вания (сумки, мешки, ножи, котелки, кружки, очки, замок от дамской сумочки и пр.).

Факт, установленный материалами следствия, что перед умерщвлением советских граждан одежда и обувь с них снимались, имеет полное подтверждение судебно-медицинских данных, так как эксперты при эксгумации трупов чаще всего обнаруживали обнаженные или полудезодетые трупы.

Для того чтобы определить, кто из советских граждан подвергался истреблению и как оно производилось, было эксгумировано и исследовано в гор. Харькове и его окрестностях 1047 трупов. Это оказались трупы 19 детей и подростков, 429 женщин и 599 мужчин. Возраст покойных колебался от 2 до 70 лет. Обнаружение в ямах-могилах трупов детей и подростков, женщин и стариков, а также и инвалидов, с наличием на трупах или возле них гражданской одежды, вещей домашнего обихода и личного пользования свидетельствует о том, что немецко-фашистские власти уничтожали мирное советское население независимо от пола и возраста. С другой же стороны, обнаружение на трупах мужчин молодого и среднего возраста одежды военного образца, принятого в Красной Армии, и предметов военного снаряжения (котелки, кружки, пояса и др.) говорит об уничтожении советских военнопленных.

Истребление советского населения (мирных граждан и военнопленных) производилось путем отравления окисью углерода, расстрелов, сожжения и убийства тупыми, твердыми, тяжелыми предметами. Все это с исключительной бесспорностью, без всяких противоречий установлено материалами предварительного и судебного следствия, а также с научной объективностью доказано судебно-медицинской экспертизой.

Показания подсудимых и свидетелей констатируют, что в различных местах временно оккупированной территории СССР применялся немецко-фашистскими захватчиками специально оборудованный мощный автомобиль, в кузове которого с помощью выхлопных газов, содержащих окись углерода, производилось умерщвление советских граждан. Судебно-медицинская экспертиза это впервые безусловно доказала при исследованиях трупов, эксгумированных на территории города Краснодара и его окрестностей. И тогда совокупностью судебно-медицинских, судебно-химических и спектроскопических исследований крови на тканях и органах трупов было с бесспорностью установлено наличие окиси углерода. Такой же метод отравления окисью углерода, что и в городе Краснодаре, является доказанным при судебно-медицинском исследовании у некоторой части трупов, эксгумированных на территории города Харькова. Конструирование автомобиля, получившего наименование «газового автомобиля», или «душегубки», рассчитанного на то, чтобы посредством выхлопных газов, поступающих в герметически закрытый кузов автомашины, умерщвлять находящихся в нем людей, должно быть признано как разработка специального механизированного метода для

одновременного отравления больших групп людей. Кроме отравления окисью углерода, следственными и судебно-медицинскими данными установлено, что немцы широко применяли в городе Харькове и его окрестностях расстрелы из автоматического огнестрельного оружия, стреляя, как правило, в затылочную часть головы, заднюю поверхность шеи и спину. Исследования трупов также показали, что имели место случаи, когда для умерщвления применялись раздробление костей черепа и разрушение головного мозга посредством ударов тупым, твердым, тяжелым предметом. Надлежит отметить, что в городе Харькове было произведено особо мучительное истребление тяжело раненных советских военнопленных путем их сожжения в сочетании с расстрелом. Это доказано материалами предварительного и судебного следствия, а также судебно-медицинскими исследованиями частей трупов, найденных на пожарище сгоревшего корпуса Армейского госпиталя, когда, в частности, в дыхательных путях обгоревшего трупа было найдено наличие копоти, что свидетельствует о прижизненном действии дыма и пламени. Следы своих преступлений, прежде всего отравления окисью углерода, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить, сжигая трупы отравленных. Однако материалами следствия и обнаружением частей скелетов от трупов, подвергнутых сожжению на территории барачных Харьковского тракторного завода, устанавливается факт сожжения трупов. Судебно-медицинская экспертиза, основываясь на всей совокупности данных своих исследований, предварительного и судебного следствия, констатирует:

- а) многочисленность мест захоронения на территории города Харькова и его ближайших окрестностей;
- б) колоссальное количество трупов в ямах-могилах;
- в) разновременность захоронения трупов в отдельных могилах;
- г) различную степень сохранности трупов в одной и той же могиле;
- д) характеристику трупов по полу и возрасту;
- е) однотипность методов умерщвления;
- ж) применение специально приспособленного для уничтожения людей «газового автомобиля».

Считаем это доказательствами систематического, массового, плано-вно организованного истребления мирных советских граждан и военнопленных.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — **Прозоровский**.

Профессор кафедры судебной медицины 2-го Московского медицинского института, доктор медицинских наук — **Смолянинов**.

Старший научный сотрудник Танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — доктор **Семеновский**.

Главный судебно-медицинский эксперт 69-й армии майор медицинской службы — **Городниченко**.

Патологоанатом майор медицинской службы — **Якуша**. После перевода текста заключения судебно-медицинской экспертизы на немецкий язык председатель суда, генерал-майор юстиции **Мясников** объявляет судебное следствие законченным.

Утреннее заседание суда 18 декабря 1943 г.

Открыв заседание, председательствующий предоставил слово государственному обвинителю.

Речь государственного обвинителя, полковника юстиции Н.К. Дунаева

Граждане судьи!

С момента вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину народы Советского Союза каждый день узнают о новых преступлениях, о новых чудовищных злодеяниях, которые немецко-фашистские захватчики совершили на нашей земле.

Еще сравнительно недавно весь мир был потрясен кровавыми зверствами немецко-фашистских захватчиков, установленными на Краснодарском процессе, и вновь на этом суде мы убедились в тех ужасах, которые сотворили немецкие разбойники на территории Харькова и Харьковской области.

Торы трупов зверски убитых мирных советских людей нагромождены гитлеровцами во всех местах, где они побывали.

Тысячи истребленных детей, погубленных женщин и стариков, сожженных больных военнопленных — вот кошмарные следы немецкой оккупации.

«Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения», — говорил товарищ Сталин в своем докладе, посвященном 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Перелистывая кровавые страницы настоящего дела, представляется, что речь идет о самых мрачных периодах средневекового варварства, которые, впрочем, далеко перещеголяли современные немецкие палачи.

Не впервые в истории приходится сталкиваться с немецкими зверствами. Они общеизвестны.

Но все, что было известно до сих пор, никак не может сравниться с тем, что немецкие захватчики натворили в эту войну на нашей земле.

В Харькове и Краснодаре, всюду, где побывали немцы, одни и те же кошмарные картины злодеяний, массовых убийств и разрушений встают перед нашими глазами.

Перед глазами всего мира груды развалин, кучи щебня и пепла вместо цветущих городов и сел нашей Родины. Глубокие ямы, до краев

заваленные расстрелянными, повешенными и удушенными советскими людьми.

Общеизвестно, что это не случайные преступления отдельных немцев, а глубоко продуманная, подробно разработанная программа истребления русского, украинского, белорусского и других народов, что это — система уничтожения населения во временно захваченных районах Советского Союза.

Общеизвестно, что истребление народов Советского Союза было провозглашено Гитлером задолго до начала войны, навязанной нам немецко-фашистскими захватчиками.

Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер и иже с ними — вот кто является главными вдохновителями и организаторами массовых убийств и злодеяний, совершенных немцами на советской земле: в Харькове, Краснодаре и других городах.

Обергруппенфюреры и группенфюреры войск СС — Дитрих и Симон, начальники гарнизонов, коменданты и жандармы, руководители гестапо всяческих рангов и званий, немецкие палачи — вот кто непосредственные виновники гибели сотен тысяч советских граждан.

Далее прокурор подробно излагает факты чудовищных злодеяний, совершенных немецкими палачами в Харькове и Харьковской области. Приводя даты и называя места, в которых учинялось массовое истребление советских граждан, указывая методы этого истребления — расстрелы и виселицы, удушение окисью углерода в «душегубках» и истязания, сожжение заживо и т.п., прокурор говорит:

— Товарищи судьи! Мы имеем перед собою бесспорные доказательства того, что все эти чудовищные злодеяния немецкие захватчики творили по прямым указаниям руководителей германского разбойничьего правительства и верховного командования немецкой армии.

Прокурор далее подчеркивает, что, как это с предельной точностью доказано на предварительном и судебном следствии, массовые зверства и убийства мирных жителей в Харькове и Харьковской области совершались офицерами и солдатами германской армии и германскими карательными органами, а именно:

дивизии СС «Адольф Гитлер» — под командованием обергруппенфюрера войск СС Дитриха;

дивизия СС «Мертвая голова» — под командованием группенфюрера войск СС Симона;

германской «зондеркомандой СД» в г. Харькове, возглавляемой штурмбаннфюрером — Ханебиттер;

группой германской тайной полевой полиции г. Харькова во главе с ее начальником — комиссаром полиции Кархан;

привлеченными в качестве обвиняемых по настоящему делу Лангхельд Вильгельмом, Риц Хансом, Рецлав Рейнгардом и их пособником, изменником Родины Булановым.

Переходя затем к изложению конкретной вины каждого из подсудимых, прокурор подробно указывает факты злодеяний, которые совершил каждый из них, и перечисляет неоспоримые судебные доказательства, которыми вина подсудимых доказана: их собственные признания, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы и т.п.

После этого прокурор, ссылаясь на общеизвестные нормы международного права, а также Гаагскую конвенцию 1907 года и Женевскую конвенцию 1929 года, устанавливающие правила ведения войны, констатирует, что немецко-фашистские захватчики цинично попирают все международные законы и обычаи ведения войны, несмотря на то что Германия 27 ноября 1909 г. присоединилась к Гаагской конвенции, а 21 февраля 1934 г. она поставила свою подпись и под конвенцией 1929 года.

В связи с этим прокурор говорит:

— Присоединившись к этим конвенциям торжественно добровольно, Германия затем цинично и подло их нарушила, как нарушила и заключенные ею договора о мире.

«Всюду, где только на советскую территорию вступали германские захватчики, — говорит нота товарища Молотова от 6 января 1942 года, — они несли с собою разрушение и разорение наших городов, сел и деревень».

Творя гнуснейшие насилия над мирными жителями временно захваченных территорий, безудержно расправляясь со стариками, женщинами и детьми, не щадя раненых и больных, истребляя военнопленных, немецко-фашистские варвары попирают все международные законы и обычаи войны, творят уголовные преступления.

Для ответственности подсудимых немецких военнопленных не имеет никакого значения то обстоятельство, что приказы вышестоящих немецко-фашистских военных инстанций предписывали террор и истребление в отношении советского гражданского населения и военнопленных красноармейцев.

Есть действия, преступность которых очевидна для каждого, это тем более относится к тем чудовищным преступлениям, которые были предметом настоящего судебного разбирательства.

Эти преступления совершались как по приказу гитлеровского правительства и немецкого командования, так и в порядке проявления собственной инициативы подсудимых, отдававших приказание своим подчиненным об истреблении советских граждан.

Подсудимые полностью признали это на судебном процессе.

Таким образом, вопрос об ответственности подсудимых за содеянные ими преступления является очевидным. Ссылки обвиняемых только лишь на исполнение приказа несостоятельны. Сошлемся даже на немецкие материалы времен Веймарского режима. Известно, что после

Первой мировой войны Лейпцигский трибунал в 1921 году пытался прикрыть зверства немцев в войне 1914–1918 гг.

Это, как известно, была «комедия суда». Но и этот суд по частному случаю вынужден был для успокоения возмущенного мирового общественного мнения по делу о зверском потоплении немецкой подводной лодкой английского госпитального судна «Ландоуэр Кестл» заявить, что, хотя деяние обвиняемых проистекало из прямого или косвенного распоряжения их командира, это не освобождает их от ответственности, так как не может быть никакого сомнения в том, что обвиняемые отдавали себе отчет в нечестности и преступности замысла командира.

Далее, Вашингтонский договор 1922 года, устанавливающий правила подводной войны, считает, что всякое лицо, на службе какой державы оно бы ни находилось, действующее по приказу высшего начальства или нет, которое нарушит одно из указанных правил, будет считаться нарушителем законов войны и будет подлежать суду и наказанию, как если бы оно совершило акт пиратства.

Из этого видно, что не может быть и речи о том, что приказы начальства освобождают от ответственности гитлеровских извергов за их чудовищные злодеяния.

Многочисленные приказы гитлеровского правительства и гитлеровских военных властей предписывают совершение таких действий, которые явно и несомненно для всех и каждого являются величайшими преступлениями и вопиющими нарушениями международного права.

Германский военный служащий, поджигающий мирные города и селения, расстреливающий мирных граждан, загоняющий в пылающие дома женщин, стариков и детей, не может не знать, что такие действия являются издевательством над международным правом и над законами всех цивилизованных стран.

Поскольку война со стороны гитлеровской Германии носит характер широко организованного военного разбоя, уголовная ответственность за совершенные злодеяния должна быть возложена как на вдохновителей, так и на исполнителей преступлений, ибо иначе большинство чудовищных злодеяний, чинимых фашистскими преступниками, остались бы безнаказанными, поскольку преступники могли бы прикрываться приказами начальства.

Бывшие военнопленные немецко-фашистской армии, занимающие сегодня скамью подсудимых, являются уголовными преступниками и должны понести заслуженную кару за совершенные ими уголовные преступления.

«Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», подписанная в 1943 году главами правительств Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и Великобритании, совершенно ясно предупреждает, что те германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за зверства, убийства

и казни или добровольно принимали в них участие, будут судимы по законам тех государств, на территории которых они совершили свои злодеяния.

Подсудимые Рецлав, Риц, Лангхельд, творившие кровавые злодеяния на территории Советского Союза, должны отвечать в уголовном порядке перед советским судом по законам Союза Советских Социалистических Республик.

— Перед нами, граждане судьи, — говорит прокурор, — на этом судебном процессе еще и еще раз раскрылись кровавые, страшные дела гитлеровских разбойников, проливших море человеческой крови мирных советских жителей — детей, женщин и стариков, предавших огню и разрушению многочисленные наши города и села, причинивших неисчислимы бедствия и страдания нашему народу.

На этом процессе перед лицом всего мира еще и еще раз показана и доказана чудовищная вина всех подсудимых, как тех, которые уже сидят на скамье подсудимых, так и тех, кто еще будет сидеть на ней.

Их кровавые преступления вскрыты, разоблачены и доказаны: показаниями многочисленных свидетелей и потерпевших; подробными и научно обоснованными данными судебно-медицинской экспертизы; публичными и полными признаниями самих подсудимых и, наконец, множеством вещественных доказательств, имеющихся по этому страшному делу.

Неисчислимо количество этих вещественных доказательств неслыханных преступлений, которые сотворили на нашей земле подлые гитлеровские захватчики. Эти вещественные доказательства — сожженные и взорванные дома и улицы, горы трупов, огромные котлованы и рвы, доверху наполненные останками заживо погребенных, удушенных, повешенных, расстрелянных, насмерть замученных ни в чем не повинных советских людей.

Эти вещественные доказательства находятся неподалеку, граждане судьи, в пригородах Харькова, в лесопарке, на территории тракторного завода и во многих других местах, превращенных фашистскими палачами в чудовищные могилы десятков тысяч жертв. Они взывают к мщению за невинно пролитую кровь.

На этом процессе еще и еще раз было показано всему человечеству, какие страшные, чудовищные плоды дали немецкая тупость, чванливая самоуверенность и человеконенавистничество, помноженные на дьявольскую гитлеровскую систему.

Еще великий писатель земли русской Лев Николаевич Толстой, могилу которого, священную для русского народа и всего мира, варварски осквернили современные гунны — немецкие фашисты, останавливаясь на тупом бездушии немецких солдат и их руководителей, писал:

«В самом деле, что должно сделаться в голове какого-нибудь Вильгельма германского, ограниченного, малообразованного, тщеславного человека с идеалами немецкого юнкера, когда нет той глупости и гадости,

которую бы он сказал, которая бы не встречена была восторженным хох и как нечто в высшей степени важное... он скажет, что солдаты должны убивать по его воле даже, своих отцов — кричат ура! Он скажет, что евангелие надо вводить железным кулаком — ура! Он скажет, что в Китае войска должны не брать в плен, а всех убивать, и его не сажают в смирительный дом, а кричат ура и плывут в Китай исполнять его предписание...»

Героическая Красная Армия, руководимая великим Сталиным, нанесла немецкой военной машине ряд сокрушительных ударов и гонит немецкие банды с нашей советской земли.

Великая битва, которую ведут с озверелыми бандами Гитлера свободлюбивые народы всего мира, и в первую очередь народы Советского Союза, еще не закончилась, но исход ее уже предрешен.

Близится час полного и окончательного разгрома немецких армий, великий час победы. С гордостью будут говорить наши потомки, что в этом невиданном по своим масштабам сражении, в этом поединке света и тьмы, в этой войне, в которой решались судьбы нашей Родины и судьбы мира, первые и решающие удары нанесли наша Красная Армия, наш народ, столь доблестно и героически встретивший коварное нашествие вооруженного до зубов врага!

Заканчивая свою обвинительную речь, я обращаюсь к вам, граждане судьи, с требованием сурово наказать трех подлых представителей фашистского Берлина и их гнусного пособника, сидящих на скамье подсудимых, наказать за их кровавые преступления, за муки и кровь, за слезы, за жизнь наших детей, наших жен и матерей, наших сестер и наших отцов!

Сегодня они несут ответ перед советским судом, перед нашим народом и всем миром за совершенные ими злодеяния, масштабы и гнусность которых далеко превосходят самые черные страницы человеческой истории, ужасы Средневековья и варварства!

Завтра будут отвечать их начальники — атаманы этих разбойников, вторгшихся на мирную, счастливую землю, на которой наш народ трудился, растил своих детей и строил свое свободное государство.

Я обвиняю Рецлава, Рица, Лангхельда и Буланова в преступлениях, предусмотренных частью 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 19 апреля 1943 года.

Именем закона и справедливости,

Именем десятков тысяч замученных и растерзанных людей,

Именем всего нашего народа —

я прошу вас, граждане судьи, как государственный обвинитель, приговорить всех четверых подлых преступников к смертной казни через повешение.

После речи государственного обвинителя председательствующий поочередно предоставляет слово защитникам подсудимых, адвокатам тт. Н.В. Коммодову, С.К. Казначееву и Н.П. Белову.

Адвокат т. Н.В. **Коммодов** начинает свою речь с подробного анализа изуверской системы воспитания в фашистской Германии, порождающей таких нравственных уродов и преступников, как подсудимые.

— Является сомнение,— продолжает адвокат, — можно ли на одну доску поставить их, совершивших эти злодеяния, и тех, кто вдохновил их на эти преступления. Их сделали убийцами, убив сначала у них душу. И вот это сомнение, товарищи судьи, дает мне нравственное право поставить вопрос о возможном отступлении от той меры, которую предлагает прокурор.

Адвокат т. С.К. **Казначеев**, также признавая чудовищность преступлений, совершенных подсудимым **Рецлавом**, говорит:

— Нельзя забывать, что **Рецлав** служил в той бандитской армии, где чувство человечности расценивалось как слабость, а разнузданность и изуверство — как заслуга. Нельзя забывать, что основные преступления совершались им по приказам и директивам фашистских заправил. Нет меры тяжести преступлений, совершенных Рецлавом. Но, учитывая те моменты, о которых я только что говорил, а именно — что Рецлав выполнял изуверские приказы своего начальства, что он долгие годы подвергался сам фашистской обработке, что теперь он осознал содеянное и в нем произошел психологический перелом, я полагаю возможной просьбу о сохранении ему жизни.

Защитник **Буланова** адвокат т. Н.П. **Белов**, признавая гнусность преступлений, которые совершил изменник Родины Буланов, просит суд учесть его молодость и его раскаяние.

* * *

После прений сторон председательствующий предоставляет последнее слово подсудимому **Лангхельду**.

Лангхельд. — Высокий суд, я ничего не имею добавить к своим показаниям. Я избивал русских военнопленных. По моим указаниям они расстреливались. По моим указаниям арестовывалось гражданское население, которое впоследствии расстреливалось. Я прошу принять во внимание, что не один я таков. Такова вся германская армия. Не один я творил зверства. Я не хочу как-либо преуменьшить свою вину. Хочу лишь указать, что глубокие причины всех зверств и преступлений немцев в России нужно искать в германском правительстве. Гитлеровский режим сумел подавить благородные чувства германского народа и воспитать у него низменные инстинкты. Это произошло как путем пропаганды, так и актами массового террора. Особенно это нашло свое развитие в германской армии во время войны. Можно вспомнить слова германского поэта: «Это проклятие зла, которое, в свою очередь, порождает зло». Это зло, повторяю, показало себя особенно в настоящую войну. Это зло дало себя знать в приказах и указаниях высших герман-

ских военных инстанций. Противоречить этим указаниям или их не выполнять — это означало приговорить себя самого к смерти. Я также был жертвой этих приказов и указаний.

Прошу принять это во внимание. Прошу также принять во внимание мой преклонный возраст, а также то, что я как на предварительном следствии, так и на суде рассказал всю правду.

Председатель. — Садитесь, подсудимый Лангхельд. Подсудимый Риц, вам предоставляется последнее слово.

Риц. — Господа судьи, судебное следствие приходит к концу, и вы предоставили мне возможность сказать свое последнее слово. Я хочу, однако, со всей ясностью, открыто заявить о моем отношении ко всему происходившему здесь. Я хочу, чтобы вы вынесли впечатление от моих показаний, данных как на предварительном следствии, так и на суде, и убедились, что я всегда открыто говорил обо всем, желая полностью раскрыть картину совершенных преступлений. Как раньше, так и в настоящий момент я не намерен преуменьшать степень своего соучастия в преступлениях. Зверство остается зверством. Я повторяю, что не хочу ни в какой мере преуменьшать свое участие в этом. Я хочу, однако, чтобы вы не вынесли такого впечатления, что я совершал убийства и зверства потому, что я получал от этого какое-то удовольствие или имел какое-то удовлетворение. Дело не в этом. Дело в том, что я действовал по приказу. Дело во всей приказной системе германской армии, заставившей меня выполнять те или иные действия. Выслушав речь господина прокурора, я хочу просить суд, чтобы он принял во внимание старый принцип римского права — преступления под принуждением. Поверьте мне, что если бы я не выполнил приказа, то меня бы судил германский военный суд и приговорил к смерти, ибо совершенно ясно, что гитлеровская система направлена не только против чужих народов, но и против своего народа, если среди него найдутся такие лица, которые сопротивляются выполнению приказов.

Прошу, господа судьи, принять также во внимание мой жизненный путь. Когда гитлеровская система пришла к власти, я был еще ребенком, мне было всего тринадцать лет. С этого времени я подвергался систематическому и планомерному влиянию гитлеровской системы, воспитанию в духе мифа о господстве германской расы, воспитанию, которое говорило, что лишь германский народ призван первенствовать, воспитанию, утверждавшему, что другие народы и расы являются низшими и подлежащими уничтожению. Я подвергался систематической обработке со стороны таких учителей, как Гитлер, Розенберг, Гиммлер, которые в таком духе воспитывали весь германский народ. Из этих же источников к началу войны прибавились новые пропагандистские тезисы, которые, впрочем, можно было встретить и до войны. Я имею в виду тезисы о некультурности и малоценности русского народа. Так они учили нас. Затем при тотальной мобилизации я попал на фронт.

Когда я прибыл на Восточный фронт, я убедился, что во всех этих фразах Гитлера, Розенберга и других нет ни слова правды, я убедился, что на Восточном фронте в германской армии не существует ни малейших понятий о каких-либо международных правовых нормах, что здесь нет правды во всем том, что творят германские власти, но мне ничего уже не оставалось, как идти дальше по этому пути.

На Восточном фронте я убедился и в другом, что система, на знамени которой написано «Убийство и зверство», эта система не может быть правильной. Я понял, что уничтожение такой системы было бы справедливым актом. Я молод, жизнь еще только разворачивается передо мной. Я обращаюсь к вам с просьбой сохранить мне жизнь для того, чтобы я мог посвятить себя борьбе против этой системы. Я могу доказать, что я способен вести борьбу против нее. Сегодня, господа судьи, я нахожусь здесь перед вами в качестве обвиняемого. Однако я уверен, что придет день, когда на скамью подсудимых сядут главные виновники и вдохновители преступлений, которые, как доказал и этот процесс, являются организаторами кровавых преступлений. Я хочу обвинять эту систему, которая отравила наше сознание, молодых офицеров и солдат Германии. Я хочу выступить также и от имени германского народа, чье имя запятнали они не только на десятилетия, а может быть, и на столетия.

Я — солдат и нахожусь перед судом солдат. Я прошу учесть все то, что я здесь говорил прямо и открыто. Я знаю, что предстоит вынесение приговора, приговора справедливого, в котором, я надеюсь, будет учтено все то, о чем я сейчас говорил. Я кончил.

Председатель. — Садитесь, подсудимый Рид. Подсудимый Рецлав, вам предоставляется последнее слово.

Рецлав. — Господа судьи, господин прокурор. Я признаю себя виновным в совершенных мною преступлениях.

Я хочу подчеркнуть, что в каждом отдельном случае я действовал по приказанию моих непосредственных начальников. В том случае, если бы я эти приказания не выполнял, то мне пришлось бы занять место моих жертв. Все мои преступные деяния являются следствием преступной пропаганды гитлеровских властителей. Нам вдалбливали в головы, что германский народ является высшей расой, а другие народы — низшей. Нам говорили, что при установлении нового порядка в Европе германский народ должен был играть роль господина, а остальные народы должны быть его рабами.

За время моего нахождения на Восточном фронте, а также и в плену у русских я имел возможность убедиться в обратном. Я имел возможность убедиться в том, что гитлеровская пропаганда насквозь лжива. Я хочу открыть глаза германскому народу на лживость гитлеровской пропаганды.

Подытоживая все вышесказанное, я прошу помиловать меня и дать возможность по возвращении в Германию обратиться мое желание в действие. На этом я кончаю.

Председатель. — Подсудимый Рецлав, садитесь. Подсудимый Буланов, вам предоставляется последнее слово.

Буланов. — Я не хочу оправдываться перед вами, потому что я признаю себя виновным во всех совершенных мною преступлениях, которые я творил под угрозой немецкого оружия. Я признаю себя виновным в том, что был пособником немцев, которые творили кровавые злодеяния над советским народом. Я не могу выразить все, что я пережил. Но я хочу, чтобы вы почувствовали это. Работая у немцев, я наблюдал на жуткие дела, которые они творили над советскими гражданами.

Я прошу вас, граждане судьбы, об одном, чтобы вы при вынесении приговора сохранили мне жизнь, дабы в дальнейшем я мог бы искупить свою вину перед Родиной. На этом я заканчиваю.

Председатель. — Подсудимый Буланов, садитесь.

Суд удаляется на совещание.

ПРИГОВОР

именем Союза Советских Социалистических Республик

15–18 декабря 1943 года Военный Трибунал 4-го Украинского фронта в составе: председательствующего — Председателя Военного Трибунала фронта генерал-майора юстиции **Мясникова А.Н.**, членов: полковника юстиции **Харчева М.А.** и майора юстиции **Запольского С.С.**, при секретаре — капитане юстиции **Кандыбине Н.М.** с участием государственного обвинителя военного прокурора — полковника юстиции **Дунаева Н.К.** и защиты по назначению суда адвокатов **Коммодова Н.В.**, **Казначеева С.К.** и **Белова Н.П.** в открытом судебном заседании в гор. Харькове рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков в гор. Харькове и Харьковской области, по которому обвиняются:

Лангхельд Вильгельм, 1891 года рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне (Германия), немец, член национал-социалистской партии с 1933 года, офицер военной контрразведки германской армии, капитан;

Риц Ганс, 1919 года рождения, уроженец города Мариенвердер (Германия), немец, с высшим юридическим образованием, член национал-социалистской партии с 1937 года, заместитель командира роты СС, унтерштурмфюрер СС;

Рецлав Рейнгард, 1907 года рождения, уроженец города Берлина, немец, со средним образованием, чиновник германской тайной полевой полиции города Харькова, старший ефрейтор;

Буланов Михаил Петрович, 1917 года рождения, уроженец станции Джаныбек Казахской ССР, русский, беспартийный.

Все четверо — в совершении преступлений, предусмотренных 1-й частью Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный Трибунал фронта установил:

Вероломно напав на Советский Союз и временно оккупировав часть его территории, немецко-фашистские войска по прямому указанию гитлеровского правительства вопреки подписанным и ратифицированным Германией международным конвенциям о правилах ведения войны зверски истребляли мирное население, угнали в немецкое рабство сотни тысяч советских граждан, грабили, сжигали и разрушали материальные и культурные ценности советского народа.

На территории гор. Харькова и Харьковской области зверства и насилия над советским мирным населением чинились офицерами и солдатами:

Дивизии СС «Адольф Гитлер» под командованием обергруппенфюрера войск СС — **Дитрих**;

Дивизии СС «Мертвая голова» под командованием группенфюрера войск СС — **Симон**; германскими карательными органами;

Харьковской «зондеркомандой СД», возглавляемой штурмбаннфюрером **Ханебиттер**;

группой германской тайной полевой полиции гор. Харькова, возглавляемой комиссаром полиции **Кархан**;

привлеченными к уголовной ответственности по настоящему делу — **Лангхельд** Вильгельмом, **Риц** Гансом, **Рецлав** Рейнгардом совместно с их пособником — изменником Родине **Булановым** Михаилом.

В период временной оккупации гор. Харькова и Харьковской области немецко-фашистскими захватчиками расстреляно и повешено, заживо сожжено и удушено посредством окиси углерода свыше 30 000 мирных, ни в чем не повинных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей. Так, в ноябре 1941 года в гор. Харькове по распоряжению гестапо из городских квартир было переселено в бараки, расположенные на территории Харьковского тракторного завода, около 20 000 мирного советского населения. Впоследствии группами по 200—300 человек они направлялись в близлежащую балку и там расстреливались.

Немецкое командование, выполняя прямое указание разбойничьего гитлеровского правительства об истреблении советского народа, не останавливалось и перед уничтожением находившихся на излечении больных и раненых советских граждан, в том числе и детей.

Так, в декабре 1941 года гестаповцами было расстреляно 435 человек больных, находившихся в Харьковской областной больнице, среди которых было много стариков и детей.

В марте 1943 года немцами было расстреляно и заживо сожжено 800 раненых бойцов и офицеров Красной Армии, находившихся на излечении в 1-м армейском сортировочном госпитале 69-й армии, размещавшемся в г. Харькове, по улице Тринклера.

Многочисленные безвинно арестованные советские граждане подвергались в фашистских застенках гестапо и других карательных органах

жестоким истязаниям и всякого рода надругательствам, причем нередко доводились таким путем «на допросах» до смерти.

Вопреки общепринятым законам и обычаям ведения войны немецкое командование насильственно помещало мирных советских граждан, захваченных на временно оккупированной территории Советского Союза, в лагеря военнопленных и рассматривало их как военнопленных.

В этих лагерях путем истязаний, расстрелов, доведения до голодной смерти и создания невыносимых условий происходило массовое уничтожение военнопленных и гражданского населения, помещенного в эти же лагеря.

Для массовых убийств советских граждан немецко-фашистские захватчики применяли так называемые газенвагены, большие закрытые автомашины, которые называются у русских «душегубками». В эти «газенвагены» немецко-фашистские захватчики загоняли советских граждан и умерщвляли их путем пуска специального смертельного газа — окиси углерода.

С целью сокрытия следов совершенных чудовищных злодеяний и массового истребления советских людей путем удушения окисью углерода в «газенвагенах» немецко-фашистские преступники сжигали трупы своих жертв.

Во время успешного наступления Красной Армии летом 1943 года и освобождения гор. Харькова и Харьковской области от немецких оккупантов все чудовищные злодеяния, совершенные немецко-фашистскими преступниками, были вскрыты Советскими органами и подтверждены предварительным и судебным следствием.

Выслушав объяснения подсудимых, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы, а также речи государственного обвинения и защиты, Военный Трибунал установил виновность каждого из подсудимых в следующем:

1. **Лангхельд** Вильгельм, являясь офицером немецкой военной контрразведки, принимал активное участие в расстрелах и зверствах над военнопленными и мирным населением, при допросах военнопленных путем истязаний и провокаций, добиваясь от них вымышленных показаний.

Лично сфальсифицировал ряд дел, по которым было расстреляно около ста ни в чем не повинных советских военнопленных и мирных граждан.

2. **Риц** Ганс, являясь заместителем командира роты СС при Харьковской «зондеркоманде СД», лично принимал активное участие в истязаниях и расстрелах мирных советских граждан в районе деревни Подворки близ Харькова, осуществлял руководство расстрелами, производившимися «зондеркомандой СД» в гор. Таганроге, и, допрашивая арестованных, избивал их шомполами и резиновыми палками, добиваясь от них таким путем вымышленных показаний.

3. **Рецлав** Рейнгард, являясь чиновником немецкой тайной полевой полиции в гор. Харькове и проводя следствие по делам арестованных советских граждан, вымогал у них путем истязаний и пыток — выдергивание у арестованных волос и пытка иголками — вымышленные показания, составил фиктивное заключение в отношении 28 арестованных советских граждан об их виновности в антигерманской деятельности, в результате чего часть арестованных была расстреляна, а другая часть умерщвлена посредством «душегубки».

Лично загонял в «душегубку» советских граждан, предназначенных для умерщвления, и сопровождал «душегубку» к месту разгрузки, а также принимал участие в сожжении трупов удушенных.

4. **Буланов** Михаил Петрович, изменив Социалистической Родине, добровольно перешел на сторону врага, поступил к немцам на службу шофером Харьковского отделения гестапо, принимал личное участие в истреблении советских граждан посредством «душегубки», вывозил на расстрел мирных советских граждан и участвовал в расстреле 60 детей.

Таким образом, виновность всех перечисленных выше подсудимых в преступлениях, предусмотренных 1-й частью Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года, как предварительным, так и судебным следствием доказана.

Руководствуясь ст. 296 УПК УССР и Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года, — Военный Трибунал фронта —

Приговорил:

Лангхельд Вильгельма, **Риц** Ганса, **Рецлав** Рейнгард и **Буланова** Михаила Петровича к смертной казни через повешение.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий генерал-майор юстиции — **А. Мясников**.

Члены:

Полковник юстиции — **М. Харчев**.

Майор юстиции — **С. Запольский**.

ПРИГОВОР

над осужденными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями **Лангхельд, Риц, Рецлав** и изменником Родине **Булановым** приведен в исполнение

19 декабря с.г. в 11 часов в городе Харькове на городской площади был приведен в исполнение приговор Военного Трибунала 4-го Украинского фронта над осужденными к смертной казни через повешение немецко-фашистскими злодеями — **Лангхельд** Вильгельмом, **Риц** Гансом, **Рецлав** Рейнгардом и их пособником — изменником Родине **Булановым** Михаилом Петровичем за зверское истребление мирных

советских граждан, в том числе женщин, детей и стариков в городе Харькове и Харьковской области.

На городской площади во время приведения в исполнение приговора Военного Трибунала присутствовало свыше 40 000 трудящихся города Харькова и колхозников близлежащих районов Харьковской области, бойцы и офицеры Красной Армии, представители советской и иностранной прессы.

Оглашение и приведение в исполнение приговора были встречены трудящимися города Харькова и присутствовавшими колхозниками районов Харьковской области с большим удовлетворением, бурными и долго не смолкающими аплодисментами.

Опубл.: г. Харьков. ОГИЗ. Госполитиздат. 1943 г. 96 с.

№ 11

Донесение заместителя народного комиссара государственной безопасности Союза ССР Б.З. Кобулова секретарю ВКП(б) А.С. Щербакову о фактах истребления советских граждан на Украине

20 января 1944 г.

После изгнания немецких оккупантов из города Киева показаниями свидетелей-очевидцев, допросами арестованных и другими документальными данными установлены факты чудовищного истребления немецко-фашистскими оккупантами около 100 тысяч советских граждан.

Свое вступление в г. Киев оккупанты ознаменовали массовыми облавами и арестами мирных жителей. Под предлогом размещения воинских частей, учреждений и фирм немцы начали выселять жителей из лучших зданий, объявляя многие улицы и даже кварталы особой зоной, куда вход населению воспрещался. Нарушение запрета каралось расстрелом. На многих зданиях были вывешены объявления полевого коменданта: «Реквизируется для германского войска. Вход воспрещается. Неповинующиеся будут расстреляны».

Для заключенных был установлен зверский режим. Их морили голодом, избивали и расстреливали за малейшее нарушение установленных тюремных правил. На допросах били стальными прутьями, подвешивали арестованных за ноги вниз головой, прижигали тело раскаленным железом и т.п. Стремясь добиться каких-либо показаний, гестаповцы в присутствии родителей пытали их детей. Многие, не выдерживая пыток и издевательств, тут же умирали.

Обследованим камер гестаповских тюрем обнаружены следующие надписи:

«Голушко Варвара, 24 лет, сын Леня двух 2 лет, 1.VII.1943 г. без вины погибли».

«Погибли не знаем за что — Саша и Костя Акатьевы. 3.3.1943 г.».

«Скочеляс Николай, расстрелян 12.10.1943 г. без допроса».

«Фурсенко Василий, Киев, Соломенка, Мстиславская, 2, кв.2, расстрелян. Прощай дорогая семья, погиб без вины».

Особую жестокость оккупанты проявили в отношении евреев, уничтожив за время оккупации Киева все еврейское население города.

В конце сентября 1941 года немецкий военный комендант издал приказ, обязывающий явкой все еврейское население города на еврейское кладбище, откуда они якобы должны были быть направлены в лагеря. Прибывшие на кладбище подвергались ограблению. Немецкие солдаты и полицейские, предварительно отобрав у них имевшиеся ценности, группами в 100—200 человек направляли в «Бабий Яр» (овраг на окраине города Киева), где и производился расстрел. Убитых и раненых сбрасывали в овраг и засыпали землей. очевидцы показывают, что после расстрела еще долго над оврагом слышался стон и шевелилась земля от движения живых тел.

«Бабий Яр» весь период немецкой оккупации города Киева являлся местом массовых расстрелов советских людей. Предварительным подсчетом установлено, что в нем было расстреляно, а позже и сожжено 70 тысяч евреев, 20 тысяч военнопленных бойцов и командиров Красной Армии и 10 тысяч коммунистов и комсомольцев.

Особенно прославился неслыханными зверствами и издевательствами над советскими людьми Сырецкий концентрационный лагерь, располагавшийся в районе «Бабьего Яра».

Территория лагеря была обнесена колючей проволокой в три ряда. По средней проволоке пропускался электрический ток.

Охрану лагеря несли немецкие солдаты и полицейские. В среднем в лагере содержалось около двух тысяч заключенных, которые были разбиты на бригады и «сотни» и использовывались на разработке леса, строительных и других работах. Во главе лагеря стояли штурмбаннфюрер Радомский и его заместитель ротенфюрер Ридер. «Сотни» возглавлялись агентами гестапо, так называемыми соцкими.

В Сырецком лагере был установлен такой режим работы и содержания заключенных, в результате которого ежедневно умирали десятки человек. За малейшие проступки заключенных избивали до смерти или расстреливали. Заключенным выдавали по 200 гр. просяного хлеба и один раз в день суп из картофельных очисток. Иногда эта пища совершенно не давалась. Заключенные жили в землянках, по 80 человек в каждой.

Установлены самые изощренные методы издевательства над заключенными. Их заставляли забираться на верхушку подпиленного дерева,

при падении которого человек разбивался или получал увечье, а затем расстреливался. После многочасового тяжелого труда заключенных собирали на площадке лагеря и под руководством палача Радомского выстраивали на «зарядку», во время которой подавались команды: «бегом», «кругом», «ложись», «гусиным шагом», «рыбьим шагом», — до тех пор, пока многие из них не теряли сознание и не начинали падать. После такой «зарядки» заключенных заставляли петь, тех, кто не принимал участия в пении, — избивали.

Практиковалась своеобразная «игра», когда двух заключенных заставляли с разбега сталкиваться лбами. Начальник лагеря Радомский нередко натравливал на заключенных свою собаку, а пытавшихся отогнать ее от себя Радомский лично расстреливал.

Заболевшим не оказывалось никакой медицинской помощи.

Установлено, что в городе Киеве для умерщвления советских людей немцы применяли «душегубку», о работе которой свидетель Давыдов В.Ю. показал:

«Рано утром в “Бабий Яр” приезжала специальная машина, из которой были слышны голоса людей. Машина останавливалась, а мотор продолжал работать. Затем включался рубильник. Через несколько секунд из машины можно было слышать душераздирающие крики людей, которые продолжались в течение 10–15 минут. Затем все стихало.

После этого открывалась дверь кузова и представлялась жуткая картина — в машине находилось около 50 человек, в том числе грудные дети и старики, раздетые донага, мокрые, с открытыми глазами и выражением ужаса на лице. Из открытого кузова машины выходили удушающие газы.

Первое время “душегубка” приезжала два раза в неделю и делала по 2–3 рейса. Перед отступлением немцев из Киева “душегубка” работала ежедневно, совершая по 8–10 рейсов».

В 1941 году немцы уничтожили больных, находившихся на излечении в Кирилловской психиатрической больнице им. Павлова. Для умерщвления больных наряду с расстрелами применялась «душегубка».

14 октября 1941 года эту больницу посетил гарнизонный врач Реховский и приказал выделить 300 человек больных евреев якобы для отправки в Винницу. После того, как больные были выделены, их поместили в отдельное здание, а затем в овраге около роши всех расстреляли.

7 января 1942 года в больницу явились офицеры гестапо и, расставив караулы, приказали отобрать всех хронически больных якобы для отправки в Житомир. После этого в больницу прибыла «душегубка», больных раздевали и по 60 человек вталкивали в машину. Здесь же на территории больницы производилось умерщвление отравляющими газами, после чего трупы зарывались в Кирилловской роше. Операция по истреблению больных производилась в течение двух суток. Техническим исполнителем являлась группа военнопленных, которая вслед

была уничтожена в той же «душегубке». В больнице им. Павлова уничтожено «душегубкой» 485 человек.

Уничтожение больных в больнице им. Павлова было организовано и осуществлено гарнизонным врачом Реховским, руководителем Здраводела при генеральном комиссариате Гросскопфом, его заместителем Новосельским и врачом лазарета Больма.

В августе 1943 года по приказу Гимmlера немцы начали замечать следы своих злодеяний в «Бабьем Яру». С этой целью они организовали раскопки и сжигание трупов замученных и расстрелянных за два года оккупации города Киева.

В Сырецком лагере была выделена специальная команда заключенных, в количестве 320 человек, которой в «Бабьем Яру» было построено около 30 специальных печей для сжигания трупов. На площадке в 30 × 40 метров выкладывались каменные плиты, на них рельсы и металлические сетки. На это «сооружение» накладывались слоем дрова, а затем извлеченные из ям и рвов трупы. С такой последовательностью трупы укладывались до высоты двух с половиной — четырех метров. После этого трупы и дрова обливались нефтью и производилось сжигание. В каждой такой печи одновременно сжигалось по три тысячи трупов. Для того чтобы происходило полное сгорание, трупы переворачивались специальными металлическими баграми, остатки обгоревших костей размельчались на мелкие части специальными трамбовками. Оставшийся после сжигания трупов пепел заключенные просеивали через сито с целью извлечения, ценных вещей: золотых колец, зубов и т.д. После такой «обработки» пепел рассеивался по всему «Бабьему Яру».

Раскопкой и сжиганием трупов непосредственно руководили: штурмшарфюрер СС Топайде, являвшийся «техническим руководителем работ», и его помощники: гауптвахтмейстеры жандармерии Меркль, Фогт и ротенфюрер Рэвер.

Вся работа по сжиганию трупов была засекречена, попытка побега заключенных каралась расстрелом на месте.

В сентябре 1943 года сжигание трупов было закончено. После этого команде заключенных, производивших сжигание трупов, было приказано построить еще одну печь, предназначавшуюся для уничтожения самой команды. Заключенные, предвидя свою участь, организовали массовый побег, но не многим удалось скрыться, почти все были расстреляны.

Сжигались не только трупы ранее расстрелянных. Весной 1943 г. в «Бабий Яр» немцы доставили на 4 грузовых автомашинах партизан и коммунистов, которые были сожжены заживо.

Умирая от рук фашистских бандитов, советские патриоты проявляли стойкость и мужество. Об этом свидетельствуют оставшиеся записи на стенах камеры смертников:

«Погиб беспартийный за партию. Николенко Алексей».

«Смерть фашизму».

«Я буду сквозь слезы смеяться. Вася Морозов».

«Банков Иван Митрофанович, расстрелян за правду и честность».

«Соня Музыченко, Пастернак со своей дочкой и Катя Голецкая погибли за Родину».

Наряду с уничтожением советских людей немцы причинили Киеву большие разрушения. При отступлении они разрушили завод «Большевик», кожевенный завод, обувную фабрику, водонасосную станцию, Дарницкий железнодорожный узел и вокзал, взорвали все мосты через р. Днепр, взорвали и сожгли многие культурно-просветительные учреждения, исторические памятники, жилые и служебные здания, особенно в центральной части города. Сожжены политехнический институт и основной корпус университета. В Киево-Печерской лавре ограблен и взорван Успенский собор и разрушена Трапезная церковь. В здании ЦК КП(б) сняты с лестниц и увезены в Германию мраморные плиты, облицовка колонн, ценное оборудование, часть водопроводных и канализационных труб. Немцы вывезли в Германию значительную часть оборудования институтов, библиотеки и различные художественно-исторические ценности.

Незадолго до отступления из города немцы объявили военной зоной всю центральную часть города и район, прилегающий к Днепру. Выселив из этой зоны жителей, немцы ограбили все квартиры.

Из числа активных пособников и соучастников немецких злодеяний выявлено и арестовано 439 человек, в том числе: предателей — 29, полицейских и жандармов — 205, карателей — 5. Среди них:

Власенко Иван Прокофьевич, 1906 года рождения, уроженец Киевской области, из кулаков, до оккупации — горный механик, в период оккупации — начальник полиции. В 1942 году он лично задержал четырех жителей Полтавской области, зверски избил и на глазах у местных жителей расстрелял. Для устрашения местных жителей Власенко запретил хоронить трупы убитых.

Костюк Л.С. 1894 года рождения, уроженец Киевской области, кандидат в члены ВКП(б), во время оккупации — ст. полицейский в звании унтер-офицера.

Згура А.К. 1902 года рождения, бывший член КП(б)У. Исключен за нарушение партийной дисциплины. До оккупации — слесарь на радио-узле, в период оккупации — ст. полицейский.

Костюк и Згура 16-го ноября 1943 года по приговору Военно-полевого суда — повешены.

Охрименко Т.А. 1898 года рождения, в прошлом кулак, в период оккупации — ст. полицейский. Зимой 1942 года выколол глаза, а затем расстрелял коммуниста Козелицкого — бывшего начальника политотдела МТС.

В городе Киеве установлены очевидцы массовых расстрелов и сжигания трупов в «Бабьем Яру»: Давыдов В.Ю., Островский Л.К., Сте-

юк А.Я. и Берлянд С.В., находившиеся в составе команды заключенных Сырецкого лагеря, которая производила сжигание трупов.

Розыск участников немецких зверств в городе Киеве и Киевской области продолжаем.

*Заместитель Народного Комиссара
Государственной Безопасности Союза ССР*

Кобулов

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 23—30. Подлинник.

№ 12

Информация заместителя народного комиссара внутренних дел СССР Б.З. Кобулова о злодеяниях фашистских захватчиков в районах Сталинградской области, направленная в Совинформбюро А.С. Щербакову

24 января 1944 г.

Во время оккупации ныне освобожденных районов Сталинградской области немецко-румынские солдаты и офицеры производили массовые грабежи населения. В результате в этих районах у подавляющего большинства советских граждан были отобраны все ценные вещи, вплоть до предметов домашнего обихода, продукты питания, скот и домашняя птица. Грабежи сопровождались убийствами мирных жителей.

В станице Мало-Голубинской Калачевского р-на под угрозой репрессий у населения отобраны весь скот, хлеб и теплая одежда.

В хут. Советский, того же р [айо] на, в первый день оккупации немецкий комендант под угрозой расстрела предложил населению немедленно сдать 1500 шт. яиц, 3000 кг картофеля и 300 кг пшеницы.

В хуторе В. Бузиновка Клетского района за 4 мес. оккупации было уничтожено и вывезено в Германию до 200 коров, около 400 телят, свыше 500 свиней, до 1200 шт. овец и почти вся домашняя птица.

Житель этого хутора Телятьева В.А. пишет: «...Напуганные грабежом жители сидели в щелях и погребках, а немцы рыскали по квартирам, как звери. Я не могу перечислить всего того, что немцы отобрали у местных жителей. В качестве примера могу привести только свою семью. У нас отобрали всю верхнюю одежду, обувь, нижнее белье, детскую одежду — все дочиста, вплоть до детских носочков».

В том же районе, в хуторе Селивановском из имевшихся 115 голов индивидуального крупного рогатого скота осталось только 18 голов, а в хуторе Логовском из 75 — 10 голов.

В с. Ивановка Ворошиловградского р-на у колхозницы Чайкиной Евдокии Ивановны, муж которой находится в Красной Армии, румынские солдаты отобрали последние продукты питания, оставленные ею

для детей. Избитая Чайкина после ухода румын, закрывшись в своей квартире, покончила жизнь самоубийством.

Наряду с открытым грабежом населения немецко-румынские оккупанты чинили зверские расправы и насилия над советскими людьми.

В г. Калач расстреляны три подростка — Пешков Павел, 17 лет, Цыганков Иван, 16 лет, Шестерин Игнат, 15 лет, и две старушки — Ново-лоцкая Евдокия и Ильинична (фамилия не установлена) за то, что они укрыли у себя молодых патриотов.

В хут. Аверино Калачевского района немцы бросили 10 мальчиков в силосную яму МТС, а затем расстреляли их якобы за то, что они брали папиросы у расквартированных в этом хуторе немецких солдат и офицеров. В числе расстрелянных — Сафоновы Иван и Емельян, по 11 лет, Тимонины Арсен, 15 лет, и Тимофей, 12 лет, Горин Василий, 14 лет, Манжин Семен, 10 лет, Егоровы Николай, 13 лет, и Василий, 14 лет, Назаркин Никифор, 13 лет, Головлев Константин, 15 лет.

В Калачевском лагере для русских военнопленных немцы зверски замучили и расстреляли свыше тысячи человек пленных. За малейший проступок или неудовлетворительную работу избивали плетью и расстреливали. Сержанта-артиллериста, канд. в чл. ВКП(б) т. Волкова за отказ стать предателем немцы целую ночь, разутого и раздетого, продержали под дождем, а наутро расстреляли.

В Ворошиловском районе немецко-румынские войска с первых дней оккупации приступили к планомерному истреблению еврейского населения — в с. Аксай расстреляно 68 человек, в с. Перегрузном — 50, в с. Каменке — 125, в с. Водино — 43, в хут. Ромашкино — 2, в Васильевке — 5. В селах Жутово-1 и Ковалевка немцы собрали более 60 человек мужчин евреев и вывели их в неизвестном направлении. Ни один из них в села не вернулся.

В с. Суrowикино Кагановичского района немцами были арестованы две девушки-еврейки (фамилии не установлены), в возрасте 17—18 лет, которые были подвергнуты пыткам, а впоследствии расстреляны. Местом зверской расправы являлись противотанковые рвы в расположении совхоза № 3 «Трансторгпита».

В этих же рвах после пыток в комендатуре лагеря расстреливались военнопленные бойцы, командиры и политработники РККА, отказавшиеся стать на путь предательства.

В хут. Раскопино Клетского р-на немцы расстреляли якобы за принадлежность к партизанам Попова Петра Ивановича — быв. учетчика МТС, Комиссарова Сергея Степановича, чл. ВЛКСМ, агротехника колхоза, и Сидорова Ефима Ефимовича, чл. ВЛКСМ, нач. почтового отделения х. Раскопино.

В хут. Перекопке немцы расстреляли колхозника Веденева Василия Спиридоновича только за то, что он носил воду красноармейцам в окопы в период, когда линия обороны наших войск находилась под Клетской.

Отмечены массовые случаи насилия над женщинами и девушками-подростками.

В хут. Монолиу Клетского района группа румын изнасиловала одновременно колхозницу Петрушину Феклу Петровну и ее дочь Павлину, 14 лет.

В этом же хуторе немцами изнасилована колхозница Манаилова Мария Ивановна, 60 лет, которая после изнасилования сошла с ума и ими же была расстреляна.

В пос. Кругляково Ворошиловского района вначале немцами, а потом румынами были зверски изнасилованы колхозницы Кухтенко Анастасия, Крылова Лидия и Юрченкова.

В с. Васильевка этого же района немцы изнасиловали колхозницу Слатину Анастасию Григорьевну в присутствии ее мужа и дочери.

Там же немцами в присутствии соседей были изнасилованы Завгороднева Мария Игнатовна и девочка Скибицкая, 14 лет.

В с. Ивановка того же района румынские солдаты изнасиловали несовершеннолетних девочек: Меркулову Марию, 15 лет, Набатову Зину, 15 лет, Амельченкову Варвару, 15 лет, и Иванову Прасковью, 16 лет.

В хут. Челеково того же р-на румынами изнасилованы Небыкова Ульяна Ивановна, Фалсина Мария Ивановна, Косова Надежда и девушки Гнутова Любовь Яковлевна и ее сестра Мария Яковлевна.

Немецко-румынские войска при отступлении под ударами Красной Армии из районов Сталинградской области старались совершенно уничтожить и без того разрушенные в результате боев населенные пункты. Уцелевшие дома поджигали, не давая их тушить, а население загонялось в подвалы, сараи, погреба или выгонялось просто на улицу.

В райцентре станицы Клетской немцами сожжено 540 домов.

В хут. Раскопино Клетского р-на из 120 уцелевших домов сожжено свыше 100, а хутора Логовский, Краженский, Пузинский и Подниженский были уничтожены полностью.

Зам. Народного комиссара внутренних дел СССР

Кобулов

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 31—34. Подлинник.

№ 13

Донесение народного комиссара Государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову о расследовании злодеяний гитлеровцев в г. Днепропетровске

4 февраля 1944 г.

В дополнение к своей записке от 31.XII.1943 года № 3402/М НКГБ СССР сообщает, что в процессе дальнейшего расследования злодеяний, совершенных немецкими оккупантами в гор. Днепропетровске,

установлены новые факты массового истребления советских граждан. По неполным данным, немцы уничтожили в Днепропетровске свыше 29 000 человек мирных советских граждан и зверски замучили около 30 000 чел. военнопленных бойцов и офицеров Красной Армии.

В ночь с 12 на 13 октября 1941 года по указанию начальника полиции майора Вильгельма фон Мульде, полевого коменданта полковника фон Альберти и коменданта гор. Днепропетровска майора Гольдемана на проспекте К. Маркса было собрано около 11 тысяч человек жителей города, преимущественно женщин, детей и стариков. У собравшихся оккупанты отобрали все личные вещи, построили их в колонны и под усиленным конвоем угнали на территорию лесопитомника к оврагу, где всех расстреляли.

Трупы расстрелянных в беспорядке сбрасывались в овраг, а вместе с ними были брошены и засыпаны землей живые малолетние дети. Чтобы заглушить крики и стоны расстреливаемых, были заведены моторы тракторов и над районом, где происходил расстрел, кружились немецкие самолеты.

Вторым местом массового истребления советских граждан в гор. Днепропетровске являлся противотанковый ров в 4 километрах от города, в котором немцы почти ежедневно производили массовые расстрелы ни в чем не повинных советских граждан до последних дней оккупации города.

Чтобы замести следы своих преступлений, трупы расстрелянных они сжигали.

При раскопках этого рва обнаружено большое количество золы с обуглившимися и не полностью сгоревшими человеческими трупами.

В лагерях для военнопленных оккупанты установили невыносимый режим. Медицинская помощь отсутствовала. От голода и непосильных работ погибли десятки тысяч военнопленных. Невдалеке от лагеря в районе женского монастыря обнаружено несколько рядов могил с трупами замученных бойцов и командиров Красной Армии.

Отступая из города, немецкое командование при помощи жандармерии и полиции насильно угнало почти все население города в свой тыл и на каторжные работы в Германию. Из 232 тысяч человек, проживавших в Днепропетровске в период оккупации, к приходу Красной Армии в городе осталось не более 3000 человек.

За время оккупации и особенно при отступлении немцы произвели в гор. Днепропетровске большие разрушения. Полностью разрушены заводы им. Петровского, им. Карла Либкнехта, им. Коминтерна, им. Ленина. Ценное оборудование этих заводов увезено в Германию.

По предварительным подсчетам, стоимость разрушенных заводов выражается в сумме 662 865 994 рубля, стоимость вывезенного оборудования в Германию исчисляется в сумме свыше 80 миллионов рублей, а общий ущерб, нанесенный немцами промышленным предприятиям города, превышает 860 миллионов рублей.

Вместе с этим немецко-фашистские захватчики разрушили и сожгли все культурно-просветительные учреждения города.

Разрушены и сожжены: старейший Горный институт, Metallургический институт, Государственный университет, мукомольный техникум, 6 средних школ, 23 школы фабрично-заводского обучения, исторический и краеведческий музеи, музей Революции, кинотеатры «Большевик», «Коминтерн», Театр юного зрителя, театр филармонии, Театр оперы и балета и различные детские библиотеки города.

Разграблены и разрушены станции детской железной дороги, превращены в развалины 11 водных станций и все шесть стадионов города.

Все крупные больницы города были заняты под госпитали, а остальные разграблены и разрушены.

Из 86 детских садов 20 полностью сожжены, остальные разрушены.

С приходом немцев главный корпус и общежитие Горного института были заняты частями СС и немецкой полицией, а затем лазаретом. Все оборудование было свалено в кучу, а перед отступлением сожжено. Огнем уничтожено свыше 20 тысяч образцов минералов, палеонтологический музей, 70 тысяч томов книг и другие ценности Горного института.

Помещение Института инженеров железнодорожного транспорта было превращено немцами в гараж и конюшню, а затем сожжено.

Здание Metallургического института использовалось немцами под кухню, лазарет СС и мастерскую для ремонта танков, а потом сожжено.

Громадный ущерб нанесен коммунальному хозяйству. В городе уничтожены: 797 государственных и общественных зданий и 4186 строений частного сектора. Полностью сожжены поселки Клочок, Чернозем и Амур-Пески. Разрушено 16 километров трамвайного пути, уничтожено 100 трамвайных вагонов. Производится дальнейшее расследование злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

Народный Комиссар Государственной Безопасности СССР

Меркулов

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 40—42. Подлинник.

№ 14

Донесение народного комиссара Государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову о массовом истреблении мирного населения Белоруссии и военнопленных Красной Армии

11 февраля 1944 г.

Органами НКГБ в освобожденных от немецких оккупантов районах Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областей БССР

вскрыто массовое злодейское истребление оккупантами мирного населения Белоруссии и военнопленных — бойцов и командиров Красной Армии.

По неполным данным, немцами зверски замучено и расстреляно в этих районах более 20 тысяч гражданского населения и около 50 тысяч военнопленных.

Осенью 1941 года после вступления немцев в гор. Гомель более 1000 человек мирных советских граждан было заключено в лагерь (местечко Монастырское), обнесенный колючей проволокой, в котором людей держали на морозе под открытым небом, морили голодом, пытавшихся просить или добыть пищу немцы расстреливали, а лиц, передававших пищу заключенным, самих заключали в лагерь. От невыносимо тяжелых условий, созданных в лагере немцами, среди заключенных появилась массовая смертность.

В начале ноября месяца 1941 года все заключенные этого лагеря и соседнего лагеря, расположенного в районе Ново-Любинской улицы, были расстреляны.

По вопросу расстрела мирных советских граждан, заключенных в эти лагеря, очевидец Степанов В.Д. показал:

«Числа 3 или 4 ноября 1941 года лиц, находящихся в лагерях Монастырское и по Ново-Любинской улице, немцы насильно загоняли в большие крытые машины по 40 и более человек, отвозили в Лешенец в противотанковый ров, проходящий по территории МТС, и там производили расстрел. Я видел, как подъезжали машины ко рву, из которых выбрасывали людей и расстреливали. Расстрелы начались в 8 часов утра и были закончены только в 4 часа дня. Всего было расстреляно в этот день около 2 500 человек».

В гор. Добруш в течение одного дня в ноябре 1941 г. было расстреляно 125 человек, среди которых были старики, женщины и дети.

В феврале 1942 года в гор. Лиозно расстреляно 700 человек и в совхозе близ города Городок Витебской области после зверских издевательств было расстреляно в противотанковом рву около 600 человек. Одежда и другое имущество расстрелянных были расхищены немецкими конвоирами и полицейскими.

Участники этих расстрелов, изменники Родине — Желдаков, Амельченко, Семенчук, Савицкий, Дручкин, Селезнев и другие — арестованы и осуждены.

Следствием также установлено, что в существовавшем в городе Гомеле лагере для военнопленных содержалось до 35 тысяч человек бойцов и командиров Красной Армии, которым были созданы исключительно тяжелые условия, вызвавшие среди них массовые заболевания и смертность.

Допрошенный свидетель Прошин Иван по вопросу содержания военнопленных в Гомельском лагере показал:

«В сентябре месяце 1941 года я попал в центральный лагерь военнопленных. Положение в лагере было невыносимое: военнопленным выдавали в день по одному литру супа из отрубей и картофельной шелухи, а хлеба совсем не давали. Санитарное состояние было крайне невыносимое. Над пленными немцы творили всевозможные издевательства. В суп подливали керосин, что приводило к расстройству желудков и увеличивало и без того большую смертность. В зимнее время военнопленных привязывали к столбу и постепенно замораживали. Были случаи, когда при раздаче супа офицеры для личного удовольствия расстреливали военнопленных в упор».

Голодных и раздетых военнопленных красноармейцев использовали на погрузке боеприпасов, рытье противотанковых рвов, запрягали по 10—15 человек в повозки, и на них возили кирпичи и дрова. Обессиленных от изнурительных работ, избивали резиновыми палками и расстреливали на месте. По предварительным данным, в этом лагере военнопленных немцы уничтожили до 10 тысяч человек советских людей.

Зверства и насилия в Гомельском лагере военнопленных чинили: комендант лагеря немец капитан Гауфман и его заместитель унтер-офицер Разин (сбежали).

В лагере военнопленных в городе Кричеве на территории цементного завода от голода и непосильной работы и повседневных расстрелов погибло до 40 тысяч человек бойцов и командиров Красной Армии.

Наряду с этим немецкие карательные органы проводили широкие репрессии среди советского населения, бросая ни в чем не повинных людей в тюрьмы, подвергая их пыткам и издевательствам с целью получения нужных показаний. Допросы арестованных, как правило, сопровождалась пытками, их избивали резиновыми палками, обмораживали конечности, обливали арестованных холодной водой и т.д.

Так, например:

Военнопленный врач Редькин после очередного «допроса» был доставлен в больницу с переломленным ребром и ожогами предплечья и ягодицы.

Житель города Новобелицы Стасенко был доставлен в больницу избитым до полусмерти каким-то твердым предметом.

Арестованные Чайко Василий подвергался пыткам семь раз и Чернявкий — восемь раз за то, что они не давали показаний, которые требовались немцам.

Коваль Василий, арестованный по подозрению в том, что он еврей, неоднократно избивался до потери сознания, а потом был расстрелян.

Эти зверства над арестованными чинили: начальник 1-го отдела СД СТРАУП Гольдемар Августович и заместитель начальника контрразведывательной группы зондерфюрер Гартман (сбежали).

При приближении частей Красной Армии к городу Гомелю немцы подвергли массовому расстрелу находящихся в тюрьме арестованных, а тюрьму взорвали.

Расследование зверств немецких захватчиков и выявление конкретных виновников продолжается.

Народный Комиссар Государственной Безопасности СССР

Меркулов

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 43—46. Подлинник.

№ 15

Донесение начальника политического управления 1-го Украинского фронта генерал-майора С.С. Шатилова начальнику ГлавПУР ККА А.С. Щербакову о расследовании злодеяний в лагере военнопленных в г. Славута¹¹³

Действующая армия

12 марта 1944 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Обитогах расследования чудовишных злодеяний гитлеровцев над советскими военнопленными в лагере г. Славута.

Вторгнувшись на территорию Украинской Советской Социалистической Республики, немецко-фашистские войска во 2-й половине 1941 года оккупировали г. Славута Каменец-Подольской области.

Осенью 1941 года немецкими оккупационными властями в г. Славута был организован лагерь для попавших в плен к немцам советских офицеров и солдат. Лагерь был назван «Большой Лазарет», и в нем концентрировались больные и раненые советские военнослужащие, попавшие в плен к немцам в разное время с различных фронтов.

13 января 1944 года Красная Армия освободила от немецко-фашистского гнета г. Славута. В это время в лагере оставалось свыше 600 чел. больных и раненых советских офицеров и солдат, которые были вызволены из фашистского плена войсками 60-й армии, где начальником политотдела тов. Исаев.

Освобожденные из фашистского плена больные и раненые военнослужащие немедленно были эвакуированы в ППГ 5205 и ИГ 2197.

Находившиеся в лагере советские офицеры и солдаты были доведены до такой степени истощения, что 7 человек из них умерли на пути при эвакуации в советские госпитали.

В первые же дни при поступлении в госпитали из числа прибывших из Славутского лагеря умерли 47 человек.

¹¹³ Помета: Использовано в сводке. 19.5.44. А. Сушков.

Судебно-медицинским и патологоанатомическим исследованием трупов умерших установлено, что подавляющее большинство умерло от крайнего истощения и голодания и развившихся на этой почве болезней — острого туберкулеза легких, крупозного воспаления и др.

Все поступившие из Славутского лагеря бывшие военнопленные советские офицеры и солдаты в количестве 525 человек были освидетельствованы специальной судебно-медицинской экспертизой, коей установлено, что все указанные военнослужащие страдают болезнями, явившимися результатом пребывания их в фашистском плену. Подавляющее большинство страдает алиментарной дистрофией, активным туберкулезом легких, крайним истощением, желудочно-кишечными болезнями и дистрофическим поносом. У всех поступивших раненых обнаружены в ранах осложнения, остеомиелит и отсутствие склонности к заживлению вследствие резкого ослабления организма от систематического голодания.

Многочисленными свидетельскими показаниями освобожденных из Славутского лагеря советских военнослужащих, а также отдельных граждан г. Славута устанавливаются кошмарные условия содержания советских офицеров и солдат, попавших в плен к немцам, созданные с целью умышленного планомерного умерщвления советских военнопленных.

Питание военнопленных заключалось в ежедневной выдаче 250 грамм хлеба, изготовленного со значительной примесью древесных опилок. Кроме того, выдавалось около 2-х литров так называемой баланды — супа, изготовленного из гнилого нечищеного и зачастую немытого картофеля, шелухи от круп и других овощей.

Немецкая администрация лагеря не скрывала от военнопленных, что при выпечке хлеба примешивается 15–20 % древесных опилок. Фактически опилок было значительно больше.

При осмотре территории лагеря 8 февраля 1944 г. в одном из складов обнаружено оставленные немцами около 15 тонн муки с 65-процентной примесью древесных опилок, что установлено лабораторным анализом.

В заключении медицинской экспертизы о влиянии такого хлеба на человеческий организм указывается, что

«...питание этим хлебом вызывает:

- 1) Алиментарную дистрофию отечной и кахектической формы.
- 2) Пеллагру и пеллагроидные состояния (поносы, изменение психики — депрессия, кожные изменения) вследствие недостатка витамина «В».
- 3) Развитие диспепсических расстройств и воспалительных изменений кишечника вследствие раздражения желудочно-кишечного тракта большой массой древесных опилок и других механических примесей».

Показаниями всех военнопленных устанавливается, что выдаваемый суп — «баланда» изготавливается из гнилого, грязного, нечищеного картофеля и овощей. Туда же добавлялась шелуха от круп, иногда тухлая крупа. Как правило, в «баланде» обнаруживали крысиный помет и всякий мусор.

Содержавшиеся в лагере советские военнослужащие постоянно были голодны, истощены до крайней степени и доходили до отчаяния. Люди поедали крыс и всякие отбросы из мусорной ямы.

Некоторые доходили до того, что набрасывались на проезжающую по двору повозку с картофелем, несмотря на то, что это сопряжено было с большим риском для жизни и, во всяком случае, сопровождалось зверским избиением военнопленного.

Допрошенный по этому поводу бывший военнопленный майор Алексашенко показывает:

«...Пища, которая нам выдавалась, заключалась в 250—300 грамм хлеба, почти наполовину смешанного с древесными опилками. Кроме этого, нам выдавалась т.н. баланда — это суп из нечищеного картофеля, шелухи от гречневой крупы и гнилых овощей. Запах, который издавала эта “баланда”, как от помойной ямы. Но, несмотря на ужасную пищу, люди были настолько голодны, что набрасывались на эту “баланду” и поедали ее, не разжевывая, проглатывали ее. В этой “баланде” я лично неоднократно находил крысиный помет и несколько раз находил там толченое стекло».

Освобожденный из плена лейтенант Панкин показывает:

«...Мне приходится лично видеть, как пленные, доведенные голодом до психоза, ели крыс. В апреле 1943 года около уборных 4 блока в яме группа военнопленных на костре в котелках варила крыс. Тут же в недоваренном виде это поедалось».

И далее:

«...Были такие смельчаки, которые пытались украсть пару картофелин с воза, но за это расплачивались избиением, натравливанием на них собак и т.п. Таких смельчаков называли у нас пикировщиками».

Военнопленные размещались на 2- и 3-этажных нарах, чрезвычайно скученно, вплотную, один к другому. В помещениях размещалось людей в 3—4 раза больше нормального.

Вши и клопы кишели на нарах, одежде и перевязках военнопленных. При встряхивании одежды вши обильно падали на землю.

В помещениях стояла невыносимая вонь от разложения и фекальных масс. Инфекционные больные находились вместе с другими больными. Подстилки на нарах никакой не было, и люди лежали на грязных нарах полураздетые, а зачастую совершенно голые.

Санитарной обработки не было. Из-за отсутствия воды военнопленные не умывались.

Бывший военнопленный военврач 3-го ранга Иноземцев по этому поводу показывает:

«...В одной палате размещалось до 300 человек. Такое размещение было в так называемом лазарете. Подстилки никакой не было. Не было и соломы. Некоторые лежали совершенно голыми. Инфекционные больные часто перемешивались с ранеными. Вшивость среди больных повальная, и заболевания сыпным тифом все время увеличивались. Санитарной обработки в лагере не было. Больные даже не умывались из-за отсутствия воды. Можно видеть было больных, которые, пользуясь проходящим дождем, умываются в лужах».

Указанное положение подтверждается также рядом других свидетелей (Липскарев, Чигрин и другие).

Созданные немцами условия в лагере способствовали распространению различных заболеваний среди военнопленных, особенно эпидемических.

Свирепствовали сыпной тиф, туберкулез, дизентерия, кожные заболевания и всякие другие болезни.

Заболевшие сыпным тифом подолгу скрывали свою болезнь, боясь попасть в первый блок, откуда почти никто не возвращался.

Свидетель Ианкин показывает по этому поводу:

«...Бытовые условия военнопленных способствовали распространению болезней среди них и невозможности излечения. Больные разными болезнями лежали рядом, вплотную, прижавшись друг к другу. Здесь же были и тифозные и туберкулезные, дизентерийные и здоровые. Тиф свирепствовал. Заболевшие тифом стремились остаться у себя и скрывали свою болезнь, боясь попасть в первой блок, откуда одна дорога — на кладбище».

Медицинская помощь военнопленным не оказывалась. Медобслуживание в лагере осуществлялось военнопленными советские врачами, но медикаментов немцы не отпускали или выдавали в мизерном количестве. На 1000 больных выдавалось иногда 15—20 таблеток аспирина.

Перевязочным материалом не снабжались. Перевязки ран производились крайне редко. Раны были чрезвычайно запущены, с осложнениями, без какой-либо склонности к заживлению. Кроме того, бытовые условия способствовали распространению болезней и невозможности их излечению.

Всеми материалами дела, многочисленными свидетельскими показаниями, собранными документами полностью подтверждается, что кошмарный режим, бытовые условия, недопустимое антисанитарное состояние в лагере — это система, умышленно созданная немецкими оккупационными властями с целью уничтожения попавших в плен к немцам советских офицеров и солдат.

Созданных немцами условий существования в лагере человеческий организм не мог выдержать более 2—3 месяцев.

Среди военнопленных в лагере была колоссальная смертность, доходившая до 300 человек в сутки. Трупы умерших складывались во дворе второго блока и в подвале.

Помещений для мертвецкой не хватало, и трупы складывались штабелями во дворе лагеря.

Ежедневно в каждый блок, в отделение наведывался шеф блока — немецкий солдат и спрашивал у врача, сколько умерло за сутки. Цифра 10—15 его не удовлетворяла, но, узнав, что за сутки в отделении умерли 30—35 человек, этот немец с удовлетворением говорил «гут».

Среди военнопленных 1-й и 2-й блоки назывались блоками смерти. В первом блоке находились инфекционные, а во 2-м поносные больные. Из попавших в эти блоки редко кто выживал.

Это был последний этап, неизбежная судьба каждого военнопленного, находившегося в Славутском лагере.

Смертность в 1 и 2 блоках была настолько велика, что не успевали выносить трупы из помещения и выбрасывали их вниз из окон верхних этажей.

Круглые сутки вывозились трупы на кладбище — за 1-й блок, в заранее заготовленные ямы, куда складывались по 300—400 трупов в одну яму.

В дальнейшем, в середине 1943 года немцы в целях маскировки своих злодеяний переделали огромные насыпи на могилах в мелкие холмики. В некоторых местах на территории лагеря имеются массовые могилы, насыпи которых немцы в 1943 г. уничтожили, и с целью маскировки на этом месте посажены растения.

По показаниям многих свидетелей, за период существования лагеря в нем погибло свыше 130 тыс. человек.

Об этом свидетельствуют показания свидетелей Алексащенко, Панкина, Иноземцева и многих других.

Бывший военнопленный военврач 2 ранга Новиков показывает, что из прибывших с ним в Славутский лагерь в июне 1943 г. 50 человек остались в живых только 2—3 человека. Все остальные погибли в лагере от голода, истощений и болезней.

До середины 1943 года этапов военнопленных из Славутского лагеря не производилось.

Лагерь почти ежедневно пополнялся новыми партиями советских военнопленных, которые занимали места погибших.

Среди военнопленных Славутский лагерь назывался конвейером смерти. Все в этом лагере направлено было к уничтожению людей.

Прибывающие в лагерь военнопленные бывали в сравнительно удовлетворительном состоянии. Через короткое время люди заболели поносом, истощением и другими болезнями и попадали в 1-й или во 2-й блоки, а оттуда, как правило, на кладбище.

В лагере были неоднократные случаи, когда еще живых людей, находящихся в бессознательном состоянии, сносили в мертвецкую.

Вот что показывает по этому поводу майор Алексащенко:

«...Были случаи, что в мертвецкую сносили еще не умерших. Таких случаев было немало. В конце 1942 года один военнопленный вышел из

мертвецкой с губами, изъеденными крысами. Через некоторое время он умер. Был один случай, когда вышедший из мертвецкой военнопленный ожил и даже вылечился. Лично меня, когда я болел тифом, положили на носилки и хотели вынести в мертвецкую, но я вовремя пришел в себя и начал кричать, тогда меня положили обратно».

В результате такого зверского отношения к военнопленным, вследствие постоянного, систематического голодания, избиений и издевательств люди заболели душевными болезнями.

Среди освобожденных из лагеря советских солдат оказалось 8 человек душевнобольных. Многие другие страдают нервно-психическими расстройствами, голодным психозом.

Немецко-фашистские изверги в своих зверствах над советскими военнопленными доходили до крайней степени. Немцы не ограничивались созданными условиями, в результате которых советские люди массами погибали в лагере.

Одним из многочисленных методов уничтожения советских людей являлось производство различных опытов над военнопленными.

Освобожденные из Славутского лагеря бывшие военнопленные советские врачи Иноземцев, Федюнин и Фесин в совместно составленном ими акте о зверствах немцев показывают:

«...Иногда в лагере появлялась вспышка неизвестного заболевания, клинически напоминающего острое пищевое отравление, которое поражало преимущественно крепких военнопленных и давало почти 100-процентную смертность. Производство исследований и вскрытие трупов умерших пленным врачам немцы запрещали и исследовали сами, после чего заболевание на некоторое время прекращалось.

Через некоторое время заболевание снова появлялось и снова прекращалось после исследования немцами. Все это было похоже на то, что немцы производили бактериологические или какие-либо другие опыты, стоившие для пленных огромных жертв».

Для установления физического состояния поступивших из Славутского лагеря, освобожденных Красной Армией бывших военнопленных Военной прокуратурой 60 армии была организована судебно-медицинская экспертиза, которая тщательно освидетельствовала и установила, что указанные лица

«...поступили из Славутского лагеря в тяжелом состоянии, с ярко выраженными признаками и явлениями крайней степени истощения. Все они представляли собой “живые скелеты”, обтянутые желто-серой, землистого цвета грязной кожей, с резко выраженной морщинистостью, сухостью, с шелушением эпидермиса, с маскообразным одутловатым лицом, многие с отеками конечностей».

Многие из указанных больных и раненых военнослужащих страдают двумя и тремя заболеваниями.

Экспертизой установлены у 525 человек следующие заболевания и ранения:

Алиментарная дистрофия	— 289
Истощение	— 146
Активный туберкулез легких	— 80
Сыпной тиф	— 83
Сердечно-сосудистые расстройства	— 240
Заболевания жел.-киш. тракта с дистрофическим поносом	— 151
Осложнение ранений	— 198
Остеомиелит	— 65
Заболевание кожи и подкож. клетчатки	— 43
Болезни дыхания	— 13
Нервно-психические расстройства	— 31
Укорочение конечностей	— 8
Ложные суставы	— 2
Кахексия от истощения	— 10
Прочие заболевания	— 78

Систематические издевательства и избиения советских военнопленных немцами и их прихвостнями делали свое кошмарное дело уничтожения советских людей.

В лагере военнопленные подвергались избиениям без всякого повода. Немцам доставляло удовольствие избивать советских людей, и последние старались не попадаться им на глаза.

При раздаче баланды, на работах, в помещениях, везде и всюду пленные избивались немцами палками и резиновыми шлангами. Стараясь угодить немцам, подражали им прихвостни — различные предатели, полицаи, всячески выслуживаясь перед ними.

Неоднократно были случаи избиения тяжелобольных, которые умерли от побоев.

Провинившихся военнопленных клали на дворе на бочку животом вниз и избивали палками до потери сознания.

Больных и раненых зачастую издевательски заставляли бегать вокруг зданий, подгоняя их палками.

На работах, куда выгонялись военнопленные, истощенные и слабые, медленно работали, и немцы, подгоняя, кололи их штыками.

Варварское отношение немцев к попавшим в плен советским офицерам и солдатам начиналось задолго до прибытия последних в Славутский лагерь.

Военнопленных немцы подолгу гнали на этапах без пищи и воды, невзирая на ранения. Отстающих немцы тут же расстреливали.

Передвигаясь по железной дороге, советские военнопленные, запертые в товарных вагонах, оставались по 5—6 дней без пищи и воды.

В прибывающих в Славутский лагерь эшелонах с военнопленными в каждом вагоне оказывалось по 15—20 трупов.

В вагонах находились по 70—80 человек, в большинстве раненые, которые следовали по 5—6 дней без пищи и питья.

По этому поводу бывший машинист на водонапорной башне лагеря Данилюк показывает:

«...Я видел, как подходил эшелон с военнопленными и при разгрузке вагонов из дверей выбрасывались трупы и умирающие. Трупы складывались возле ж. д. ветки. Среди них были еще живые умирающие военнопленные. Они лежали рядом с трупами, и никто на них уже не обращал внимания.

После отбытия эшелона эти трупы увозились на кладбище. Среди них, возможно, были и живые, еще не умершие, но истощенные и ослабленные поездкой в эшелоне и голодом».

На том же кладбище, где находятся могилы погибших военнопленных, немцы производили расстрелы мирных советских граждан, заподозренных в связи с партизанами и советским активом.

Немцы беспощадно уничтожали также детей и стариков.

Мимо здания лагеря неоднократно проводились обреченные на расстрел мирные советские граждане, среди них были и дети.

Массовое убийство советских людей — мирных граждан г. Славута организовано немцами в июле 1942 г.

Возле водонапорной башни на территории лагеря были расстреляны 10 000 человек, среди них женщины, дети и старики.

Подводили их группами к огромным ямам, заставляли раздеваться догола и ложиться на дно ямы. Таким образом, этих людей расстреливали лежащими в яме.

Подводили следующую группу людей, которых заставляли лечь на трупы нижних и снова автоматом проводили по ряду лежащих людей.

Так заполнялась одна яма за другой трупами ничем не повинных людей, стоны которых еще раздавались во время забрасывания могил землей.

Маленьких детей немцы бросали живьем в ямы на трупы расстрелянных.

Многие из этих жителей были только ранены, раздавались стоны из могил, но на немецких садистов это не производило никакого впечатления.

В этих могилах находятся трупы расстрелянных немцами около 12 000 человек мирных граждан г. Славута и прилегающих районов.

К кошмарным преступлениям немецких оккупационных властей прибавилась еще одна кровавая страница, требующая возмездия.

Основными виновниками зверств, чинимых немцами над попавшими в плен советскими офицерами и солдатами, а также расстрелов мирных советских граждан являются руководители германского фашистского правительства и командование германской армии.

Конкретными виновниками, кроме того, являются: комендант лагеря — капитан Ноэ, главный врач — Нейгауз, фельдфебель — Беккер.

Соучастники и непосредственные исполнители этих преступлений из числа советских граждан в настоящее время выявляются соответствующими органами советской власти.

*Начальник Политического Управления 1-го Украинского Фронта
генерал-майор С. Шатилов.
Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 47—55. Подлинник.*

№ 16

Донесение заместителя народного комиссара Государственной безопасности СССР Б.З. Кобулова А.С. Щербакову о злодеяниях захватчиков в Могилевской области

г. Москва

8 апреля 1944 г.

За время оккупации Мстиславского района Могилевской области немецкие оккупационные власти при участии группы предателей из числа советских граждан зверски истребили 2428 человек и угнали на принудительные работы в Германию 1234 человека, преимущественно молодежи.

Допросами арестованных, свидетельскими показаниями и другими документальными данными установлено, что обычными местами расстрела советских граждан являлись урочище «Яновские рвы» и окраина города Мстиславля.

При раскопке двух могил с трупами медицинско-экспертной комиссией установлено, что перед расстрелом жертвы подвергались зверским издевательствам, а многие из них зарывались в ямы живыми.

Это обстоятельство подтверждается многочисленными показаниями свидетелей-очевидцев.

Свидетель Купчин Д.М. показал:

«15-го октября 1941 года немцы и полицейские произвели массовый расстрел евреев. Я лично наблюдал, как это производилось под Троицкой горой. Вначале подогнали к яме мужчин, которых раздевали и заставляли ложиться в ямы вниз лицом, а сами сверху стреляли из автоматов и пистолетов. Поверх убитых заставляли ложиться живых и таким же способом уничтожали. После расстрела мужчин к яме подогнали женщин и детей, поднялся дикий плач, они начали метаться и рвать на себе волосы».

Особую жестокость по отношению советских граждан немцы проявили перед своим бегством из города Мстиславля.

Основными организаторами и исполнителями зверств в г. Мстиславле являлись комендант города — майор Крупп, начальник жандармского

управления — лейтенант Бауэр и начальник полиции города Курышев (бежал с немцами).

Из активных соучастников немецко-фашистских злодеяний выявлены и арестованы 6 человек, в том числе:

Куторга В.Ф., 1884 года рождения, бывший кулак, бургомистр города Мстиславля.

Рягузов Е.Е., 1895 года рождения, до оккупации учитель, при немцах — начальник одного из отделов в магистрате.

Аболин К.П., 1891 года рождения, бывший кулак, врач, при немцах — начальник отдела здравоохранения.

Указанные лица входили в состав созданной немцами при бургомистрате специальной комиссии, определявшей принадлежность лиц к еврейской национальности. По материалам этой комиссии было арестовано и расстреляно большое количество советских граждан.

За активное пособничество немцам Рягузов, Аболин и другие члены комиссии были награждены немецким командованием почетными грамотами.

Производится дальнейшее расследование злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

*Заместитель — Народный Комиссар Государственной
безопасности Союза ССР
Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 56—57. Подлинник.*

Кобулов

№ 17

Информация народного комиссара Государственной безопасности В.Н. Меркулова, направленная А.С. Щербакову, о порядке фотографирования экзекуций их исполнителями¹¹⁴

Шеф полиции безопасности и СД, Берлин, 16 апреля 1942 г.
ПА 1 № 1042 П/41—151

Верховным руководителям СС и полиции
Содержание: Фотографирование экзекуций.

Имперский руководитель СС приказом от 12/11 1941 — Приказ № 1 1481/41 Ад-с — запретил фотографирование экзекуций и установил,

¹¹⁴ НКГБ СССР направил 5 мая 1944 г. перевод и фотокопии предписания главного руководителя полиции безопасности и СД Гейдриха за № 1042 от 16 апреля 1942 г. о порядке фотографирования экзекуций и распоряжение начальника полиции порядка Далюге от 13 января 1942 г. о привлечении полиции к проведению экзекуций. Указанные документы были обнаружены в г. Пятихатка Днепропетровской области в бывшем помещении СС и полиции.

что в тех случаях, когда подобные снимки необходимы для служебных целей, весь фотоматериал должен собираться в архивном порядке.

В дополнение к этому устанавливается:

Снимки экзекуций могут производиться для служебных целей, как правило, только по указанию начальника оперативной или особой (зондер) команды, либо ротного командира войск СС и взводного командира военно-корреспондентского батальона. В исключительных случаях, когда получение разрешения начальника оперативной или особой команды, либо ротного командира войск СС и взводного командира военно-корреспондентского батальона невозможно, они должны извещаться об этом впоследствии.

Начальник оперативной или особой команды, либо ротный командир войск СС и взводный командир военно-корреспондентского батальона несут ответственность за то, чтобы пластинки, пленка и копии не остались бы в руках отдельных работников оперативного органа.

В тех случаях, когда в служебных интересах производятся фотосъемки, начальник оперативной или особой команды, либо ротный командир войск СС и взводный командир военно-корреспондентского батальона обязаны немедленно пересылать съёмочный материал в непроявленном виде в Главное Управление имперской безопасности (Реферат IV A1) под грифом «Секретно, государственной важности»¹¹⁵.

Если в распоряжении оперативных органов или у отдельных работников этих органов имеются еще снимки или экспонированные пленки и пластинки экзекуций, таковые должны быть срочно пересланы Главному Управлению имперской безопасности (Реферат IV A1). Необходимо также установить, сколько снимков, пленок в пластинок с экзекуциями уже доставлены работниками оперативных органов на родину.

Необходимо позаботиться о том, чтобы и этот съёмочный материал немедленно был передан Главному Управлению имперской безопасности (Реферат IV A1).

В каждом случае должны быть указаны время и место произведенных съемок. Одновременно должно быть приложено официальное заверение данного работника в том, что он других снимков не делал и что все пластинки, пленки и копии им сданы.

Данный приказ должен быть объявлен всем работникам полицейских оперативных органов, а также составу войск СС и их военно-корреспондентским батальонам.

П. н. Гейдрих

Заверено: (Подпись неразборчива). Служащий канцелярии

Днепропетровск, 2 июня 1942.

В копии: Всем нижестоящим органам для сведения и руководства.

П. н. Лукас, майор жандармерии и командир.

Копия верна: лейтенант жандармерии.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 72—74.

Заверенная копия перевода с немецкого на русский язык.

¹¹⁵ Так в документе.

Проект сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии, направленный членом комиссии академиком И.П. Трайниным на согласование секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову, о распространении сыпного тифа среди населения и частей Красной Армии с просьбой опубликовать это сообщение¹¹⁶

23 апреля 1944 г.

СООБЩЕНИЕ

Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

Чрезвычайная Государственная Комиссия в своих предыдущих сообщениях опубликовала ряд документов, изобличающих гитлеровское правительство и Верховное командование германской армии в массовом истреблении мирного советского населения. С особой жестокостью немецкие оккупанты и их сообщники проводили истязания, пытки и массовые убийства советских людей в концентрационных лагерях, организуемых в тылу германской армии. Не только военные, но и «гражданские» оккупационные власти прикрывали создание этих лагерей потребностями эвакуации советского населения из прифронтовой полосы. Так, Германское Главное Земельное Управление в своем приказе от 23 марта 1942 года подчеркивало:

«Германская армия из-за стратегических причин провела местное выправление фронта. Из-за передвижения последовала необходимость временного очищения некоторых районов... Эвакуированное население временно распределяется для размещения по деревням тыловых областей».

Эти «деревни» гитлеровцами фактически превращались в пересылочные лагеря, в которых осуществлялись неслыханные в истории войн кровавые злодеяния.

О новых методах гитлеровских злодеяний

Немецко-фашистские захватчики в связи с изменившейся обстановкой на советско-германском фронте начали применять новые ме-

---

¹¹⁶ Опубликовано 30 апреля 1944 г. Дьяконов. 10 мая 1944 г. В сопроводительном письме академик И. Трайнин как член ЧГК сообщает о том, что «факты, изложенные в Сообщении, расследованы совместно с Военным Советом 65 армии и представителями правительства Белорусской ССР». Стоит подпись «И. Трайнин».

тоды злодеяний. Одним из таких методов является распространение эпидемии сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, для чего гитлеровцы организуют у переднего края своей обороны специальные концентрационные лагеря.

19 марта 1944 года наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков. Эти лагеря размещались: первый — на болоте у поселка Дерт; второй — в 2 километрах северо-западнее местечка Озаричи; третий — на болоте в 2 километрах западнее деревни Подосинник.

Специальная комиссия в составе: Председателя Совнаркома Белорусской ССР Пономаренко П.К., депутата Верховного Совета Белорусской ССР Грековой Н.Т., действительного члена Белорусской Академии Наук Якуба Коласа, депутата Верховного Совета СССР Гришко Г.Е., генерал-майора интендантской службы Саковича А.Н., начальника санитарной службы армии подполковника Колодкина В.Н., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцева Д.И. — расследовала обстоятельства, связанные с созданием этих лагерей.

«Лагеря смерти» для советских людей у переднего края немецкой обороны

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было. Заключенные размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным и нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР.

Среди освобожденных из лагерей детей до 13-летнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин — 13 072 и стариков — 4448.

Расследованием установлено, что фашистские мерзавцы сгоняли все мирное население в пересылочные лагеря под видом эвакуации населения из прифронтовых районов. В городе Жлобин немецкая комендатура

объявила по радио следующее воззвание к населению: «Граждане города Жлобин, германское командование направляет вас в глубокий тыл, так как красноармейцы вас будут обстреливать из артиллерии и минометов. Желая спасти вас от большевистских зверств, мы эвакуируем вас в глубокий тыл. Берите с собой все вещи, лошадей, телеги, скот. Берите с собой котелки и ложки, так как по дороге вы будете обеспечены горячей пищей. Слушайте немецкого солдата, не скрывайтесь и не убегайте. Весь город оцеплен немецкими войсками. Всякий пытающийся скрыться или бежать будет застрелен. Выходите на улицу и двигайтесь, куда вам укажут немецкие солдаты».

По заранее разработанному плану немецкие военные и гражданские власти организовывали пересылочные пункты, в которые сгоняли все мирное население. В них немцы предварительно отбирали трудоспособных мужчин, женщин и детей свыше 13-летнего возраста и отправляли на каторжные работы в Германию, остальных детей и нетрудоспособных взрослых направляли в концентрационные лагеря у переднего края обороны.

В период с 9 по 13 марта 1944 года гитлеровцы под усиленным конвоем СС и охранной полиции согнали в лагеря в районе местечка Озаричи десятки тысяч советских людей из пересылочных пунктов, расположенных в районах станций Рудобелка, Рабор, Старушка, Красный Берег и населенных пунктов Микуль-Городок, Порослище, Медведовка.

«12 марта 1944 года на рассвете, — сообщила учительница Е. Маз, — нас, жителей города Жлобин, немцы согнали за линию железной дороги, к зданию школы. Здесь они отобрали всех трудоспособных, а оставшихся стариков, детей и женщин погрузили в эшелон, по 60—70 человек в холодные, неоттапливаемые вагоны. В исключительно тяжелых антисанитарных условиях, в холоде и грязи нас довезли до станции Рабор и погнали в лагерь, расположенный в 3-х километрах от станции. От холода и голода много детей замерзло и умерло в вагонах, много погибло стариков, женщин и детей по дороге в лагерь».

Освобожденная из лагеря Л. Пекарская сообщила Комиссии:

«12 марта 1944 года под вечер нас, жителей города Жлобин, заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южная.

Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все почувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колена в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали.

Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты — звери поочередно стреляют и в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и

сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба — немцы застрелили их».

Лисовая А.И. из села Малецкая Рудня сообщила: «В пути следования в лагерь группа усталых советских людей присела отдохнуть. Гестаповец, конвоировавший нас, натравил собак, которые сильно искушали Квитковскую и других».

«На моих глазах, — сообщил житель совхоза «Авангард» Буслов М.П., — была убита в лагере немцами гражданка Крек из деревни Михайловская — мать троих детей за то, что вышла на несколько шагов за колючую проволоку, чтобы собрать сучья для костра».

Жительница деревни Ковальки Манько Х.О. показала: «Рядом с проволокой, которой был обнесен лагерь, были вырыты канавы, заполненные грязной болотной водой. В канавах валялось много разложившихся трупов. Воды для питья нам немцы не давали, и мы вынуждены были брать ее из этих канав».

Житель села Гадуни Безнивец П.Н., содержащийся в лагере, сообщил: «Лагерь, в котором я находился, был обнесен колючей проволокой и заминирован. Заключенные, пытавшиеся выйти за пределы лагеря за водой или дровами, избивались и расстреливались».

Так была убита мать 4-х детей Мокряк П.А. из села Слобода Домановического района».

У заключенных в лагерях советских граждан немецко-фашистские захватчики отбирали носильные вещи и сохранившиеся ценности.

Шуляренко Л.Д. из деревни Давидовичи показала:

«В лагерь пришли 50 человек немецких солдат. В руках у них были палки. Они осматривали заключенных, у кого находили хорошую одежду или обувь, отбирали ее. Кто сопротивлялся, того избивали палками. Я сама видела, как немецкие солдаты стаскивали с женщин платки, пальто и обувь».

Преднамеренное распространение эпидемии сыпного тифа.

Расследованием, произведенным членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И.П. и судебно-медицинской экспертной комиссией, установлено, что немецкие военные власти преднамеренно, с целью распространения сыпного тифа размещали сыпнотифозных больных вместе со здоровым населением, заключенным в концентрационные лагеря у переднего края немецкой обороны. Сыпнотифозные больные свозились немцами в эти лагеря из населенных пунктов Полесской, Минской, Гомельской и других областей Белорусской ССР.

Жительница деревни Заболотье Лабезникова М.Б., содержащаяся в лагере, сообщила Комиссии: «К нам в дом пришли немцы. Узнав, что я больна тифом, они в тот же день прислали двух солдат и на лошади отвезли меня в лагерь».

Шептунова О.А. из деревни Солонцовое рассказала: «Все население нашей деревни немцы согнали в деревню Воротынь, где было много больных сыпным тифом. Потом всех жителей деревни Воротынь вместе с большими отправили в концентрационный лагерь, находившийся в районе местечка Озаричи».

Освобожденная из лагеря Митрахович П.С, жительница села Новобелицы, показала: «Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Микуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З.П. сообщила: «В течение 3-х суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заключенные в лагере, заболели. В ночь с 15 на 16 марта умерло от сыпного тифа очень много заключенных».

Жительница деревни Пганцы Е. Душевская показала: «Нас, больных сыпным тифом, немцы перевезли в лагерь из деревни Ковчицы Паричского района. Мы знали, что можем заразить здоровых, просили немцев отделить нас от здоровых, но они не обратили никакого внимания».

Фашисты размещали в лагерях у переднего края обороны не только здоровых и больных, переведенных из пересылочных пунктов, но и специально завозили в них советских граждан, больных сыпным тифом, из больниц и лазаретов.

Больная Третьякова Н.П. из деревни Замошаны сообщила: «Я заболела в середине февраля месяца, после чего была помещена в больницу деревни Лески. В больнице лежала на полу, не раздевалась. Никакого лечения не было. Потом меня из больницы немцы направили в концентрационный лагерь около деревни Дерт».

Широков Т.М., житель города Жлобин, показал: «12 марта из Жлобинской больницы вывезли 200 человек, больных сыпным тифом. Все больные были посланы в лагерь».

Романенко И.О. сообщил Комиссии: «Находясь в заключении в концлагере, я видел большую группу жителей города Жлобин, больных тифом. Они лежали на мокрой земле, в грязи. Среди них были мертвые. Несколько человек, будучи в бреду, ползали по грязи. Врачей не было. Среди больных я видел граждан города Жлобин: Шуклина и Гурскую. Они сообщили мне, что их, больных тифом, вывезли в лагерь из городской больницы».

Аналогичные показания дали Комиссии бывшие заключенные концентрационных лагерей, советские граждане: Жданович Д.Г., Зайцева О.А., Русинович Х.Т., Решотко Т.И., Анисимова М. Т., Дробеза И.Р., Новик Л.К., Верос П.Я., Коваленко А.Е., Бондаренко В.Ф., Довыденко М.В. и многие другие.

Таким образом, преднамеренный вывоз немцами тифозных больных в лагерь с целью распространения эпидемии среди советского населения, неопровержимо доказан многочисленными показаниями советских

граждан, которые были принудительно отправлены немецкими властями в концентрационные лагеря на 5, 7, 8, 9 день заболевания тифом.

Болейко Е.П. из села Барбару была направлена в лагерь на седьмой день заболевания тифом, причем ее четверо детей — Николай, 11 лет, Нина, 9 лет, Любовь, 7 лет, Василий, 5 лет — заболели уже по пути в лагерь. На 5—9 день болезни тифом в лагерь были отправлены Крек из с. Слобода, Новик Л.К. из с. Юрки, Коваленко А.Е. из с. Ломовичи, Пархоменко А. из д. Замошаны, Решотка М.М. из с. Хомичи, Полуци Н.Е. из д. Детбин, Голубь М.И. из с. Подветки, Крук Т.П. из с. Годуни, Евстратовская из с. Ковальки и многие другие.

В концентрационных лагерях заболели тифом: Земжецкая М.Д. из с. Буда, Романов И. из д. Белица, Венцов И. из с. Заполье, Белько П. из д. Волосовичи, Пошен М.З. из д. Парослище, Дроздова В.С. из д. Комадовка, Ящур А.М. из д. Иванище, Пацай М.И. из д. Гар, Дайнеко Ф.Д. из д. Пружилище, Козлова Т. из д. Новоселки, Шкутова Ф.С. из д. Годиновичи, Грыжкова А.С. из д. Радужа, Антоник Е. из д. Трельцы, Удот А. из д. Закеричи и многие другие.

Командование германской армии специально послало в лагерь у переднего края обороны своих агентов, которым вменило в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди Красной Армии после того, как эти лагеря окажутся в ее расположении.

Задержанный немецкий агент разведывательной группы «Абвергрупп-308» Расторгуев Ф. показал: «11 марта 1944 года я, в сопровождении обер-лейтенанта немецкой армии — начальника “Абвергрупп-308” Керст был доставлен на автомашине на железнодорожную станцию, расположенную в 40—45 километрах южнее города Глуск. Вечером он сказал мне, что я на некоторое время посылаюсь в лагерь для гражданского населения, расположенный в 30 километрах от этой станции. Керст объяснил мне, что в этом лагере находится до 40 тысяч мирных советских граждан, из которых до 7 тысяч больных сыпным тифом, что в ближайшие 3—4 дня в этот лагерь будет брошено еще до 20 тысяч лиц гражданского населения. Здесь же мне сделали противотифозную прививку.

Задание, данное мне начальником “Абвергрупп-308”, заключалось в следующем: прибыть в лагерь, находящийся западнее деревни Озаричи, и быть там, оставаясь незамеченным в массе. Мне надо было установить, что будут делать части Красной Армии с гражданским населением, когда лагеря окажутся в расположении частей Красной Армии, куда направят женщин и детей, как поступят с больными.

После того, как я выполню данное мне задание, я должен буду возвратиться на сторону немцев и сообщить о собранных мною сведениях».

Преднамеренное распространение эпидемии сыпного тифа среди мирного советского населения, заключенного германскими властями в концентрационные лагеря у переднего края обороны, подтверждается также данными судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе армейского эпидемиолога подполковника Юлаева С.М., армейского судебно-медицинского эксперта майора Алексева Н.Н. и начальника армейской патолого-анатомической лаборатории майора Бутянина В.М. установила, что в целях заражения советских людей сыпным тифом:

«а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан (эпиданамнезы № 158, 180, 161, 164, 178, 183 и др.);

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие (данные эпиданамнеза, клиники и серологических исследований за № 2, 8, 10, 15, 16, 17 и другие);

в) в случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагерь, немецкие власти применяли насилие (протоколы опроса за № 269, 270, 271, 272);

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях. Это подтверждается эпиданамнезами за № 138, 139, 149, 166, 175, 180, 40, 49, 50 и протоколом опроса № 273;

д) заражение советского населения сыпным тифом было произведено в период 2-й половины февраля и первой половины марта».

После освобождения района местечка Озаричи от немецких оккупантов с 19 по 31 марта 1944 года командование частей Красной Армии госпитализировало 4052 советских гражданина, из них детей в возрасте до 13 лет 2370 человек.

На основании расследования специальной комиссии, заключения судебно-медицинской экспертизы, документальных материалов, а также на основании произведенного расследования членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И.П. Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что созданием концентрационных лагерей у переднего края обороны с размещением в них здоровых и сыпнотифозных больных немецкие военные власти пытались преднамеренно распространить эпидемию сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, что является грубейшим нарушением законов и обычаев ведения войны, признанных цивилизованными народами.

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает виновниками всех этих преступлений гитлеровское правительство, Верховное командование германской армии, а также командующего 9-й армией генерала танковых войск Харпе, командира 35-го армейского корпуса генерала пехоты Визе, командира 41-го танкового корпуса генерал-лейтенанта Вейдман, командира 6-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гроссман, командира 31-й пехотной дивизии генерал-майора Экснер, командира 296-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Кульмер, командира 110-й пехотной дивизии генерал-майора Вейсгаупт, командира 35-й пе-

хотной дивизии генерал-лейтенанта Рихард, командира 34-го пехотного полка полковника фон Капф, командира 109-го пехотного полка майора Рогилайн, начальника «Абвергрупп-308» обер-лейтенанта Керст.

Все они должны понести суровую ответственность за преступления, совершенные против советского народа.

Ф. М-17. Оп. 125. Д. 250. Л. 58—71. Подлинник.

№ 19

Информация о злодеяниях оккупантов в Молдавии начальника контрразведывательного управления Народного комиссариата Государственной безопасности СССР П.В. Федотова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову

г. Москва

9 июня 1944 г.

В период оккупации г. Дубоссары Молдавской ССР немецко-румынскими захватчиками при участии группы пособников из числа советских граждан произведен массовый расстрел мирного населения, в количестве около 6000 человек мужчин, женщин и детей.

Из непосредственных исполнителей и соучастников этого злодеяния НКГБ Молдавской ССР арестованы 11 человек, в том числе:

Деменчук А.И., 1898 года рождения, украинец, б. член ВКП(б), в 1925 году выбыл механически, при оккупантах — примарь гор. Дубоссары.

Консевич-Немировский Ф.Ф., 1910 года рождения, украинец, агроном, бывший член ВКП(б), заместитель примаря г. Дубоссары.

Ветез И.М., 1870 года рождения, уроженец г. Неаполя, итальянец, до войны музыкант, при оккупантах — начальник полиции Дубоссарской примарии.

Показаниями арестованных и свидетелей установлено, что в июле месяце 1941 года после захвата гор. Дубоссары румынские власти организовали на окраине города лагерь — «гетто», куда было согнано все еврейское население района, в количестве около 2500 мужчин, женщин и детей.

В начале сентября месяца 1941 года в г. Дубоссары прибыл немецкий карательный отряд № 12, численностью до 30 человек, под командой коменданта Келлер Вальтера.

Через несколько дней после прибытия отряда Келлер дал задание примарю г. Дубоссары Деменчуку срочно вырыть за городом под видом овощехранилищ несколько ям размером 15 метров длины, 4 метра ширины и 4 метра глубины, мобилизовав на эту работу жителей окрестных селений.

11 сентября 1941 года, после того как населением «гетто» и окружающих сел было вырыто 7 ям, Деменчук по указанию Келлер, объявил населению «гетто» провокационный приказ немецких военных властей о том, чтобы все еврейское население было готово 12-го сентября к отъезду в направлении г. Тирасполя, откуда их направят для заселения пустующих городов.

Утром 12-го сентября 1941 года все население «гетто» (около 2500 мужчин, женщин и детей) было собрано и под усиленным конвоем немцев, румын и полицейских примарии приведено во двор табачной фабрики.

Здесь Келлер отсчитывал группы по 20 человек, которых жандармы подводили к яме, заставляли снимать верхнюю одежду и ценности, ставили на колени к краю ямы и в таком положении расстреливали.

Расстрел продолжался с 5-ти часов утра до вечера. Весь день над местом казни раздавались душераздирающие крики и стоны расстреливаемых. Многие из ожидавших очереди сходили с ума.

После казни вещи и ценности расстрелянных гестаповцы, румынские жандармы и их пособники делили между собой.

Арестованный Деменчук показал:

«Расстреливали женщин таким же порядком, как и мужчин, подводили к могиле по 20 человек, приказывали снимать верхнее платье и ценности и затем стреляли. Дети, которые могли ходить, становились на колени у могилы с матерями или в числе 20 человек. Грудных детей матери должны были держать в профиль на вытянутых руках, чтобы каратель, стреляя, мог целиться в ребенка...

Когда во дворе табачной фабрики стали отделять мужчин от женщин и детей, поднялся неистовый крик, душераздирающе кричали женщины и дети. Предвидя неминуемую смерть, женщины и дети умоляли немцев их не расстреливать, многие лишались чувств, рвали на себе волосы и т.д.».

16–17 сентября 1941 года карательным отрядом на том же месте и в таком же порядке было расстреляно около 1500 евреев — мужчин, женщин и детей, пригнанных под конвоем немцев — колонистов из г. Окны Молдавской ССР.

19-го октября 1941 года там было расстреляно еще 500 человек, собранных жандармами в различных районах МССР.

Всего, по предварительным данным, в г. Дубоссары было расстреляно около 6000 человек, трупы которых зарыты в 11 ямах.

По делу ведется дальнейшее следствие и розыск остальных участников злодеяний.

*За Народного комиссара Государственной
безопасности Союза ССР
Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 79 —81. Подлинник.*

Федотов.

№ 20

Донесение Народного комиссара Государственной безопасности СССР В.Н. Меркулова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову об уничтожении евреев в Польше

г. Москва

12 июня 1944 г.

По материалам, поступившим в НКГБ СССР от источника, действующего в тылу противника, в октябре 1943 года в мест. Ленчна, что в 8 километрах северо-восточнее г. Люблин, немецкой полицией безопасности (СД) и жандармерией было расстреляно несколько тысяч евреев. В конце апреля с.г. трупы расстрелянных были извлечены из ям и на специально устроенных сетках сожжены.

По заявлению бельгийской еврейки, бежавшей в мае с.г. из немецкого лагеря в селе Собибур, в 8 километрах юго-восточнее гор. Влодава Люблинского воеводства, немцы построили в этом селе специальные «бани-печи», где производят сжигание трупов евреев и других расстрелянных ими жителей Польши.

По тем же сведениям известно, что немцы вывозят из Бельгии и Голландии еврейское население в Польшу и затем его уничтожают.

Начиная с 11 мая с.г., немцы начали вывозить из гор. Грубешув, что южнее Влодавы, трупы расстрелянных в лес «Горки» и там сжигают их. Для сжигания трупов привлекаются заключенные.

*Народный комиссар Государственной
безопасности Союза ССР
Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 82. Подлинник.*

Меркулов.

№ 21

Акт

о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Пушкинском заповеднике — Пушкинские Горы, село Михайловское и село Тригорское Калининской области

Мы, нижеподписавшиеся, подполковник Ордин А.Г., подполковник Ишмаев В.Р., майор Петров А.Н., майор Семенов М.Г., майор Перов А.П., сотрудник районного земельного отдела Пушкинского района Судьин П.Е., лесник Пушкинского заповедника в селе Михайловском Кондратьев Е.К. и крестьянин деревни Дедовцы Пушкинского района Иванов А.И., составили настоящий акт 13 июля 1944 года на месте вар-

варских злодеяний немецко-фашистских захватчиков в государственном Пушкинском заповеднике — Пушкинские Горы, село Михайловское и село Тригорское.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР, подписанным В.И. Лениным, исторические места, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта А.С. Пушкина — Пушкинские Горы (Святогорский монастырь), где похоронен А.С. Пушкин, село Михайловское (имение родителей Пушкина) и Тригорское — имение П.А. Осиповой, сыгравшее в творчестве поэта видную роль, — были объявлены Государственным Пушкинским заповедником. В селе Михайловском в доме Пушкиных был создан музей А.С. Пушкина, в котором находились личные вещи, принадлежавшие поэту, предметы домашнего обихода, мебель, все издания произведений Пушкина, фотокопии с его рукописей, журналы, в которых печатались его произведения, богатая портретная галерея родных поэта и его современников, картины, отображающие отдельные моменты жизни А.С. Пушкина и виды Пушкинского заповедника, большая библиотека мемуарной литературы о Пушкине и др. Здесь более ста лет были в полной сохранности домик няни поэта Арины Родионовны, Михайловский бор, усадебный парк, еловая и липовая аллеи — современницы Пушкина, лестницы, ведущие к реке Сороть, вяз, привезенный из соседнего имения Ганнибалов, 26 лип вокруг него, скамейки, дерновые диваны, мостики через пруды в парке и целый ряд других строений, находившихся в усадьбе Пушкина.

В Тригорском парке тщательно оберегались места, связанные с творчеством А.С. Пушкина и его частым пребыванием у хозяев имения: старый ветвистый дуб, воспетый поэтом, огромная ель, под которой Пушкин укрывался во время дождя, танцевальная площадка в парке, аллеи, пруды, «Скамья Онегина» на обрывистом берегу р. Сороть, где написана значительная часть романа «Евгений Онегин», примыкающие к Тригорскому Городище и Вороницы, где Пушкин создавал трагедию «Борис Годунов» и где находятся могилы членов семьи Осиповых.

Центральным местом, связанным с памятью великого поэта в Пушкинском заповеднике, являются Пушкинские Горы, где у стен Успенского собора в Святогорском монастыре находятся могила А.С. Пушкина и могилы Ганнибалов — деда и бабушки поэта. Сам Святогорский монастырь, построенный в конце XVI столетия, представляет собой ценнейший памятник древнерусского зодчества.

Все эти места заботливо охранялись в течение многих десятилетий и привлекали к себе нескончаемые потоки советских экскурсантов и иностранных туристов.

Осмотр, произведенный на месте, показал, что немецко-фашистские захватчики в течение всего периода оккупации Пушкинского заповедника методически и преднамеренно разрушали эти ценнейшие па-

мятники и реликвии русской культуры, нагло издевались над памятью гениального русского поэта и уничтожили все, что в течение многих лет заботливо создавалось трудом русских людей.

1. Гитлеровские вандалы приготовили все, чтобы взорвать могилу А.С. Пушкина и мраморный обелиск на ней: они заложили на могилу десять противотанковых мин и, чтобы замаскировать следы своего гнусного намерения, обшили мраморный обелиск досками. Бдительность советских саперов помогла вовремя предотвратить осуществление этого очередного злодейского замысла фашистских разбойников. Площадка вокруг могилы поросла сорной травой, завалена обломками железа, досок и кирпича от разрушенного собора. Железная решетка вокруг обелиска повреждена в нескольких местах: металлические наконечники на углах решетки сбиты, рисунок решетки в ряде мест испорчен. Мраморная балюстрада, обрамляющая площадку, покосилась и повреждена осколками снарядов и пулями. Надписи у надгробных плит предков Пушкина — Ганнибалов сломаны и брошены среди обломков собора.

Главное сооружение Святогорского монастыря — Успенский собор взорван немцами перед отступлением из Пушкинских Гор. Колокольня рухнула, осколки большого колокола валяются в обломках кирпича на склонах горы, глава соборного купола с крестом сорвана, а сам купол пробит снарядом с западной стороны, крыша приделов обрушена, двери и рамы окон вырваны. Внутренность собора представляет собой результат погрома и дикого бесчинства немецких изуверов: иконостас разбит, иконы вырваны, разбросаны на полу, разбиты, а частью похищены вместе со всей наиболее ценной церковной утварью.

Особенно почитавшаяся верующими икона Богоматери Одигитрия, с историей которой связано основание Святогорского монастыря, похищена — от нее остался лишь один поврежденный киот.

Проповедники защиты религии — гитлеровские разбойники на деле жестко глумятся над чувствами верующих: они расстреляли, как и ряд других икон, образ Апостола Петра, находящийся на дверях паперти, который пробит несколькими пулями из ручного оружия с близкого расстояния. Бомбардировкой с воздуха и пожаром совершенно уничтожены Никольская церковь Святогорского монастыря, келья монахов, здание трапезной, монастырская гостиница и другие постройки монастыря. Лестницы, ведущие к главному собору и могиле А.С. Пушкина, находятся в полуразрушенном состоянии, были заминированы. Монастырская стена с северной стороны на протяжении 20 метров разрушена взрывом фугаса, заложенного немцами под дорогу, проходящую вдоль стены. Другой фугас, который грозил еще большим разрушением, заложенный с восточной стороны, своевременно обезврежен советскими саперами. Ворота, к которым нередко приходил А.С. Пушкин слушать пение и рассказы крестьян-богомольцев, повреждены артиллерийскими снарядами, с западных ворот сорвана икона.

Многочисленные общественные и жилые здания Пушкинских гор: школа, больница, пожарное депо, электростанция, здание райисполкома, магазины, столовая и др. разрушены или сожжены немцами перед отступлением.

2. Имение А.С. Пушкина в селе Михайловском полностью разграблено и сожжено. Территория усадьбы превращена немецко-фашистскими варварами в военный объект — опорный пункт обороны. Она изрыта траншеями и ходами сообщения, в парке и у спуска к реке сооружены глубокие и сильно укрепленные блиндажи, убежища и огневые точки.

По берегам реки Сороть и озер Кучане и Маленец протянуты густые проволочные заграждения и минные поля. Полы, потолки, стены, двери и рамы построек употреблены для сооружения оборудования блиндажей и огневых точек.

Дом-музей А.С. Пушкина дотла сожжен немцами перед отступлением. Все находившиеся в нем экспонаты, вещи, библиотеку, картины, портреты и другие ценные реликвии, как показывают местные жители, гитлеровские грабители еще в 1943 году увезли в Германию. Другой музейный дом также разграблен и сожжен. Домик няни поэта Арины Родионовны разобран до основания и использован на постройку немецких блиндажей. Каменный домик — бывший ледник, расположенный рядом с домом Пушкина, превращен в наблюдательный пункт и дот с амбразурами в сторону озера Кучане. Мраморная плита, установленная в связи со столетием со дня смерти А.С. Пушкина в феврале 1937 года, валяется около пепелища дома-музея и разбита. Лестницы, ведущие к реке, разрушены минами, дерновые диваны на сиреневых площадках при спуске к реке уничтожены, сиреневые кусты сломаны и вырваны. Вокруг вяза на площадке перед домом-музеем имеется шесть воронок от разрывов артиллерийских снарядов. Рядом с вьезом прорыта траншея, повредившая его корни. Сам вяз поврежден осколками и снарядами, несколько лип вокруг него сломаны и опалены огнем. В еловой аллее несколько наиболее крупных елей, расположенных при входе в усадьбу, свалены. Липовая аллея находится в крайне запущенном состоянии. Пруды заросли и покрылись тиной, мостики через них полуразрушены. Большое количество деревьев Михайловского соснового бора, который ранее тщательно охранялся, варварски вырублено и повалено, бор засорен хворостом и изрыт котлованами для землянок и укрытий машин.

Гитлеровцы надругались над портретом А.С. Пушкина, установленным при въезде в еловую аллею: они сорвали зелень, укрывавшую его, сломали арку, сам портрет порван в нескольких местах.

3. Памятные пушкинские места в Тригорском также подверглись варварскому произволу немецко-фашистских захватчиков. Вся территория парка изрыта траншеями и земляными убежищами немцев; траншеи вырыты по склону обрыва на берегу реки Сороть, на аллеях и танцевальной площадке. На месте «Скамьи Онегина» под густыми ветвями липы и дуба гитлеровцы соорудили огневую точку, вся площадка

ее усеяна стреляными гильзами. Так по-своему оценили немецкие военные спецы одно из красивейших пушкинских мест.

Под самыми корнями знаменитого дуба, воспетого Пушкиным, они хотели укрыться от возмездия, соорудив здесь земляное убежище и повредив тем самым корни дуба. Многие многовековые деревья Тригорского парка спилены немцами и использованы на строительство блиндажей и убежищ. Все три пруда, находящиеся в парке, загрязнены и покрыты зеленью. Дорожки и аллеи заросли сорной травой и размыты водой. Подножие Тригорского и лощины между холмами опутаны проволочными заграждениями, спиралями Бруно и заминированы. Гитлеровцы сожгли в прилегающем к Тригорскому селе Воронич школу, церковь, Дом туриста и многие другие общественные и жилые постройки.

Таким образом, в своем варварском стремлении поработить русский народ и уничтожить все, что связано с его историческим прошлым, с его культурой, гитлеровские вандалы совершили еще одно гнусное злодеяние. Потеряв надежду достичь своей цели военным путем и отступая под натиском Красной Армии, они в порыве бессильной злобы ко всему русскому становятся еще более озверелыми и циничными и тем самым еще больше разоблачают себя как самых отвязавшихся громил военно-бандитской шайки.

Варварское разрушение Государственного Пушкинского заповедника и наглое надругательство над светлой памятью гениального сына русского народа — великого поэта Александра Сергеевича Пушкина покроет немецких грабителей и мракобесов несмываемым позором и повлечет за собой справедливое и полное возмездие.

Одними из многочисленных и непосредственных виновников этих чудовищных злодеяний являются:

1. Организатор разбойничьей деятельности немецких войск в оккупированных районах нашей страны немецкий рейхсминистр Альфред Розенберг.

2. Командир 218 немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Ланге, организовавший разрушение пушкинских памятников при отступлении немецких войск.

Акт подписали: <i>Подполковник</i>	<i>Ордин А.Г.</i>
<i>Подполковник</i>	<i>Ишмаев Н.Р.</i>
<i>Майор</i>	<i>Петров А.И.</i>
<i>Майор</i>	<i>Семенов М.Г.</i>
<i>Майор</i>	<i>Перов А.П.</i>

Ветеринарный фельдшер Пушкинского РайЗО *Судьин П.Е.*

Лесник Пушкинского заповедника

в селе Михайловском

Кондратьев Е.К.

Крестьянин деревни Дедовцы Пушкинского района *Иванов А.И.*

13 июля 1944 года.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 90—101. Подлинник

№ 22

Информация начальника 1-го управления НКГБ СССР П.М. Фитина секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову об уничтожении венгерских евреев в Освенциме

г. Москва

16 июля 1944 г.

Нами из Варшавы от нашего корреспондента получена информация следующего содержания:

«В лагере Освенцим немцы отравляют газами венгерских евреев по 10–15 тысяч в день и жгут их на костре. Проверено точно, реагируйте».

Начальник 1 Управления НКГБ Союза ССР

Фитин

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 89. Подлинник

№ 23

Акт

о состоянии исторических мест, связанных с жизнью и деятельностью Пушкина (Пушкинский Заповедник), освобожденных от немецко-фашистских захватчиков¹¹⁷

20 июля 1944 г.

Пушкинские Горы

После освобождения частями Красной Армии 12-го июля 1944 года района Пушкинского Заповедника предстала страшная картина варварских разрушений и гнусных надругательств немецко-фашистских захватчиков над всем тем, что связана с памятью о величайшем национальном русском поэте.

1. Святогорский монастырь и могила Пушкина

На отношении к величайшей национальной святыне — могиле Пушкина с полной наглядностью и силой обнаружилось отвратительное лицемерие и гнусный цинический расчет немецко-фашистских захватчиков. После оккупации ими Пушкинских Гор в 1941 году немцы сделали вид, что они оберегают могилу Пушкина и древний Святогорский Монастырь, у стены которого она расположена. В храме монастыря

---

¹¹⁷ Акты о злодеяниях фашистов в Пушкинских Горах и других исторических местах, связанных с жизнью и деятельностью А.С. Пушкина, и 46 фотоснимков разрушений немцев в Пушкинском заповеднике были отправлены А. Шишкиным начальнику ГлавПУ РККА А.С. Щербакову 28 июля 1944 г. На сопроводительной записке стоит помета: «Тов. Александрову Г.Ф. Тов. Щербаков просил подготовить сообщение для печати. А. Крапивин. 28.7». И еще одна: «В архив. А. Сушков. 15.03.1945 г.».

допускались церковные службы; к могиле был приставлен специально нанятый сторож-постовой холма Пушкина; в памятные дни (годовщины рождения и смерти поэта) разрешались и даже поощрялись церковные панихиды у могилы, которые совершались специально выписанными из Латвии священниками, перевозившими при этом немцев как «избавителей». Но все это была сознательная и циническая демагогия и грубый рассчитанный обман. С ухудшением военного положения немцев политика их меняется. Якобы «охраняя» одной рукой, немцы разрушают другой.

Выставляя себя в качестве защитников религии и культуры, немцы одновременно соорудили неподалеку от Святогорского монастыря на Пушкинской улице (против бывшей льноводной конторы и подле школы имени Пушкина) две виселицы (остатки одной из них сохранились и по-сейчас), на которых по много суток висели трупы повешенных ими местных и окрестных жителей. Производились массовые расстрелы взрослых и детей (в частности, поголовно уничтожалось все окрестное цыганское население).

С марта—апреля 1943 года немцы приступили к систематическому разрушению Святогорского монастыря. По свидетельству священника соседней Кладбищенской церкви И.Д. Дмитриева, несколько раз совершавшего церковные службы и в монастыре, немцы дважды подрывали главную церковь монастыря — Успенский собор, построенный в XVI веке по повелению Ивана Грозного. В результате второго взрыва собор, подле которого находится могила Пушкина, разрушен: колокольня рухнула, большой колокол разбит на мелкие куски, валяющиеся в обломках кирпича по склонам горы, глава соборного купола с крестом сорвана; западная часть купола пробита снарядом, крыша приделов обрушилась. Сожжены и полностью уничтожены Никольская церковь монастыря, Трапезная, кельи монахов, монастырская гостиница и др. монастырские сооружения. Ворота монастыря повреждены артиллерийским снарядом, икона западных ворот сорвана. Ряд ценностей монастыря, в том числе особенно чтимая верующими икона Богоматери Одигитрия, похищен немцами.

При отходе из Пушкинских Гор немцы довершили дикий и бессмысленный разгром монастыря. В Успенском соборе и вокруг него все завалено грудами кирпича, железа, разбитыми досками; иконостас сильно поврежден; все иконы из него вырваны и раскиданы по полу; некоторые прострелены. Так, например, прострелен в нескольких местах пулями из ручного оружия с близкого расстояния большой образ апостола Петра, находящийся на дверях паперти. На полу валяются обломки церковной утвари, весь он усеян листьями, вырванными из богослужебных церковных книг.

В марте—апреле 1944 года все население было принудительно удалено немцами из Пушкинских Гор. Вместе с остальными был выселен

и сторож при могиле Пушкина И.Х. Харитонов. Когда через некоторое время, по его словам, ему удалось получить разрешение на один день побывать в Пушкинских Горах, он увидел, что памятник на могиле Пушкина грубо и наспех обшит досками. Оставлено было только небольшое отверстие (перед урной и надгробной надписью). В то же время, как оказалось, немцы все подготовили для того, чтобы до основания разрушить и могилу поэта и остатки монастыря. Они густо заминировали могилу, монастырь и все подходы к нему. Под дорогу, проходящую вдоль северной стены монастыря, был заложен фугас, взрывом которого была разрушена монастырская стена на протяжении 20 м.

Другой фугас огромной силы был заложен на дорогу с восточной стороны (был прорыт специальный туннель протяжением в 20 метров, тщательно замаскированный, в который было заложено 10 авиабомб по 120 кг. каждая); взорвать его немцы не успели. Заминированы были территория монастыря, обе лестницы ведущие к могиле, наконец, сама могила. Мины были подложены за дощатую обшивку памятника с явным расчетом, что, когда памятник станут раскрывать, они взорвутся; положены у мраморной балюстрады площадки и в других местах подле могилы. Саперы обнаружили около могилы 10 противотанковых и несколько противопехотных мин. Всего на территории монастыря и около него было обнаружено и извлечено до трех тысяч мин. Даже вечером 17-го июля у самой стены монастыря, подле дороги были найдены две противотанковые мины. После отхода немцев подступ к могиле и сама могила представляли вид крайнего запустения.

Обе лестницы, ведущие к Успенском собору и могиле, полуразрушены; площадка вокруг могилы завалена мусором, щебнем, обломками досок, кусками листового железа; заросла сорной травой.

Плиты на расположенных подле могилы Пушкина могилах деда и бабки поэта (Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибал) совершенно засыпаны мусором и землей. Дощечки с надписями сломаны и брошены в груды обломков. Железная решетка вокруг памятника в ряде мест повреждена; металлические наконечники по углам ее сбиты. Мраморная балюстрада вокруг площадки также повреждена в нескольких местах осколками снарядов и пулями.

Дощечка, находившаяся внизу у подхода к могиле с надписью (заключительным четверостишием из «Стансов» Пушкина: «И пусть у гробового входа...»), сорвана и заброшена.

В Пушкинских Горах школа имени Пушкина, превращенная немцами в помещение для жандармерии и тюрьму, разрушена. Разрушены и сожжены и др. общественные здания Пушкинских Гор (больница, электростанция, здание Райисполкома, пожарное депо и др.). Находящаяся в двух километрах от Пушкинских Гор железнодорожная станция Тригорская, через которую шел основной поток экскурсантов, направлявшихся в Пушкинский Заповедник, превосходно оборудован-

ная в 1937 году, разорена (двери и окна выломаны, паркет снят, внутри станции была устроена конюшня).

2. Михайловское. Домик няни. Музей Пушкина. Петровское

Картину еще более варварских и ничем не оправдываемых разрушений являет собой Михайловское, пребывание в котором, как известно, сыграло такую важную роль в творческой жизни поэта, где им был создан ряд основных и самых замечательных его творений. Поначалу немцы и здесь стали в позу «охранителей культуры»: открыли музей для посетителей, назначили заведующего заповедником и т.д. Однако вскоре поза эта была оставлена. По словам лесника Пушкинского Заповедника, Д.Ф. Филиппова, с января 1943 года на территории Михайловского и вообще Пушкинского Заповедника началась массовая вырубка векового бора, предназначенного для отправки в Германию. В первый же раз было вырублено и заготовлено для сплава по реке от 3-х до 4-х тысяч кубометров. Однако весь вырубленный лес был подожжен местным населением и сгорел. Тогда руководивший порубкой и заготовкой леса немец — инженер Иосиф Амель заявил Филиппову, что для выполнения назначенной нормы он не остановится перед уничтожением всего заповедника («Если нужно, вырежем весь лес»). Порубка продолжалась: всего срублено до 30 тысяч куб. метров. При этом заготовка производилась самым хищническим образом. Так, например, при вывозе срубленного леса с помощью тракторов полностью уничтожался лесной молодняк, «целые участки леса превращались в пашню».

В августе 1943 года началась вывозка из музея Пушкина всех его ценностей: мебели, музейных экспонатов, редких книг и т.п. По рассказам местных жителей, ценности музея были погружены на 8–10 машин и увезены. Музей был полностью опустошен.

С марта—апреля 1944 года Михайловское было превращено в военный объект и один из опорных пунктов немецкой обороны. Вся территория парка была изрыта траншеями, ходами сообщения, земляными убежищами и т.п. «Домик няни» — здание, сохранявшееся от времени Пушкина, было полностью разрушено, — разобрано на блиндажи и другие сооружения. Большой пятикатный блиндаж был сооружен подле самого домика, отчасти на месте, где он находился. Другой такой же блиндаж был сделан подле здания музея Пушкина; все здание музея было окружено окопами. Находящийся невдалеке от музея каменный домик (бывший ледник) превращен в наблюдательный пункт и дот с амбразурами в сторону озера Кучане. Снизу, со стороны реки Сороть и озер Кучане и Маленец, вся территория Михайловского опутана тремя рядами колючей проволоки и окружена минными полями. Михайловский бор изрыт котлованами для землянок и укрытий.

Перед отходом из Михайловского немцы завершили разорение и осквернение священного для сердца каждого культурного человека Пушкинского уголка. Дом-музей был сожжен дотла, и сейчас от него, как и от

домика няни, осталась груда развалин. Мраморная плита, водруженная на месте, на котором должен быть поставлен памятник Пушкину, разбита и брошена подле пепелища. Из двух других домов Михайловского заповедника у въезда в усадьбу один (старое помещение музея) сожжен, другой сильно поврежден. Приусадебный парк приведен в состояние полной запущенности; несколько самых крупных елей знаменитой еловой аллеи, как и ряд других деревьев, повалено. Немецкие изуверы дошли до того, что прострелили в трех местах (на переносе, значит, видимо, целясь в глаза) большой портрет Пушкина, который висел у входа в Михайловский парк; зелень, обрамлявшая портрет, была сорвана; арка уничтожена. Уже отходя от Михайловского, гитлеровцы обстреляли его минометным и артиллерийским огнем. На площадке перед бывшим зданием музея имеется шесть воронок от разрывов артиллерийских снарядов; лестничные спуски к реке разрушены минами; несколько лип на круговой аллее, которая вела к дому, сломано и опалено огнем; центральный вяз перед домом поврежден снарядами и осколками.

В прилегающем вплотную к Михайловскому имению Ганнибалов — Петровском парк почти сплошь вырублен или сожжен. Сохранилась лишь сравнительно небольшая часть, примыкавшая непосредственно к усадьбе, но и она представляет собой картину полного запустения.

3. Тригорское. Воронич. Городище

Великолепный парк в Тригорском, имении семьи Осиповых, который Пушкин очень любил и неоднократно воспевал в своих стихах, также представляет собой картину полного разорения. Он вдоль и поперек изрыт траншеями, оплетен проволочными заграждениями. У векового дуба, под которым часто сидел Пушкин, немцы устроили земляное убежище, повредившее корни дерева. Красивейшее место парка — склон у берега Сороти, где была расположена так называемая скамья Онегина, превращен в сильно укрепленную огневую точку. На месте «скамьи Онегина» устроена земляная площадка для пулемета, усыпанная стреляными гильзами. Все вокруг обезображено рвами, траншеями и грудами извлеченной из них земли. В парке много деревьев вырублено, многочисленные землянки заминированы.

Прилегающее селение Воронич, имеющее крупное историческое значение и связанное с написанием Пушкиным «Бориса Годунова», в значительной части разрушено. Дотла сожжена деревянная церковь, сохранявшаяся от времени Пушкина. Кладбище около церкви, на котором погребены один из родственников Пушкина, В.П. Ганнибал и близкий знакомец поэта, священник И.Е. Раевский, по прозвищу Шкода, изрыто траншеями и разорено; кругом валяются обломки костей, куски черепов и т.п. Сожжены школа, дом туриста и многие другие здания. Могилы членов семьи Осиповых — Вульф, находящиеся на соседнем с Вороничем холме Городище, совершенно заросли и с трудом были отысканы нами. Мраморная плита над могилой владелицы Тригорского П.А. Осиповой

разбита вдребезги; мраморный крест над могилой ее сына, приятеля Пушкина, А.Н. Вульфа поврежден. Дорога из Михайловского в Тригорское, по которой так часто ездил Пушкин, стала почти непроходимой: она во многих местах заминирована и перерыта траншеями.

Все вышеизложенное неопровержимо доказывает, что гитлеровцы в отношении к величайшему мировому гению Пушкину и ко всему тому, что связано с его памятью, совершили такое же кощунственное надругательство, какое они совершили и по отношению к другим великим именам русской культуры и литературы, дорогим не только для русского человека, но для всего передового человечества. Но разгром и разорение пушкинских памятных мест, как это видно из приведенных фактов, нагляднее всего свидетельствует, до каких пределов цинизма и варварского изуверства дошли гитлеровцы. Они прекрасно знали, что надругаться над Пушкиным — значит надругаться над величайшими ценностями нашей культуры и нашей истории.

И они с дикой злобой и яростным остервенением сделали это.

Настоящий акт составлен членами специальной комиссии, прибывшей из Москвы, при участии местных властей на основании личного непосредственного осмотра всех указанных мест, ознакомления с документами, составленными воинскими частями, которые первые вошли в Пушкинские Горы и Михайловское, опроса местных жителей, а также бойцов и офицеров воинских частей, в том числе саперов, принимавших участие в разминировании Святогорского монастыря и могилы Пушкина.

Доктор филологических наук, профессор Д. Благой

Доктор филологических наук, профессор Н. Гудзий

Представитель ГлавПУ РККА, майор Г. Красовский

Представитель Политуправления

3-го Прибалтийского фронта майор Копошилов

Представитель Исполкома Пушкинского райсовета Н. Гордиенко

Секретарь Пушкинского РК КП(б) Киманов

Директор Калининского областного краеведческого музея

Н. Успенский

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 90—97. Подлинник.

№ 24

Доклад о злодеяниях белофиннов на временно оккупированной территории СССР, направленный начальнику ГлавПУ РККА А.С. Щербакову его заместителем И.В. Шикиным

г. Москва

28 июля 1944 г.

ГлавПУРККА по Вашему приказанию собран обширный материал о злодеяниях белофиннов на временно оккупированной советской территории (прилагается).

Материал включает в себя 75 актов, составленных и подписанных представителями Красной Армии, местных советских и хозяйственных органов и гражданского населения, 85 показаний финских военнопленных солдат и офицеров, бывших свидетелями или участниками зверств, 7 приказов и распоряжений финского командования и властей, несколько заявлений отдельных советских граждан и выдержек из иностранной, в том числе и финской прессы. Кроме того, собрано около 90 фотографий, часть из них найдена у убитых и плененных солдат и офицеров финской армии, часть сделана нашими фотокорреспондентами после освобождения оккупированных местностей.

Материал распределен по своему содержанию на 3 основных раздела:

1. Истребление белофиннами советских военнопленных.
2. Истребление советского гражданского населения.
3. Разрушение и ограбление советских городов и сел.

1. Истребление белофиннами советских военнопленных

Собран многочисленный материал относительно зверской расправы финских белобандитов над пленными, особенно ранеными, советскими бойцами и офицерами.

Он свидетельствует о диких, варварских истязаниях и пытках, которым подвергали финские садисты свои жертвы перед тем, как умертвить их.

Множество найденных трупов замученных советских офицеров и бойцов имеет ножевые раны, у многих отрезаны уши, нос, выколоты глаза, конечности вывернуты из суставов, на теле вырезали полосы кожи и пятиконечные звезды. Финские изверги практиковали сжигание людей заживо на костре.

Вот выдержка из акта с описанием труп неизвестного краснофлотца:

«Труп лежит на спине, голый. Левое предплечье выломано из локтевого сустава. На внутренней и наружной поверхности предплечья имеются большие кровоподтеки и ссадины.

Первые и вторые фаланги всех пальцев левой кисти вырезаны и лежат рядом, мягкие ткани их обрезаны. На правом плече посредине ключицы имеется глубокая рана см на 5.

Правая кисть обожжена, 1, 2, 3 и 4 пальцы вырезаны, 5-й палец выломан и свисает на тонкой коже, изрезанные пальцы лежат вблизи от трупа. Глаза выколоты, живот вспорот, желудок, тонкий кишечник и сальник выложены наружу и обожжены. Лицо, голова, шея, передняя поверхность груди, живот, боковые поверхности живота, поясница, бедра, половые органы значительно обожжены.

Из вышеизложенного видно, что краснофлотец был захвачен раненым и подвергнут жестоким и мучительным пыткам, облит горячей смесью и подожен.

О чем и составлен настоящий акт».

О том, до каких гнусных, изощренных пыток доходят финские садисты, свидетельствует акт и постановление военного следователя о найденном 25.VI—1944 г. на берегу Ладожского озера труп неизвестного красноармейца, заживо сваренного на костре в большой железной бочке.

Из показаний военнопленных видно, что среди белофинской солдатни нашел распространение дикий, каннибальский обычай вываривания голов умерщвленных советских военнопленных с целью отделения мягких покровов от черепа.

Не менее ужасна участь советских военнопленных, которым в первую минуту была сохранена жизнь.

В концлагерях был установлен режим, рассчитанный на вымирание военнопленных медленной, мучительной смертью. Их морили голодом. Бараки, в которых были размещены пленные, как правило, круглый год не отапливались. Ужасающие антисанитарные условия жизни военнопленных и гнилая, несъедобная пища были причиной массовых желудочных и других заболеваний. Самой же распространенной болезнью, чаще всего имевшей смертельный исход, было общее истощение. Вот выписка из «Книги больных полевого госпиталя военнопленных» Олонцкого лагеря военнопленных:

«Из 1988 человек, прошедших через госпиталь, умерло 558 человек, в том числе поступивших с диагнозом:

Общая слабость (большей частью при одновременном наличии другого заболевания) — 175 чел.

Истощение..... — 42

Понос..... — 41

Отечность..... — 42».

Медицинской помощи ни раненые, ни больные не получали.

По показанию финского солдата Тойво Лайне, раненые в лагере Кангасниemi, не получая медицинской помощи, «сами выковыривали из своих ран осколки». Он же показал, что один раненый военнопленный, которого привели на перевязочный пункт, не был принят, его оставили на улице, на морозе, и ночью он умер.

Результатом этих нечеловеческих условий жизни явилось массовое вымирание советских военнопленных в финских концлагерях. Несколькими цифр:

В лагере близ дер. Семчигора находилось 100 человек. Рядом с лагерем — кладбище, на котором похоронен 31 военнопленный. В Олонцком лагере № 7, где содержалось под стражей одновременно до 800 человек, смертность доходила до 5—6 случаев в сутки. В этом лагере после освобождения гор. Олонца обнаружены 930 одиночных могил, 4 большие групповые могилы и, кроме того, большой ров, полный трупами.

В лагере Селян-Наволоч за 2 года из 200 человек погибло 125.

Когда в иностранной, в том числе швейцарской, печати появились сообщения о варварском режиме и высокой смертности в финских лагерях для военнопленных, Маннергейм вынужден был в декабре 1942 г. выступить со следующим заявлением:

«Английская информация утверждает, что в лагерях для военнопленных в Финляндии умерло от голода 20 000 пленных. До августа этого года действительно умерло 12 000 пленных...»

Но и этим не ограничиваются преступления финских бандитов по отношению к советским военнопленным. В систему вошли зверские избиения и массовые расстрелы военнопленных, Не единичны случаи, когда охрана лагерей устраивала гнусную, кровавую забаву, натравливая собак на беззащитных людей.

Пленных используют как подопытный материал при медицинских экспериментах. Шведская газета «Фольксвилъян» по этому поводу в начале этого года писала: «В Стокгольме среди врачей известно, что в Финляндии русскими военнопленными пользуются в качестве объектов для медицинских экспериментов. Финские врачи пользуются русскими военнопленными для того, чтобы установить, какое количество воздуха можно ввести в кровь человека. Это причиняет жертвам при “исследовании” ужасные мучения, после чего наступает смерть. На “опытах” над русскими пленными пытаются также выяснить, какое количество наркотических средств может выдержать человеческий организм».

2. Истребление советского гражданского населения

Вскоре после оккупации белофинскими захватчиками Карело-Финской ССР и части Ленинградской области они загнали большую часть советского гражданского населения, преимущественно русских, в концентрационные лагеря. Нами собран материал о 6 концлагерях, расположенных в Карелии. В лагерях содержались советские граждане всех возрастов — от грудных детей до стариков. Режим, по существу, ничем не отличался от режима в концлагерях для советских военнопленных: голодный паек, болезни, грязь, избиения, надругательства, расстрелы. Особенной жестокостью отличался режим в Олонецком лагере № 8 и в Кутижмском лагере смерти. Изнуренных постоянным голодом людей заставляли работать по 12—14 час в сутки. Исключения не делалось ни больным, ни детям. Тех, кто не в силах был двигаться, притаскивали к месту работы, а по окончании рабочего дня опять тащили в лагерь. Избиения были обычным явлением. В лагерях имелся целый набор различных инструментов для истязаний: плети, резиновые дубинки, трубки от противогазов, наполненные песком. Истязания производились в одиночку и группами. За невыполнение непосильных рабочих норм женщин и девушек стригли наголо. За малейшие отступления от установленного порядка или за выход за ограду без конвоя грозил расстрел.

В лагере № 8 в среднем ежедневно умирало 2—3 человека.

Издеваясь над советскими гражданами, начальник лагеря № 8 распорядился каждую неделю под предлогом борьбы со вшивостью загонять мужчин, женщин и детей вместе, раздетых донага, в очень жарко натопленную баню и держать их там в течение 45 мин при плотно закрытых окнах и дверях. Люди доходили до обморочного состояния, у 60-летней Фалькиной Марии был на этой почве правосторонний паралич.

Врач Кутижмского лагеря Бейно Колыхмайнен превратил больницу в застенок, которого пленные боялись больше, чем карцера. Больные предпочитали скрывать свою болезнь, чтобы не попасть в лапы этого зверя. Он обычно выстраивал больных в шеренгу и бил их палкой, приговаривая «работай, работай». Больных, у которых появлялись от истощения отеки, он нередко отравлял, подмешивая в лекарство яд.

Массовая смертность была результатом нечеловеческих, зверских условий жизни в Кутижме.

10.III—1942 г. в Кутижму была прислана новая партия заключенных в 600 человек. К 13.VII—1942 г. из этой партии в живых осталось только 160 человек.

Дикий произвол царил не только в лагерях, но и за их оградами. За «самовольную отлучку» из деревни, за хождение по городу после 10 часов — расстрел. Зверски были расстреляны гр. Бакланов и его 15-летняя дочь Зоя. Их вина состояла в том, что их встретили по дороге в деревню Чайниково, где они надеялись добыть кусок хлеба.

Финский головорез, бывший студент университета в Хельсинки, солдат Салминён пишет:

«Вчера мы расстреляли двух “русся”, отказавшихся приветствовать нас. Мы уж им покажем!»

Карательные отряды врываются в деревни и без выбора расстреливали и вешали ни в чем не повинных мирных граждан.

3. Разрушение и ограбление советских городов и сел

По ущербу, нанесенному гор. Петрозаводску, можно заключить, что финская военщина поставила себе целью разрушить полностью столицу Карело-Финской ССР. Из основных предприятий гор. Петрозаводска разрушены: типография им. Анохина, пивоваренный завод, хлебокомбинат, Соломенский лесопильный завод, лыжная фабрика, Онежский машиностроительный завод и многое другое. Полностью разрушен, сожжен и разграблен Петрозаводский университет, разграблены музеи, уничтожены и вывезены различные ценные экспонаты, невоспроизводимые кустарные работы, церковная утварь. Уничтожено 5 школьных зданий. Разрушены здания государственной филармонии и финского театра. Совершенно разрушено и разграблено электросиловое хозяйство Петрозаводска. Железнодорожная станция и узел Петрозаводск частично взорваны и совершенно разрушены, частично требуют капитального ремонта. Разрушено много яслей, лечебных заведений и жилых домов.

Финские разбойники совершенно разрушили, взорвали и сожгли Свирскую ГЭС, в свое время питавшую электроэнергией город Ленинград. Предварительно все ценные приборы были демонтированы и вывезены в Финляндию, сохранилось лишь то, что финны не успели увезти.

В г. Лодейное Поле уничтожен крупный завод автоприцепов и другие предприятия.

Серьезный ущерб нанесен городам Медвежьегорск, Кондопога и различным поселкам. Среди собранных документов имеется план финских военных властей и приложенный к нему чертеж уничтожения поселка Вознесенье.

Не меньший ущерб нанесен финскими белобандитами сельскому хозяйству Карело-Финской ССР и Ленинградской области. Наш материал отображает лишь очень незначительную часть этих злодеяний, сожженных деревень, разграбленного колхозного и личного имущества крестьян.

Изложенные факты подтверждаются прилагаемыми фотографиями.

Все представляемые материалы вместе с копиями фотографий направлены т. Лозовскому С.А.

Оригиналы документов и фотографий находятся в 7-м Отделе ГлавПУР ККА.

Ознакомившись со всеми собранными материалами, характеризующими зверства финнов над советскими людьми, временно подпавшими под их иго, считал бы необходимым наиболее яркие документы (акты, показания пленных и фотографии) использовать в нашей центральной печати, «Фронтовой иллюстрации» и выпустить листовку для войск Красной Армии.

Прошу Вашего согласия.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Два обзора на 175 листах и 88 фотографий.

Генерал-лейтенант И. Шикин.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 149—156. Подлинник.

№ 25

Докладная записка заместителя народного комиссара Государственной безопасности СССР Б.З. Кобулова в ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову о злодеяниях в г. Артемовске в период оккупации

г. Москва, 16 сентября 1944 г.

После освобождения гор. Артемовска Сталинской области в бывших воинских казармах, расположенных в 600 метрах от железнодорожного узла, во время оккупации немцами был организован «лазарет» (кригсгефангене-лазарете), в котором гитлеровцы методи-

чески истребляли больных и раненых пленных бойцов и офицеров Красной Армии.

Органами НКГБ в результате произведенного розыска в августе т.г. арестован в Попаснянском районе Ворошиловградской области врач Камышев Александр Сергеевич, 1888 года рождения, гражданин СССР, который являлся начальником указанного «лазарета» и под руководством немцев участвовал в истреблении советских военнопленных.

Следствием установлено, что «лазарет» был организован в феврале 1942 года по предложению немецкого командования и возглавлен Камышевым.

«Лазарет» занимал два больших кирпичных здания, был обнесен густой сетью проволочного ограждения и постоянно охранялся полицейскими.

Немецкое командование через своих ставленников, доктора (оберштабсартца) Тимера, его заместителей, немецкого коменданта и охрану «лазарета» производило массовое истребление советских военнопленных путем преднамеренного создания голода, антисанитарии, распространения заразных болезней, применения побоев, лишения больных и раненых лечебной помощи, принуждения их к непосильному физическому труду и прямого убийства.

В течение 1942 года в «лазарете» почти постоянно сосредотачивалось по 800—1100 раненых и больных советских военнопленных, их состав непрерывно пополнялся новыми партиями раненых и больных, которые оттуда уже больше не выходили.

Арестованный Камышев на допросе показал:

«Скученность в лазарете была настолько большой, что военнопленные лежали на голом цементном полу, тесно прижавшись друг к другу. Один раз дали солому, но она скоро сгнила, и когда больные обращались к администрации «лазарета» с просьбой дать им солому, на которой можно было бы лежать, оберштабсартц Тимер отвечал: «Солома нужна для лошадей».

В Артемовском «крингсгефангене-лазарете», являвшемся местом уничтожения советских военнопленных, преднамеренно распространялись инфекционные заболевания. Больных сыпным тифом, дизентерией, тяжело и легко раненных размещали в одной казарме. Достаточно было весьма короткого времени, чтобы все они заразились и умирали. В одной общей казарме количество больных сыпным тифом и дизентерией доходило до 600 человек, в то время как в нормальных условиях там можно было разместить не более 200 человек.

Уборка помещения не производилась. Больные по несколько месяцев находились в одном белье. Белье это прело, разлезалось на теле, и полураздетые и совершенно голые лежали на цементном полу. В казармах, где находились больные, постоянно стоял тяжелый смрад, пахло мертвечиной.

Помещения не отапливались. Санитарная обработка поступающих в «лазарет» не производилась. Вшивость стала кошмарной.

В результате антисанитарии инфекционные заболевания и смертность в «лазарете» приняла чудовищные размеры. Больные и раненые не получали даже элементарной медицинской помощи, перевязочных материалов не было. Тифозных, например, «лечили» сырой водой и больше ничего не давали».

Суточный рацион больных состоял из 300 граммов эрзац-хлеба и пол-литра «баланды», причем хлеб выпекался из суррогата, наполовину с древесными опилками, а «баланда» готовилась из горелой муки и проса с примесью отбросов и земли.

Такое питание приводило к полному истощению больных и раненых, способствовало распространению острых желудочно-кишечных заболеваний. Принявшие массовый характер отеки от голода способствовали распространению гнойников на теле больных и заражению крови.

Нередко пища готовилась из падали, поступавшей из расположенных по соседству немецких конюшен.

Свидетель Хиценко Евфросиния Лукьяновна однажды видела, как во двор «лазарета» выбросили внутренности павшей лошади, на которые измученные голодом больные и раненые набросились и, разрывая кишки, ели их.

Наблюдавшие это старший полицейский Олейник и врач Камышев стали избивать военнопленных палками.

Истощенных больных и раненых военнопленных администрация «лазарета» заставляла перевозить на себе бревна и кирпич, носить воду, перетаскивать и закапывать трупы умерших. Изнемогавших и падавших зверски избивали.

Свидетель Жугима Прасковья Петровна, работавшая в «лазарете» фельдшером, о режиме в «лазарете» показала:

«На весь «лазарет» была одна бочка с водой... больные и раненые, до крайности истощенные, потерявшие уже способность ходить, ползли к этой бочке с консервной банкой в руках, чтобы захватить хоть каплю воды и напиток. Возле бочки собиралось много людей... Камышев... выхватывая из рук консервные банки, бил ими военнопленных по голове».

По признанию Камышева, убийство военнопленного в «лазарете» не считалось преступлением и относилось к долгу службы.

Свидетель Хиценко Е.Л. показала, что весной 1942 года в подвал здания клуба, занятого под морг, вместе с трупами были выброшены живые люди.

«...Я своими глазами увидела на трупах (в морге) двух раздетых людей. Один ползал по трупам, а другой сидел, прижавшись к стене. Я пыталась спасти им жизнь, принесла воды и стала поить сидевшего военнопленного. Это заметили немецкие полицейские, которые пошли к подвалу и пристрелили военнопленных».

Весной 1942 года при таянии снега на территории «лазарета» обнаружены конечности трупов, торчавшие из-под снега. В подвальном помещении лежали, присыпанные землей и снегом, около 200 расстрелянных и замученных военнопленных. Пленных заставляли закапывать эти трупы в ямах, куда сносились отбросы, на территории «лазарета».

По этому вопросу Камышев показал:

«Таскать трупы и рыть ямы мы заставляли больных и раненых военнопленных. Каждый день возле самого “лазарета” рыли ямы и заполняли их трупами. Клади ряд трупов и присыпали легким слоем земли, а сверху снова ряд трупов и опять легкий слой земли. Яму не разрешали закапывать, пока не заполняли ее трупами. Клади 6—8 рядов один на другой в виде штабеля. На территории “лазарета” мне известно до 25 могил массового захоронения советских военнопленных. Кроме этого, трупы стаскивали в большую траншею и там забрасывали землей.

Чтобы замести следы преступления, оберштабсартц Тимер запретил регистрировать военнопленных, умерших в “лазарете”, и приказал хоронить их не на кладбище, а возле самого “лазарета”».

За 8 месяцев существования «лазарета» (с февраля по октябрь 1942 г.) гитлеровцы истребили там свыше 25 тысяч военнопленных бойцов и офицеров Красной Армии.

В процессе следствия выявлены места захоронений погибших военнопленных и подготавливается их вскрытие специальной комиссией.

Продолжается следствие по установлению всех злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Артемовском «лазарете» и лиц, виновных в этих преступлениях.

Зам. народного комиссара

Государственной безопасности СССР

Кобулов

На документе пометы: «Разослано: т. Щербакову, т. Швернику».

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 162—165. Подлинник

№ 26

Письмо академика И.Э. Грабаря и члена-корреспондента АН СССР В.И. Лазарева И.В. Сталину о необходимости требовать возмещения Германией разрушенных памятников искусств на территории СССР

г. Москва

25 сентября 1944 г.

т. Берия. Маленкову. Микояну. Вознесенскому¹¹⁸.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Только дело государственной важности заставило нас решиться отнять Ваше дорогое для родины время на чтение этого письма.

¹¹⁸ На листе стоит помета: «Александрову. Маленков. 16.10».

Всему свету очевидно право Советского Союза требовать от немцев возмещения за разрушения памятников искусства на нашей территории.

Никакими деньгами их не возместить, и это возмещение должно быть получено только в виде художественных ценностей, собранных в богатейших германских музеях и могущих явиться в какой-то степени эквивалентами погибшего.

О бесспорности этого нашего права говорил в своих выступлениях Антони Иден.

Учитывая это, мы в свое время обратились к Председателю Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. Н.М. Швернику с предложением своих услуг для составления списка таких эквивалентов.

Получив принципиальное одобрение, мы тогда же принялись за работу, в процессе которой обнаружилась необходимость привлечения еще нескольких засекреченных специалистов по различным разделам искусства.

В настоящее время основной список эквивалентов закончен и сдан Комитету по делам искусств, но остаются невыясненными некоторые важнейшие вопросы, на которые мы не могли получить ответа от Чрезвычайной Комиссии, а также от Комитета по делам искусств и даже от Председателя Ремонтной Комиссии т. Майского, к которому неоднократно обращались.

Вот почему для разрешения их мы вынуждены обратиться непосредственно к Вам. Эти вопросы следующие:

1. Мы исходили из убеждения, что для точного и бесспорного уравнивания оценки наших потерь и выдвигаемых эквивалентов как те, так и другие должны быть расценены в золотых рублях или долларах 1913 года, так как все произведения западноевропейских музеев расцениваются в долларах. Чрезвычайная Комиссия настаивает на оценке в советских рублях, что вполне естественно для исчисления убытков по колхозам, совхозам и заводам, но неприменимо к мировым произведениям искусства, имеющим твердую цену на европейских рынках.

2. В список эквивалентов вошли в подавляющем числе, примерно 95 %, только произведения искусства из германских музеев, но, учитывая решение Московской конференции, не избавляющее саттелитов Германии от ответственности за убытки, причиненные в свое время ими вместе с немецкими захватчиками, мы внесли в этот список и незначительное число произведений из австрийских, венгерских и итальянских музеев, а также несколько отдельных экспонатов из музеев Румынии и Финляндии. Правильно ли это?

3. В список внесены только первоклассные произведения, особо необходимые советским музеям для восполнения их пробелов.

4. Всего в списке значится до 2000 произведений, обеспечивающих создание в Москве грандиозного музея, равного которому нет в мире и

который явится на столетия историческим памятником великих побед Красной Армии.

Народный художник РСФСР, Академик —

Грабарь

Член-корреспондент Академии Наук СССР —

Лазарев.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 166—167. Заверенная копия.

№ 27

Записка начальника Управления агитации и пропаганды ЦК партии Г.Ф. Александрова секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о принятых решениях по письму действительного члена АН СССР И.Э. Грабаря и члена-корреспондента АН СССР В.И. Лазарева

г. Москва

6 февраля 1945 г.

В связи с письмом академика Грабаря и члена-корреспондента Академии наук СССР Лазарева на имя товарища Сталина Наркоминделом СССР (т. Майским) принято решение поручить т.т. Грабарю и Лазареву подготовить список ряда произведений музеев Германии, Австрии, Венгрии, Италии и Румынии в целях возмещения этими произведениями стоимости памятников искусства, разрушенных и разграбленных армиями Германии и ее сателлитов на территории СССР. В список решено не включать произведения музеев Финляндии.

По затронутому в письме вопросу об исчислении стоимости художественных ценностей в американских долларах или советских рублях решено исчисление производить в американских долларах.

Г. Александров.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 250. Л. 168. Подлинник.

№ 28

Докладная записка заместителя начальника главного политического управления Красной Армии И.В. Шикина в ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову о концентрационном лагере Освенциме

г. Москва, 9 февраля 1945 г.

Начальник Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майор тов. Яшечкин донес ГлавПУРККА следующее:

1. Немецкий концентрационный лагерь в Освенциме состоял из 22 филиалов, размещавшихся вокруг города. В лагере имелось до 80 бараков, в каждом из них содержалось 300—400 человек. Главное назначение лагеря — массовое истребление людей, свозимых со всех оккупированных немцами стран Европы.

Француз, офицер армии де Голля, находящийся и сейчас в Освенциме, капитан Лео Морис, бывший заключенный, имевший лагерный порядковый номер 185 930, заявил: «Я видел своими глазами прибывающие в лагерь транспорты с людьми. Царивший в лагере внешний порядок и музыка вначале обманывали людей. Однако сильный трупный запах и быстрая молчаливая сортировка прибывавшим внушали тревогу. Обреченные на казнь уже больше не видели друг друга. Я никогда не забуду эти страшные дни в моей жизни».

Хирург Штейнберг, француз, который провел в Освенцимском лагере три года, сказал: «Лагерь в Освенциме страшнее лагеря в Майданеке, он раньше отстроен и дольше существовал. В нем впервые немцы применили новые средства уничтожения людей».

Адам Куриловач, бывший председатель профсоюза железнодорожников Польши, находившийся в лагере с 26 июня 1941 года, лично знавший многих заключенных, рассказал: «С первых же дней я понял, что лагерь создан для истребления людей. Орудия истребления были тогда самые примитивные. Конвоиры, сопровождавшие нас на работу, во время рытья земли ударяли заключенного лопатой по голове, человек падал. Немец, поворачивая его, ставил лопату на горло и нажимал на нее ногой. Ослабевших людей сталкивали в канавы, где они гибли».

15 сентября 1941 г. для испытания только что построенной газовой камеры загнали в нее 80 русских и 600 поляков. Все они были умерщвлены в течение трех дней. Мы выносили и зарывали их трупы, так как кремационных печей в то время не было. Заключенных расстреливали ежедневно. Лагерный палач немец Лалич хвастался, что он расстреливал за день 280—300 человек».

Венгерский ученый профессор Мансфельд, заключенный в лагерь за участие в международном физиологическом конгрессе в Москве и спасенный нашими войсками, заявил: «В начале 1942 года немцы стали практиковать впрыскивание раствора карболовой кислоты в вены, затем в аорты и, наконец, в сердце. Человека с завязанными глазами усаживали в кресло и вонзали шприц между ребер в сердце. Смерть наступала мгновенно. Однажды таким способом сразу было убито 140 подростков-поляков. Палачи исследовали на заключенных различные способы умерщвления. На моих глазах одному больному впрыскивали в ногу керосин, а потом отрезали куски тела для исследования изменений, происходящих в тканях. На заключенных применялись также различные способы стерилизации людей».

Умерщвление людей при помощи газовых камер было признано немцами самым рентабельным. В 1942 г. в лагере № 2 Бжезилька были пущены 4 газовые камеры и 8 крематориев, по пятнадцати печей. К началу 1943 г. подвели железнодорожную ветку, по которой ежедневно подавались эшелоны смертников. Истребление людей проводилось круглосуточно. 3 тысячи штатных палачей работали под звуки оркестра,

заглушавшие предсмертные вопли жертв. Всего сожжено в печах, на кострах, замучено и расстреляно более 4 миллионов человек.

27 января войска армии, где начальником политотдела тов. Гришаев, освободили несколько тысяч заключенных, которых гитлеровцы не успели угнать в глубь Германии. В числе освобожденных белорусская женщина из колхоза «Затишье» Берняк Мария Николаевна, сосланная сюда вместе с дочерью за помощь партизанам; украинка Дьяченко Ольга, бывшая студентка Харьковского химтехникума, пытавшаяся убежать с германской каторги; чешка Скалова Анастасия, схваченная гестаповцами в селении Лидице вблизи Праги; югославка Коваль Фаня, арестованная за участие сыновей в партизанском отряде; француженка Мотте Мадлена; итальянка Матеуси и многие другие. Среди освобожденных около 3000 больных и истощенных людей, не способных самостоятельно передвигаться и которых администрация лагеря не успела уничтожить.

Больные лежали в комнатах-казематах на трехэтажных нарах, тесными рядами. В последние дни их совсем не кормили. Сейчас больные и истощенные размещены просторнее. Им оказывается медицинская помощь и организовано питание.

2. Небольшие группы из местных жителей — немцев оказывают сопротивление нашим частям и совершают диверсионные акты. Ночью 28 января группа солдат противника напала на расположившиеся в местечке Бишефсталь тылы одной нашей части. Завязался бой, в котором принимали участие два наших самоходных орудия. Бой длился более 2-х часов. На рассвете было обнаружено до 150 трупов немецких солдат, переодетых в гражданское платье.

30 января на юго-восточной окраине города Глейвиц ударом ножа в спину были убиты красноармейцы Шамсудинов и Кобзев. Убийцами оказались немецкие солдаты из роты охраны 42-го армейского корпуса.

Во время боев за г. Рыбник из окна одного дома по нашим бойцам был открыт огонь из винтовок. Брошенной гранатой стрелявшие были убиты. Это были немцы — старик и две женщины.

В д. Карсруз фаустпатроном был подбит танк и убито два бойца. Стрелявшие немцы принадлежали к местному отряду фольксштурма.

В г. Розенберг в расположении нашего госпиталя было подожжено несколько домов. Поджог произвели два местных жителя, имевшие на то специальное задание от немецкого командования.

3. В Гинденбурге местным населением сделана попытка создать в городе организацию национального комитета «Свободная Германия».

22 рабочих разных предприятий, якобы коммунисты-подпольщики, под руководством некоего Адольфа Зауэра, проживающего на Барбараштрассе, и его заместителя Вильгельма Петлика, живущего на Бауманштрассе, 38, создали инициативную группу, одели красные повязки с инициалами комитета и вывесили объявление с призывом присоединиться

к комитету. Группа приступила к созданию дружины по охране города и предприятий, занималась выявлением неблагонадежных элементов, выдав двух нацистов нашему коменданту.

Группа заняла помещение городского управления с типографией и выпустила листовку от своего имени с призывами к населению: «Строго проводить в жизнь все указания советского командования, препятствовать всяким попыткам продолжения сопротивления, бороться с пожарами и мародерством, охранять продсклады и восстанавливать предприятия для возобновления на них работы».

По требованию представителя армии капитана Чернявского группа распущена, членам ее разъяснено, что власть в городе осуществляется русским военным комендантом, которому и должны помогать активисты из населения

Докладываю Вам для ознакомления.

Заместитель начальника ГлавПУР РКА

Шикин.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 1—5. Подлинник.

№ 29

Докладная записка заместителя начальника ГлавПУР РКА И.В. Шикина в ЦК ВКП(б)

Г. Ф. Александрову о порядках в немецком лагере для военнопленных в районе города Торн (Польша)

г. Москва, 19 февраля 1945 г.

Начальник Политуправления 1 Белорусского фронта тов. Галаджев сообщил ГлавПУР РКА, что в районе города Торн (Польша) войсками фронта захвачен немецкий лагерь, в котором содержалось до 6 тысяч военнопленных, в числе которых, кроме советских военнопленных, находились 200 американцев, 180 англичан, 90 французов и 30 итальянцев.

Советские военнопленные рассказывают, что в лагере за период с 1941 года умерло от голода и болезней и убито немцами до 17 тысяч человек.

Для советских военнопленных в лагере был установлен особый режим. Советскому военнопленному давалось в сутки 300 граммов эрзац-хлеба и один литр супа из гнилой или мерзлой брюквы. Все здоровые военнопленные ежедневно выгонялись на оборонительные работы, обессилевших добивали, закапывали в землю живыми, травили собаками, производили им преднамеренное бактериологическое заражение.

Руководителями отделений лагеря были поставлены наиболее отъявленные гитлеровские душегубы или предатели из числа военнопленных, творившие чудовищные преступления.

Начальником отделения для советских военнопленных был пленный врач белорус Шабот, проявлявший исключительную жестокость.

Главным врачом был военнопленный Новиков, пользовавшийся большим доверием немцев. Он являлся инициатором бактериологического заражения советских военнопленных и по жестокости обращения превзошел Шабота.

Начальником охраны и переводчиком был унтер-офицер Глиста, немец из бывшей республики Немцев Поволжья, который ради забавы раздевал пленных донага и травил собаками.

Военнопленные рассказывают, что немцы вели в лагере усиленную агитацию за вступление добровольцами в войска РОА.

Военнопленный Агапов, бывший член ВКП(б), имевший до пленения звание старшего лейтенанта, показал:

«В плен я попал тяжело раненным. В лагере немцы вели усиленную агитацию за вступление в войска РОА. Предатели, соглашающиеся на это, подписывали присягу на верность Гитлеру и получали преимущества, равные немецкому солдату. Из числа военнопленных многие украинцы и узбеки продались немцам. Нужно сказать, что эти, так называемые войска РОА относились к советским военнопленным более жестоко, чем немцы».

Военнопленный Акимкин рассказал:

«Немцы говорили, что Россия находится накануне полного разгрома, что в ней царят бунты, восстания и голод. Но мы этому не верили. Мы пользовались правдивыми сведениями от групп новых военнопленных и местных жителей поляков и терпеливо ждали прихода Красной Армии».

Находившиеся в этом лагере военнопленные американцы, англичане, французы и итальянцы содержались отдельно от советских военнопленных и находились в более лучших условиях.

Через Международное общество Красного Креста при содействии немецких властей они каждую неделю получали одну-две посылки на человека.

Немецкое командование требовало от охраны вежливого обращения с американцами и англичанами и немедленно убирало отдельных охранников, если американцы и англичане жаловались на их грубость. Были случаи, когда американцы и англичане избивали немецких охранников, и все это оставалось безнаказанным. Американцев и англичан немцы от работы освобождали и даже разрешали им играть в футбол.

Из рассказов русских военнопленных и показаний американцев, англичан, французов и итальянцев известно, что немцы всячески заигрывали с военнопленными американцами, англичанами, французами и итальянцами, подчеркивали перед ними свою «любезность и великодушие», ведя в то же время усиленную антисоветскую агитацию, направленную на раскол союза между СССР, с одной стороны, Америкой и Англией — с другой.

Летом 1944 г. через Международное общество Красного Креста в Англию было отправлено из лагеря 250 английских военнопленных, часть из них спустя некоторое время прислали в лагерь письма о благополучном прибытии на родину.

Перед приходом Красной Армии немецкие охранники, спешно покидая лагерь, объявили англичанам и американцам, что их оставляют в лагере для того, чтобы они убедились в зверствах Красной Армии и нищете, царящей в Советском Союзе. Немцы объявили также, что с приходом Красной Армии многие американцы и англичане будут расстреляны, а остальные погибнут с голоду раньше, чем попадут к себе на родину.

Внешний вид освобожденных из лагеря военнопленных англичан, американцев, французов и итальянцев хороший, все они скорее похожи на курортников, чем на военнопленных. Если советские военнопленные выходили из лагеря намученными, истощенными, оборванными и без всяких вещей, то почти все англичане и американцы несли и везли на санках увесистые чемоданы с вещами. Многие из них несли музыкальные инструменты.

Все освобожденные из лагеря американцы, англичане, французы и итальянцы были отправлены в гор. Александров, а затем переданы в распоряжение командования 47 армии для дальнейшей эвакуации.

Докладаю вам для ознакомления.

Заместитель начальника ГлавПУР РККА

Шикин

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 6—9. Подлинник.

№ 30

Докладная записка начальника политпросветотдела Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Логунова начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову о ходе репатриации советских граждан и военнопленных

27 февраля 1945 г.

По мере продвижения Красной Армии на Запад возрастает и объем работы по репатриации советских граждан, насильственно угнанных немцами в фашистскую неволю, и военнопленных. Основная работа по репатриации начнется с момента полного разгрома Германии.

По предварительным данным, требующим уточнения, с территории Германии и прилегающих к ней стран — Венгрии, Австрии, Чехословакии, Дании, Норвегии — подлежат репатриировать около 4 000 000 человек.

В настоящее время идет репатриация советских граждан и военнопленных с освобожденной территории Польши, с занятой войсками Красной Армии территории Германии, а также с территории Франции, Италии, Англии.

По репатриации советских граждан и военнопленных с территории Германии и прилегающих к ней стран установлен следующий порядок этой работы:

1. При каждом Действующем фронте создается по несколько фронтовых сборно-пересыльных пунктов, на которых происходит первоначальное сосредоточение советских граждан военнопленных, освобожденных войсками Красной Армии.

Кроме того, при каждом фронте созданы территориальное сборно-пересыльные пункты: 1-й Украинский фронт — пункт № 118 в г. Жешув, № 120 — в г. Кельце, № 121 — в г. Краков, 2-й Украинский фронт — пункт № 122 — г. Дебрецен, № 124 — в г. Будапеште; 4-й Украинский фронт — пункт № 123 в г. Кошицы (Чехословакия); 1-й Белорусский фронт — пункт № 115 — в г. Люблин, № 116 — в г. Лодзь, № 117 — в г. Варшава (Прага). Такие пункты в дальнейшем будут созданы и на других фронтах.

2. С фронтовых и территориальных сборно-пересыльных пунктов репатрируемые будут направляться в эшелонах на перевалочные пункты, создающиеся на стыке европейской железнодорожной колеи с нашей колеей по шести железнодорожным маршрутам на станциях — Шталупенен, Варшава, Демблин, Дембица, Залуж, Вале-Вишеулуй.

Перевалочные пункты по мере продвижения фронтов и перешивки железнодорожного полотна могут быть перемещены на Запад.

3. С перевалочных пунктов репатрируемые следуют в эшелонах на областные приемно-распределительные пункты, а с них — в области и районы к месту жительства.

Областные приемно-распределительные пункты создаются во всех областях Украинской и Белорусской республик, а в РСФСР — лишь в областях, подвергавшихся временной немецкой оккупации. В Литовской, Эстонской, Латвийской и Молдавской республиках вместо областных создаются республиканские приемно-распределительные пункты (дислокация областных и республиканских пунктов прилагается).

Работой фронтовых сборно-пересыльных пунктов руководят Военные Советы фронтов через отделы по репатриации, созданные при Военных Советах; работой республиканских и областных приемно-распределительных пунктов — отделы по репатриации, созданные при Совнаркомах Украинской, Белорусской, Эстонской, Литовской, Латвийской, Молдавской республик и Совнарком РСФСР.

На территории Германии и прилегающих к ней стран, на фронтовых сборно-пересыльных, территориальных пунктах, перевалочных базах

и в железнодорожных эшелонах политико-просветительную работу с репатриантами проводит политпросветотдел Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации.

ПРОШУ:

Проведение политико-просветительной работы с репатриантами на республиканских и областных приемно-распределительных пунктах и в местах поселения возложить на ЦК компартий союзных республик и обкомы ВКП(б).

Дать указание ЦК КП(б) Украины, ЦК КП(б) Белоруссии, ЦК КП(б) Эстонии, ЦК КП(б) Латвии, ЦК КП(б) Литвы, ЦК КП(б) Молдавии и обкомам ВКП(б) Брянской, Великолукской, Воронежской, Калининской, Калужской, Курской, Ленинградской, Московской, Орловской, Псковской, Ростовской, Смоленской, Тульской, Новгородской, Сталинградской, Астраханской, областей, Крымской и Северо-Осетинской АССР, крайкомам ВКП(б) Краснодарского и Ставропольского краев:

а) создать агитпункты при республиканских и областных приемно-распределительных пунктах, обеспечить их потребным количеством культмущества и оборудования, литературой, газетами, наглядной агитацией, настольными играми;

б) для проведения политико-просветительной работы с репатриантами выделить в каждый агитпункт лекторов, докладчиков и агитаторов по работе среди женщин, молодежи и среди детей;

в) радиофицировать приемно-распределительные пункты, обеспечить репатриантов кинообслуживанием, массовой художественной самодеятельностью;

г) развернуть на агитпунктах консультационно-справочную работу, коллективные читки газет и художественной литературы;

д) снабжать в республиканских и областных приемно-распределительных пунктах проходящие эшелоны с репатриантами газетами по 50—60 экз. на эшелон, из расчета по одной газете на вагон.

Обязать КОГИЗ, ОГИЗ, Госполитиздат, издательства «Молодая Гвардия» и Детгиз выделять в распоряжение Уполномоченного СНК СССР..

ТАСС и редакциям центральных газет систематически освещать ход репатриации советских граждан, согласовывая материалы до их опубликования с Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации.

Приложение: Дислокация республиканских и областных приемно-распределительных пунктов на 3-х листах.

*Начальник Политпросветотдела Управления
уполномоченного СНК СССР по делам репатриации*

Логунов.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Лл. 15—21. Подлинник

Приложение № 1

Дислокация областных и республиканских приемно-распределительных пунктов для репатрируемых советских граждан

№№ п/п	Наименование областей, краев, АССР	Поступающее количество репатриан. (в тыс.)	Наименование приемно-распредел. пунктов	Емкость приемно-распредел. пункта
РСФСР				
1.	Брянская обл.	108,5	Брянск 1, Новозыбков, Унега	
2.	Великолукская обл.*	79,0	Ново-Сокольники, Торопец	
3.	Воронежская обл.	20,8	Лиски, Грязи, Воронеж 1	
4.	Калининская обл.	9,3	Ржев, Бологое	
5.	Калужская обл.	88,4	Сухиничи**	
6.	Курская обл.	35,3	Льгов, Курск, Белгород	
7.	Ленинградская обл.	18,9	ст. Луга, Кингисепп	
8.	Московская обл.	1,9	Можайск	
9.	Орловская обл.	32,8	Орел	
10.	Псковская обл.	58,3	Псков, Дно***	
11.	Ростовская обл.	84,0	Миллерово, Батайск	
12.	Смоленская обл.	29,4	Вязьма, Рославль	
13.	Тульская обл.	1,5	Венев	
14.	Новгородская обл.	147,4	Батецкая****	
15.	Краснодарский край	31,8	Кавказская	
16.	Ставропольский край	1,0	Ставрополь	
17.	Крымская АССР	70,6	Джанкой	
18.	Сталинградская обл.	2,3	Сталинград, Нижний – Чирск	

* Так в тексте. Город Великолук находится в Калининской обл.

** Так в тексте. Город Сухиничи находится в Смоленской обл.

*** Так в тексте. Город Дно находится в Ленинградской обл.

**** Так в тексте. Город Дно находится в Ленинградской обл

19.	Астраханская обл.	сведений нет	Астрахань	
20.	Северо-Осетин. АССР	1,6	Дзауджиак*	
УССР				
1.	Сталинская обл.		Ясиноватая, Волховаха, Красный Лиман	3 тыс.чел.
2.	Полтавская обл.		Полтава, Лубны	2 тыс.чел.
3.	Харьковская обл.		ст. Основа	2 тыс.чел.
4.	Запорожская обл.		Запорожье	2 тыс.чел.
5.	Сумская обл.		Сумы	1 тыс.чел.
6.	Ворошиловградская обл.		Ворошиловград	1 тыс.чел.
7.	Житомирская обл.		Бердичев	1 тыс.чел.
8.	Кировоградская обл.		Знаменка	1 тыс.чел.
9.	Днепропетровская обл.		Днепропетровск	1 тыс.чел.
10.	Одесская обл.		Одесса	1 тыс.чел.
11.	Киевская обл.		Мироновка	1 тыс.чел.
12.	Черниговская обл.		Нежин	1 тыс.чел.
13.	Ровенская обл.		Здолбуново	500 чел.
14.	Львовская обл.		Яврово, Рава Русская	3 тыс.чел.
15.	Станиславская обл.		Черновецкий, Хыров, Мостиск	3 тыс.чел.
16.	Волынская обл.		Владмир- Волынск	3 тыс.чел.
17.	Черновецкая обл.		Мостиск, Хыров	3 тыс.чел.
18.	Дрогобычская обл.		Мостиск, Хыров	3 тыс.чел.
19.	Измайловская обл.		Белград	1 тыс.чел.
20.	Николаевская обл.		Николаев	300 чел.
21.	Херсонская обл.		Херсон	400 чел.
22.	Кам. Подольская обл.		Гречаны, Шепетовка	500 чел.
23.	Тарнопольская обл.	сведений нет.		

* Так в тексте.

**Докладная записка военного корреспондента
Совинформбюро по 1-му Белорусскому фронту майора
Пономарева о репатриации советских
и союзных военнопленных, направленная начальником
Управления пропаганды и агитации ЦК партии
Г.Ф. Александровым секретарю ЦК ВКП(б)
Г.М. Маленкову¹¹⁹**

г. Москва

6 марта 1945 г.

Быстрое продвижение наших войск в глубь территории противника выдвигает ряд вопросов, которые требуют неотложного разрешения.

1. О репатриации советских и союзных военнопленных и гражданского населения СССР, угнанного немцами

В Германии на всех дорогах нам приходилось встречать тысячные колонны англичан, американцев, французов, бельгийцев, югославов — солдат и офицеров, которые освобождены сейчас из лагерей и со своими национальными знаменами следуют в тыл. При встречах с колоннами наших войск они устраивают овации в честь Красной Армии.

Комиссии по репатриации уже приступили к работе. Но они не имеют достаточно средств для организации приема этого потока людей и в то же время не используют имеющиеся в этом отношении возможности. Так, например, повсюду можно найти огромное количество матрацев, перин, подушек и прочего имущества (многое из этого уже растащено поляками), а люди в пересыльных пунктах вынуждены валяться в пустых бараках или казармах. В Бромберге в пустых казармах можно было видеть сотни русских и югославов, которых не кормили по три-четыре дня, в то время как в ведении коменданта города — подполковника Алексева имеются трофейные склады с достаточным количеством продовольствия. Есть немало случаев, когда бывшие пленные в поисках пищи ходят по деревням, ловят на дорогах скот.

В первые дни освобождения городов Ратцебург, Ястрове, Дойч-Кроне там вообще не было представителей по репатриации.

При устройстве освобожденных из плена американцев, англичан и людей других национальностей следует учитывать, что для них благодаря работе Красного Креста, в немецком плену были созданы неплохие условия существования. Они получали посылки, весом до 24 кг в месяц, неплохо питались и одевались. В личных беседах о положении в плену они жалуются на запоздание присылки с родины газет, почты

---

¹¹⁹ Рукой Г.М. Маленкова сделаны пометы: «Переслать тт. Булганину и Голикову. 7.03».

и т.п. Почти никто из них не говорит о плохих материальных условиях. Кстати, это подтверждает и их внешний вид.

Аппарату, занятому репатриацией, необходимо следовать за войсками и быстро разворачивать свою работу на местах. Кроме того, нужно потребовать и от польских властей большего внимания к этому делу. Поляки должны заняться оборудованием и обслуживанием пересыльных и питательных пунктов для людей, идущих из германского плена. Они должны собрать необходимое количество белья, кроватей (из немецких домов), выделить поваров, уборщиц и т.д.

2. О поведении личного состава тыловых подразделений Красной Армии на территории Польши

Хотя Красная Армия уже повсюду ведет бои на территории Германии, тысячи наших тыловых подразделений продолжают оставаться на территории Польши и, видимо, еще долго будут находиться там. Польское население судит по поведению наших тыловых подразделений о всей Красной Армии, так как передовые части общались с населением очень мало. Оторванность же наших тыловых органов от их частей приводит к недостаточному контролю со стороны последних за поведением людей, обслуживающих госпитали, автобаты, базы артснаба и т.д.

Политорганы могли бы дать соответствующие цифры на этот счет, но и не располагая ими, можно утверждать, что пьяные дебоши, кражи и прочие факты в подавляющем своем большинстве имеют место в тыловых частях. При этом даже единичные случаи преувеличиваются населением и раздуваются.

Из опыта можно утверждать следующее. В автобатах, дорожных частях, различных базах снабжения и пр. начальники не чувствуют над собой контроля, много времени уделяют организации личного быта, используя для этого свое служебное положение и своих подчиненных. Чувствуя себя «маленькими хозяйчиками», они перестали работать со своими людьми, распустили их, сжились с беспорядками. Например, один старший лейтенант, работающий по артснабжению в 8 гв. армии, был уличен в разбазаривании обмундирования, пьянках, разврате (об этом факте есть подробная докладная члену Военного Совета). В Седльце группа неизвестных солдат подъехала к дому поляка, погрузила на автомашину его вещи и, пригрозив оружием, скрылась. Комендантом волости Мендзыхуд был задержан в пьяном виде лейтенант из саперной бригады полковника Шапиро. Он ворвался в дом поляка, разрушил печь, дебоширил и дрался.

Подобных примеров можно привести немало. Если даже количество этих фактов по фронту не является угрожающим, тем не менее наличие подобных фактов говорит о слабой политработе в тыловых частях и невнимании к ним со стороны командиров частей. Подчас отсутствует даже элементарная воинская дисциплина.

Политорганам необходимо обратить больше внимания на этот участок.

*Корреспондент Советского Информбюро
на 1-м Белорусском фронте*

майор Пономарев

Ф. 17. Оп. 125. Д. 314. Л. 26—28. Копия.

№ 32

Докладная записка начальника VII управления ГлавПУРККА М. Бурцева начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову о жизни советских военнопленных и союзных государств в немецком плену, поступившая из ПУ 1-го Белорусского фронта

г. Москва, 22 марта 1945 г.

1. О положении советских военнопленных в немецком плену

В период наступательных боев частями 1-го Белорусского фронта было освобождено большое количество советских военнопленных.

Они рассказали о жестоком режиме в немецких лагерях для военнопленных. Особенно тяжелой была жизнь в офицерских лагерях, расположенных в г. Лодзь, Сувалки, Ченстохов и в крепости Демблин. В этих лагерях существовала особая система пыток и издевательств над советскими офицерами. Так, например, в Лодзинском лагере для наказания и пыток существовали цементный карцер с холодным душем и так называемая горячая камера. «Горячая камера» представляет собой герметически закрывающуюся цементную комнату с решетчатым полом. Сквозь решетку в камеру пускался горячий воздух. Нагревание комнаты производилось до удушения пытаемого. Проводящий допрос офицер наблюдал за своей жертвой через глазок в двери и все время предлагал отвечать на задаваемые вопросы.

В лагере в крепости Демблин особенно были распространены наказания под названием «Ахтунг» («Внимание»), «Приседание», «Гонка по этажам».

Наказание «Ахтунг» состояло в том, что «провинившегося» ставили на колени, а по бокам его клали собак и заставляли кричать «Ахтунг». Если жертва переставала кричать, собаки набрасывались на нее и рвали уставшего до изнеможения человека. Наказание продолжалось от 7 до 12 часов.

Вторым видом наказания было «Приседание». «Провинившегося» выводили в поле и заставляли приседать от 300 до 500 раз. После такого наказания человек терял способность передвигаться.

«Гонка по этажам» была наиболее излюбленным методом наказания. «Провинившегося» заставляли бегать с 4 этажа вниз и обратно. На каждой площадке этажа стоял гестаповец с резиновой дубинкой и избивал бегавшего.

В лагере в г. Сувалки раненых пленных офицеров, сняв с них бинты, мыли под холодным душем без всякого учета серьезности ранения и степени заживания ран. Медикаменты и перевязочный материал в лагере отсутствовали, выдавались только бинты из бумаги, и то в минимальном количестве.

В лагерях был установлен голодный режим. В лагере г. Сувалки пленным выдавали ежесуточно по 750 гр. брюквенной баланды и 250 грамм хлеба с опилками.

Охрана лагерей была усиленной. Как правило, лагеря были обнесены несколькими рядами колючей проволоки, по которой пускался ток высокого напряжения.

Несмотря на пытки, голод и унижения, гестаповцам не удавалось сломить дух советских людей. Так, в офицерском лагере в г. Ченстохов пленные офицеры в знак протеста против избиений, пыток, плохой пищи объявляли голодовки. Для поддержания морального духа в период голодовок они организовывали массовое пение советских песен и беседы на политические темы. Организатора этих голодовок майора Пекретых гестаповцы отправили в глубь Германии.

В лагере в г. Сувалки пленные организовали празднование 26 годовщины Красной Армии. После доклада майора Поскребышева и выступлений с воспоминаниями о героической борьбе советского народа в период Отечественной войны коллективно были исполнены песни: «Москва» и «Широка страна моя родная».

В лагере в г. Торунь военнопленные организовали встречу Нового — 1945 года. После доклада майора Колосовского — бывшего преподавателя истории — «О героическом прошлом русского народа» состоялся товарищеский ужин за счет пайка, сэкономленного за день. После ужина военнопленные хором пели советские песни.

Военнопленные лагеря крепости Демблиц в августе 1943 г. готовили массовый побег, но, получив сведения, что охрана лагеря знает об этом, отложили свою попытку. Только через месяц этот побег состоялся, но окончился неудачно. Из 800 человек, пытавшихся бежать из лагеря, многие погибли от ружейно-пулеметного огня охранников. За попытку побега гестаповцы прибегли к массовому истреблению оставшихся в живых советских офицеров. В расположении лагеря была установлена виселица, на которой гестаповцы в течение 10 дней вешали советских офицеров. В результате этого лагерь почти опустел. Небольшая группа оставшихся офицеров быт закована в кандалы группами по 10 человек и под усиленной охраной отправлена в Ченстоховский лагерь.

В Западной Германии, в Рейнско-Вестфальской области в промышленном местечке Штамюля военнопленные 326 рабочего лагеря организовали комитет по подготовке вооруженного восстания в Рейнске Вестфальской области. Во главе комитета стояли Алексеев И.Г. — старший врач лазарета 326 рабочего лагеря и один из корреспондентов ТАСС по кличке «Леня».

Комитет поставил перед собой следующие задачи:

1. Накапливание сил и соответствующая их расстановка для подготовки и проведения восстания.

2. Изучение обстановки, сбор сведений о складах вооружения и боеприпасов, о военных предприятиях, о расположении и количестве воинских частей.

Установление связи с германской компартией.

Накапливание оружия.

Тайное радиослушание и радиопередачи.

Освобождение из плена советских людей путем организации ложных похорон.

Использование подходящего момента для проведения вооруженного восстания.

К первому ноября 1943 г. этот комитет установил тесную связь с 130-ю рабочими командами из общего числа 160, приписанных к 326 лагерю. Путем ложных похорон были вырваны из рук гестапо и переведены в рабочие команды:

Зам. ком. 17 гор. кав. полка Герой Советского Союза капитан Хохлов М.Я.

Командир танкового батальона Герой Советского Союза ст. лейтенант Корешков.

Командир артиллерийской бригады полковник Еремеев Г.В.

Военинженер 2 ранга Герой Советского Союза Силин К.В.

Младший политрук Беляев Алексей.

6. Старший сержант Языков Михаил и ряд других.

Между комитетом и одной из организаций германской компартии была установлена связь, накоплен небольшой запас оружия и боеприпасов. (Сведения взяты из показаний освобожденного из плена бывшего начальника санслужбы № армии¹²⁰ в/врача 1 ранга Сайко Василия Андреевича).

Военнопленные лагеря в Шенланке при входе в город советских танков перебили охрану лагеря и вышли навстречу нашим частям.

2. О положении военнопленных союзных нам государств на территории Германии

В период наступательных боев частями фронта было освобождено также большое количество пленных союзных нам государств.

Военнопленные рассказали, что их жизнь в плену была нелегкой, но во много раз лучше, чем жизнь советских военнопленных.

---

¹²⁰ Так в тексте.

Английская группа военнопленных.

Английская группа военнопленных представляет наиболее выделяющийся коллектив среди всех иностранцев. Они лучше других одеты и хорошо выглядят. Питание для солдат и офицеров в плену было одинаковым: на день выдавали 300 гр. хлеба, горячий суп из брюквы утром, три картофелины вечером, 175 гр. сахару и немного маргарину на неделю. Кроме того, английские в/пленные получали большую помощь от Швейцарского Красного Креста, присылавшего посылку с продуктами питания и обмундированием. Английские офицеры пользовались правом ходить на работу по своему желанию.

Группа военнопленных американцев.

Военнопленные американцы в первое время подвергались тяжелым наказаниям. Как правило, их лишали личных вещей. За отказ дать показания лишали пищи до 5 дней. В последнее время в связи с получением большого количества посылок с продуктами и обмундированием от Швейцарского Красного Креста положение американцев резко улучшилось.

Французская группа.

подавляющее большинство французских военнопленных размещалось с в/пленными¹²¹ поляками, сербами и русскими. Положение их было также тяжелым. Так, например, в Мюнхенском лагере они, как и пленные других национальностей, получали в день 200 гр. хлеба, один литр баланды и один литр эрзац-кофе. Дополнительного питания и обмундирования от Красного Креста французы не получали.

В Мюнхенском лагере среди в/пленных имела место массовая смертность в связи с отсутствием медикаментов, медицинского обслуживания и из-за очень плохого питания.

Итальянская группа.

В/пленные итальянцы истощены и плохо обмундированы. По их рассказам видно, что лагерный режим для них мало чем отличался от режима, установленного для русских.

Немцы всячески старались унижить итальянцев, часто посылали их на тяжелые работы. Излюбленным словом немца по отношению к итальянцу было — «свинья».

Группа югославских партизан.

Югославские партизаны в немецком плену жили в одинаковых условиях с советскими в/пленными. В лагерях царил тяжелый режим. Медицинская помощь отсутствовала. Свирепствовали заразные болезни. Питание в лагерях было скверное. Ежедневный рацион состоял из 300 грамм хлеба и одного литра супа из брюквы.

Начальник 7 отдела ПУ 1 Белорусского фронта (Подпись)

Верно: Ст. Инструктор УП Управления ГлавПУРККА майор Егоров

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 36—42 об. Заверенная копия.

¹²¹ Так в тексте.

Сообщение уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-полковника Ф.И. Голикова в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову о затоплении в море судов с советскими военнопленными и иностранными гражданами на борту в районе Данциг—Гдыня

г. Москва

28 апреля 1945 г.

По сообщениям советских граждан, освобожденных из немецкого плена, стало известно, что немцы в районах Данциг—Гдыня и далее к Штетину топили пароходы и баржи с советскими гражданами и военнопленными союзных нам армий.

Проведенным расследованием моими представителями и показаниями советских граждан, а также военнопленных немецкой армии это подтвердилось.

Так, например:

Немецкий полицейский города Данциг Пауль Вагнер 30.3.45¹²² на допросе показал, что в ночь на 14 марта в районе Военной Гавани Гдыня потопили пароход с 5000—6000 чел. советских граждан, распустив слух, что этот пароход якобы наскочил на мину и затонул.

Советские граждане, освобожденные из немецкого плена, показали:

1/ Фазылов Шакирян, находясь на окопных работах на Горе у г. Гдыня, лично видел, как немцы 30 марта погрузили на пароход до 3000 русских женщин и детей, вывели этот пароход в море и потопили;

2/ Лукин С.Т. видел, как 30 марта с.г. немцы в Оксаве погрузили в баржу более 250 советских граждан и на глазах у многих затопили ее;

3/ Пронза В.С. в районе Гдыня видел, что 2 апреля баржа, шедшая на буксире, была отцеплена и после ухода буксира оставлена в море, которая вследствие артогня немцев была затоплена вместе с находившимися в ней 500 военнопленными.

4/ Белошицкий С.М., находясь в лагере в порту Гдыня, видел, что 22 марта немцы производили погрузку двух больших пароходов под названием «Рава» и «Дашгур». В эти пароходы были погружены военнопленные разными партиями по 250—300 чел. Среди военнопленных было 200 англичан, 150 американцев и остальные русские, чехи, поляки и других национальностей. Вместимость «Рава» — 3000 чел. «Дашгур» — 6000 чел.

В 20—21 час 22.3.45 эти пароходы вышли из бухты в море, а утром стало известно, что они потоплены самими немцами, которые потом

¹²² Так в документе. Читать: 30.03.45 г.

стали распускать слухи, что якобы эти пароходы потоплены английскими подводными лодками.

Это же в своих показаниях подтверждает и Мочалов А.Н.

5/ Гродяк Г.А. показал, что из лагерей в Гдыне немцы взяли более 30 000 русских и французов, которых потопили в море. Он, зная о том, что немцы топят военнопленных в море, спасая бегством.

Все показания свидетелей, находившихся в портах и городах Данциг—Гдыня, сводятся к тому, что в разные числа марта 1945 г. немцы, производя эвакуацию, большинство пароходов и барж с военнопленными топили.

Генерал-полковник Голиков.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 51—52. Подлинник.

№ 34

Докладная записка Председателя ЧГК Н.М. Шверника секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о результатах работы комиссии в Освенциме для публикации в печати

г. Москва

28 апреля 1945 г.

В Верхней Силезии в городе Освенциме немцы еще в 1939 году соорудили лагерь для уничтожения людей. С 1939 года этот лагерь все время совершенствовался, там были построены мощные кремационные печи с 52 ретортами. В лагерь сгонялись люди из 25 стран Европы, в том числе и наши советские люди. В Освенцимском лагере уничтожено свыше 4 миллионов человек.

Чрезвычайная Государственная Комиссия расследовала обстоятельства дела и допросила свыше 200 человек бывших заключенных лагеря из Польши, Франции, Югославии, Румынии, Венгрии, Голландии, Бельгии и других стран. Расследованием установлено, что в Освенцимском лагере немецкими профессорами, врачами и представителями различных фармацевтических и химических фирм производились всевозможные эксперименты над живыми людьми: стерилизация женщин, кастрация мужчин, прививка рака, ампутации и всевозможные испытания химических препаратов. Среди освобожденных Красной Армией узников Освенцима имеются подопытные кастрированные мужчины, стерилизованные женщины, близнецы-дети. Все они являются живыми свидетелями чудовищных преступлений немцев.

Направляю Вам проект Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии «О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме».

Прошу Вас разрешить опубликовать это сообщение в печати.

Н. Шверник.

СООБЩЕНИЕ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ
по установлению и расследованию злодеяний немецко-
фашистских захватчиков и их сообщников

О чудовищных преступлениях германского правительства
в Освенциме

Еще до освобождения Красной Армией Верхней Силезии в Чрезвычайную Государственную Комиссию поступали многочисленные сведения о существовании вокруг гор. Освенцима огромного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения плененных советских людей. После освобождения советскими войсками Силезии частями Красной Армии был обнаружен этот лагерь.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии Прокуратурой 1-го Украинского фронта совместно с представителями Чрезвычайной Государственной Комиссии товарищами Кудрявцевым Д.И. и Кузьминым С.Т. в течение февраля—марта 1945 года было произведено тщательное расследование злодеяний немцев в Освенцимском лагере.

К расследованию были привлечены специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская, в составе главного судебно-медицинского эксперта 1-го Украинского фронта Брыжина Ф.Ф., судебно-медицинского эксперта армии Чурсанова М.Г., эксперта-терапевта Перцова И.И., начальника патолого-анатомической лаборатории армии Лебедева Н.А., гинеколога армии Колегаева Г.А., эксперта-психиатра Ванновского Н.Р., эксперта-криминалиста Герасимова Н.И., бывших заключенных лагеря: профессора-педиатра, директора клиники Пражского университета Эпштейн Б.В., профессора патологической анатомии и экспериментальной медицины из гор. Клермон-Ферран (Франция) Лимузен Г.Г., доцента медицинского факультета в Загребе (Югославия) Гроссмана М.Я. и техническая, в составе профессоров из Кракова — Давидовского Романа и Долинского Ярослава, кандидата химических наук инженера Лаврушина В.Ф. и инженера Шуера А.М.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории лагеря трупов, вещей и документов истребленных немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено:

Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые медицинские эксперименты над живыми мужчинами, женщинами и детьми.

По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие «лагеря смерти»¹²³.

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории — все это было предназначено для чудовишного уничтожения людей. Газовые камеры немцы называли «банями особого назначения». На входной двери этой «бани» было написано «Для дезинфекции», а на выходной «Вход в баню». Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение «Для дезинфекции», раздевались и оттуда загонялись в «баню особого назначения» — то есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом «циклоном».

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории, зубные кабинеты и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и близнецами-детьми. Они производили опыты по поводу стерилизации женщин, кастрации мужчин, неизвестные опыты над близнецами; искусственно заражали массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение, производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ.

Рейхсфюрер СС Гиммлер — организатор Освенцимского лагеря уничтожения людей

Освенцимский лагерь был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера специально для уничтожения людей порабощенных оккупированных стран Европы. Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцим и представлял из себя целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовиц, Нейдахс, Блехамер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау были расположены на территории в 467,5 гектара и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагеря были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения.

В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с 3-мя печами. При крематории была так называемая баня особого назначения, то есть газовая

¹²³ Здесь и далее подчеркивание по тексту сообщения.

камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года. Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать. Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау 4 мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

I

«И.А. Топф и сыновья. Эрфурт, 12 февраля 1943 г.

Центральному строительству СС и полиции Аушвиц /Освенцим/
Касается: крематории 2 и 3 лагеря военнопленных.

Подтверждаем получение Вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: “Еще раз подтверждаем получение Вашего заказа на 5 штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов”. Также заказано практическое приспособление подачи угля и приспособление для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 года.

И.А. Топф и сыновья».

II

«№ 12115/42/Ер/На

Пункт 2.

В отношении установки 2-х трехмуфельных печей у каждой из «бань особого назначения» инженером Прюфером было предложено изъять их из заготовленных для отправки в Могилев печей. Руководитель служебной части, находившейся в СС-Хозяйственном Управлении Главного Отдела в Берлине, был немедленно об этом осведомлен, и его попросили распорядиться о дальнейшем.

СС-унтерштурмфюрер /С/.

Освенцим, 21 августа 1942 года».

В четырех новых крематориях находилось 12 печей с 46-ю ретортами; в каждую реторту можно было поместить от 3 до 5 трупов, процесс сжигания которых продолжался около 20—30 минут.

При крематориях были построены «бани особого назначения» — газовые камеры для умерщвления людей, помещавшиеся или в под-

валах или в особых пристройках к крематориям. Кроме того, в лагере имелись еще две отдельные «бани», трупы из которых сжигались на особых кострах. Предназначенных для умерщвления людей загоняли в «бани» ударами палок, ружейных прикладов, собаками. Двери камер герметически закрывались, и люди, находившиеся в них, отравлялись «циклоном». Смерть наступала через 3—5 минут; спустя 20—30 минут трупы выгружались и направлялись к печам крематориев. Перед сжиганием дантисты вырывали у трупов золотые зубы и коронки.

«Производительность» «бань» — газовых камер значительно превышала пропускную способность печей крематориев, и потому для сжигания трупов немцы применяли еще огромные костры. Для этих костров были вырыты специальные рвы длиной от 25 до 30 метров, шириной от 4 до 6 метров и глубиной в 2 метра. На дне рвов проходили особые каналы в качестве поддувал. Трупы подвозились к кострам по узкоколейкам, укладывались в рвы послойно с дровами, обливались нефтью и таким образом сжигались. Пепел зарывался в больших ямах или сбрасывался в реки Сола и Висла. С 1943 года немцы с целью промышленного использования несгоревших костей стали дробить кости и продавать фирме «Штрём» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы «Штрём» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения.

В Освенцимском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали от 10 до 12 тысяч людей, из них 8—10 тысяч из прибывавших эшелонов и 2—3 тысячи из числа узников лагеря.

Допрошенные в качестве свидетелей, ранее работавшие в специальной команде по обслуживанию газовых камер и крематориев, бывшие заключенные Драгон Шлема, житель местечка Жировнин Варшавского воеводства, и Таубер Генрих из города Кжанув (Польша) показали следующее: «...В начале работы лагеря немцы имели две газовые камеры, находившиеся друг от друга в трех километрах. При них имелось по два деревянных барака. Прибывающих из эшелонов людей приводили в бараки, раздевали, а затем вели в газовую камеру. На входной двери в газовую камеру снаружи была надпись «Для дезинфекции», а на выходной, на внутренней стороне «Вход в баню». В газовые камеры загоняли по 1500—1700 человек, а затем через люки эсэсовцы в противогазах забрасывали «циклон». Газирование продолжалось от 15 до 20 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились в рвы, где сжигались... Позже на территории лагеря в Биркенау работали 4 крематория, при каждом из них имелась газовая камера. Крематории № 2 и 3 были одинаковой конструкции и имели по 15 печей, а крематории № 4 и 5 были другой конструкции, по размерам и техническому усо-

вершенствованию менее удобные, и имели по 8 печей каждый. Все эти крематории в течение суток сжигали по 10—12 тысяч трупов».

Немецкие профессора и врачи — убийцы пленников Освенцима

В Освенцимском лагере немецкие профессора и врачи широко проводили «медицинские» опыты над живыми людьми, проявляя при этом чудовищную изобретательность.

Бывшие заключенные, спасенные Красной Армией врачи: Штейнберг из Парижа, Гордон из Вильнюса, профессор Гроссман из Югославии, доктор медицины Валентин Эрвин из Берлина, Кеппих Анна из Венгрии, де Винд Эдуард из Голландии, Флехнер Альберт из Парижа, сообщили, что они были очевидцами огромного количества «медицинских» экспериментов немецких профессоров и врачей над заключенными лагеря.

Хирургические операции производились по произволу немецких врачей, практиковавшихся в освоении оперативной техники. Молодой немецкий врач Кениг отбирал заключенных с флегмонами, панарициями и паранихиями и практиковался в ампутации конечностей. Немецкие врачи Тилло и Фишер собирали большие массы заключенных и без всяких показаний производили грыжесечения. Главный врач больницы Эндерс при малейшей жалобе на боли в животе производил чревосечения, практикуясь на операциях по поводу язвы желудка.

В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В 10 блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников; опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки. В блоке № 28 производились опыты над заключенными по искусственным поражениям кожи керосином, различными солями, пастами, пудрами. Здесь же применяли акрихин с целью изучения искусственно вызванной желтухи. Этими опытами занимался немецкий врач Эмиль Кошуб. В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для гистологического исследования.

Все эти факты подтверждены также показаниями бывших узников лагеря: Кляйн Юдитой, Аусен Кларой, Гарбман Минной, Зондерс Нонной, Скурник Яковом, Сурес Давидом и многими другими, над которыми немецкие врачи производили те или иные эксперименты.

По приказу главного немецкого врача Эндерс, с 1941-го по 1944 год в больницах лагеря производилось умерщвление заключенных путем

инъекций фенола в сердце. Первые инъекции делал врач Деринг, а затем они производились санитарями. Особенно отличался в этом бывший сапожник немец Клер, умертвивший таким способом тысячи жертв. Заключенный из поляков, некий Пайщик, впрыскиванием фенола умертвил 12 тысяч человек (впоследствии он был убит самими поляками-заключенными). Немец Штесс уничтожил такими уколами 10 тысяч человек.

По приказу главного немецкого врача Освенцимского лагерного объединения Виртс, при эпидемиях сыпного тифа производилось умерщвление людей целыми бараками путем отравления газами.

Факты нечеловеческих опытов над заключенными подтверждаются также рядом документов, найденных в канцеляриях лагеря. В отчете хирургического отделения лагерного госпиталя значится, что за 3 месяца — октябрь—декабрь 1943 года — хирургами отделения среди прочих операций произведено: 89 ампутаций яичек (кастрация), 5 стерилизаций, 5 удалений яичников. В телеграмме № 2678 от 28.IV—1943 года оберштурмфюрер СС полковник Зоммер дает предписание коменданту лагеря отвести по отчету 128 женщин в графу «Заключенных для опытов». В обнаруженном «Статистическом обозрении коменданта лагеря числа и распределения заключенных женщин по различным категориям» за подписью заместителя коменданта лагеря Селла имеется постоянная графа: «Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится «подопытных женщин»: за 15.V—1944 г. — 400 чел., за 5.VI—1944 г. — 413 чел., за 19.VI—1944 г. — 348 чел., за 30.VII—1944 г. — 349 чел., и т.д.

Немецкие врачи играли руководящую роль и в так называемых селекциях, то есть в отборе заключенных на газирование и кремацию. «Селекцию» они производили всюду: около крематориев, в больницах, в бараках. Людей истощенных, больных, не пригодных для работы, немецкие врачи отправляли в газовые камеры. Отбором заключенных для умерщвления занимались следующие немецкие врачи: Виртс, Менгеле, Родэ, Фишер, Тилло, Китт, Кениг, Клейн и многие другие.

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми:

Массовое иссечение тканей шейки матки или даже полную ампутацию последней, с последующим гистологическим исследованием по вопросам диагностики рака.

Испытания ряда неизвестных контрастирующих веществ (заместителей йодина) для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.

Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области, с последующим чревосечением и изъятием яичников

для гистологического исследования. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.

Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвин, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер из Кенигсгютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.

Стерилизацию мужчин путем рентгеновского облучения мошонки, с последующим удалением одного или обоих яичек для гистологического исследования.

Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.

Ряд других опытов неизвестного содержания, например, опыт над близнецами, карликами, искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение, гематосерологические опыты с введением иногрупповой крови и другие.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов они направлялись на газацию и сожжение. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей своих бесчеловечных опытов.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заключенный Штерн Самуил Абрамович, житель гор. Бухареста, показал:

«...В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию обер-фельдфебеля Кошуб, я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хорошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень... 2-й метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80-процентный раствор уксусно-кислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование... Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков».

Подвергавшийся экспериментам Валигура М. сообщил: «...спустя несколько дней после того, как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, т.е. 1 ноября 1943 года, я был подвергнут кастрации — мне вырезали одно левое яичко, со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...»

Свидетель Сурес Давид из гор. Солоники (Греция) дал следующее показание: «...Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек,

по национальности греков, записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, где всем стерилизованным была произведена операция — кастрация...»

Бывшая заключенная Хаузер М. (Париж, Ситэ Мильтон, 9) сообщила: «...В Аушвице нас поместили в 10-й блок. Для чего нас забрали в 10-й блок — мы не знали. В этом блоке было больничное отделение, хотя все мы были совершенно здоровые женщины. В 10-м блоке у меня сначала взяли один шприц крови, для чего брали кровь — мне не известно. В конце августа 1943 года меня взяли в операционную комнату, дали наркоз и под наркозом сделали операцию в половых органах. Операцию делал заключенный врач Самуэль под руководством и по указаниям немецкого врача Вирц. После этой операции я пролежала в 10-м блоке больной 11 месяцев. Из числа подвергавшихся стерилизации была одна еврейка из Греции, по имени Бела, фамилии ее не знаю. После рентгеновских лучей ей была сделана операция: разрез вдоль живота. После операции она поправилась, и рана на животе зажила. Приехал в 10-й блок немецкий врач Шуман и в порядке контрольной проверки взял Белу в 28-й блок и там сделал вторичный разрез живота поперек, чтобы убедиться, действительно ли ей сделана стерилизация. Поперечный разрез живота у нее я сама видела. Через несколько дней после вторичной “операции” Бела умерла».

Немцы убивали в Освенцимском лагере граждан всех стран Европы

Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов, предназначенных для умерщвления людей, по 1500—3000 чел. в каждом эшелоне. Обреченные привозились из всех стран Европы. Среди освидетельствованных судебно-медицинской комиссией 2819 освобожденных узников Освенцимского лагеря имелись подданные: Польши — 745 чел., Венгрии — 542 чел., Франции — 346 чел., Чехословакии — 315 чел., СССР—180 чел., Голландии—159 чел., Югославии—143 чел., Италии — 91 чел., Греции — 76 чел., Румынии — 52 чел., Бельгии — 41 чел. и др. стран.

Из каждого прибывавшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 чел., наиболее трудоспособных для работы в лагерях, остальных направляли прямо к газовым камерам и к крематориям в лагери Аушвиц и Биркенау.

Диспетчер службы движения станции Освенцим Станек Францишек показал: «...Эшелоны прибывали с заключенными в 1942, 1943, 1944 годах из Чехословакии, Бельгии, Франции, Голландии, Норвегии, Греции, Польши и других стран».

Свидетель де Винд Эдуард показал: «...После оккупации немцами Голландии в ноябре 1940 года была произведена чистка государственного аппарата, учреждений и учебных заведений Голландии. Нас, троих ассистентов университета, выгнали. Я переехал в Амстердам. В одном из кварталов Амстердама был найден убитым фашист-голландец. В ответ на это немцы арестовали 400 заложников, в число которых попал и я. Схватили меня на улице и отвезли сюда в лагерь».

Свидетель Гордон Яков, уроженец города Вильнюс, показал: «...В лагерь Освенцим меня привезли 22 января 1943 года. Всего в нашем эшелоне было 3650 чел., из них вошли в лагерь 265 мужчин и около 80 женщин, всех остальных сейчас же отправили в крематории — газировали и сожгли, в том числе сожгли мою жену Матильду, по специальности врача, сына четырех с половиной лет, отца 73 лет и мать 64 лет».

Свидетельница Дессанти Эмили, по национальности итальянка, показала: «...12 сентября 1944 года гитлеровцы вывезли нас из Италии и привезли в лагерь Освенцим. Всего в лагерь нас, итальянцев, привезли 500 чел., из них осталось в живых только 30 чел., остальные зверски замучены и уничтожены в лагере».

Свидетель Сурес Давид показал: «...В лагерь Освенцим я прибыл с эшелонам из Греции 3 апреля 1943 года. В эшелоне было больше 2500 чел., в числе которых была моя мать, 53 лет, сестра с ребенком и я. Из 2500 чел. приблизительно 300 чел. отправили в лагерь, остальных, в том числе мою мать и сестру с пятилетним ребенком, прямо из эшелона повели в крематорий на сожжение».

Свидетель Китман Георг, из Румынии, показал: «...В июне 1944 года я и мои родители, вместе с другими в числе 3000 чел. мужчин, стариков, женщин и детей, эшелонам были привезены в лагерь Освенцим. При выгрузке всех стариков, матерей с маленькими детьми отделили от здоровых, отправили в крематорий и сожгли. Среди сожженных был мой отец 52 лет и мать 48 лет. Из 3000 чел. в лагерь направили не больше 350 чел.».

Свидетельница Шпетер Зиска показала: «...В феврале месяце 1943 года я прибыла из Франции в числе 1100 чел. Из них в тот же день было отобрано 205 трудоспособных, которые были направлены в бараки, а остальных 895 чел. — стариков, женщин и детей — отвели в газовую камеру, где они были удушены газами».

Бывшая заключенная Кеппих Анна, венгерка из города Клуж, показала: «...Я прибыла в Освенцимский лагерь в июне месяце 1944 года в числе 3000 венгерских заключенных, из них по прибытии в лагерь 500 чел. трудоспособных были оставлены в лагере для работы, а остальные 2500 чел. направлены в газовую камеру для уничтожения».

Доктор медицины Пражского университета, профессор Бертольд Эпштейн рассказал комиссии: «...Отобранных заключенных направляли в газовые камеры для умерщвления. В течение нескольких месяцев

мы видели длинные вереницы идущих на смерть в крематорий людей, особенно большие группы уничтожались в мае—июне—июле 1944 года. В это время в крематориях сжигали днем и ночью, что было видно по выступающему из труб крематориев пламени. Нередко мы чувствовали запах горелого мяса, волос или ногтей. В это время мы, кроме огня из труб крематориев, видели два больших костра, которые ночью горели огромным пламенем. Всю ночь в лагере были слышны вопли и крики, а также лай караульных собак эсэсовцев. Несчастные жертвы, которых вследствие переполнения крематориев по очереди вели к кострам на смерть, при виде костров догадывались, какая участь их ожидала...

Я знал, что и моих близких родственников постигла та же участь и что мне ее также не избежать. Примерно каждые две недели врачом лагеря доктором Менгеле производился отбор, после чего отобранные жертвы направлялись в крематорий на уничтожение. Так, в один из дней уничтожили 500 детей. При отправке этих детей разыгрались потрясающие сцены, так как уже все знали, куда их ведут. Эсэсовцы и их помощники при этом отличались особенной жестокостью...

Когда мы прибыли в Освенцим, нас с женой разлучили, я ее уже больше не видел. Впоследствии я узнал, что ее в лагере не приняли. Нет сомнения, что мою жену убили обычным способом. В марте 1944 года эсэсовцы уничтожили также мою свояченицу с двумя детьми и мою племянницу 38 лет. В июле 1944 года погибла также моя сестра».

Лагери Освенцима — конвейеры смерти

Как установлено расследованием, в Освенцимских лагерях, кроме людей, предназначенных для опытов, постоянно содержалось около 200 тыс. узников для эксплуатации на самых изнурительных каторжных работах. На этих работах люди доводились до крайнего истощения, после чего, как негодные, истреблялись. Каждую неделю немецкие врачи производили среди заключенных отбор («селекцию»), в результате которого всех больных и потерявших трудоспособность умерщвляли в газовых камерах. Вместо них общий состав заключенных постоянно пополнялся отобранными из приходящих эшелонов. Это была организованная система страшного конвейера смерти: одни умерщвлялись, другие ставились на их место, беспощадной эксплуатацией доводились до истощения и болезней и, в свою очередь, направлялись в газовые камеры.

В 1941 году немцы близ Освенцима развернули строительство крупного военного химического завода «И.Г. Фарбениндустри», а также военного завода взрывателей и запалов для бомб и снарядов. Строительство проводили фирмы «Крупп», затем «Унион» и другие. Десятки тысяч освенцимских узников разных национальностей — русские, украинцы, белорусы, поляки, французы, чехи, югославы, греки, бельгийцы, голландцы, итальянцы, изнемогая от свирепой эксплуатации, работали на этих строительствах, а также на осушке болот, в шахтах, на строительстве дорог.

От барачных концлагерей к местам работы было 7—8 километров. Эсэсовцы выстраивали людей в тысячные колонны и под вооруженной охраной, окруженных надсмотрщиками с палками и собаками, гнали на работы. В процессе работ эсэсовцы, надсмотрщики и мастера зверски избивали каждого: одного за то, что разогнул спину, другого за то, что мало земли забрал лопатой, третьего за медленную работу, четвертого боями заставляли возить тачку с породой бегом. Мастера приговаривали: «Фирма платит за тебя четыре марки, ты должен работать, как лошадь».

Тех, кто падал от изнеможения, здесь же на месте расстреливали. Места работ были одновременно местами массовых убийств заключенных. Убийства всячески поощрялись начальством. Оберштурмбаннфюрер Либегеншель издал приказ о выплате эсэсовцам 60 марок за каждого убитого заключенного «при покушении последнего на побег». В погоне за этой премией охранники безнаказанно убивали людей.

Об истреблении заключенных на строительных участках Освенцима рассказал бывший заключенный, бельгиец Штазмай Морис: «...В августе 1943 года я работал на площадке строительства завода “И.Г. Фарбениндустри”. В один из дней эсэсовцы привели на эту площадку 400 заключенных, среди которых были югославы, греки, французы и бельгийцы, завели их в выкопанный ров и начали живыми закапывать. Погибающие на разных языках просили о помощи, а рядом эсэсовцы обращались к нам: “Смотрите да лучше работайте, а то и с вами будет то же”. Спустя две недели нас перебросили подготовить площадку для одного из строений лагеря Аушвиц. Эсэсовец Лосман с группой других эсэсовцев отобрали из нас 30 чел., завели их в выкопанную яму и закопали по плечи. Затем сели на лошадей и начали скакать по площадке, задавив всех 30 человек».

Огромная площадь освенцимских болот стала могилой многих тысяч людей разных национальностей. Здесь работало свыше 300 команд — от 50 до 1200 чел. в каждой. Бесчеловечные условия труда в болотах во все времена года, избиения, убийства и насилия приводили к тому, что никто из работавших не выживал больше 2—3 месяцев. Люди умерщвлялись на самих болотах, или после потери трудоспособности их убивали инъекциями в сердце либо в газовых камерах.

60-летний инженер-мелиоратор из Венгрии Кениг Яков, работавший на болотах в качестве простого землекопа, показал: «...Я был в команде по осушке болот, в которой насчитывалось 400 чел. Надсмотрщики из числа немецких уголовников избивали людей палками и лопатами до потери сознания. В нашей команде работали мужчины и женщины всех возрастов. Много было людей интеллигентного труда — врачей, педагогов, профессоров. Из одной только Югославии простыми землекопами работали 14 инженеров».

Бывший заключенный, бельгиец Майзелье Симон сообщил: «Из нашей команды в 1200 чел. в течение 3 месяцев 1944 года ежедневно

приносили по 100 и 200 трупов замученных на работе людей, вместо которых команды пополнялись новыми жертвами».

Особенно свирепствовали немецкие палачи над советскими пленниками, которые, как правило, по прибытии в лагерь сразу же уничтожались, и только в виде исключения из них оставляли наиболее трудоспособных.

В канцелярии лагеря найден следующий приказ о советских гражданах:

«Ораниенбург, 15 ноября 1941 года.
Секретно.

Рейхсфюрер СС

Инспектор концлагерей

Полиция/Освенцим: 14 ф 14 Л/ОТ

Касается: казни русских военнопленных. Лагерным комендантам концентрационных лагерей.

Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключенных под надзором, управлениям.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал свое принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных, направленных для казни в концлагеря (особенно комиссаров), если они по своему физическому состоянию способны работать на каменоломне. Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД. Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагери физически здоровые русские, годные для работы на каменоломнях, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть нам направлен. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает против привлечения этих лиц на работы с медицинской точки зрения.

После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД пересылка соответствующих русских в каменоломню будет отсюда оформлена приказом.

Подпись: Глюкс, фюрер бригады СС и генерал-майор».

На основании этого приказа часть советских пленников оставляли для самых тяжелых изнурительных работ, при этом отношение к ним со стороны эсэсовцев и надсмотрщиков было наиболее жестоким и бесчеловечным.

Житель города Освенцим Гандзлик Мариан показал: «...Зимой 1941 года, в 35-градусные морозы, по дороге из лагеря Освенцим в село Бабице ежедневно в течение двух недель, как скот, гнали плетью и палками русских военнопленных. Многие из них были без шапок, в одних гимнастерках, в одних кальсонах, с изорванной обувью. Вечером из села Бабице направлялось несколько подвод, полные трупами этих

русских военнопленных. На каждой подводе наверху сидели по два-три их товарища, с обмороженными лицами, руками и ногами, до крайности измученные».

Гитлеровцы беспрестанно требовали от своих подчиненных новых и новых убийств. 14 февраля 1944 года начальник гарнизона Освенцим оберштурмбаннфюрер Либегеншель издал приказ, в котором говорится следующее:

«...Продолжительными личными наблюдениями я установил, что на всех рабочих местах, кроме военных заводов, работает слишком много заключенных, рабочая сила которых не используется. Они лентяйничают... Мы знаем, что для повышения производительности труда заключенных необходимо усилить надзор со стороны младшего командного состава СС, но мы также знаем, что такого состава добавочного в нашем распоряжении нет, так как он или находится на фронте, или несет службу на других важных участках. Мы сами себе поможем... Ясно, что тут следует действовать быстро, и я надеюсь, что каждый от себя сделает то, что необходимо...»

В результате этого приказа каждый вечер со всех концов Освенцимских лагерей — с заводов, из болот, из шахт — тянулись к баракам страшные процессии: окровавленные, измученные узники, окруженные эсэсовцами и надсмотрщиками с огромными сворами собак, несли на деревянных носилках трупы своих товарищей. Во время вечернего шествия заключенные становились в строй, перед ними в ряды складывались трупы замученных за день, и надсмотрщики докладывали начальникам о выполнении приказа Либегеншеля. Начальство благодарило тех из них, команды которых приносили наибольшее количество трупов. Здесь же перед строем били палками провинившихся заключенных.

К страшным условиям каторжной работы прибавлялись кошмарные условия жизни в бараках. В бараках, рассчитанных на 400—500 чел., немцы помещали по 1000—1500 заключенных. Голод, болезни, истязания, антисанитарные условия — все создавалось с определенной, продуманной целью быстрейшего истребления заключенных.

Судебно-медицинская комиссия, освидетельствовав 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцима, установила, что 2189 человек, или 91 %, больны алиментарной дистрофией (истощение) и авитаминозами и 223 человека туберкулезом легких. Экспертизой также установлено, что немцы подвергали заключенных истязаниям, в результате которых у обследованных Комиссией людей обнаружены переломы ребер, конечностей, позвонков, костей лица, различные ранения, язвы, обморожения кистей и стоп. Очень многие из освобожденных страдают тяжелыми нервно-психическими заболеваниями.

Судебно-медицинской комиссией произведено вскрытие 536 трупов заключенных, найденных в разных местах на территории лагерей. Установлено, что в 474 случаях (88,3 %) смерть последовала от истощения.

Убийцы детей

Сотни тысяч детей в возрасте от грудного ребенка до 16 лет истребили гитлеровские изверги в Освенцимском лагере. Как правило, прибывавших в эшелонах детей немцы сразу же направляли в газовые камеры и там истребляли. Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ.

Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Если среди детей попадались близнецы, над ними немецкие врачи производили мучительные «медицинские» опыты. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюс, показал: «...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорф (Германия), показала: «В 1943 году, в то время, когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Мальчик Мудианов Самий, 1930 года рождения, житель города Род (Италия): «...Нас, детей, заставляли работать по 15—20 человек — на лямках возить груженные повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы умерших к специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий. Работали мы с 4 часов утра до вечера. В конце октября 1944 года производивший проверку немец дал нам “кару” за то, что не было чисто в блоке. Нас, 150 чел., построили на улице около блока и отвели в купальню, где раздели донага, облили холодной водой, голых повели по улице в свой блок, после чего многие из детей заболели».

9-летний мальчик Леринциакош Андраш, уроженец города Клез (Венгрия), показал: «...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей переводили в лагерь “А”, в “Цыганский” лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...»

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беременности их немедленно выделяли в особый барак, где вызывали у них преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру.

Бывшая заключенная Флякс Софья Исааковна, из города Краков, показала: «...У многих женщин, прибывших в августе 1944 года в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они по прибытии в лагерь вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с семимесячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 65 таких же женщин. Через 3 дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать преждевременные роды. Такие уколы проделывали три дня. На четвертый день расширили шейку матки. На пятый день я родила ребенка, которого у меня забрали.

В бараке за мое пребывание таких случаев я видела 14. Новорожденные или преждевременно рожденные увозились неизвестно куда».

Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них: в возрасте до 8 лет — 52 чел., от 8 до 15 — 128 чел. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, т.е. находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей — алиментарной дистрофией, 31 ребенок имеет обморожения и т.д.

Уничтожение интеллигенции

В Освенцимском лагере немцы уничтожили десятки тысяч видных ученых и представителей интеллигенции разных стран.

Фудри Андрэ, уроженец города Сомот Дипуэн, рассказал комиссии следующее: «...Из 600 французов, прибывших в лагерь вместе со мной, через несколько месяцев большинство погибло. Среди них: экономист Бюро Эмиль, профессор лицея гор. Компьен Жаан, депутат департамента Лоди Гарон Филиппо, бургомистр гор. Вильвиве Лебигу, педагоги — Годо и Бру, инженер-архитектор Молине и др.».

Профессор Клермон-Ферранского университета Лимузен Анри сообщил: «...В ноябре 1944 года меня из лагеря в Дахау отправили в Освенцим, как специалиста по патологии. Здесь я пробыл приблизительно месяц в карантинном блоке, где должен был чистить уборные, полы и носить обеды тем заключенным, которые находились в тюрьме».

В Освенцимском лагере были убиты: известный голландский профессор-экономист — Фрейда, доктор Лавослав, инженер Кимар, доктор-инженер Эндоклян — из Югославии, польский инженер Висневский, магистр фармации гор. Варшавы Тайхерт, польские профессора: Гешчикевич и Рюбарский, чехословацкие профессора: невропатолог Отто Ситик, психиатр Лео Таусик, хирург Ян Левит, знаменитый адвокат из Вены Краус, генерал-врач французской армии доктор Жоб и многие, многие другие. Все они были замучены на непосильных работах или задушены в газовых камерах.

В Чрезвычайную Государственную Комиссию поступило «Обращение к международной общественности» на трех языках — немецком, венгерском и французском, — за подписями 27 бывших заключенных Освенцимского лагеря: профессоров, докторов, инженеров, адвокатов студентов и других представителей интеллигенции разных стран. Обращение начинается следующими словами: «Мы, нижеподписавшиеся, освобожденные великой Красной Армией от кровавого нацистского господства, обвиняем перед международной общественностью германское правительство под руководством Адольфа Гитлера в проведении величайших в истории человечества массовых убийств, зверств и увода в немецкое рабство...»

Кончается это Обращение следующими словами: «Мы обращаемся к международной общественности с просьбой выяснить судьбу миллионов исчезнувших людей всех национальностей и принять все меры для спасения миллионов заключенных всех народов, еще томящихся в гитлеровской Германии. Чудом спаслись мы во время отступления нацистов из лагеря Освенцима. Хотя гитлеровцы отступали в панике, они увели с собой около 58 тысяч заключенных из лагеря Освенцима и филиалов. Люди эти, истощенные от голода, должны были идти пешком, но вряд ли большинство из них могло пройти больше, чем несколько километров... Мы полагаем, что при дальнейшем продвижении фронта в глубь Германии та же судьба ожидает всех людей, еще находящихся во власти кровавых нацистов. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к международной общественности воюющих и нейтральных государств и к их правительствам и во имя гуманности просим сделать все возможное, чтобы зверства и преступления нацистов в будущем не повторялись, чтобы кровь миллионов невинных жертв не была пролита напрасно.

Мы просим, и вместе с нами просят около 10 тысяч спасенных заключенных всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными.

Спасенные бывшие заключенные обязаны своей жизнью доблестной Красной Армией и просят международную общественность и все правительства принять это к сведению и выразить благодарность от нашего имени...»

Гитлеровцы — грабители

В Освенцимском лагере гитлеровцы разоблачили себя перед всем миром не только как кровавые убийцы беззащитных людей, но и как жадные грабители своих жертв. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцима, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности, вплоть до нательного белья и обуви, забирались эсэсовцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, ко-

торая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

Мужской верхней и нижней одежды	348 820 комплектов
Женской	836 255
Женской обуви	5525 пар
Мужской обуви	38 000
Ковров	13 964 шт.

В складах также обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных зубных щеток, кисточек для бритья, очков, огромное количество зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки. Кровавые руки гитлеровских детоубийц тщательно пересчитывали эти вещи убитых ими детей и отправляли в Германию.

Осмотром вещей, обнаруженных в складах, комиссия установила, что все они принадлежали замученным и убитым людям различных национальностей. На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. На чемоданах сохранились ярлыки различных гостиниц европейских городов.

Комиссия обнаружила на территории лагеря 7 вагонов с одеждой и постельными принадлежностями, уже подготовленных немцами для отправки в Германию. Из найденной в бумагах лагеря справки за подписью обершарфюрера СС Рейхенбаха видно, что только в течение 47 дней, с 1.XII—1944 года по 15.I—1945 года, в лагере было обработано для посылки в Германию:

- 1) Детского платья и белья — 99 922 комплекта
  - 2) Женского — 192 652
  - 3) Мужского — 222 269
- Всего: 516 843 комплекта.

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 года комиссией были обнаружены 293 тюка запакованных женских волос, общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

Гитлеровские бандиты убили в Освенциме более 4 миллионов человек

Тщательно заматывая следы своих чудовищных преступлений в Освенциме, немцы перед своим отступлением старательно уничтожали все

документы, могущие показать всему миру точное количество людей, уничтоженных ими в Освенцимском лагере. Но сооруженная немцами в лагере мощная техника человекоубийства, показания освобожденных Красной Армией узников Освенцима, показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные найденные документы и другие вещественные доказательства достаточно изобличают немецких палачей в том, что в Освенциме ими уничтожены, отравлены и сожжены миллионы людей. Только по пяти крематориям (52 реторты) за время их существования немцы могли уничтожить:

Номера крематориев	Продолжительность существования крематория (в месяцах)	Пропускная способность крематория по сожжению трупов (в один месяц)	Пропускная способность за весь период существования
№ 1	24	9000	216 000
№ 2	19	90 000	1 710 000
№ 3	18	90 000	1 620 000
№ 4	17	45 000	765 000
№ 5	18	45 000	810 000
	Всего:	279 000	5 121 000

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.

К суровому ответу немецко-фашистских мерзавцев

Чудовищные преступления, совершенные немцами в концлагерях Освенцима, проводились по директивам гитлеровского правительства и под руководством палача рейхсфюрера СС и полиции Гиммлера. Непосредственными исполнителями злодеяний являлись: начальник лагерей Германии генерал-лейтенант СС и полиции Глюкс, начальник Главного Санитарного Управления концлагерей генерал СС и полиции Польш, начальник строительства концлагерей генерал-майор СС Каммлер, представитель фирмы «Топф и сыновья» старший инженер Прюфер, начальники лагерей: оберштурмфюрер Полячек, штурмбаннфюреры Гесс,

Бер и Шварц; коменданты лагерей: оберштурмбаннфюрер Либегеншель (он же начальник гарнизона), штурмбаннфюрер Краус, гауптштурмфюрер Аумеер, оберштурмфюрер Гофман, оберштурмфюрер Гесслер, оберштурмфюрер Иостен, оберштурмфюрер Шварцубер; начальники крематориев Освенцима: обершарфюрер Молль, обершарфюрер Богер, унтершарфюрер Шетер, ротенфюрер Шульц; начальник рабочих команд оберштурмфюрер Селл; начальник строительного бюро штурмбаннфюрер Бишоф; унтершарфюрер Шумахер, обершарфюрер Клерман, унтершарфюрер Лахман, обершарфюрер Эмерих, унтершарфюрер Штибиц, обершарфюрер Клаузен, обершарфюрер Хартвик, унтершарфюрер Кадук, обершарфюрер Палич, оберштурмфюрер СС Зоммер; врачи лагеря: руководитель отдела испытаний, майор-доктор Шмит, оберштурмфюрер — доктор Менгеле, унтерштурмфюрер Кениг, ротенфюрер Роде, оберштурмфюрер — доктор Фишер, оберштурмфюрер — доктор Клейн, доктор Деринг, гауптштурмфюрер — доктор Вириц, оберштурмфюрер — доктор Тилло, штурмбаннфюрер — доктор Клауберг, профессор Шуман, доктор Вабер, оберфельдфебель Эмиль Кошуб, оберштурмфюрер Эндрес, гауптштурмфюрер — доктор Геотмерман, гауптштурмфюрер — доктор Китт, гауптштурмфюрер — доктор Горстман, гауптштурмфюрер — доктор Краус.

Все они так же, как и все те немцы, которые принимали личное участие в убийстве и истязаниях узников Освенцима, должны предстать перед судом народов и понести заслуженную кару. Как записано в Декларации трех держав: «...Три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы могло совершиться правосудие».

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 53—86. Подлинник.

№ 35

Выписка из показаний переводчика 49 ГСК капитана Арро Эльмар о зверствах немцев направлена начальником 7-го Управления РККА М. Бурцевым в ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову

г. Москва, 30 мая 1945 г.

Капитан Арро Эльмар до 28 апреля 1945 г. служил в разведуправлении Генштаба немецкой армии в качестве переводчика.

Он показал:

«В 1941 году в РУ стали поступать первые сведения о зверствах, чинимых нами на Восточном фронте. Я лично скептически относился к этим сведениям, когда докладывал об этом начальнику РУ полковнику Кинцель. Я всегда говорил о зверствах, якобы совершенных нашими войсками. Однажды полковник Кинцель с некоторой иронией спросил

меня, почему это я вставляю слово “якобы”, в то время как речь идет о зверствах, действительно совершенных.

Я и майор Куминг, работавший также переводчиком, поехали в город Владимир-Волынский в офицерский лагерь военнопленных, где мы пробыли 5–6 дней. Мы убедились в том, что сведения о зверствах верны. Мы узнавали о кошмарных преступлениях, совершавшихся в этом лагере. В нем царил дикий произвол. Массовые расстрелы были обычным явлением. Оказалось, что комиссар города Владимир-Волынский Вестерхейде хотя и является гражданским лицом, но пользуется неограниченным доступом в лагерь и лично расстреливает многих русских военнопленных. Этот же Вестерхейде ввел практику приема по расовым признакам.

Всех прибывающих военнопленных раздевали догола, осматривали и тех, кого осматривающие объявляли евреями, немедленно расстреливали.

На второй день моего пребывания в лагере во время допроса я слышал в соседней комнате спор двух немецких офицеров, определявших национальность прибывших.

В дни нашего пребывания во Владимир-Волынском состоялось открытие офицерского собрания гарнизона. В числе приглашенных был и Вестерхейде. Этот комиссар оказался 20-летним сопляком, но, как представитель национал-социалистской партии, он за столом произнес небольшую речь, которую я хорошо запомнил, так как после этой речи мне стыдно, что в моих жилах течет немецкая кровь.

Обращаясь к офицерам, Вестерхейде говорил: “Вы не мужчины. На Востоке нужны мужчины, а не мямли. Давайте мысленно взглянем на карту Европы. В середине — мы (немцы) — это люди, слева от вас — негроиды (французы), — они подлежат уничтожению, справа от вас монголоиды (русские). Они также подлежат уничтожению.

Вы мне будете говорить про Шиллера и Гёте, а я с... на них хотел. Если бы они сто лет тому назад вместо того, чтобы писать свои глупые стихи, поняли, что нужно уничтожить, мы бы теперь стояли на Урале. Я сюда поставлен фюрером, чтобы уничтожить. Эту задачу я выполняю. В первые же дни своего приезда сюда я велел привести к себе 250 штук женщин из числа этих недочеловеков и испробовал на них свой пистолет. Заверяю вас, господа офицеры, что после того, как я их расстрелял, ужин показался мне особенно вкусным”.

После этого выступления мне пришлось вывести из зала одного молоденького капитана, который весь трясся, плакал и хотел броситься на Вестерхейде. Я посоветовал ему не связываться с сумасшедшим.

По возвращении из Владимир-Волынского я и Куминг составили основательное описание всех зверств и представили его начальнику РУ полковнику Кинцель. Нас предупредили, что если окажется, что мы “сгустили краски”, то с нас строго взыщут. Наш доклад после неболь-

шой переделки направили начальнику Генштаба генерал-полковнику Гальдеру. Как мы потом узнали от своего начальства, Гальдер был на приеме у Гитлера и просил у последнего дать распоряжение о прекращении расстрела военнопленных по соображениям гуманности. Гитлер закричал на него: “Не смей в моем присутствии произносить слово “гуманность”!”»

Верно:

Подполковник К. Селезнев.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 94—95. Заверенная копия.

№ 36

Информация заместителя начальника VII Управления ГлавПУ РККА М. Бурцева Г.М. Димитрову о подпольной деятельности «Военно-политического центра»¹²⁴ в Бухенвальде

г. Москва

12 июня 1945 г.

О подпольной деятельности «Военно-политического центра» в концентрационном лагере Бухенвальде (по донесению Нач. ПУ 1-го Украинского фронта)

Освобожденная из немецко-фашистского концлагеря Бухенвальде группа советских офицеров нарисовала следующую картину условий жизни и борьбы узников фашизма в этом лагере смерти:

Бухенвальде — небольшой населенный пункт в Тюрингии.

Концентрационный лагерь в Бухенвальде — один из старейших лагерей фашистской Германии, организованный гитлеровцами в первые дни прихода к власти. В последнее время в этом лагере находилось около 60 тыс. заключенных, главным образом, военнопленных офицеров армий всех стран Европы. В лагере были и гражданские лица, начиная от политических деятелей, включая и немецких коммунистов, которые томились в неволе по 10—15 лет, кончая уголовными преступниками.

Весь лагерь состоял из большого количества «блоков», вмещавших в себя от 400 до 700 заключенных каждый. Различные национальности имели свои «блоки». Самый большой «блок» был для русских, и находился он в самых жутких условиях.

Всю борьбу с фашистским режимом в Бухенвальдском концлагере возглавлял интернациональный Военно-политический центр, который состоял из представителей всех основных национальностей.

Военно-политический центр существовал как глубоко конспиративный руководящий политический орган. Он состоял из советской, французской, чешской, югославской, польской и немецкой секций.

¹²⁴ В дальнейшем по тексту документа Военно-политический центр пишется без кавычек.

Никаких элементов демократизма в военно-политическом центре не было. Руководство не выбиралось, а подбиралось и назначалось.

Руководящую роль в работе военно-политического центра в Бухенвальдском лагере играла советская секция, состоявшая из военнопленных, и немецкая секция, которая состояла, в основном, из старых коммунистов, соратников вождя коммунистической партии Германии — Тельмана, находившихся по 10—12 лет в заключении.

Поскольку внутреннее управление в лагере было, главным образом, в руках заключенных, немцы занимали в нем почти все административные посты, что давало большие возможности (через немецкую секцию) в проведении мероприятий военно-политического центра.

Военно-политический центр состоял из 5 человек. Во главе комитета был ленинградец-коммунист Николай, под кличкой «Толстый» (в прошлом работник НКВД), который, по заявлениям бывших военнопленных офицеров, находившихся в Бухенвальдском лагере, майора Кравцева и военного инженера 1 ранга Янвиста, по неизвестным для них причинам после освобождения лагеря американскими войсками был оставлен у американцев с большой группой освобожденных из лагеря советских военнопленных. Фамилии остальных членов Военно-политического центра не были известны этим офицерам по причинам конспирации.

Из беседы с бывшими военнопленными офицерами, принимавшими активное участие в работе Военно-политического центра, военным инженером 1 ранга Янвист, майором Кравцевым, капитаном Волковым, капитаном Чеснык (последний заявил, что он — Герой Советского Союза), полковником Сушковым и многими другими офицерами, которые сейчас находятся в 49 пересыльном пункте, установлено, что Военно-политический центр Бухенвальдского концлагеря ставил перед собой следующие задачи:

- 1) Мобилизация среди заключенных всех лучших сил на борьбу с тиранией эсэсовцев;
- 2) Политическое воспитание заключенных, направленное на борьбу против фашизма;
- 3) Создание в лагере боевой организации для вооруженного восстания;
- 4) Выявление и истребление враждебных элементов и провокаторов;
- 5) Выявление и спасение от голодной смерти и физического истребления лучшей части заключенных — смелых борцов с фашизмом.

В своей работе Военно-политический центр опирался на идейно устойчивых коммунистов всех национальностей, которые находились в лагере. Коммунисты выявлялись среди вновь прибывших партий заключенных, главным образом, по внешнему признаку. Если человек, рискуя жизнью, принес с собой в лагерь свой партийный билет и пытается во что бы то ни стало сохранять его, то это уже и было первой чертой

стойкости этого человека, и он после длительного изучения вовлекался в работу Военно-политического центра.

Военный инженер 1 ранга Янвист рассказал:

«Прежде чем попасть в лагерь, человек должен пройти баню, не столько с целью санобработки, сколько с целью очищения его от документов и оружия. Снятая одежда тщательно просматривалась и проходила дезкамеру. Я пришел в лагерь со своим партийным билетом и хотел во что бы то ни стало сохранить его. Во время прохождения бани я взял свой партийный билет и орден в руку и хотел пронести его. Однако у двери меня остановил немец, схватил за руку и отнял у меня партийный билет и орден. В этот момент к немцу подскочил парикмахер, вырвал у него мой партийный билет и орден и скрылся. Уходя, он сказал мне: “Не беспокойся, все будет в порядке”. На следующий день этот же парикмахер разыскал меня и возвратил партийный билет и орден, которые я сохранил до настоящего момента. Было много случаев, когда во время обысков и проверок мне помогали товарищи прятать партийный документ и орден.

Позже через посредство парикмахера со мной беседовал несколько раз Николай “Толстый”, вовлекший меня в работу Военно-политического центра в качестве политрука роты в советском блоке».

Майор Кравцев также сохранил свой партийный билет, который был выкраден друзьями из помещения лагерной комендатуры и возвращен ему.

Капитан Некрасов и майор Солнцев также сохранили свои ордена.

Таким образом, изучение и наблюдение за людьми, вовлекаемыми в работу Военно-политического центра, начиналось с первых дней пребывания их в лагере. Со всеми, кто вовлекался в работу Военно-политического центра, лично беседовал Николай «Толстый», а затем сам и через других членов военно-политического центра давал поручения, вовлекал в работу. Майор Голубев, попавший на работу на кухню, рассказал, как ему было поручено прислушиваться к разговорам офицеров и обо всем подслушанном систематически докладывать Николаю.

В работу военно-политического центра вовлекались даже и немцы, не находившиеся в заключении. Так, например, работе военно-политического центра содействовали главный врач лагеря, начальник лазарета и другие.

Почти все старшины блоков (в основном, немцы) также в большинстве случаев были подобраны немецкой секцией Военно-политического центра. Помощники старшин, переводчики и уборщицы в блоках были из той национальности, которая населяла блок. Военно-политический центр стремился поставить на эти должности своих проверенных людей и убрать негодяев и провокаторов.

Лагерная полиция, которая носила наименование «Лагершутц» и следила за внутренним порядком, также назначалась из заключенных.

Военно-политический центр и здесь всячески пытался насадить своих людей.

Военно-политический центр уделял исключительно большое внимание вопросам политического воспитания заключенных, воспитания в них мужества и стойкости, веры в нашу победу над фашизмом и ненависти к фашизму.

Для проведения этой работы все блоки были разбиты на роты и были назначены подпольные команды и политуки рот.

Военный инженер 1 ранга Янвист рассказал:

«Я был назначен политруком роты в блоке, где находились пленные советские офицеры. Время от времени ночью, когда в лагере тушился свет и люди ложились спать, я в темноте проводил политинформацию. Я рассказывал людям сводку Совинформбюро, которую мне передавал наш руководитель из Военно-политического центра (фамилии его не знаю), а он слушал сводку по подпольному радиоприемнику. Кроме того, я рассказывал о событиях в лагере за день. Здесь мы использовали то, что видели, а видели мы очень многое. В феврале этого года в лагере от голода и болезней ежедневно умирало свыше 300 человек. Во время вечерних и утренних проверок эсэсовцы заставляли выносить в строй даже больных и умерших, чтобы убедиться в наличии людей. Мы видели ежедневно, как эсэсовцы избивали сотни измученных людей, как день и ночь на глазах убивали и вешали, как день и ночь горели крематории, и запах горелого человеческого тела разносился по лагерю.

Однажды немцы на наших глазах увели в крематорий большую группу неблагонадежных, а нас выстроили и заставили смотреть, как от сжигания их полыхало пламя из труб крематория. На этих фактах мы воспитывали ненависть к фашистским людоедам и призывали к стойкости.

Иногда с новой группой военнопленных в лагерь попадал обрывок нашей советской газеты. Тогда эта газета тайно прочитывалась во всех блоках, где находились советские люди.

Для дополнительной информации, особенно о внутреннем положении Германии, использовались общения отдельных заключенных с гражданским населением, живущим вблизи лагеря, во время выходов на работу за проволоку.

Большой авторитет имел еженедельный информационный бюллетень Военно-политического центра, писавшийся от руки.

Силами заключенных по указанию военно-политического центра готовилась и проводилась самодеятельность с острым политическим содержанием, направленным против нацистов. Эти концерты проводились также ночью и скрытно от эсэсовцев».

Военно-политический центр работал над созданием в лагере боевой организации для подготовки вооруженного восстания. Военным руководителем был лейтенант Симаков Николай Семенович (домашний

адрес: гор. Новосибирск, улица Максима Горького, д. № 1, служба пути), который в последнее время вместе с офицером Баклановым Степаном Михайловичем (Курская область, Старо-Оскольский район, с. Каплино) сбежал из лагеря и организовал партизанское движение против немцев в Чехословакии.

Структура боевой организации представляла из себя следующую схему: в лагере этой работой руководил военно-политический центр, который в каждом жилом блоке назначал командный состав — командира и политрука роты. Последние, в свою очередь, с ведома Военно-политического центра подбирали и назначали командиров взводов, а затем совместно с командирами взводов подбирали состав рот вплоть до отдельного бойца.

Рота состояла преимущественно из военнопленных бойцов и офицеров как Красной Армии, так и армий других государств. Количество бойцов роты зависело от наличия боеспособных единиц.

Особая трудность состояла в вооружении личного состава и в изучении оружия немецкого образца. Несмотря на исключительные трудности, все же эти вопросы разрешались. Оружие и боеприпасы приобретались при помощи тех людей, которые работали на оружейном заводе, расположенном рядом с лагерем. Они каждый раз приносили в лагерь отдельные части оружия, затем собирали их. Так, например, в блоке, где находились советские военнопленные, было таким способом приобретено 300 винтовок, несколько десятков пистолетов, штыков, кинжалов, гранат, большое количество патронов и около 30 килограммов тола. Все это оружие и боеприпасы хранились в тайниках.

Один пистолет «Маузер», пистолет «Парабеллиум» и казенная часть винтовки (ствол и ложа были отрезаны) ходили из роты в роту, где по ночам тщательно изучались.

На случай восстания все члены роты знали свои обязанности. Так, например, группе летчиков во главе с майором Кравцевым было поручено захватить немецкий, аэродром. Летчику-капитану Чесныку было поручено на первом захваченном самолете пролететь через линию фронта и связаться с командованием Красной Армии.

Военно-политический центр организовал побег из лагеря с целью установления связи и проведения диверсий. Так, например, в последнее время был организован побег двух летчиков — Волкова и Жукова.

Вся эта работа была сопряжена с исключительным риском. Администрация лагеря и особенно эсэсовцы, чувствуя приближение своей гибели, усилили шпионаж и провокационную работу в лагере. Засылка шпионов производилась, главным образом, из лиц, осужденных к смертной казни. В лагере усиленно проводилась вербовка в РОА.

Среди заключенных в лагере находились морально неустойчивые и отъявленные предатели, которые шли в РОА. Когда в эту бандитскую шайку шел офицер, он должен был обязательно предать кого-нибудь

из своих товарищей, публично и в печати выступить против своей социалистической Родины. С такими отщепенцами и иудами вел борьбу весь лагерь. Был случай, когда бывший Герой Советского Союза, майор Китаев, находившийся в лагере, поддался на провокацию и выдал гитлеровцам командира авиационной дивизии полковника Юсупова и еще нескольких старших офицеров. Он выступил перед заключенными в лагере с призывом следовать его примеру. Однако вместо одобрения он услышал из толпы сотни голосов: «Сволочь ты, изменник, иуда», — и т.д. Один полковник (фамилия которого не установлена) здесь же на собрании в лагере выступил с ответной речью, в которой позором заклеил поступок Китаева и призвал заключенных держаться. Эсэсовцы пытались схватить его, но он был скрыт заключенными.

Военно-политический центр проводил большую работу по выявлению и истреблению шпионов и провокаторов в лагере.

В результате проводимой воспитательной работы в лагере чувствовалась большая спайка и взаимная выручка. Так, например, за несколько дней до прихода американских войск администрация лагеря хотела истребить 44 старых немецких коммуниста — соратников Тельмана, которые уже продолжительное время находились в заключении. Военно-политическим центром были приняты меры по спасению немецких товарищей. Все они были скрыты в лагере заключенными.

Перед приходом американцев эсэсовцы пытались эвакуировать весь лагерь. Они приказали всему лагерю выходит строиться, однако по указанию военно-политического центра никто не вышел на построение. Только путем применения оружия эсэсовцам удалось эвакуировать на юг около 20 тысяч заключенных, а все остальные остались в лагере до прихода американцев. В момент эвакуации лагеря были вскрыты тайники с оружием и оружие было роздано боевым единицам, когда происходило вскрытие тайников, главный врач лагеря стоял у входа и наблюдал, чтобы никто на эсэсовцев не зашел в это помещение.

Гитлеровцы пытались посеять рознь между заключенными различных национальностей, однако благодаря работе Военно-политического центра все усилия оставались безрезультатными.

Советские военнопленные, отрывая от своего голодного пайка нищенскую порцию хлеба, под страхом смерти забрасывали этот хлеб в карцеры, где на голодном пайке находились заключенные французы, англичане, норвежцы или югославы. Последние, выходя из карцера, рассказывали об этом своим товарищам, а те в ответ на это забрасывали в блоки, где находились русские, даже целые посылки, которые они получали от Красного Креста. Особенно дружественно относились к русским норвежцы и французы.

В лагере находилось много видных людей. Среди них была жена советского авиаконструктора Петрова. Всех этих людей подкармливали своим крохотным пайком заключенные всех национальностей.

Через своих людей, которые работали в лазарете, военно-политический центр спас большое количество людей от голодной смерти и истощения. Бывший военнопленный майор Кравцев заявил в беседе:

«Я был страшно истощен. Меня гитлеровцы обязательно сожгли бы живо в крематории, если бы не военно-политический центр, так как я тогда уже не мог работать. Военно-политический центр через своих людей устроил меня в лазарет, где я находился целый месяц. Там меня подкармливали, и я ожил».

Вышеизложенное сообщая в целях информации.

Зам. Начальника УП Управления ГлавПУРККА

М. Бурцев.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 96—103. Подлинник.

№ 37

Докладная записка секретаря партбюро нелегальной парторганизации ВКП(б) В.В. Смирнова-Доронина о ее деятельности в концлагере Берген (Норвегия) в Комиссию по делам репатриации советских граждан

г. Осло, Норвегия

11июля 1945 г.

Доношу, что обстановка, сложившаяся в офицерском лагере Берген за два-три дня до окончания войны, потребовала создания большевистского ядра для принятия необходимых решений на случай:

а) Внутреннего вооруженного столкновения между немцами и норвежцами.

б) Уничтожения офицерского состава Красной Армии, находящегося в этом лагере.

в) И для разоблачения лжи, распространявшейся фашистской пропагандой в течение военных лет и ранее о советском народе и о советском государстве.

Партийное бюро в составе: т.т. Доронина, Коротя и Никифорова решило выдвинуть старшим лагеря подполковника тов. Новобранец, на которого было возложено руководство-командование лагерем сразу же после капитуляции немецких вооруженных сил в Норвегии.

Под руководством партийной организации лагерь освобожденных советских офицеров немедленно был организован в полк. Партийные силы были расставлены с таким расчетом, чтобы обеспечить полностью указания генерала тов. Драгун, полученные по радио, и наладить правильные взаимоотношения с местными организациями и властями в Норвегии.

Борьба за порядок, организованность освобожденных граждан, за дисциплину были первоочередными задачами партийной организации,

которая в короткие сроки добилась образцового выполнения этих задач. Офицерский полк стал примером порядка и дисциплинированности. Партийная организация с начала своей работы ориентировалась правильно, в результате чего из полка был выделен ряд лучших товарищей для организации работы в разбросанных лагерях Норвегии.

Условия, которые представились нам в Норвегии, после капитуляции немецких вооруженных сил в Норвегии были очень благоприятными и, можно сказать, неповторимыми, поэтому парторганизация не пропускала ни одной возможности в этой работе.

Через членов партийной организации повседневно велась в лагере разъяснительная работа о том, что и как надо рассказывать норвежскому народу о Советском Союзе. Совместное празднование Дня независимости Норвегии 17-го июня 1945 года, многочисленные концерты самодеятельности в городе и в лагере, организация увеселительных мероприятий для норвежской молодежи, производство и раздача игрушек норвежским детям, беседы о нашем государстве, о его социальных мероприятиях и его политике, личный контакт с норвежским народом, с членами компартии — все это вскоре привело к тому, что бывшие советские пленные завоевали себе, можно без преувеличений сказать, величайшую симпатию подавляющего большинства норвежского населения.

Бывшие советские военнопленные принимались повсюду с любовью и искренними чувствами, как представители героической Красной Армии и советского народа.

19-го мая 1945 года с прибытием в Осло советского представителя партийная организация и командование полка установили с ними связь и немедленно включились в подготовительную работу по репатриации советских граждан из Норвегии, для практической помощи и работы было выделено более 200 офицеров.

В основном, партийные силы оставались на месте и по мере надобности посылались в помощь, организации и руководства с отъезжающими группами офицеров в различные области Норвегии по лагерям. В настоящее время партийные силы расставлены:

Штаб уполномоченного СНК СССР г. Осло: т.т. — Доронин, Коротя, Барышев, Демин, Шуралев, Кривицкий.

В зоне г. Осло транзитный лагерь эттерштабт; основной транзит: т.т. Андреев, Шувалов, Водолазский.

Лагерь Эскейм — т.т. Морозов, Марченко, Лавриненко.

Лагерь Трандум — тов. Орел, командир полка, убыл на Родину.

Лагерь ТАИ г. Тонсберг — т.т. Лужков — зам. командира полка по массовой работе, Горбун — командир батальона, Величко — командир роты, Кравченко — по массовой работе.

Лагерь Хородбюргд — т. Бобрикович — командир батальона, убыл на Родину.

Лагерь Генифосс — т. Бодриенко — командир полка, убыл на Родину.

Лагерь Мюссен — т. Тищенко — командир полка, убыл на Родину.

Зона Трансо — т.т. Бендюрин, Карпухин.

Зона Транхейм — т. Ковалевский — начальник зоны, убыл на Родину.

Лагерь Верган г. Тонсберг — т. Лысенко — командир офицерского полка, т. Книжник — начальник штаба полка, т. Макеев — помощник командира полка по снабжению.

Тов. Никифоров убыл с подполковником т. Коптевым на север в конце июня месяца с.г., до этого работал по заданию подполковника тов. Коптева в штабе руководства уполномоченного г. Осло.

Секретарь нелегальной парторганизации ВКП(б)

*Смирнов-Доронин,
п/б № 1704913.*

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 105—109. Заверенная копия.

№ 38

Информация-письмо секретаря подпольной организации ВКП(б) В.В. Смирнова-Доронина и члена бюро организации Коротя представителю уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан генерал-майору Ратову о ее работе с приложением поименного состава парторганизации

г. Осло, Норвегия

24 августа 1945 г.

Среди советских военнопленных, попавших в немецкий плен в первые годы войны, имелось немало офицеров.

Представляя собою, главным образом, кадровый состав и наиболее обученную и зрелую часть резерва, т.е. людей, закаленных идейно-политически и оставшихся верными Советскому государству, пленные советские офицеры, сведенные немцами в отдельные лагеря и команды, явились наиболее опасным и беспокойным элементом в тылу фашистской Германии.

Подавляющая часть пленных офицеров не пошла на удочку фашистской пропаганда и в трудных условиях безудержного террора тем или иным способом работала против немцев, проводя акты саботажа, вредительства, побеги, антифашистскую пропаганду и т.д.

К концу 1943 года гестапо, изучавшее лагерь советских военнопленных офицеров, увидело себя вынужденным изолировать наиболее непримиримую часть пленных и поставить их в особо трудные условия. Так, в частности, укомплектовалось в Баварии два офицерских транспорта: 1000 чел. и 500 чел., которые были направлены в Норвегию на тяжелые строительные работы на островах побережья. (Впредь речь будет идти об одном транспорте-лагере в 1000 чел.)

Указанный лагерь состоял из рабочих офицерских команд:

а) Штрафного лагеря в гор. Вайдан; б) самолетостроительного завода «Мессершмит» в гор. Регензбург; в) насосного завода Амаг-Хильцерт в гор. Нюрнберге; г) команды грузчиков в гор. Вюрцбурге и других мелких групп. Каждая из этих команд пользовалась репутацией штрафной, большевистской и, следовательно, опасной команды.

Наиболее сильной из всех штрафных команд оказалась команда грузчиков из Вюрцбурга, состоявшая почти сплошь из старшего комсостава Красной Армии. Здесь в январе 1943 года организационно оформилась нелегальная партгруппа, насчитывавшая первоначально 8 человек.

Понимая, что в условиях фашистского плена, т.е. в условиях жестокого террора, разнузданной антисоветской пропаганды, деятельности агентов предательского власовского «движения», нельзя оставить пленных советских людей на произвол вражеского влияния, парторганизация поставила перед собой задачу пропагандировать советские идеи, вселять уверенность в победу Советского Союза и обреченность фашистской Германии, всеми возможными средствами вредить на производстве, распропагандировать окружающих немецких рабочих и конвой.

Попав в новые условия Норвегии (с сентября 1943 года), парторганизация продолжала свою работу в том же направлении, добавив к тому установление связи с распространителями из среды норвежцев нелегальной печати. Одновременно велась работа по выискиванию в среде офицеров наиболее преданных партии Ленина—Сталина людей.

Самая верная часть таких офицеров была принята в партгруппу, а через остальных, близких к группе людей распространялось влияние на главную массу военнопленных.

За несколько дней до окончания войны парторганизация приняла решение на случай:

а) вооруженного столкновения между немцами и норвежцами;

б) попытки немцев уничтожить личный состав лагеря военнопленных;

в) получения свободы и проведения широкой разъяснительной работы среди норвежского населения по разоблачению лжи о Советском Союзе.

Благодаря полной капитуляции германских вооруженных сил в Норвегии вопрос с офицерским лагерем разрешился благополучно.

После окончания войны партгруппа, соответственно расставив своих людей и обеспечив таким образом свое влияние, провела всю работу по организации на базе лагеря офицерского полка в духе указаний по радио [и] генерала Драгун, так что к моменту приезда в Осло Советской гражданской миссии полк был полностью готов для выполнения любой задачи. В районе расположения офицерского полка (гор. Тонсберг) была развернута очень широкая пропагандистская работа среди местного населения по разъяснению внутренней и внешней политики партии

и Советского правительства. Членами партгруппы были обеспечены все зоны по репатриации, а также штаб военной миссии, где товарищи под руководством аккредитованных советских офицеров провели всю работу по репатриации советских граждан.

К концу мая 1945 года партгруппа насчитывала 32 человека, из коих 12 чел. находились на протяжении всего плена на нелегальном положении: 6 партработников, 4 работника УГБ, один прокурор, один еврей. Пять человек выбыли из парторганизации: двое бежали, двое переведены в другие лагеря, один взят гестапо в концентрационный лагерь.

Судьба этих товарищей не известна.

Работой парторганизации руководило на протяжении всего плена бюро, состоящее из трех человек: тов. Смирнов В.В. (кличка Доронин) – секретарь, тов. Коротя В.А. и тов. Никифоров А. А.

Материалы, раскрывающие подробно содержание работы партгруппы, и партхарактеристики на каждого члена группы имеются и могут быть предъявлены по требованию.

Секретарь партийной нелегальной организации ВКП(б)... подпись
Член Бюро парторганизации (Коротя)

СПИСОК членов партийной нелегальной организации ВКП(б)

№ пп.	Фамилия, имя и отчество	Военное звание	Последнее место службы и домашний адрес
1.	Смирнов Виктор Венедиктович (Доронин) Василий Сергеевич	Военюрист 2 р. Майор Пом. Н-5	Прокурор 99 ксд. г. Краснодар, Октябрьская, д. № 149.
2.	Коротя Василий Афанасьевич	Майор	Нач. заград. отряда НКВД 57-й армии.
3.	Никифоров Алексей Алексеевич	Капитан	Штаб 6-й действ. армии. Москва, Проезд Девичьего поля, д. 2, кв. 202.
4.	Андреев Иван Елизарович	Интен. 2 р.	Нач. 5 отд. 99 ксд. Москва, ул. Горького, д. 11, кв. 21.
5.	Агапов Григорий Васильевич	Майор	Работник штаба 57-й арм.
6.	Никитин Василий Родионович	Майор	Дивинтен. 99 КСД.

7.	Кондрашов Александр Васильевич	Военветврач 2 р.	Ветврач кавполка.
8.	Валяев Константин Иванович	Капитан	Адреса нет.
9.	Хаханов Иосиф Иосифович	Подполков.	К-р артполка РК. Крымской 51-й армии.
10.	Марченко Пахом Михайлович	Интенд. 2 р.	Нач. артснаб. 14 гв. сд.
11.	Орел Феодосий Филиппович	Бат. комиссар (интен. 2 ран.)	Комиссар артполка 14 гвард. стр. дивизии. Пом. ком. полка по м/о.
12.	Шувалов Павел Михайлович	Майор	Пом. ком. полка 116 ГАП РК по техни.
13.	Морозов Константин Николаевич	Ст. политрук./ст. лейтенант	Комиссар 20 ОЗАД. Зам. Ком. ОЗАД.
14.	Кривицкий Семен Аркадьевич	Военный инженер 3 ранга/ Старший лейтенант	129 ОСБ.141сд. зап. фронт. нач. вое. тех. снаб.
15.	Горбун Григорий Дмитриевич	Майор	Командир ОРБ 61 сд.
16.	Барышев Владимир Галактионович	Лейтен.	Нач. 5 отд. 92 ПО. 1-го уч-ка
17.	Бендюрин Михаил Захарович	Майор	Разведотд. Штаба 6 арм.
18.	Глухов Алексей Васильевич (Лужков)	Бат. комиссар Майор	Комиссар штаба 62 кд. Кисловодск, Жилибова, 38. Дивинтен. 62 кд.
19.	Лукачев Василий Петрович (Кравченко)	Ст. л-т Госбезоп. Майор	Начальник ОО 270 сд. Пом. ком. полка по м/о. Москва, 55 Достоевский пер., д. 10, кв. 12.
20.	Водолазский Яков Степанович	Бат. комиссар (Майор)	Комиссар артполка Адрес нет.
21.	Тищенко Яков Кузмич	Майор	Ком. артполка. Адреса нет. №п/61035431
22.	Книжник Петр Васильевич	Майор	Нач. штаба арт. див. 270сд.
23.	Лысенко Федор Николаевич	Подполковник	Нач. артил. Див. 270 сд.

24.	Макеев Илья Андрьянович	Майор	Комис. Интенд. адреса нет.
25.	Бодриенко Георгий Кириллович	Майор	Командир сп. адреса нет.
26.	Бобрикович Григорий Иванович	Лейтенант	Коман. роты 125 сд.
27.	Демин Иван Фролович	Подполковник	Разведотдел 6 армии. Рязанская обл. Рыбковский р-н с. Ходыкино.
28.	Карпухин Василий Семенович	Майор	Ком-р полка войск НКВД /ком-р сп./
29.	Щуралев Василий Николаевич	Капитан	Пом. ком. полка по м/о 24 КП7 36 КД.
30.	Лавриненко Степан Семенович	Ст. политрук. / лейтен.	Комиссар дивиз. 26 ап. 63 ксд нач. штаба див.
31.	Величко Николай Никитович	Политрук. мл. лейтен.	Политрук. батар. артполка 108сд. командир взвода
32.	Ковалевский Иван Ефимович	Майор	нач. штаба артдивиз. 41сд.

Примечания: 1. В списке у некоторых товарищей указаны двойная фамилия, военное звание, должность и часть. Первая фамилия является настоящей фамилией, вторая фамилия – нет.

Вторую фамилию нужно было иметь в плену для скрытия настоящего положения.

2. Не указаны адреса отдельных товарищей потому, что они не знают, где находятся их семьи, а довоенные адреса не являются реальными.

Секретарь партбюро нелегальной парторганизации

Смирнов—Доронин

Осло. Норвегия.

10 июля 1945 г. г.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 323. Л. 110—114. Заверенная копия.

№ 39

Из отчета о работе ЧГК, направленного Н.М. Шверником Г.М. Маленкову и одновременно И.В. Сталину

г. Москва

30 декабря 1945 г.

...Главкомандующий генерал-фельдмаршал фон Рейхенау в одобренном Гитлером приказе от 10 октября 1941 года «О поведении войск на Востоке» указал германским офицерам и солдатам:

«Основной целью похода против большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру...

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью...

В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан применять в отношении их решительные и жесткие меры. Эти мероприятия распространяются также и на мужское население с целью предотвращения возможных с их стороны покушений...

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнить двоякую задачу:

Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооруженной силы.

Беспощадное искоренение вражеской хитрости и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России.

Только таким путем мы можем выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности».

Преднамеренное истребление советских людей было программой германского правительства.

«Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, — говорил Гитлер, — мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, украинцев, белорусов. Нет никаких причин не сделать этого».

Фашистский палач рейхсфюрер СС Гиммлер в августе 1942 года в нацистском журнале «Дейче Арбайт» заявлял: «Нашей задачей является не германизировать Восток в прежнем смысле этого слова, т.е. привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы Восток населяли только люди действительно немецкой, германской крови».

В период оккупации части территории Советского Союза немецкие власти организовали огромную сеть концентрационных лагерей, гестаповских застенков, гетто и подобных им учреждений, в которых проводили массовое истребление мирных советских граждан и военнопленных.

Преступные действия немецких войск и оккупационных властей неопровержимо доказаны собранными Чрезвычайной Государственной Комиссией 54 784 актами о злодеяниях, совершенных ими над советскими гражданами¹²⁵. Акты о злодеяниях подтверждены многочисленными показаниями свидетелей, спасенных Красной Армией узников немецких концлагерей, а также показаниями немецких военнопленных.

---

¹²⁵ Подчеркивания по тексту, как в документе.

Генералы, офицеры и солдаты германской армии и немецкие оккупационные власти с чудовищной жестокостью истребляли мирное население и советских военнопленных — расстреливали, вешали, отравляли, закапывали живыми в землю, сжигали, топили в морях и реках, морили голодом, преднамеренно заражали инфекционными болезнями, заставляли советских людей выполнять изнурительные каторжные работы, выгоняли их на разминирование дорог, лесов и полей, подвергали истязаниям и пыткам. На основании следственного материала Чрезвычайной Государственной Комиссии установлено и взято на учет более 11 000 немецко-фашистских преступников — вдохновителей, организаторов и непосредственных исполнителей массовых убийств, истязаний советских людей и разрушения народного хозяйства Советского Союза.

Зверства гитлеровцев в районах РСФСР, подвергавшихся оккупации

На территории РСФСР, подвергавшейся оккупации, немецкие захватчики сожгли и разрушили 27 тысяч сел и деревень. Жителей многих населенных пунктов они зверски расстреляли или сожгли в домах.

2 февраля 1942 года немцы расстреляли всех мужчин деревни Н. Ладомиры Демянского района Ленинградской области, а деревню сожгли. При отступлении из деревни «Веселая горка», Чудовского района гитлеровцы согнали из окрестных деревень около 400 мужчин, женщин, детей и стариков. Всех их загнали в один большой дом, закрыли его, обложили соломой и подожгли. Люди сгорели.

В Смоленской области около деревни Холмец Сычевского района немецкой воинской части понадобилось разминировать участок дороги. По распоряжению командира 102 пехотной дивизии генерал-майора Физлер гитлеровцы погнали по заминированной дороге жителей деревни Холмец. Все люди погибли на взорвавшихся минах. В марте 1943 года при отступлении из деревни Грачево Гжатского района помощник начальника немецкой полевой жандармерии лейтенант Вос приказал согнать в дом колхозницы Чистяковой 200 жителей из деревень Грачево, Злобино, Остахово, Мишино, заколотил двери и затем поджег дом. Все жители сгорели, среди них были старики, женщины и дети.

Гитлеровцы проводили массовое умерщвление больных людей, находившихся на излечении в больницах. В селе Сапогово Курской области под руководством старшего врача немецкого гарнизона гор. Курска Керн они отравили 70-процентным раствором хлор-гидрата тысячу больных. 26 июля 1942 года при участии немецкого врача Ширмана немцы расстреляли всех больных Орловской психиатрической больницы в Кишкинке. 23 августа 1942 года они уничтожили 320 душевнобольных в краевой Краснодарской больнице.

Для истребления людей гитлеровские людоеды изобрели специальную автомашину — «душегубку». При помощи «душегубок» в Красно-

даре немцы уничтожили 6700 мужчин, женщин, детей. В Ставрополе при гестапо для обслуживания «душегубок» существовала специальная команда в 25 человек во главе с обер-лейтенантом Кацендорф и его помощником обер-лейтенантом Венцель. Позднее эту команду возглавляли начальник СД-12 обер-лейтенант Клейнберг и его помощник офицер гестапо Кнер. Эта команда умертвила в «душегубках» тысячи советских граждан. «Душегубки» применялись и в Харькове, и в Киеве, и в Гомеле, и в Минске, и во многих других городах.

В оккупированной части Сталинграда гитлеровцы хватали советских людей на улицах, волокли в комендатуру и там подвергали их бесчеловечным пыткам, а потом расстреливали. После изгнания оккупантов из Сталинграда в яме около здания, в котором размещалась немецкая комендатура, было обнаружено 323 трупа женщин, 69 трупов стариков, 84 трупа мужчин и 50 трупов детей. Все трупы обезображены и носили следы пыток. У 139 женщин руки были заломлены назад и связаны проволокой, причем у некоторых вырезаны груди, обрезаны уши, обрублены пальцы, руки и ноги. На трупах мужчин обнаружены выжженные каленым железом или вырезанные ножом пятиконечные звезды; у некоторых распороты животы.

Возглавлял Сталинградскую военную комендатуру генерал-майор Лёнинг Пауль, его ближайшими помощниками были — Шпайтель, лейтенант Вильгельми, обер-инспектор Гельмут Ешке, лейтенант Фохт Генрих.

В Крыму немцы расстреляли, сожгли, утопили в море 86 943 советских гражданина. В Севастополе и в других крымских портах они грузили людей на баржи, вывозили в море и топили.

После освобождения Красной Армией гор. Керчи в январе 1942 года в Багеровском рву на протяжении 1 километра в длину были обнаружены 7000 трупов женщин, детей и стариков, убитых немцами. Возле рва валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, бутылки с сосками, ботинки, галоши.

Чрезвычайной Государственной Комиссией на основании произведенного ею расследования установлено, что на территории РСФСР, подвергавшейся оккупации, немцами истреблено 596 тысяч советских граждан.

Злодеяния фашистов на Украине

Заняв город Киев, гитлеровцы с целью терроризировать население ввели систему арестов и расстрела заложников. В городе расклеивались на украинском, русском и немецком языках объявления военных властей о таких расстрелах. Вот одно из них:

«**Объявление.** В гор.Киеве злонамеренно попорчены средства связи (телефон, телеграф, кабель). Так как вредителей нельзя было долгие терпеть, то в городе было расстреляно 400 мужчин, что должно послужить предостережением для населения...

Киев, 29.IX—1941г

Эбергарт, генерал-майор и комендант города».

В Бабьем Яру в Киеве немцы расстреляли свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей, стариков. В Дарнице (близ Киева) они расстреляли свыше 68 тысяч мирных советских граждан и военнопленных.

В Харькове в ноябре 1941 года немцы арестовали в качестве заложников 1250 стариков, подростков, женщин с грудными детьми. Арестованных подвергли пыткам и истязаниям и 250 человек из них повесили на балконах домов и на деревьях.

В Ровно и в Ровенской области гитлеровцы убили и замучили 175 тысяч человек.

В Днепропетровске по распоряжению начальника полиции безопасности и СД майора Вильгельма фон Мульде, полевого коменданта, полковника фон Альберти и городского коменданта майора фон Гедеман 13–14 октября 1941 года на территории лесопитомника против Транспортного института были расстреляны или сброшены живыми в глубокий овраг 11 тысяч мирных советских граждан.

В гор. Осипенко Запорожской области 11 сентября 1943 года гебитс-комиссар Белете объявил по радио: «По случаю перенесения фронта приказываю эвакуировать Бердянскую область. Кто 13 сентября будет найден в пределах области, будет осужден по немецкому военному закону — к смерти». В эти дни в самом городе и на его окраинах было расстреляно или сожжено немцами не менее 4 тысяч человек.

В гор. Львове в огромном Яновском концлагере немцы убили и замучили свыше 200 тысяч советских людей. В этом лагере гитлеровские бандиты гауптштурмфюрер СС Гебауэр, оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз, гауптштурмфюрер СС Франц Варцок изобрели самые изощренные методы истребления людей. Они замораживали людей в бочках с водой, лично расстреливали, вешали, распарывали заключенным животы. Все это поощрялось германским правительством и верховным командованием, считалось «делом доблести».

С 7 сентября 1941 года по 6 июня 1943 года немцы расстреляли во Львове в специально созданном ими для евреев гетто 133 тысячи человек.

Перед своим отступлением немцы всюду пытались уничтожить следы своих кровавых злодеяний. Они выкапывали трупы и сжигали их на гигантских кострах и в специальных кремационных печах, заравнивали площадь, засаживали ее деревьями и кустарниками.

Всего на территории Советской Украины гитлеровские бандиты замучили, расстреляли, повесили, сожгли 3 178 084 мирных советских гражданина.

Зверства немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии

В Белорусской ССР немцы создали для уничтожения людей целую систему концентрационных лагерей, в которых замучили и расстреляли сотни тысяч советских граждан.

Только в Минске и Минской области они истребили 268 324 мирных жителя. Для уничтожения трупов убитых и замученных советских людей гитлеровцы осенью 1943 года построили недалеко от Минска специальную кремационную печь в урочище Шашковка, в полукилометре от лагеря М. Тростинец. В этой печи они перед своим отступлением ежедневно сжигали тысячи трупов убитых ими советских граждан.

За период оккупации гор. Томеля гитлеровцы расстреляли, сожгли живыми, повесили, замучили в тюрьмах и отравили газом в «душегубках» 30 тысяч мирных граждан.

В Гродненской области фашисты истребили 111 203 мирных советских жителя. 8 мая 1942 года в гор. Лида Гродненской области гитлеровцы расстреляли 5670 жителей. Обреченных заставляли раздеваться догола, загоняли в ямы по 100 человек и расстреливали из пулеметов. В местечке Вороново 11 марта 1942 года немцы расстреляли в один день 1300 человек, многих из них закопали в землю еще живыми.

В Бресте немцы под руководством комиссара Бурат, шефа жандармерии и полиции майора Роде с июля 1941 года по июль 1944 года расстреляли, повесили и замучили свыше 40 тысяч мирных граждан. Убивали людей по подозрению в связи с партизанами, за сочувствие советской власти, за отказ от работы на оккупантов, за малейшее сопротивление немецким грабителям и просто без всякой причины. Всего в Брестской области немецко-фашистские захватчики замучили и расстреляли 159 526 человек мирных советских граждан.

В Полесской области у переднего края обороны близ деревни Озаричи немцы перед наступлением Красной Армии организовали в лесу под открытым небом три лагеря смерти, куда загоняли все окрестное население, свозили из всех больниц сыпнотифозных больных и пытались путем заражения тифом создать грандиозный рассадник заразы с целью распространить ее среди частей наступающей Красной Армии и населения прифронтовой полосы.

1360 тыс. мужчин, женщин, детей и стариков в Советской Белоруссии погибли от рук фашистских палачей, от чудовищных пыток, истязаний и массовых расстрелов.

Злодеяния фашистских захватчиков в Прибалтийских советских республиках

Отступая под ударами Красной Армии из центральных областей РСФСР, из Белоруссии и Украины, немецко-фашистские захватчики сжигали города и села, угоняли с собой в Литовскую, Латвийскую и Эстонскую советские республики сотни тысяч советских граждан, заключали их там в специально созданные концентрационные лагеря и беспощадно уничтожали.

В Литовской ССР фашисты расстреляли и замучили 436 535 мирных советских граждан. В местечке Панеряй расстрелы производились почти ежедневно с осени 1941 года по июль 1944 г. Здесь было расстреляно и за-

мучено свыше 100 тысяч человек. В форте 13 в Каунасе, именовавшемся фортом смерти, только за два дня в декабре 1941 года было расстреляно 22 тысячи мирных граждан.

В Латвийской ССР гитлеровцы расстреляли и замучили 313 798 мирных советских людей. На территории Саласпилского концентрационного лагеря на старом гарнизонном кладбище были обнаружены 9 огромных ям-могил общей площадью в 3043 квадратных метра, в которых были закопаны 56 тысяч трупов расстрелянных и замученных советских граждан. В Бикернекском, Дрейлинском и Румбульском лесах близ гор. Риги фашисты расстреляли 97 500 мирных граждан. Перед отступлением они выкапывали трупы и жгли их днем и ночью на огромных кострах. В Даугавпилсе (Двинске) на территории «Золотой Горки» фашистские палачи расстреляли 40 тысяч советских людей.

19 сентября 1944 года в лагере Клога в Эстонской ССР немцы в один день расстреляли 2 тысячи заключенных мирных советских граждан и трупы их сожгли на специальных кострах. Всего в Эстонской ССР немецкие захватчики истребили свыше 61 307 мирных граждан.

Фашистские звери — убийцы советских детей

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила факты чудовищных истязаний и убийств гитлеровцами сотен тысяч советских детей, фашистские убийцы уничтожали советских детей не только вместе со взрослыми, но и отдельно, убивали в детских домах и санаториях, закалывали штыками, закапывали детей живыми в могилы, травили ядами, производили над ними мучительные медицинские эксперименты, выкачивали из детей кровь для нужд немецких госпиталей, сажали в тюрьмы и концентрационные лагеря, расстреливали, морили голодом, намеренно заражали инфекционными болезнями.

В своих донесениях и отчетах о действиях 3 батальона 15 немецкого полицейского полка командиры рот капитан Каспер, обер-лейтенант Мюллер, капитан Пельс, лейтенант Кауппт докладывали, что с 6 сентября по 24 ноября 1942 года в районах Бреста, Пинска, Кобрина, Дывина, Малориты и Березы-Картусской их отрядами, помимо взрослых жителей, расстреляно около 400 детей.

Комендант Яновского лагеря в гор. Львове обергруппенфюрер Вильгауз ради спорта и для забавы жены и дочери ставлял подбрасывать в воздух маленьких детей и расстреливал их. В этом Яновском лагере только за 2 месяца немцы убили 8 тысяч детей.

В Львовском детском доме гитлеровские бандиты уничтожили 120 детей. Свидетельница Венигер Р. показала — сначала детей морили голодом, а затем, когда местные жители начали пытаться подкармливать их, немцы всех детей расстреляли.

24 марта 1943 года гестаповцы выгнали женщин из Львовского гетто на работу и в их отсутствии вывезли 350 детей в предместье Лычаков и

там их расстреляли. В октябре 1942 года по приказу начальника гестапо СС 44-10 города Ейска Краснодарского края обер-лейтенанта Бедедекер, коменданта Кандлер и врача Штраух гестаповцы отравили в «душегубках» окисью углерода 214 детей Ейского детского дома, эвакуированных сюда из Симферополя.

23 сентября 1942 года в 7 часов вечера во двор Домачевского детского дома близ Бреста прибыла пятитонная автомашина с 6 вооруженными немцами в военной форме. В машину было посажено 55 детей и воспитательница Грохольская Пелагея. Из посаженных в автомашину детей Шахметова Тося 9 лет прыгнула на землю и убежала, все остальные 54 ребенка были вывезены по направлению станции Дубица и деревни Леплевка; на расстоянии 800 метров от реки Западный Буг машина остановилась, фашистские убийцы раздели детей и всех расстреляли.

В марте 1944 года части Красной Армии в Полесских «лагерях смерти», организованных немцами на переднем крае своей обороны, спасли от неминуемой гибели 15 960 советских детей до 13-летнего возраста.

На территории Латвийской ССР немецкие захватчики истребили около 40 тысяч советских детей, пригнанных сюда вместе с родителями из Белорусской ССР, Смоленской, Калининской, Великолукской и других областей РСФСР. Дети так же, как и взрослые, по приказу начальника «Остланд» обергруппенфюрера Йекельна заключались в концентрационные лагеря. В Саласпилском лагере, расположенном в 17 километрах от Риги, коменданты лагеря Микельс и Краузе и их помощники Хеппер, Бергер и Текмайер организовали чудовищное истребление детей. Под руководством немецкого врача Майзнера в лагере над советскими детьми производились различные медицинские эксперименты, после которых дети умирали.

Расследованием установлено, что с конца 1942 года по 1944 год из 12 тысяч детей, находившихся в Саласпилском лагере, немцы убили 7 тысяч.

В центральной и «срочной» тюрьмах в Риге немцы истребили 3500 детей. В городах Даугавпилсе и Резекне — 3200 детей, тысячи еврейских детей, содержащихся в рижском гетто, немцы истребили в Румбульском и Дрейлинском лесах. Более 16 тысяч еврейских детей убили при массовых расстрелах в других населенных пунктах Латвийской ССР.

Сотни тысяч советских детей немецкие палачи замучили, отравили и сожгли в «лагерях смерти» в Освенциме, Майданеке, Трешлинке.

Пытки, истязания и истребление советских военнопленных

Нарушая международные законы и обычаи войны, гитлеровское правительство и верховное командование германской армии еще до вероломного нападения на Советский Союз разработали специальные указания об истреблении солдат и офицеров Красной Армии.

Пользуясь временным военным успехом и продвигаясь в глубь нашей страны, немецкие военные власти по приказанию германского правительства создавали на оккупированной ими территории многочисленную сеть концентрационных лагерей. Лагери для советских военнопленных были созданы в Вязьме, Смоленске, Минске, Гомеле, Славуте, Харькове, Львове, Полтаве, в хуторах Сталинградской области, Каунасе, Саласпилсе, в Клоге и в других городах, селах и населенных пунктах Советского Союза.

Немецкими военными властями в концентрационных лагерях был установлен зверский режим, рассчитанный на поголовное истребление советских военнопленных. пытки, истязания, виселицы, расстрелы, голод, сознательное заражение сыпным тифом, «душегубки» и газовые камеры, все было направлено к одной цели — уничтожению людей.

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что методы массового истребления советских военнопленных в секретных немецких документах всячески зашифровывались всевозможными условными терминами: «эзекуция», «фильтрация», «очистительные мероприятия», «ликвидация», «особые меры», «особый режим» и т.д.

Для выполнения преступных планов уничтожения советских военнопленных немецкие власти создавали в концентрационных лагерях «оперативные команды» и «зондеркоманды».

В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 начальника полиции безопасности и СД («секретно, государственной важности, экземпляр № 14, Берлин, 29 октября 1941 г.»), подписанном заместителем Гимmlера Гейдрихом, указывался порядок формирования «зондеркоманд»:

«Формирование зондеркоманд полицией безопасности и СД производится по договоренности между начальником полиции безопасности СД и верховным командованием вооруженных сил от 7.X—1941 г.».

Всевозможные «эзекуции» над советскими военнопленными немцы стремились проводить тайно от населения и от самих военнопленных, в районах, специально отведенных для этой цели. В порядке так называемой фильтрации военнопленных гитлеровцы в первую очередь уничтожали офицеров Красной Армии.

В приложении № 1 к оперативному приказу № 14 Гейдриха от 29 октября 1941 года говорилось:

«Особое значение восточного похода требует беспощадных и энергичных мероприятий при малейших признаках сопротивления, в особенности против большевистских пропагандистов, агентов, политруков и т.д.

Поэтому части особого назначения должны по возможности незаметно выявлять все элементы среди военнопленных, являющиеся активной силой большевизма.

Особые мероприятия необходимо проводить без бюрократических и управленческих влияний с полной ответственностью выполняемого долга...

Экзекуции должны производиться незаметно в находящихся в отдалении местностях, а не в лагере и не вблизи лагеря. Необходимо позаботиться о немедленном и согласно правилам захоронении трупов...»

На основании этих директив массовое и систематическое уничтожение советских военнопленных гитлеровцы проводили во всех концентрационных лагерях.

В 5-ти километрах от гор. Минска, у железной дороги близ деревни Глинище, были обнаружены 197 ям-могил, в которых были зарыты 80 тысяч трупов советских военнопленных, замученных и расстрелянных немцами в лагере «Масюковщина», который назывался «Шталаг № 352».

В Смоленске в лагере для военнопленных № 126 от голода, болезней, каторжного труда, массовых расстрелов погибло около 60 тысяч советских военнопленных и мирных советских граждан.

Осенью 1941 года по дороге в Смоленск на Рославльском и Киевском шоссе немецко-фашистские убийцы во время следования колонны военнопленных зверски расстреляли из автоматов свыше 5 тысяч человек.

В Сталинградской области немецкие оккупационные власти создали целый ряд концентрационных лагерей для советских военнопленных. В них они содержали также и гражданское население. В лагере на хуторе Вертячем Городищенского района Сталинградской области частями Красной Армии были обнаружены трупы бойцов и офицеров. Трупы были изуродованы. У многих замученных распороты животы, выколоты глаза, отрезаны носы и уши. Расследованием установлено, что военнопленных морили в лагере голодом, обрекая на голодную смерть. За 3,5 месяца существования этого лагеря в нем погибло от голода, истязаний, болезней и расстрелов свыше 1500 бойцов и офицеров Красной Армии.

В Раковском лагере близ гор. Проскурава Каменец-Подольской области фашистские палачи убили и замучили 40 тысяч военнопленных. В Дунаевецком и Старо-Константиновском лагерях той же области они убили 5 тысяч военнопленных.

В июле 1941 года немецкое военное командование создало в центре гор. Львова, на территории крепости, именуемой «Цитадель», концентрационный лагерь для военнопленных. Под угрозой расстрела немцы заставляли заключенных работать с утра до ночи. За время существования этого лагеря от голода, болезней, истязаний и расстрелов в нем погибло свыше 140 тысяч советских военнопленных.

В гор. Славута Каменец-Подольской области немецкие палачи истребили 150 тысяч больных и раненых красноармейцев.

В Латвийской ССР, в гор. Даугавпилсе (Двинск) существовал немецкий лагерь для советских военнопленных — «Шталаг № 340», который среди узников лагеря и жителей города был известен под именем «лагеря смерти». В нем за 3 года его существования гитлеровцы во

главе с комендантами Хуго Маер, Нисин, Зимсон и другими замучили и расстреляли свыше 124 тысяч советских военнопленных.

В «Шталаге № 350» в Риге фашистские захватчики уничтожили 130 тысяч советских военнопленных, а во всех лагерях Латвийской ССР ими было истреблено 327 тысяч человек.

В Литовской ССР в лагерях «336» (гор. Каунас), «138» (гор. Алитус), а также в гор. Науиои Вильня немцы расстреляли и замучили 165 тысяч советских военнопленных.

О насильственном угоне советских людей в немецкое рабство

Еще до начала войны против СССР германское правительство разработало чудовищную систему рабского труда советских людей на строительстве военных сооружений, на заводах и фабриках и в сельском хозяйстве у помещиков и кулаков Германии.

Немецкое правительство предусмотрело широкое использование дармовой рабочей силы советских людей во всех областях народного хозяйства Германии. С этой целью им были разработаны специальные директивы («Зеленая папка»), изданные в Берлине в июне 1941 года.

Секретной инструкцией Восточно-экономического штаба группы «труда»: № 985 010/42, Берлин, 26 января 1942 года, начальник КУ доктор Рахнер инструктировал хозяйственные инспекции и управления группы «труда»:

«Рейхсмаршал в своем предписании еще раз подчеркивает большое значение для Германии использования русских. Уже в распоряжении от 4.12.1941 — № 42 006/41 было приказано, чтобы, учитывая неотложность, считать это основной работой. Надежды, которые рейхсмаршал возлагает на управления по использованию рабочей силы, должны во что бы то ни стало оправдаться. Задачей хозяйственных организаций и управлений по использованию рабочей силы на Востоке является заполнение в ближайшие месяцы бреши в хозяйстве, возникшей благодаря уходу в армию людей младшего призывного возраста, посредством поголовной вербовки русской рабочей силы. Это является решающим для войны и поэтому должно быть достигнуто! Если число добровольцев не оправдает ожидания, то, согласно приказанию, во время вербовки следует применять самые строгие меры».

В Германии были организованы специальные невольничьи рынки, на которых распродавались советские люди немецким капиталистам, помещикам и кулакам.

«Вербовка» и угон советских граждан на немецкую каторгу проводились через так называемые биржи труда и сопровождалась применением террора, облав, истязаний, морального надругательства над человеческим достоинством.

Начальник «Военно-экономической инспекции Центрального фронта» генерал-лейтенант Вейганг в октябре 1941 г. требовал от ок-

купационных властей ускорения насильственной отправки советских граждан в Германию:

«Только отправка в Германию нескольких миллионов отборных русских рабочих за счет неисчерпаемых резервов работоспособных, здоровых, крепких людей в оккупированных восточных областях... сможет разрешить неотложную проблему выравнивания неслыханной потребности в рабочей силе и покрыть тем самым катастрофический недостаток рабочих рук в Европе».

Выполняя это указание, немецкие оккупационные власти врывались в дома советских граждан, под страхом жестокой расправы требовали от них «согласия» на отправку в Германию, проводили специальные облавы, ловили советских людей на улицах, загоняли в вагоны и отправляли в Германию. За отказ подписать «трудовое обязательство» о «добровольной» поездке советских граждан арестовывали и держали в тюрьмах до тех пор, пока не добивались от них подписания таких обязательств.

В пути следования в Германию немцы советских людей морили голодом, заставляли ехать в тесно набитых товарных вагонах, которые не открывались ни на одной станции, или же изнуряли людей большими переходами. Тех, кто отставал в пути, немцы расстреливали.

Из Псковской области немецкие оккупанты угнали в Германию 150 тысяч мирных граждан. Населению было приказано покинуть дома и быть готовым к отправке в течение 10 минут; с собой разрешалось взять только то, что успеешь.

В Житомире немецкие власти пытались «добровольно» завербовать советских людей на работу в Германию. Они выпустили специальные листовки, плакаты и воззвания, но это не привело к желаемым результатам. Тогда в 1942 году они объявили мобилизацию мужчин, женщин и детей на принудительные работы, проводили в городах и селах облавы, задерживали людей и отправляли в Германию. В результате принудительного угона населения в немецкое рабство при освобождении Новгорода от фашистских оккупантов в нем осталось только 30 жителей, а в Новгородском районе из 80 тысяч граждан после освобождения района от немецко-фашистских захватчиков было зарегистрировано только 900 человек...

...На основании заявлений советских граждан, возвратившихся из немецкой неволи, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила фамилии, имена и адреса немцев, подвергавших советских граждан жестокой эксплуатации, истязаниям, моральному надругательству, продаже на невольничьих рынках.

Советские граждане просят разыскать немецких преступников и предать их суду, а также взыскать с них убытки, понесенные гражданами, получившими увечья или по другим причинам потерявшими

трудоспособность и потерпевшими ущерб в связи с насильственным угоном и эксплуатацией в Германии.

Председатель Чрезвычайной Государственной Комиссии

Н. Шверник

Члены Чрезвычайной Государственной Комиссии:

академик Н. Бурденко

академик Б. Веденеев

В. Гризодубова

Николай, Митрополит Крутицкий

академик Т. Лысенко

академик Е. Тарле

академик И. Трайнин

Л. Соловьев

Ответственный Секретарь

Чрезвычайной Государственной Комиссии

П. Богоявленский.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 329. Л. 12—30, 78. Подлинник.

№ 40

Из проекта текста речи Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко, направленного Прокурором СССР К.П. Горшениным в ЦК ВКП(б) А.А. Жданову

г. Москва

4 января 1946 г.

...Согласно прямым указанием Гаагской и Женевской конвенции, согласно Вашингтонской конференции, уголовная ответственность за нарушение законов и обычаев войны является не только возможной, но и обязательной. Таким образом, пункт «б» ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала, предусматривающий военные преступления, уточнил и обобщил принципы и нормы, содержащиеся в ранее заключенных международных конвенциях. Нацистские преступники, подсудимые знали, что циничное глумление над законами и обычаями войны является тягчайшим преступлением, знали, но надеялись, что тотальная война, обеспечив победу, принесет безнаказанность. Победа не пришла по стопам злодеяний. Пришла полная безоговорочная капитуляция Германии. Пришел час сурового ответа за все совершенные злодеяния.

Я от имени Советского Союза, понесшего величайшие в жертвы в результате нацистских злодеяний, и мои уважаемые коллеги — главные обвинители от США, Англии и Франции, — мы не обвиняем подсудимых в том, что они сами, своими руками¹²⁶ совершали все казни и насилия,

¹²⁶ Здесь и далее выделено и подчеркнуто в тексте проекта документа.

мы не обвиняем Геринга, Риббентропа и других в том, что они сами в качестве шоферов правили автомобилями-душегубками: мы их обвиняем в преступлениях гораздо более значительных и тяжких. Мы обвиняем их в том, что — они по преступному сговору правили всей германской гражданской и военной машиной, превратив государственный аппарат Германии в аппарат по подготовке и проведению преступной агрессии, в аппарат по истреблению миллионов невинных граждан.

Когда несколько преступников договариваются совершить убийство, каждый из них выступает в своей роли: один разрабатывает план убийства, другой ждет в машине, а третий непосредственно стреляет в жертву, но, каковы бы ни были роли соучастников, все они — убийцы и любой суд любой страны отвергнет попытки утверждать, что двое первых не убийцы, так как они сами в жертву не стреляли.

Чем сложнее и опаснее задуманное преступление, тем сложнее и тоньше нити, связывающие отдельных соучастников. Когда банда разбойников совершает налеты, то несут ответственность за эти налеты и те члены банды, которые в налетах участия не принимали. Когда же банда достигает исключительных масштабов, когда банда оказывается в центре государственного аппарата, когда банда совершает многочисленные и тягчайшие международные преступления, то, конечно, связи и взаимоотношения участников банды осложняются в величайшей мере. Здесь начинает действовать очень разветвленный аппарат, слагающийся из целой системы звеньев и блоков (блоклейтеров, целленлейтеров, гаулейтеров, рейхслетеров и др.), тянущихся от министерских кресел к рукам палачей.

Это — аппарат плотный и мощный, но все же бессильный скрыть основной и решающий факт: в центре всей системы — банда заговорщиков, приводящих в движение весь этот ими созданный механизм.

Когда цветущие области превращались в зоны пустыни и кровью казненных насквозь пропитывалась земля, то *это было дело их рук*, их организации, их подстрекательства, их руководства. И от того, что в эти злодеяния были вовлечены массы немцев, что, прежде чем натравливать своры собак и палачей на миллионы невинных, подсудимые годами отравляли совесть и разум немецкого поколения, воспитывая в немцах чванство «избранных», мораль людоедов и алчность грабителей, стала ли вина нацистских заговорщиков слабее или меньше?

Выражая волю народов, Устав Международного Военного Трибунала решил этот вопрос: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из преступлений против мира, против законов и обычаев войны, или против человечности, — несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в осуществление такого плана» (ст. 6 устава).

Подсудимые Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Реддер, Розенберг, Кальтенбруннер, Франк, Фрик, Фриче и другие подсудимые обвиняются

в организации заговора, поставившего своей целью распространение фашистского режима на все страны Европы и утверждение в этих странах господства германского империализма. Разработкой плана установления в Европе господства германского империализма гитлеровские заговорщики были заняты в течение ряда лет, с первых дней захвата ими государственной власти в Германии...

Документы, захваченные Красной Армией в штабах разгромленных немецко-фашистских войск, изобличают подсудимых в совершенных ими злодеяниях.

Я хочу, во-первых, остановить Ваше внимание, господа судьи, на документе, фотостат которого, соответственно заверенный, приобщен к делу. Этот документ известен под названием «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («зеленая папка»). Автором этих директив является Геринг. Этот секретный документ датирован — «Берлин, июнь 1941 года». Я приведу из этого документа только несколько цитат. Первая цитата: «Согласно приказам фюрера (Гитлера), необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании. Наряду с этим германской промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей... Первой задачей является наиболее быстрое осуществление полного продовольственного снабжения германских войск за счет оккупированных областей».

Вторая цитата: «Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Восстановление порядка должно проводиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти. А в остальных... экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов».

Третья цитата: «Все нужные нам сырьевые товары, полуфабрикаты и готовую продукцию следует изымать из торговли путем приказов, ревизий и конфискаций. Немедленный сбор и вывоз в Германию платины, магния и каучука. Выявленные в прифронтовой полосе и тыловых областях продукты питания, а также средства бытового и личного потребления и одежды поступают в первую очередь в распоряжение военно-хозяйственных отделов для удовлетворения потребности войск... Не принятое ими передается последующей военно-экономической инстанции».

«Зеленая папка» Геринга представляет собой документ, исключительный по своему цинизму. Это — заранее разработанная гитлеровцами программа организованного ограбления Советского Союза и поголовного ограбления мирного населения захваченных гитлеровцами районов.

Но это вместе с тем и план практических мероприятий по ограблению СССР. В этом плане предусматривается организация рабовладельческого труда в наших городах и селах, отмена заработной платы на предприятиях, бесконтрольный выпуск ничем не обеспеченных денежных знаков и т.д. Для осуществления этого плана «Зеленая папка» Геринга предусматривала организацию специального аппарата, представлявшего собой как бы отдельный род оружия германской армии с собственным «хозяйственным командованием», «экономическими штабами», со своей «разведкой», «инспекциями», «воинскими частями», «отрядами по сбору средств производства», «отрядами по сбору сырья», «военными агрономами», «сельскохозяйственными офицерами» и т.д.

Этот план был подготовлен еще до вторжения гитлеровских разбойников на территорию Советского Союза. Этот план потерпел, правда, неудачу в своих расчетах на легкую добычу в Советском Союзе, так как мужество Красной Армии, беспредельный патриотизм и преданность своей родине советских граждан — рабочих, крестьян, интеллигенции — сорвали осуществление этого грабительского плана немецких империалистических разбойников.

Я обращаюсь к другому документу. 7 ноября 1941 года в Берлине состоялось секретное совещание, на котором Геринг дал своим чиновникам указания об использовании советских людей на принудительных работах. Эти указания нам стали известны из документа, являющегося секретным циркуляром № 42 006/41 хозяйственного штаба германского командования на Востоке от 4 декабря 1941 года. Вот что гласили эти указания:

«1. Русские рабочие доказали свою способность при построении грандиозной русской индустрии. Теперь их следует использовать для Германии... это является делом соответствующих властей тайной полиции.

2. Следует использовать русских людей, главным образом, для дорожного строительства, строительства железных дорог и уборочных работ, разминирования и устройства аэродромов. Следует расформировать немецкие строительные батальоны (например, военно-воздушного флота). Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности; они не должны копать землю и разбирать камни, для этого существует русский.

3. Русского необходимо использовать в первую очередь на следующих участках работы: горное дело, дорожное строительство, военная промышленность (танки, орудия, аппаратура для самолетов), сельское хозяйство, строительство, крупные мастерские (сапожные мастерские, специальные команды для срочных непредвиденных работ).

4. При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда».

Главным уполномоченным по использованию рабочей силы приказом Гитлера от 21 марта 1942 года был назначен подсудимый Фриц Заукель. 20 апреля 1942 года Заукель разослал в строго секретном порядке правительственным и военным органам свою «Программу главного уполномоченного по использованию рабочей силы», которая по своей подлости не уступает указанному выше циркуляру. Вот что говорится в этой «Программе»: «Крайне необходимо полностью использовать в оккупированных советских областях имеющиеся людские резервы. Если не удастся добровольно привлечь нужную рабочую силу, то необходимо немедленно приступить к мобилизации или к принудительному подписанию индивидуальных обязательств. Наряду с уже имеющимися военнопленными, находящимися в оккупированных областях, главным образом, необходима мобилизация гражданских квалифицированных рабочих и работниц из советских областей в возрасте старше 15 лет для использования их на работе в Германии.

Для того чтобы заметно разгрузить от работы крайне занятую немецкую крестьянку, фюрер поручил мне доставить в Германию из восточных областей 400–500 тысяч отборных, здоровых и крепких девушек».

Обвинением предоставлен Трибуналу еще один секретный документ относительно использования работниц из восточных областей в домашнем хозяйстве Германии. Этот документ представляет собой выдержки из протокола заседания у Заукеля, состоявшегося 3 сентября 1942 года. Приведу некоторые из этих выдержек:

1. Фюрер распорядился о немедленном привлечении 400–500 тысяч украинских женщин в возрасте от 15 до 35 лет для использования их в домашнем хозяйстве.

2. Фюрер в категорической форме выразил желание онемечить возможно большее число этих девушек.

3. По воле фюрера через 100 лет в Европе должно жить 250 миллионов человек, говорящих по-немецки.

4. Рассматривать этих работниц из Украины как работниц Востока и делать на них метку «Восток-ост».

5. Гаулейтер Заукель добавил, что независимо от привлечения работниц в домашнем хозяйстве предусмотрено использование дополнительно миллиона рабочих рук с Востока.

6. Ссылка на трудные условия доставки хлебных запасов из других стран его, Заукеля, совершенно не трогала. Он нашел бы пути и средства для использования украинского хлеба и скота, мобилизуя всех украинских евреев, установив из них живую цепь для передачи ящиков из Украины.

Предвидя неизбежность провала мероприятий по насильственной вербовке советских людей на работу в Германию, Заукель в секретной инструкции от 31 марта 1942 года за № ФА 578 028/729 приказывал: «“Вербовка”, за которую вы отвечаете, должна формироваться всеми

доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительного труда». Заукель и его агенты применяли все возможные средства давления и террора, чтобы выполнить вербовочные планы. Обреченных на эту «вербовку» советских людей морили голодом, заставляли на вокзалы под предлогом раздачи хлеба, оцепляли солдатами, под угрозой расстрела грузили в эшелоны и отправляли в Германию. Но и эти насильственные меры не помогали. «Вербовка» не удавалась. Тогда Заукель и его агенты прибегли к разверстке. Об этом свидетельствует приказ германского коменданта, захваченный нашими войсками при освобождении оккупированной части Ленинградской области, следующего содержания:

«Волостным бургомистрам!.. Так как до сих пор на работу в Германию явилось очень малое количество людей, то каждый волостной бургомистр должен совместно со старостами деревень поставить еще по 15 и больше человек с каждой волости для работы в Германии. Поставить людей поздоровее и в возрасте от 15 до 50 лет».

Начальник политической службы полиции безопасности в Харькове в своем докладе о положении в городе Харькове с 23 июля по 9 сентября 1942 года доносил: «Вербовка рабочей силы доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию. Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки (притворяются больными, бегут в леса, подкупают чиновников и т.д.). О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи».

В отношении советских граждан, угнанных в немецкое рабство, был установлен самый зверский режим, о чем свидетельствует громадное количество жалоб и заявлений, собранных Чрезвычайной Государственной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Как установлено документально, из Советского Союза в немецкое рабство было угнано несколько миллионов советских граждан; сотни тысяч были угнаны в немецкое рабство из Польши, Чехословакии и Югославии.

Угон в рабство представлял собой грубое нарушение законов и обычаев войны (Гагская конвенция 1907 г.), общих принципов уголовного права всех цивилизованных стран и уголовного права тех стран, в которых совершались эти преступления.

Гитлеровские изуверы не ограничивались, однако, указанными выше злодеяниями — угоном в рабство и всяческими истязаниями советских граждан. Из обнаруженных документов видно, что гитлеровское правительство и верховное командование германской армии заранее, еще до нападения на Советский Союз тщательно разработали чудовищный план массового физического уничтожения советских людей.

Чрезвычайной Государственной Комиссией опубликовано большое количество документов о немецко-фашистских чудовишных преступлениях в Харькове, Краснодаре, Ставрополе, Орле, Сталино, Минске, Киеве, Николаеве, Смоленске и в целом ряде других советских городов. Содержащиеся в этих документах данные явились результатом специальных расследований, произведенных членами Чрезвычайной Государственной Комиссии путем выезда на места и личного опроса многих сотен свидетелей и потерпевших, среди которых были и люди, вырвавшиеся из гитлеровских концлагерей и застенков и оставшиеся в живых...

Чрезвычайной Комиссией Советского Союза было установлено, что на фронте, у переднего края своей обороны гитлеровцы систематически создавали специальные концлагеря, в которых находились десятки тысяч людей — детей, нетрудоспособных женщин и стариков. Подступы к этим лагерям были минированы. Никаких построек даже лагерного типа на территории таких лагерей не было, и заключенные размещались прямо на земле. За малейшую попытку нарушения установленного в этих лагерях жесточайшего каторжного режима заключенные расстреливались. В этих лагерях были обнаружены тысячи сыпнотифозных больных, которые соприкасались с населением, согнанным сюда из окружающих деревень, систематически заражали их сыпным тифом. В документе, который будет представлен советским обвинением, подробно описываются эти злодейские преступления немецко-фашистских оккупантов.

В руках обвинения имеется документ, подписанный унтерштурм-фюрером Беккером, от 16 мая 1942 года. Этот документ представляет собой донесение по начальству относительно практики применения «душегубок». Я считаю нужным огласить этот документ почти полностью. Вот что можно прочесть в этом чудовишном документе: «Место казни находится по крайней мере в 10—15 километрах в стороне от проезжих дорог и трудно доступно из-за места своего расположения, а при сырой или мокрой погоде является совершенно недоступным. Подвозят лиц, подлежащих казни, к этому месту, они немедленно замечают, что должно случиться, и становятся беспокойными, что по возможности следовало бы избегать. Остается только один путь — грузить их в машину на сборном пункте и затем вывозить к месту казни.

Я приказал замаскировать машины группы Д под машины для жилья, для чего на маленьких машинах велел сделать по одному оконцу с каждой стороны, на больших машинах — по одному оконцу с каждой стороны, а на больших машинах — по 2 оконца, подобных тем, которые мы часто видим в стране на крестьянских домах. Однако машины настолько там приобрели известность, что их не только официальные лица, но и гражданское население называли «машинами смерти», лишь только появлялась одна из этих машин. По моему мнению, нельзя их маскировать и держать в секрете сколько-нибудь длительное время. Кроме

того, я приказал во время отравления газом держать обслуживающий персонал подальше от машины, чтобы здоровью не повредили проби- вающиеся газы. При этом я хотел бы обратить внимание на следующее: различные команды заставляют своих людей разгружать машины после отравления газами. Я обращал внимание командиров соответствующих зондеркоманд на то, какой огромный моральный и физический вред эта работа может нанести людям если не сейчас, то позже. Люди мне жаловались на головные боли, наступавшие после каждой разгрузки машины. Тем не менее не хотят отступать от этого порядка, так как боятся, что заключенные, привлекаемые к этой работе, могут использовать благоприятный момент для побега. Чтобы оградить людей от этого вреда, я просил бы издать соответствующие указания.

Отравление газами происходит не всегда правильно. Чтобы как можно скорее закончить процедуру, шоферы всегда дают полный газ. Вследствие этого мероприятия казнимые умирают от удушья, а не засыпают, как это было предусмотрено. Мои указания привели к тому, что при правильной постановке рычага смерть наступает быстрее и при том заключенные мирно засыпают. Искаженные лица и испражнения, которые наблюдались раньше, более не замечались.

В течение сегодняшнего дня я перееду к группе Б, откуда пришло дальнейшие известия. Д-р Беккер, унтерштурмфюрер».

Уже назывались здесь лагери Майданек и Освенцим с газовыми камерами, где было убито свыше 5,5 миллиона ни в чем не повинных людей — граждан Советского Союза, Польши, Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Чехословакии, Франции и других демократических стран. Я должен назвать Смоленск, Ставрополь, Харьков, Киев, Львов, Полтаву, Новгород, Орел, Ровно, Днепропетровск, Одессу, Каменец-Подольск, Гомель, Керчь, Сталинградскую область, Каунас, Ригу, Мариамполь (Литовская ССР), Клоги (Эстонская ССР) и многие другие, где в гитлеровских концлагерях были замучены сотни тысяч, миллионы советских людей из гражданского населения, а также бойцов и командиров Красной Армии.

Массовые расстрелы советских людей немцы производили также и в Лисеницком лесу, находящемся на окраине Львова по направлению к Тернополю. В этот лес немцы ежедневно пригоняли и привозили на автомашинах большие партии советских военнопленных из лагеря «Цитадель», заключенных из Яновского лагеря, Львовской тюрьмы, а также мирных советских людей, задержанных на площадях и улицах города Львова во время многочисленных облав.

На основании расследования, произведенного Чрезвычайной Государственной Комиссией, установлено, что немцы расстреляли в Лисеницком лесу свыше 200 тысяч человек.

Я буду просить суд разрешить полностью огласить позднее обращение к международной общественности представителей нескольких

тысяч бывших заключенных в Освенциме. Но я не могу не огласить сейчас следующее место из этого документа:

«Газирование невероятных количеств людей имело место при прибытии “транспорта” из различнейших стран: Франции, Бельгии, Голландии, Греции, Италии, Венгрии, Чехословакии, Германии, Польши, СССР, Норвегии и др. Прибывшие с транспортом должны были проходить перед СС врачом лагеря или СС начальником лагеря. Тот показывал пальцем направо или налево. Налево обозначало газовую смерть. Из транспорта в 1500 человек в среднем 1200 и 1300 сразу шло в газ. Изредка процент людей, направляемых в лагерь, бывал немного выше. Часто случалось, что врачи СС Менгеле и Тило проводили эту “селекцию”, насвистывая веселую мелодию. Люди, назначенные к газированию, должны были раздеться перед газкамерой, после чего их нагайками загоняли в газкамеру. После этого дверь подвала — газкамеры закрывалась, и люди газировались. Смерть наступала приблизительно через 4 минуты. Через 8 минут газкамеру открывали, и рабочие из “особой команды”, так называемой зондеркоманды, трупы транспортировали к печам крематориев, которые горели днем и ночью.

Во время прибывания транспортов из Венгрии печей не хватало, и были устроены огромные рвы для сжигания. В них укладывались костры из дров, которые обливались нефтью. В эти канавы бросали трупы, но часто СС бросали туда также детей и взрослых живых, где эти несчастнейшие люди погибали страшной смертью. Жиры и масла, нужные для сжигания, получались отчасти из трупов газированных людей для экономии нефти. Из трупов получали также масла и жиры для технических целей и даже для приготовления мыла».

Обращение заканчивается словами: «Мы просим и вместе с нами просят около 10 000 спасенных заключенных всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными».

Это справедливое требование поддерживает весь цивилизованный мир, все свободолюбивые народы.

Гитлеровское правительство и германское верховное главнокомандование вооруженными силами, готовясь к вероломному нападению на Советский Союз, наряду с разработкой планов истребления мирного населения Советского Союза и других стран детально разработали систему чудовищных мер по истреблению советских военнопленных.

Попирая международные правовые нормы, права и обычаи ведения войны, гитлеровцы проводили массовое уничтожение советских военнопленных, вешали их, расстреливали, морили голодом, травили собаками, заражали инфекционными болезнями, осуществляя все эти свои злодеяния с тупой прусской методичностью.

О том, что зверства в отношении советских военнопленных не являлись случайными эпизодами и результатом преступных действий

отдельных офицеров германской армии и немецких чиновников, свидетельствуют многочисленные документы, директивы, постановления, приказы, изданные гитлеровским правительством и германским верховным главнокомандованием.

В ранее упомянутом мною документе, именуемом «Приложение № 2 к оперативному приказу № 8 начальника полиции безопасности и «СД» от 17 июля 1941 г.» указывается на недостаточность для выявления «опасных советских русских» имевшихся в распоряжении германских властей различных разыскных книг и списков.

В частности, в этом документе, адресованном специальным командам, давались следующие указания:

«Для осуществления ваших задач нет возможности предоставить в распоряжение команд пособия: “Германская разыскная книга”, “Списки по выявлению местопребывания”, “Особая разыскная книга СССР”. [Они] окажутся полезными лишь в небольшом количестве случаев. “Особая разыскная книга СССР” недостаточна, так как в нее занесена лишь незначительная часть советских русских, которых следует считать опасными».

Таким образом, этим документом прямо предписывалось не ограничивать деятельность упомянутых выше специальных команд какими-либо рамками.

Приведенные выше указания о способах выявления опасных для немецких захватчиков советских людей относились не только к мирному гражданскому населению временно захваченных советских территорий, о чем уже было сказано раньше, но и к советским военнопленным, содержавшимся в специальных лагерях.

В организованной гитлеровцами широкой сети специальных лагерей для советских военнопленных производилась изощренная система пыток и издевательств, которые для многих тысяч кончались мучительной смертью.

В приложении 3-м к приказу начальника полиции безопасности и СД за № 8 от 17 июля 1941 г. дан перечень лагерей для военнопленных, созданных на территории первого военного округа и так называемого Генерал-Губернаторства. В частности, в первом военном округе были созданы лагеря в Прокулсе, Гейдекруге, Ширвинде, Шутценротте (Эбенроде), в Просткене, Сувалках, Фишборне-Турзень, Остроленка. В так называемом генерал-губернаторстве были созданы лагеря в Остров-Мазовецком, Седлеце, Бяло-подляска, Холме, Ярославле и других. В приложении к оперативному приказу № 9, изданному в развитие приказа № 8 от 17 июля 1942 г., приводятся списки лагерей для советских военнопленных, расположенных на территории 2, 4, 6, 8, 10, 11, 13 военных округов, дислоцировавшихся в Гаммерштейне, Шнейдемюлле и многих других пунктах. Мрачную память оставил о себе созданный немцами «Гросс-лазарет» в городе Славуте. Всему

миру известны зверства, чинившиеся немцами в отношении советских военнопленных и военнопленных других демократических государств в Освенциме, Майданеке и многих других лагерях. В этих лагерях для военнопленных применялись те же самые методы истребления — «фильтрация», «эзекуция», «специальный режим», которые применялись и в лагерях для гражданского населения.

Здесь действовали директивы германской полиции безопасности и СД, разработанные совместно со штабом верховного главнокомандования вооруженными силами, начальником которого являлся подсудимый Кейтель.

В приложении № 1 к приказу Гейдриха № 8 в разделе «цель» указывалось: «Военные власти должны срочно освободиться от тех элементов среди военнопленных, которые могут рассматриваться как большевистский импульс. Особое значение восточного похода требует особых мер, проводимых с полной ответственностью, без бюрократических и управленческих влияний».

Эти «особые меры» означали не что иное, как широко практиковавшееся во всех организованных немецко-фашистскими оккупантами лагерях массовое истребление советских военнопленных.

В материалах Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний, творившихся немцами на временно захваченных территориях СССР, в нотах Народного Комиссара иностранных дел В.М. Молотова по поводу истребления военнопленных и жестокого обращения с ними приводятся многочисленные факты этих чудовищных преступлений гитлеровского правительства и немецкого верховного главнокомандования.

В ноте Народного Комиссара иностранных дел В.М. Молотова от 25 ноября 1941 г. о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных, направленной всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, указывалось, что красноармейцы подвергаются со стороны германского военного командования и германских воинских частей зверским пыткам, истязанию и убийствам. Пленных красноармейцев пытаются раскаленным железом, выкалывают глаза, отрезают ноги, руки, уши, носы, отрубая пальцы на руках, вспарывают животы, привязывают к танкам и разрывают на части. Сотни тысяч советских военнопленных расстреляны и повешены, погибли от голода и инфекционных заболеваний, от холода и пыток, которые методически применялись немцами по заранее задуманному плану, ставившему целью массовое истребление советских людей.

На основании директив германского правительства и верховного главнокомандования велся специальный учет жертв «эзекуции». Так, в директиве, данной в приложении № 2 к приказу Гейдриха за № 8, указывается о необходимости ввести списки о произведенных «эзекуциях», то

есть уничтожении военнопленных, по следующей форме: 1. Текущий номер. 2. Фамилия, имя. 3. Время и место рождения. 4. Профессия. 5. Последнее местожительство. 6. Основания экзекуции. 7. День и место экзекуции.

Дальнейшая конкретизация заданий зондеркомандам по уничтожению советских военнопленных была дана в оперативном приказе начальника полиции безопасности и СД за № 14 от 29 октября 1941 г.

К числу зверств в отношении советских военнопленных нужно отнести проведение клеймения их особыми опознавательными знаками, которые были установлены специальным распоряжением германского верховного главнокомандования от 20 июля 1942 г. В этом распоряжении предусматриваются следующие способы клеймения: «Поверхностный порез натянутой кожи делается с помощью раскаленного ланцета, смоченного китайской тушью».

Гагская конвенция 1907 г. о военнопленных предписывает обращаться с пленными не только гуманно, но уважать их патриотические чувства, не использовать их силы в борьбе против своего же отечества. Глава 3 Конвенции о законах и обычаях войны запрещает воюющему принуждать подданных противной стороны принимать участие в военных действиях, направленных против их страны даже в том случае, если они были на его службе до начала войны. Гитлеровцы поправили и этот элементарный принцип международного права. Избиениями и угрозами расстрела они заставляли красноармейцев работать в качестве ездовых на повозках, на машинах и транспорте, перевозящем боеприпасы и другие военные грузы на фронт, в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции, в качестве вспомогательного состава противовоздушной артиллерии и так далее.

Массовое истребление советских военнопленных, установленное специальными расследованиями Чрезвычайной Государственной Комиссии, находит подтверждение не только в документах германской полиции и верховного главнокомандования, представленных Международному Военному Трибуналу, но и в документах, захваченных советскими и союзными войсками на немецкой территории.

В этих документах констатируется, что большая часть советских военнопленных умирала от голода, тысячи умирали от сыпного тифа. Коменданты лагерей запрещали гражданскому населению доставлять продукты военнопленным и обрекали их на голодную смерть. Во многих случаях военнопленные, которые не могли идти в походном порядке вследствие голода и истощения, расстреливались на глазах гражданского населения и трупы их оставались необранными. В многочисленных лагерях совершенно не заботились о жилье для военнопленных. Под дождем и снегом лежали они под открытым небом. Им не было дано даже инструмента, чтобы вырыть себе ямы или норы в земле. Можно было слышать рассуждения гитлеровцев: «Чем больше пленных умерло, тем лучше для нас».

На основании всего изложенного выше я от имени Советского Правительства и советского народа заявляю о том, что ответственными за кровавую расправу с советскими военнопленными в нарушение всех общепризнанных законов и обычаев ведения войны являются преступное гитлеровское правительство и германское верховное главнокомандование, представители которых занимают скамью подсудимых.

Совершая массовые убийства мирных граждан и военнопленных, гитлеровцы вместе с тем систематически и планомерно разрушали города и села и грабили мирное население. Разрушение городов составляло одну из органических частей военно-хозяйственной программы гитлеровской Германии. В приказе верховного главнокомандующего от 18 сентября 1941 г. предписывалось снести с лица земли Ленинград и Москву. «И для всех других городов, — говорит приказ, — должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами. Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских граждан от огня».

Насколько чудовищны были планы гитлеровского правительства по уничтожению городов и населенных пунктов в СССР, свидетельствует «Меморандум начальника военно-морского штаба Германии» от 18.VIII.1941 г., в котором излагалось следующее указание Гитлера о судьбе Ленинграда:

«Фюрер решил, что Санкт-Петербург должен быть снесен с лица земли. Дальнейшее существование этого крупного города не представляет никакого интереса, поскольку Советская Россия разгромлена».

Планы разрушения Ленинграда гитлеровские армии осуществляли со всей настойчивостью. Они не могли благодаря героизму Красной Армии осуществить свои планы в полном объеме, но тем не менее нанесли огромный материальный ущерб Ленинграду.

Эти указания немецкой центральной власти широко осуществлялись военачальниками разных чинов и рангов. Так, в подписанном полковником Шитник приказе по 512 немецкому пехотному полку предписывалось превращать захваченные гитлеровцами районы и области в «зону пустыни». Для того чтобы это злодейство дало наиболее разрушительные результаты, приказ подробно развивает «план» уничтожения цветущих советских населенных пунктов.

«Подготовка разрушения населенных пунктов, — говорится в приказе, — должна производиться так, чтобы: а) до объявления об этом у гражданского населения не возникло никаких подозрений, б) разрушение могло начаться сразу, одним ударом, в назначенное время в соответствующий день. В населенных пунктах нужно особо строго следить за тем, чтобы никто из гражданских лиц не покинул этого населенного пункта, в особенности с момента объявления о разрушении».

Приказ от 24 декабря 1941 г. командира 98 германской пехотной дивизии так и называется: «Программа разрушений». В этом приказе

даются конкретные указания: «Заминировать населенные пункты: Кузовлево, Чернишня, Орехово, Ольхово так, чтобы мины не взорвались в то время, когда деревня будет гореть. Следующие местности сжигаются арьергардами, не саперами: Кузовлево, Чернишня, Орехово, Ольхово, Серешкино, Круалино, Успенское, Борисово, Глядово, Искра, Минково. Приготовить эти населенные пункты для зажигания. После отхода арьергарда немедленно зажечь: Истья, Оратово, Таядиново, совхоз «Победа», Машково. Приготовить эти местности для поджигания». Были образованы специальные команды поджигателей — факельщиков, предававших огню созданные трудом поколений ценности.

Грабежи и хищения совершались гитлеровцами также по заранее разработанному подробному плану. Вместе с наступающими немецкими войсками продвигались команды экономического отдела армии, задача которых заключалась в установлении запасов зерна, скота, топлива и иного имущества. Эти команды были подчинены находившейся в тылу Особой хозяйственной инспекции. Вскоре же после нападения на СССР указом Гитлера от 29. 06. 1941 г. все руководство по ограблению оккупированных территорий было возложено на подсудимого Геринга. Герингу этим приказом было предоставлено право принимать «все меры, которые требуются для максимального использования найденных запасов и экономической мощи в интересах германской военной экономики». Подсудимый Геринг осуществлял свое руководство грабительскими действиями немецких воинских и экономических отрядов с величайшим усердием и в колоссальных масштабах. Для этой цели Герингом была издана специальная книга «Зеленая папка» («Грюне маппе»). Во введении к книге Геринг указывает на необходимость принять «все меры, обеспечивающие немедленное и максимальное использование оккупированных областей в интересах Германии...».

...Ущерб, причиненный Советскому Союзу в результате разрушительных и грабительских действий германских воинских частей, чрезвычайно велик.

Немецкие армии и оккупационные власти, выполняя директивы преступного гитлеровского правительства и верховного военного командования, разрушали и ограбили захваченные ими советские города и села, промышленные предприятия и колхозы, разрушили памятники искусства, уничтожали, расхищали и вывозили в Германию оборудование, запасы сырья, материалов и готовой продукции, художественные и исторические ценности, производили всеобщее ограбление городского и сельского населения. На территории Советского Союза, подвергавшейся оккупации, проживало до войны 88 миллионов человек, валовой выпуск промышленной продукции составлял 46 миллиардов рублей (в неизменных государственных ценах 1926—1927 гг.), было 109 миллионов голов скота, в том числе 31 миллион голов крупного рогатого скота и 12 мил-

лионов лошадей, 71 миллион гектаров посевов сельскохозяйственных культур, 122 тысячи километров железнодорожной колеи.

Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, сожгли и разрушили свыше 6 миллионов зданий и лишили крова около 25 миллионов человек. Среди разрушенных и наиболее пострадавших городов — крупнейшие промышленные и культурные центры: Сталинград, Севастополь, Ленинград, Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Новгород, Псков, Орел, Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону и многие другие.

Немецко-фашистские захватчики разрушили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 миллионов рабочих; уничтожили или вывезли 239 тысяч электромоторов, 175 тысяч металлорежущих станков.

Немцы разрушили 65 тысяч километров железнодорожной колеи, 4100 железнодорожных станций, 36 тысяч почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи.

Немцы уничтожили или разгромили 40 тыс. больниц и других лечебных учреждений, 84 тыс. школ, техникумов, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 тыс. библиотек общественного пользования.

Гитлеровцы разрушили и разгромили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций, зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов овец и коз, 110 миллионов голов домашней птицы.

Общий ущерб, причиненный Советскому Союзу преступными действиями гитлеровских войск, определяется в сумме 679 миллиардов рублей (в государственных ценах 1941 г.).

Подготавливая агрессивные войны, попирая законы и обычаи войны, гитлеровские преступники надругались над основными общепризнанными, веками освященными принципами человечности.

Произвол, насилие, надругательство над человеком были возведены гитлеровцами в принцип. Они бросили в тюрьмы сотни тысяч людей без судебного разбирательства, подвергли их преследованию, ограблению, порабощению, пыткам и уничтожению. Они преследовали, пытали и убивали по политическим, расовым и религиозным мотивам, а зачастую и без всяких мотивов.

Жертвами гитлеровского изуверства пали миллионы русских, украинцев, белорусов, евреев, поляков, чехов, англичан, американцев и лиц других национальностей. Особое место среди неслыханных злодеяний гитлеровцев занимает их кровавая расправа со славянскими и еврейским народами...

Ф. 17. Оп. 125. Д. 410. Л. 14—16; 44—49; 55—66; 71—73. Копия.

Раздел II

ЗВЕРСТВА ФАШИСТОВ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ

№ 41

Расправа на Ровенщине

Хочу рассказать об одном злодеянии, которое чинили эти звери. Пусть люди узнают еще об одном злодейском поступке, который произошел в селе Балашевка, что на Ровенщине. Год точно не помню, был маленький. Спросить сейчас не у кого. Мать моя умерла в 1949 году.

Воскресным утром перед восходом солнца село наше окружили фашисты. Из села никого не выпускали. Помню, тогда был туман. Некоторые воспользовались этим и ушли из села в лес. Ушла и моя старшая сестра. Но не «повезло» кое-кому. Дома мы остались вчетвером.

Пока нас мать одевала, во двор вошли четыре фашиста с переводчиком. Начали объяснять, чтобы мы собирались, а куда, не говорят. Расспрашивают о партизанах. Остальные пошли что-то искать в сарае и в саду. Через несколько минут нас угнали на центральную улицу. Там людей было сотни две с лишним. Но люди прибавлялись и прибавлялись. А из толпы никого не выпускали потому, что были оцеплены солдатами. Все почти в черном обмундировании. Людей подгоняют по улице дальше и дальше в конец села. Следом за нами жгут хаты. Толпу остановили. Начали выводить людей, кто получше одет. Стоял сильный шум. Плакали дети и женщины. Кричали свиньи и куры. Фашисты все тащили к своим машинам. За это время из толпы отобрали больше двадцати мужчин. Их всех закрыли в хате, дверь подперли и подожгли. Автоматчики стояли до тех пор, пока не обвалилась крыша.

Кажется, был май месяц. Так тепло, но еще сильная жара от пожаров. Ведь сзади нас жгли наши хаты. Потом нас пригнали всех на околицу села. Там были ямы, где жители из них брали глину и песок. Всех оставили и разрешили есть.

В стороне, метров за 30 от нас, расположились фашисты с автоматами и пулеметами ручными. Все знали, что будут расстреливать. В соседних селах такое было. В селе Ленчин расстреляли в одну яму около 100 человек, детей, женщин и стариков. За что? За то, что жители этих сел помогали партизанам. Ведь от нас недалеко находился партизанский отряд Медведева, на Рудне-Бобровской. Это километров 9—10 от нашего села. Нам не давали пить, хотя грязная вода была рядом в ямах. Не знаю, сколько так нас продержали, но вскоре появился небольшой самолет. Из него вышли офицеры в черном. Все подошли к нам. Офицер говорит, а переводчик переводит, что господин комендант вам жизнь дарует, но с таким условием, чтобы все, кроме детей и стариков, все сейчас собрались к машинам, и поедете в Германию на работу.

Что-то еще объяснял про партизан, но что — не помню. Отпустили всех. Люди не заходили домой, хотя у кого-то и остался не сожженный [дом]. Все ушли в лес. Так в тот день никто «добровольно» не уехал в проклятую Германию. Вскоре все построили в лесу землянки и жили там до зимы. В тот день фашисты схватили одного парня — Васю. Он был богатырской силы. Одет был в красной тенниске. Он был комсомолец. Я видел, как его водили по толпе и искали его родных. Подведут к женщине или к мужчине и спрашивают, тот ли его мать и отец. Он отрицательно кивал головой. После этого его били по лицу. Когда очередь дошла и до его родных и спросили тоже, он ответил, что нет, это не его родные. Отца и мать и остальных своих он не «признал». Его увели вдвоем. Но вскоре мы услышали автоматные очереди. Оказывается, что как-то Вася конвоиров стукнул и сам убежал в фасоль, через огороды и за село. Но не повезло. За селом он наскочил на засаду. Там его убили.

Еще помню, как одного избили мужчину. Он хотел подняться, но подъехал фашист на лошади, он лошадь направил на лежащего. Лошадь огромными копытами прошла по нему, фашист повернул лошадь и назад проехал по мужчине. Кто он, этот человек, не знаю, говорили, что какой-то мастер. А тех, что живьем сожгли, фашисты думали, что они сельские активисты. Среди них сгорел и паренек, которому не было еще и 16 лет. Это сын Ониськина Николая — Василий. Он обычно носил значки разные на лацкане пиджака. Может, его за это и схватили. С нашего села было много мужчин-партизан. И помогали, чем могли, как продовольствием, так и одеждой жители нашего села.

Прошу, напечатайте это. Пусть люди узнают, что делали фашисты там, где их партизаны били каждую ночь и из-за каждого куста.

*Барвинко Юрий
Караганда.*

7 апреля 1965 г.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 4. Л. 190—192. г. Подлинник.

**Из докладной записки инструктора отдела кадров
ЦК ВЛКСМ В.П. Болдиной о положении
в оккупированном Смоленске, направленной
в ЦК ВЛКСМ**

Выполнять задание в тыл врага, пункт С., я пошла с разведчицей полка «13» Борминовой Е.В.

Установлены следующие факты:

1. Маршрут следования до Смоленска: Бакшеево, Шилы, Воробьи, Романенки, Лойно, Зарубинки, Орловка — последний пункт не оккупированной территории. После Орловки следовали по маршруту: Волковая, где находились немцы и полицейские. Волковую миновали часа в 4 утра, пошли на Салинки и Чабуры. В этих пунктах полицейские появляются редко, а немцев совсем не бывает. После чего вышли на магистраль Москва—Минск. Движение немецких машин по магистрали небольшое — наши пленные и немецкие солдаты исправляют магистраль. Пройдя немного, мы попросились на машину, несколько машин прошло, не останавливаясь, потом остановилась немецкая пятитонка с русским шофером. На машине был нагружен цемент. Шофер взял нас за плату. Не доезжая 7 км до Смоленска, машина повернула на Печерск, а мы пошли в Смоленск. Около военного аэродрома, который кругом обнесен колючей проволокой, написано: «Кто переступит за проволоку — расстрел». Вокруг аэродрома часовые. У аэродрома наши русские пленные поправляли дорогу, которая выходит из Смоленска на магистраль Москва—Минск. Вид этих пленных ужасный — в лохмотьях, с измученными лицами, обессиленные, они у каждого проходящего просят что-нибудь поесть. За каждой группой пленных стоит немецкий надзор с резиновой плеткой или палкой. Войдя в город С[моленск], мы увидели разрушенные дома, грязные искалеченные улицы. По улицам и переулкам со зверским выражением лица рышут русские полицейские...

Немецкое командование отметило день годовщины взятия Смоленска поголовным истреблением евреев.

15 июля на глазах у родителей истребили детей. От местожительства Садки их сажали в крытые машины, наполненные газом, и везли до Гедноновки, потом полуживых закапывали в ямы.

16 июля (1942 г.) истребили таким же путем всех евреев. Всего было уничтожено 1867 чел.

На ул. Шевченко находится публичный дом. Всего по Смоленской обл. в публичных домах находится до 1860 девушек...

Население города за то, что оно ходит по городу, платит налог — 30 руб. в месяц, за кошку или собаку — 25 рублей. Кроме того, взимается

подушный налог — 120 руб. в год, за количество имеющихся окон в квартире (за сколько окон — неизвестно)¹²⁷...

5 сентября 1942 г.,

Болдина В.П.
г. Москва.

Ф. М-1. Оп. 53. Д. 246. Л. 70—72. Подлинник.

№ 43

Помните их — заживо сожженных

Подвиг этих трех разведчиков, отдавших свои жизни во имя Родины, будет напоминать нашей молодежи, какой ценой доставалась нам Победа, как надо любить Родину и быть верным воинскому долгу.

...На западной окраине дер. Горевицы, что юго-восточнее г. Великие Луки, в 4-х километрах, среди братских могил 31-й отдельной стрелковой бригады есть могила трех разведчиков, заживо сожженных гитлеровскими варварами...

«1942 года, июня 22 дня мы, нижеподписавшиеся, Военврач 2 ранга Бухман, Военврач 3 ранга Костин, батальонный комиссар Потапов и майор Любитов составили настоящий акт в том, что при осмотре трупов красноармейцев 31 отд. стр. бригады, которые попали в плен к немцам, обнаружено:

У т. Шуилова в области левой кисти перелом фаланг всех пальцев, перелом левого плеча. Живот распорот с вывернутым кишечником. В области правого плеча имеются колотые раны. Весь труп обгорелый, лицо и правая верхняя конечность обожжены до неузнаваемости. По всей грудной клетке имеются колотые раны.

Труп т. Солянова имеет темно-коричневый цвет с черными пятнами. Кожа на грудной клетке сожжена, голова раздроблена в нескольких местах, что свидетельствует о применении тупых предметов для нанесения повреждений. Грудная клетка имеет несколько колотых ран.

У т. Лагутина имеются кровоподтеки на лице. Глаза отсутствуют, имеется несколько колотых ран в области грудной клетки.

Подписи: Военврач 2 ранга — Бухман

Военврач 3 ранга — Костин

Батальонный комиссар — Потапов

Майор — Любитов».

Произошло это под Великими Луками, у села Богородское 20 июня 1942 г. Команда разведчиков в количестве 18 человек во главе с лейтенантом Кученко, выполнив боевое задание в тылу противника, возвращаясь обратно, попала в засаду.

¹²⁷ Так в тексте.

Четыре часа шел бой 18 разведчиков против роты фашистской пехоты и полицейских. Командир разведки и большинство разведчиков погибло, несколько прорвались и вышли, а Шумилов, Солянов и Лагутин были ранены, и им удалось скрыться в одном доме. Гитлеровцы потеряли 30 солдат и офицеров.

Гитлеровцам кто-то сказал, где спрятались раненые разведчики... Фашисты предложили советским разведчикам сдаться, но они ответили автоматными очередями огня. Фашистам нужен был язык. Завязалась перестрелка, которая длилась до вечера.

Когда стемнело Шумилов, Солянов и Лагутин решили выползти из дома и укрыться в лесу. В этот момент они, истекающие кровью, измученные болью, в полусознательном состоянии, и были схвачены.

Здесь же и был учинен им допрос. Жители рассказывали, что им обещали фашистские варвары сохранить жизнь, лечение, но они должны были отвечать на интересующие их вопросы о советских частях.

Разведчики-комсомольцы оставались верны воинской присяге и молчали. Гитлеровцы прибежали к нечеловеческим пыткам, о чем свидетельствует акт комиссий. Выйдя из себя, взбесившиеся гитлеровцы облили их бензином и подожгли. Они сгорели заживо, приняв мученическую смерть, оставшись верными сынами Советской Родины. Они отдали свою жизнь во имя жизни на земле.

Мы, оставшиеся в живых, обязаны сделать все, чтобы их и подобных им имена, их подвиги стали достоянием всего нашего народа. А могилы — священным местом.

Деревня Горевицы была Купуйского сельсовета. А комсомольцы его со своим секретарем Мироненковой много помогли Красной Армии в борьбе с гитлеровцами. Хочется верить, что комсомольцы, пришедшие на смену старым, найдут эти братские могилы и приведут их в порядок, достойный их подвигу.

Преступление это сделали палачи 83-й пехотной немецкой дивизии.

Вершутто Я.М.

23 февраля 1965 г.,

г. Клинцы Брянской области.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 10. Л. 147—149.

№ 44

Страшная гибель детей

Я — медицинский работник — с первых дней войны находилась на Северо-Западном фронте в санбате, и часто приходилось тяжелораненых эвакуировать с позиции в тыл; однажды я в санитарных машинах привезла 60 человек тяжелораненых на разъезд Лычково¹²⁸, чтобы погрузить раненых в товарные вагоны, это было 1941 года в сентябре ночью. Мы работали

¹²⁸ Ленинградская обл.

только по ночам, днем нас сильно бомбили и обстреливали. Когда приехали наши санитарные машины с ранеными на разъезд, мы увидели страшную картину: рельсы торчат в дыбы, вагоны разбросаны вверх колесами и почти все сгорели. Только железное основание, что не могло гореть (осталось). И (езде лежало) много, много детских трупов изуродованных, где голова, руки, ноги валяются, а то кусок мяса, а на железных основаниях вагонов висят кишки ребяток, и кругом глубокие воронки.

Мне и раненым рассказали свидетели этой страшной трагедии — служажие железной дороги, которые, спасаясь, бежали от страха, что творили звери, фашисты-немцы. Это везли из Ленинграда, из всего города детей из детских садов и из психбольниц душевнобольных в тыл, дальше от фронта, и вот что звери немцы сделали с детьми, невинными крошками, разве можно забыть и простить гадам, вот на что способен враг!

Через год меня откомандировали на санитарный поезд начальником аптеки, наш поезд с передней линии фронта возил тяжелораненых и больных в тыл. Это было в январе 1942 года, мороз 40 градусов, в нашем поезде ехали из окопов два солдата — тифозные больные. Поезд пришел на станцию Бологое в 6 часов вечера, станция большая, узловая, много скопилось поездов с ранеными, пополнением, продовольствием и боеприпасами. Шпионы четко работали на врага. Как поезд пришел, быстро — пока темно — всех раненых развозили по госпиталям, вагоны поезда стали мыть, делать дезинфекцию, почти все делалось без света, в темноте, света показать нельзя, а нам, всей команде поезда, приказали идти в баню в 2 часа ночи. При станции Бологое нас было 13 женщин и 50 человек мужчин, всего 63 человека. И вдруг на станцию налетели 100 немецких самолетов, стали бомбить всех и все, смешало все в грязь, казалось, вся земля тряслась от взрывов, все летело далеко в воздух, не поймешь что творилось. Светопреставление: вагоны с людьми в воздухе, да еще горели. В бане котлы с горячей водой страшно гудели; мы все, кто был в бане, сделались как ненормальные, женщины смешались с мужчинами, хватали все, что попадало под руки, чтобы во что-то одеться, мужчины надевали юбки, женщины — брюки, не обращали внимания ни на что; надевали на мокрое тело одни шинели, на головы — кто грязные портянки, кто рубашки, на босые ноги — кирзовые сапоги, и то чьи-то чужие. И вот, все мокрые, голые, бежали на улицу в снег до колена и в мороз 40 градусов. Бежали, сами не зная куда, везде горело, пули, осколки летели во все стороны далеко, такое страшное представление продолжалось 2 часа, пока наши «ястребки» (не) разогнали стервятника, а от нашего поезда осталась только память, и потеряли своих дорогих товарищей.

С приветом

29 мая 1961 г.,

Герасимова-Гаева Е.Н.
г. Казань.

Ф. М-98. Оп. 3 Д. 13. Л. 34—35.

Вечная память

...Из книг, кино, рассказов живых свидетелей минувшей войны знают наши юноши и девушки, мальчишки и девчонки, «как оно все начиналось да как продолжалось», как закалялась сталь в великих битвах с захватчиками. Нам, людям старшего поколения, пережившим ужасы войны, хочется неустанно повторять: «Помните жертвы войны. Помните неимоверный труд в тылу и на фронте ваших отцов, матерей, старших братьев и сестер. Знайте, что нелегко дается победа. Цените то, что имеете: мир, дружбу, свободный труд. Все это дорого оплачено».

Проходя мимо братской могилы, обелиска или невысокого холмика над солдатской могилой, остановитесь. Здесь лежат те, кто отдал за победу самое дорогое — жизнь. Вдумайтесь: кто здесь похоронен, почему он лежит здесь, откуда родом, кто его родные, знают ли они, где навсегда уснул их солдат.

Такие вопросы волнуют меня и многих жителей станицы, и вот почему. При входе в парк стоит обелиск с надписью «Вечная память павшим борцам за Родину». По сторонам обелиска две могилы. С правой стороны похоронены станичники — герои Гражданской войны. Слева — могила трех неизвестных девушек, участниц Отечественной войны.

Много живых свидетелей похорон этих девушек. Но как они погибли, откуда они — никто не знает.

Из года в год по крупнице собирают о них сведения пионеры и учителя. Много неизвестно, темно, и вряд ли мы узнаем когда-нибудь.

Пишу в надежде, вдруг кто-либо, сопоставив факты, что-то припомнит и откликнется.

Как говорят очевидцы, в начале февраля 1943 года, когда оккупанты поспешно оставляли кубанские станицы и хутора под стремительным натиском наших войск, с восточной окраины станицы вместе с отступающими немцами в станицу вошли три русские девушки в советской военной форме. Немцы остановились в хате пожилой колхозницы Клейменовой. В комнату ввели и девушек и загнали их в тот угол, где стояла хозяйкина кровать и где к испуганной матери в страхе прижались две девочки-подростки и мальчик. Был вечер. Немцы сели ужинать, о чем-то горячо споря. Видно, девушки были голодны, но еще больше они устали. Чулки и портянки у них были мокрые. Немцы не обратили внимания на женщин, и хозяйка разговорилась с девушками, накормила, обсушила и обогрела их. На вопрос, откуда они идут и куда, девушки сказали, что они разведчицы, их схватили немцы на хуторах и гонят неизвестно куда. Звать их Люба, Таня и, кажется, Зина. (Женщины нет в живых, а дочери ее плохо помнят подробности.) Всю ночь просидела женщина над девушками. На печке спали дети, на полу — немецкие солдаты. Она о чем-то шепталась с девушками, горевала над ними, уснувшими беспокойным сном.

Девушки как будто были спокойны и, видимо, верили в свое освобождение. Они даже сказали хозяйке, чтобы она не горевала: «Наши завтра будут здесь». Они надеялись, что немцы не успеют удрать, их настигнут наши. И тогда девушки спасены.

Рано утром поднялись немцы и засобирались в путь. Вывели девушек на улицу и двинулись по направлению Усть-Лабинска. Девушки, улыбаясь, ободряли плачущую хозяйку.

Говорят, что в тот же день девушек под охраной немцев видели во дворе одного дома на главной улице (напротив магазина). Их допрашивали, кричали на них, тыкали им в лицо пистолетом. Но девушки вели себя смело и с достоинством, особенно одна, темноволосая и высокая ростом, на окрик допрашиваемого презрительно повела плечом и вызывающе отвернулась...

Больше ничего не известно. Перед вечером их под конвоем повели по главной улице в сторону Усть-Лабинска.

На другой день к вечеру, т.е. через сутки после того, как видели девушек, в станицу вошли наши. Отступающие поспешно удирали на запад, наши бойцы, радостные, возбужденные, в ответ на приглашение жителей зайти отдохнуть и покушать говорили, что надо спешить вперед.

На третий день после освобождения станицы, когда немцев не было и в помине, а наши все шли и шли сплошным потоком, дотошная детвора обследовала все бугры и балки.

На круче над Лабой дети увидели три изуродованных и полураздетых трупа. В страхе они побежали в станичный совет и рассказали о том, что видели на круче. Два старика были посланы с бричкой, запряженной быками, чтобы привезти убитых.

Когда бричка подъехала к сельсовету, ее сопровождала огромная толпа народа. Женщины плакали, у стариков и подростков в гнев темнели лица при виде изуродованных людей. В них колхозница Клейменова опознала девушек-разведчиц, которые у нее провели ночь. Опознать их было нелегко: на них было окровавленное и разорванное белье, уши и грудь были отрезаны, глаза выколоты. Изверги, чуя близкий конец, видя спокойствие и выдержку девушек, подвергли их страшным мукам и оставили умирать. Говорят, что одна из девушек, видимо, долго еще была жива, так как не совсем была застывшая, когда ее клали на бричку.

Не найдено при них никаких документов или писем. Проходящие мимо солдаты не опознали их, только кто-то сказал: «А, это из разведки».

Женщины собрали одежду, обмыли, одели девушек, колхоз сделал гробы. Все жители собрались на траурный митинг...

Девушек похоронили на площади, на том (месте), после войны молодежь разбила здесь парк. В ограде у могил поставили обелиск. Каждый год весной и осенью пионеры подправляют могилу, а 26 апреля возлагают венки. Здесь же весной проводится сбор дружины.

Очевидцы похорон рассказывают детям о похороненных здесь трех неизвестных девушках.

И есть еще безымянная солдатская могила у степного кургана недалеко от хутора Атапина Усть-Лабинского района. Там в жаркий день августа 1942 года горстка отступающих пехотинцев сражалась с фашистскими автоматчиками.

Видимо, какое-то воинское подразделение двигалось степью из Ладожской к ст. Тенчинской на переправу через Лабу. Немцы отрезали путь отступления, и тут бойцы выдержали неравный бой. Они заняли круговую оборону и стреляли до последнего. С ними была девушка-медсестра...

Когда пришел фронт, мы видели в степи у кургана группу красноармейцев и девушку мертвыми. Документы кто-то, видно, успел забрать. Девушка, видимо, сидя на коленях, перевязывала раненого. Тут и настигла ее вражеская пуля. Возле нее, разорванный на 3 части, лежал комсомольский билет. Помню, но за точность не ручаюсь, что там было написано, что это Гончаривска Ганна, 1925 г. рождения, из Чернигова или Черниговского РК.

Там у кургана вместе с бойцами похоронена неизвестная украинская комсомолка Ганна.

...Где-то матери выплакали глаза, не зная дороги к дочерней могиле. Где-то числятся они в списке без вести пропавших...

Пусть это безымянные героини, мы, живые, должны с уважением относиться к их памяти и рассказывать подрастающим поколениям об их героической смерти. Пусть не забывает молодежь тех, кто 20 лет назад совершил свой последний подвиг: умер за Родину. Об этом забывать нельзя. В Бонне спешат «за давностью» лет простить убийц. Это иначе нельзя понимать, как издевательство над теми, кто перенес войну, и глумление над памятью тех, кто умер от руки фашистских убийц.

Гусева Т.¹²⁹

10 марта 1965 г.

Краснодарский край, ст. Ново-Лабинская.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 16. Л. 106—111 об.

№ 46

Нас спасали женщины

Я очень вас прошу в честь Дня Победы над немецкими фашистами опубликовать в газете «Комсомольская правда» и передать по радио 8-го или 9-го мая после 15 час. дня по московскому времени мою чистосердечную благодарность и от числа 51 человека военнопленных, солдат

---

¹²⁹ Учительница СШ № 32 записала воспоминания жителей станицы, очевидцев событий.

и офицеров, которые были приютены на некоторое короткое время жителями деревни Линовка Дашковского с/совета Быховского района Могилевской области в период 1941—1942 гг. Жители этой деревни очень много спасли нас, молодых солдат, офицеров и военнопленных украинцев, которых с могилевского лагеря немцы отпускали по домам, от немецких карательных отрядов, которые при встрече любого из нас расстреливали как партизана, без разбора.

Все офицеры, солдаты и военнопленные, которые временно скрывались от немцев, находили безотказную защиту своей жизни от немцев в этой деревне. Конечно, домой в это время никто и не думал пробираться, да и не у всех была родина-дом на Украине и Белоруссии. Многие были из г. Горького, с г. Костромы, я помню, звали его Александром, учитель-математик, в армии он был лейтенантом, красивый чернявый молодой человек, он очень многим солдатам давал короткие советы и организовал из нас группы, ушли мы в партизаны. В этой группе был и я. Еще был с нами лейтенант из г. Орша, тоже учитель, его фамилия Никольский Петр, очень образованный человек.

Помню своего задушевного друга из г. Запорожье, Василий по имени, фамилию я забыл. Мы с ним вдвоем переплывали реку Днепр. Он хорошо плавал, а я как топор, и вот он меня перетаскивал, лежа на березовом полене, он меня тащил по Днепру километра 2—3 по течению, как родного своего, и все же перетащил меня на правый берег. И вот мы случайно оба, друг с другом не знакомые, подружились и зашли переночевать в деревню Линовка, где нас, конечно, спрятали от немцев. Первая женщина-вдова деревни Линовка приютила нас двоих — это была солдатка-вдова, ее муж был убит на финской войне, она осталась с 11 лет сыном Мишей.

Это была Аксинья Елина, вторая наша была спасительница — тоже вдова — Екатерина Елина, мать двух близнецов-сыновей, по 3 годика каждому, ее мужа убили на финской войне. Таких было много людей в деревне.

Лично моя спасительница моей жизни — это была женщина-вдова погибшего мужа на железной дороге Матрена Апанасовна Елина, с 1913 г. рождения, она жила с дочерью 7 лет Ниной и отцом Апанасом. Они меня, как родного сына, приняли и некоторое время спасали от немцев. А когда я ушел в партизаны, я по ночам по заданию командира партизанского полка с его личным адъютантом Бобковым Володей приезжали в дер. Линовка к этой Матрене Апанасовне и через нее узнавали о благополучии жизни жены и дочерей нашего командира партизанского отряда, которые жили на разъезде 5—6 км от Линовки.

Дорогие мои однополчане, которые проживали в 1941—1942 гг. в деревне Линовка и остались в живых, откликнитесь и поблагодарите жителей деревни Линовка. Я лично от всего своего сердца со слезами на глазах благодарю всех жителей дер. Линовка, а самое главное — это

Матрену Анапасовну Елину, Екатерину и Аксиныю Елиных, а также бывшего счетовода ихнего колхоза Лавра за их человеческое сердце и их бесстрашие перед немцами из-за нас. Но а если погибли из наших 52 чел., то я и от их, мертвых, благодарю всех жителей дер. Линовка, а кто остался в живых, я думаю, он откликнется и сам вас поблагодарит. Мог бы больше описать, на это надо время и место в газете... До свидания, мои спасительницы.

7 мая 1965 г.,

Данилейко Н.К.
г. Челябинск

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 17. Л. 42—42 об.

№ 47 Отсрочка от смерти¹³⁰

Удивительное явление жизни — наш советский человек. Для буржуазного запада он является непонятным, загадочным. Удивляются там, откуда в нашем человеке столько самоотверженности и веры, как они говорят, фантастической веры в свои принципы и идеи. В свое время немецкие фашисты не поняли этого, за что и заплатились своими собственными головами.

Я был на фронте с первого и до последнего дня войны, а поэтому мне пришлось очень много видеть героических и самоотверженных поступков наших людей. Но особенно мне запомнился один.

Это произошло в 1942 году в лагере военнопленных, который находился недалеко от города Бобруйска.

Немцами из пленных была организована специальная хозяйственная команда. Подбирались люди надежные, которые безропотно принимали немецкий порядок жизни и даже помогали его поддерживать. Так казалось немцам да и нам сначала. Вся команда пользовалась преимуществами: работали они на более легких работах и без конвоя. Даже ездили по деревням собирать продукты, но с немецкими солдатами. А некоторые с немецкими конвоирами водили нас на работу. Старшим в этой команде был военнопленный Грозов, человек независимый и строгий, немцы доверяли ему. Мы презирали эту команду, называя ее «немецкой дружиной», держались подальше от них и особенно от Грозова, думая, что неспроста даны им такие привилегии. Но выводы наши оказались преждевременными.

В наши руки часто попадались листовки, напечатанные в типографии и на машинке, призывающие к борьбе с немецкими оккупантами. Ясно, что они попадали с воли и что здесь действует подпольная организация.

---

¹³⁰ Воспоминания записал Шитов С.Т.

Через некоторое время мы установили связь с подпольной организацией. К нашему удивлению, организатором и руководителем подпольной работы был Грозов. У них был план: поднять восстание и освободиться из плена. Более того, через жителей деревни была установлена связь с партизанами, они должны были помочь освободиться.

И вдруг Грозова арестовывают. За ним давно наблюдал один предатель, который был завербован немцами. Он увидел, как Грозов передавал листовки одному пленному. Это происходило в конюшне за зоной. Когда они увидели, что предатель видел все, а о том, что он предатель, они знали, т.к. были предупреждены, они бросились на него, хотели убить, но тот убежал. Они разошлись по своим местам, а тот пленный, которому Грозов передавал листовки, исчез совсем, а вечером арестовали Грозова и через два дня приговорили к смерти. Вечером, когда все вернулись с работы, всех пленных выстроили около казармы перед виселицами. Шесть виселиц всегда стояли наготове перед нашей казармой.

К одной из виселиц подвели Грозова. Высокий, худощавый, он еле переставлял ноги. Весь избитый, одежда изорвана, руки связаны за спиной.

Немцы торопились, чтобы скорее закончить казнь, т.к. надвигалась гроза. Кругом потемнело, а молнии с грохотом рвали тяжелые тучи. Падали первые капли дождя, когда зачитывали приказ о повешении.

Когда на шею накинули веревку, было видно, как он шевелит губами, очевидно, что-то говорит, но слов не слышно, очевидно, у него уже нет сил. Когда палач выбил у него из-под ног ящик, дождь лил как из ведра, кругом грохотал гром и ослепляла молния, казалось, сама природа протестует против казни. Как начался дождь, немцы стали разбегаться, а когда выбили ящик из-под ног его, убежали и мы в казарму. Оглянувшись назад, я увидел, что около повешенного столпились люди, а через несколько минут кто-то, глядя в окно, воскликнул удивленно:

— Ребята, а его нет!

Все бросились к окну и через пелену дождя увидели, что на виселице болталась пустая петля. Я понял, что, пользуясь суматохой, его товарищи утащили его и, очевидно, сами схоронят, чтобы не дать немцам издеваться хотя бы над трупом.

Гроза прошла, и дождь перестал. Немцы заметили, что труп исчез. Они испугались такого самоуправства, забегали, обыскивая весь лагерь. Перерыли все, допрашивали, избивали, но ничего не нашли.

Утром, как обычно, всех пленных повели на работу. У ворот лагеря собралось все начальство, тут были какие-то не знакомые нам люди в штатском, как мы определили, из гестапо или управления. Всех тщательно пересчитывали, проверяли.

В этот день мы работали на погрузке леса, хозяйственная команда тоже рядом с нами. Их законвоировали и лишили всех привилегий.

Спрашиваем у них, куда девали Грозова. А они отвечают: «Не знаем, может, на небо вознесся, может, сам бог спустился и забрал его в рай за муки праведные. Сами видели, что делалось на небе».

А верующие восприняли эту шутку вполне серьезно.

Вечером все начальство лагеря заявилось в наш барак. Мы, стоя, замерли у своих нар, ожидая, что будут обыски, аресты, истязания. В соседнем блоке, где помещалась хозяйственная команда, тоже стояли так же, как и мы. Весь блок нам был виден через широкую дверь, которая обычно была заколочена.

Но случилось не так, как думали мы. Заговорил комендант и стал хвалить смелость и товарищескую взаимопомощь русских солдат. Все ждут, а чем же он кончит свою речь, но он в конце сказал, что пусть признаются, куда исчез труп, и что за это наказывать он не будет, что немцы тоже уважают храбрых русских солдат.

«А если он жив, — немного помолчав, добавил комендант, — я ему дарю жизнь. Но я уверен, что он мертв».

Все молчат. На уверения коменданта никто и внимания не обращает. Разве можно верить его слову. Заговорил немец в штатском и тоже стал хвалить русских, а потом стал превозносить немецкую империю и ее порядки. Начал за здравие, а кончил за упокой, заговорился так, что даже комендант сморщил недовольную гримасу. Все молчат. Снова заговорил комендант. Уж очень ему было любопытно узнать все, а потому он применил к нам новый метод, уговаривал, хвалил русских за храбрость, но не угрожал. Но мы понимали его по-своему. Уже часа два как уговаривают признаться, а все молчат.

Вдруг в соседнем блоке вышел из строя один пленный и обратился к коменданту:

— Можете поклясться, что не обманете?

Все насторожились и смотрят на солдата и коменданта.

— Заявляю при всех своих офицерах, что я сдержу свое слово.

Солдат, немного подумав, подошел к бочке с водой, что стояла у стены, вышел еще один солдат, и они вдвоем сдвинули бочку, убрали доски, присыпанные землей, подняли из ямы Грозова и поставили на ноги. Все в бараке замерли от удивления и ужаса. Перед нами стоял живой мертвец. Он был страшен. Высокий, худощавый, стоял, покачиваясь, как пьяный, безжизненно опустив руки. На руках, на шее, на лбу выступили, как веревки, вздутые синие вены, глаза расширены и налиты кровью, уши распухли и, как отмороженные, нелепо торчали по сторонам. Волосы серые, будто посыпаны пеплом, а на шее от веревки остался темно-красный рубец. Силы оставляли его, и комендант приказал унести его в госпиталь. С тревогой проводили глазами Грозова.

Теперь все внимание приковали двое солдат. Они стояли рядом, ожидая своей участи, но не ждали милости. Было видно, как от страха

подрагивают коленки и руки. Думаю, теперь конец ребятам. Комендант подошел к ним и спросил:

— Но вы же вдвоем не смогли бы это сделать?

Они молчат. Из строя вышли еще двое и встали рядом. Эх, думаю, ведь на смерть идут ребята.

Комендант еще больше удивился, смотрит на них пристально с одной стороны, с другой, долго, изучающе, потом подошел к тому, что первый вышел, положил руку на плечо и сказал:

— Молодцы, — и быстро вышел из казармы, а за ним и вся его свита. Чувствовалось, что даже комендант и его подчиненные были поражены этим случаем, а ведь для них убийство людей — это их работа.

В эту ночь долго не спали, шептались, восхищались теми четырьмя нашими солдатами, ведь они ради Грозова шли на смерть, ради того, чтобы спасти своего товарища. Но что теперь с ними будет? И все пришли к одному выводу, что через какое-то время их незаметно отправят под предлогом перевода в другой лагерь, и все... Просто дадут отсрочку от смерти.

Но подпольная организация продолжала дело Грозова, пока он лежал в госпитале.

Вскоре в лагере произошло восстание, и все пленные, освободившись из-за колючей проволоки, ушли партизанить.

Грозов остался жив, участвовал во многих боях, был смелым и бесстрашным.

10 июня 1961 г.

*Деникеев Н.П.
г. Свердловск.*

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 85. Л. 38—46.

№ 48

Пусть люди об этом знают

...Я не могу себе простить, что до сих пор вам не сообщил о хорошем человеке, мужественной молодой русской девушке, погибшей мученической смертью в руках фашистов.

Если мне не изменяет память, в 131-й стрелковой бригаде 11-го стрелкового корпуса весной 1943 года служила медсестра Солодянкина (Валентина или Нина), отчество не помню, уроженка Владимирской области. В боях за освобождение станицы Анастасиевской Краснодарского края часть, в которой служила Солодянкина, пошла в атаку. Под сильным огнем противника один из батальонов продвигаться не мог и залег. Солодянкина бегала перед залегшими бойцами и призывала их продолжить атаку. Но дело сложилось так, что немцы перешли в контратаку. Командир одной роты (по национальности армянин) проявил трусость и малодушие и сдался с ротой в плен врагу. В числе сдавшихся (в плен) оказалась случайно и Солодянкина. Она была комсомолка.

Тело Зои Космодемьянской после казни

Фашистские технологии. Расправа с партизанами завершена. 1941 г.

Немецкий комендант разъясняет колхозникам «новый порядок». 1941 г.

За малейшее подозрение — казнь через повешение. Киев, 1941 г.

Гитлеровцы вывозят продовольствие, награбленное у местного населения

Гитлеровские офицеры пакут награбленные вещи

*Новоявленный повелитель обьезжает на пароконной пролетке
«свои» владения*

*Жители оккупированной деревни Зубцово Калининской области
с бирками на шее с названием деревни, как рабы*

Захват деревни гитлеровской воинской частью

Порка мирных жителей

Женщины сопровождают телегу с телами расстрелянных односельчан

Немецкие солдаты гонят свиней на убой

Фашистские мародеры

Киев. Бабий Яр — место массовых расстрелов мирных жителей

Расстрел гитлеровцами советских граждан

*Красноармейцы, освобожденные из фашистского плена.
Юхнов, март 1942 г.*

Разведчик-партизан, замученный фашистами. 1943 г.

Казнь последнего еврея в Виннице 25 августа 1942 г.

*Немецкие факельщики
за работой*

Расправа над пленным командиром Красной Армии

Унтер-офицер СС травит собаками советского военнопленного

Тюремный двор в Ростове после ухода немцев

После казни

Один из многих расстрелов

*Злодеяния гитлеровцев.
Гатчина, январь 1944 г.*

Семья колхозника, зверски убитая в день отступления немецких войск

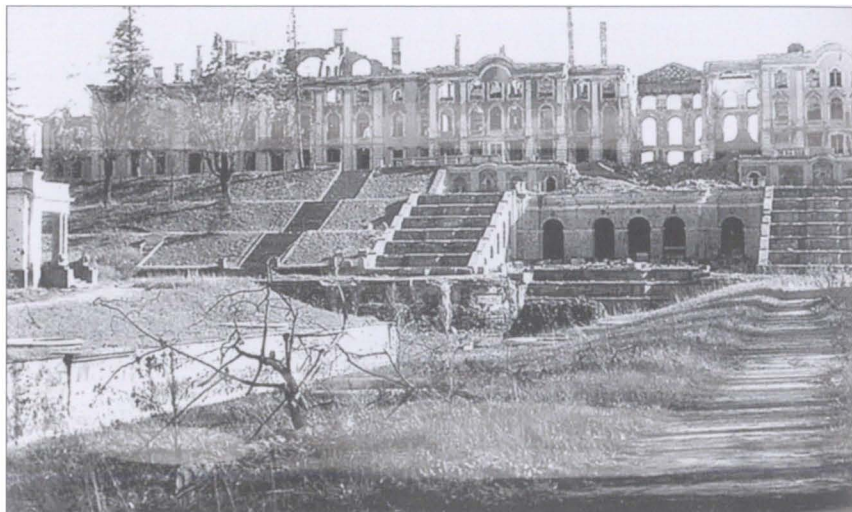
Убитые советские военнопленные на улице оккупированного Киева

Останки замученных в лагере советских военнопленных. Псков, 1944 г.

Вид на разрушенный немецкими войсками Большой дворец ансамбля Нижнего парка Петергофа

Развалины Новоиерусалимского монастыря, взорванного немецкими войсками 10 декабря 1941 г.

Вначале считали, что Солодянкина изменила Родине и присяге, но это только показалось. На самом деле обстоятельства сложились так, что она попала в лапы немецкой контрразведки. Ее два дня непрерывно допрашивали фашисты, мучили и истязали... Но патриотка Солодянкина ничего им не сказала, никакой военной тайны не выдала.

В два дня страшных пыток она ухитрилась написать пародию на мотив «Землянки», где писала, что до смерти ей осталось два шага, две минуты... Написанную пародию она передала хозяйке дома в ст. Анастасиевской, которую просила передать ее первому нашему солдату, который войдет в эту станицу (к сожалению, я сейчас не помню ни фамилии хозяйки дома, ни номера дома, в котором истязали Солодянкину).

Хозяйка дома выполнила просьбу девушки. Пародия была передана нашим передовым частям, которые вошли в станицу через два дня после пленения Солодянкиной немцами.

Через эти два страшных дня наши передовые подразделения обнаружили труп Солодянкиной в кювете на окраине станицы Анастасиевской.

Девушка была страшно изуродована: была совершенно голой, груди отрезаны, на щеках следы ожогов (видимо, фашисты прикладывали к щекам патриотки горящие сигареты или раскаленные предметы), пальцы на руках и ногах повыкручены, вся шея синяя...

Девушку Солодянкину наши бойцы похоронили в станице Анастасиевской.

...Свидетелями обнаружения ее трупа тогда были служившие со мной в одной части бывший капитан Киреев Александр Никитович, уроженец Смоленской области; Олесницкий Семен Борисович – майор или, кажется, капитан Марков и ст. лейтенант Комаров. Откуда были Марков и Комаров, я не знаю, но Олесницкий, точно, был из Усть-Каменогорска. До войны работал начальником отдела кадров на одном из предприятий этого города.

Майор Олесницкий С.Б. это страшное событие записал в свой дневник. Он вел дневник. В дневнике у него была переписана и пародия на «Землянку», которую в предсмертные часы написала юная патриотка Солодянкина. Олесницкий эту страницу из дневника и копию пародии зачитывал мне.

Думаю, что о Солодянкиной что-то должно быть в архивах бывшей 9-й армии Северо-Кавказского фронта.... Писать эти строки тогда довелось мне по документам, которые поступили из бригады...

В феврале 1943 года была освобождена станица Роговская Краснодарского края. На ночлег мы остановились в этой станице. Через час к нам пришла женщина, уроженка и постоянная жительница г. Одессы, еврейка по национальности. Она нам рассказала, что из Одессы эвакуировалась на Кубань, где и была застигнута немецкими оккупантами.

У женщины был ребенок — девочка двух лет по имени Майя. До оккупации одесситка вместе с девочкой проживала у местного сапожника, казака, пожилого человека, лет 60.

Когда пришли немцы, сапожник переправил одесситку к партизанам в Плавни, а девочку оставил у себя. Мать девочки (кажется, по имени Соня), сапожник и его жена договорились, что они будут воспитывать девочку, а после освобождения станицы Соня заберет девочку к себе, если же Соня погибнет, сапожник и его жена выведут девочку в люди.

У сапожника (был) сын в офицерском звании, служил в Советской Армии. У него тоже была дочка приблизительно такого же возраста, как Майя. Старик объявил девочку-еврейку своей внучкой.

Но кто-то из предателей донес в комендатуру и гестапо, что старый казак скрывает еврейского ребенка. Казака начали таскать по «комендатурам», допрашивать, чтобы он признался, что девочка действительно еврейка.

Старик был тверд и стоял на своем: девочка — его внучка.

Дело дошло до медицинского консилиума. В комендатуру вызвали старика, принесли девочку, сюда же прибыл немецкий военный врач. Он с первого взгляда «определил» — «Кляйне медхенюде».

После такого заключения старому казаку и девочке было несдобровать. Но в ход данного «следствия» активно вмешался комендант, который, по рассказам старика, был «с какими-то причудами» и якобы был не «чистый» немец, а помешан по крови с чешской нацией.

Он взял девочку на руки, затем посадил на стол перед всей «комиссией» и заявил: «Ребенок русский, у нее казацкие черты лица». Затем он закутал девочку и отдал старому казаку, сказав при этом: «Неси домой и воспитывай».

После этого старика и девочку никто не трогал, а затем станица была освобождена советскими войсками от оккупантов.

Мать девочки Соня из Плавней вернулась в станицу в день ее освобождения и безмерно была рада, что ее ребенок избежал большой опасности. Она безмерно благодарила старого казака и его жену, воинов Советской Армии за спасение.

Об этом нам рассказывала лично одесситка Соня, а затем этот рассказ в тот же вечер подтвердил сапожник.

Как жаль, что я не вел дневника!

Интересно все же разыскать сейчас Соню, Майю, старого казака-сапожника и его жену и рассказать о судьбе Майи, о ее жизни в настоящее время.

Дюканов М.Г.

13 февраля 1965 г.

г. Бердичев, Житомирская обл.

Ф. М. 98. Оп. 3. Д. 19. Л. 109—114.

...Я, Жданова Анна Федоровна, находясь в рядах Советской Армии, была радисткой в 6-м Краснознаменном «ЛАП». Наш полк все время сражался на передовой линии фронта. И вот 27 сентября 1942 года в четыре часа утра завязался бой. Это было под г. Моздоком. Из-за плохой видимости (тумана) немцам удалось прорваться. Наш расчет артиллерийской батареи был уже выведен из строя. Оставались в живых несколько бойцов и нас — две девушки. Мы находились в окопе связистов, нам было задание поддерживать связь с полком и дивизионом. Здесь также находился политрук батареи ст. лейтенант Абрасиенко и замполит Ступаков. Командир батареи капитан Лапшин в это время был на НП, который находился в данном случае сзади нас из-за местности.

Когда Нам передали с НП, что немцы впереди прорвали пехоту. «Но вы пока оставайтесь на месте, пока наши не заберут орудия, потом вам комиссар даст указания».

Орудия не удалось вывезти, немцы пустили по этой ложине много танков. Комиссар дал нам последний приказ, который передали по телефону, что нас осталось всего с комиссаром 7 человек. Конная тяга, которая вышла из укрытия для переброски орудия, была разбита. Комиссар нам приказал следовать за ним. Когда мы выползли из окопа, то увидели, что от разрывов горело все вокруг. Ползти было очень трудно, снаряды засыпали, подругу Аню Горобец ранило в руку. Я обернулась, чтобы ее перевязать, и мне разорвало осколком челюсть; вторая пуля подруге пронзила грудь, и рана оказалась смертельной. Здесь было много трупов наших бойцов, и я прилегла за них, ползти было уже невозможно, потому что сюда били немцы и стали бить из других батарей наши и с самолетов. Было что-то ужасное. Пока я перевязывала Аню, комиссар и трое бойцов были уже далеко.

В это время немцы уже проходили по нашим трупам и добивали наших раненых. Замполита Васю Ступакова они закололи штыком, это было рядом со мной. Я лежала с разбитой челюстью, близко прислонясь к мертвой подруге. У меня в гимнастерке были комсомольский билет, красноармейская книжка, деньги и фото. Их я закопала возле себя в землю. Потом несколько немцев подошли ко мне, начали обыскивать карманы, но ничего не нашли, кроме двух яблок в шинели, которые забрали, принялись допрашивать (из какой части и кем служила, где твоя сумка санитарная). Я ничего не отвечала, они меня поднимали за волосы, но у меня было все лицо в крови и в грязи, челюсть сильно разорвана. И один из них говорит: «У нее разбита челюсть и отнялся язык, она ничего не говорит». Тогда офицер, что стоял в стороне, взял и выстрелил мне в спину. И сказал на ломаном русском языке: «Пусть подохнет». И ушли в свои части в сторону г. Молгабека.

Мне показалось, что меня прибили к земле. Я попыталась перевязать себя, у меня в кармане были бинты, но с перевязкой у меня ничего не вышло, так как правая ключица у меня была пробита, бинты сразу стали окровавлены. Кровь сильно пошла из груди, я теряла сознание и приходила в себя, я завидовала убитым. Стонал лейтенант Алферов, но я ничего не могла сказать, я задыхалась.

Часов в 7 утра рассеялся туман, немцы проезжали по дороге в сторону Молгабека. Это место продолжали засыпать снарядами. Я от них не спасалась. Мне было безразлично. Шинель моя пропиталась кровью. А помню, просила: «Убейте меня», — но никто меня не слышал. Я пыталась сказать, я задыхалась. Очень хотелось жить, но на спасение жизни не было никакой надежды: помощь оказывать было некому. Санинструктор и фельдшер остались на НП.

Мне очень хотелось спать, но я боролась, я знала: если я усну, больше не проснусь. Очень хотелось пить, хотя бы из какой-нибудь лужи, но ее не было, — все же жить очень хотелось, но оставаться на занятой позиции я боялась больше смерти. Боялась, что будут издеваться. Сколько времени было, я не знаю, но солнце было уже на обед. Снаряды продолжали рваться.

Я подняла голову и со стороны кукурузы заметила бойца с красной звездочкой. Он меня тоже увидел, что я среди убитых живая. Подошел, но я его не знала — он из другой части. Он меня взял, перенес в окоп наш, но перевязать было очень трудно, сильно кровь пошла. Он взял наши вещмешки, где было белье наших бойцов, стал разрывать и перевязал мне раны, но я была сильно плохая. Я уже не стонала, только хрипело в груди. Потом он увидел еще бойца, позвал его в окоп. Это был грузин Мусошвили из нашей части. Он был ранен в руку. Он и его перевязал, меня он усадил в окопе, я задыхалась, очень хотела пить, но воды нигде не было даже близко.

И вот мой незнакомый боец заговорил с грузином и назвал себя Володя Галкин из соседнего полка пехоты. Тогда Володя говорит: «Я сейчас достану воды», — и ушел ползком, потому что рвались снаряды и бомбы. Его долго не было, потом вернулся, но воды нигде не нашел, а принес красных помидоров, но я их не укушу, у меня зубы не действуют. Он стал выдавливать сок и поить меня. Мне на мгновение становилось легче, жажда утолена. Потом он говорил, что здесь на огневой (позиции) блуждают лошади, мы уедем! Но потом их побило. Тогда он на меня надел какой-то морской бушлат, вывернул, чтобы звездочек не было (видно), он был вместо жилета. Так я прожила до вечера. Теперь они с грузином берут хорошие шинели, гимнастерки и говорят, что мы, Аня, и для тебя берем, а я такая плохая, что думаю — я не смогу идти, они меня бросят. Прошу Володю: «Будете уходить — добейте меня!» Я боялась, чтоб немцы не издевались, а он говорит: «Раз я сказал, что спасу, брошу (только) тогда, когда ты умрешь!»

Немцы заняли рядом окоп, но они тоже были ранены. Нам надо уйти, чтобы они не видели. И вот меня он стал из окопа выводить. Я сразу упала за окоп. Потом повел по бурьянам в сторону, говорит — Вознесенки. Но как я шла, этого не передашь. У меня сапог за траву зацепится, я его не передвину. У него терпения хватало меня вести. Грузин шел и стонал.

Мы шли так долго, кажется, вечность. Я все время хотела пить, он меня обманывал, как дитя: «Вот дойдем до того бугорка, там есть вода!» Я знала, что нет там воды, но жажда была так велика, что я собирала силы последние и шла дальше. Потом он говорил: «Нет — это за следующим бугорком!»

Мы шли, но мы не знали куда. Потом он оставил нас с грузином возле скирды сена, а сам пошел узнать — какие-то подводы шли по дороге. Долго не было. Мусошвили сказал: «Аня, пойдем, Володя ушел». Но я не смогла идти. Тогда он ушел один. Я осталась стоять, прислонившись к скирде, мне садиться было трудно. И вот я одна в степи ночью в таком состоянии. Но мне не было страшно. Были минуты, хотелось жить, а потом думала — хотя бы умереть, слишком тяжело было. Потом — слышу голос. Это Володя ругает этого грузина, что он меня бросил. И они пришли, и Володя забрал меня и повел дальше. То были подводы русские, но они везли снаряды, а нам сказали: «За этим бугром, если еще не выехала, была санчасть». И опять пошли, но прошли немного.

Я уже дальше не могла даже передвинуть ноги. С трудом сказала: «Идите, а я буду здесь, жива буду — утром, может, кто найдёт!» Володя сказал: никуда не пойдем, сейчас что-нибудь придумаем. Потом он заметил: на другой дороге какая-то тень. Он побежал и возвращается — на мое счастье — с военврачом. Он ехал на линейке, куда — не знаю. Они меня забрали на линейку (положили) сена, полусидя, усадили. Но что это была за поездка — у меня душа расставалась с телом, так трясло! Володя, врач, грузин и едовой шли пешком. Володя рассказывал врачу, как он меня вел. Потом на рассвете меня привезли в какую-то санчасть, стали обрабатывать раны, делать уколы. Я еще слушала звонкий голос этого Володи Галкина, но уже больше я его не видела. Даже не поблагодарила его за то, что он мне спас жизнь. Потом меня повезли в г. Орджоникидзе в госпиталь. Вылечили. И вот я живу на свете благодаря этому Володе, о котором так мало знаю. Я сейчас замужем, у меня сын, которого я назвала в честь спасителя своего Володи... Муж мой и сын Володя тоже благодарят его за то, что он мне спас жизнь.

...Вот сколько времени прошло, а я все чувствую себя в долгу перед ним. Если он жив, пусть услышит или прочитает слова благодарности той девушки, которую он спас. Мне тогда было 20 лет.

*Жданова-Белогаева А.Ф.
г. Нальчик*

7 мая 1961 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 5. Л. 67—72.

Такое нельзя простить

Это было летом 1943 года на 2-м Белорусском фронте во время наступления наших войск. Наше подразделение легкой артиллерии с боем ворвалось в небольшое село Боханы на Могилевщине. Село было почти все сожжено, уцелело несколько окраинных изб. Отступая, фашисты в бешеной злобе обливали бензином дома и поджигали... Оставшееся население, которое не смогло спрятаться, фашисты согнали в гумно (овин) и подожгли его вместе с людьми. На пепелищах лежали обгорелые трупы людей. В другом селе, Корсики жителей согнали в большой сарай, заперли его и подожгли. Если кто через пламя прорывался наружу, немецкие автоматчики тут же расстреливали их.

И еще страшное злодеяние произошло под Могилевом (название села не помню). Там не оказалось сарая: все было сожжено, а жители ютились в землянках и погребках. Поэтому фашисты сделали так: фашистские автоматчики согнали жителей села в кучу (их было из 150 дворов села около 500 человек). Там были женщины, дети, старики, подростки. Им было приказано лечь, потом подвозили возами солому, обкладывали кругом и наверху и подожгли. Кто пытался выползти из огненного ада, того автоматчики добивали пулями... И только чудом, вся обгорелая, еле живая, осталась женщина в живых. Она и рассказала, как все происходило... До прихода советских войск кличевские партизаны совершили отчаянный налет на немецкие гарнизон и войска, находящиеся там в отступлении. Немало убили партизаны врагов — около сотни, взяли трофеи. Назавтра прибыли новые части фашистов и по приказу фашистского подполковника фон Штаубе начали жестоко мстить мирному населению, считая село партизанским. За несколько дней до нашего прихода они согнали стариков, женщин и детей и совершили вышеописанное злодеяние.

Наши бойцы собрали останки сожженных людей, вырыли могилу, с почестями похоронили погибших, поставив деревянный обелиск со звездочкой наверху. На щите химическим карандашом написали: «Здесь похоронены советские люди — верные патриоты нашей Родины. Вечная память героям! Смерть немецко-фашистским оккупантам! Август 1943 года. Бойцы № подразделения».

Другая жестокая картина поразила нас, когда мы подошли к кирпичному домику, возле которого стояла старая береза. На нижнем суку висел изуродованный труп с дощечкой на груди. «Это партизан. Такую смерть получит каждый». Молча мы сняли фуражки и почтили память героя минутным молчанием. Вдруг один партизан, который вместе с группой партизан вышел из леса, воскликнул:

— Мурат! Друг мой! Эх, изверги!.. — и заплакал по-мужски. Повешенным оказался партизан-разведчик по имени Мурат Магамбетов, из далекого казахстанского аула, что на Актюбинщине, как сообщил

нам его друг Николай Савельев из Гурьевской области. Около двух лет вместе воевали, спали, делили хлеб-соль пополам, в общем — жили, как братья. И в разведку вместе ходили. А вот в последний раз Мурат отправился в разведку один.

«Я, мол, быстро узнаю, сколько там фрицев, и обратно... Одному удобнее, менее заметнее...» И вот не вернулся. Попался в руки палачей. Труп его сняли с дерева, и тут все увидели варварские следы пыток, ужасных и невиданных. Кисти рук, голени ног и кости их переломаны (видимо, вызывали ужасную боль, чтобы не выдержал — заговорил, но он молчал), глаза выколоты, тело все в ожогах и ссадинах, а на спине и груди вырезаны ножом две звезды... Под ногтями торчали иголки.

— Как же ты, сынок, выдержал такую адскую боль?! — воскликнул бородастый партизан. Женщины-партизанки захлипали и начали сморкаться в платок...

В доме нашли труп толстого фашиста с майорскими погонами. Во френче нашли документы и фотографии, на которых запечатлено: виселицы, трупы, и он стоит, улыбающийся и довольный. Видимо, дома собирался похвастаться своей жестокостью, ведь у них это принято считать за героизм. Да вот не удалось. «Майор войск СС фон Гейде», — прочитали мы на документах.

Савельев вытащил финку, которая по рукоятку сидела в груди фашиста, и прочел на рукоятке: «М.М.».

— Его финка... Все-таки недаром терпел пытку. На одного матерого гада стало меньше... — сказал Савельев и воскликнул: — Я отомщу за тебя, Мурат!

Мы наступали на Запад. И в каждом населенном пункте видели следы хозяйничанья фашистских оккупантов.

В небольшом городке Климовичах видели братскую могилу, в которой похоронено несколько сот советских людей. Жители городка рассказали нам:

— В городе была тюрьма. В ту тюрьму сгоняли с нескольких районов людей, попавших в руки гитлеровского гестапо по доносу предателей, а также все еврейское население. Сначала обреченные под конвоем немцев и полицаев ходили копать большой котлован. Люди думали, что немцы задумали строить дом, значит, под фундамент. Ан нет. Когда он был готов, к нему привели большую группу людей из тюрьмы — оборванных, худых и изможденных до крайности, заросших волосами. К вечеру колонна узников была расстреляна. До краев наполнился котлован трупами людей. Некоторые были только ранены, но и их забросали землей... И еще долго шевелилась земля над трупами, сочилась кровь...

Застольский М.Е.

6 марта 1965 г., Казахская ССР, Чимкентская обл. с. Корниловка.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 23. Л. 52—54 об.

Партизанский Павлик Морозов — под этим именем живет в краю брянских партизан память о комсомольце Алеше Курзине.

Вечером в деревне уже стучали мотоциклы немцев. Алеша со страхом смотрел, как дядька, весь день пролежавший на кровати, теперь усердно прилаживал перед зеркалом пропахший старым сундуком свой черный костюм. Потом дядька вышел на крыльцо. Вернулся он уже с немцами. Услужливо смахнул полотенцем пыльные стулья, достал сало, стаканы.

«А это кто?» — один из немцев заметил Алешу. «Племянник, — сказал дядька, — школьник».

У дядьки Алеша жил каждое лето. Дядька у Алеши оказался предателем. И раньше в Артемовке звали его кулаком. С первого дня Алеша стал думать о партизанах. Они были рядом. Часто просыпаясь, Алеша видел наполненную светом комнату.

«Конюшню немцы сожгли, и скотины им не жалко», — громко бормотал у окна дядька.

Однажды у широкого крыльца дома скрипнула тормозами черная легковая машина. В сенях через минуту застучали сапоги...

«Из самого города пожаловали», — успел выдохнуть дядька. Полицей, сопровождавший офицеров, объяснил, что господам надо отдохнуть до утра. «Ты, Михайлович, наш человек, сам понимаешь...»

Солнце было еще высоко. Незамеченный, Алеша выпрыгнул во двор. Огородами добежал до пыльной дороги. Она шла в лес. Добраться до Петраково, а там можно точно узнать, где партизаны. В лесу было спокойно и тихо. У деревни его кто-то окликнул: «Ты куда, малец?» — на дороге стоял человек с лицом, совсем не предвещавшим что-то хорошее.

Но через несколько минут они уже пробирались сквозь густой орешник. Наконец мужчина остановился. «Стой здесь, малый! Сейчас расскажешь».

Потом Алеша в первый раз увидел партизан. «У нас в хате немцы из города, — сказал он. — Дядька с ними водку пьет, и ночевать они у нас будут, а потом в Епишево поедут. Я от полицей слышал».

Облизывая разгоревшиеся от волнения губы, он попросил, чтобы ему разрешили остаться в отряде. Но один из партизан покачал головой. «Ты молодец, Алешка, — сказал он, — но лучше, если ты останешься дома. Понимаешь, это твой окоп, Алеша. А господ немцев мы встретим. И никому ни слова, что был у нас».

Так получил Алешка Курзин первое в своей жизни боевое партизанское задание: наблюдать за фашистами, что бывают в доме у дядьки.

¹³¹ Воспоминание о Курзине А. записаны со слов жительницы деревни Жарынь Суесовой М.С.

А наутро черная легковая машина с офицерами взлетела на воздух по дороге в Епишево. Узнав о судьбе недавних гостей, дядька не на шутку встревожился. Но немцы его не тронули. И по-прежнему о каждом сборище немцев Алеша доносил партизанам. И снова машины с немцами взлетали на воздух. Теперь дядька почти не спал. Видимо, что-то насторожило его.

Алешка и на этот раз возвратился поздно. Попробовал войти в дом, дверь закрыта. Пролез через окно. И тут же сильная рука до боли сжала его плечо. «Ты где ходишь, — закричал дядька, — где, тебя спрашивают?!» Потом старик ударил его. Бил он больно. В первый раз Алеша не плакал, когда его били. В окопе не плачут.

Партизаны уже знали о предстоящей операции против них. Но когда она назначена, где сосредотачивают свои силы каратели — об этом узнать было трудно. Все проводилось чрезвычайно секретно. Добыть сведения партизаны поручили Алеше Курзину.

Добротный дом дядьки сразу привлекал внимание всех приезжающих в Артемовку. К тому же сад, раскинувшийся за домом, был сплошь уставлен домиками ульев. Сидевший в кабине немецкий капитан даже засмотрелся на красавец дом. Тут же решил заглянуть сюда как-нибудь. Но когда машина поравнялась с домом, в крышу кабины забарабанили.

— Стой, — сказал капитан.

— Здесь, — прыгнул на землю полицей.

Для капитана это было неожиданным. Честно говоря, он ожидал, что в проводниках будет какой-нибудь нищий старик, обиженный за что-то Советами. А тут все вышло наоборот. На стук вышел Алеша.

— Михалыч дома? — спросил полицей.

— Дома.

Полицей пропустил вперед офицера. Двое солдат остались на крыльце.

— Я рад, что свой человек, — еще за дверью услышал Алеша говор немца. Тенью мальчик проскользнул в хату. Дядька уже усаживал приезжих. И вдруг приглушенный голос полицей заставил Алешу оцепенеть.

— Гадов у нас развелось в округе. Пришла пора, Михайлович. Дороги ты в лесу знаешь и логова ихнее...

— Вы должны собираться, — прервал офицер. — Показать путь.

Алеша с трудом сдерживал дыхание, чтобы не выдать себя. Наконец-то.

— А сейчас куда? — спросил дядька.

— В Жарынь, оттуда начинать будут.

Машина уехала.

Алеша бежал по знакомой дороге. Жарынь, Жарынь — стучало в мозгу. Сейчас уже поздно. Значит, завтра утром они пойдут на партизан. Важнейшее донесение нес партизанам Алеша Курзин.

— А теперь оставите? — спросил Алеша у начальника партизанского отряда Данченко. — Дядька с ними ушел. Он лес лучше всех знает, немцев поведет.

Алеша опустил глаза.

— Дядька — предатель.

— Ты у нас останешься, Алеша, вместе воевать будем.

Узнав от Алешы о дислокации немцев, партизаны опередили карателей. Темной ночью отряды Данченко подошли к селу и разгромили фашистов. Тщательно подготовленная операция провалилась. Тысячи фашистов нашли в ту ночь свою гибель.

И только утром всех жителей Артемовки и окрестных деревень выгнали на улицу. Полицей передал приказ немецкого командования:

— Среди вас скрывается партизан. Вы обязаны назвать его, иначе все жители деревни будут расстреляны. Время — тридцать минут.

Старухи тут же заголосили. И все равно было тихо. Тихо от застывших лиц автоматчиков, от напряженного ожидания. И над этой раненной женским плачем тишиной высоко-высоко сверкало солнце. Полицей прохаживался вдоль шеренги. И вдруг взгляд его замер на одинокой фигурке, двигавшейся по дороге в деревню. Полицей вздрогнул. Что это? Это был Алешка Курзин, племянник убитого ночью проводника Курзина.

Алешка шел медленно. Шел на верную смерть. Полчаса назад он думал еще, что вернется.

— Я партизан, — твердо сказал Алешка. — Видишь, я все слышал вчера...

Что-то дрогнуло в душе полицая. Уж слишком молодой стоял перед ним, и жизни-то не видел...

— А ну отойди, пацан, — закричал полицай. — Пятнадцать минут прошло, — тихо сказал он, шагнув вперед.

— Не веришь, — прошептал Алешка, — не веришь...

Тогда он размахнулся, чтобы ударить по этой холеной предательской морде, но короткая автоматная очередь не дала ему это сделать.

Алешка упал сразу, как подкошенный.

Захаренков Вл.

г. Рославль, Смоленская область.

Опубл: Война глазами детей.

Свидетельства очевидцев. М.: 2011. С. 248—251.

№ 52 Это было в Крыму

Четвертый отряд крымского штаба партизанского движения дислоцировался в районе Крымского государственного заповедника по реке Марта. Штаб отряда занимал казарму Камышлы, а группы его

располагались заставами на важнейших подступах. Между этими заставами круглосуточно осуществлялась связь конными и пешими дозорами. Партизанский штаб имел связь с ближайшими партизанскими отрядами, в том числе с Бахчисарайским отрядом под командованием М. Македонского. Большую помощь и сочувствие партизанам оказывало население деревень. Все населенные пункты, где хозяйничали немецкие оккупанты и предатели — татарские националисты, находились под наблюдением партизан, и всякое проникновение противника в сторону партизанских баз сигнализировалось в отряд.

Второго февраля 1942 года в расположение штаба отряда донесли, что фашисты готовят расправу над населением поселка Чаир (ныне Крымский) за сочувствие и помощь партизанам. Высланный дозор во главе с В. Олейниковым утром 4 февраля сообщил о том, что поселок окружен отрядами войск СС. Фашисты начали чинить страшное дело — расправляться с советскими людьми, убивать стариков, детей и женщин, грабить и поджигать дома.

В этот день при штабе отряда отсутствовали командир и начальник штаба. Они с боевыми группами ушли на выполнение боевого задания в район реки Альма. На месте остались лишь с обмороженной ногой комиссар отряда Фартушный и 15—18 больных партизан. Несмотря на свою малочисленность, оставшиеся народные мстители, получив донесение о зверствах немецких фашистов, решили помочь советским людям. Устроив засаду на дороге, отряд своим огнем сжег две автомашины противника. Партизаны убили десяток фашистов. Конвоируемое население, воспользовавшись замешательством в рядах немцев, разбежалось. Не вступая в открытый бой с карателями из-за своей малочисленности, отряд вернулся на базу совместно с освобожденными людьми. Освобожденные партизанами люди рассказали о событиях, происшедших в поселке Чаир. Второго февраля из поселка сбежал к карателям в д. Коуш назначенный немцами староста А. Литвинов и информировал о сочувствии населения к партизанам. Немцы и татарские националисты решили учинить расправу над населением. Утром 4 февраля карательный отряд СС в количестве 250 человек, сопровождаемый предателем Ягья Смаилом, приблизился к поселку и окружил его. Фашисты стали выгонять население из жилищ и поджигать их. В огне сгорели раненые красноармейцы тт. Кожедуб и Дидель, так как их не разрешили вынести из помещения. Озверелые гитлеровцы во главе с офицером, отобрав мужчин и детей, подвели их ко рву и начали расстреливать. При первых выстрелах рабочий С. Заяц и 14-летний Сайдулаев бросились с обрыва и спаслись бегством, остальные были расстреляны. Среди расстрелянных были рабочие Николай Жуков, Федор Петрик, Максим Пономаренко и его 16-летний сын Роман, Захаров и его дети, 16-летний Александр и трехлетний Витя, Павел Мартышевский, его жена и дочь Люба. Все

15 человек. Многие были ранены. Спасшиеся из-под расстрела жители вступили в ряды партизан и совместно со всеми громили фашистских захватчиков.

В ответ на зверства и надругательства над советскими людьми партизаны поклялись усилить борьбу за освобождение Советской Родины. И свое обещание они выполнили с честью. Земля под ногами оккупантов горела. Тысячи гитлеровцев нашли свою могилу в Крыму.

*Калашников И.А.
Евпатория.*

15 мая 1961 г., г.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 28. Л. 2—6.

№ 53

Назвать улицы именами тех, кто геройски погиб

В период Отечественной войны в нашем городе Ингулец была организована подпольная группа-отряд, действовавшая по указанию штаба партизанского отряда под командованием Седнева Г.Д. (до войны он работал учителем истории), который был оставлен для подпольной работы в тылу врага.

В организации отряда участвовал главврач Ингулецкой больницы тов. Жолтоног С.С.

В 1943 году по доносу предателя был арестован командир отряда т. Седнев, при зверских пытках были замучены отважные партизаны: тт. Седнев, Жолтоноговы(муж и жена), а их дочь, чудом оставшаяся в живых, возвратилась на родину из Равенсбрюка.

Погибла в страшных пытках отважная разведчица Осыка Фрося, у нее осталась маленькая дочурка, которой тогда было 3 годика. Зверски был замучен отважный боец Иван Басенко, его зимой в одном белье, босого по снегу, со скрученными руками вели 7 километров гестаповцы на допрос.

В застенках карателей погибли при пытках братья Демиды, Борис и Федор, Рябенко, Кажура, Билык, Осташевский, Кравченко В., Кравченко Полина (мать двоих детей), Марыненко Анатолий, Туз Нина (мать троих детей), Олейник, не вернулась из концлагеря Равенсбрюк и моя мать Усик А., сожгли ее там в душегубке фашисты.

Но, несмотря на то что люди в таких тяжелых условиях воевали, отдавая свои жизни во имя свободы, как все-таки обидно, что даже многие на Ингульце не знают этих людей. Неужели можно тем ограничиться, что многих наградили посмертно двадцать лет спустя и больше о них ни звука, а ведь у нас на Ингульце развернуто большое строительство школ, детских комбинатов, построен микрорайон, неужели нельзя назвать улицы именами тех, кто отдал человечеству самое дорогое — жизнь.

У нас мало этим интересуются еще, я этот вопрос поднимала еще два года тому назад, пообещали и забыли.

С уважением к вам

Климчук (Усик) Л.М.

27 января 1965 г.

г. Кривой Рог, Днепропетровская обл.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 29. Л. 174.

№ 54

Зверство зондеркоманды

...В селе Суворовском Краснодарского края фашисты совершили чудовищное преступление. Зондеркоманда СС умертвила в душегубках всех больных, которые находились там, и весь персонал. Об этом страшном злодеянии рассказала в феврале 1943 года, когда я участвовал в освобождении Кавказа, чудом оставшаяся в живых няня Ирина Васильевна Долженко...

Кондратенко П.А.

8 апреля 1965 г.

Краснодарский край, г. Усть-Лабинск.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 31. Л. 123—123 об.

№ 55

Возмездие настигло предателей

Для меня самый памятный день моей жизни был июль 1941 года, когда я услышал недалеко от нашей деревни Корень Логойского района Минской области грохот боя, а вскоре увидел наших красноармейцев, которые почти все были ранены. Бойцы просили водички и отходили по дороге в сторону к Минску.

Тогда многие жители подходили к бойцам и командирам, спрашивая их, что нам делать, куда деваться. Помню, молодой лейтенант с двумя кубиками, раненный в руку, ответил: «Дорогие товарищи, мы отступаем, но пройдет немного времени, и мы вернемся, поэтому меньше волнуйтесь, а лучше подумайте, как будем вместе бить врага».

После этого разговора с нашим лейтенантом отец пришел в дом и сказал: «Мать, дети, немедленно нужно закопать все добро в землю».

Но прошло несколько часов, как над деревней на небольшой высоте пролетело несколько самолетов с черными крестами, а вскоре загрохотали танки.

Отец вышел на улицу и быстро вернулся с бледным лицом, только сказал: «Фашисты!!» — и сел, видимо, плохо держали его ноги. В такой позе он просидел минут 10—15, потом подошел со слезами на глазах к

портрету своего старшего сына, офицера ВМФ, снял портрет, завернул его в полотенца и ушел во двор прятать от глаз фашистов.

Все это произвело на меня самое страшное впечатление, я и сейчас вспоминаю этот черный день.

Фашисты в скором времени в деревне Корень Логойского района организовали полицейское управление.

Подлые предатели своей Родины вступили в полицию и начали навредить свой «новый порядок в Европе» — грабить, убивать, издеваться над нашими пленными и гражданским населением. Всюду были расклеены листовки, призывающие наших бойцов и офицеров, выходящих из окружения, сдаваться немецким властям. Но народ помнил слова отступавшего нашего офицера, что мы скоро вернемся. Так и случилось. Это был первый радостный день моей жизни.

Осенью 1941 года (не помню месяц, кажется, сентябрь) я увидел человек 8—9 наших пограничников, которые со стороны леса шли в нашу деревню. Я не мог понять, что случилось, — они шли спокойно, во всей своей форме, с автоматами в руках.

Один пограничник подозвал меня и спросил: «Мальчик, узнай, полицаи у себя?» Я ответил, что они никуда не уезжали и находятся в бывшей школе.

Молодой лейтенант-пограничник, который, как мне показалось, был похож на того офицера, который последний уходил из нашего села, ответил: «Нам нужно, чтобы все полицейские были на месте».

С замиранием сердца я следил, что будет дальше.

Когда пограничники подошли к полицейскому управлению, их остановил часовой, спросил: «Что, идете сдаваться?! Надоело по лесам шляться?!» — «Да, — ответили пограничники. — А где твое начальство?» Полицаи с готовностью ответил: сейчас начальник проводит совещание.

Быстро четыре человека зашли в управление, двое остались около входа, два встали около окон, часовой, видимо, поздно понял, что для него настал час расплаты, и хотел снять с плеч винтовку, но его предупредил пограничник: «Стоять, сволочь, ни с места!» Он так и остался стоять с выпученными глазами, устремленными на двери управления.

Видимо, услышав окрик часового, из сарая (где хранилось награбленное добро) вышли двое полицейских. Не зная, что происходит, и не соображая, почему во дворе стоят наши бойцы, полицаи устремились к управлению. Их остановил пограничник и спросил, кто вы такие? (Предатели были еще не обмундированы.) Они ответили: «Мы полицейские». — «Тогда вы нам и нужны! Руки вверх!» — приказал пограничник.

Вошедшие в школу пограничники увидели много награбленного добра и несколько велосипедов, около которых возился один человек. Его спросили: «Кто вы такой?» — «Я кузнец, — ответил он. — Полицаи приказали мне ремонтировать велосипеды».

«Марш во двор, там разберемся!»

В это время начальник полиции предатель Колик, видимо, распекал своих подчиненных, что они мало грабят, мало убивают, в одно мгновение открылась дверь и словно из-под земли выросли наши пограничники. «Встать, руки вверх!» — скомандовал лейтенант пограничной службы. Один из полицейских, который раньше опомнился от страха, бросился к пирамиде с оружием. Но короткая очередь из автомата сковала его движение.

Всех предателей после обыска начали выводить во двор, где поджидали своего шефа задержанные трое полицейских. Предателей построили, приказали заложить руки за спину и повели к лесу.

Приблизительно через полчаса был приведен в исполнение приговор нашего народа, всех предателей расстреляли.

Когда на другой день родственники изменников Родины приехали за трупами полицейских, они обнаружили записку с такой записью:

«Всем предателям!

Кто будет лизать фашистские сапоги, тот будет лежать, как эти сволочи, сам без сапог.

Советские партизаны».

Так закончил свой путь «новый порядок» в моей деревне.

Этот радостный день многие навечно помнят и сейчас, так как народ увидел, что фашистам и предателям будет всюду и везде один конец — смерть, где бы они ни находились.

Вторым самым счастливым днем моей жизни была встреча наших бойцов, которые, усталые, с боями переправлялись через Березину и попадали в объятия партизан и освобожденного народа. Партизаны салютовали из всех видов оружия своим освободителям, народ от радости плакал, и когда ко мне подошел пожилой боец и спросил: «Сынок, ты давно в партизанах?» — я ответил, что недавно, и, прижавшись к нему, заплакал. Это были слезы самой большой радости. День 28 июня 1944 г. останется в сердце у меня на всю жизнь.

Может, кто из тех бойцов-пограничников, которые уничтожили полицейский гарнизон в деревне Корень Минской области, прочитает эту записку, пусть напишут, как сложилась их дальнейшая судьба.

Корневский В.П.

г. Москва

14 июня 1961 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 32. Л. 30—36.

№ 56

В закоулках детской памяти хранится быль

...В то лето, когда началась война, мне исполнилось 4 года, и по этому случаю мне впервые купили магазинную куклу, красивую куклу с косами, но поиграть с ней мне почти не пришлось.

Мы жили в маленькой деревне Рябиково, что в 5 км от районного центра с. Холм в Смоленской области.

Старший брат сразу же ушел добровольцем, прибавив себе год, благо ростом был большой, и больше не вернулся, в 1943 г. он погиб. Отец ушел в партизаны, так как ему уже было 50 лет и плохое зрение.

Я помню день, когда пришли немцы и как они сразу забрали у нас гармонь и чемодан с вещами. Корову мы немцам не сдали, а спрятали в кладовой, и была у нас с месяц. Но потом замычала при немцах, и они заставили маму вести сдавать ее на приемный пункт в 10 км от нас. Пока мама водила сдавать корову, все население деревни погнали в Германию. Пришлось и нам собираться. Поклади мы на санки кое-что и пошли вместе со всеми. Старшая (девочке было) 14 лет и еще нас трое. Мама вернулась, а в деревне никого нет, кинулась нас догонять, догнала на железнодорожной станции Игоревка, в 25 км от нас. До сих пор помню, как мы все ревели от радости, что мама пришла. Но в Германию мы не попали. Многие разбежались по лесам, в т.ч. и мы. Вернулись в свою деревню. Жили в бане, так как в доме был немецкий штаб. Немцы забрали не только вещи, но и продукты. Однажды маму чуть не расстреляли, так как она нечаянно задела немца.

Когда начали наступать наши, мы вырыли на участке землянику и жили в ней еще с двумя семьями.

Когда ушли последние немцы, в деревню пришли поджигатели. Стали поджигать деревню. Обольют бензином и зажигают. Была ночь. Мы сидели в землянке и смотрели, как немцы жгут дома. Вдруг загорелся наш дом. Вокруг него уже горели 3 дома, 2 сарая, колхозный инвентарный сарай. Мама побежала тушить. Мы кричали и плакали от страха, что маму могут убить, но поджигатели уже ушли на другой конец деревни, и маме с соседским мальчишкой удалось потушить дом. Сгорел двор немного. И стало тихо, только догорали дома да ухала артиллерия. И вдруг мы увидели какие-то тени со стороны леса. Там проходил большак. Мама и еще одна тетя закричали, что это «наши», и побежали к ним. И правда, это были наши солдаты.

Как сейчас помню эту ночь. Кругом догорают дома, на пепелищах солдаты и наши деревенские обнимаются, все плачут.

Немцы засели в Холме в церкви. Начался сильный обстрел. В нашем дворе упал снаряд и убил лошадь и красноармейца. Мы снова сидели в землянке.

Так пришла к нам победа. Фашисты ушли, а есть было нечего. Ели траву, крапиву, лебеду, молочай. Собирали мороженую картошку и пекли тошнотики¹³². Мне почему-то кажется, что тошнотики были очень вкусные. Не было соли. Мы с братом поносили кровью. Как мы переживали, как выжили, прямо не знаю.

---

¹³² Это название лепешек, сделанных из мороженой картошки с добавлением травы.

Потом помню первый хлеб, испеченный пополам с мукой, и как мы с братом прыгали и просили маму печь все время такой вкусный хлеб. Да, папа погиб в феврале 1942 г. Жизнь начала налаживаться. Мы уже купили козу и телочку. И вдруг заболела мама. Кроме голода, видимо, надорвалась на работе. Она работала на ферме, все на себе. Даже пахали женщины на себе. Признали у нее туберкулез. Поддержать было нечем, и в 1946 г. она умерла.

А через год умерла старшая сестра, которой было 14 лет в войну. И осталось нас трое: 17, 13 и мне 10 лет. Целый год мы жили сами. Сестра с братом работали в колхозе, а я была дома за хозяйку. Летом доила в обед корову. Весь обед сидела под коровой, а вечером сестра ругала меня, что плохо выдоила. Но теперь все выросли. У всех семьи. Дети.

Самое мое большое желание в детстве, чтобы мне дали немца на растерзание, такая у меня ненависть осталась. Иногда во сне мне снилось, что желание мое исполнилось и фашист умирал от моих рук.

Прошло 20 с лишним лет. Но до сих пор снятся иногда немцы, и я просыпаюсь сама не своя. А если ночью летит самолет, я со страхом просыпаюсь и жду взрывов. Смешно, правда?

Война лишила меня детства и юности. Война забрала родителей, брата и сестру. Пусть же будет она трижды проклята. Я хочу только одного, чтобы никогда не было войны, чтобы мои дети спали спокойно и видели только мирные сны. Пусть они никогда не увидят того, что пришлось пережить мне. Да разве только мне?..

Логинова З.Н.

Актюбинск.

22 апреля 1965 г.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 42. Л. 48—52. г.

№ 57

Рассказ матери¹³³

Среди богатых лесов и непроходимых болот Брестской области уютится небольшая деревня Масевичи...

Раскаты взрывов рвали безоблачное небо где-то у города Бреста. Горький опыт подсказывал: «Война!»

Вечером в деревню появились разведчики, а утром 23 июня вся земля Ржанского района стонала под немецкими сапогами. Гитлеровцы врывались в каждый дом, набивали свои мешки всякими тряпками и продуктами, искали переодетых красноармейцев. Если на глаза им попадался стриженный крестьянин... «Зольдат?!» — ревел фриц, и автоматная очередь перерезала человека.

В дверь дома Жилинских влезло сразу несколько долговязых. «Матка, яйца нет?!» — прокричали ироды, выдыхая водочный перегар.

¹³³ Рассказ Софьи Андреевны Жилинской записал П.Г. Лучшев.

Софья Андреевна указала на семь маленьких душ и взяла на руки самого меньшего. А немцы уже переворачивали все вверх дном, заглядывали в каждую щель. Потом Софью Андреевну и Игната Александровича, ее мужа, вытолкали на улицу. «Во? Показ!»

Во дворе фашисты наткнулись на небольшой тайник, куда супруги спрятали немного продуктов. Начали раскапывать землю. «Детей! Детей оголодают!», Софья Андреевна почувствовала острую боль в сердце, кинулась расталкивать кучку в узких погонах. От неожиданности немцы оторопели, а мать, прижав к себе грудного Николая, села на землю. «Не дам!» Несколько автоматов уперлось в женщину и ребенка. «Матка — капут! Киндер — капут!» — визжали захватчики.

Счастливым случаем отвел неминуемую смерть — на дороге загорланил немецкий офицер, грабители поспешили к нему.

Вражеские полчища прошли на восток. В деревне осталось около 20 солдат и офицер Бом. Начали хозяйничать: гонять на работу, избивать по всякому пустяку...

В соседние деревни вернулись польские активисты всей округи. Теперь паны Пука и Шенк. Эти мерзавцы хорошо знали жителей каждой деревни, помнили коммунистов и активистов всей округи. Теперь недобитая шляхта решила расправиться с передовыми людьми. Посыпались доносы, участились аресты. В 1942 году всех «политических»... Впрочем, немного вернемся.

Километра четыре от Масевичей, в деревне Лысково, жили евреи. С первого же дня войны их взяли под особую охрану. В 1942 году этих арестантов заставили выкопать огромную яму. А когда она была готова, возле поставили пулеметы и привели «политических». Пришло много односельчан. Проститься. Через плотное кольцо эсэсовцев рвались родные, жены, дети, чтобы последний раз обнять дорогого человека. Но вместо объятий получали прикладом по голове или плеткой по лицу.

Полыхнуло пламя пулеметов. В предсмертных судорогах скорчились тела. Воздух наполнился запахом крови. Крик, плач, стоны, причитания женщин. Снова евреи с лопатами. «Не закапывайте нас глубоко. Я только ранен», — просил Иван Кардоль. «Мы совсем здоровы... Выйдем!» — умоляли другие.

Немцы торопились. Снова приклады, плетки, отдельные выстрелы и бесконечное: «Шнель! Шнель!» Песок и глина продолжали лететь на обреченных. Земля шевелилась все меньше и меньше. Потом совсем замерла. Могильный холмик фашисты долго притаптывали. Затем построили евреев и куда-то угнали.

Весть о чудовищном преступлении облетела поселки, всколыхнула жителей. Крестьяне клялись отомстить. Деревни пустели. Партизанские отряды принимали свежее пополнение.

Масевичи — маленькая деревушка. В лес из нее никто не ушел. Поэтому немцы считали, что здесь тишь да блажь, и почти прекратили

слежку. Но ошибались захватчики — их перехитрили партизаны. Конспиративные квартиры, которые стали местом коротких передышек после трудной жизни в лесу, местом, где можно было получить ценную информацию о всех событиях дня, местом заготовки продуктов и одежды для партизан, — вот чем стала деревня Масевичи для патриотов.

Дом Жилинских превратился в своего рода штаб-квартиру. Ночью муж и жена постоянно ждали знакомого стука в окно. Встречали. «Гостей из леса» прятали в хорошо замаскированное подполье амбара, а когда не было немцев в деревне, у себя в хате. Изобретательность, сила воли, находчивость проявлялись на каждом шагу. Игнат Александрович среди немцев вел себя так, что те были уверены, что этот белорус служит им верой и правдой. Однако все подслушанное и подсмотренное Игнат Александрович передавал партизанам, выполнял приказы «из леса». Жилинский Александр отлично руководил связью между деревнями и партизанами. Софья Андреевна денно и ночью носила в корзине горячую пищу в подполье. Даже четырехлетней Жене находилось дело. Она вставала на пороге комнаты, где отдыхали партизаны, и всем посторонним говорила: «Мама пол помыла, не заходите!»

Много раз немцы пытались расправиться с патриотами, устраивали целые карательные экспедиции, но всегда непроходимые болота надежно защищали патриотов. И тогда гитлеровцы все зло срывали на мирных жителях. Они не щадили ни стариков, ни детей. Однажды в деревне Бойки они загнали всех в амбары и подожгли. Из огня и дыма крестьяне бежали через крышу, выскакивали и падали, сраженные вражеской пулей.

У одной женщины этой деревни ночью родился ребенок, и она не смогла подняться, чтобы пойти под конвоем в амбар. Рука немца проткнула штыком два тела прямо на койке.

Повезло лишь Александру Фадеевичу Якуценя. В этот зловещий день он пас коров где-то за деревней, и каратели забыли о нем. Вечером «пестрянки» жалобно мычали у крыльца, вызывая своих хозяев. А Александр Фадеевич долго искал односельчан, но всюду он видел одни обгорелые тела.

Ни огнем, ни свинцом, ни живым погребением гитлеровцам не удалось покорить белорусских крестьян. До последнего дня хлебоборобы громили немецких извергов.

...Взрывы. Софья Александровна бросила кастрюли, схватила Колю, Женю и соседскую девочку. Побежала в семейный блиндажик. Новая партия бомб заставила лечь в окоп у дороги. Дети прижались к матери. Ухало все ближе и ближе. По дороге побежали немцы, беспорядочно стреляя по сторонам. «Драпаете, сволочи!» — зло подумала мать. Плотнее прижались к земле. Стих топот вражеских сапог. Стало тише. Вдруг сзади что-то стукнуло. Софья Андреевна оглянулась и сразу увидела звездочку на пилотке солдата. «Здравствуйте, мамаша! Немцы далеко?»

Следом за разведкой шла Красная Армия. По асфальту двигались «катюши», танки, тягачи. Крестьяне сновали от одного солдата к другому. Каждому хотелось чем-нибудь угостить красноармейца. Многие обнимались. Дети, которые еще вчера кричали: «Мама, немцы!» — и залазили в самый темный угол, прыгали возле боевых машин и просили: «Дяденька, прокати-и!» Сорванцов поднимали сильные солдатские руки, сажали на колени, дарили сувениры. «На, сынок, бери. Моего-то, наверное, нет в живых», — приговаривали воины...

...Прошло двадцать лет. Но Янушка (Поддубный), Василий Свистун, Алексей Теслюк, Иван Свистун, Володя Голович, Александр Фадеевич Якуценя... и другие партизаны никогда не забудут суровых дней войны. Прочитав это, они, наверное, расскажут читателям «Комсомолки» о своих боевых делах. О борьбе с гитлеровскими захватчиками. Им слово.

15 марта 1965 года.

*Лучшев П.Г.
г. Ангарск.*

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 42. Л. 118—126.

№ 58

Неизгладимый след на всю жизнь

...Мне хочется рассказать о том дне, который оставил свой неизгладимый след на всю жизнь, о дне, который ни для кого не должен повториться.

В один из оккупационных дней 1942 года вместе с матерью, пройдя 18 км, к десяти часам мы стояли у районного Дома культуры, превращенного оккупантами в тюрьму с ее фашистскими особенностями. Цепь полицейских плотным кольцом закрыла подступы к зданию осаждавшей толпе. Разорвав кольцо, в круг въехала тачанка с двумя полицейскими при станковых пулеметах и с откормленным эсэсовцем. За ней следовали подводы, я не помню, сколько их (было) десятков, на которых, кроме ездовых восседало по одному полицейскому. Конный эскорт автоматчиков замыкал колонну. Выстроившись «зеленой улицей» от выходных дверей до подвод, замерли полицейские, ожидая выхода начальства. Ровно в одиннадцать с подвижностью заведенной игрушки (под стать фюреру) появилось начальство. Истерическая команда, дверь распахнулась, и старший полицейского наряда отдал команду выходить по одному.

Никто, кроме эсэсовцев, не знал да и после не за всех узнал, куда отправляли плотно стоявших за дверью коммунистов. Говорили, что на станцию Верховцево. Я слышал и видел, как скрыто от постороннего глаза фашисты чинили свой зверский танец над винными и безвинными советскими людьми.

Но то, что было здесь, я видел в первый и последний раз. Измученных людей на «зеленой улице» кто куда горазд били кулаками, носками (са-

пог), прикладами, рукоятками пистолетов, волочили по мостовой. Это была уже гроза немецкой оккупации. Толпа вздрагивала, а родственники неистово кричали. Я помню, когда упавшего коммуниста тупой кованый приклад ударил по голове и в стороны брызнули и заискрились на солнце кровь и мозги. Толпа согнанных и окруженных автоматчиками людей взревела. Желтые круги поплыли у меня перед глазами, и очнулся я далеко за полдень у чужих, но наших советских людей.

— Мама твоя придет, — сказала пожилая женщина.

Светило солнце, но, кажется, не так ярко, высоко плыли одинокие рваные облака, и я думал, что они уносят на восток скорбную весть.

Я, помню, выделялся среди своих сверстников физической выносливостью, когда озорное мальчишество искало развлечений, не задумываясь над их последствиями. Но с этого дня пошло по-другому.

Густая седина посеребрила мальчишескую голову, страшные головные боли много лет изо дня в день не оставляли меня, не позволяя даже детские примитивные развлечения.

Это не должно повториться ни для детей, ни для взрослых. Я желаю этого только тем, кто раздувает, развязывает войну, чтобы они смогли загребать жар своими собственными руками.

*Матвиенко Г. С.
Запорожье.*

22 июня 1961 г., г.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 47. Л. 63—63 об.

№ 59 Незабываемое

В холодную, с лютыми морозами зиму 1942 года крупный железнодорожный узел Донбасса станция Ясиноватая (ныне город) был уже оккупированным гитлеровскими и итальянскими фашистами.

У людей, судьба которых забросила в лапы озверелой орды, не было ни хлеба, ни топлива, ни... свободы.

За малейшее непослушание грозил расстрел, а за уничтоженного оккупанта могли взять до ста, любого возраста, заложников, будь то старики или женщины, и расстрелять. Так гласили отпечатанные типографским способом объявления, расклеенные на видных местах домов, оград или просто на столбах.

Запугивание отразилось на лицах людей. Они ходили с опущенной головой, оборванные и голодные, а на изможденных лицах можно было видеть их ненависть к врагу.

На новом вокзале с южной стороны сожженного пассажирского здания орудовали итальянские оккупанты. Они составами привозили огромные бочки с вином, продукты, боеприпасы и чугунные передвижные печи. Итальянцы очень трудно переносили русскую суровую зиму.

(Поэтому) командование итальянской армии решило обогреть на фронте своих вояк. Однако ни печи, ни лягушачьего цвета шинели не спасали их. Они натаскивали на себя все, что попадало им под руку в домах населения. Иной ограбленным байковым одеялом укутывал себе голову, мешковиной повязывал сверх ботинок, и получался не солдат, а какое-то огородное пугало. Во многих местах их находили мерзлыми. Не помогали им вино и хорошее питание. Бывали случаи, что в итальянской армии и кошек... употребляли себе в пищу. Один итальянец на новом поселке отнимал уцелевшую корову у подростка. Когда мальчик стал протестовать, итальянец из карабина застрелил его, а корову увел.

Для выгрузки поступающих грузов на Новый вокзал итальянцы стогняли местное население и, угрожая карабинами, заставляли людей производить выгрузку грузов из вагонов и погрузку их на брезентом крытые кузова автомашин. Вино лилось рекой. Бочки зачастую, «не удержав», бросали прямо с вагона на перрон, и тогда снег краснел, впитывая в себя хмельную жидкость. «Бились» чугунные печи, трещали по швам ящики с макаронами и другими продуктами. Хаос в итальянской армии иногда доходил до предела. Они напивались до одурения и тут же между бочек с вином валились с ног. Иногда пьяные подымали стрельбище, не целясь, не попадая, а просто стреляли куда попало — развлекаясь.

По другую сторону сторевшего здания, с Северной стороны (вокзала) расположились другие, не лучше первых, немецкие фашисты. Эти предпочитали использовать на своих работах пленных русских солдат. Замерзшие, худые и замученные военнопленные постоянно находились под надзором до зубов вооруженных «фрицев».

Длинный, рыжий и особо свирепый немец бил пленных прикладом автомата по голове, спине, а то и по чем попало. Не у одного пленного было окровавленное лицо, пробит череп. Пленных били за медлительность. Вот с востока прибыл пассажирский санитарный состав, битком набитый перевязанными немцами. Увидев своих раненых с выступающей на бинтах кровью, рыжий длинный фриц особенно рассвирепел. Один из пленных нагнулся, поправляя шнурок ботинка. Когда он поднялся, в воздухе блеснул кинжал рыжего и врезался в голову пленного.

Лицо и шея пленного моментально обагрились кровью. Шатаясь, дрожащею рукой он снял шапку.

«Братцы, за что же так?» — произнес он, обращаясь к остальным пленным, и тут же рухнул на перрон.

Садист-фриц, вероятно, был доволен. Он беззвучно направился к санитарному поезду, откуда из вагонных окон глазели на происходящее недобитые фашистские головорезы.

По асфальтовому шоссе, соединяющему город Горловку с центром Донбасса г. Донецк¹³⁴, движутся пленные — русские солдаты. Их много. О, как много! Конвой окружил их со всех сторон. Раздаются автоматные очереди, расстреливая отстающих: больных и раненых.

---

¹³⁴ В то время — г. Сталино.

Трупы остаются лежать на дороге. Убрать их днем нельзя. Вот на вокзал прибыл товарный поезд с Востока. Открываются двери вагонов и выгружается броском их содержимое. Содержимое вагонов — не сгибающиеся трупы людей с восковыми лицами в серых шинелях.

Трупы складывают в штабеля по четыре в ряд, высотой до двух метров. Пустой состав ушел, а на перроне остались десятки людских штабелей. Пленных с фронта загнали в товарные вагоны при 30-градусном морозе, закрыли и, голодных, заморозили.

Вот опять по шоссе на Запад под конвоем движется плотной стеной живая масса. Это уже не пленные. Это молодые девушки, оборванные, тоже голодные и измученные длинной дорогой. Их гонят под конвоем в Германию. Бесплатные рабочие руки для немецких «бауэров» на скудных пайках. Отстающих толкают в спину прикладами автоматов. То и дело раздается: «Шнель, шнель!» Потеряв облик человека, прекрасный пол немцы понукают, словно скотину, не стыдясь, пинают кованым сапогом сзади.

Слезы сами по себе скатываются по щекам девушек, орошая собственную землю. Они идут, идут навстречу каторжному труду, а может быть, и смерти.

Ночь. В воздухе послышался знакомый и дорогой для подневольных людей рокот моторов советских самолетов.

Тысячи разрывов в ночном небе вражеских зениток.

Самолет рокочет где-то высоко-высоко, но кажется — над вокзалом.

Свист бомб. Разрывы и ослепительное пламя пожара. Потом что-то, с силой хлопая, начало рваться. До утра полыхало пламя. Советские летчики во мраке ночи сумели попасть на склад бензина в железных бочках. Весь склад был уничтожен. Оккупанты еще злее стали, и люди старались не выходить из домов в дневную пору.

За парком «Восточного прибытия» поездов у железнодорожного угольника для поворота паровозов одиноко возвышается двухэтажное здание путейцев. До вторжения немцев в нем жили рабочие путейцы — парни и девушки. По вечерам во дворе общежития веселилась молодежь: танцевали под гармонику, пели песни, а то и просто устраивались игры. Теперь же общежитие превратилось в «хаузен» немецкой охраны, а рядом — за большим земляным полотном, скрывающим от людских глаз, немцы устроили открытый лагерь для русских военнопленных. Что здесь творилось — неизвестно. Лагерь усиленно охранялся.

Успешное наступление советских войск в сентябре 1943 года не на шутку напугало завоевателей чужих земель. Перед тем как удрать, они зверски расправились с военнопленными. Сейчас здесь памятник, на котором написано:

«Здесь похоронено 18 тысяч солдат и офицеров Советской Армии, зверски замученных немецкими оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»

Когда человек стоит у могилы и мысленно представляет себе количество погребенных, зверски замученных людей — волосы поднимаются дыбом.

Такое не забывается! Такое забыть нельзя веками!

Пройдут десятки и сотни лет, и эта братская могила советских воинов расскажет о зверствах немецких фашистов нашим детям, внукам и правнукам.

Такое не забывается и не прощается!

Мороховец Ф.Г.

16 марта 1965 г.,

г. Ясиноватая, Донецкая обл.

Ф.М. 98. Оп. 3. Д. 51. Л. 84—88.

№ 60

Фашистские зверства на Харьковщине

Осенью 1941 года, как все юноши, способные носить оружие, был призван в ряды Советской Армии Романов Иван Матвеевич и направлен на учебу в Томское военное училище.

Романов Иван Матвеевич, мой односельчанин, примерно на один год младше меня, 1923 года рождения, примерно родился он в деревне Дуровка Боготольского района Красноярского края. По окончании семи классов Юрьевской семилетней школы Боготольского района Красноярского края окончил восьмимесячные курсы по подготовке учителей начальных классов при Боготольском районе Красноярского края, был направлен на работу в Б. Муртинский район Красноярского края.

Но педагогическая работа была прервана. С оружием в руках надо было защищать Родину. Б. Муртинским райвоенкоматом Романов И.М. был призван в ряды Советской Армии.

По окончании военного училища он был направлен на фронт. О том, как он воевал, как погиб, и расскажут высылаемые вам письма, которые хранились у его родной сестры Федотко Марии Матвеевны, проживающей в деревне Лебедевка Боготольского района Красноярского края, и с ее разрешения высылаю вам письма.

Возможно, найдете нужным использовать эти письма как материал об участии комсомольцев в Великой Отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками 1941—1945 гг.

Из письма учительницы деревни Добреньки Харьковской обл. Цукановой К.П. сестре Романова И.М.: «В 1943 г. зимой в наше село вступили части Красной Армии, был и Ваш сын. В деревне был бой. Во время боя горели крестьянские избы и пр. Во время боя Вашего сына тяжело ранило.

Когда части Красной Армии отступили из села, то в наше село вступили эсэсовцы. Они кидали гранаты через окна изб крестьян,

убивали женщин, детей. Выводили из изб мужчин и расстреливали, бросали гранаты в погреба, где прятались крестьяне. Как раз в это время эсэсовцы заметили раненого вашего сына, который героически отстреливался, несмотря на то что был тяжело ранен в ногу. Отстреливаясь... Ваш сын заполз в избу крестьянина. Изверги стреляли по нему через окно. Ваш сын бросил через окно последние две гранаты. Эсэсовцы подожгли избу, в которой был Ваш сын. Когда горела изба, Ваш сын спрятался в крестьянской избе, перевязал ранение ремнем. В этой печке он сидел до утра... На утро второго дня, когда эсэсовцы выехали из деревни, я, учительница и женщина-рабочая Коровкина О.Т., зная, что Ваш сын заполз в избу во время боя, мы пошли проведать. Он был весь в саже и в плохом состоянии здоровья. Мы его вытащили из печки, положили на лестницу и притащили в квартиру т. Коровкиной О.Т. Помыли его, переодели, покормили и т.д. Позвали фельдшера. Фельдшер взял его ногу в гипс. Мы отнесли ему продуктов, бинтов и прочее. По очереди ухаживали за ним. Помню его слова, когда приходили к нему. Он все время вспоминал: «Ай! Мама, мама, моя дорогая. Ведь я же один у тебя». Все время говорил: «Дорогие друзья! Спасите меня. Я никогда не забуду вас. Спасите, ведь я еще хочу, ой, хочу, ой, хочу расплатиться с проклятыми извергами! Хочу расплатиться за страдания людей!»

Спасали мы его четыре дня. На пятые сутки в деревню вошли вновь на танках эсэсовцы. Сразу забежали к крестьянину-патриоту, у которого лежал раненый боец, вывели из избы этого крестьянина и его семью и расстреляли, а имущество и раненого бойца сожгли. Забежали к т. Коровкиной О.Т., но сын Ваш был спрятан, и они его не заметили. Через три часа все население из деревни выгнали в г. Красноград.

Распростилась с Вашим сыном. Ох, какая грусть и печаль. Взять его с собой было нельзя. Не было подводы, и вообще, увидели бы немцы и расстреляли б всех. А мы его спрятали.

Но что же случилось в то время, когда мы были в городе? Эсэсовцы схватили двадцать женщин, которые не успели выйти из деревни, понадевали им каски на головы и заставили копать убежище, насильовали их, а потом расстреляли. Сорок человек мужчин заставили таскать орудия за колхозный сад. За садом всех их расстреляли. Деревню всю сожгли. Проклятые кровопийцы-эсэсовцы сожгли Вашего сына. Когда мы возвратились из города в деревню, то в комнате Коровкиной за трубой, где был спрятан Ваш сын, кровопийцы нашли его и сожгли. Мы увидели его мертвое тело, сожгли его сидя, до груди сгорел. Мертвое тело его похоронили.

20 марта 1965 г.,

Павлов В. Г.
г. Красноярск.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 56. Л. 56—59.

№ 61

Полночный бой

Шел июль 1943 года. Под ударами Советской Армии фашисты отступали к Днепру. Наш партизанский отряд под командованием Героя Советского Союза Александра Васильевича Тканко базировался в лесной чаще, на левом берегу Днепра, в районе Переяслава-Хмельницкого. Слышны уже были раскаты артиллерийской канонады приближавшегося фронта.

Как-то разведка доложила, что в 20 километрах от Днепра в селе Хоцки гитлеровцы остановили на ночлег в бывших колхозных конюшнях колонну советских военнопленных, насчитывающую свыше 1300 человек.

Решение было принято быстро: отбить наших советских людей, не дать фашистам угнать их за Днепр.

На операцию вышло немногим более 150 партизан во главе с командиром отряда А.В. Тканко.

Скрытно подошли мы к селу Хоцки, в котором расположился отступающий враг. Весь отряд разделился на мелкие ударные группы, которые оцепили все село. С большим партизанским мастерством группа разведчиков под командованием Виктора Бурого сняла вражеских часовых. Это позволило ударным группам просочиться в село.

И вот ровно в полночь по сигналу ракеты мы завязали бой. В окна домов и сараев, где расположились гитлеровцы, полетели гранаты и связки толовых шашек, застрочили автоматы.

Внезапность удара и его точность предрешили исход боя. Застигнутые врасплох, сонные фашисты выскакивали из домов и сараев и тут же падали под очередями партизанских автоматов.

Однако добрая полсотня гитлеровцев сумела в одном из больших сараев организовать оборону и своим огнем сдерживала подходы к конюшням, где были заперты наши пленные. Тогда комиссар отряда Николай Бойко и командир взвода Костя Слижевой, собрав вокруг себя восемь человек смельчаков, резким броском, несмотря на автоматный огонь, атаковали сарай и забросали окна гранатами.

Путь к конюшням был открыт.

Сбив засовы, мы вывели изможденных голодом и побоями людей. У многих по лицу текли слезы, им не верилось, что они вновь обрели свободу.

Бой затихал. Оставшиеся в живых фашисты, пользуясь ночной темнотой, спешно удирали от села, оставив лежать на земле более 350 трупов. Многие потом еще довелось испытать на фронтовых дорогах, но бой за наших товарищей, за их освобождение остался в памяти у меня на всю жизнь.

б/д

*Перяков В.
г. Москва.*

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 57. Л. 62—63

Своими глазами (репортаж из прошлого)

...Немцы хотели помешать организованному отходу и непрерывно обстреливали из пулеметов, установленных на мотоциклах, тыловое охранение... Им был дан отпор, один мотоциклист был убит, и преследование прекратилось. Батальон приблизился к развилке дорог, миновал боевые порядки второго батальона, занявшего оборону на удобной для обстрела поляне, и сделал привал недалеко от еще дымившегося пожарища.

«Товарищи бойцы! — обратился Теплов (командир роты, лейтенант) к пулеметчикам, построенным сразу после завтрака. — Фашистские бандиты совершили еще одно злодеяние. На этот раз здесь, у нас в тылу. Ночью сюда были заброшены парашютисты, чтобы помешать нам отойти. Они уже уничтожены... — Он сделал паузу, как бы подбирая нужные слова. — Но им удалось поджечь дом, где размещались раненые. Большинство раненых было отправлено в санбат еще вчера, но те, что прибыли вечером и ночью... сгорели. Спасти удалось только несколько человек. Но и они при смерти. Нам нужно разобрать завалы, извлечь оттуда трупы и похоронить их. Командирам взводов выделить по десять человек в распоряжение лейтенанта Апурина... Остальным проверить оружие и быть наготове».

Это сообщение поразило красноармейцев. Они знали, что немцы выбрасывают в тылу советских войск диверсантов и парашютистов, но этому как-то не придавали значения. Где-то там, на важном направлении такая тактика казалась оправданной, но чтобы здесь, в этих лесах... «Тут были парашютисты...». При этой мысли холодок пробежал по телу. Вот это здорово. Вот как они воюют! Но при чем же тут раненые? Сожгли больных, немощных, калек. Какое зверство. Даже звери так не поступают с подобными себе существами...

Ненависть к врагу, возникшая еще в тот памятный день, когда стало известно о вероломном вторжении через границу, и как-то незаметно притаившаяся в сердцах за истекшие сутки того, как в бою там, на пшеничном поле, над ним была одержана маленькая победа, вспыхнула с новой силой...

Двухэтажный дом, в котором утром разыгралась трагедия многих человеческих судеб, стоял в парке, окруженный столетними деревьями. Раньше он принадлежал какому-то немецкому барону, бежавшему в Германию в 1940 году. Подожгли его около двух часов ночи. Потушить пожар сразу не удалось. Сначала потому, что парашютисты бешено отстреливались, а когда они были перебиты — уже было поздно. И только теперь пожарная команда, с трудом собранная в местечке, лежавшем в километре отсюда, заливала водой еще дымившиеся деревянные конструкции.

Запах гари, несмотря на отсутствие ветра, чувствовался далеко. Он мало походил на обычный смрад пожарища — пахло горелым мясом, а вблизи особенно. От этого щекотало в носу. Першило в горле, и люди чихали, кашляли. Кружилась голова, и некоторым казалось, что вот-вот стошнит. От дома остался один каменный скелет, зиявший пустыми глазами оконных проемов. Двери и полы сгорели. Крыша обвалилась внутрь, погребя под собой останки несчастных, нашедших себе здесь эту страшную смерть. Над стенами возвышались только две печные трубы...

Вокруг здания и между стволами деревьев парка валялись трупы. Те, что были в серо-зеленых мундирах, с касками, почти все лежали на спинах, устремив свои остекленевшие глаза ввысь, к небу, как бы моля своего бога о пощаде за свое подлое злодеяние. Другие лежали ничком, неестественно распластавшись по земле. Они были черные, обгоревшие. Тот, у которого остановились пулеметчики, лежал метрах в десяти от здания. Ему, видимо, удалось выброситься из окна и отползти. Кисти рук, впившиеся пальцами в утопанную на тропинках землю, были не тронуты огнем. Это были обыкновенные руки солдата, отполированные под бронзу солнечным загаром. Такого же цвета была небольшая полоска шеи выше воротника гимнастерки. Волосы на голове сгорели, и сквозь трещины обуглившейся кожи виднелся череп. Уши, покрытые водянками, были целы, но распухли. Одежда на спине и боках, ремень и обмотка на правой ноге истлели и слоем пепла покрывали почерневшую кожу. Из-под тела проглядывали остатки обмундирования цвета хаки. Одна нога была в ботинке, левой же ступни не было. Сквозь обгоревшие бинты на землю просочилась кровь, следы которой атели на тропинке. По характеру ранения догадались, что это был труп командира стрелкового отделения, раненного вечером. Документы, сохранившиеся в кармане гимнастерки, подтвердили догадку.

Зрелище было куда ужаснее, чем то, от которого содрогнулся Теплов, когда увидел обезображенный труп (лейтенанта) Сатпаева (первой потери отступавшего батальона). Но сейчас он стоял здесь и не отворачивался, как в ту ночь, а смотрел на это тело и весь трепетал от душившей его ярости, как трепетали все стоявшие рядом. «Этого нельзя простить... никогда».

Через час бойцы разобрали завалы. Извлекли из-под обломков обгоревшие трупы, скелеты с кусками мяса и отдельные члены погибших при пожаре людей и бережно уложили их в братскую могилу. Речи, с которыми выступило несколько бойцов и командиров перед тем, как прозвучал прощальный салют, были краткими и диктовались только одним чувством — ненавистью. «Мечь, беспощадная мечь — вот единственно возможная плата по этому кровавому счету», — таков был смысл этих речей.

А когда над могилой вырос холмик, к бойцам, построившимся по подразделениям, обратился комиссар батальона старший политрук

Медведев: «Товарищи! На этом месте будет поставлен памятник. Но это со временем, после победы. А сейчас надо драться! Много вам еще придется пройти по дорогам этой жестокой войны. И много людского горя увидеть. Но, где бы вы ни были, вы не забудете о том, что пришлось увидеть сегодня. А когда вам будет особенно трудно — пусть перед вами встанет этот дом и эта могила, и вы найдете в себе силы одолеть врага в самом безвыходном положении. И еще. Всем тем, кто этого не видел, скажите: “Хочешь жить — убей фашиста! И не только фашиста, но и всякого другого, кто посмеет перейти рубежи нашей священной земли”».

7 мая 1961 года.

Пехтерев Н.М.
г. Курск.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 57. Л. 200—203 об.

№ 63

Мы должны встретиться

Это было в 1941 году. 17 сентября фашисты подошли под г. Ленинград, г. Пушкино. Мне было 15 лет, и мама переживала, что я плохо кушаю. И вот с этого дня я стал вспоминать, почему плохо в то время кушал.

Нас, всех мужчин, и меня в том числе, угнали в фашистские лагеря, где начался фашистский ад. Дошли (мы) как мухи с голоду, холода, тифа. Я и четыре человека со мной, которые работали, решили бежать вместе. Оружием была лопата. И она помогла убить часового, и мы разбежались кто куда.

Я попробовал пробиться в Ленинград, но (это было) невозможно, и мне подсказали пробираться в тыл, в г. Луга, это 136 км от Ленинграда. Там (сказали) есть партизаны. Тяжело было пробираться голодному и холодному. В наших деревнях даже не открывали дверей. Их фашисты напугали, что, если кто будет пускать посторонних, значит, скрывает партизан. Значит, расстрел.

Ну, где дохлая лошадь, где перекопаем мерзлую землю, найдем картошечку (для питания). Так добрался до Луги. И все проселочными дорогами. По главным (дорогам) везде ждали фашисты, забирали в лагерь. Ну, вот я и стал искать партизан. И, на мое счастье, я встретил коммуниста Павла Семенова, который мне сказал: никого больше не спрашивай, никого, пока живой, а давай устраивайся на железную дорогу на работу. Я стал возражать, что работать на фашистов (не хочу), потому что пионер. (Он ответил:) «Вот и хорошо. Вот такие ребята нам и нужны». Ну, я поверил, пришел. Он меня привел в контору фашистов. Там мне написали записочку, и я пошел на биржу труда. Мне там выдали немецкие документы и устроили меня на железную дорогу стрелочником. Вот теперь я имел право днем и ночью приходить на железную дорогу, что и нужно было.

Первым ко мне пришел Василий Павлов, и мы с ним стали друзьями, он был комсомольцем. Прошло немного времени, и я получил задание заморозить дорогу, это было зимой, чтобы фашистские мерзавцы не могли попасть на заправку и развернуться. Несколько раз было удачно, но однажды был избит фашистом, который здесь командовал, и пере-веден на разгрузку угля.

Но здесь появилась Екатерина Михайлова, которая приносила уголек, но еще тот уголек, от которого, когда он попадал в топку, все разлеталось вдребезги. А мне это было делать очень просто, я работал на заправке угля. Василий Павлов тоже работал на железной дороге, чистил топки паровозов. И редкий раз он не оставлял гостинца от себя. Он мне однажды показал, какой пришел паровоз «красивый». И нам стало на сердце так легко, что мы в тылу врага, но тоже помогаем фронту, где наши отцы и старшие братья боролись за нашу свободу.

Очень хочется встретиться с Василием Павловым, Павлом Семеновым, Екатериной Михайловой. У нас теперь будет о чем поговорить, раньше мы боялись друг друга, верно?

До скорой встречи, люди, Корелия, Лужана. Будьте любезны, помогите нам встретиться. Поместите письмо в газету. Заранее благодарю.

Пономарев Г. В.

7 апреля 1965 г.,

Калининградская обл., г. Светлогорск.

Ф. М. 98. Оп. 3. Д.60. Л.8—10 об.

№ 64

Память о концлагере Слоним

...В боях под Оршей я был ранен и попал в плен. Трудно себе представить мое состояние. Идти в руки врага беспомощным и вместе с тем надеяться, что, может быть, я смогу, что-либо сделать (для) Родины в дальнейшем, придавало мне силы. Перевозка на автомашинах до Минска, обитание в голодном состоянии в недостроенных домах Минска, наконец, дальнейшая отправка в Барановичи, где нас поместили за каменной стеной. Через несколько дней отправка пешком в г. Слоним в концлагерь — все это осталось у меня в памяти до сих пор.

Трудно представить себе сплошную толпу из пленных, которые стояли прижавшись друг к другу, стараясь найти несколько минут для сна. Снаружи холодно, внутри толпы слишком жарко — непрерывное движение нас не согревает, и вместе с этим не хотелось отрываться от своих товарищей, чувствуя их локти, понимая выражение лиц, чувствуя их мысли... нет, если мы и оказались в плену, то мы еще не побеждены.

По дороге в Слоним ослабевших наших товарищей, упавших от бессилия, раненых, безжалостно расстреливали на наших глазах.

Небольшая передышка перед Слонимом. Привал. В нашу толпу вмешались местные женщины с хлебом, и доставшийся мне маленький кусочек черного хлеба дал мне не только физическую силу, но и особенно моральную. Мы с народом, народ нас поддержит. Говорить нам не было возможности, но мы чувствовали их любовь, их надежду на нашу армию, несмотря на наше плачевное состояние. Остальной путь мы (прошли) с чувством несокрушимой силы связи с народом, что и определило нашу дальнейшую деятельность, конечно, если бы мы остались живы.

Говорить о концлагере в г. Слоним — это переживать горькие минуты своей жизни: 2 ложки пшеничной муки на один литр воды два раза в день было нашим суточным рационом. Все лежали. Двигаться было трудно. Круговая охрана пулеметчиков по изгороди создавала безнадежность какого-либо побега, но вера в наши последние силы создавала все-таки условия для побега. Необходимо было заготовить дрова на лагерь, и я в числе нескольких своих товарищей вызвался участвовать в этой работе. Охрана была слабой. Нас было 20 человек на трех охранников. Внешне дружеское отношение с охранниками помогло мне с товарищем оторваться от группы и... Скитание по лесам Западной Белоруссии, питание ягодами, обращение к жителям отдельным хуторов помогло нам восстановить силы...

...Остановились в деревне Скробово. Нас было уже 10 человек. Это уже сила...

Без вести пропавшим, как меня считали родные, я был 1,5 года, и лишь первые рейсы с Большой Земли, доставившие нашему соединению оружие, обувь, некоторые дефицитные продукты, дали возможность обменяться маленькими весточками с нашими родными...

6 марта 1965 года.

*Самсонов А.А.
г. Москва.*

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 66. Л. 94—96, 100.

№ 65 **Судьба моей семьи**

Родился в Смоленской области в Сафоновском районе. У меня есть двоюродная сестра, то есть сестра моей мамы, вот у нее есть дочь, зовут Галей или Светланой, точно никак не вспомню. Мне тогда было семь лет. Еще был брат, звали его Колей, он был в детдоме в Беднодемьяновске. Это недалеко от станции Рузаевка, недалеко от г. Пенза.

Шла война, кажется, первый год. Немцы вступили к нам в начале осени. А в начале лета мы как-то раз сидели дома: мама, я, братик Витя, сестренка Люда, а брат родился как раз в начале войны. И вот мы сидели вчетвером дома, как сейчас помню, пришла к нам тетя какая-то. Наверно, мама ее знала. Пришла и так тихо говорит: «Отца своего хотите увидеть?» Вы прочтете и поймете, какая это была радость. Но радоваться

и восторгаться (этой новости) нельзя было: в соседней квартире были фашисты и могли нагрянуть в любую минуту.

И так было радостно и нерадостно, все кругом было разрушено, кругом шныряли зеленые мундиры с завернутыми рукавами до самых локтей. Вот стемнело, и мама привела папу. Так папа сидел два дня, стал скрываться от местных полицейев, потому что они все знали и всех. А потом мы уехали в деревню Леоново.

Отец ушел в лес, а мы вчетвером остались у двух папиных сестер. Потом немцы начали отступать. Я как-то раз выхожу на улицу и вижу, что немцы собирают людей, с другого конца деревни гонят людей.

Собрали нас в овраг, там, напротив мельницы, и так мы стояли целый день. А это было примерно в феврале. Потом под вечер нас подвели к шалашу, к летней постройке. Там мы все, женщины и дети, (провели) всю ночь. А наутро нас всех подняли и повели на расстрел, но мы, конечно, сначала не знали, (но) они нам сказали, что, мол, поведем вас в другую деревню. Сначала вели нас правильно, а потом свернули с дороги и поставили нас на опушке леса в одну линейку, поставили два пулемета, напротив (нас), и лошади (были) запряжены в сани, а на санях пулемет. А потом приехал их офицер, что-то сказал. И четверо немцев (начали брать) кучками людей, человек по двенадцать, отводили в сторону, ставили задом и расстреливали. Когда очередь дошла до нас, я стоял вместе с мамой и сестрой, а маленького братика мама держала на руках. Я только услышал, как начали стрелять, и я упал без сознания. Когда я очнулся, то немцев уже не было, и нас тогда встало 7 человек: две женщины, у одной женщины встала девочка, а у другой мальчик маленький, девушка лет двадцати, я и мой брат двоюродный.

Мы все встали и ушли в лес, дальше от этого места. Сели мы с братом под елку на кучу хвороста и уснули, а те пять человек под другим деревом. Когда я проснулся, то тех пяти человек уже не было. Мы вдвоем заблудились в лесу и вышли лишь на седьмые сутки. Не шли, а ползли, и я обморозил себе руки, только легко. И как раз попали в эту деревню, что была рядом с той, в которую нас хотели вести немцы.

Все подробности не опишешь в письме. Это все происходило в Смоленской области Сафоновского района. Сначала мы жили в самом районе, потом надоели эти облавы и ночные вылазки, и мы уехали в деревню Леоново Смоленской области. Сначала здесь не было немцев, а потом и сюда добрались. И вот раз ночью, отец был дома, пришли двое, собрали вещи и забрали нашего отца, и до сих пор ничего неизвестно.

А потом через некоторое время начали отступать (немцы) и расстреляли всех. Осталось нас семь человек от всей деревни. Когда мы добрались на шестые или седьмые сутки, мы ничего не помнили, переночевали у одной тети. Утром нам тетя дала по мешочку, мне и моему брату, и стали ходить по домам. Но тут тоже были немцы, эти были в зеленых мундирах, а те, что расстреливали нас, в черных, «СС» — каратели.

Отец был старший лейтенант и был награжден, помню, орденом Ленина, и были еще какие-то ордена. Он был партийным. Перед самым началом войны отец работал начальником пожарной команды в Сафоновском районе. Потом пошел на фронт и был в плену, потом бежал из плена с одним товарищем, как его звать, не помню. Мой папа Самсонов Василий, а отчество не знаю, а мамино — Самсонова Анна Павловна, папа маму называл Ньюша...

5 мая 1965 года.

*Самсонов.
г. Горький.*

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 66.Л. 103—105 об.

№ 66

Давыденко — человек, о котором должны знать

688-й мотострелковый полк 103 мотострелковой дивизии вечером 1 августа 1941 года атаковал противника на северо-восточной окраине Ушаково (в 15—20 км от г. Ельня). Атака захлебнулась, и в ночь на 2 августа 1941 г. подразделения полка отошли в исходное положение. Отход прикрывала саперная рота полка, заняв рубеж на безымянной высоте южнее села Новое Устиново.

Ночь выдалась очень темной. Немцы жгли костры по своему переднему краю и непрерывно вели огонь из автоматов и пулеметов попеременно с методическим огнем минометов.

Я со старшим лейтенантом Давыденко (забыл его имя и отчество) находился на командном пункте 688 мотострелкового полка, как делегат от штаба дивизии, на западной опушке леса юго-восточнее Н-Устиново.

В этой непрерывной стрельбе немцев, за их кострами, ракетами и трассирующими пулями время от времени слышался душераздирающий крик раненого, идущий из нейтральной полосы. Протяжный крик отчаяния и мольбы тяжело действовал на нервы людей. Предпринимавшиеся попытки вытащить его из-под окопов немцев не удавались. Противник тщательно освещал этот участок местности и вел интенсивный огонь из автоматов. Командование полка не могло больше рисковать людьми, и, по существу, он был обречен на гибель.

Старший лейтенант Давыденко не выдержал зова о помощи, сказал мне: «Погибнет парень, надо спасать. Одному нужно остаться на точке для связи со штабом, а другому рискнуть». Я согласил с ним, ибо тоже думал (об этом) сам. «Пойду я, — сказал Давыденко, — так как был на той местности днем, а ты к тому же являешься старшим, тебе уходить нельзя». Я действительно был старшим и не имел права покидать пост без разрешения начальника штаба дивизии полковника Кузьмина. Докладывать же о решении пойти вытащить раненого (бойца) было бесполезным (делом), ибо в то время заменить нас было некому. Давыденко пожал мне руку, выпрыгнул из окопа и слился с темнотой.

Я позвонил командиру 2-го батальона капитану Михайлову и попросил его в случае необходимости прикрыть огнем Давыденко. Немцы вели себя по-прежнему. Я беспокоился за своего товарища. Мы вместе с ним учились в военной академии им. Фрунзе и вместе в начале войны попали в одну дивизию.

На рассвете Давыденко устало опустился камнем в окоп и, сидя, не распрямляясь, ничего не говоря, заснул.

А все произошло так. Давыденко вышел в район саперной роты 688 мп. Командир роты рассказал ему, что посылал за раненым три раза своих людей, но они несли потери от огня противника и не могли его вытащить. Давыденко решил один добраться, а командира роты попросил прикрыть его огнем, если немцы обнаружат его. Впереди лежащее поле было освещено кострами противника. Давыденко выбрался из окопа, слился с травой и пополз в направлении стона. По рикошетах он понял, что враг ведет неприцельный огонь, это его ободрило. Играя с отблеском костров и пулями противника, человек упорно и настойчиво, метр за метром пробирался по-пластунски вперед, не думая о себе и совершенно не зная человека, лежащего у проволоки врага.

Ясно было одно — там наш советский человек, который нуждается в помощи, и он, Давыденко, рискуя собственной жизнью, подаст ему руку, как товарищ своему боевому товарищу и соратнику.

В воронке от авиабомбы Давыденко нашел тяжелораненого солдата. К своему изумлению, он обнаружил, что солдат, потерявший сознание, привязан за руку к колу на дне воронки мелкозвенчатой цепью от немецкого парабеллума. Вторая рука, раненая, привязана к туловищу ремнем. Раненую ногу в голеностопном суставе стягивала петля от телефонного провода, конец которой уходил под проволочное ограждение в сторону немцев. Давыденко стал свидетелем издевательств над нашими ранеными.

Немцы периодически тянули за провод, причиняя страшную физическую боль. Тело солдата задерживалось на привязи за кол, а нога вытягивалась на край воронки. Человек находился на растяжке, при этом издавал отчаянные, душераздирающие вопли. Потом провод резко отпускаясь, и тело опять скатывалось в воронку.

Давыденко развязал солдата, а конец провода привязал к колу. Выбрав момент, погрузил на себя раненого, выполз из воронки и направился к своим. Раненый тихо стонал, не приходя в сознание. Давыденко боялся, чтобы стон не выдал их, и тогда уже едва ли можно было бы остаться незамеченными. Даже в этот момент Давыденко думал не о себе, а о раненом солдате. Около часа он затратил на преодоление с ношей расстояния 400—500 метров, отделявшее наши окопы от противника. Выполнившие навстречу саперы взяли раненого, а Давыденко побрел на командный пункт, забыв узнать фамилию спасенного им человека.

Оказывается, немцы специально привязали тяжелораненого для того, чтобы он ночью, истязаемый ими, мог громко стонать, нагоняя уныние на наши части...

Все это Давыденко рассказал мне утром 2 августа, а к исходу этого же дня он на северной окраине Ушаково возглавлял нашу разведывательную группу. Наши разведчики пробрались в тыл врага и, выполнив задачу, отходили к себе. В момент отхода были обнаружены противником, попав в тяжелое положение. Старший лейтенант Давыденко с ручным пулеметом залег в кювете у большака, идущего из Ушаково на Хлысты, приказал разведчикам отходить, а сам вступил в огневой бой с мотоциклистами противника. Ядро разведки благополучно отошло к своим. Коммунист Давыденко ценой собственной жизни обеспечил выполнение задачи.

После освобождения Ушаково Давыденко был похоронен на северной окраине этого села в братской могиле. Тело его, изуродованное штыковыми ударами, нашли в кювете на северной окраине Ушаково. Давыденко дрался до последнего патрона и был поднят на штыки.

Образ этого скромного офицера-коммуниста остался в моей памяти на всю жизнь. Страна не знает о его подвиге, совершенном в тяжелый период Отечественной войны, его помню я и, возможно, уцелевшие сослуживцы по 103 мотострелковой дивизии.

Не знаю, цела ли братская могила в селе Ушаково, где захоронены в августе 1941 года павшие герои 103 мотострелковой дивизии, и знают ли его жители о делах и героических поступках советских воинов, погребенных на их земле.

А ведь сколько таких Давыденковых было во время войны, не перечсть. Благодаря им пришла Победа и восторжествовало наше правое дело. Все они именуются неизвестными героями, хотя живые о них помнят.

*Саушкин В.И.
г. Москва.*

8 июня 1961 года.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 66. Л. 137—142 а.

№ 67

Можно ли прощать такие преступления?

...Случилось это 7-го февраля 1944 года. 301-я стрелковая дивизия, в которой я был начальником штаба, наступала против немецко-фашистских войск, оборонявшихся на Никопольском плацдарме. В задачу войск наших входило — ликвидировать плацдарм и с хода форсировать Днепр.

Четвертого февраля была прорвана первая полоса обороны противника. Но гитлеровские войска оказывали упорное сопротивление. Они использовали все силы и средства, чтобы нас задержать: авиацию, всю

мощь своей артиллерии, резервы пехоты и танков, — производя частые контратаки. Поэтому наступление шло крайне медленно, а к исходу шестого (февраля) вообще приостановилось.

Готовясь возобновить атаку, командование дивизии решило произвести кое-какую перегруппировку своих войск и провести дополнительную тщательную разведку противника с целью уточнить группировку и нащупать слабые участки в его боевых порядках. Было организовано и послано несколько разведывательных групп. Одну из таких групп от 1054 стрелкового полка возглавил сержант Полторакин.

Николай Полторакин в полку был разведчиком. Ему двадцать лет исполнилось. Он воспитанник комсомола Ставропольщины. Там, в городе Минеральные Воды, в доме № 3 по улице Пролетарской, прошли его детство и юность. В части Николая все знали. Выделялся он среди других разведчиков какой-то особой ловкостью и смекалкой, не говоря уже о его неизмеримой смелости. Счет доставленных им «языков» с каждым месяцем все рос. Общительный, заботливый о подчиненных, он пользовался большим авторитетом и уважением у бойцов.

Перед выходом на задание сержант в присутствии офицера разведки полка капитана Кочина проверил лично знание задачи каждым разведчиком и готовность вооружения. Потом капитан Кочин начал принимать личные документы.

— Может, и комсомольский билет оставите? — спросил капитан у Полторакина.

— Нет, — отрезал Николай. — Он будет при мне до тех пор, пока я живу.

В штабе 1054 стрелкового полка давно уже утвердилось такое мнение, что раз в разведку пошел Полторакин, то можно с уверенностью надеяться: сведения о противнике будут добыты самые точные и полные. Кто, как не он, с разведчиком Федоровым привел немецкую кухню с супом и поваром в районе Екатериновки; кто, как не он, приволок пленного в последних числах января, когда считалось, что сделать это просто невозможно; наконец, кто, как не он, добыл очень важный документ о расположении артиллерии противника перед фронтом полка. Успех такой им достигался тщательной продуманностью действий, прозорливостью и проявлением личной инициативы. Он поступал всегда так, как это подсказывала обстановка, его совесть, не боясь взять на себя ответственность за последствия. На этот раз, посылая Полторакина, командование и штаб полка были уверены, что данные о противнике у них обязательно будут.

Долго полторакинская группа вначале ползала по переднему краю. Ткнется в одном месте — очередь пулемета; ткнется в другом — автоматная. Задача разведчикам была ясна, но вряд ли кто из них догадывался сейчас о замысле командира. По его молчанию, быстрому перемещению по фронту перед носом у противника они догадывались, что Николай

что-то замышляет. И они не ошиблись. Вскоре группа нашла разрыв в боевых порядках гитлеровцев и устремилась в тыл. Через час она была уже у дороги села Большой Лепатихи на Шевченко и укрылась в кустах.

— Запомнили, где шли? — неожиданно шепотом спросил бойцов Полторакин.

— Запомнили, — последовал ответ. Только зачем это нужно было Николаю, никто даже не подумал.

— А теперь наблюдайте лучше и все запоминайте.

Хотя февральская ночь и длинная, но клониться она начала к исходу.

С Большой Лепатихи доносился неугомонный лай собак и ржание лошадей. На Днепре людской говор, стук топоров и всплески воды. Потом во многих местах загудели моторы. Полторакин послал дозорных. Доложили, что на восточной окраине Большой Лепатихи до десяти танков, много автомашин и большое скопление пехоты. Срочно послал двоих с донесением. Затем началось усиленное движение машин и подразделений пехоты противника по дороге на Большую Лепатиху и из нее. Полторакин внимательно следил.

Уже перед самым утром вдруг Полторакин замечает, как прямо в их сторону бежит одиночный человек. Все насторожились и начали всматриваться. Вскоре Николай разглядел, что бежит немецкий солдат с автоматом на груди и телефонным аппаратом в руке.

Разведывательная струнка в Николае враз сыграла.

— Приготовиться к захвату, — тихо приказал он.

Только успел немец поравняться с кустами, как был смят Подгорбунским с помощью Килина и втащен в кусты.

Такой «язык» в войну не часто попадался. Связисты, как правило, знали обстановку своих войск лучше, чем подчас офицеры. Поэтому подобные пленные являлись очень ценными. Это радовало Полторакина.

Но обстановка вдруг сложилась совсем не в его пользу. Хотя сделано было с захватом очень быстро, гитлеровцу все же удалось успеть рывкнуть, пока не зажали рот. Это, по-видимому, вызвало подозрение у немецкого подразделения, находившегося невдалеке. Не успели разведчики скрутить пленного, как появилось до взвода противника и, расклинившись в цепь, начали охватывать с трех сторон советских разведчиков.

Перед Полторакиным стал вопрос: что же делать? Бросить пленного и быстро смотаться? Не в его натуре. Дать бой? Явная гибель при таком соотношении и невыполнение полностью задания.

И отважный разведчик решает.

— Ведите его, а я попридержу их, — приказал Полторакин бойцам. — Только быстрее. За доставку головой отвечаете.

— А вы?.. — заикнулся было Килин.

— Выполняйте приказ!

Около получаса вел неравный бой комсомолец Полторакин. От его автоматного огня вражеский взвод поредел наполовину. Однако положение сержанта становилось исключительно тяжелым. Кончились патроны, разбита рука и бедро. Почувствовав отсутствие огня, гитлеровцы осмелели и начали подползать вплотную. Наконец брошена Полторакиным последняя граната...

...Командование дивизии, получив от пленного, доставленного разведчиками Полторакина, точные данные о группировке противника, нанесло решительный удар по врагу, сломило его сопротивление и очистило от фашистских захватчиков Большую Лепатиху. Мужественные и умелые действия группы под командованием сержанта Полторакина во многом содействовали этому успеху. Полторакин блестяще выполнил поставленную задачу.

Что же потом произошло с Полторакиным и какова его судьба?

В журнале боевых действий 301-й стрелковой дивизии об этом записано так: «Выполняя боевое задание на подступах к Большой Лепатихе, был тяжело ранен сержант Полторакин, который, в силу сложившихся обстоятельств попал в плен. Обозленные своими неудачами фашисты зверски мучили раненого сержанта, допытываясь сведений о наших войсках. Не добившись своего, гитлеровцы сожгли Полторакина живым в одном из сараев села».

Как же все-таки все это происходило?

Из рассказов жителей и опросов пленных нам удалось тогда более подробно установить всю эту жуткую картину. Сержант Полторакин был доставлен в штаб 97-й ГСД 7-го февраля. Обессиленный, он еле держался на ногах.

— Коммунист? — задан был первый вопрос сержанту немецким подполковником в роговых очках через переводчика, обер-лейтенанта.

— Пока комсомолец. Но коммунистом обязательно буду! — гордо ответил Полторакин.

— Где твой билет?

— Зачем он тебе?

— Дай сюда билет! — рявкнул подполковник, протягивая руку.

— Убери поганые (руки)! — сжимая кулаки, нахмутив брови, грозно бросил Полторакин. — Не положено таким прикасаться к силуэту Ленина!

Это совсем взбесило немецкого подполковника. Налившись весь кровью, он выхватил из кобуры пистолет и со всего размаху ударил по лицу сержанта.

Допрос Полторакина продолжался более трех часов. Это был не допрос, а истязание. Его били кулаками, прикладами, ломали пальцы, выкручивали руки. Фашистам во что бы то ни стало хотелось добиться,

чтобы он сообщил им данные о наших войсках. Но сержант молчал. Он остался верен своему воинскому долгу, присяге.

Что это — подвиг со стороны Полторакина? Да! И даже что-то большее. Тут сочетается все: отвага, мужество, воинское мастерство, беззаветная любовь к своей Родине и партии, верность воинскому долгу, глущая ненависть к врагам.

Напоследок разъяренные фашисты связали Полторакину руки и ноги, затащили в сарай, разожгли костер и живого бросили в горящее пламя.

А это что? Можно ли таким гитлеровским офицерам и генералам прощать их преступления через двадцать лет, как это решило сделать правительство ФРГ, или даже через сто (лет)? Нет, народы этого не простят.

...Немало воды утекло за это время. Кое-что начало забываться. Но вот такое никогда не изгладится из памяти. Мы восхищались, восхищаемся и будем восхищаться такими людьми, как комсомолец Николай Полторакин. Мы гордимся их подвигами. Мужество Николая и сейчас пример того, как надо служить своему народу, своей Отчизне.

В заключение я прошу прощения у Анны Захаровны Казаковой за то, что не смог до сих пор отыскать ее местожительство и рассказать о неповторимом героическом подвиге ее любимого сына.

*Сафонов М.И.
г. Саратов.*

10 февраля 1965 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 66. Л. 153—160.

№ 68

О тех, кто легендой оваян

...Шел 1943 год. Я служил летчиком в авиационном полку Северо-Кавказского фронта. Советские воины гнали фашистских захватчиков с родной земли. После освобождения хутора Красносельского, находящегося в нескольких километрах от Гулькевичей (на Кубани), молодые девчата и парни показали мне письмо, которое они писали на фронт советским воинам.

Я прочел: «Мсти за поруганную девичью честь и красоту, за истоптанные фашистским салогом мечты и надежды. Мсти за измятый гитлеровцами красный бант. Мсти за разрушенные города и села нашей Отчизны, освободитель земли русской.

А если придет к тебе страх в бою — вспомни Тамару, подругу свою, мать позови, кликни сестер, вспомни о Родине, о Земле-кормилице, любовь к ним поведет тебя по дороге Победы, бессмертия и славы...»

С того дня, как я впервые прочитал письмо, прошло более 17 лет.

Что случилось с Тамарой, имя которой упоминалось в этом пожелтевшем листке? Когда фашисты заняли Красносельское, комсомолка

Тамара Шкурина в знак протеста вплела в косу красный бант. Гитлеровцы схватили девушку. Они заставляли Тамару снять бант. «Не сниму! Никогда!» — произнесла патриотка и толкнула фашиста так, что тот упал в грязь.

Тогда один из фашистов, выхватив пистолет, выстрелил в Тамару. Так оборвалась жизнь смелой комсомолки.

Сахно Н.С.

30 мая 1961 г.

Краснодарский край, станица Медведовская

Ф.М. 98. Оп. 3. Д. 66. Л. 172—173.

№ 69

Я имени ее не знаю

Август 1943 года. Наше Краснознаменное горнострелковое соединение, сильно поредевшее в боях на Кубани у станицы Молдаванской, заменили другим соединением и передислоцировали на юг Украины, в район реки Молочной, где враг ожесточенно сопротивлялся.

По пути мы пополняли материальную часть, свои ряды, обучали пополнение необходимым боевым навыкам, готовились к очередным серьезным боям.

Днем отрабатывали боевые элементы и отдыхали, перед заходом солнца выступали в марш, шли всю ночь и после восхода солнца останавливались на отдых и занятия. Увидел ее я при подготовке к последнему маршу. Она стояла, озаренная лучами августовского заходящего солнца, недалеко от нашего подразделения. Легкий ветерок играл ее золотистыми кудрями. Ясный открытый взор переходил от подразделения к подразделению, словно отыскивая свое место в колонне. Выгоревшая солдатская гимнастерка, перехваченная широким солдатским ремнем, охватывала бюст, неширокая форменная, не менее выгоревшая юбка ладно дополняла и подчеркивала стройную девичью фигуру. На расстоянии черты лица не были видны, но смуглые и загорелые овал лица и тонкая шея, очерченная узким белым кантом подшитого воротника гимнастерки, вызывали представление о необычайной красоте этой златокудрой девушки. Тяжелая санитарная сумка как-то не шла к ней и казалась чем-то ненужным на ее бедре. Еще более нелепыми казались тяжелые солдатские ботинки и обмотки, обвивавшие ее стройные ноги почти до самых колен.

Я ожидал, что вот-вот из строя последует дружное, насмешливое: Ри-ма-а! Но этого не произошло. Наоборот: слышно было, что бойцы любовно, с нежностью и уважением произносят ее имя.

Я спросил товарищей: «Кто это? Почему я ее раньше не видел, хотя почти месяц пробыл в санчасти на излечении ранения и должен знать всех санинструкторов части?»

«Эх, помкомвзвода, помкомвзвода, — отвечали товарищи, — совсем ты залечился: она сменила Эмму при первом батальоне в день твоего ранения, поэтому ты и не застал ее в санчасти. С тех пор она бессленно работала в первом батальоне. Скольких бойцов она спасла, оказав своевременно помощь! Скольких раненых вытащила из-под вражеского огня!»

Эмму я запомнил: она чаще других перевязывала мою рану, пока я находился в санчасти. Она любила одеться с чисто женской изобретательностью, даже нарушая форму, и ходила в хромовых сапожках. Не уступали ей в этом и другие девушки и женщины в санчасти.

«Так что же она, рисуется, что ли, солдатскими обмотками? Неужели старшина санчасти не смог снабдить ее подходящими сапогами?» — чуть ли не с раздражением спросил я. «Не обижай девушку, помкомвзвода! — решительно ответили саперы. — Ты сам-то почему не носишь сапоги, а тщательно обматываешь ноги обмотками? Бережешь свои ножки? Боишься, чтобы к ступням не проникли комочки или какие-нибудь камешки-комочки. А ей что, меньше нашего ползать приходится, что ли? Или она не такой же боец?» Резонно. Возражать трудно, да и незачем. Захотелось поближе посмотреть в лицо этой девушке, поговорить с ней, но она уже ушла в голову колонны, видимо, к своему батальону.

Диск солнца почти совсем скрылся за горизонтом, когда колонна тронулась в путь. Вскоре, подняв невероятную пыль, нас обогнала какая-то кавалерийская часть, подшучивая над нами: «Пехота, по-во-од!» Затем пронеслись моторизованные части и исчезли в темноте, которая спустилась на землю как-то сразу, без сумерек. Впереди, километрах в десяти-пятнадцати, слышались отзвуки затихающего боя.

Шли довольно быстро, как только позволял в темноте строй. Часа через 4—5 передние подразделения разошлись, кто вправо, кто влево. Мы тоже получили свое направление, а примерно через полчаса и приказ быстро окопаться и замаскироваться.

Впереди трещали винтовочные выстрелы. Тонкие огненные нити трассирующих пуль прорезали темноту. Иногда тьму нарушали вспышки осветительных ракет, и почти вслед за ними в том же направлении слышался вой полета и грохот разрыва минометных снарядов.

Получили уточненный приказ: копать индивидуальные окопы на расстоянии 40—50 метров друг от друга по фронту и в глубину; до рассвета закончить, замаскироваться; вести наблюдение за врагом, днем ничем себя не обнаруживать, питаться НЗ; быть все время в боевой готовности.

Закипела работа. Очень быстро в податливом грунте каждый выкопал себе окоп глубиной примерно в 70 см. Дальше дело усложнилось: лопаты упирались в каменный плитняк. На ощупь находили трещины, расчищали их, расшатывали плиты, с трудом вытаскивали и укладывали их вокруг окопа. Перед рассветом замаскировались, запаслись для

утоления жажды кормовыми арбузами, которые росли здесь в избытке, и укрылись в окопах.

Восходящее солнце осветило бескрайнюю степь. Нигде не было видно явных признаков людей. Впереди, на западе, на расстоянии примерно около километра степь поднималась террасой, которая, извиваясь змеей, образовывала горизонт, упиравшийся километрах в пяти слева в селение, утопающее в зелени, и теряющийся в бескрайней степи справа. Степь плавно понижалась к террасе и заканчивалась там пышной шалью кустарников. Очевидно, там протекала речушка или был впашной овраг. Подъем на террасу был в несколько рядов оплетен колючим проволочным ограждением. Изредка на террасе раздавался оружейный выстрел, и снаряд разрывался далеко позади нас. Иногда на большой высоте появлялся вражеский самолет и, покружив над степью, улетал на запад. Ничто другое не обозначало, что здесь находится линия фронта.

Так невероятно, без шума и суеты протекал этот день. Солнце уже палило нещадно. На небе ни облачка. В окопе душно и парко от испарений обнаженной земли. Томно, но спать не хочется. К полудню приполз связной от инженера части с приказом послать саперов с ножницами по одному в каждый батальон. Покурили с ним. Он рассказал, что знал, об обстановке. Порассуждали о необычности этого фронтового дня. Я назвал ему фамилии саперов и указал окопы, где они находятся. Связной пополз, а я стал наблюдать за ним, как он плотно прижимался к земле, используя каждое углубление, каждую борозду, приподнимая арбузную ботву со стороны фронта. Один за другим выползли саперы и, также тщательно маскируясь, поползли за связным в сторону фронта и скрылись в густой траве, выбравшись за границы арбузного поля.

Однообразие и утомленность взяли свое, и я уснул, сидя, вытянув ноги вдоль окопа. Крепкий солдатский сон был прерван разорвавшимся невдалеке снарядом. Видимо, кто-то демаскировал себя, так как враг незамедлительно среагировал выстрелом. Осторожно осмотрелся кругом. Снаряд не попал ни в один окоп. Окликнул соседей, и они подтвердили, что потерь нет.

Солнце повисло над террасой, неудержимо клонясь к закату. С террасы все чаще и чаще слышались пулеметные очереди и отдельные винтовочные выстрелы. Очевидно, наш передний край, готовясь к выполнению задачи, кое-где демаскировал себя и тем самым вызывал огонь противника. Может быть, это делалось специально для выяснения огневых точек и мощи противника. Остальная степь, насколько охватывала ее взор, не проявляла никаких признаков присутствия людей.

Наконец диск солнца коснулся террасы, заливая скользкими лучами ниже лежащую степь. Из полушалка кустарников в разных местах выросли несколько солдат с ножницами. Почти одновременно вся степь, насколько охватывает глаз, взьерошилась людьми, точно выросшими из земли. Они стремительно неслись к террасе, держа оружие наперевес.

Дружно ударила по террасе наша артиллерия. Степь заколыхалась длинными колеблющимися тенями бегущих людей, наполнилась какофонией самых разнообразных звуков. Казалось, будто вся земля заколыхалась в лучах заходящего солнца, будто вся земля поднялась на врага взрывом в едином порыве и стремлении. Вражеские пулеметы сразу замолчали. Наши воины неудержимо устремились в проходы, проделанные в провололочном заграждении, расширяя по пути проходы и проделывая новые. Один за другим они взбирались на террасу и растекались там, стреляя на ходу по удирающему в панике и ошеломленному врагу. Каждый преследовал врага, придерживаясь зрительно своего подразделения. Мы, саперы, тоже устремились на террасу и продвигались вперед, стараясь не отстать от боевых подразделений. Вскоре на террасе появились кавалеристы, а затем и моторизованные части, которые обогнали нас на марше и находились где-то в укрытии. С гиком и свистом кавалеристы настигали и уничтожали удирающего врага, предоставив пехотинцам осваивать местность и подбирать пленных.

Стемнело так же неожиданно, как и накануне. Зрительная связь стала затруднена. Начали для связи пользоваться голосом. Сначала шли подразделения своими направлениями. Затем, сбиваясь на голоса и окрики, перемешались с подразделениями других частей, потеряли направления и шли неизвестно куда, ориентируясь по Млечному Пути да по звукам выстрелов. Степь наполнилась голосами разыскивающих друг друга подразделений. Мы двигались, выкрикивая в темноту фамилию связного при инженере части и фамилию командира взвода. Эти фамилии были обособлены, индивидуальны, по ним установили связь со штабом части и получили указание остановиться и окопаться. Ночь по-прежнему жила голосами блуждающих подразделений и где-то впереди звуками боя и вспышками пожаров.

Рассвет обозначил впереди нас в полукилometре темную полосу ветрозащитного насаждения, за которой шел бой, и в разных местах поднимались в небо густые столбы дыма, подсвечиваемые вырывающимися иногда языками пламени и каскадами искр. Впереди, справа, слева и позади нас окопались подразделения не знакомых нам частей. От ветрополосы стали отделяться отдельные фигуры, группы по два-три-четыре человека. Они шли в нашу сторону. Это шли раненые, помогая друг другу и поддерживая друг друга. Среди них были раненые и из первого батальона нашей части. Они рассказали, что еще ночью первый батальон занял населенный пункт в двух-трех километрах за ветрозащитной посадкой. Но к утру в селение ворвались танки и бронетранспортеры противника. Одновременно на левом фланге завязался бой с пехотой противника. Батальон оставил селение и окопался в полукилometре от него. Связь с соседями и другими батальонами части нарушилась. Раненый командир батальона принял решение удержать новые позиции до рассвета, когда легче будет определить обстановку.

Он знал, что свои (товарищи) поблизости и по первому знаку придут на помощь. Организовал КП и перевязку раненых за стогом соломы и оттуда постепенно эвакуировал раненых в посадку. С ним находилась санинструктор, которая едва успевала перевязывать раненых.

Перед самым рассветом зажигательными пулями гитлеровцы подожгли стог и кинулись в освещенное пространство. Прорвали оборону и устремились к стogu. Со словами «Я успею скрыться в темноте!» санинструктор столкнула командира и оставшихся раненых в окоп, укрыла их плотным слоем соломы, замаскировала, раскидав вокруг кучи соломы, и устремилась в сторону посадки. Стог разгорался все сильнее, всколыхивая темноту и отгоявая у темноты все больше и больше светлого пространства. Фашисты были уже близко. Со стороны посадки с криками «Ура!» к стogu спешили наши подразделения, но они были далеко. Даже пулеметные выстрелы не достигали врага. Санинструктор, освещенная зловещим пламенем пожара, бежала быстро, змейкой. И фашисты поняли, что просто так им ее не догнать. Тогда они пустили в ход автоматы и, уже раненую, стали ее настигать. Несколько раз она поднималась, пытаясь бежать, но каждый раз, как подбитая птица, взмахивала руками и, склоняясь, падала, обессиленная, на землю. Наконец они настигли ее. Четверо здоровенных гитлеровцев схватили ее за ноги и руки и, раскачивая, почти бегом понесли к стogu. Они спешили, так как огонь наших подразделений уже ранил нескольких фашистов у стога, заставив остальных торопливо удалиться к селению. Поравнявшись со стogом, гитлеровцы поспешно бросили раненую санинструктора в середину горящего стога и, как виноватые собаки, побежали вслед за своими.

Скрыться им не удалось. Горящий стог помог сориентироваться другим нашим батальонам. Они охватили селение с флангов, отрезали с тыла и с рассветом захватили селение вместе с находящимся там врагом и его техникой.

Рассказчики замолчали. Молчали и мы, пораженные зверской расправой фашистов над нашей советской девушкой-бойцом, бывшей такой родной и желанной для воинов с ее благородной воинской специальностью санинструктора.

Я имени ее не знаю, но должен узнать!

Имя своей славной дочери, ее замечательный подвиг должен узнать советский народ, его вооруженные силы, чтобы на примере ее подвига воспитывать поколения нашей замечательной молодежи!

Ее славное имя, детали ее подвига помогут установить полковник Вечтомов, оставшиеся в живых командиры и бойцы части, которой он командовал.

*Сватко С.К.
г. Москва*

14 апреля 1965 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 67. Л. 2—5 (с об.).

...Когда напала на нас фашистская Германия и Гитлер, я был в возрасте 13 лет, но видел и понимал, какое несчастье, ужас дало это нападение. Мой отец в это время был председателем колхоза «Победа» Михайловского с/совета Черемисиновского района Курской области. В то время наши старшие товарищи и братья, отцы ушли на фронт по призыву нашего народа, партии и правительства. Многие миллионы отдали жизнь на фронтах сражений с гитлеровскими полчищами, в том числе мой отец и старший брат, но отдельные проходимцы и предатели нашего народа всячески ухищрялись спасти свою шкуру, вплоть до предательства Родины! Вот к этим людям относится и Петрищев Николай, на котором я хочу остановиться и описать подробно о нем.

Дело было зимой, декабрь 1941 год. Наши войска Красной Армии, разгромив превосходящие силы врага под Касторной Курской обл., стремительно пошли в наступление. Но фашист занял более выгодный оборонительный плацдарм, воспользовавшись удобной местностью в Щигровском районе — село Семеновка, Полевое и другие, расположенные от нашего хутора на расстоянии 3—4 км. Наш хутор был превращен в пепел и руины. Мы первое время жили в погребках, а впоследствии были переселены, т.е. эвакуированы в соседнее село с нами в тыл. И вот когда фашисты прорывали фронт к нашему хутору с тем, чтобы сжечь и уничтожить наше село, я видел в (форме) фашистской форме и Петрищева Николая, который помогал фашистам грабить из села коров, кур, овец, вообще все живое забирали от наших жителей. Кроме того, и материальные вещи. Видел его не только я, но и другие женщины, как он встречался со своей женой в своей собственной квартире.

Наступила весна, нашим войскам пришлось оставить наш район и отойти глубоко в тыл.

Сразу же после захвата гитлеровцами нашего хутора пришел и Петрищев Николай в форме фашиста и стал старостой нашего хутора. Он всячески издевался над нашей семьей, воспользовался властью сам и его родственники, нам угрожали расправой, открыто говорили, что прошла наша власть (советская власть в колхозе, где был председатель колхоза мой отец), а стала их власть — фашистская. Петрищев Николай ходил всегда с плеткой, кто ему не повиновался, то сразу получал розги, но чаще он носил в сапоге с (нашей) винтовки шомпол и бил им, где попади, угрожая расстрелом. Нам приходилось гнуть спину с утра до поздней ночи. Несмотря на то что я был несовершеннолетний, меня заставлял косить косой рожь и другие культуры, а если косил я плохо, то получал плетью или шомполом по спине.

Жизнь была такова: живая каторга, и это тянулось до декабря 1943 года, когда под ударами наших войск гитлеровцы стали бежать, не успевая одеться как следует. Они шли, в чем могли и как могли,

тут они прикидывались невинными. Но наш народ бил их, как мог, и сбрасывал в проруби.

И вот в этот момент и бежал так называемый себя «герой» Петрищев Николай вместе с фашистами. Но далеко он, видимо, не убежал. Там, где-то на Украине настигли его наши войска, и вот, видимо, он прикинулся военнопленным и пришел, а вернее, его взяли наши, так он стал солдатом нашей Красной Армии, которого он не достоин, но там ведь не знали, что он является пособником фашизма. Когда закончилась война и все стало тихо, не вернулись многие из нашего села, в том числе мой отец, брат. А Петрищев Николай, шагая по хутору, возвращался в военной форме нашего солдата домой. И, зная за собой вину и возмездие народа и особенно тех, которых он мучил — нашу семью, проходя над нашей землянкой, в которой мы жили в то время, когда я вышел на него посмотреть, везде просил прощения, якобы он ничего плохого никому не делал и т.д. Но я поторопился: видимо, не сдержался от боли и ненависти к врагу народа и предателю Петрищеву Николаю и сказал, что даром ему не пройдет. Враг хитер, повидавшись со своей семьей, Петрищев Николай ушел в ночь. Тут же и скрылся неизвестно куда. Побоялся возмездия и суда своего народа, над которым издевался.

И вот меня что интересует: где он и что с ним? А возможно, он жив — этот злодей и еще немало принес(ет) вреда нашему народу. По моим предположениям, он уехал в то время в Западную Украину, где работает его брат в органах милиции, Петрищев Михаил, а впоследствии переехали к нему и его родственники. Адреса я их не знаю и очень сожалею. Хочу еще сказать и о других, почти подобных ему, которые убежали к фашистам от возмездия своих людей и которые также вернулись невредимыми домой и живут по сей день в нашем селе Михайловке. И сейчас они доживают свои годы и остались не тронутыми за их предательства перед Родиной и народом...

Но пусть знают, что их дела, творимые предательства перед Родиной останутся незабываемы и ни чем не смытые. О ком я пишу, они прочитают эту статью сразу, узнают в нашем селе. А насчет Петрищева Николая прошу передать о розыске его и о наказании.

Пишет земляк Курской обл. Черемисиновского района с. Михайловка

Сухов Н. И.

5 апреля 1965 г.,

Закарпатская обл., г. Берегово.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 70. Л. 204—205 об.

№ 71

Ценой своей жизни спасла солдат

Я хочу сообщить об одной женщине-героине, отдавшей свою жизнь для спасения советских воинов, раненных фашистами во время боя. Русская женщина, инвалид по болезни II гр., Таран Прасковья Афа-

насыевна проживала в хуторе Забойске Кировского с/с, Славянского района, Краснодарского края.

В 1943 г. наша армия наступала с Кавказа на Темрюк, на Ростов по всему Кавказскому фронту. Было тяжелое время, враг еще был силен, цепляясь за каждый рубеж, за каждое село, просто не отдавал, после себя уничтожал все, взрывал мосты. И вот завязался жестокий бой с хутора Забойска, наши батальоны наступали со стороны ст. Гривенской. Река очень широкая, глубокая, сильно охранялась врагом, но наши полки сумели форсировать реку. И в 4 часа утра завязался жестокий неравный бой. Немцы сильно окопались в саду — танковые части, мотопехота, артиллерия. Наш батальон вступил в бой, наступая с плавней, а вот немцы не ожидали со стороны плавней наступления наших батальонов.

Немцы сильно сопротивлялись, 2—3 раза переходил этот хутор в руки фашистов, было много раненых наших солдат. Наши подразделения выбивались из сил, так как форсировать реку нелегко, подкрепления не было. И чтобы спасти советских солдат, тяжелораненых, их переправляли из дома в дом. Вот и эта женщина — Таран Прасковья Афанасьевна — много спасала жизнь солдатам. Но при последнем отступлении фашистов узнали немцы, что она прятала у себя русских солдат в яме, вырытой в комнате под печкой. Группа немцев зашла в комнату. Начали эту женщину бить прикладом, издеваться, допрашивали: «Где русских солдат прячешь?» — и тут же в комнате убили (ее) из автомата. Но солдат раненых (она) так и не дала в руки фашистов. Так кончилась ее жизнь, пострадавшая от фашистской руки, и вот, не щадя своей жизни, своей крови, погибла героической смертью Таран Прасковья Афанасьевна.

Пусть вспомнят эту женщину солдаты, если они живы, я хочу и прошу напечатать в газете о ее героическом подвиге, который заслуживает большой награды. Об этом знает весь хутор Забойского. А тело героини так и похоронено в ее саду. Растет поколение, дети, а слух идет, как сражалась с коварным врагом русская женщина.

Я думаю, нельзя умолчать об этой мужественной женщине. Она этого заслужила кровью и жизнью.

6 мая 1965 г.,

Таран Г. К.
г. Баку.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 72. Л. 53—53 об.

№ 72

Сердце сжалось от ужаса и боли

В 1941 году в ночь на 15 декабря освобождался г. Клин от немецко-фашистских захватчиков. Накануне ко мне зашел немец, который хорошо разговаривал по-русски, и сказал, что мы отступаем. Здесь в Клину у вас находятся 350 человек русских раненых солдат — пленных.

Они 21 сутки были не перевязаны — без медицинской помощи.

«Где они находятся, мне неизвестно», — закончил он и ушел.

На другой день после освобождения Клина я пошла их искать. Все кругом было заминировано. В больнице на Крестьянской улице мне встретился капитан медицинской службы Кукуев (имени я его не знаю).

О раненых он ничего не знал. Он узнал, что я местная жительница и спросил: «Что вы здесь делаете?» Я ответила: «Ищу 350 человек раненых, которых немцы хотели сжечь».

Мы с капитаном отправились их искать. В этот день, в 3 часа дня, раненых пленных мы нашли в бараке напротив Первомайской фабрики.

Отступая, немцы решили сжечь этот барак, но второпях подожгли другой, соседний барак.

Войдя в барак, мы увидели ужасное зрелище. Сердце сжалось от ужаса и боли. Раненые русские бойцы лежали на соломе и даже на голом полу. Многие стонали от нестерпимой боли. Бойцы были 21 сутки голодные и не перевязанные. Около них стояли консервные банки, в которых была налита вода с размокшими сухарями, по которым ползали черви.

Изнемогая от боли, бойцы беспомощно стонали. Многие умерли. Увидев нас и узнав, что немцы отступили, они все заплакали, как маленькие дети.

Я, как медицинский работник, много видела ужасов, но такого пережить спокойно не могла и до сих пор не могу забыть.

Вместе с бойцами мы плакали и успокаивали их, как могли... Я пошла собирать народ: женщин, ребят — кто мог помочь.

Молодые и старые с ведрами, тряпками шли помогать. Многие со слезами готовили кушать и несли, у кого что было покусать, относясь к ним как к своим сыновьям.

При обработке ран трудно передать, что было в ранах. Все раны были заражены червями, кровь засохла, и тяжело было разбинтовывать. Многие, не пережив, умирали, других отправляли в глубокий тыл. В Клину организован медсанбат, куда приходили машины с ранеными и где была им оказана помощь.

Медсанбат был на Крестьянской ул., д. 13, в бывшем «Законовском» клубе. Все население Клина было призвано на спасение раненых.

Тарасова А.М.¹³⁵.

6 февраля 1965 г.,

г. Клин, Московская область.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 82. Л. 3—5

---

¹³⁵ Рассказ записала Чибисова М.В.

На пронизанной пулями земле

«Schnell, schnell», — слышались возгласы немецких солдат и подражавших им полицаев...

Людей сгоняли на оборудование оборонных позиций. Деревне Прудок немцы придавали потому такое значение, что там находился штаб тыла дивизии и различные склады. А русские уже наступали. Шел 1943 год.

Солнце еще только показалось из-за леса. Под ногами скрежетал мороз. На окраине деревни уже стояла длинная колонна женщин, детей и стариков. По сторонам ее, похлопывая руками по щекам и пританцовывая, стояли автоматчики... Гауптман Бруно терпеливо ходил взад-вперед. «Нужно приучить население к дисциплине. Лейтенант, пересчитайте людей и доложите. Укрывающихся привести и расстрелять!» — «Господин гауптман, — вмешался переводчик из русских предателей, — я здесь многих в лицо знаю, поручите это мне». — «Идите».

Лида, ничего не подозревая, еще спала. Получилось так, что немец, заглянувший в окно, ее не увидел, так как топчан, на котором спала Лида, находился под самым окном, а мать, вышедшую по делам на улицу, немец сразу же затолкал в колонну. Проснулась она только тогда, когда хлопнула дверь и в комнату ворвалась струя холодного воздуха. «А, красавица, так ты, оказывается, еще понеживаешься!? Недурно, недурно, — ухмыльнулся переводчик, пожирая взглядом грудь девушки, юную спелость которой не могло скрыть тонкое одеяло. — Спешу довести до твоего сведения, что гауптман Бруно решил расстрелять тебя за неподчинение немецким властям. Теперь твоя жизнь в моих руках, немцы со мной считаются, и, конечно, в твоих...». Переводчик, упав на топчан, стал судорожно срывать с Лиды рубашку. «Негодяй, подлец! Тыфу на тебя!!» Лида так толкнула переводчика, что он бревном грохнулся на пол. «А ну, одевайся, живо!» — заорал переводчик с перекошенным от злости лицом и, вынув пистолет, направил его на Лиду. «Ты думаешь, предатель, тебе все позволено? погоди, будет и на нашей улице праздник!..» Разъяренный переводчик со всего размаха стукнул Лиду кулаком в грудь и, полуодетую, заставил выйти на улицу.

«Почему так долго? — обратился Бруно к переводчику. — Из-за вашего промедления задерживается мероприятие». — «Я не виноват, господин гауптман, она не хотела идти...» Переводчик указал пальцем на Лиду. «Расстрелять!» — приказал Бруно. Солдат, стоявший рядом, поднял винтовку и прицелился. «Что вы делаете, ироды!..» — к солдату рванулась мать Лиды. «Назад, старая!» — заорал переводчик. Солдаты, заломив руки матери за спину, затолкали ее в колонну и уперлись в грудь автоматами. «Доченька моя, не убивайте мою Лидочку», — задрожал над заснеженным полем душераздирающий плач матери.

В сознание Лиды, восемнадцатилетней беловолосой красавицы, до самого последнего мгновения не могла вложиться мысль о смерти. Порой ей казалось, что все это просто злая шутка, и когда после повторного приказа солдат снова прицелился, Лида улыбнулась, словно говоря: «Я понимаю, вы шутите...» Руки солдата дрогнули. «Пли!» — скомандовал гауптман. Раздался выстрел. По щеке Лиды потекла алая струйка. Лида по-прежнему улыбалась. «Негодяй, ты что?!» Бруно вырвал у солдата винтовку и прицелился сам. Лида обеими руками вцепилась в ствол. «Не стреляйте, я не хочу умирать! Мама, мамочка!» Палач выстрелил. Лида упала на колени. Вторая алая струйка покатила по ее шее за платье. «Сволочи, вам наша армия отомстит за меня», — прохрипела Лида. Гауптман с силой потянул к себе оружие, но вырвать не смог. Руки Лиды еще цепко сжимали ствол. Тогда он ударил в грудь девушки сапогом, но безуспешно. Бруно потянул за курок еще и еще раз...

«Люди! Сколько они будут пить нашу кровь?» — крикнул кто-то в толпе. Толпа заволновалась. Мимо стрелявшего пролетел обгорелый кирпич и шлепнулся у ног гауптмана. Над головами людей угрожающе завизжали автоматные очереди...

Наконец немцам удалось навести порядок. Людей увели на работу, оставив возле трупа часового. Неподалеку лежала потерявшая сознание мать...

Часть, в которой в качестве командира взвода находился Николай Поликовский, вела наступление в районе деревни Прудок. Старший лейтенант, отпросившись на три часа домой, поспешил в родную деревню.

Мать, повиснув на шее сына, долго не могла вымолвить ни слова. «А где же Лида, мама?» — спросил Николай. «Нет, сынок, нашей Лиды. Убили ее немцы». Насквозь промоченная слезами матери гимнастерка прилипла к груди Николая. Сжав обеими руками голову матери, Николай долго глядел мутными глазами в это милое, исстрадавшееся, морщинистое лицо.

Мать рассказала, как, придя в сознание, она пыталась унести труп дочери, но, отброшенная сапогом солдата, снова упала без чувств. «Тогда, — сквозь слезы, вытягивая из себя каждое слово, продолжала мать, — я решила унести нашу Лидочку ночью...» Но ее на том месте не оказалось. Никто в деревне не знал, где находится труп. И только спустя месяц труп обнаружили под порогом дома деда Гараська. Немцы оторвали доски, затолкали под них труп и прибили снова. Дед Гараська ничего об этом не знал, так как всю операцию немцы пределали ночью.

Николай за все время ни проронил ни слова, а уходя, сказал: «Не плачь, мама. Я им отомщу...»

Я решил рассказать об этом в газете... Пусть в сознании поколений никогда не сотрется память о невинно павших от фашистских палачей жертвах. Пусть все читатели газеты преклонятся перед горем одино-

кой матери¹³⁶ — Поликовской Маланьи Даниловны, проживающей в д. Прудок Мозырского района Гомельской обл.

*Татарцев В.
г. Минск.*

8 апреля 1961 года.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 72. Л. 127—129 об.

№ 74 В ловушке

Было это в 1944 году.

Нам (группе из 4-х человек) удалось бежать из фашистского плена. С большими предосторожностями и трудностями мы пробирались на Родину по польской территории.

Подошла зима 1944—1945 гг., выпал первый снег, двигаться нам становилось все труднее и труднее. Познакомившись с поляками, мы соорудили «тайное» убежище, которое было вырыто во дворе. Вход в него начинался в хлеве и тщательно был замаскирован, сверху тайника был сложен навоз с отдушинами. В этом укрытии мы находились днем, ночью же делали вылазки. Например, однажды вместе с поляками, обезоружив один из фашистских постов, мы приобрели несколько гранат, автомат, пистолет. Но нашей целью было — установить связь с советскими партизанами.

Вскоре такая «возможность» представилась. С помощью поляка Манека мы узнали, что недалеко проходили советские партизаны. Мы просили его организовать встречу с ними.

Такая встреча была организована, их было несколько человек, в гражданской одежде, вооружены автоматами, но ввиду того, что мы были не все в сборе (двое отсутствовали), договорились вторично встретиться на следующую ночь.

Вот эта ночь и запомнилась мне на всю жизнь. По договоренности встреча должна была произойти в доме поляка в 12 ч ночи. Мы все были готовы, но в 12 ч никого не было, прошло еще 2 часа, опять никого, тогда мы влезли в убежище и стали ждать. Часа в 3 ночи через отдушины мы услышали какие-то шаги сверху, через некоторое время слышим голос хозяина-поляка дома: «Выходите, за вами пришли». Нас было 5 человек (Алексей, Николай, Сергей, я и поляк — Манек). Алексей схватил автомат и полез на выход, но, наверху услышав немецкую речь, быстро вполз обратно в землянку. Впопыхах оставил сверху автомат.

Мы поняли, что кругом фашисты и находимся в ловушке, из которой, казалось бы, нет никакого выхода. В первый момент возникла мысль — взорвать гранаты и погибнуть, но тут же эта мысль была отвергнута. Сдаваться — ни за что, было наше решение. Мы приняли единственно правильное решение — принять бой. Долго мы не отвечали на выкрики сверху, тогда фашисты открыли стрельбу по входу в убежище, но пули нас не задевали, т.к. мы прижались к одной стенке тайника.

¹³⁶ Поликовский Николай, сын, погиб в боях с захватчиками.

Николай крикнул: «Не стреляйте, мы выходим и бросаем оружие». Стрельба прекратилась сразу же. Николаем была брошена в хлев взведенная граната, которая тотчас же взорвалась. Среди фашистов поднялась паника (они этого не ожидали), началась беспорядочная стрельба. Выскочив из убежища, мы бросили остальные гранаты и побежали в разные стороны.

В побеге я был ранен (в лопатку и ногу), но бежать не переставал, слышны были крики: «Вот кровь, они побежали в эту сторону» и др. Я бежал и бежал, а крики оставались все сзади, дальше и тише.

С громадными трудностями мне пришлось перебираться к другим знакомым нам полякам. Днем приходилось скрываться в стогах сена, соломы, ночью же двигаться.

Никогда не забуду того дня, когда после того, как я пробежал километров 10—12 от места боя, меня нашли в стоге соломы поляки. Весь день я пробыл в этом стоге, к вечеру слышу, как к стогу подъехали поляки и начали нагружать солому. Я слышу, как солому начинают брать ближе и ближе к моему месту нахождения. Тогда я поднялся, говоря: «Подождите, здесь человек». Поляки были удивлены, но, узнав, кто я, отнеслись ко мне сочувственно, перевязали раны, накормили. Несколько ночей я продвигался до знакомых полейков (последние километры приходилось буквально чуть не ползти).

Здесь я встретил невредимого Алексея и узнал следующее. Оказывается, это были не советские партизаны, а предатели, используемые фашистами для вылавливания советских граждан и маскировавшиеся под «советских партизан»¹³⁷. В этом бою Николай (сибиряк), Сергей (москвич) и хозяин-поляк были убиты. Манек был ранен в руку.

Вскоре нас с Алексеем освободила Советская Армия, Алексей сразу же пошел воевать, я же по причине ранения не мог этого сделать.

Не знаю я дальнейшей судьбы Алексея (фамилии не помню), помню, что он из Воронежской области. Не имею я связи и с теми поляками, которым обязан жизнью. Этот случай подробнее был опубликован в журнале «Польша», но никаких откликов на свою статью я не получал.

Тимофеев А.И.

г. Фрунзе.

14 июля 1961 г.,

Ф. М.—98. Оп. 3. Д. 73. Л. 82—87.

№ 75

Имя его неизвестно, подвиг его не должен быть забыт

Дорогая редакция! Я ни разу не писал письма в редакцию и вот решился. Может, письмо мое будет смешное и непонятное. Дело в том, что в настоящее время радио и печать уделяют много внимания героям Великой Отечественной войны.

¹³⁷ Немецкое военное командование для успешной борьбы с партизанами специально создавало ложные «партизанские отряды».

Я хочу рассказать о солдате, погибшем без вести, хотя и погиб он геройски.

Дело было так. На оккупированной немцами территории Орловской области Глазуновского района совхоз «2-я пятилетка», поселок Руда. В нашем доме находился штаб или еще какое немецкое военное заведение, знаю, что там были все старших чинов офицеры.

Был летний теплый вечер. К дому (штабу) подъехал мотоцикл. Сзади немца сидел связанный человек. В поселке сразу произошла суета, забегали немцы, стали строить в колонны пленных. После я точно не помню, что было. Только этот человек был посажен в крытую железом машину. Машина стояла в огороде сзади нашего дома. После из рассказа пленных выяснилось, что этот человек тоже был пленным и работал на машине у немцев. Потом добился доверенности немцев и с группой товарищей решил сделать побег из плена, но на линии фронта они каким-то образом попались. Товарищей его расстреляли на месте, а его, как руководителя (он, кажется, был или офицером или коммунист [ом]) этой группы, привезли в ту часть, где он находился до побега. Три дня он просидел в машине. Моя мама в окошко машины подавала ему сигареты, выпрошенные у немцев под разными предлогами, и спрашивала, «что с тобой будут делать?». — Он отвечал, что ждут какое-то высокое начальство. И вот настал день, когда выстроили всех пленных и всех немцев. Помню, немцы чистили сапоги по-быстрому и становились в строй. После строем всех вывели на луг около небольшого ручья и там публично перед глазами всех, связанного, расстреляли. Интересно, один немец (он немного говорил на русском языке) отказался стрелять в этого пленного. На том месте его пленные и присыпали землей. С приходом нашей армии за этой могилой женщины очень аккуратно ухаживали. Но вот время проходит, и жизнь течет по-своему. Кажется, это было в 1950 году, когда у нас в совхозе стали организовывать в центре совхоза братскую могилу. И по рассказам местных жителей и, конечно, с участием ребят, в том числе и я был, стали раскапывать могилы, где были наспех похоронены наши воины.

После всех с почестью и салютом похоронили в братской могиле. А когда предложили раскопать могилу этого пленного, то руководитель из района (Глазуновки) сказал: «Он не заслужил быть в братской могиле. Таких мы вместе не кладем». Это очень обидело нас, но мы были бессильны. Вот и все, я описал очень кратко. Потому что я плохо помню, ведь я с 1936 года рождения и то время очень смутно помню. Но мне, кажется, он геройски погиб. И у него были родные, может, их тоже презирают, не зная, как погиб этот человек. Его могилу не стали увековечивать, там копали торф. Но мне жаль, что так (он) погиб, что даже никто не знает его имени и фамилии.

Вот, дорогая редакция, я давно думал и мечтал: ведь, наверное, есть живые люди, у которых на глазах расстреляли его, и они знали его и

за что его расстреляли. Конечно, из моего письма, я понимаю, трудно кое-что понять и разобраться. Но смысл моего письма, наверное, можно понять.

И вот если за это трудное дело кто возьмется в «Комсомольской правде», подробно(сти) можно узнать там, где его расстреляли. И потом опубликовать в газете, может, кто откликнется и расскажет об этом незнакомом герое-пленном. Место, где это происходило: Орловская область, Глазуновский район, совхоз «2-я пятилетка», поселок Руда.

23 марта 1965 г.

Тимохин.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 73. Л. 105—108.

№ 76

Отзовитесь, люди, вспомните героя!

Дорогая редакция!

Мы, ученики 7-го класса Высокинской восьмилетней школы, очень много читали о красных следопытах, которые открывают имена неизвестных героев, проявивших себя в дни Великой Отечественной войны. Мы всегда думали, что героев надо искать где-то, где проходили генеральные сражения во время войны. Однако все оказалось наоборот. Герои жили и живут рядом с нами.

От очевидцев нашего села мы узнали следующую историю о человеке, имя которого нам бесконечно дорого. Подвиг его никогда не забудется нами.

Кто он? Откуда? По чьему поручению прибыл он к нам? Этого мы не знаем. Нам известно только то, что он прибыл с одной целью — с целью борьбы с фашизмом. Он отдал свою жизнь, чтобы наше детство было счастливым.

Вот как это было...

В конце июля 1963¹³⁸ года на территорию Шаблыклинского района прибыл разведчик, которого за деятельность, направленную против немецко-фашистских захватчиков, выдал местный провокатор. Его схватили. Эсэсовский отряд, состоявший из девушек-украинок и немецких солдат, находился в деревне Новоселках. Разведчик был доставлен сюда. Жители деревни не знали, какой подвиг был совершен этим человеком, однако пытки, мужественно перенесенные им, были нечеловеческими. Посажен он был в амбар, со всех сторон обнесенный колючей проволокой и обставленный часовыми, вооруженными до зубов. Руки неизвестного были связаны цепью. Когда кто-либо приходил посмотреть на него, он весело подмигивал людям и, несмотря на угрозы немцев, говорил: «Скоро конец фашизму!»

¹³⁸ Описка: очевидно, 1943 г.

23 июля 1943 года его пытали на улице. Его поставили к ракете. В два ряда возле него стояли немецкие автоматчики, а шагах в десяти за столом сидел немецкий полковник, который лично хотел произвести допрос. Безымянный герой стоял у дерева, как Овод, высоко подняв голову, улыбаясь. Фашист озверел и начал стрелять по разведчику из пистолета. Видно, он был неопытный стрелок: ни одна пуля не задела отважного разведчика. Полковник встал из-за стола и перчаткой, в которой была свинчатка, начал бить его по лицу. Но разведчика трудно было сломить пытками. Выдержал он и это зверское насилие. Потом его отвели в амбар и бросили на пол.

Вместе с ним оказалась какая-то девушка. Утром, проходя мимо амбара, гражданка Новикова Мария Ивановна увидела, как из маленького окошечка выпал какой-то комочек. Это была косточка, в которой находилась записка с фамилией этого человека. Им оказался Кабан (имени и отчества в записке не было).

В следующий раз его пытали на огороде жительницы-колхозницы Новиковой Анны Петровны.

Фашисты заставили его вырыть для себя могилу. Он взял лопату и спокойно принялся за работу. Его окружали немецкие солдаты. Вдруг над деревней пронеслись советские самолеты, обстреливая лежавший невдалеке большак. Немцы, как по команде, попадали на землю, а он, Кабан, стал во весь рост и закричал: «Что, гады, конец приходит?! Слушайте и запоминайте, что нас, хоть и били вы много, всех не перебьете. Понюхали вы и у Москвы, и у Сталинграда, и у Орла нашего русского пороха. Понюхаете вы его и в Берлине. Запомните это!» Хотя стрельба уже давно закончилась, немцы не могли никак опомниться. 5 августа 1943 года фашистские звери посадили Кабана и его спутницу в машину и увезли в Воронцовский лес на расстрел.

Дорогая редакция! Мы очень просим вас опубликовать наше письмо в газете. Быть может, найдутся родственники, друзья Кабана. Они, испытавшие все муки и горести войны, откликнутся на наше письмо, и мы узнаем больше об отважном герое-земляке. А люди, знавшие его, узнают о нем то, что рассказали мы.

Старожилы деревни Новоселки хорошо помнят лицо погибшего героя и могут распознать его по фотографии. Ведь может быть, что у кого-то из жителей нашего или другого района нашей Орловской области осталась его фотография или просто воспоминание о герое. Отзовитесь, люди!

*Учащиеся 7-го класса Высокинской восьмилетней школы.
29 марта 1965 г. Орловская обл., с. Высокое.*

Воспоминания бывшего партизана

В начале декабря 1942 года разведка отряда Короткова в количестве 4-х человек основных разведчиков — это Богуславского Миши, Худоройского Коли, Халявского Андрея и Ивченковой Екатерины — совместно с разведчиками из отряда Естинкова, бывшего председателя Дроздовского сельсовета Башуринского района, пошли в разведку километров за 30 в Лосевский сельсовет. Там фашистские захватчики ежедневно ездили по деревням и грабили мирное население. Отбирали последний хлеб и картофель. Грабили и глумились над семьями партизан и им сочувствующих. Часто заходят в дом партизана разведчика Халявского. Глумились над его женой. Ставили к стенке и стреляли из автоматов или пистолетов возле нее, а то разведут костер посредине поля, а малые детишки кричат и плачут. Однажды фашисты пришли и угнали жену в свой штаб, в так называемую волость, которая находилась в деревне Понкратово. Там ее пытали, стегали плетками, допытывались, где муж — партизан, а она им отвечала «не знаю я, где он есть, дома он не бывает, может быть, его и в живых нет», — отвечала она.

Уже были большие морозы, снег сверху моросил. После фашистских издевательств заперли ее в холодный сарай, где она просидела целые сутки, босая и раздетая, в одном нижнем белье, голодная, без воды. Разъяренная, она осмелилась проделать в соломенной крыше дыру и в одном нижнем белье, босая, убежала за семь километров. Ночью, на ее счастье, пришел ее муж Халявский и взял ее с собой в партизанский отряд.

Разведка, побывав в Лосеве, зашла в деревню Бортники, в дом бывшего секретаря Лосевского сельсовета Зайцева Ивана Степановича, (в настоящее время угнанного в фашистский лагерь смерти. Сообщила жена Зайцева — Степанида, оставшаяся с двумя малыми детишками, хлеба ни крошки, один картофель, хлеб пекли из одной мякины, этим и питались, фашисты грабили, отбирали последние крохи. «Ну ладно, мы их встретим с хлебом-солью», — так ответили партизаны.... Каждый из нас, партизан, старался убить хотя бы по одному фашисту, отомстить за родину, за родственников, семьи которых пострадали от их злодейской руки.

На следующий день фашистские захватчики и их приспешники, думая, что партизаны их опять караулят где-либо из этих деревень, собрав все свои силы из ближайших волостей: Пивкино, Задняя, Понкратово, — двинулись на эти деревни. Зашли они в деревню Приголово и, не встретив там препятствий, стали мстить мирному населению: бить и издеваться над старыми людьми, женщинами и детьми. Некоторых выводили на улицу и расстреливали на месте. Деревню подожгли с одного и с другого конца, многих загоняли в хату, подпирали и зажигали дом, так и горели живыми женщины, старики, дети. После заехали в деревню Бортники и тоже так издевались над несчастными женщинами и детьми,

потом в деревню Лосево, где много жило партизанских семей и домов. Здесь фашисты окружили всю деревню, чтобы ни один мирный житель не смог убежать от их злодеяний. К соседу партизана Халявского, старика Глебу Тимофеевичу, ворвались и стали допрашивать, пытаться: говори, где у Халявского зарыто имущество, хлеб. Старик стал просить о пощаде, отпустите меня, я ничего о нем не знаю, да и нет у него ничего.

Расстреляли Глеба Тимофеевича здесь же, около своего дома, дом его подожгли. Потом стали творить опять свои гнусные, черные дела, глумиться и издеваться над семьями партизан. Факельщики-поджигатели ходили от дома до дома и поджигали каждый из них. От рук фашистов и их приспешников погибли в огне пожарищ семьи партизан: Прудникова Афанасья Андреевна, Прудникова Анна Васильевна со своим малым сыном, Ларченко Ирина Филипповна, Ларченко Марфа Ивановна с двумя малыми детьми.

Вот такую страшнейшую расправу фашисты и их приспешники чинили над семьями партизан, защитников и освободителей нашей родины. Специально было поручено уничтожить семьи партизан живьем в огне, подпирали дома, поджигали с улицы, возле домов стояли фашисты с автоматами в случае, чтобы не смогли выскочить живые люди из огня через окно. А дома старшин и полицаев оставляли...

...Вот прошло уже двадцать с лишним лет, а я эти страдания и пытки никогда не смогу забыть...

...Хочу сказать одно, что очень мало внимания обращают на нас, таких людей, которых, возможно бы, нужно отметить как-то, нас много, искалеченных войной, потерявших здоровье, потерявших семьи. Если и обзавелись многие новыми семьями, то старое забыть нельзя. Я потерял жену и троих детей. Сам я остался полукалекой, будучи партизаном, обморозил ноги, сейчас на протезах. Дали мне пенсию 28 рублей. Руки есть, можно работать. Пенсию получаю 50 %, т.е. 14 рублей, вот и весь тебе почет, и все к тебе уважение.

Дорогая редакция, возможно, я и лишнего чего написал. Накопилось в моем сердце. Вот и решил сразу написать за 20 лет все свои невзгоды.

С приветом к вам бывший партизан, ныне инвалид Отечественной войны.

Халявский А.И.

28 апреля 1965 года.

Московская обл., ст. Болшево.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 78. Л. 18—20.

№ 78

Отзовись, разведчик!

Шел 1943 год. Немцы отступали, оставив разрушенный г. Моздок.

Шел на Запад солдат в форме фашистской. Выглядел он лет на 35—40. Среднего роста, черноволосый, разговаривал по-немецки, но говорил и на ногайском языке.

Люди его называли «ногайцем». Не был он похож на всех остальных солдат, отличался спокойствием и также отношением к мирному населению. Я был тогда еще мальчишкой, но запомнил его как хорошего человека. Он сделал очень многое людям, а именно: немцы, уходя из села Кизлярское, что в 10 км от Моздока, погнали всех мужчин. Сначала они заставили мужчин таскать и грузить на подводы ящики с патронами.

А когда закончилась работа, фашисты заставили их следовать за подводами, помогая лошадям. Как рассказывают очевидцы, «ногаец» ни на минуту не отходил от них и все спрашивал: «Куда вы идете, добрые люди?» Он же ведь не мог прямо сказать — вернитесь, но он толкал людей на побег. Когда подводы поднимались на подъем, он стал рядом с колхозниками, будто помогая лошадям, а сказал он следующее: «Слушай, брат, у тебя дети Алий и Арслан, жена Аминат, родные, мать остаются в селе, тебе куда от них идти? Немец отступает, русские их бьют, им нечего больше делать, как бежать на Запад. Я должен идти с ними...» — но не сказал больше ничего. Но добавил: «Немцу осталось мало...» «Ногаец» еще сказал: «Вот уже вечер. Как стемнеет, соберитесь, сколько вас человек, и бегите». Так и сказал — «бегите без оглядки». Он отдал баклажку свою, нож солдатский и пожелал удачи. Так был организован побег 13 человек.

Ночью, когда началась бомбежка села Раздольное, а на дороге создалась суматоха, колхозники бросились бежать. Всю ночь шли они по берегу реки Терека. Не раз сталкивались с фашистами, отстреливаясь и спасаясь ночной темнотой, люди добрались до с. Кизляра. Те, которым не удалось тогда бежать, были долгие годы в разлуке с родными... Конечно никто так и не узнал имя и фамилию «немца», он ушел с отступающей армией.

Никто не знает его дальнейшую судьбу. Всем очень хотелось, чтобы он был жив и чтобы он объявился. Все, кто спасен от угона на Запад, убеждены, что это был советский разведчик. На это есть и другие основания. «Ногаец» по делу и без дела, как говорится, ходил по селу. Ему все надо было. Вечерком он на арбе ездил в Моздок за какими-то делами. Да еще бомбежки в селе Кизлярское были очень точными по целям.

Да и случалось всегда так, что немцы только остановились у какого-либо двора, где штаб или квартира большого начальника, так начинали с горного района действовать «катюши». Никакая маскировка фашистам не помогала. Многое, что тогда люди могли подозревать, сейчас становится неоспоримым. Но имя одного человека, в немецкой форме, на кого все люди думают (фашист), остается неизвестным. А как хотелось узнать сейчас это имя.

Может, друзья по оружию знают этого человека, может, он сам скажет два-три слова жителям села Кизлярское, в памяти которых он живет как герой и будет жить.

Был и второй случай.

Перед селом Кизлярское раскинулись колхозные поля. Урожай кукурузы оставался зимой под снегом не убранным. Когда пришли немцы, людей заставляли выходить в поле копать окопы, строить разные заграждения. Однажды утром, когда колхозники вышли на работу, к ним подошел молодой парень, одет он был по-крестьянски, как говорится, и попросил, чтобы его взяли с собой на работу. Полицейский был в это время на мосту, а люди шли пешком с мешками, чужого человека могли обнаружить сразу. Тогда колхозники решили взять парня на арбу, как возчика, на них как раз полицай меньше обращал внимания. Так проехали мост. А когда приехали на поле колхозники — увидели уже не одного, а двоих парней. Ребята были вооружены автоматами и гранатами и имели какой-то груз в мешке. Так они ушли благополучно, поблагодарив колхозников, в сторону леса.

На другой день взлетели в воздух техника и склады немцев, бомбили с воздуха и били «катюши». Имена этих парней так же остались неизвестными.

Но нет безымянных героев. Герои жили и будут жить. Очень хотелось хоть одного из разведчиков, действовавших в районе села Кизлярское, узнать. Ведь здесь шли ожесточенные бои, здесь было остановлено наступление фашиста, действовали не один, не два разведчика или партизана, о них сказано очень мало.

Хасанов Х.И.

26 марта 1965 г.

Чечено-Ингушетия, г. Малгобек.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 78. Л. 88—92.

№ 79

Люди умирали в страшных муках

Это было в конце 1941 года под Москвой, в Ново-Петровском районе. Мой муж и два его брата остались в тылу врага в партизанском отряде. В конце декабря район освободили, и я сразу попутными машинами из Москвы поехала к ним. Многое они мне рассказали о своей недолгой, но полной тяжелыми событиями жизни в отряде, но самое страшное мне пришлось увидеть самой. Старший брат мужа погиб там, и нам надо было его похоронить. Погиб он не один. Погибло много хороших людей. Нашли их трупы в тех положениях, в каких они умирали. Тогда я читала газеты и слышала, что немцы мучают людей, но не представляла такого. Все трупы были страшно изуродованы: отсечен нос, пальцы, проколот живот, грудь, выбиты челюсти. Все разуты, раздеты. Люди умирали в страшных муках.

Этого забыть нельзя. Мучители росли в Германии, и есть еще живые их учителя. Об этом надо помнить.

Хрусталева К.С., мать двоих детей.

17 июня 1961 г.

Старо-Константиновка, Хмельницкая область.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 79. Л. 68.

№ 80.

Фашисты забирали самое дорогое — родных

Хотя я и не участвовала в Великой Отечественной войне с оружием в руках, но мне пришлось очень многое пережить вместе со своим сыном, которому было тогда шесть лет.

Я этот день никогда не забуду. Не забуду ужаса этого. Вот уже 20 лет, а у меня в ушах стоит этот детский, душу раздирающий крик: «Папочка, за что ты пострадал?»

Это было в октябре месяце 1941 г. Муж мой ушел на фронт, когда была всеобщая мобилизация, 24 августа 1941 г. Мы остались с сыном одни. Канонада орудий гремела день и ночь. Дальнобойные орудия врага били по колоннам, которые находились около города Мелитополя. Мы жили на станции Акимовка, это 25 километров от Мелитополя. И вот в одну октябрьскую ночь мы не могли спать, враг наступал, наши войска держали МТС для прикрытия отступления нашей армии. В 9 часов утра враг ворвался на станцию Акимовка. Кто только встретился им из мужчин на глаза, все были забраны, даже среди них попал механик мельницы, а с ним его 14-летний сын. Всего было 32 человека.

Мы с сыном сидели во дворе в окопе. Нас фашисты выгнали из окопа, меня ударили прикладом в спину, закричали на своем зверином языке, которого мы не понимали.

Когда мы вышли из окопа, против нашего двора в саду сидели наши дорогие люди, а за спиной у каждого стоял фашист с автоматом в руках. Была дана команда, все поднялись, и погнали их в конец улицы. Вывели всех 32 человека и тут же из автоматов расстреляли. Бросили их умирающих, а сами ушли.

Наша улица была маленькая, всего 12 дворов, и вот с этой маленькой улицы было убито 9 человек. Был один двор, с которого забрали двоих — сына и отца. После расстрела бежали все, у кого забрали самое дорогое, это — живого человека. И вот крики, вопли заглушили весь пристанционный поселок.

Дети рвали на себе волосы и кричали: «Папочка, за что ты пострадал?». Женщины посылали вслед проклятие: «Будь она проклята, эта война и с ними палачи».

Штепкина И.В.

1 мая 1961 г.

Луганская обл., г. Брянка.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 85. Л. 139—140.

№ 81.

Помню их зверские лица

Когда фашисты захватили наше село, мне тогда было 9 лет, но я помню до единой минуты их зверские лица. Почти два года Курская область была оккупирована (я в то время жила там). Я хочу рассказать

о некоторых эпизодах из жизни нашего села. Пусть никогда не увидят наши дети то, что увидели мы.

Стояла хмурая, холодная осень, казалось, замерла вся жизнь на улицах, второй день двери и ставни были закрыты, скот не выгоняли на улицу, птица томилась в помещениях, были даже заколочены колодцы, ничто не напоминало о том, что еще два дня тому назад жизнь была здесь такой шумной.

Все в селе знали, что уходить некуда, фашисты кольцом подходили к нашему району. Некоторые семьи, (которые) пытались уехать, так и пришли обратно в села. Ведь в селе остались только женщины и дети, куда уйдешь, когда у каждой матери их трое или пятеро. Поэтому решили ждать, что будет, не теряя надежды на то, что наши скоро вернуться.

И вот он, этот день роковой наступил. В наше село въехали шесть отборных, выкормленных фашистских всадников, с нашивкой на рукаве — две буквы «СС», только потом мы узнали, что это были головорезы из войск СС.

Несмотря на то что все думали, что все село живет одними мыслями о победе наших войск на фронтах, все же в первый день нашлись предатели. Один из наших односельчан оказался старостой, никто не мог поверить своим глазам (фамилию я называть не буду его, он отбыл свое наказание по заслугам, сейчас он снова живет в нашем селе). И вот этот староста с немецкими бандитами стали бить окна, срывать двери, всех сгоняя на площадь около правления колхоза. «Кто не послушается, скоты, — выкрикивал он, — тот будет расстрелян на месте». Что было делать беззащитным женщинам с детьми. Так и шли, склонив голову, сотни людей, подгоняемые плетью палачей.

Когда мы подошли к площади, там уже было много народу. Стояла мертвая тишина, даже дети грудные, казалось, все понимали в этом безмолвии. Старики стояли без головных уборов, но никто не плакал, и тут мама прижала нас к себе, очевидно, и она увидела то, что уже перенесли впереди стоящие. «Миленькие мои», — только и сказала она шепотом, еще сильнее прижимая нас, всех троих. А народ все шел и шел из других сел, всех гнали, больных и здоровых, старых и детей. Сзади нас подпирали, и мы уже оказались впереди всех.

Большой сад был обнесен небольшой изгородью поперечными слежками. На первой яблоне за этой изгородью висела учительница из соседнего села. На ней было черное платье с небольшими цветочками, а сверху был надет костюм светлого цвета, глаза были открыты, которыми она, казалось, всех видела, голова ее была поднята кверху, а на груди висела дощечка с надписью «Коммунистка». Чуть подальше от нее, тоже на высокой яблоне был повешен председатель колхоза. Почему они остались в селе и кто их предал? Казалось, на всех лицах был один и тот же вопрос.

По толпе прямо на лошадях, расчищая плетью себе дорогу, шныряли головорезы, ища подозрительных. Потом они объявили, кто у нас будет старостой, чтобы его слушались во всем.

Толпа зашумела, дети заплакали, раздалась очередь из автомата. «Разойдись!» — кричали фашисты на ломаном русском языке. Люди стали расходиться, а каратели поехали дальше, в соседний район творить злодеяния.

Словно черная туча нависла над селом. Ни о чем никто не разговаривал, были все молчаливы, но все понимали, что это был только первый день, все страшное еще впереди.

На другой день стали входить в село немецкие войска, по-видимому, впереди ехали каратели, очищая дорогу от подозрительных. Войска шли всяким беспорядком, как группы бандитов. В каждую избу заходили группы по 3—4 человека, крича: «Матка, яйко, курка, сало». Все забирали, что попадалось под руки, еду и одежду, когда уже у нас ничего не осталось, стали брать домотканые холсты.

Мы все сидели на печке (нас было трое детей), через верх заглядывая на извергов. Какие их были зверские лица, когда уже нечего было брать. В этот день все село лишилось еды и одежды, обуви, и даже корм для скота весь забрали. Не брали только коров — по какой причине, неизвестно было. Так окончился второй день «свободной жизни», как они называли (ее) потом. И пошли дни за днями фашистской неволи — грабежи, голод в селе и издевательства. Можно много рассказывать, но мне еще хочется рассказать один случай.

Это было этой же зимой, в начале 1942 года. Каждый день тех, кто только мог еще кое-как работать, угоняли под конвоем расчищать дорогу, чтобы прошли немецкие обозы, нагруженные боеприпасами (саней у них не было, все почти везли на телегах). А зима была, прямо как по заказу, снежная, снег валил каждый день, не переставая, даже из избы не всегда удавалось свободно выйти, соседи освобождали дверь от заносов снега.

Так было и на этот раз, еще совсем темно (место работы было за три километра), немецкий патруль забарабанил по окну. «Матка, собирайся», — позвал он мать. Как всегда, она нас всех поцеловала и вернулась к выходу.

«Мама!» — заплакала меньшая сестренка (ей было три года). Мать еще раз вернулась. «Не плачьте, — сказала она. — Я скоро вернусь, принесу вам что-нибудь». Мы залезли снова на печь и стали дожидаться, пока станет светло, так как зажигать свет в селе не разрешалось.

Когда совсем стало светло, мы покушали отваренной картошки и стали дожидаться, пока станет снова темно, тогда придет мама.

Прошло немного времени, час или два, в дверь неожиданно постучали, мы притихли, стук повторился, а потом раздался удар в дверь и на пороге появились четыре фашиста. Обшарив все кругом, ничего не найдя, чем можно было поживиться, они рванули маленький чуланчик за печкой, где мама прятала пятидневного теленка (корова у нас все еще была цела (и состояла) на строгом учете у немцев, потому, как выясни-

лось, они берегли их для пахоты, думая о том, что они расположились навсегда).

Когда руки палача потянулись к веревке, за которую был привязан теленок, сестренки заревели так сильно, что фашист невольно отдернул руку, схватил автомат и навел на нас, но в это самое мгновение все село вздрогнуло, потрясающий взрыв раздался совсем близко. Почти все до одного стекла вылетели, сразу холодный ветер ворвался в избу, раздались выстрелы от зениток, как ошпаренные выскочили немцы, бормоча что-то ругательское на ходу.

Мы закрыли окна тряпьем и подушками кое-как, залезли на печку и стали ожидать маму. Стало совсем темно, а она не возвращалась. Дети стали плакать, корова мычит, теленок тоже. «Неужели бомбили шоссе, — пронеслось в мыслях, — ведь они работают на главной дороге, где целыми неделями простаивают немецкие обозы из-за больших заносов, ожидая, пока беспомощные старики и голодные женщины пророют им снежные, можно сказать, туннели». Так и уснули мы, не дождавшись мать.

На другой день больная соседская старушка кое-как надоила нам с литр молока, разделила на всех, в том числе и на теленка, и ушла. Проплакав почти весь день от холода и голода, мы и в этот вечер не дождались мать. На третий день поздно вечером мы услышали медленные шаги около дома, мы опять забились в угол. «Вспомнили те немцы», — думала я. Но вместо их зверских лиц мы увидели радостные глаза. «Родные мои, живы!» И слезы невольно покатались из ее глаз, наверное, от радости, что снова видит нас. Оказывается, во время бомбежки они разбежались (бомбили те обозы с боеприпасами). Две девушки были ранены, пока оказывали помощь да унесли в ближайшиe избушки, норма оказалась не выполнена, их всех посадили в подвал на трое суток.

Так почти каждый день придумывали что-нибудь фашисты, травя ни в чем не повинных мирных жителей.

Якушева Л.В.

10 июня 1961 г.,

г. Абакан, Красноярского края.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 89. Л. 47—51 об.

№ 82

Два бойца против двух вражеских дивизий

В сентябре 1942 года в тыл противника войсками Сталинградского фронта была заброшена диверсионная группа солдат во главе с командиром — капитаном Таниным, (чтобы) проводить диверсии на крупном железнодорожном узле, станции Валуйки. Тем самым препятствовать врагу доставку по железнодорожным линиям военной техники и солдат в сторону Воронежа через станцию Касторная и по Юго-Восточной железной дороге в сторону станции Лиски, а самое главное — в сто-

рону Сталинграда, где решалась важнейшая победа над гитлеровской Германией.

Рядом со станцией Валуйки находится крупный лесной массив, который тянется между железнодорожными магистралями Московско-Донбасской и Юго-Восточной дорог, от города Валуйки до слободы Ливенки, ныне Красногвардейского района Белгородской области. Этот лес примерно тянется до 40 километров с востока на запад и с юга на север примерно на 10–15 километров.

База группы капитана Танина расположилась в лесу неподалеку от деревни Старокожево Валуйского сельсовета и села Полатовки. Оборудовав землянку с амбразурами для круговой обороны, что давало возможность обстреливать на все 4 стороны, и в то же время можно незаметно для врага уйти по узкому и глубокому оврагу, густо поросшему кустарником, в деревню Старокожево. Для разведывательных целей и связи Танин связался в деревне Старокожево со старостой Старокожевым и его счетоводом — девушкой Старокожевой Аней¹³⁹, которые активно вели разведку и помогали материально, снабжая отряд продовольствием, за что после освобождения района от войск противника были награждены правительственными наградами.

С сентября по декабрь 1942 года на станции Валуйки, а также на линиях железных дорог, идущих от узла, было сделано группой капитана Танина много дерзких диверсий: взрывы мостов, полотна жд., взрыв стрелок на станции. Одновременно каждую ночь сигнализировали советским бомбардировщикам на узловой станции и на других станциях, где имелись вражеские поезда с солдатами и военной техникой. В этом же лесу находились местные валуйские партизаны под командованием тов. Говорова.

Гитлеровское командование не на шутку было перепугано действиями партизан на важном железнодорожном узле — станции Валуйки, оно было вынуждено подтянуть 2 дивизии войск и расквартировать солдат в селах вокруг лесного массива на территориях Валуйского района, Волоконовского района Курской области и Никитовского района Воронежской области. Итальянская горнострелковая дивизия «Савойя» была расквартирована с юга и юго-запада лесного массива по селам: Ливенка, Арнаутово, Никитовка, Самарино и Подгорное Никитовского района и по селам: Мндрово, Чепухиновка, Валуйки, Мосей и в ряде других сел. С севера и северо-востока по селам Валуйского и Волоконовского районов расквартировалась жандармская венгерская дивизия «Скрещенные стрелы». В самом городе Валуйки было расквартировано 2 батальона немецких эсэсовцев «Стальной шлем» и гестаповская комендатура.

Гитлеровцы неистовствовали, сотнями арестовывали безвинных советских граждан, без суда и следствия расстреливали или забивали

¹³⁹ В деревне Старокожево 75 % жителей носили фамилию Старокожевы. Староста не дожил до Победы, умер в 1944 г., счетовод — в 1945 г. Вышла замуж и уехала из деревни. См. Д. 22. Л. 108.

палками. Например, в ноябре они арестовали граждан Никитовского района, согнали во двор МТС, вместе с полицейскими вооружились кольями, окружив несчастных, начали избивать, гоняя их по кругу, и, когда они были избиты до потери сознания, полицейские таскали их за ноги и бросали тут же в вырытую яму и живьем закапывали землей. Стоны несчастных были слышны двое суток.

В городе Валуйки тюрьмы были переполнены, день и ночь шли расстрелы. Фашисты с мирным населением расправлялись, но в лес они боялись показаться, даже не заходили в села, которые находились непосредственно вблизи леса.

В декабре 1942 года гестаповцам удалось завербовать двух предателей, которые и рассказали, где находится база отряда капитана Танина. Фашистское командование поставило перед собой задачу: любой ценой добиться разгрома партизанских отрядов, находившихся в лесу, поблизости от станции Валуйки. 18 декабря 1942 года, несмотря на 25-градусный мороз, фашистское командование подтянуло к ночи вплотную к лесу итальянскую дивизию, разместив по деревням, расположенным по опушке леса, с юга и юго-запада — венгерскую, с севера и северо-востока — один батальон немецких эсэсовцев и до сотни местных полицейских, переодетых в немецкую военную форму.

О цели их размещения вокруг леса итальянские солдаты рассказали старосте Старокожеву о том, что утром 19 декабря они окружат лес, а внутри леса будет облава на партизан. Получив важные сведения, староста Старокожев послал связную Старокожеву Аню в лес сообщить Танину об облаве, одновременно сообщив, что отряд может укрыться в полуразваленной хате, стоявшей на краю деревни, у самого леса, а в остальных хатах разместились итальянские солдаты, по 20—25 человек в каждой.

Рано утром 19 декабря, когда еще было темно, лес был оцеплен со всех 4-х сторон. Со стороны леса Полатовки в лес к землянке предатель Карабутов повел батальон венгерских солдат и полицейских, а со стороны деревни Моссей Валуйского района итальянский батальон и роту немецких эсэсовцев привел к землянке мосеевский староста¹⁴⁰.

Каратели пока расставляли в потемках вокруг землянки солдат, капитан Танин, собрав своих бойцов, объявил, кто добровольно останется в землянке для прикрытия огнем отхода отряда из окружения. Бывший политрук Воропаев и комсомолец Борис Борц заявили, что они никуда не пойдут из леса, будут сражаться до последнего патрона и последней гранаты, и попросили, чтобы Танин оставил два ручных пулемета, два автомата и к ним боепатронов несколько сот, а также 2 десятка гранат. Когда оружие было вручено, отряд незаметно для врагов вышел из окружения и в деревне Старокожеве по указанию старосты разместился в ветхой избе, где пробыли до окончания облавы. Воропаев и Борис

---

¹⁴⁰ Фамилии старосты автор не помнит.

Борц в первых числах месяца декабря 1942 года влились в отряд Танина по рекомендации старосты Старокожева. В селе они появились после побега из харьковского Холодногорского лагеря военнопленных, где скрывались по крестьянским избам, расспрашивая о партизанах.

С рассветом фашисты начали наступать на землянку с криком «рус, сдавайся», но на это получили они свинцовый ливень из двух пулеметов. Оставив убитых и раненых до 40 человек, бежали подальше от землянки. Собравшись с духом и подгоняемые эсэсовцами и полицейскими, венгры и итальянцы начали вторую атаку на землянку, отважные советские бойцы, экономя каждый патрон, подпустили врагов на близкое расстояние, шквальным огнем заставили их ползти на четвереньках по глубокому снегу подальше от землянки, оставив убитых и раненых до 50 человек солдат и офицеров.

Подпустив врагов на близкое расстояние, Воропаев и Борц пустили в ход ручную батарею, начали отбивать атаку гранатами и автоматными очередями. Атака захлебнулась. Враги начали открыто бежать от землянки, поливаемые вдогонку пулеметным дождем. Отступив на почтительное расстояние от землянки, враги притихли, в течение 2-х часов не предпринимали никаких действий, очевидно, был перерыв на обед и на пополнение свежими силами вместо убитых и раненых. Обед проходил не без спиртного для смелости, после чего противник принял применить психическую атаку. Солдаты, как венгерские, так и итальянские, не рассыпаясь, как ранее, в цепь, начали наступать взводными колоннами со всех 4-х сторон, но эта психическая атака не помогла им, многие полегли от пулеметного огня, а те, кто успел подбежать к землянке, были уничтожены гранатным огнем. Это врагов отрезвило, они, побросав оружие, бежали с поля боя.

Вот уже начались сумерки. Мороз крепчал, фашисты приняли еще одну и последнюю атаку. Они расставили солдат в 4-е цепи вокруг землянки, ползком и короткими перебежками атаковали. Бойцы отбивались до последнего патрона, осталась одна, последняя граната, и, когда враги ворвались в землянку, воины взорвали себя и врагов.

Фашистам осталось одно — бросить в землянку зажигательную гранату, сжечь ее вместе с останками советских героев.

В этом неравном бою победу выиграли не две с лишним вражеские дивизии, а два советских патриота. Они спасли от разгрома советскую диверсионную группу, которой еще много предстояло сделать для победы на полях под Сталинградом, и спасли от разгрома Валуйский партизанский отряд тов. Говорова, нанеся крупное поражение вражеским солдатам в людях и моральное поражение.

Враги потеряли в лесу у землянки около 300—400 человек убитыми и ранеными. Находившиеся в оцеплении леса солдаты с 5-ти часов утра и до 9-ти часов вечера на 25-градусном морозе, на 50 % были обморожены и выведенные надолго из строя.

Ночью большие обозы потянулись с убитыми и ранеными, а также и обмороженными солдатами, скрывая от позора свои потери.

В начале января 1943 года войсками Воронежского фронта на среднем течении Дона была прорвана вражеская оборона, танкисты Кантемировской дивизии с пехотой освободили: Вейделевский, Никитовский районы Воронежской области, Валуйский, Волоконовский, Уразовский и ряд других районов Курской области до самого города Купянска Харьковской области.

Капитан Танин со своими бойцами и вместе с колхозниками деревни Старокожево в лесу из обгорелой землянки откопали останки героев. Воропаева и Борца с почестью похоронили на площади деревни Старокожево, поставив дощатый монумент с надписью «Здесь покоится прах отважных героев политрука Воропаева и комсомольца Бориса Борца»¹⁴¹.

Я уверен, что родственникам сообщили, что они пропали без вести.

Может быть, родственники: матери и сестры, а может быть, у Воропаева есть жена и дети приедут навестить могилу в деревне Старокожево. В 40 километрах от города Валуйки и недалеко от станции Расстрижено.

*Польской Г. В.*¹⁴².

20 февраля 1965 г.,

г. Суджа, Курской области.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 59. Л. 107—111.

№ 83

Десять месяцев в канализационных трубах

Из Вильнюсского гетто спаслось всего около 900 человек. Большинство из них убежало в партизанские отряды, остальные прятались в городе. Семья инженера Спокойного не могла уйти, так как у них был ребенок. Десять месяцев они прожили в канализационных трубах, под городом.

Михаил Спокойный и его брат — инженеры. Попав в гетто, они занялись устройством убежищ, куда могли прятаться люди во время немецких «акций».

Кроме того, у них были еще две задачи, одна — по поручению подпольного комитета гетто: устроить проход через канализацию с выходом через люк в город, чтобы в случае необходимости люди могли уйти из гетто. Вторая — найти место, где можно будет спрятаться людям, которые не смогут уйти в леса.

¹⁴¹ Погибшие Воропаев и В. Борц ни в каких приказах по войскам не отмечены.

¹⁴² Фамилия автора письма дана точно.

Весь 1943 год из гетто по трубам переправлялось в специальный склад оружие.

К сентябрю 1943 года были сделаны четыре подкопа [со стойками] из труб под разрушенные дома, в которых было устроено жилье.

Такое жилье было готово на Игнатьевской улице, и туда были отнесены сухари. Другое — на Стеклянной улице. Там было проведено электричество, сделан потайной выход во двор. На Стефановской улице была самая удобная «квартира», так как там работал дворником пожилой поляк, который до войны работал у Спокойного и теперь вызвался кормить его семью и остальных людей, которые будут жить под домом. Фамилия этого самоотверженного человека Акштулевич.

Михаил Спокойный рассказал, как он ушел жить в трубы: «23-го сентября 1943 года немцы окончательно ликвидировали гетто. 400 человек ушли по трубам в лес.

63 человека незаметно спустились в потайной вход. Это помещение выходило в трубы. Здесь было много места, были построены нары, проведено электричество, были радио и слуховой аппарат, выходявший во двор. Через две недели мы услышали, что немцы ломают наш вход. Мы ушли по трубам и расселились по разным “квартирам”.

Моя группа в 18 человек поселилась под домом на Стефановской. Провели канализацию, построили двухэтажные нары. Комната была в 4,5 кв. метра. На каждого человека приходилось по 35 сантиметров. Жили четыре семьи. С нами было двое детей — мой сын Ося шести лет и 12-летняя Соня. У нас был установлен точный распорядок: каждая семья имеет право готовить, стирать, мыться два часа в сутки. Стоять в комнате мог только один человек. Варили мы в электрическом чайнике. Ели из консервной банки. Мы очень следили за чистотой, и эпидемических заболеваний у нас не было. Только один человек умер, мы его тут же и похоронили около трубы. Воздух у нас был очень тяжелый, ведь жили мы всего в четырех метрах от канализационной трубы.

Еду нам спускал дворник. Этот человек скрывал даже от жены и детей, что он нам помогает. Купить хлеб на 18 человек, достать картошку и хоть немного жиров — все это было очень трудно и рискованно. Мы все время лежали. Мучились больше всего от бездеятельности. Дети страдали еще больше нас... Мы просидели десять месяцев в непосредственной близости с нечистотами.

Канализационная труба имела один метр в диаметре. Ходить по ней нужно было, согнувшись. Она почти всегда была заполнена наполовину жидкостью. В сильные ливни уровень жидкости повышался. Течение становилось сильнее, и ходить по трубе было невозможно. В основные трубы жидкость била из боковых труб с большой силой...

Наконец Акштулевич сообщил, что в городе среди немцев паника. Стало ясно, что фронт близок. И тут началось самое трудное — погасло электричество, прекратилась вода, рядом оказалось убежище, которое

было все время набито людьми, и Акштулевич больше не смог приносить еду».

Четыре дня шли бои в городе и 40 спасшихся людей сидели в трубах...

Когда они вышли наверх, у них закружилась голова. Когда они захотели подбежать к красноармейцам, выяснилось, что они отучились ходить. У них болели глаза от света, они были покрыты фурункулами, но они радовались всему живому, всему яркому...

12-летняя Соня вынесла свой приговор немцам: «Я бы всех немцев, до единого, загнала в канализацию. Пусть они там всегда и живут. Да еще пусть каждую минуту думают, что их могут вынуть оттуда и уничтожить».

1944 г.,

*Эрбург Ирина*¹⁴³.
г. Москва

Ф. М-4. Оп. 1. Д. 226. Л. 14—18.

№ 84 Каунасское гетто¹⁴⁴

Нина Финкельштейн... рассказала мне о гибели 50 тысяч людей Каунасского гетто.

«Загнали нас в гетто в августе 1941 года. До войны я училась на первом курсе медицинского факультета. Первое время я не работала, потом пришлось из-за голода пойти на разгрузку картофеля на станцию. Там мы воровали картошку и приносили своим старикам. После разгрузки картофеля я работала в немецком кожевенном предприятии. Там работало 100 евреев.

Первая “акция”, т.е. расстрел, была в августе (1941) года. Немцы потребовали 500 человек. Они требовали интеллигентов, молодых и хорошо одетых, для “архивного труда”. Пошли еще 34 добровольца. Все это были врачи, студенты, юристы. Их расстреляли в 9 форте.

Первый большой расстрел был в начале сентября (1941) года. Немцы окружили часть гетто. Многих отправили в 9 форт. В малом гетто сожгли больницу, всех больных и весь персонал. В этот раз было расстреляно около 6 тысяч.

Самая большая “акция” была 28 октября 1941 года. 27-го вечером в гетто были вывешены объявления о том, что на завтрашнее утро все жители гетто, до одного, должны явиться на площадь Демократов. В 6 часов утра на площади были все 28 тысяч. Немцы сказали, что будет производиться перепись. Когда посветлело, мы увидели, что площадь оцеплена. Пришел Рауке, толстый немец, и приказал полицейским делить семьи:

---

¹⁴³ Эрбург И.И. (псевдоним — Эрбург).

¹⁴⁴ По материалам советской журналистки И. Эрбург о поездке по Литве.

направо и налево. Никто не мог понять, какая сторона погибнет, правая или левая. Сортировали весь день. Моя мать, у которой было воспаление легких, тут же на площади умерла. Многие здесь умирали.

На следующее утро мы увидели колонну, которая тянулась от гетто до 9 форта.

В этот раз погибло больше 12 тысяч.

После этого были почти ежедневные маленькие расстрелы. Большая “акция” была 26 октября 1943 года. Немцы объявили, что для Эстонии нужно 3 тысячи рабочих. В гетто ходили слухи, что в Эстонии будет лучше, чем в гетто, и некоторые пошли добровольно. Но нужного количества не набралось, тогда стали вылавливать по домам. Я тогда спряталась на чердаке. Больше мы об этой партии ничего не слышали.

27–28 марта 1944 года была “детская акция”. Днем, когда все работоспособные были на работах, гетто было оцеплено, по улицам разъезжали машины с рупором, на площади стояли грузовики с громкоговорителями — музыка заглушала крики. Около грузовиков находились собаки, которые кидались на матерей, которые хотели ехать с детьми. Было увезено около 3 тысяч детей. После этого оставшиеся дети на улице не показывались.

В гетто начали строить убежища, где люди надеялись скрыться от облав.

7 июля 1944 года была объявлена эвакуация гетто. Но транспорта у немцев не было, и поэтому было объявлено, что люди могут идти добровольно. Всех вели в порт и грузили на баржи. Что с ними? Говорят, что все потоплены. В Вильно уже шли уличные бои. Мы, оставшиеся в живых, надеялись на Красную Армию и спрятались в убежищах. В среду 12 июля из гетто был вывезен последний официальный транспорт. После этого начали искать по убежищам. В нашем пряталось 22 человека, они были обнаружены 13 июля. Когда меня нашли, немец сказал мне: “Возьмите вещи, вы едете в Данциг”. Я ему ответила, что смешно верить немцу, я сама знаю, куда меня ведут. Он мне сказал: “Вы удивительно недоверчивы”. Нас пригнали на лесопилку. Сюда собрали еще 1500 человек. Потом стали выводить по 5 человек. Я удрала в дом, где жила литовка, которая обещала меня спрятать. Я видела из окна, как уничтожалось гетто. Поджигали каждый дом, я знала, что люди в убежищах задыхаются. Некоторые выбегали, тогда немцы стреляли в них и загоняли обратно в огонь. Дома взрывали. Так погибло около 2 тысяч. Все это длилось до 24 июля. 1 августа в городе не было больше немцев».

*Эрбург Ирина.
г. Москва.*

1944 г.,

Ф. М-4. Оп. 1. Д.226. ЛЛ. 54—56.

Рассказ о литовском гетто¹⁴⁵

...Широкая тенистая дорога ведет в Девятый форт. По ней в августе 1941 года прошли 500 человек — инженеры, врачи, студенты, взятые немцами «для архивной работы». Отсюда любовались Неманом в ноябре 1941 года 2000 австрийцев и чехов — это были старики и дети, им сказали, что их отправляют в Америку, и они верили. 28 октября 1941 года по всей дороге от гетто до форта растянулась колонна в 11 тысяч человек. Шли евреи. По этой дороге в начале декабря 1941 года немцы вели 4000 иностранцев из Западной Европы, 15 декабря прошла новая группа иностранцев в 3000 человек. Здесь же весной этого года шли 800 французских юношей — они шли и пели.

Литовцы, поляки, русские, австрийцы, чехи, англичане, французы, бельгийцы — всего здесь прошло более 70 тысяч, всех их вели в 9 форт, в «Форт смерти».

В путеводителе по Каунасу сказано: «9 форт расположен в 6 километрах северо-западнее города. Он представляет собой железобетонное крепостное сооружение. Внутри форта имеется длинный коридор, по сторонам которого расположено большое количество казематов и подземных ходов сообщения». Эти казематы были превращены немцами в камеры для заключенных. Тяжелые ворота вделаны в кирпичную стену — это построили немцы. Окна всех камер выходят во двор, где посажены две большие клумбы желтых лакфиолей.

Спасшийся из форта Феликс Беляускас рассказал, как в 1942 году шесть советских военнопленных, находясь на работе в поле с одним надзирателем, убили его и бежали. «В тот же вечер из камер во двор было выведено 58 русских военнопленных, их раздели, потом приказали выйти из форта. Ворота были заперты. Пятнадцать немцев с толстыми палками в руках, хохоча, били голых людей, которые лезли на запертые ворота, задние напирали на передних, затапывали их, влезали им на спину. Это “развлечение” длилось минут 30. Потом мы все увидели, как выпущенные из ворот окровавленные голые люди бежали по рву, подгоняемые палками туда, за угол, где производились расстрелы. Через несколько минут мы услышали автоматные очереди. В той партии погиб один парень, с которым мы подружились в форте. Его звали Толя. Он мне рассказывал, какая у него хорошая дочка».

В этом дворе с яркими лакфиолями людей раздевали перед казнью. Тут же, ссорясь между собой, надзиратели делили одежду.

Не все раздевались добровольно. Однажды пьяные надзиратели в одном из каунасских кабаков жаловались: «Много мы раздели людей.

---

¹⁴⁵ Рассказ записан со слов уцелевших узников И. Эрбург.

Бывали всякие, но таких, как чехи, мы не встречали. Эти сволочи не пожелали снять с себя костюмы, и их пришлось пристрелить в одежде». Эти же «сволочи чехи» бросились на надзирателей, когда те выстроили женщин на расстрел, и стали требовать, чтобы их убили раньше женщин.

Длинный коридор. Направо за железными прутьями камеры с двухэтажными нарами. На полу валяются бутылки, банки, куски одежды, затоптанные семейные фотографии. Все, что осталось от тех тысяч людей, которые жили здесь в ожидании неминуемой смерти. На сводчатом потолке нацарапанная надпись: «5.6.44 г. партия 100 человек расстреляны». В углу ящики. Сюда заключенные клали свои вещи. Внутри ящиков на полках выцарапанные гвоздем, стеклом, кирпичом надписи на всех языках мира.

На французском: «Пять французов были вывезены сюда из Дранси (Франция) 15 мая 1944 г. Прибыли 19 мая 1944 г. Да здравствует Франция!»¹⁴⁶.

Перед смертью пять французских патриотов выразили то чувство, которое было в них сильнее других, — любовь к родине и глубокая вера в то, что она будет свободной.

В другой камере такая надпись: «Поль Люботт, родился 26.8.1912 г., вывезен из Франции 18.5.44 г., выбыл 23.5. Надеюсь достичь Северного полюса». Люботт пробыл в форте пять дней. За это время он узнал, что значит вызов заключенного надзирателем. Он спешно приписал последнюю фразу и чисто по-французски иронически назвал свой путь на расстрел — дорогой на Северный полюс.

Вот нацарапанный календарь, он начат в мае и обрывается в середине июня, тут же шутовское четверостишие по-французски. На внутренней стороне дверки ящика: «Рязанская область. С. Мокрой. Вялкиной Марии. Сообщите, пожалуйста, что я расстрелян. Вялкин А.В. За побеги из лагеря», «Макеев Гаджи 1912 года рождения. Кавказ. Дагестан. Акский район, село Шавкра. 5.7.1944 г. Прошу сообщить — расстрелян!»

В темном углу под нарами сохранилась надпись первого года войны: «Ленинградская обл., г. Боровичи, Онеченский район. Вихров Кузьма Дмитриевич. 15.8.1941 год», «Прошу сообщить: Марюшов, Жалин, Беспалов Степан рождения 1907 г. рождения.5.6.44 г.¹⁴⁷ расстрелян. Рогачевский район. Кайданский уезд. Деревня Ушлавки. Прошу, отомстите». На еврейском, на литовском, на польском. Стихи на английском языке. Наивный рисунок: домик, маргаритки, солнце, птицы, очень много птиц, озеро, по которому плывут лебеди и лодочка, в ней двое сидят обнявшись...

Вот и все. Люди здесь жили, некоторые по одному дню, как француз Поль Татори, который прибыл 10 июля и 10 июля был расстрелян, не-

¹⁴⁶ Фраза дана в переводе с французского языка.

¹⁴⁷ Так в документе.

которые — по несколько месяцев... Срок пребывания зависел от того, нужны ли рабочие руки для огородного хозяйства надзирателей 9-го форта.

Из форта живыми не уходили. И все это знали. Из окон камер была видна дорога, по которой пригоняли новые жертвы. Заключенные, если они не были заняты на огородах, смотрели в окна. Они видели каунаские холмы, небо, рощи. Они видели, как в крытых машинах привозили к воротам форта людей, раздевали их во двореке, потом вели на расстрел. Бежавший из форта Беляускас рассказал, как (один) раз к воротам подъехала машина, из нее вышли трое: мужчина и две женщины, видно, это были отец, мать и дочь. Они стояли у ворот. Надзиратель вошел в конторку. Все жители форта, прижавшись к окнам, шептали: «Бегите». Как бы услышав их, мужчина бросился в одну сторону, молодая женщина в сторону рвов, где в тот момент производились расстрелы, и ее там прикончили, а пожилая осталась стоять. Ее убил выскочивший надзиратель, за мужчиной погнался другой гестаповец. Мужчина бежал к рошице, там есть большие ямы, кустарник, и, может, оттуда ему удалось бы пробежать дальше. Он бежал зигзагами, по нему стрелял немец. Он упал, и немец его пристрелил.

Расстреливали иногда во рву, у железобетонной стенки, иногда в поле, где всех убитых взрывали...

Последний свидетель окончательной ликвидации 9 форта — Эдвард Браткаускас. Он попал в форт 6 июня и бежал за два дня до прихода Красной Армии, рассказал, что при нем на работы заключенные не ходили. Поэтому их почти не кормили — давали на три дня 200 граммов хлеба и воду. Немцы в этот период торопились. Они расстреливали целыми днями. Сутками горели два костра, в них сжигали трупы, вырытые в поле, и трупы людей, которых расстреливали. Камеры были наполнены дымом. Мимо форта в сторону рва везли бочки с горючим, длинные поленья дров, крытые машины с людьми. Во дворе все время раздевали все новых и новых заключенных и часто тут же перед клумбами и расстреливали...

1944 г.,

*И. Эрбург.
г. Москва.*

Ф. М-4. Оп. 1. Д. 226. Л. 43—47.

Раздел III

КОНЦЛАГЕРЯ СМЕРТИ.

УЧАСТИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

№ 86

«Благодаря товарищам я живу»

Июль 1942 года. Приморская армия, занимавшая оборону Севастополя, отходила к Херсонскому маяку. Здесь в дыму и гари Приморская армия встала на защиту последнего опорного пункта. Я не слышал воя снаряда, только первое время почувствовал: обдало горячим воздухом, и потерял сознание. Очнулся — все уже затихло, кругом ходят серо-синие фигуры, слышатся то там, то тут автоматные очереди. Когда окончательно пришел в себя, вижу некоторых товарищей из нашего дивизиона, которых прикладами загоняли строиться в колонну. Меня подняли какие-то товарищи, которых я не узнал. Все встали в строй, и нас повели в Симферополь, куда прибыли на другой день. Здесь погрузили нас в вагоны. Звякнули засовы дверей, и поезд тронулся в неизвестном направлении, так мы поехали на каторжный труд.

Третий день поезд с узниками в пути. Проехали гг. Одессу, Кишинев, остановились в небольшом городке Васлуй, и снова на запад, куда ни посмотришь, кругом видна нищенская старая Королевская Румыния, маленькие накренившиеся домики, крытые соломой, и только изредка виднеется черепичная крыша, а в стороне — окруженные каштанами, как исполины, виднеются помещичьи дворцы, закрывая собой бедноту.

В вагоны загнали по 70—80 человек, двигались все дальше на запад. Наш состав, наполненный живым грузом, с зарешеченными окнами, движется все дальше и дальше. С каждым днем становится невыносимо пребывание в вагонах, правда, которые зашли первыми в вагоны, те заняли место вблизи окон, здесь хоть немножко, но свежее воздух, не так пахнет гниющими ранами. Все узники в вагоне едут стоя, ибо мест для сидения не хватает. Сегодня еще один товарищ скончался, а которые скончались в начале пути, от них исходит страшный запах, от которого становится еще тяжелее.

Правда, в первый день пути кем-то была обнаружена посуда с водой, кто-то бросился к ней, другой стал отнимать, привлекли внимание остальных, что грозило начаться свалкой.

Но вдруг раздалась властная команда. В это время я увидел высокого командира в форме морского офицера из Севастополя. Как-то само собой люди подчинились этой команде, отошли от ведра с водой, и все услышали тот властный командирский голос, к которому привык солдат.

«Этой воды на всех в вагоне не хватит, у нас есть тяжелораненые, и ее будем давать тем, кто не может держаться на ногах, и только по два глотка!» Стоявшие узники, опустив головы, отвернулись от воды, чтобы она их не смущала, молча терпеливо ожидая конца пути. Но не все, находившиеся в вагоне, успокоились насчет воды. Вечером можно было слышать такой разговор. Один говорит другому: «Когда приедем на место, я первый скажу, что ты был в полку комиссаром. Если ты спорол звездочку, думаешь, тебя не узнают? — продолжал произносить окающий голос. — Из-за тебя я остался без воды, из-за тебя помирать я не буду».

Ему вторил голос, который уже стал знакомым всему вагону: «Я был, есть, буду и умру коммунистом, и не знал, что в моем полку находились такие паразиты, как ты».

От этих слов всех, стоявших в вагоне, людей пробрал озноб.

К началу шестых суток (пути), чуть забрезжил рассвет, постукивая на стыках, поезд остановился, сразу стали слышны крики, ругань на чужом, незнакомом языке, какие-то отрывистые приказания, крик, шум. Но вот шум приближается и к нашему вагону, звякнув запором, дверь откатилась, утренняя свежесть ворвалась в вагон, узники жадно стали вдыхать ее. Не успели прийти в себя, как посыпались удары, возгласы команды, от которых узники бросились из вагона, сминая друг друга, бежали в колонну, которая выстроилась у вагонов. В стороне виднелось красивое здание железнодорожного вокзала. Ярко сверкали буквы «Тимишера II». «Вот куда нас привезли трудиться! Отсюда далековато будет добираться до своих», — подумали с товарищем, с которым шли рядом в колонне.

Пройдя город, выйдя на окраину, перед нами показались наблюдательные вышки, в четыре ряда колючая проволока и масса барачных. С этого момента мы перестали называться людьми, нам дали номера. Я получил № 3650, а у напарника № 3651 нарисован краской в кругу на спине и на груди. Разместили по барачкам. В барачке мы увидели одетых в такие же серые полосатые костюмы изможденных, обросших людей. Впоследствии мы узнали, что среди них были руководители подпольной организации, здесь мы встретили бывшего командира бронетанкового корпуса генерал-майора Шпака, Сергея Завадского, Александра Смолякова и др. Они потеснились, дали на нарах место, стали расспрашивать о положении на фронте, где попали в плен.

Первое время я — молодой парень — стеснялся этих людей, даже, можно сказать, побаивался их, но впоследствии к ним появилась симпатия. Не так обращали внимание на их суровый взгляд. Часто по вечерам на верхних нарах без огня мы подолгу беседовали с ними, говорили о человеческом достоинстве, каким должен быть коммунист в лагере, в застенке. Коммунистом ты должен оставаться везде, мы — коммунисты в ответе вот за этих товарищей, которые в бараке и в лагере. Слова правды нужно доводить до них, разъяснять им, чтобы они не ходили по помойкам в поисках пищи, сплачивать между собой людей, прививать уважение друг к другу, не допустить, чтобы администрация лагеря сумела натравить одного человека на другого.

Раскаты Сталинградской битвы дошли и до нас, их не могли задерживать ни стены казематов, ни колючая проволока. Как-то нас погнали на работу, на чистку города, убирать строительный хлам. Мы увидели случайно «оброненный» сверток. Солдат не заметил это, наш товарищ Шевченко Николай поднял его и стал делить между нами; у нас был установлен закон, что все найденное съедобное делить всем поровну. Он увидел в хлебе записку. Не привлекая внимания конвоира, мы быстро разошлись. Позднее, в лагере мы узнали из написанного о том, что армия Паулюса разбита под Сталинградом. На другой день весь лагерь узнал об этой радостной новости, все ждали скорейшего окончания войны, после этого стали учащаться побеги. Но обратно беглецов приводили все меньше и меньше, многим удавалось дойти до цели. Настало время осуществить организованный побег. Его взялись организовать из офицерского барака наши офицеры.

Первый вариант открытого выступления заключался в том, чтобы снять блоксовых (охранников), затем незаметно ликвидировать охрану. Но этот вариант быстро отпал по той причине, что только небольшой группе удалось бы бежать и укрыться в городе у сторонников Сопротивления, с которыми была установлена связь; леса были далеко, и масса людей была бы обречена на уничтожение.

Стали разрабатывать другой план. И тут предложил воентехник 1-го ранга Романовский такой план. Он заключался в том, чтобы из уборной, которая находилась в секции, прорыть туннель. Предстояла трудоемкая работа, требующая больших физических усилий. Земля, которая сбрасывалась из туннеля в ямку, надежными людьми время от времени выносилась на свалку, замаскировав ее хламом. Эта работа длилась больше месяца, и только в августе этой группе удалось осуществить намеченный побег.

Не раз администрация лагеря пыталась производить вербовки в «доблестную» кубанскую и (другие) армии. Помню, однажды на работу нас никого не погнали и не было воскресенья, но дали «отдохнуть». В лагерь приехали щеголевато одетые офицеры с широкими лампасами на брюках в сопровождении коменданта лагеря майора Чекана и его

свиты из лагерного начальства. Помню, зайдя в бараки, они платочком зажимали носы, ибо был до тошноты тяжелый запах. Среди вошедших (офицеров) был седой полковник с большой бородой. Он стал приглашать в создаваемую «армию освобождения», с нар сыпались вопросы: «Сколько будете нам платить за службу?» Ответ: «За верную службу будете получать, как и все солдаты нашей армии: довольствие, обмундирование и свободу».

«Против кого будем мы воевать?»

Ответ: «Вы будете защищать матушку Русь от большевиков и коммунистов».

С нар посыпались возгласы: «Дешево хотите купить, не выйдет!»

Здесь полковник, который приглашал, покраснел, как кумач, и поспешил к выходу, за ним подалась вся свита, скорее выйти на свежий воздух. Но все же один предатель нашелся, записался «в армию освобождения». Его вскоре утопили в уборной, и все поняли, что в лагере кто-то руководит этой массой людей.

После описанных событий администрация лагеря стала принимать по отношению к пленным репрессивные меры: был установлен запретный час, нарушивший его узник жестоко избивался, и сажали его в карцер. В знак этого по лагерю была объявлена голодовка, утром никто из барак не вышел за суррогатом кофе, в обед также, на второй день, также никто не вышел на обед за баландой, как мы ее называли. Особенно эта голодовка сильно имела действие на больных и инвалидов, но они мужественно ее переносили, лежа на нарах. Об этом было доложено коменданту лагеря, который цинично заявил: «Не все ли равно, кто как подойдет, черт с ними, пускай голодают». Но, опасаясь, что на него обратят внимание сверху, решил подавить строптивый характер и заставить пленных принимать пищу.

На утро четвертого дня рота солдат, вооруженная пулеметами и палками, влетела в бараки, началось беспощадное избиение всех, не обращая внимания на больных и инвалидов. Закончив «обработку» одного барака, переходили в другой барак, и к обеду избитые узники — кто мог передвигаться — потянулись к столовой.

Вскоре после этих событий меня с группой других пленных повезли на лесозаготовки в районе гор. Важета. Так как я был ранее шофером, меня посадили на машину, ибо гражданского шофера найти очень трудно, все были на фронте. Привезли в город, который выглядел очень мирным, весь утопал в зелени. Однажды я приехал с очередным рейсом, ко мне подошел гражданский человек. Сначала я на него не обратил внимания, и к собеседованию не было никакого желания, ибо желудок был пуст, одна была лишь мечта что-либо пожевать. Он спросил: «Ты откуда, товарищ?» на чистейшем русском языке. «Я из России», — ответил ему, подозревая, что он тоже русский, но я ошибся. Мой собеседник по сторонам оглянулся, шепнул на ухо: «Ваши вышли к Днепру!» — повернулся и ушел в сторону

вокзала. Следующий раз он меня встретил с товарищем, который назвал себя Стефаном, а мой первый знакомый назвался Петером. Я назвал свое имя, так мы познакомились. Здесь мы договорились, что Стефан будет в деревне встречать меня и передавать продукты, когда я буду проезжать мимо их деревни вечером обратным рейсом.

С каждым днем мы все ближе сближались с румынскими товарищами. Население города стало относиться лучше к нам, мы стали чаще получать передачи от них, и с питанием несколько улучшилось дело.

В воскресные дни нас забирали товарищи к себе, кормили, а вечером отвозили и сдавали снова под охрану. Из бесед с румынскими коммунистами мы не раз слышали о том, что в человеке должна быть своя гордость, свое достоинство, самое страшное для человека — это голод, он делает человека зверем, последний забывает даже близких и может пойти на любое преступление. Ибо духовно этот человек уже мертв, и, чтобы этого не произошло мы, коммунисты, должны предотвратить это с нашими русскими товарищами. Однажды во время очередного посещения румынских товарищей Петер, к которому мы пришли, порадовал новостями. Здесь уже был Стефан, с которым мы ранее познакомились. Румынские товарищи рассказали нам, как и в каких условиях они работают, рассказали о строении Румынской коммунистической партии. Мы, в свою очередь, рассказали им о Советском Союзе, как у нас проходит работа.

Во время беседы хозяин квартиры поднялся из-за стола, пригласил нас в спальню, в углу в зеркале был вмонтирован приемник, подойдя к нему, повернул ручку, показался зеленый огонек, стало слышно тихое потрескивание, затем стало слышно какие-то непонятные слова, повернув ручку еще раз, мы услышали свою, русскую речь: «Внимание. Внимание, говорит Москва! Наша радиостанция работает на волне, — тут на радостях я дальше прослушал слова диктора, — передает сводку Совинформбюро о победах на фронтах нашими соотечественниками».

У меня запершило в горле, на глазах появились слезы радости за наших русских солдат, одерживающих победу. Я не плакал, когда меня пытали в концлагере, а сейчас, когда услышал родную речь из нашей столицы, не выдержал, заплакал.

А диктор все продолжал говорить о боевых трофеях, захваченных в этой операции. Не успел диктор закончить передачу, как вошла хозяйка, что-то сказала Петеру. Тот быстро выключил приемник и спрятал снова в зеркало.

Оказывается хозяйка все это время, как мы слушали Москву, стояла на улице, наблюдала за домом. Петер извинился перед нами и сказал, что если узнает сигуранца (гестапо), что мы слушали «Голос Правды», то мне несдобровать «вторичного попадания в застенки, не имею никакого желания».

«А вам я тоже советую уходить и пробираться к своим...» Долгое время мы не встречались. Как я ни пытался встретиться с ними, их никого не смог встретить.

Как-то вечером я не успел поставить машину во двор, меня позвали в барак. Здесь я увидел жандармов из полевой жандармерии, все вещи, вся солома были перевернуты, видимо, был тщательный обыск. Мне приказали следовать с жандармами, не дав попрощаться с товарищами. В жандармерии сразу начался допрос, полилась брань, угрозы, но бить пока, видимо, не думали. Одно предлагали — откуда все узнавали сообщения о Советской армии, которые передавали цивилильным рабочим, кто передавал вам питание в деревне. Я сразу догадался, что это донес на меня Лесник, с которым последний раз я беседовал. Видя, что я молчу, шеф приказал спустить меня в подвал. Но на следующее утро меня вызывают снова к шефу, где я увидел своего управляющего. Оказывается, он упросил отпустить меня на несколько дней, так как сейчас с шоферами плохо, их сразу не найти, а дрова нужны. Меня отпустили, на этот раз я легко отделался от сигуранцы.

Вечером этого же дня мне посчастливилось встретить Петера и рассказать ему о случившемся. Он сразу же сказал: «Вам нужно уходить, и как можно скорее». Я только начал говорить, что на нас полосатые костюмы, нас моментально сцапают. На это я получил ответ: «Мы с товарищами что-нибудь придумаем». Со следующего дня он начал приносить передачи, мы их прятали во дворе. Как-то однажды нам была передана гражданская одежда. Остаться для нас здесь было уже опасно, нас с Василием могли отправить, при том что со дня на день ожидался вместо меня гражданский шофер.

Ночью следующего дня мы тихо прошли на улицу, забрав продовольствие, тут же, сбросив полосатые костюмы, вышли на улицу и подались в лес и далее на восток, а через 4 месяца, пройдя 600 км, перешли линию фронта. Нам вручили советское оружие, для нас это было событием, или, как мы его называли, вторым днем рождения. Благодаря этим хорошим товарищам сейчас я живу. В 1957 году меня восстановили в члены КПСС, которой я обязан всем, что у меня есть дорогого, чтобы оправдать это большое доверие после долгих мытарств и скитаний по концлагерям.

13 июня 1961 г.

Баканов Г. А.
Марийская АССР. г. Волжск.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 4. Л.82—88 об.

№ 87

Мой № 2080. Откликнитесь, кто жив!

Я, Безуглов Илья Антонович, много слышу о фашистских лагерях смерти, это о Бухенвальде. Но хочу рассказать людям о небольших лагерях. Которые были на территории Германии, которые малоизвестны, но там тоже боролись с фашизмом. Пару слов о себе. После объявления

войны с Германией 26 июня я был направлен в 224 отдельный зенитный дивизион в прожекторную роту корректировщиком. После того, когда наша часть вернулась из Ирана, мы стояли на охране г. Баку. 7 января 1942 г. по приказу тов. Сталина была сформирована в г. Баку бригада № 143, которая приняла бой с фашистами на Керченском участке фронта в направлении села Владиславка, в первый день боев немцы понесли большие потери. Как сообщило наше Совинформбюро, немцы за один день боев с бригадой 143 потеряли 60 танков, не говоря о мелких других потерях. Имелись потери и у нас. Мы заняли село Карпечь. В мае месяце немцам удалось разбить наши части, и мне удалось перебраться на плоту с товарищами в количестве 14 человек на косу через пролив, потом добраться до Темрюка (Кубань). В ст. Красноармейской меня направили в офицерское училище. Но по приказу командования нас отправили в Новороссийск. А из Новороссийска в 1942 году в июне месяце на корабле «Ташкент» были доставлены в город-герой¹⁴⁸ Севастополь, где и окончилась моя военная деятельность как рядового солдата. 29 июля 1942 года фашисты на подступах к Инкерману подобрали меня, раненого. После этого нельзя коротко описать мои хождения в плену фашистов. Но одно основное хочу подчеркнуть не о себе, а о людях, находившихся в плену, далеко от родины, любящих ее и помогавших другим людям, несмотря на то, что это касалось их личной жизни.

После двух побегов из плена я отбыл фашистский карцер 21 день. (Затем) нас направили работать в шахту г. Дордсфель на окраине г. Дортмундта. Шахта была под номерами 1—4—5—6, как немцы давали команду, которая и сейчас не забывается: айн — цвай — фюнф — зекс. Несмотря на то что здесь же был лагерь русских пленных в количестве примерно 1500 человек, нас держали на особом положении. До шахты нас конвоировали: на 5 пленных 1 конвоир. Кроме того, (перед тем) как выводить из лагеря весь строй обтягивали стальным тросом, что было сказано: выйти за трос — смерть. Но люди, преданные родине, не боялись. Они смогли подделать ключ от ворот лагеря, где был массовый побег, конечно, некоторые погибли. С шахты 5—6, которая была рядом с лагерем, несколько человек бросились бежать. Из них один был убит, один ранен в ногу и одного взяли целым. Судьба остальных неизвестна. Так, (того), которого они взяли живым, перед строем казнили. Фашист его избивал, проткнул живот штыком, три раза выстрелил из пистолета и потом добил его железинной, которая подвернулась ему под руку.

Но это не сломило дух российских людей. Имена героев лагеря, которые не думали о себе, а думали о людях, которые находились в фашистских застенках, назвать я их имена не могу. У нас были просто клички. Пека. Кто ты и где ты? Отзовись! Ты первый, которого я узнал в застенках фашизма, который беспокоился, как спасти людей. Ты нам

---

¹⁴⁸ Так в документе. Г. Сталиграду было присвоено звание «город-герой» в 1965 году.

говорил: «По команде вы должны открыть окна, двери бараков, другие открывают ворота, чтобы немцам не удалось нас перебить, как цыплят».

Я тебя спрашивал, как твое имя, а ты говорил: «Меня знают во многих лагерях как Пека». Да разве все упомянешь, прошло много лет, но основное не забывается. Назову еще несколько товарищей, которые спасали жизни людям. Это Коля-лейтенант, который имел орден Красной Звезды за финский фронт. Это Закир-татарин, который любил поиграть в карты на пайку хлеба, но который никогда не боялся немецких конвоиров и ни перед кем не преклонялся. Я хорошо помню Кольку, ростовского земляка, который, рискуя жизнью, лазил в кладовую и воровал у лицаев хлеб, который, не жалея, отдавал нам, хотя его неудача могла кончиться его жизнью. Я помню Володку из Донбасса, который вместе со мной готовился открыть двери и окна бараков по команде Пеки. Но помню и других наших «русских», которые стремились отдать сто (наших) жизней, лишь бы выжить. Назвать фамилию не могу, но вот его кличка: Васька Шакал. Его знал весь лагерь. И второй Василий в лагере штрафников. Если он жив, то пусть хоть в нем пробудится совесть, это тогда, когда меня загнали в лабу, а я не стал работать, ссылаясь на ранение руки. Так он сказал, что он больше меня работает, хотя он в то время уже был доходяга, за что меня немцы избили.

Последнее хочу посвятить моему заступнику по кличке Колька Рыжий. Нам с ним пришлось бежать из шахты «Вальзум», где она находится, я не знал. Я жил всегда в застенках. Так вот, когда нас поймали и немцы с русскими полициями начали издеваться над нами, то на его долю выпало больше, потому что он был весь татуирован. Но фашисты успокоились лишь тогда, когда мы оба под большим напором холодной воды потеряли сознание.

Передайте мой привет... людям, которые что-то сделали, чтобы спасти мою жизнь. Еще раз повторяю имя, фамилии не знаю, это — Пека, Коля-лейтенант, Закир, Колька ростовский, Владимир из Донбасса и Колька Рыжий. Прошу откликнуться. Я по лагерю ИЛБЮШКА. Мой № 2080.

После войны работал на Челябинском металлургическом заводе коксохимическом производстве машинистом. Имею семью, хорошую квартиру и двух детей: дочь и сына. В этом году собираюсь уходить на пенсию по старости.

Но как-то страшно мне, кажется, я что-то еще не сделал.

Безуглов И.А.

11 апреля 1965 года.

г. Челябинск.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 5. Л. 9—13 об.,

№ 88

Исповедь бывшего узника фабрики смерти

Я — бывший узник — гефлинг № 62 825—74 973 концлагеря Заксенхаузен, дважды бежавший с фашистской фабрики смерти, откуда на сегодня мне самому кажется это не осуществимым, и все же это был факт.

В моей памяти предстало все то страшное, пережитое мною, в один миг всплыло в памяти: ночь, густой туман, мой спутник побега, лай собак и переключка эсэсовцев; вот прошел опель-плац, близко здание с воротами, часового на балконе за пулеметом не слышно, не слышно и часовых на воротах. Итак, побег, водосточные трубы, изоляторы с проводами высокого напряжения, все побеждено, и все же уйти дальше клинкеля не пришлось, и снова побой эсэсовцев, и снова мечта о побеге, о соединении с товарищем Падасьян Терентием, который находился на клинкеле.

Все то прошлое, что страшнее смерти, — позади, ибо смерть для нас, смертных, была не страшна. В один миг я представил ту картину страшного прошлого, пережитого мною, я не верил себе, не верил своим глазам, которые и сейчас при воспоминании наполняются слезами горя и радости, действительности, я щупал себя: жив ли я? Действительность ли это? И все же это действительность.

...Уверенность, сила духа — морали, гордость за свою Отчизну и спаянность всех обездоленных, обреченных на смерть — все это помогло нам, немногим, остаться в живых благодаря действию подпольных коммунистических организаций, людей, боровшихся и там, в застенках против общего врага — гитлеровских палачей. Пережили то нечеловеческое, называлось страшнее смерти, лишь потому, что смерть для нас, смертных, была не страшна и мы, советские люди, вселяли веру в Победу над гитлеризмом узникам всех наций и стран.

Многие считают, что я был сожжен в крематории, однако мне помогли немецкие братья-коммунисты, сменивши номер, постарались временно зачислить в команду по расчистке и извлечению бомб в Берлине. А спустя неделю я был отправлен на Хейнкель.

Как мне хочется узнать о судьбе Вилли, блокарбайтера с Хейнкеля, Ганс, Курт (говорил по-русски), итальянец Бадольо, Вилли — штурбовый Заксенхаузена, оренбургский паренек Володя, с которым мы во время ночных налетов союзной авиации сверлили бензобаки в 4-м блоке, где собирались самолеты. И многие-многие другие фамилии, которые сейчас мне очень трудно вспомнить, однако их образы живы в моей памяти. Памятна мне и виселица на Хейнкеле за побег, выбитые зубы, 10-й блок и снова спасение немецкими товарищами.

...Я, бывший узник фашистской фабрики смерти, присоединяю свой голос ко всему прогрессивному человечеству, строящему светлое будущее — коммунизм, и шлю проклятия на головы тех людоедов, извергов и палачей рода нечеловеческого, которые своей грязной, звериной, палаческой рукой уничтожили миллионы трудолюбивых, мирных, безоружных детей, женщин, стариков и патриотов своей Родины лишь за то, что они любили свою Родину, жизнь, свободу и счастье природы земной.

Так, пусть палачей и их плод парализует и уничтожит гнев и ненависть тех, кого они замучили, но не поставили на колени, мы, оставшиеся в живых, умножим свой гнев в тысячи раз.

Чтобы никогда, раз и навсегда гитлеровские палачи не повторили своих злодеяний, исчезнувши с нашей планеты. Пусть вечно светит солнце свободы на всем полушарии нашей планеты.

Я желаю нашей цветущей молодежи, молодежи всего мира счастья и свободы, бороться за лучшее, беречь завоеванное нашими дедами, отцами и старшими братьями, никогда не допустить возрождения фанатического отродья германского фашизма, обуздать распоясавшихся эсэсовских палачей и посадить на скамью ответа их за содеянное перед лицом всего мира.

Жить и творить чудеса жизни во славу труда и мира всего человечества нашей планеты, строить светлое будущее на всей планете, Коммунизм, забыть слово «война». Жить счастливой жизнью в братстве и единстве среди всех народов и пользоваться всеми благами нашей планеты, любить труд, мир и счастье.

...А сейчас я уже три года лишен свободы, нахожусь в заключении не потому, что я хулиган или убийца, вор или мошенник, а потому, что я, переживши много горя и всяких унижений, и мне всегда кажется, что все люди нашей Родины честны, мне хочется всегда и всем верить и доверяться, и только поэтому я сейчас отбываю не заслуженный мною срок наказания, а истинные преступники разгуливают на свободе, лишь потому, что я попал в сферу дельцов, подобную джезказганской трагедии с шофером-комсомольцем.

Вот уже три года я пишу во все инстанции, а результат один и тот же, все мои жалобы направляются в ту же инстанцию, которая осудила и утвердила мой незаконный приговор.

Вся беда в том, что истинные расхитители государственных денежных средств являются руководители Атасуйского рудоуправления Карагандинского СНХ: управляющий рудоуправления, гл. бухгалтер, гл. энергетик и заведующий перевалочной базой.

Я просто-напросто всего лишь честный труженик-механизатор—экскаваторщик. Я с уверенностью и полной решимостью говорю это и готов принести клятву узника, что я не виновен, и готов ответить перед народом, если я виновен.

Не теряя надежды, я твердо уверен, что найдется тот, кто поможет мне в освобождении и наказании тех, кто незаконно содеял мое лишение свободы, кто совершил преступление. Я уверен в торжестве справедливости, хотя мне и тяжело в настоящее время, оставшееся мое состояние здоровья надорвано окончательно, концлагеря, 6 побегов и зверские избиения эсэсовских палачей оставили тяжкие следы неизлечимого, непоправимого в моем организме. Я инвалид 2-й группы, однако и здесь, незаконно лишенный свободы, я тружусь на производстве повседневно физическим трудом.

В послевоенное время стал активным участником Великих строек нашей Родины, на Урале № 865 — стройка, Волго-Донской канал им.

В.И. Ленина, Волгоградская ГЭС им. XXII партсъезда, Соколовско-Сарбайский железорудный комбинат, везде, работая по 20 часов в сутки, машинистом экскаваторов на всех марках, всегда, повышая свои технические знания, я передавал свой опыт работы молодому поколению.

Для меня труд — это жизнь, без труда нет цели в жизни, нет жизни....

С уважением бывший узник концлагеря Заксенхаузен,

Белан Г. В.

30 июня 1965 г.

Казахская ССР,

Карагандинская область, г. Балхаш.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 6. Л. 65—68 об.

№ 89

Дни отступления и плена...

Вся эта невыдуманная история проходила 20 лет тому назад, в первые дни Великой Отечественной войны 1941 года в Киевской области.

В первый день войны, 22 июня 1941 г., я был мобилизован на фронт в г. Грозном. А в июле 1941 г. наша часть сражалась на Белорусском направлении, местечко Марьяновка, кажется, Васильковского района Киевской области. На этом участке фронта в течение 13—15 дней ожесточенных сражений м. Марьяновка переходило из рук в руки 3—4 раза. Немецкие фашисты подтягивали и бросали в бой все новые и новые дивизии. Они рвались к столице Советской Украины, г. Киеву, но каждый раз были биты. Дорогой ценой фашисты заплатили за Марьяновку. Однако, не получив за весь период боев подкреплений, наша часть потеряла боеспособность и отходила с боями на г. Васильков, Киев, пройдя гор. Васильков 4—5 км по большаку в сторону гор. Киева. Стояла большая группа высшего состава. Нашей минометной батарее было приказано вернуться в г. Васильков, занять ОП и поддерживать отход войск. В течение суток проходили подразделения и разрозненные мелкие группы, одиночки-бойцы и местные жители. Вначале по большаку, а затем проселочной дорогой. Выполнив боевой приказ, минометная батарея проселочной дорогой выехала в г. Киев. Минбатарея в течение 5—7 дней сражалась в Киеве, в районе Пирогово, Крещатика. После чего часть была отведена на формирование. Заняла оборону по Днепру, в районе местечек Гнедено, Вишеньки. В сентябре 1941 г. по приказу командования временно оставляли г. Киев, отходили с боями на восток. Сражался в болотах местечка Борщи, кажется, Киевской области. В Борщах по приказу командования я с группой бойцов разведывал противоположный берег болота. Потом строили переправу и держали оборону в течение нескольких дней. В последние дни я был контужен. А через несколько дней отходили с боями через болото в направлении местечек, кажется, Жуковка, Басань, Большая Березань. В Малой Бере-

зани был ранен и пленен. В течение нескольких дней фашисты держали военнопленных в церкви. Они выводили из церкви военнопленных группами, били плетками и расстреливали.

Тяжелораненые умирали. Из церкви перегнали в лагерь за колючую проволоку, на картофельное поле (не помню названия села). В лагерях фашисты за 10—12 дней 2000 человек военнопленных привели в полное истощение. Местное население, несмотря на запреты немцев, бросали через проволочную изгородь кочаны кукурузы, бурак, картофель и др. Но фашисты стреляли из автоматов в тех жителей, которые перекидывали с/х продукты и кто их хватал. Через несколько дней погнали колонну военнопленных в Гоголево. Раненых и больных военнопленных расстреляли на месте в лагерях. А тех, которые уставали и падали по дороге, расстреливали из автоматов. Так гнали целый день. С наступлением темноты отвели с дорог, положили вниз лицом. Поставили усиленный караул — пулеметы, автоматчиков и собак. Ночью пошел дождь. Утром пришлось подняться. Много замученных умерли, а кто оставался еще живой, но не мог подняться, немецкие изверги расстреливали. Из 2000 человек в Гоголево пригнали 300 чел.

Гоголевский лагерь военнопленных, обнесенный колючей проволокой в несколько рядов, охранялся усиленным караулом, через каждые 100 метров стояли станковые пулеметы, а в промежутках автоматчики с гранатами. В лагере имелось несколько скотских помещений. В них поместили раненых и совершенно истощенных военнопленных. Они через несколько дней умерли. В лагере насчитывалось 13—15 тысяч человек военнопленных, в том числе мирных жителей: старики и дети.

Прошло 20 лет с тех пор, но трудно писать или рассказывать о всех злодеяниях немецких фашистов в Гоголевских лагерях. Они своей целью ставили уничтожить советский народ независимо от возраста и национальной принадлежности.

В Гоголевских лагерях проходил противотанковый ров, в котором разжигали костры, загоняли военнопленных в ров и пускали собак. Собаки загоняли военнопленных в огонь. Немецкие фашисты стояли сверху противотанкового рва с автоматами и смеялись. Такое зрелище они устраивали каждый день.

В Гоголевских лагерях была кухня, в которой готовилась пища для военнопленных из немывтой и не чищенной картофели, бурака и капусты на 100 человек 1 раз в день. Около кухни с утра до вечера толпились истощенные военнопленные. Каждому хотелось получить этой баланды в консервную банку или полу шинели. Начиналась давка. Немецкие фашисты выходили с автоматами и стреляли в животы военнопленных. Они в толпу бросали ручные гранаты, травили собаками.

Осенью шли дожди, военнопленные ходили мокрые, истощенные, каждые сутки умирали сотни человек. Военнопленные за несколько минут разобрали два коровника, в которых находились умершие ра-

ненные и истощенные военнопленные. Горели костры, вокруг которых обогревались мокрые военнопленные. Немецкие фашисты по кострам стреляли из автоматов и бросали гранаты. Истощенные военнопленные были обречены на голодную смерть.

В Гоголевских лагерях я встретил земляка-однополчанина, раненного в грудь, Симакова Бориса Федоровича. Я его забрал в щель, которая к этому времени была выкопана крышками от консервной банки батарейцами на 7—8 человек для укрытия от дождей и непогоды. Через несколько дней стали готовить этап в Германию, в который попали и мы с Симаковым Б.Ф.

Из Гоголевских лагерей погнали колонну по 16 человек в рядах. В каждом теплилась надежда на побег, чтобы избавиться от ужасного шествия. Шли целый день, слабые и истощенные, держались друг за друга. Которые отставали и падали, фашисты расстреливали из автоматов. Местное население всячески старалось оказать помощь. Они передавали продукты военнопленным: бурак, картофель, кукурузу и др. Фашисты запрещали. Они стреляли из автоматов в мирное население и военнопленных. Много осталось убитых по дороге от Гоголево до Дарницы.

Дорога от Гоголево до Дарницы — это дорога смерти. Как ни строг был конвой во время этапа, много военнопленных убежало из колонны. Но убежать удалось не каждому, многих догоняли пули из автоматов, а некоторых догоняли и рвали собаки. Каждую минуту слышны были выстрелы и короткие очереди из автоматов. Это расстреливали беглецов и обессиленных военнопленных.

В Дарнице убежали из колонны я и Симаков Б.Ф. Случилось так. Подошли к дому, в котором во дворе росло широкое декоративное растение, по которому и бежали. Оказавшись в лесу, в безопасном месте, мы с Симаковым вышли на окраину Дарницы. Одну ночь ночевали в Дарнице. Дальше оставаться было невозможно. Немецкие фашисты целыми днями искали партизан, коммунистов, комсомольцев и военнопленных. Они отнимали у населения сохранившихся животных, птицу и продукты, а также забирали молодежь и военнопленных, угоняли на работу в Германию.

Несмотря на болезненное состояние, мы с Симаковым ушли в Гнедено. Расстояние небольшое, но пришлось идти целый день. В Гнедено, на окраине попросились отдохнуть. Но состояние нашего здоровья ухудшилось, и мы заболели. В течение 5—6 дней нас хозяйка вместе с Симаковым скрывала у себя на квартире. Она рисковала собой, ухаживая за истощенными и больными. Ее благородный поступок сохранился в нашей памяти навсегда. Фамилии хозяйки не помню. Звать, кажется, Мария. У нее было трое или четверо детей. Муж служил в Советской Армии...

Из Гнедено перешли на хутора, названия не помню, двигались на восток. В хуторе еще пробыли 5—6 дней. Немного окрепли. Не доходя

до Золотоноши 12—15 км, есть совхоз. Нас снова забрали в плен и вместе с другими отправили в лагерь военнопленных в Золотоношу. Несмотря, что мы с Симаковым были истощенные и больные, нас на 2-й день стали выгонять на работу. Отказавшихся от работы в лагере, нас в месте с Симаковым Б.Ф. перевели в Золотоношскую тюрьму...

В камеру 14—15 кв.м затолкали более 50 человек военнопленных. Из них 12—15 чел. было местных работников, коммунистов, комсомольцев, партизан. Из нашей камеры был организован побег. Было это так. Кто-то запел революционную песню. Потом запели «Прощай, любимый город» и др. А через некоторое время полицай принес три килограммовые буханки хлеба на 50 с лишним человек. Полицай открыл дверь, вошел в камеру, у него забрали хлеб, а другой военнопленный ему в глаза сыпнул солью и ударил буханкой хлеба по морде. 12 человек выбежали из камеры. Поднялась стрельба...

Несколько дней передачу не передавали совершенно. Ежедневно выводили из камеры, ставили к стенке лицом, пускали собак, били плетками. 12 человек из камеры, кроме бежавших, расстреляли. А через несколько дней выстроили военнопленных во дворе тюрьмы и дали команду: «Украинцы — выйти на 2 шага вперед». Мы с Симаковым вместе с другими вышли. Нас отправили в камеру, а через несколько дней допросили — из какой местности. И отпустили меня по адресу: Полтавская область, Кременчугский район, местечко Градыжеск; под фамилией Беличенко Василь Алексеевич. Симакова по адресу: Днепропетровская область, Апостоловский район, село Кут, под фамилией Симоненко Б.Ф. Вайдя из тюрьмы, мы снова двинулись на восток.

В 1942 году осуществилась наша мечта. Симакова освободили части Красной Армии, большого тифом. В 1943 году он изгонял немецких фашистов из Крыма. Получил еще ранение. В настоящее время является инвалидом войны III группы, работает бригадиром слесарей Грозненского трамвайного парка.

Меня освободили части Красной Армии в Ставропольском крае. Находился на излечении чесотки в г. Сталиногорске. После выздоровления в 1943 году воевал на Калининском фронте в 4-й ударной армии. В составе 2-го Отдельного штурмового стрелкового батальона гнал фашистов из Белоруссии. Получил тяжелое ранение. С Симаковым Борисом Федоровичем встречаемся очень редко. Последний раз его проведаль 9 ноября 1960 года. Разговор, как правило, начинается о работе, а кончаем разговор воспоминаниями о суровых днях войны 1941—1945 гг., о сражениях в Марьяновке, Борщах, о Гоголевских лагерях военнопленных, о Золотоношской тюрьме.

У нас с Симаковым есть о чем вспомнить! Он говорит мне: «Описать бы, как мы тикали (бежали) из лагерей». Но описать не так просто. Я решил описать, но у меня не получается. Прошу не быть придиричвыми ко мне. Рукопись пишу впервые, одновременно в Военно-историческую

секцию ЧИ АССР гор. Грозного и редакции «Комсомольской правды». Посвящаю боевым друзьям, сражавшимся за Советскую Родину против немецкого фашизма в первые дни Великой Отечественной войны 1941 г. на Белоцерковском направлении и штурмовикам 2-го Отдельного стрелкового штурмового батальона. Отзовитесь, боевые друзья.

*Беличенко Д.М.
г. Грозный.*

30 мая 1961 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 5. Л. 85—92 об.

№ 90 **Самый дорогой человек**

В 1945 году нас, узников концлагеря Дора, освободили союзники (англичане) близ города Берген, и когда на второй день прибыл представитель Советского командования, не знаю, какого звания, но офицер, мы первый раз видели погоны. Он, выступая на митинге, сказал, что он представитель Советской Родины. Трудно передать, что было, радовались и плакали не только русские, но и другие — чехи, поляки и многие другие нации. Он был для нас в тот момент самым дорогим человеком, Человеком с большой буквы. Мы его помним и поздравляем с праздником 20-летия Победы нашего народа над фашизмом.

Беляков А.Ф.

4 апреля 1965 г.,

Луганская обл., г. Коммунарск.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 5. Л. 57—57 об.

№ 91 **Мой номер был 36 702**

...В период временной немецкой оккупации г. Днепропетровска я был членом организации, которая именовалась ОДН. В 1943 году 19 сентября меня арестовало гестапо и приговорило к расстрелу, но 26 сентября 1943 года неожиданно вывезло в Маутхаузен, потом в Мелк, Винер Нойдорф, опять в Маутхаузен, наконец, освобождение. Так я остался жив. Мой номер в заключении был 36 702. Мне часто приходится выступать и рассказывать людям о работе организации и заключении. И всегда люди слушают с большим вниманием.

Пересылаю сохранившуюся листовку 24-летней давности. Вот ее содержание.

«Смерть немецким оккупантам!

Товарищи, враг оккупировал нашу Родину и угоняет наших детей на каторгу в Германию. Советские люди посажены в тюрьмы и концлагеря. Враг беспощаден и жесток. Вставайте на борьбу с фашистами. Уходите

в подполье и партизаны. Прячьте молодежь. Не верьте, что немцы в Москве. Москва наша...»

25 апреля 1965 г.

*Бойков Владимир Николаевич,
г. Днепрпетровск.*

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 6. Л. 46—46 об.

№ 92 Мы не забыли

Пришла война неожиданно. Шел грозный 1941 год, в наш город ворвались гитлеровские головорезы. Они не щадили ничего: вешали население прямо на столбах, топтали наши парки, уничтожали все, что нашим горожанам было мило и дорого. Потекли темные дни оккупации, начался массовый вывоз населения в Германию. Осенью 1943 года угнали и меня. Как скот, под присмотром озверевших бандитов и овчарок нас заперли в вагоны и повезли. Германия, город Эрфурт, бараки, в которых перебивали тысячи таких, как мы. Стены бараков все исписаны адресами, именами — они оставляли адреса своей Родины.

Первое утро на чужой земле. Всех выстроили в ряд, и начался торг. Да, продавали оптом по дешевке, а в одиночку брали дороже, ходили и выбирали. Немец тонкий, как жердь, выбрал восемь моих землячек, а с ними попала и я. Он вез нас в город Заальфельд на Ведере и поминутно пересчитывал. Несладко было нам, я увидела наших пленных. Жутко было смотреть: живые скелеты, их заставляли делать адский труд. Здесь были люди из многих стран, и все они не имели имен, фамилий, а только номера и знаки. Приходилось работать, но многие саботировали, ломали станки — все, что могли. Я знала группу наших пленных. Один из них вывел из строя главный станок, за что его по-зверски били, немец плевал ему в лицо и заставлял, чтобы тот плевки ловил своими потрескавшимися губами. Парень стойко перенес все, что придумывал этот гад, но не разомкнул рта.

Я видела, как они носили траур по (гибели) дивизий под Сталинградом. Много пришлось пережить побоев, унижений. Были и такие, кто подхалимничал, они у немцев ходили в холуях, доносили на нашего брата.

В 1945 году гитлеровские головорезы, чувствуя свою гибель, взбесились. Они влетели на машине к нам в лагерь в городе Ганновере и расстреляли семь человек. Согнав весь лагерь — мужской и женский — над трупами убитых, старались запугать нас. Мы вдвоем с девушкой по имени Мария (она была харьковчанка) делаем побег из лагеря. Гитлер, чувствуя свою гибель, набрал в свою армию подростков, которые ташились по дорогам отступавшей гитлеровской армии. Немцы тащили за собой все, что могли, угоняли целые лагеря, но многие не покорились, уничтожив охрану, разбежались.

Я видела поверженную Германию, когда она капитулировала. Это было незабываемое зрелище, кругом были вывешены белые флаги: на окнах, балконах — все было бело. Сердце не могло вместить нашу радость. Буквально все делало себе большие красные звездочки и носило на груди. Мы находились на территории союзных войск. День Победы. Я его запомню на всю жизнь. Было утро. Весеннее майское утро. Оно и несло с радиоприемника нашу русскую речь, говорила Москва, а мы слушали и плакали, плакали от счастья: говорила наша Москва. К нам приехал офицер — представитель нашей Советской Армии. Состоялся митинг, посвященный Дню Победы. В почетный президиум были избраны узники лагерей, представители союзных войск, и мне выпало счастье сидеть за столом, покрытым красным полотнищем. Говорили много, говорили, что война никогда не должна повториться. Эльба! Наконец мы видим своих солдат, русских солдат и девушек, солдат, которые во имя жизни и мира прошли нелегкий путь до Эльбы, неся радость освобождения и мир людям многих стран. Я видела совсем свежие холмы, на которых, как памятники, лежали русские каски.

Я низко кланяюсь всем, кто шел, чтобы освободить нас, шел, не жалея жизни. Всегда вспоминаю тех, кто навечно остался лежать под холмиками. Да, мое поколение испытало многое. Мы почти все отцы и матери. У нас растут дети. Чтобы никогда они не испытали того, что выпало на юность их матерей и отцов. Так пусть никогда не смолкает смех влюбленных, детские улыбки.

Милая «Комсомолка», возможно, это письмо не будет напечатано, так передайте привет через газету бывшим военнопленным — Борису Копылову, москвичу Павлу Борченко, девушкам из лагерей Лидии Берестовой, Людмиле Буденой, Нине Масленниковой. Хотелось узнать, как сложилась их жизнь.

*Бурлакова Татьяна.
г. Николаев.*

5 мая 1965 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 9. Л. 106—107.

№ 93

Давайте спросим Лили Штраус

Недавно, перебирая свои фронтовые блокноты, я обнаружил подпись (автограф): «Лили Штраус». В памяти сразу же возникли картины двадцатилетней давности, о которых и хочется сегодня рассказать читателям «Комсомольской правды».

В апреле 1945 года воинская часть, в которой я служил, участвовала в освобождении фашистского лагеря Освенцим. Еще накануне, с приближением артиллерийской канонады, гитлеровцы спешно (пытались) увести в тыл хотя бы часть заключенных. Всем мужчинам призывного

возраста было приказано построиться у ворот лагеря. Те, кто не мог или не хотел уходить с фашистами, пристреливались на месте. С десятков трупов, припорошенных снегом, мы увидели за воротами лагеря.

С какой радостью, с каким подъемом встречали заключенные своих освободителей! В бараках стоял многоголосый, многоязычный шум. Венгры и поляки, французы и немцы, русские и югославы, все разноплеменное население лагеря, перебивая друг друга, на разных языках выражало гнев и ненависть к фашистским извергам, делилось горем пережитого, радостью освобождения.

И вот здесь-то замечательным помощником нам оказалась двенадцатилетняя Лили Штраус из Югославии. Лили поражала своей развитостью, пониманием происходящих событий. Она с успехом объяснялась на 6—7 языках.

Сколько жутких историй, рассказанных заключенными о зверствах гитлеровцев, стали известны нам, благодаря Лили Штраус! Вместе с ней бывшие заключенные провели нас к взорванным печам — крематориям и показали огромный ров, в котором гитлеровцы сжигали трупы в кострах.

Огромное впечатление на всех нас произвел детский блок, в котором фашисты держали оторванных от родителей детей. На трех рядах нар от пола до потолка копошились изможденные малолетние детишки. Вот измазанное грязью исхудавшее личико двухлетней русоволосой Гали Прохоровой из Смоленска. На наше обращение к ней она постукивая ручонками по доске, напевала: «Та-та-там, та-та-там!»

Не по годам серьезен был Гриша Жуков из Витебска. Он видел, как гитлеровцы умертвили его мать. С трехлетней Людой Бочаровой удалось поразговаривать:

- Где мама?
- На фронте.
- Где фронт?
- Где бомбят...

В детском блоке находились дети различных стран Европы. По-взрослому побеседовали мы с двенадцатилетним хорватом Олегом Мандыч. У него русская бабушка из Киева. Отец и дед Олега сражались в рядах Народно-освободительной армии Югославии. Сам Олег, несмотря на свое несовершеннолетие, готов был взяться за оружие.

Печальную историю о своей семье поведала нам и Лили Штраус. Родилась она в г. Вранов (Сербия). Отец — извозчик. Гитлеровцы арестовали всю семью. Отца заключили в один лагерь, маму в другой. Лили с сестрой и братом привезли в Освенцим. Всем им на руках выкололи номера: Лили № 27 125, ее десятилетней сестре Гите — А27 126, восьмилетнему брату Дюро — Б142 272. Так были пронумерованы гитлеровцами все дети, заключенные в лагерь.

После бесед с бывшими узниками фашизма мы привезли Лили и Гиту в расположение нашей части. С большой осторожностью угостили

чаем, легкой закуской, включили радио Москвы. А вечером, нагрузив повозку хлебом, консервами и другими продуктами, мы усадили в нее наших гостей, и старшина Архипов отвез их обратно в лагерь, откуда всех детей должны были в ближайшее время эвакуировать на родину.

Так мы и расстались с юными югославками. Где-то они сейчас? Как сложилась их жизнь? Удалось ли найти своих родителей?

С тех пор прошло 20 лет...

Давайте спросим, смогут ли забыть злодеяния Лили и Гита, сами испытывавшие зверства фашистов, смогут ли забыть и простить их все те, кто находился в Освенциме и до сих пор носит на своей руке проклятое клеймо, выколотое гитлеровскими варварами...

12 апреля 1965 г.,

Веселов А.Д.
г. Архангельск.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 10. Л. 164—166.

№ 94 Побег из неволи

Рассказ бывшего заключенного № 35 308

Концентрационный лагерь, куда я попал из Бухенвальдского конц-лагеря под № 35 308, находился близ завода, что расположен в г. Сна. Территорию лагеря опоясывала в три ряда колючая проволока, постоянно находившаяся под высоким электрическим напряжением. Все военнопленные в концлагере содержались в деревянных бараках, которые делились на несколько комнат. В одной из таких комнат на трехъярусных нарах нас, заключенных, ютилось по 45—70 человек и более, тогда как поместиться в ней могло 15—20 человек. Окна открывать категорически запрещалось, поэтому в комнатах была нестерпимая духота, воздух всегда был насыщен зловонием.

Одежду узника составляли брезентовые ботинки на деревянной подошве, полосатые брюки, куртка да такой же полосатый головной убор. С правой стороны на брюках возле кармана и с левой на куртке в районе грудного кармана каждому военнопленному нашивался красный треугольник, основанием вверх. В центр этого треугольника из черного материала нашивалась буква «Р», которая означала «русский». Чуть выше треугольника на куртке значился лагерный номер узника. Аналогичный номер имелся на левой руке ниже локтя. Причем номер на руке выкалывался тушью или выжигался каленым железом. В лагере, в основном, содержали советских пленных, но были и люди других стран и национальностей.

Три раза в сутки мы получали по мизерному ломтику хлеба и по миске баланды, сваренной из очисток картофеля, брюквы или свеклы.

Избивали нас за малейшую провинность, чаще всего ни за что, а так, в задаток, чтобы впредь мы были послушной и исполнительней. Словом, считали нас за скот, за рабочую силу...

Например, если заключенный не поприветствует при встрече немца-охранника, как нам утверждали фашисты, «представителя великой Германии», ему полагается 15 ударов резиновой дубинкой. И это еще не все. Вначале узника по трансляции вызовут в канцелярию, спросят, почему он не снял головной убор. Далее прочтут соответствующую мораль о великой немецкой расе. Только потом начинается процесс экзекуции. Узник раздевается донага и ложится на станок, специально предназначенный для «воспитания» нецивилизованных пленных. Палачи привязывают его руки и ноги ремнями к этому станку и начинают наносить удары резиновыми дубинками. Палачей двое. Удары они наносят поочередно, наносят с забвением, радостью, наслаждением... Наказуемый, в свою очередь, обязан считать удары. Если же он ошибется в счете, то все повторяется — старые удары, которые узник уже получил, во внимание не берутся. Он получает новые удары и обязан считать эти новые удары. И так до тех пор, пока заключенный правильно не сосчитает предназначенные для него удары. Нередко палачи запарывали узников до смерти.

На работу пленных гоняли в завод RAW. Там производили ремонт железнодорожных вагонов поточным методом, который не давал ни малейшей возможности не только отдохнуть, но и собраться с мыслями, сосредоточиться... Над нами стояла армия мастеров, надзирателей, полицейских, охранников, эсэсовцев, палачей...

Обессилевших, изнуренных, не способных к работе, не успевающих за автоматами производить нужные операции расстреливали на месте как саботажников. Однако иногда не расстреливали, а отправляли в крематорий.

Но мы не падали духом, не теряли веры в свое освобождение. А в то, что нас рано или поздно освободят, мы верили, верили твердо, непоколебимо... Каждый из нас знал, чувствовал, наконец, слышал приближающиеся раскаты взрывов, и это вселяло в нас еще большую силу.

Нам, заключенным, оторванным от внешнего мира, находящимся за колючей проволокой нацистского концлагеря, нам было доподлинно известно, что гитлеровские полчища под натиском наших и союзных войск терпят поражение на всех фронтах и направлениях и что час роковой расплаты, а с ним и свобода не за горами.

Долгожданная свобода!!

Свобода!!!

Сколько жизней, бесценных человеческих жизней замучено и уничтожено гитлеровцами за то только, что они лелеяли мечту об освобождении!

Свобода!!!

Еще нам также было неопровержимо известно то, что нацисты постараются во что бы то ни стало замести следы своих изуверств — учинят массовую расправу над пленными, свидетелями грязных дел фашистов.

Все зависело от стремительности наступления освободительных армий.

Чем ближе и слышнее становился грохот взрывов, тем больше свирепели фашисты, тем больше появлялось трупов пленных. Казалось, ярости гитлеровцев нет предела, зверствам, совершаемым ими, нет конца.

«Надо что-то делать, надо куда-то скрыться, — думал я. — Да, скрыться. Но куда? Куда?»

Я не раз видел своими глазами, как фашисты вешали тех заключенных, которые совершали неудачные побегі. Но я об этом не думал. Меня это не пугало. Не это сверлило мой мозг. Меня неотступно преследовала мысль: бежать, бежать, бежать...

На рассвете 28 марта концлагерь, завод RAW, хлебозавод и город подверглись бомбардировке с воздуха. Мы, конечно, не спали, но выходить нам из барачков не разрешалось. За это — расстрел. В лагере творилась какая-то неразбериха, неизвестность... Одно из зданий было разрушено. К счастью, в нем никто не жил. «Ах, если бы хоть одна бомба угодила в здание, где жили охрана, палачи», — думал я в те минуты.

Утром, после подъема и завтрака, как всегда, началась проверка заключенных. Нас всех выстроили на опель-плаце, пересчитали. Все налицо. Стоим в ожидании прихода с завода RAW третьей смены. На заводе мы работали в три смены: первая смена, в которой работал я, трудилась с 8 утра до 16 вечера, вторая — с 16 до 24 и третья — с ноль часов до 8 утра.

Наконец, часов в 9 или в 10 пригнали с завода третью смену. Первая смена, разумеется, приготовилась идти на завод. Но что это? Нас не ведут. Нас распустили по барачкам. Мы ломали голову над тем, почему нас не повели на завод, точнее — первую смену не повели на завод, почему третья смена вернулась с завода позже обычного? Почему, почему?... Много было этих почему, и ни на одно из них мы не могли найти ответа.

Уж не помню теперь за чем, но я зашел в канцелярию. Там никого не оказалось, она была безлюдна. Я осмотрелся. На стене висел гражданский костюм, на полу лежали полуботинки. Мгновенно сообразив, что все эти вещи могут способствовать моему побегу, облегчить его, я подпер дверь стульями. Быстро разделся, надел на себя гражданский костюм, а поверх него — свою форму пленного. Не забыл я и полуботинки. Благо тогда никто не зашел в канцелярию, иначе быть бы мне (расстрелянным). Но этого не произошло, и ладно.

Когда я очутился в своей комнате и улегся на нары, то почувствовал дьявольскую усталость, тело была мелкая дрожь, изможденное лицо по-

крылось бисеринками пота. А на душе... на душе было весело, радостно, хотелось петь, будто я находился не в фашистском застенке, а вырвался на свободу.

Некоторое время спустя к нам в комнату зашел капо-айн. Так мы звали своего бригадира, немецкого коммуниста, истинного патриота германского народа. Капо-айн скитался по тюрьмам и концлагерям с 1933 г. Но это не сломило его волю, не поколебало в нем веру в правоту того дела, за которое боролись немецкие коммунисты. У него был первый номер. Вот мы и звали его «капо-айн». Все пленные ценили, уважали и любили этого капо за его неподкупность, честность и искренность. Таких, преданных делу рабочего класса, капо нельзя было не беречь, и мы его берегли и скрывали все, что он нам ни говорил. А говорил он нам многое. К сожалению, имя и фамилию его мы не знали.

— Товарищи! Сейчас нас будут отправлять на новое место, — сказал капо-айн.

Он всегда узнавал все новости раньше всех узников и сообщал нам их.

— А куда, позвольте спросить вас? — произнес один из пленных.

— Видите ли, комендант не удосужился сообщить мне, куда нас отправят, а сам я, естественно, постеснялся спросить, — пошутил капо-айн. — Но в следующий раз непременно спрошу, если доведется...

За 3—5 дней перед этим диалогом поляк Юн, повар с эсэсовской кухни, тайком дал мне несколько колясок колбасы и пачек 5 или 6 маргарина. Колбасу мы с товарищами поделили поровну и съели. Маргарин же частично съели, частично я спрятал в свой тайник; он у меня находился под нарами в углу.

Тайник представлял собой небольшую яму под полом. Для того чтобы человек мог хотя бы с трудом протиснуться в него, в полу были надпилены доски. Кто это сделал, остается секретом до сих пор. Но о существовании тайника, наверное, знали и другие узники. Потому что, когда был подан эшелон для отправки пленных и была дана команда для посадки, я, выбрав удобный момент, попытался залезть в тайник и не смог: он был уже занят моими собратьями по несчастью. Меня это обескуражило. Неужели все пропало, все рухнуло? Но нет! Друзья потеснились, и мне, правда, не без труда, удалось влезть в тайник. Кто-то прикрыл за мной доски, набросал на них тюфяков, набитых соломой. И вот все стихло. Мы лежим неслышно, не шевелимся, прислушиваемся к каждому шороху. Ожидаем, когда опустеет лагерь, когда увезут наших товарищей. Мысли, одна страшнее другой, лезут в голову. Обнаружат или не обнаружат наше исчезновение? «Если обнаружат, если найдут нас, — думаю, — то мне первому пуля в лоб. Ведь я лежу сразу же под подпиленными досками. Подпилит их, и вот он я, любуйся мной...» Да, дела. А умирать так не хочется, что греха таить. Еще так мало прожито, да и с фрицами надо рассчитаться сполна, обязательно сполна. И вдруг

шаги, много шагов. Охранка? Ну да, охранка. Или нас ищут, или просто совершают обход перед отъездом. Мы молчим. Слышно, как часто, очень часто колотится сердце в груди. Зашуршали тюфяки. «Ну, все, — произошло в голове. — Сейчас уже все».

Мой организм, измотанный, обессиленный, истощенный, не выдержал этих напряженных минут, и я на какое-то мгновение потерял сознание. Но толчок в бок вернул мне сознание, шепот:

— Уходят!

Стук двери, и снова тишина. Давящая, гнетущая тишина. Но длилась она недолго. Нарушил ее свисток паровоза, увозящего наших товарищей. С ними мы, укрывшиеся в тайнике, больше не встречались. Но, по слухам, дошедшим до меня позднее, весь эшелон был уничтожен фашистами.

С наступлением ночи мы выбрались из укрытия. Осторожно озираясь по сторонам, исследовали зону лагеря. Не оставили ли фашисты кого из охранки? Вроде бы нет. Концлагерь утопал в электрическом свете. Пришлось вырубить все рубильники, какие были включены. Прикрываемые темнотой, начали совещаться, что будем делать — уходить ли в сторону приближающегося фронта или укрываться здесь, в концлагере?

Решили: пока будем укрываться в зоне лагеря.

Было нас четверо: Федор, Степан, Виктор и я, Алексей, как звали меня мои товарищи. Мы трое — Степан, Виктор и я — чувствовали себя более или менее сносно. А Федор был болен. Перед тем, как бежать, он взял где-то шприц и, чтобы не ходить на работу, ввел себе под кожу ладони керосин. Рука его распухла. Нужно было разрезать ее. Что я и сделал.

Забинтовав кое-как руку Феде разными тряпками, мы принялись расширять себе убежище.

О еде нам особо беспокоиться не следовало, так как хлебозавод находился рядом, всего лишь за колючей проволокой. Оттуда мы принесли 4 бумажных мешка, набитых еще теплыми буханками хлеба. Утро следующего дня ознаменовалось тем, что вместо узников в наш концлагерь привезли семьи советских переселенцев, «добровольно» приехавших в гитлеровскую Германию искать счастья. Поверив геббельсовской брехне о кисельных берегах Германии, они покинули свою Родину, надеясь на чужбине обрести легкую жизнь. Нашли, кому верить! Смешно!

Однажды вечером мы легонько приподняли одну из подпиленных досок своего тайника. Нам было любопытно узнать, кто же поселился в нашей комнате, над нами. Нашему взору представилась такая картина. На столе в миске лежала вареная брюква, нарезанная кусочками, и несколько ломтиков хлеба, точно таких же, какие нам давали в столовой концлагеря. В комнате находились седая, дряхленькая старушка и шустрая белобрысенькая девочка. На вид ей можно было дать годика 4 или 5. Они, видимо, кого-то ждали. От брюквы шел пар, но есть они

не садились. Сердца наши сжались от шемящей боли, когда мы увидели, как девочка смотрела на стол, как она облизывалась при виде пищи. Кто-то из нас сказал еле слышно: «Она же голодная, страшно голодная».

Виктор, кажется, предложил дать переселенцам буханку хлеба. Мы с ним согласились: дать надо. Но как это сделать? Ведь не вылезешь и не скажешь: «Нате, ешьте на здоровье». Так можно погубить самих себя.

Решение пришло само. Старушка и девочка вышли из комнаты. Мы, верно, воспользовались этим и, бросив буханку хлеба на середину пола к столу, стали ожидать, что будет дальше. И что характерно, когда они вернулись и увидели хлеб, да еще целую буханку, то девочка запрыгала от восторга, а старушка, припав на колени, начала креститься, сказав при этом:

— Бог послал. Возблагодарим же его за это.

Я смотрел на нее и невольно думал: «Какая темная, непонятная... До чего дожила. Эх!..» Тут в комнату вошли мужчина и женщина, вероятно, родители девочки, ибо она бросилась к ним в объятия.

Мы не стали больше наблюдать за ними, обеспокоенные тем, что они заметят нас, и кто знает, как тогда обернется все. А вскоре они покинули этот концлагерь.

Оставшись в лагере опять одни, мы, оборудовав в соседнем бараке под полом другое убежище, перебрались в него: там было более просторней и теплее, так как мы устлали землю соломенными тюфяками.

— Не жизнь, а малина, не убежище, а рай, только ангелов-хранителей не хватает да табачку, — шутит Федя.

И он был прав. Табаку у нас — ни на закрутку. Мы курили солому.

Между прочим, это-то нас и привело к тому, что мы в одну из ночей взломали дверь в здании бытового корпуса. Там мы обнаружили в большом изобилии табак, муку, обувь, одежду и т.д. Накурившись до опьянения, набрав табаку про запас, одевшись во все самое лучшее, мы взяли муки с целью сварить из нее что-нибудь вроде заварухи. Нашли ведро, воду... В одной из комнат разворотили трубу, чтобы дым не выходил наружу. Растопили печь — железную бочку с отверстием для накладывания дров. В это время отворилась дверь, и — о ужас! — пред нами предстал шуцман с пистолетом в руке. Ну, хана!

— Что вы здесь делаете?

Мы застыли в оцепенении, каждый из нас смотрел на дуло пистолета.

— Варим... — Федины губы открылись произвольно, без его ведома. Потом он и сам удивлялся этому не меньше нас.

— Кто такие?

Мы понемногу начали овладевать собой.

— Переселенцы мы.

— А-а, — протянул шуцман и удалился.

Значит, он действительно поверил в то, что мы переселенцы. Ах да — одежда. На сей раз нас выручила одежда. Это нас обрадовало и вместе с тем огорчило. Обрадовало потому, что мы можем говорить, что мы-де переселенцы. А это может пригодиться. Огорчило же потому, что вдруг появится еще кто, да, не дай бог, из охранников и признает нас, тогда все, конец.

Мы, загасив в печи огонь, снова отправились в свое убежище. После этого случая мы долго еще не рисковали покидать его. Даже отсутствие воды не могло вынудить нас оставить хотя бы на минуту свой тайник. А жить-то хочется? Хочется. Жажду надо чем-то утолить? Надо. А чем? Водой. А где ее найдешь? Где? Но мы все же нашли воду. Через наш тайник проходили трубы. Обследовав их, мы пришли к единому мнению, что это — водяной трубопровод. Напильника мы не нашли, поэтому нам пришлось пилить трубу каким-то камнем. Пилили мы долго, очень долго. От этого у нас мучительно больно ныли руки, все тело... Но когда вода тоненькой струйкой брызнула из щели, пропиленной нами, мы были бесконечно довольны. Между тем рука у Феди вторично распухла, посинела... И тогда я сказал: «Братцы, я пойду в шестой лагерь, быть может, что-нибудь добуду из медицины». Я лучше из всех нас говорил по-немецки и приблизительно знал, где расположен лагерь № 6, в нем тоже находились советские переселенцы. Возражений со стороны товарищей не последовало, и я, вооружившись на всякий случай камнем, отправился на розыски лагеря № 6. В приличном костюме, в берете, в новых ботинках, с трубкой во рту, я скорее походил на француза, нежели на русского. Дорогой мне встретился пожилой мужчина, оказавшийся русским. Он собирал на дороге окурки. Я снабдил его табаком и спросил о лагере № 6. Он поблагодарил меня за курево и указал точное место пребывания лагеря переселенцев.

Не успел я отойти от него, как лицом к лицу столкнулся с немцем. Это был мастер с завода RAW. Я не однажды работал в его смене. У меня похолодели руки и ноги. Я машинально нагнулся и сделал вид, что завязываю шнурки у ботинка. Сам же не спускаю с него глаз. Он, пройдя меня, остановился, удивленно покачал головой и зашагал своим путем.

Одна женщина из переселенцев снабдила меня пакетом, завернув в него все необходимое из медикаментов для перевязки Фединой руки. Таким образом, сходил я не напрасно.

Когда я возвращался назад к своим товарищам, я, глядя на разрушенные дома немецких жителей, строения, вспомнил Эрнста Тельмана. Было это в Бухенвальде. На центральной зоне концлагеря за высоким каменным забором скрывался небольшой особняк. Особняк этот охранялся особенно тщательно. В нем томился вождь немецкого народа Эрнст Тельман. Мне довелось его увидеть как раз незадолго перед смертью. Как сейчас помню, открылись ворота особняка и среднего

роста широкоплечий мужчина в сопровождении четырех эсэсовцев с автоматами на изготовку проследовал в зону.

— Тельман! Эрнст Тельман! — мгновенно разнеслось по лагерю.

Все узники застыли в безмолвии, устремив свой взор на Эрнста Тельмана.

Это была своего рода немая демонстрация солидарности униженных и оскорбленных, но непобедимых узников, временно, именно временно, находящихся в концлагере. Приводили его, по-моему, мыться в бане.

Одет он был в черный костюм, без головного убора, ворот рубашки покоился на воротнике пиджака. Руки его были связаны позади. Взгляд его источал глгучую ненависть и презрение к врагам всех мастей и оттенков. Шагал он свободно, уверенно, с гордо поднятой головой. Таким он остался в моей памяти на всю жизнь. Через три дня его отправили в Заксенхаузен. А на четвертый день утром я услышал, как один заключенный — итальянец играл на мандолине «Вы жертвою пали в борьбе роковой». От него-то я и узнал о том, что ночью был убит Эрнст Тельман.

...А 11 апреля мы впервые увидели своих освободителей. Это были американцы. Ехали они на виллисе. Машиной управлял негр. Мы остановились посреди дороги. Машина тоже остановилась, из нее вылез негр шофер и стал перед нами на колени. Очевидно, в нашем лице он отдавал дань уважения советским людям, освободившим человечество от фашизма.

Итак, мы были на свободе!..

31 мая 1961 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 20. Л. 64—68 об.

*Гаврилов Л.А.
Записал М. Ермашов.
г. Мурманск.*

№ 95 Юный друг Вася

Июль месяц 1944 года. Уже 18 дней, как мы в следственной тюрьме 21-го штрафного лагеря под Брауншвайгом, в мире мрака и неизвестности, в мире смертей. Нас, арестованных, 38 (человек). Обвиняемся в преступных действиях на территории Германии против нацистского рейха.

Допросам и пыткам нет конца. Мозг отказывается воспринимать ход времени, кажется, все замкнулось в тесной бетонной одиночке. Течение жизни приходится угадывать по известным только нам, заключенным, признакам.

И вот неожиданность, ко мне в камеру вталкивается коренастый круглолицый юноша с живыми черными глазами. Его резкая подвижность, общительность и безразличие к тюремной обстановке насторожили меня.

Скоро я узнал, что зовут его Васей, родом из-под Тулы, 16-летним угнан на работу в Германию, работать на немцев отказался, почти год в общей сложности находился в побегах. После третьего, четырехмесячного побега попал в 21-й штрафной лагерь со строгим режимом.

По фашистским законам ему следовало отсидеть 15–20 суток в карцере, а затем изнурительная работа на несколько лет в лагерной команде или в концлагере. Все это Вася знал и ничуть не унывал. Целыми днями я слушал его рассказы о побегах, которые всегда заканчивались словами: «Вырвусь за ограду, больше уж меня не поймать». Через несколько дней я окончательно уверовал в искренность Васи и частично рассказал о причине нашего ареста. Он сразу заключил: «Вам больше не жить. Я ведь здесь не первый раз, все фашистские порядки изучил, вот только (в) последнее время почему-то убрали виселицы и в лагере больше не вешают».

Наши дальнейшие беседы укрепили и мою мысль — бежать, и как можно быстрее. Ведь в любую минуту нас могли разъединить, т.к. Вася находился в ведении лагерного начальства, а я в ведении органов СД из Брауншвайга. Теперь мы ежедневно обсуждали план нашего предстоящего побега. Вариант за вариантом оказывался неосуществимым. Наконец, сам того не подозревая, осуществить наш замысел помог коридорный вахтер. Этот старый «знакомый» Васи предложил ему убрать коридор и из умывальника вынести нечистоты. В камеру Вася вернулся сияющим. Дело в том, что парашу с нечистотами ему пришлось выносить за пределы лагерной ограды и сливать в заросший овраг, соединяющийся с небольшим перелеском. И здесь же Вася детально изложил свой план: «Завтра я в парашу налью побольше воды и попрошу в помощь человека, которым будешь ты. Выходим из лагеря, ставим парашу на край обрыва и сами кубарем катимся вниз, в овраг. Конвоирующий солдат вооружен пистолетом и останавливается от свалки метрах в шести, поэтому выстрелы его могут оказаться бесцельными».

Уточнив кое-какие детали, я дал согласие, и мы остановились на этом варианте.

...Субботний день подходит к концу. Следователь СД с переводчиком-латышом раньше обычного уехали в Брауншвайг. Часов в 7 вечера я и Вася, сгибаясь под тяжестью параша, конвоируемся через проходную.

...Пятиметровый обрыв. Наша короткая остановка — быстрый круговой обзор... Вахтер щелкнул перед носом зажигалкой... Мы кубарем катимся вниз. В ушах сплошной треск и шум. Выстрелов не слышно. Только слышно биение своего собственного сердца.

Быстро бежим в условленном направлении. Я еле успеваю за Васей. Вдруг остановка. Перелесок уперся в шоссеную дорогу. Со стороны лагеря раздавались звуки тревоги и частые выстрелы. Пересечь дорогу мы не решились, т.к. было еще светло. По обочине нужно добежать до

поворота, где дорога подходила к каналу. Там, по мнению Васи, можно было найти временное укрытие в водосточных трубах.

Помешал немецкий солдат-отпускник. Совершая прогулку с девушкой, он услышал тревогу и решил выслужиться, чтобы продлить свой отпуск. Он бросился в нашем направлении. Нам ничего не оставалось, как бежать в разные стороны. Молодой фашист избрал своей жертвой меня. Несколько минут погони — и удар рукоятки пистолета по голове валит с ног. Кованые сапоги дополнили дикую расправу. Весь окровавленный, я был доставлен им в лагерь.

Васи в лагере не было. Поднятая по тревоге караульная рота все еще прочесывала перелесок. Догорали последние лучи заходящего солнца. Как я ждал, когда они померкнут и наступит темнота. Ведь только она одна явилась бы неразлучным помощником моего юного друга. Счастливого пути, дорогой Вася!

Время от времени давали о себе знать перебитая стопа ноги и расплюснутая переносица. Воспринимать пытки в полном виде я просто устал. Так прошло около часа. Но вот с дикими воплями открывается дверь и в подвал втолкнули Васю. Босоногий, избитый, шатался он от слабости. Увидев мое изуродованное лицо, изумленно раскрыл глаза, хотел что-то сказать, но в бессилии упал. Меня тут же повели в баню. Пятнадцать традиционных ударов бичом воспринял в забытьи. Очнулся от холода. Струя ледяной воды вернула сознание. Потом начался душ. Тонкие струи воды через рассеиватель под большим давлением направлялись на голое тело, точно иглы, пронизывали все насквозь, рождая ни с чем не сравнимую боль. Очнулся в предбаннике. Потом камера, наручники, пытки вахтера... Так в тяжелых кошмарах прошла ночь.

То же самое проделали и с моим другом Васей.

Днем в воскресенье узнал страшную весть. Васю повели на работу. Измученный за ночь пытками, работать он не мог. В обеденный перерыв его бросили на горящий шлак и сожгли. Со мной, как с подследственным, повременили.

Так погиб замечательный человек, юноша патриот, который свободу ставил превыше всего. Его заветная мечта — видеть Родину свободной — сбылась.

По мере возможности я написал о трагической судьбе Васи, не только чтобы сказать, что светлая память в моем сознании никогда не умрет, а и в надежде, что мой голос услышат родные и близкие Васи. Пусть знают, что Вася горячо любил Родину и мужественно отдал за нее свою юную жизнь.

Иванцов Д.И., быв. узник концлагеря Маутхаузен.

12 февраля 1965 г.,

г. Новозыбков, Брянская обл.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 25. Л. 74—76.

№ 96

Эхо Бухенвальда

Мне хотелось рассказать людям, что нам пришлось пережить за годы пребывания в фашистском застенке и о тех, кто не смог вернуться к родной семье и сказать человечеству: «Этому больше не бывать!» 11 апреля, день освобождения из концлагеря Бухенвальд, я отмечаю, как день рождения. Думаю, что все бывшие узники лагеря Бухенвальд отмечают этот день также.

«Вы явились не в санаторий, а в немецкий концлагерь, помните, что вы все обречены на смерть. Из него выходят только через трубу крематория. Если вас это не устраивает, советуем сразу же бросаться на проволоку, через которую пропущен ток высокого напряжения».

Этих слов эсэсовцев, которыми мы были встречены в бухенвальдском аду, мы никогда не забудем!..

Многие, не выдержав адских испытаний, так и поступали, другие держались до конца!

Особенной организованностью и сопротивляемостью отличались советские военнопленные.

Разве можно забыть ужасы фашистского плена, особенно дату 11 апреля 1945 г., когда, обреченные на смерть, восставшие узники пошли на штурм своей узницы.

Все было совершено благодаря умелой организованности и сплоченности интернационального подпольного центра. Мы вырвались все из рук извивающегося в предсмертных судорогах фашизма.

Не многие из бухенвальдцев дожили до мирных дней, и оставшиеся в живых столько будут помнить издевательство нацистов, сколько будут жить...

Песня В. Мурадели «Бухенвальдский набат» не дает забыть такое и нашим детям. Ничем не измерить глубины человеческой признательности тт. Соболеву и Мурадели за эту песню.

19 апреля 1945 г. на площади («Апельплац») над землей Бухенвальда, пропитанной кровью 51 тыс. погибших товарищей, мы дали клятву, что прекратим борьбу только тогда, когда последний фашистский преступник предстанет перед судом возмездия...

Этого требует долг перед памятью жертв, совесть и справедливость этого требуют, интересы Мира и безопасности народов всей земли.

11 апреля исполнится 20 лет со дня восстания в концлагере Бухенвальд.

В этот день мне хотелось бы встретиться с бывшими узниками Бухенвальда, чтобы почтить память погибших товарищей и еще раз сказать: нет ни амнистии, ни прощения фашистским убийцам.

Галиаскаров М.А.

7 марта 1965 г., г.

Переславль-Залесский Ярославской обл.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 12. Л. 77—77 об.

Когда страшная война стала угрожать Б.-Токмакскому ремесленному училищу, ребята разошлись по домам.

Но Ваня, житель Винницкой области Б.-Чернятинского района, не знал, откуда он и кто его родители. Тогда парнишка решил идти на фронт, чтобы мстить тем, кто отнял у него счастливое детство. В порыве отчаяния он подался в Киев в надежде вступить добровольцем. В поисках частей или партизан парнишка забрался в Мотовиловку и здесь был схвачен полицией. Под стелькой ботинка нашли комсомольский билет. На его глазах офицер изорвал его и бросил в горящую печь. Глядя, как фашист расправляется с билетом, у комсомольца до боли защемило сердце, и он готов был с кулаками наброситься на врага, но сдержал себя: «Безоружный против группы врагов — не воин».

Его до потери сознания избили и бросили в холодный сарай. Ночь. Темная, холодная, страшная. Превозмогая боль, комсомолец попытался взобраться на стену сарая, но сорвался. Полежал, вытер подолом рубашки окровавленное лицо и со вторичной попытки достиг стены, прокопал соломенную крышу и на рассвете убежал в лес.

В тот же день паренек пристал к группе солдат, выходявшей из окружения. Приняли разведчиком. Но не успел он проявить своих способностей, как группу захватили в плен. Захватили, когда у обороняющихся истекли патроны и гранаты.

Подолгу каждого допрашивали и мучили, в том числе и Ивана. Наоборот, ему досталось больше всех, так как считали его добровольцем, притом с оружием в руках. Винтовку Ваня достал у убитого солдата. Из пяти выпущенных им пуль две угодили во вражескую цель. Вскоре массу пленных заточили в вагоны. Поезд медленно увозил их на Запад.

На десятые сутки разместили в большой временный лагерь, расположенный на окраине города Линца (Австрия). Здесь уже были люди, большинство украинские женщины и девушки. Это рабыни богатых вельмож. Сюда, как на торг, приезжали хозяева фабрик, отбирали здоровые нужные рабочие руки. А женщин и девушек расхватывали богатые домовладельцы.

На третий день Яцука окрикнула худошавая женщина. Она давно присматривалась к нему.

— Ваня, родненький мой, племянничек! А ты ли это? — запричитала она и кинулась обнимать паренька.

Ваня стоял, как остолбеневший.

— Я твоя родная тетенька Оксана. Разве ты забыл меня?

¹⁴⁹ Воспоминания Яцук И.В. записал Гридин И.И.

Да, он не помнил ее, и теперь начинал вспоминать, что такая тетя, похожая на мать, действительно была у него. И у парня впервые за эти дни потекли крупные слезы.

Тетя рассказала о судьбе отца. Он был председателем сельсовета. В 1929 году застрелен кулаками, а мать, убитая горем, на долгие годы слегла в больницу. А чтобы ребенок не умер с голоду в это трудное для коллективизации время, дядя Арсений в 1933 году увез Ваню в Днепропетровский детдом, откуда он был переведен в Б.-Токмакское ремесленное училище. Вскоре и дядя умер от кулацких побоев, а мать, придя из больницы, потеряла концы поисков сына.

— Мама и теперь живет в селе... Вот и встретились мы с тобой, Ванюша. Встретились вдали от Родины. Выживем ли?

— Выживем, тетя, обязательно выживем, так говорил нам политрук. Я верю ему.

Но договорить им не дали. Всех мужчин, в том числе и Ивана, построили и под усиленным конвоем отправили на завод «Металвьютте», изготавливающий артиллерийские снаряды.

Условия работы кошмарные. По 12 часов за станками. Питание скудное. Находились под охраной. Через полгода две бригады забастовали, требуя снять охрану и улучшить условия жизни. Пять часов уговаривал их хозяин приступить к работе. Но люди отказывались. Тогда хозяин арестовал Яцука и двух русских рабочих. Яцуку удалось сбежать из-под ареста.

Три недели пробирался он на восток. А когда вышли харчи, в поле нашел украинского паренька, работавшего у богатого бауэра (кулака), раздобыл продуктов и по его совету подался в Чехословакию.

На одной из глухих станций парнишка устроился на платформе между тюками сена. На границе с Чехословакией его обнаружили.

Гестапо. Допрос. Невыносимые пытки. Пытали изошренно. Метровой линейкой били по кистям вытянутых рук. При каждом ударе «спрашивали»: «Признавайся, откуда сбежал, стервец?» Затем той же линейкой били и по голове и по кистям рук. А потом наносили по 15 полусиловых ударов по плечам, затем от лопаток до пояса. А когда это не помогло, свалили на пол, держа за руки и ноги, били по голым пяткам и мягкому месту, зажимали пальцы в проемы дверей. От этого у Яцука полопались кончики пальцев.

Обливаясь кровью, парень временами терял сознание.

Наутро эти приемы повторили. Переводчица сказала: «Пан капитан удивляется твоему терпению и мужеству. Он спрашивает, может быть, ты юный коммунист? — и, не получив ответа, добавила: — Они собираются под ногти пальцев загонять толстые иголки. Признавайся».

Ваня заколебался. Он сильнее стиснул губы зубами, когда эсэсовец загнал иголку под ноготь указательного пальца правой руки. Второй укол вывел его из терпения. «Хватит!» — крикнул он. А в это время из раскусанной губы на бороду потекла алая кровь.

Допрашивающие громко рассмеялись. Парнишка признался. Но побои не прекратились. Теперь его мучили уже за терпение и за то, почему он не признавался раньше.

Опять временный лагерь Ланцендорф. Снова допрос.

— Ты заслуживаешь расстрела или виселицы, — сказал эсэсовец. — Но я могу облегчить твою судьбу. Все зависит от тебя.

— Не понимаю, — нерешительно сказал Иван.

— А тут и понимать нечего. Работать на нас будешь в лагере.

— Шпионить! Нет. Я не способен на эти штуки. Подыщите лучше другого.

— Тогда повесим. Иди.

Но повесить не повесили, а только избili до потери сознания и выбросили во двор.

Полуживого парнишку подобрали два узника. Василий, родом с Волги, и пожилой Андрей Федорович с Кубани. Василий попал в плен солдатом, Андрей Федорович — майором. Видя, что это советские люди, Иван все рассказал им о себе.

Вася и Андрей Федорович полюбили Ванюшку за его прямоту, настойчивость, преданность и за то, что он все-таки был малолеткой, которому судьбина войны преподнесла страшные муки вместе со взрослыми. А таких малолеток в лагере почти не было.

Однажды Яцук с другими узниками погнаli на уборку зеленого гороха. Хоть и голодный был парнишка, но брать чужое боялся, так как за спиной — часовой. Стоило Ивану отлучиться за выделенную ему грядку или бросить в рот зеленый стручок гороха, на него мог обрушиться гнев охранника.

А когда узников построили в обратный путь, охранник ударил Ивана по лицу огромным кулачищем и дал команду «Шагом марш».

Кровь брызнула изо рта и носа. Яцук упал, выплюнул два выбитых зуба. Парнишку подхватили сильные руки Василия и Андрея Федоровича. Держа под мышки, они повели его в строю.

В лагере солдат доложил что-то старшему эсэсовцу. Тот вывел комсомольца из строя, взял руку Ивана, сжал ее в своей большой ладони, вынул кинжал и давай бить рукояткой по кончикам пальцев. Яцук не вытерпел: с силой дернул руку и отскочил на два шага назад так, что немец чуть было не упал на мостовую. Он расвирипел и стал избивать жертву ногами. Тогда кто-то из окружающих закричал: «За что же вы, гады, мальчишку бьете!»

Фашист кинулся в строй искать виновника крика, но никого не нашел. Сотни глаз узников зло смотрели на садиста, и он сдался. А крикнул, оказывается, Василий, стоявший во второй шеренге.

— Ты знаешь, за что они избивали тебя, — пояснил Андрей Федорович. — За то, что работал медленно.

Весной 1942 года пленных разместили в лагере Маутхаузен. Это город смерти, в котором находилось более двадцати блоков. В каждом блоке по 700—800 человек. Яцука и полсотни других узников, прибывших на смену (людям), сожженным в крематории, поместили в 17 блок. Им выдали полосатые брюки, куртки с разноцветными треугольниками и номерами вместо фамилий. У Яцука — № 32 132. Это его смертный номер.

У Вани даже в глазах потемнело от увиденного, А позже он прочитал на куртке одного смертника номер 187 333. Эта цифра потрясла его детское воображение. Она не давала ему покоя ни днем, ни ночью. И тогда комсомолец поставил задачу: «Во что бы то ни стало выжить. А если удастся, то помочь другим, в частности — Андрею Федоровичу».

Жизнь в лагере проходила своим чередом. Каждый месяц прибывало пополнение, по три—пять тысяч человек. Лагерь изо дня в день таял. Ежедневно работала газокамера, рядом крематорий с дымогарной трубой. В четырех огромных печах сжигались трупы, и огонь в них полыхал, как в доменной печи. Бывало, утром при тихой погоде на крышах блоков, булыжной мостовой оседала лагерная пыль от массы сожженных трупов. За проволочным ограждением огромные вороха пепла. Сюда работники богатых бауэров (кулаков) приезжали с подводами, сгружали бурячные или капустные листья на баланду, а отсюда забирали человеческий пепел на удобрения.

Однажды Яцук увидел, что блокочные и санитары в ревире (больнице), а то и прямо в блоках на полосатых спинах одежды мелом ставили кресты. «Зачем это?» — мимикой спросил он у одного испанца.

Вместо ответа тот по-немецки спросил: «А ты давно здесь?» Иван показал шесть пальцев. Испанец засмеялся над неосведомленностью паренька. «Газокамера, в трубу, пуф-пуф-пуф», — пояснил он.

У Ивана волосы стали дыбом. Он не поверил. Наутро сам заглянул в газовую камеру. Действительно, туда заводили тех, кому в этот день суждено умереть. Причем жертвы не сопротивлялись, они предпочли умереть, чем в муках жить в этом проклятом лагере.

Многие, увидев русского парнишку с красным треугольником, удивлялись, за какие же преступления загнали его сюда. На многочисленные вопросы Ваня отвечал: «Русский я. За это и заперли сюда».

«Русский!» Как тяжело было здесь русским. В отличие от узников других стран русские имели на куртке нашивной треугольник красной окраски. Каждый эсэсовец, лагерный охранник издалика узнавал русского, натравляя на него овчарок, а затем подбегал, бил чем попало и полуживым выбрасывал в канализационный ров. Иногда русских выводили группами за лагерь, заставляли бежать, а гитлеровская молодежь упражнялась по ним в стрельбе из пистолетов. Если по линии Красного Креста кое-когда доставляли посылки, то русским не выдавали. «Русские безбожники, они не состоят в международной организации Красного Креста», — говорили фашисты. Все русские, и особенно двадцатого

блока, где находились офицеры и политработники Советской Армии, гибли массами. Там же оказался и майор Андрей Федорович. Их не вывели ни на работу, ни на прогулку, даже не разрешали ходить внутри лагеря. Помимо общей стены и нескольких рядов проволочного ограждения, блок был огорожен колючей проволокой. Только в одном месте сделан проход-калитка, но в нее входили и выходили узники только с разрешения блокowego. Даже в столовую за баландой и то не выпускали из 20-го блока. Пищу им привозили пленники из других блоков. Особенно издевался над жертвами блоковой 20-го блока. Это фашистский бандит, который за свои бандитские действия отбывал здесь наказание. Кровью наших узников он смывал с себя преступления.

Видя эти мучения, комсомолец проклинал свою судьбу. Будь у него отец, может быть, у него судьба сложилась бы иначе. Он понимал, что трудности войны призваны переносить все, в том числе и он — комсомолец, но не здесь, в этом лагере смерти. Он уже задумывался над тем, как совершить отсюда побег — третий побег за его короткую жизнь в плену. Но отсюда мало кому удавалось выскочить за колючую проволоку. Выход на волю был один — через трубу крематория.

Ваня Яцук познакомился с испанцами из первого блока. Они работали в парикмахерских, портняжной мастерской, в столовой и др. Особенно подружился он с испанцем по имени Марчелло, который попал сюда за прошлые политические взгляды. Сражался с бандами Франко в период испанской революции.

Заботясь о жизни русского мальчика, испанец сказал Ивану: «Приходи за баландой, только не попадайся эсэсовцу, а то в душегубку загонит». И Ваня стал ежедневным гостем в испанском блоке.

Однажды Ваня передал Андрею Федоровичу миску баланды и четыре вареные картофелины. Тот тут же через край миски стал хлебать баланду. Стараясь быть незамеченным, Иван на главном проходе сел на корточках, ожидая, когда освободится миска.

Вдруг он услышал шепот: «Ваня, беги!»

Иван осмотрелся по сторонам. Андрей Федорович уже бежал в 20-й блок. Тогда парнишка бегом устремился в конец главного прохода, чтобы оттуда проникнуть в свой 17-й блок. Но его нагнала овчарка. Она прокусила ногу, свалила его и стала передними лапами на спину. Вскоре подбежал эсэсовец, крикнул встать. Фашист спокойно надел кожаную перчатку, стал левой ногой на правую ступню ноги Ивана и со всего размаха ударил по лицу. У парня потемнело в глазах. Он мог бы еще устоять, но, зная повадки этого эсэсовца, упал с первого удара. Если бы не упал, то фашист бил бы его до тех пор, пока жертва не упадет на мостовую. И когда Ваня, падая, стукнулся головой о камень, офицер засмеялся и пошел прочь.

...Комсомолец догадывался, что в лагере действует подпольная организация сопротивления фашизму. Он хотел быть ее активным членом,

но состоявшие в ней люди скрывали от него свои действия. Видимо, учитывали возраст паренька. Но время от времени они давали ему поручения. Особенно парню запомнился один пожилой чех, который часто ходил по блокам с узелками подмышкой. В узелках находились то кусочки сахара, то головка лука и чеснока, то сухарики. Это подарки тех, кто имел посылки. И люди, получающие их, 50 процентов содержимого отдавали чеху, который приносил особо нужную соли.

Этот чех предложил Ивану достать лагерной соли. «Камрад, кровь, зубы», — сказал он, показывая на 20-й блок.

Красная соль находилась в ящиках возле столовой. Иван достал около трех килограммов и передал чеху, который тотчас же понес в 20-й блок. А на второй день Яцук уже по своей инициативе забрался в ящики, насыпал соли за пазуху. Но донести ее до блока не успел. Поймали.

Вечером на поверку явился офицер. Он приказал блоковому дать Ивану 25 палок: «Не вытерпит, — сказал блоковой. — Он маленький, с него десять хватит».

Тут же в блоке за балку прицепили веревку, за руки вздернули на нее комсомольца и стали избивать резиновой палкой. После пяти ударов Яцук потерял сознание. Сколько потом били, он уже не помнил.

На второй день парнишка не поднялся с нар, а вечером на поверке с двух сторон его поддерживали товарищи.

А стоять надо было. Тот, кто из-за болезни не мог присутствовать на поверке, приходили санитары и на полосатых спинах ставили кресты — путевки в душегубку и крематорий.

Вскоре прибыл чех. Сунув Ивану в карман пару яблок и два кусочка сахара, он стал ругать парня за несогласованные действия. «За соль для камрад надо идти по моему сигналу. Не поймают».

Иван опять убедился, что здесь действует разветвленная и хорошо законспирированная подпольная организация.

В начале зимы 1944 года ночью лагерь разбудил массивный огонь пулеметов и автоматов. Блоковые, закрыв двери блоков, устремились к выходу. Оказалось, что батальон русских офицеров 20-го блока организовал побег. С вечера, расправившись с блоковым, этим зверем из зверей, и двумя его помощниками, узники прорыли траншею под проволочным ограждением, которое было под напряжением. Но у капитальной стены, опоясавшей территорию Маутхаузена, они наткнулись на фундамент. Попытки углубить траншею не увенчались успехом. Тогда были брошены в ход матрацы, куртки, халаты, разбросанные с пола доски. Преодолев в несколько рядов проволочное ограждение, масса узников стала взбираться на высокую стену. Убитых тут же свалакивали в кучу и по ним пробирались наверх. Через несколько минут куча трупов выросла вровень со стеной. Живые смертники взбирались на нее, прыгали через стену и убегали в лес. Во многих местах проволочное ограждение было прорвано. В блоке

никого не осталось, почти все 900 человек были истреблены, и только незначительной части удалось убежать.

Организованный поисковый отряд с собаками в течение трех суток вылавливал беглецов. Среди них оказался и Андрей Федорович — майор, житель Кубани. Фамилию и село этого благородной души человека Ваня так и не запомнил.

Многие товарищи не одобряли побег узников. Он был совершен за несколько месяцев до капитуляции гитлеровской Германии. Люди шли на риск, на отчаяние.

После побега узников жизнь в лагере ухудшилась. Охранники лютовали, люди гибли, как мухи. Многие тогда смирились со смертью, как с добрым соседом. А вот с голодом, муками, истязаниями — нет, они являлись злейшими врагами каждого узника.

Иван Яцук и теперь был частым гостем испанцев. Здесь он находил не только баланду, но и важные новости о продвижении наших войск.

Однажды, придя за баландой, комсомолец услышал пронзительный голос по-испански: «Всем зайти в блок». Иван плохо понимал испанский язык. Он начал рассматривать, что будет дальше. В это мгновение чья-то сильная рука схватила его за шиворот и толкнула в двери блока. Это был Марчелло.

Тогда узники начали смотреть из окон. На главном проходе немецкая охрана установила стол, скамейки, выкатила кадушку, из баллонов заполнила ее жидкостью и ушла. Затем появились два высокопоставленных эсэсовца с бумагами и женщина-собаковод с двумя овчарками. Потом привели пожилого русского узника. «Это большой русский генерал», — шепнул Марчелло Ивану Яцуку.

Что спрашивали у узника, никто не знал. Но наблюдавшие (заклученные) видели, как казнили его. После тридцатиминутного допроса генерала стали избивать ногами, резиновыми палками. А потом собаковод напустила овчарок, которые тут же кинулись терзать его тело. Было видно, как он защищал руками лицо и голову от этих злых, как Гитлер, бешеных собак. А когда собаки сделали свое дело, безжизненное тело генерала подняли два солдата и несколько раз головой окунули в бочку, затем швырнули в газокамеру.

Вечером любознательный Иван подошел к бочке. В ней оказался какой-то белый раствор. Парнишка опустил палец и отпрянул назад. Раствор оказался едким.

На второй день на главном проходе, где стояла капитальная виселица, на смертную казнь через повешение, на тележке привезли чешского санитаря. Того санитаря, который несколько лет работал в газокамере. За что же он угодил в петлю? Оказалось, чех пытался спасти этого генерала. В тот день он не задушил его газом и не передал его тело в печь крематория, а замаскировал в углу в надежде, что узника никто не обнаружит. Санитар ждал очередную жертву, чтобы переодеть генерала в одежду того смертника и переменить его смертный номер. По спискам

лагерной администрации смертный номер генерала попадает на склад, а человек под этим номером фактически остается живым. Таким способом этот простой чешский санитар — патриот спас жизни не одной сотни советских, чешских, польских, французских узников. И вот теперь за спасение их жизни сам угодил в петлю.

После этого случая Марчелло сказал Ивану, будто фашисты мучили советского генерала Дмитрия Михайловича Карбышева. И, найдя его еще живым в газовой камере, они заморозили его, как морозила своих рабынь русская помещица Салтычиха. Только с той разницей, что помещица делала это на глазах крепостных, а фашисты — тайно от прозорливых глаз десятков тысяч узников.

Фашистский рейх доживал последние дни. По ночам отчетливо доносилась артиллерийская канонада. Администрация лагеря металась, как загнанный в берлогу хищник. 3-го мая газовая камера и крематорий перестали дымить. Смерть хотя и по-прежнему витала кругом, но массовые уничтожения людей прекратились. Дрожа за свою расправу, фашисты даже начали заигрывать с узниками. А в лагере они не появлялись иначе, как группами в три—пять человек.

Теперь для живых газовая камера и крематорий уже не представляли опасности. Многие узники, воспользовавшись отсутствием охраны, проникли в крематорий и газовые камеры, чтобы найти там спасение в случае массового истребления. А такая опасность была. Комендант лагеря Цирайс получил секретный приказ Гимmlера: уничтожить всех узников Маутхаузена. За невыполнение этого приказа Гимmlер снял Цирайса и в последних числах апреля 1945 года назначил комендантом Керна, который уже замышлял привести приказ в исполнение.

Два обстоятельства помешали ему привести в исполнение этот приказ: быстрое продвижение наших войск и решительная борьба интернационального лагеря подполья, в котором русскую секцию пленных возглавлял майор А.И. Пирогов.

В первых числах мая руководство подполья выдвинуло Керну ультиматум: вся власть в лагере принадлежит самоуправлению, избранному заключенными, вход эсэсовцам внутрь лагеря запретить. И Керн принял этот ультиматум.

Он не мог не принять его. Поредевший гарнизон к тому времени был малочислен и уже не представлял внушительной силы для узников. На смену молодым эсэсовцам на вышках стали бородачи, призванные по тотальной мобилизации. Они взяли автоматы из-за боязни расстрела. И это оружие не было использовано ими против узников.

Утром 5 мая вблизи лагеря разорвались два снаряда, и где-то заурчал танк. Комендант Керн и его подручные кинулись в лес. В лагере кто-то крикнул «Свобода!», это слово подхватили десятки тысяч уст.

Восставшие выбили (браму) железные ворота. Забрав оружие у бородачей, кинулись к складу с оружием и боеприпасами, а вторая часть восставших атаковала эсэсовские казармы.

С этой массой восставших бежал и Ваня Яцук. Но его опередили, и когда он прибыл на склад, оружия уже не оказалось. Значительную часть вооруженных тут же взял Андрей Пирогов и занял оборону на подступах к лагерю. Меньшую часть узников повел немецкий полковник Кордэ, который по решению интернационального комитета подполья осуществлял внутреннюю оборону лагеря.

Два дня восставшие держали натиск фашистов на подступах к лагерю. Часть восставших пала смертью храбрых, но враги в лагерь не прошли. Так была предотвращена зверская расправа фашистов над десятками тысяч узников лагеря смерти Маутхаузен. В этом большую роль сыграли коммунисты и беспартийные интернациональной подпольной организации...

б.д.,

*Гридчин И.И.
г. Луганск.*

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 15. Л. 117—131.

№ 98 **Это произошло в Венгрии...**

Мы спасли от верной смерти 30 тяжелораненых бойцов и командиров, (о) которых на жаль мы не знали ни фамилий, ни из какой они части. Это случилось так.

В начале января 1945 г. наша дивизия, 21-я Пермская стрелковая, вела тяжелые бои с последними силами противника на подступах к Будапешту. Немцы имели незначительный и короткий успех. На этом участке населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

Мне и Смольнику Ивану, уроженцу с Дальневосточного края, было приказано доставить одну машину боеприпасов и одну машину продовольствия в 116-й стрелковый полк, который вел бои недалеко от м. Шаркерестур между Секешфехерваром. Когда мы подъехали к этому участку 116-го полка, нам сообщили, что, прорвав оборону немцев, (полк) ушел в тыл к немцам. Отступал только обоз полка. Нам сказал помощник по тылу, капитан Мельник: «Возвращайтесь назад. Полк должен выйти в район Дунофельдвард». Мы повернули машины и поехали напрямую в этот Дунофельдвард. Не доезжая до ст. Шаражд, мы увидели табличку-указатель ППГ. «Ванюша, давай заедем. Там уже удрали, посмотрим, что побросали», — предложил я Смольнику. Мы заехали в госпиталь, и своим глазам не верилось: все наши войска отошли километра на 3—4, а госпиталь, который находился на ст. Шаражд, не эвакуирован. Был там один врач и три медицинские сестры. Немцы находились от них не более 500 метров. Врач стал нас просить: «Товарищи, заберите раненых офицеров. Ведь придут немцы — расстреляют». Мы вспомнили слова Сталина о том, что дороже на свете это человек: боеприпасы разгрузили

под забор и продовольствие. В кузовах — соломы, и у нас был брезент, подъехали под двери. Кто полз, кто прыгал, кто, как мог, лезли в кузова, кого вносили, кто кричал: «Братишки, не бросайте нас!» И так набилось в кузова полно, в одном белье. Одеваться не было времени, а на дворе было около 10 градусов мороза, но никто не обращал внимания, потому что немцы уже вели стрельбу по поселку. Взяли мы около 30 человек, остальные остались там и врач со своими девушками.

Распроставшись, мы тронулись. На выезде из станции Шаражд нас начали обстреливать, но на большой скорости мы проскочили, и путь наш был на город Эрчи. На переправе через Дунай, не доезжая до переправы километра три, дорога вся была забита транспортом, проехать невозможно. Я предложил раненым: «Будете терпеть, повезем по полям». — «Везите быстрее до переправы». И мы поехали по пахоте, по рвам, где по полю, в пригороде ломали машинами заборы. На машинах крик, визг. «Не обращай внимания, вези!» — и так мы добрались до пристани.

Начальник переправы приказал расстелить брезент и сгрузить раненых на землю, а машины убрать, ибо скоро рассвет. Раненые категорически отказались, потому что вся площадь была завалена ранеными. Два парома не успевали увозить их на ту сторону Дуная. Я и Смольков ушли от машин. Не прошло и полчаса, где-то с ночной темноты появилось два виллиса, на которых приехал командир Третьего Украинского фронта генерал армии Толбухин и охрана и прямо к парому. Подошли и мы к машинам. «Почему здесь машины стоят?» Под брезентами полно в белье раненых, (которых) мы перевезли со станции Шаражд.

Подбежал с докладом начальник переправы, затем доложил начальник госпиталя, что «эвакуируют госпиталь и раненых». На пароме в этот момент стояло две санитарные машины. Когда Толбухин приказал открыть их, там вместо раненых оказалось госпитальное имущество и полно девушек-медсестер, а раненые лежали на снегу. Начальнику переправы и начальнику госпиталя был прочитан Указ, и два выстрела отправили их на дно Дуная кормить рыбу.

То, что было, то и пишу. Машины с парома (были) сняты, девки разогнаны, и в течение часа не осталось ни одного раненого на земле, забрали и у нас с машин. И так мы распроставшись с ранеными.

Дорогие товарищи раненые, мы не знали ваших фамилий, а вы наших. Но вас спасли и везли на машинах шофера 21 стрелковой дивизии Смольников И., Онищенко С.С., Киевской обл., Тетиевский р-н, с. Володарка.

Нам сообщили жители, что раненых (которых мы не смогли взять в машины) немцы сожгли, девушек изнасиловали, потом расстреляли, а врача как будто забрали с собой...

Напечатайте в своей газете эту правду...

12 апреля 1965 года.

Гриценко О.
Киевская обл., с. Володарка.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 15. Л. 18—21 об.   К

Рассказ бывшего малолетнего узника Освенцима

Я не помню фамилий и имен, зато помню хорошо их лица: старшего лейтенанта из Москвы, из Ленинграда. Они взяли меня воспитанником из Освенцима — 10-летнего паренька. Кости, обтянутые кожей, если они живы, я бы хотел им сказать большое спасибо за мою жизнь.

С 1941 года по 1945 год моя фамилия была Сидоров Геннадий. Я бы еще хотел отблагодарить одного доброго врача, тоже не помню его фамилии, но зато они свои хорошие поступки должны помнить, если бы ни он, меня не было бы живым. Когда я отморозил ноги, после чего они у меня опухли и начали гнить с пальцев, я перестал ходить. Я мог только ползать, и то с трудом. Я понимал, что стоит эсэсовцам убить меня, неходячего пацана, который даже не мог сделать одного шага. И этот добрый человек вылечил меня, конечно, не без ножа ампутировал пальцы. Это было в лагере в Люблине. Я хотел бы его поздравить с нашей Победой, если он жив. Я помню — за неделю до нашего освобождения немцы почти всех этапом куда-то угнали. Остались те, кто не мог ходить, и те, кто смог спрятаться. А за сутки до прихода наших войск в лагерь, как бешеные псы, приехали эсэсовцы и построили всех оставшихся. Первыми приказали встать военнопленным. Они быстро завели их за барак и расстреляли возле оврага. После их ухода мы поспешили туда и стали смотреть; один из них застонал, его тут же вытащили из оврага и занесли в барак. Когда начали искать — куда его ранили, оказалось, пуля вскользь прошла по затылку. Он тогда оказался счастливей всех, потому что они обычно добивали, кто оказывался жив. Но им некогда было доводить свое кровожадное дело. Я знаю, что он остался жив при мне, а если он жив, то знай, что и твой расстрел помню, как и многое другое. Таких случаев было в лагере много.

Крематории поглощали тысячами невинных детей, стариков, матерей и здоровых мужчин. Они побоялись оставлять крематории и за неделю до нашего освобождения ночью взорвали. Конечно, подвигов в моем письме нет.

Я не знаю, стоило ли мне это писать? Можно было подробней, но некогда.

6 мая 1965 г.,

Дорицин Г.Е.
г. Фрунзе.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 18. Л. 193—194 об.

В застенках концлагеря Дахау

После короткого последнего допроса в Мюнхенском гестапо следователь с непомерно короткими ногами в гетрах и большим животом, прищурившись на солнечный свет в маленьком окне, как в амбразуре дота, коротко кинул — «Дахау».

Получив несколько подзатыльников в коридоре гестапо от охранников, пять человек, арестованных за саботаж и организацию побега из лагеря при заводе «Мессершмитт», бросили в закрытую тюремную машину. Решетчатая дверца машины захлопнулась со своеобразным щелчком. За дверцей на откидных стульях уселись два здоровенных гестаповца, застыв в позе, напоминающей лакеев в графской карете. Частые повороты и кратковременные задержки свидетельствовали о том, что машина движется по улицам города. Выехав за город, машина набрала скорость. Направление машины определить было невозможно, так как в машине окон не было. По дороге машина несколько раз останавливалась. Было слышно, как сопровождающий офицер что-то кому-то объяснял и показывал бумаги — видно, стоящим по дороге постам. Наконец, резко затормозив, машина остановилась.

Офицер ключом открыл дверцу, и арестованные, не успев опомниться, были выброшены охранниками из машины.

У двери небольшого двухэтажного грязно-зеленого дома, к которому подошла машина, расставив ноги на ширину плеч и заложив руки за спину, с автоматом на груди, стоял эсэсовец. Арестованные в сопровождении охранников и офицера подошли к двери дома. Офицер предъявил документы часовому. Тот, ни слова не говоря, указал на дверь. Через несколько минут арестованные были службой гестапо переданы администрации концлагеря Дахау, во главе которой стоял сам оберпалач Гиммлер. Охрану лагеря несли особо доверенные инквизиторы из войск СС.

Это было 8 августа 1942 года. В этот день у меня отобрали право не только называться человеком, но и право носить свое собственное имя. С этого времени я стал заключенным № 33 787 концлагеря Дахау.

Процедура санпропускника начиналась с того, что заключенного с его увеличенным номером фотографировали в нескольких позах и производилась опись наружных примет. Вещи и одежду забирали, а выдавали полосатую робу — штаны и куртку. На ноги давали колодки — подобие ткацких челноков.

В таком виде заключенный русский проходил первое знакомство с Петром Ивановичем или дядей Володей. Это были два русских переводчика-эмигранта, два старых белогвардейских офицера, два человека, ненавидящих все русское только за то, что революционная Россия в свое время вышвырнула их из русской земли, как пустую траву

с поля. Первый по национальности был русский, второй армянин по фамилии Меансариан. Хотя они были и разными по национальности, но служили своим хозяевам-фашистам одинаково верно. За свое преданное лакейское отношение к гитлеризму дядя Володя впоследствии дослужился до старосты лагеря.

Мое первое «знакомство» с Петром Ивановичем произошло сразу же после выхода из бани. Группа заключенных на площади для проверок под крик и дубинку эсэсовца переносила с места на место камни, как я заметил, эта бесполезная работа повторялась несколько раз. Люди, вернее, ходячие полуживые скелеты буквально валились с ног. Дубинка эсэсовца то и дело плясала по головам и спинам заключенных. Я спросил у сопровождающего нас Петра Ивановича: «Что это значит?» И слово «значит» я уже договаривал на земле, сваленный хлестким ударом Петра Ивановича, который вдобавок обрушился на меня с отборной бранью. Разговаривать было запрещено.

Вновь прибывших отправляли в блок № 19 — карантинный барак для русских. Барак был разделен на 4 комнаты-штубы, набитые людьми, как селедкой. Трехэтажные нары были составлены в спальном комнате вплотную. Спали один на одном. Утром рано людей, истощенных и голодных, поднимал крик старшего комнаты (штубового) немца, который носился с бичом в руках и выгонял на двор. Получив пол-литра ячменного кофиа и обогрвшись им немного, заключенные в строю должны были стоять до самого обеда. В обед, получив литр капустного или брюквенного супа, должны в строю выстоять до вечера. Вечером пайка хлеба и пол-литра чаю проглатывалась в один миг. После ужина шли на вечернюю поверку.

Из карантинного блока ежедневно вызывали десятками людей на допросы, откуда или совсем не возвращались, или возвращались полуживыми. Часто, не выдерживая адских пыток, люди сходили с ума или бросались на огорожу из проволоки, по которой шел ток высокого напряжения. Побег из лагеря исключался. Проволочная ограда с током высокого напряжения, цементный трехметровый ров, из которого не выбраться, цементная трехметровая стена и, наконец, бетонированные трехэтажные вышки с установленными пулеметами — все это надежно охраняло лагерь. Изоляция от внешнего мира была полная. Не боясь, нацисты сюда упрятывали больших людей оккупированных государств: премьеров, президентов, министров. Несколько лет здесь томился в карцерной камере Эрнст Тельман. Голод, болезнь, изнурение работой, теснота, расстрелы и висельницы — все это уносило людские жизни сотнями. Крематорий, построенный за лагерем и созданный по последнему слову нацистской техники уничтожения, работал круглосуточно.

В первых числах апреля 1943 года из карантинного блока отобрали группу людей примерно человек 60, в основном, молодежь. После медицинского осмотра в лагерном лазарете (ревире) отвели обратно в барак,

записав номера. Через некоторое время этих людей по 2—3 человека стали куда-то уводить. Назад не возвращались. Оставшиеся из этой группы в бараке недоумевали — что еще нового выдумали фашисты. Однажды утром после проверки блоковой писарь, поляк с немецким гражданством, вызвал мой номер. Хотя я и ожидал этого, однако неприятная дрожь прошла по всему телу. Ноги не хотели идти. Посмотрев вокруг и протрившись взглядом с товарищами, еле двигая одеревеневшими ногами, вышел из строя. Подгоняемый сопровождающим писарем, вышел на улицу. Все. Конец. Ну что ж, 16 лет прожито. Маловато.

Поравнявшись с лагерным лазаретом, схватив за рукав, писарь пошел в ворота лазаретного блока. На зов электрического звонка вышел небольшого роста немец с зеленым треугольником на груди — уголовник. Сдав меня пришедшему, писарь ушел. Осмотрев с ног до головы, как удав, рассматривающий очередную жертву, немец что-то спросил. Я дал понять, что я по-немецки не понимаю, кивнув головой в знак следовать за ним, немец направился в коридор. Комната, в которую мы вошли, была большой и светлой. Окна были не такие, как в других бараках. Первое, что бросилось в глаза, это большой стол, накрытый белой скатертью, и кожаное кресло. Немец подошел к столу и нажал электрическую кнопку. Послышались шаги в коридоре. Вошли двое в белых халатах — молодой в форме офицера СС и старший в гражданском костюме. Заключенный, который привел меня, вышел, и через несколько минут отворилась дверь и глазам представилась следующая картина: два человека в полосатых робах ввели третьего, голого, голову и частично спину которого прикрывало что-то наподобие одеяла. Это был не человек, а скорее всего, скелет, обтянутый кожей. Невнятное бормотание показывало, что в этом несчастном еще теплится жизнь. Бесчувственное тело положили на кушетку. Шприцем эсэсовец с отброшенной руки умирающего взял одну каплю крови, так как больше взять было нельзя — тело было бескровным. Знаком руки немец подозвал меня, закатав рукав моей рубы, положив мою руку на стол. Взяв шприц с кровью только что унесенного заключенного, эсэсовец стал нащупывать вену в моей руке. Собравшись с силами, я отдернул руку и в этот момент, оглушенный ударом в лицо, отлетел в угол комнаты. «Русская свинья, скот», — вопил во всю глотку эсэсовец. Удар ноги в живот, потом в голову.

Открыв глаза, я увидел, что лежу на кушетке, на изгибе руки ощущался укус осы — укол был дан. Эсэсовец снял уже халат. Сидевший в кресле немец в гражданском костюме что-то записывал в блокнот. Лошадиное лицо, большие, навывкате глаза, смотрящие поверх очков, и нос, напоминающий клюв хищной птицы, — таков портрет доктора медицины Рашера. Правой рукой его был лагерный врач Хинтермейер, по приказанию которого были повешены 72 советских офицера. Но это были только непосредственные палачи-исполнители. Приказы и распоряжения им поступали от обер-палача генерал-фельдмаршала

Мильха. Эти изверги в стенах концлагеря Дахау производили медицинские опыты над заключенными. Только что, вбрызнув шприцем кровь больного малярией в мою вену, я был заражен тропической малярией. Из врачебного кабинета, еле держащегося на ногах, меня привели в первую штубу третьего блока. Это барак, в котором производились медицинские опыты. Три другие штубы этого блока тоже были заняты подследственными заключенными. В одной из них находился советский матрос Николай, который перенес несколько раз полное замораживание, и только благодаря сильному своему организму он воскресал из мертвых. Первая штуба была самой большой. Койки стояли в три ряда. Пока штубовой флегер (что-то наподобие медсестры) приготавливал мне койку, заметив новичка, несколько голов поднялось над подушками. Знакомый голос подозвал подойти меня к одной из кроватей, и, скорее всего, по голосу я узнал своего товарища по побегу однофамильца Ивана. От человека, с которым неделю тому назад я спал рядом на нарах 19 блока, ничего не осталось. На подушке с черепом с выпирающими углами лежал полуживой человек, трясаясь в тропической лихорадке. Рядом с моей кроватью, на которую меня положили, лежал другой мой товарищ, Евгений Войтехович. В это время он даже не мог поднять голову — у него приступ только начался. Приоткрыв его, я отпрянул с ужасом — страшное желтое лицо, синие губы и открытые, ничего не видящие глаза с белками, вышедшими из своих орбит, все это напоминало страшное лицо мертвеца.

Вечером к моей кровати тихонько подошел флегер штубы Тио — молодой немец-антифашист с шестилетним лагерным стажем. Расспросив у меня, кто я и откуда, он стал утешать меня от отчаяния. К его словам я отнесся с недоверием, зная лагерный закон «не доверяй незнакомому», так как среди заключенных-уголовников были люди, готовые продать человека за литр баланды. Позже такой же самый подопытный, пробывший здесь уже около месяца, советский матрос торгового флота Виктор, захваченный фашистами в плен во время рейса, рассказал мне о Тио, что его бояться не следует, что он к русским особенно добр, так как ждет своего освобождения только от русских. Позже я сам убедился в достоверности слов Виктора. Длинными вечерами Тио собирал вокруг себя русских заключенных и шепотом рассказывал о борьбе испанского народа против фашистов, в которой сам участвовал в составе Интернациональной бригады. В свою очередь, очень много интересовался Советским Союзом.

Несколько дней после укола я ничего не ощущал, но как-то под вечер я почувствовал легкую тошноту. Болела голова. Назавтра я уже подняться не мог. Температура 41,2° Анализ крови подтвердил болезнь. Четырехчасовые приступы за несколько дней сделали свое дело. Как-то раз в умывальнике увидев себя в зеркале, я с ужасом отшатнулся: волосы вылезли от большой температуры, глаза, запавшие в глазницах

под черепом, синие тонкие губы и и желтая кожа малярика — все это напоминало человека из загробного мира.

Трупы, которые лежали в умывальнике до утра, пока транспортная команда не отвезет в крематорий, ничем не отличались от живого малярика. Заражали малярией не только уколами. Заражали людей и малярийными комарами. Между ног заключенного ставилась клетка с комарами, которые пили последние капли крови. Когда у такого подопытного заключенного жизнь уже подходила к концу, тогда начиналось лечение. Испытывалось действие противомаларийных препаратов, что еще больше уносило человеческих жизней от размеров дозировки испытываемых лекарств.

Однажды, уже немного поправившись, я вышел в умывальник без посторонней помощи. В это время транспортная команда развозила бачки с баландой. Среди людей команды я увидел своего знакомого Чуевского, который тихонько сообщил мне, что блок 19 из карантинного переведен в шестой рабочий блок. Он же первый и принес мне весть о Сталинграде, которая молнией облетела лагерь еще до сообщения гитлеровских газет. Пробыв на подопытном блоке около 6 месяцев и немного оправившись от малярии, меня выписали из лазарета и направили на 6 блок во вторую штубу. Там я и познакомился с автором книги «Военнопленные» Владимиром Бондарец — заключенным № 70 200.

Кристиан — штубовой второй штубы, немецкий антифашист. Скитания по тюрьмам и лагерям из когда-то физически здорового человека сделали его полным инвалидом. Когда блок выходил на поверку и Кристиану надо было идти вместе со строем, можно было видеть на его лице, сколько труда и усилий стоил ему этот переход. Ноги Кристиана были переломаны в нескольких местах, и когда он шел, тавр его покрывался потом, а вся фигура напоминала заводного человечка. Этот человек, перенесший на себе все пытки штурмовиков, из борьбы вышел почти уничтоженным физически и победителем в своем правом деле, гитлеризм должен и будет уничтожен. Вот к этому человеку в штубу я и попал. По его рекомендации скоро я уже работал в команде «плантаж». Может быть, это и спасло мне жизнь. Команда четвертой теплицы состояла из 26 человек: 4 русских, остальные чехи, поляки, и только капо был немец. Среди этих людей к заключенным своей ненавистью выделялся помощник капо — бывший польский офицер-пилсудчик, народный немец из поляков (фольксдойч) Богутский. Особенно его жестокость возросла к русским, когда гитлеровская печать сообщила о событиях в Катинском лесу, где как будто бы советскими властями был уничтожен лагерь военнопленных польских офицеров. Поверив геббельсовской лжи и встретив среди списков погибших несколько имен своих знакомых, Богутский особенно обнаглел. В противовес ему душой всей команды был чех Похман Владимир. Штабс-капитан Чешской армии, он не сложил оружие и тогда, когда Чехословакия была полностью проглочена Гитлером. Это

был уже немолодой человек, высокий ростом и когда-то физически сильный. Но долгие годы Дахау подорвали здоровье этого исполина. Сторонник того, что Чехословакию русские не оставят в беде и Бенешу не следовало бы идти на уступки Гитлеру, он был схвачен сразу же после прихода немцев в небольшой чехословацкий городок Маковник. С ним было связано мое дальнейшее пребывание в команде. Имея связь с подпольем лагеря из чешских товарищей, этот человек очень острожно информировал нас о положении на фронте и в самой Германии. Его предсказание гитлеровская печать извещала только на 5—7 день. От Похмана мы узнали об открытии второго фронта. Заключенные, работавшие на плантации, в основном, выращивали лекарственные травы. Когда-то здесь было большое болото, по трясине которого не ступала нога человека. Территория лагеря и эсэсовский городок, а также швейная, обувная, фарфоровая фабрика, все это было построено руками заключенных на их же костях. Все это было собственностью Гиммлера. На полуметровой глубине вся эта площадь в несколько квадратных километров была усеяна человеческими костями.

Весна в Баварии наступает рано. В 1945 году она была особенно ранней. В конце марта уже было тепло так, что администрация лагеря снимала шинели с заключенных. Воздух был до того прозрачен, что Баварские Альпы, расположенные в нескольких десятках километров от Дахау, по утрам были отчетливо видны.

Зачастили визиты союзной авиации. Особенно упорно бомбили в начале апреля. От рабочих команд, которые выезжали в город, было известно, что Мюнхен полностью уничтожен. Однако Новый Мюнхен, где, в основном, были виллы нацистов, финансовых заправил и фабричных королей, остался нетронутым.

Вот уже несколько дней лагерь живет напряженной жизнью потревоженного муравейника. После утренних проверок на лагерной площади не раздастся команда «Все на работу!».

Уже 4 дня рабочие команды не покидают территорию лагеря. Только несколько уголовников под усиленной охраной выходят на плантацию. Заключенные, эвакуированные с других лагерей при приближении фронта, лежат тут же на земле, не в силах подняться. Это люди, истощенные до крайности и безразличные уже к тому, что происходит вокруг. В воспаленных глазах только ненависть к фашизму. На крик лагерного полиция «Кто еще жив?» они даже не могут ответить, и кое-где поднятая рука говорит о том, что в этом человеке еще теплится жизнь.

По утрам можно услышать тяжелые вздохи земли — вестник приближения фронта.

Дисциплина в лагере ослабла. Лагерная полиция, блоксовые и штабные стали относиться к заключенным с добротой, зачастую до тошноты. Прошел слух об эвакуации лагеря. Штабеля трупов, уложенные на дворе крематория, которые при своей пропускной способности не

могла сжечь, обливались керосином и жглись на дворе. Из тифозных и дизентерийных бараков не справлялись увозить умерших. Появились люди уже с номерами сто двадцать пятой тысячи. После меня в лагерь угодило около девяносто одной тысячи человек, однако людей в лагере не прибавлялось. Где люди? А крематорий черным столбом дыма разносил смрадный пепел по лагерю день и ночь...

Слухи об эвакуации лагеря подтвердились, и 27 апреля 1945 года стали готовить лагерь к эвакуации. Приказано было эвакуировать в первую очередь русских и немцев. Вот в это время и заработала русская подпольная организация в широком масштабе. Все время (во время) нахождения в лагере мы чувствовали ее направляющую руку, но эти люди находились среди нас в подполье. Да это и понятно. Дознайся об этом гитлеровцы, полетели бы тысячи голов, и этим самым было бы сорвано большое дело. Подпольщики разъясняли заключенным, куда их собираются эвакуировать, — путь до ближайшего ущелья в Альпах. Есть срочный приказ Гимmlера: Дахау уничтожить.

Чешские и польские товарищи стали настаивать на том, чтобы, используя суматоху внутри лагеря, русским не эвакуироваться. Но было уже поздно. Первую партию заключенных русских и немцев, примерно около десяти тысяч человек, уже вывели за ворота. Как потом выяснилось, поднять восстание в пути этой колонне не удалось, в самый последний момент немецкие товарищи на восстание не решились. На подходе к Альпам колонна была освобождена союзническими войсками, но все же многих товарищей не досчитались, по дороге отставших расстреливали.

Я остался в лагере. Посла ухода колонны людей в лагере стало меньше. Наступила жуткая тишина. Все чего-то ждали.

С утра 29 апреля на территорию лагеря не зашел ни один эсэсовец. Были усиленные караулы на вышках. Было принято решение с лагеря не выходить, а если станут выгонять, то поднимать восстание внутри лагеря. Но этому не суждено было свершиться. Того же дня после обеда лагерь был освобожден американскими войсками. Часовые с вышек от пулеметов были сняты живыми. Впоследствии небольшая лагерная газетка «Лагерный бюллетень», выпускаемая от руки под копирку, сообщала, что после частичной эвакуации лагеря было приказано авиации, базирующейся около Мюнхена, разбомбить лагерь. Сделать это авиация уже не могла. Воздух был полностью в руках союзников. Тогда-то и была поднята эсэсовская дивизия, расквартированная в Мюнхене. Она была двинута на уничтожение лагеря. Немецкий коммунист по имени Макс, перейдя линию фронта, сообщил о готовящейся бойне в Дахау союзному командованию. Со стороны союзников, которые в то время не очень спешили, были приняты меры, и подходившая дивизия на подступах к Дахау была остановлена.

Долгожданное освобождение не изменило положения заключенных. Они так и остались за проволокой, только началась усиленная обработка

людей. Появившиеся люди в гражданских костюмах, разговаривающие на всех языках мира, стали советовать полякам, чехам, болгарам, югославам не возвращаться на родину, так как родины у них уже нет — Россия все заберет, а их бросит обратно в лагерь. Русским стали забивать голову, что по возвращению на Родину всех без суда отправляют в Сибирь. Появились агенты с услугами о предоставлении райской жизни в Австралии, Америке, Канаде. Открылись широкие возможности записаться в иностранный легион, а то и просто давалась возможность остаться на Западе. Надо только подписать контракт. Часть людей поверили этой лживой пропаганде, о чем глубоко сожалели, уже будучи на скамье подсудимых как шпионы, брошенные позже на свою Родину.

Бывшие заключенные из русских, видя все это, только сильнее жалелись в кулаке. Был создан «Русский комитет», которому было поручено добиваться через союзников встречи с советским командованием для решения вопроса о скорейшем возвращении на Родину. Руководство комитетом было поручено военнопленному генерал-майору тов. Михайлову. Для поддержания дисциплины и порядка был организован русский сводный полк. Так как наша отправка на Родину всячески откладывалась, нас из барачных концлагеря перевели в бывший лагерь СС. И только после нескольких наших протестов и требований через два с половиной месяца нас передали в распоряжение Советского командования.

Такова история концлагеря Дахау.

Что же случилось с бывшим концлагерем теперь? Может быть, там поставили памятник узникам, которых сотни тысяч сжег лагерный крематорий? Может быть, из лагеря сделали музей в назидание потомкам о зверствах фашизма? Нет. Хотя несколько лет тому назад и был принят закон о превращении бывшего концлагеря в исторический памятник, однако аденауэровское правительство до этого времени ничего этого не сделало. После ухода из лагеря последнего заключенного в 1945 году концлагерь был превращен в лагерь для военнопленных эсэсовцев...

Из людей, оставшихся живыми после Дахау, многие помнят священника Леонарда Рота. Последнее время он находился в бараке тифозных как медсестра. После освобождения он не оставил этих людей и был там, пока последний больной не покинул лагерь.

Управлением Мюнхенской епархии он был оставлен в Дахау как священник. В 1960 году Леонарда Рота епархия освободила от должности священника Дахау только за то, что он беспощадно обвинял западногерманских господ, покровительствующих фашизму. Уж слишком много он говорил о прошлом концлагеря Дахау и предостерегал людей, разоблачая Оберлендера, Глобке и иже с ними. К тому же он требовал постройки памятника в память сотням тысяч жертв концлагеря...

Людям, перенесшим все ужасы концлагеря Дахау, этого никогда не забыть. И казалось, человек и хотел бы это забыть, но оно само собой напоминает. Скоро после возвращения на Родину и проходя медицин-

ский осмотр, что-то рентгенолог больше обычного задержался у экрана. Включив свет, он начал задавать вопросы, касающиеся моего прошлого, а потом в вежливой беседе сообщил мне, что у меня туберкулез, и притом в острой форме. Последствия концлагеря начали сказываться. Однако при помощи советского государства мне удалось избавиться от тяжелой болезни. Бесплатное лечение, а также частые поездки в санаторий помогли мне быстро восстановить силы.

29 апреля 1960 года для меня был днем необычным. В этот день я услышал голос по телефону своего бывшего друга по концлагерю тов. Похмана Владимира из Чехословакии, с которым я имею переписку. И хотя мы говорили на разных языках, но разговор был об одном — надо идти всем вместе рука об руку, чтобы наши дети жили в труде и веселье, чтобы Дахау больше не повторился.

Казей П.С.

Брестская обл., г. Пружаны.

*Опубл. «Война глазами детей. Свидетельства очевидцев».
М., 2011. С. 135—143.*

№ 101

Благодарю за спасение

Хочу вам рассказать одну историю и прошу помочь разыскать бывшего советского воина-патриота.

Так сложилась моя судьба, что не был за это время ни разу в местах, где родился и вырос: в селе Счастливое Александрийского района Кировоградской области.

А 31 марта 1965 г. я поехал хоронить свою сестру туда. Сестра моя была неграмотная старушка 67 лет. Как бывшая батрачка и первый инициатор колхоза в 30-х годах, она пронесла свято честь советской женщины.

Когда я развернул аккуратно свернутые в трубочку ее бумажки, что она бережно сохраняла, я нашел билет члена комитета бедноты, в котором она когда-то состояла, и письмо на ее адрес со штампом полевой почты: осмотрено цензурой 19 740, датированное: 16/ХІІ—45 года, г. Москва.

Вот его содержание:

«Добрый день многоуважаемая Елизавета Сергеевна!

С приветом к Вам и массой наилучших пожеланий в Вашей жизни и здоровья. Ваш бывший «квартирант» во время немецкой оккупации «Петро Власенко», в настоящем Николай Спиридонов. В то время, когда я ушел от Вас, обитал в лесах Киевской области в партизанском отряде, потом попал в армию, воевал по данный момент, прошел с боями Румынию, Венгрию, Чехословакию, Австрию, а сейчас вот несколько дней, как демобилизовался и нахожусь дома. И решил хотя бы письменно

поблагодарить Вас за оказанный мне приют в трудную для меня минуту. Как будет возможно приехать или проезжать мимо, то постараюсь навестить и отблагодарить лично.

Николай Спиридонов».

Когда я стал расспрашивать соседей, они мне рассказали следующее: во время войны молодой советский воин попал в плен к немцам, бежал и скрывался у этой колхозницы — моей сестры. Он с ее помощью вырыл в сенах яму и там находился, иногда она его прятала в сундуке. Кто-то донес немцам и полиции. Они делали обыск, но не нашли. Тогда этот «Петро Власенко» ушел неизвестно куда.

Помогите, пожалуйста, найти этого молодого человека, пусть расскажет о своей судьбе на страницах вашей газеты. И свяжите его со мной. Я хочу подробно знать, как помогала ему моя сестра в трудную для него минуту.

Колесник А.С.

14 апреля 1965 г.,

гор. Збрат, Тернопольская обл.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 31. Л. 21—21 об.

№ 102 Друзья встречаются

Шел 1942 год. Полчища фашистских войск продвигались вперед. В мае они заняли ст. Н(ижняя) Касторная, где и образовали смертельный лагерь военнопленных.

Каждый день сюда подъезжали грузовые немецкие машины, привозившие раненых советских людей, и, как собак, сбрасывали их за колючую проволоку.

Девушка лет двадцати, в обтрепанной, грязной одежде подходила к оставленным на снегу людям и на себе тащила их в грязные, холодные бараки...

Тоня (так звали девушку) всеми силами старалась спасти советских людей, вырывать их из рук смерти. Ей помогала уже пожилая женщина, Анна Ивановна, которая собирала и готовила пищу для военнопленных. Часто можно было видеть Тоню и Анну Ивановну, ходящих по ближним деревням с котомкой в руках, собирающих куски хлеба, картошку — все, что можно есть... И люди не жалели ничего, делили пополам последний кусок хлеба, отрывая от себя и детей, спасая своих людей.

В один из холодных осенних дней Тоня подобрала и перетащила в бараки более 40 человек, попавших в плен. Среди них был летчик. Когда она подняла его, он находился в бессознательном состоянии. Кисть левой руки была отрезана; он потерял много крови...

Тоня притащила его в барак и сразу же постаралась остановить кровотечение. Вскоре летчик открыл глаза и попросил: «Пить...» В ве-

дре осталось немного воды (ее тоже очень трудно было достать). Взяв маленькую ложечку, Тоня начала поить его. Летчик бредил...

Всю ночь, не смыкая глаз, провела девушка у его изголовья, надеясь спасти ему жизнь. И это ей удалось!

Скоро он пришел в себя, и она узнала, что зовут его Ваня, Ваня-летчик (так прозвала она его). Он был сбит немцами в районе Землянки. И когда, надеясь не попасть в руки фашистов, выбросился с парашютом, потерял сознание и был захвачен немцами в плен. Потом его пытали. Дальше все спуталось в голове, и он не помнил, как попал сюда...

Утром Тоня вновь пошла на поиски продуктов. Вернувшись, она вместе со всеми поела приготовленной Анной Ивановной баланды и затем сделала общий обход.

Многих, как всегда, пришлось вытаскивать мертвыми. Та же картина и в тифозных бараках. Люди в бреду метаются по холодному полу, грязные, оборванные, полуголодные, что-то бессвязно кричат, кого-то зовут... Кто умирает в памяти, тот и перед смертью верит в победу нашего народа. Некоторые, разрезая свои руки, кровью пишут на стенах: «Мы победим!..», «Победа за нами!» Дальше ставят свои подписи и, обессиленно упав, с последним словом «Родина» — умирают.

Тоня уже привыкла ко всему. Месяцы, проведенные в лагере смерти, сделали ее стойкой, мужественной, непримиримой к врагам, ненавидящей их. Она верила, что скоро придут наши, что скоро кончится все это...

Однажды в барак явился немец. Это удивило ее. (Они боялись входить в бараки.)

Он сказал, что Ваню-летчика надо тащить на допрос.

Кое-как они добрались до комендатуры. Оставив его в комнате, где пытали пленных, она не ушла, а притаилась за дверью.

Вскоре послышался лающий голос немецкого офицера и затем переводчика. Голос последнего почти не доходил до нее. Девушка прислонилась к замочной скважине и увидела Ваню-летчика. Он независимо стоял против стола, за которым сидели три немецких офицера. Подле стола стоял переводчик. На все вопросы, заданные ему, Ваня не ответил ни слова. Был так горд, молчалив, что вконец вывел из терпения немецких офицеров. Им пришлось прибегнуть к пыткам...

Пули засвистели над головой у летчика, но он стоял, будто изваяние, будто высеченный из камня, не произнося ни единого слова, с вызывающим видом...

У Тони сжалось сердце... Она не видела больше, что было там, за той дверью, где погибали сотни советских патриотов, верных сынов своей Родины, где сейчас, может быть, умирает тот, с которым она провела не одну бессонную ночь, вырывая его жизнь из рук смерти...

Приложив большое усилие, она заставила себя вновь подойти к черной двери, за которой, как ей казалось, в каждом уголке притаилась смерть. Ужас охватил ее, когда она увидела, что делалось там!..

Фашист ручной пилой, словно палку, отпиливал выше локтя левую руку летчика...

Его тело, казалось, безжизненно распростерто на лавке... Кровь затопила все вокруг.

Мгновение, за которое увидела она это, потрясло ее! Тоня, отступив, вскрикнула.

Послышался скрип двери, приведший ее в себя. Она оглянулась, когда фашист что-то пролаял... Переводчик сказал: «Убери такого гада!» — и, зло сплюнув, ушел.

До ее сознания наконец дошло, что она должна убрать труп летчика. «Негодяи, изверги...» — сверлило мозг, но она вошла в комнату, чтобы, живого или мертвого, вынести его оттуда, чтобы не оставить тело на растерзание этим зверям.

Тело Вани было очень тяжелым. Кое-как взвалив его на спину, она вышла. Вслед послышалась брань на противном, непонятном языке...

Руки летчика повисли, как плети. Из левой ручьем текла кровь, забрызгивая одежду и оставляя след на снегу...

И вновь потянулись бессонные ночи у его изголовья... Благодаря ее терпению, настойчивости и упорству Ваня-летчик начал поправляться. Когда ему стало лучше, он сразу же взялся за «дело». Тоня заметила, что все чаще и чаще возле него стали собираться легко раненные. И с каждым разом их было все больше и больше, но самым близким для Вани-летчика был танкист — земляк Тони — Гришаев Федор.

Часто Тоня приносила в бараки листовки, сбрасываемые нашими самолетами. Она видела счастье в глазах умирающих, которые узнавали о победе наших войск над врагом. Листовки были поддержкой духа у пленных, обреченных на смерть людей.

Однажды летчик позвал Тоню и, дав ей небольшую раскрашенную «игрушечку», сказал, чтобы она закопала ее под железнодорожным рельсом. «В твоём распоряжении — час», — закончил он. Тоня ушла, а когда вернулась и доложила, что все сделала точно, как он сказал, Ваня, радостно улыбувшись, проговорил: «Молодец! А теперь смотри, как полетит вверх фашистский эшелон, который везет оружие и боеприпасы...» Он не успел кончить, как раздался оглушительный взрыв...

Так девушка выполнила первое задание Вани-летчика. Вскоре, взяв такую же «игрушечку», она закопала ее под немецким штабом. Не успела Тоня пойти до лагеря и доложить о выполнении задания, как штаб взлетел в воздух вместе с десятком фашистов, находившихся в нем.

После этого Тоня еще не раз носила «игрушечки», от которых погибало фашистское зверье.

Безусловно, никто не мог подумать, что это совершали люди, обреченные на верную смерть. Но эти люди были большой силы воли, горячо любящие свою Родину, беззаветно преданные ей, поэтому, даже

находясь в застенках лагеря, они жили, борясь и умирая, но верили в скорую победу нашей Родины над фашистами.

И они дождалась освобождения! 18 января 1943 года наши войска заняли ст.Н.-Касторная. Среди многих военнопленных «лагеря смерти» были освобождены: советский летчик — Шинуля И.С. и его друг — танкист Гришаев.

Они расстались... Но вот теперь, когда прошло много лет, фронтовые друзья встретились вновь и вспомнили пережитое.

13 июня 1961 г.,

Колошенко Галина.
Липецкая обл., ст. Тербуны.

Ф. М-98. Оп. 3 Д. 31. Л. 50—53 об.

№ 103

Корабль смерти¹⁵⁰ (воспоминания очевидца)

В 1964 году в газете «Вохенпост», издаваемой в ГДР, и в журнале «Огонек» был опубликован очерк о трагической гибели узников фашистских концлагерей на судне «Кап Аркона».

В этом очерке Эрвин Гешоннек, известный немецкий актер, коммунист, лауреат Национальной премии ГДР, высказал корреспонденту журнала «Огонек» Генриху Гуркову желание встретиться через 20 лет после страшной трагедии 3 мая 1945 г. — гибели узников на «Кап Аркона» с людьми, спасшимися от ужасов фашистских застенков, чтобы отчитаться друг перед другом, перед своей совестью, перед памятью погибших товарищей за все, чем живете сейчас, и задать друг другу вопрос, что ты делаешь, чтобы такое не повторилось.

Эрвин Гешоннек был одним из руководителей организации Сопротивления в концлагере Нейенгамме, пережил трагедию 3-го мая 1945 г. на борту «Кап Аркона».

«Кап Аркона» это 3-трубный лайнер, красавец с роскошными каютами, отделанными благородным деревом, с переходами, покрытыми тяжелыми коврами, с хрустальными люстрами, — одно из самых дорогих судов, бороздивших моря и океаны. На его борту устраивались торжественные приемы и банкеты. Здесь пили шампанское и танцевали чарльстон миллионеры Европы и Америки.

Судно «Кап Аркона» стояло в Любенской бухте возле города Нейштадт. По приказу гестаповского главаря Гиммлера судно это превратили в плавучую могилу узников фашистских застенков. Корабль должен был выйти с живым грузом в море и навсегда исчезнуть.

---

¹⁵⁰ Воспоминания бывш. офицера связи Корсунова Федора Дмитриевича, бывш. узника концлагеря Нейенгамме, чудом спасшегося, записал Панеев М.Е.

В течение 3-х дней на борт судна были доставлены 4700 человек узников. По залам и каютам, еще не потерявшим прежнего блеска, рассовали людей, многие годы видевших только деревянные нары, колючую проволоку да сторожевые вышки лагерей.

3 мая над «Кап Аркона» появились английские бомбардировщики, полетели бомбы. «Корабль смерти» загорелся, начал тонуть. С самолета по пылающему судну, по людям, вырвавшимся на палубу, били из пушек.

Более 4000 человек, которые выжили в концлагерях и тюрьмах нацистов, погибли за несколько часов до вступления в Нейштадт танков союзников.

Прочтя очерк в журнале «Огонек», я его вырезал и бережно храню, рассказывает узник № 47 059 концлагеря Нейенгамме Корсунов Федор Дмитриевич.

Со дня трагедии прошло уже 20 лет. В мае месяце текущего года — двадцатилетие капитуляции фашистской Германии. Время и созидательный труд народа моей Родины стерли следы кровопролитной войны; залечили душевные раны, горе и страдания жен, матерей и детей погибших узников в тюрьмах и многочисленных концлагерях нацистов; залечили раны физически и душевно искалеченных узников.

Мне тяжело вспоминать пережитое в прошлую Отечественную войну. Вот уже 20 лет я всячески избегал разговоров о концлагерях, о войне не только с друзьями, но и близкими мне родными. Мои дети: сын и дочь и моя жена не знают, и я им не рассказывал о страданиях, о муках, о страхе и ужасах, которые я пережил в Заксенхаузене, Нейенгамме и на борту «Кап Аркона».

На просьбы моей семьи рассказать о пережитом я молчал. Я не хотел беречь в своем сердце давно ушедшее прошлое: ужасы, горе и страдания в фашистских концлагерях. Я молчал, потому что прошлое причиняло мне боль, молчал, потому что страх и ужас овладевали мною. Я боялся, что вдруг прошлое может быть вновь действительностью. Я боялся воскрешать в своей памяти минуты страха, ужаса, отчаяния, которые владели мною там, в Заксенхаузене, на «Кап Аркона».

Я боялся чувства безнадежности и душевной опустошенности, которые я испытывал после пыток, учиненных мне эсэсовцами.

Только теперь, накануне 20-летия Победы над фашизмом, я пришел к заключению, что не имею права молчать. Я обязан откликнуться на обращение в журнале «Огонек» и заявил, что я — один из немногих, спасшихся от смерти на судне «Кап Аркона», я — узник № 47 059, Корсунов Федор Дмитриевич.

У меня лишь одна цель, одно стремление — довести любыми средствами до сведения всех народов об ужасах прошлой Отечественной войны, чтобы это не повторилось.

Я, Корсунов, на третий день вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину находился в рядах Красной Армии, защищая Родину на Юго-Западном фронте в качестве офицера связи, затем адъютанта батальона.

В районе села Самодуровка, под Богучаром, я и мои товарищи — Щенягин и Василенко выполняли задания командования в тылу у врага по сбору и эвакуации из окружения разрозненных частей Советской Армии, отходившей на соединение с Воронежским фронтом из Харьковской области. Мы, трое, скрывались в лесопосадке, поддерживая связь с жителями села Самодуровка. Кто-то из предателей выдал нас эсэсовцам. Мы были задержаны и заключены в лагерь военнопленных в гор. Кременчуг, откуда перебросили в лагерь для офицеров в гор. Владимир-Волынский. Там пытался бежать из лагеря. Побег не удался. Перевезли в лагерь города Ченстохов (Польша). В Ченстохове лагерная организация сопротивления поручила военнопленным: летчику-лейтенанту Соколову и Колчанову разработать план побега. Однажды Колчанов, подойдя ко мне, начал отвлеченный разговор о якобы распространившихся в лагере слухах о готовящемся побеге узников лагеря, а через несколько дней открыто, откровенно предложил мне принять участие в разработке плана побега.

После, ночью, мы исследовали всю канализационную сеть лагеря. В поисках выхода из лагеря всю ночь лазили по канализационному каналу. Выхода нет. Решили на следующую ночь организовать побег через проволочное ограждение лагеря. Для осуществления плана побега создали группу в пятнадцать человек.

Группа эта ночью подошла к ограждению лагеря, набросала досок и верхнюю одежду на проволоку. Все пятнадцать человек бросились на проволоку. Тяжестью тел проволока была порвана, образовав проход. Эсэсовцы подняли стрельбу. Из трехсот человек, участвовавших в побеге узников, ушли из лагеря не больше ста человек, остальные погибли.

На шестой день побега гестаповцы многих поймали, вернули в лагерь, в том числе и меня.

После неудавшегося побега из лагеря в Ченстохове меня перевезли в Нюрнберг, затем в Вольгаст, а оттуда на остров Узедом (Германия).

Здесь мне выдали полосатую одежду с продольными — синей и серой — полосами и с кругом на спине: знаком о совершенном побеге. Количество кругов на одежде означало количество побегов.

В лагере были узники с одним и двумя кругами. Узников, совершивших в 3-й раз побег, гестаповцы вешали, и трупы их висели до пяти дней для устрашения других.

В лагере я познакомился с русским военнопленным майором Афанасьевым, членом лагерной организации Сопротивления. Майор Афа-

насьев 9-го июня 1943 года организовал побег из лагеря: меня, Зубока Михаила Наумовича (проживает в г. Ростове-на-Дону—19, Ленгородок, Колодезная ул., № 38), Кравченко Евгения Васильевича (проживает в г. Ленинграде, 13 178, 16-я линия, № 19, кв. 81) и Николашина Евгения Васильевича (погиб в лагере Заксенхаузен). Мне известно, что Афанасьев до нашей группы вывел из лагеря три группы военнопленных. Афанасьев из лагеря не ушел, он остался для подпольной работы среди военнопленных. Перед нашим побегом Афанасьев при содействии немецкого антифашиста, работавшего районным инженером, направил узника Зубока Михаила Наумовича в составе команды из пленных на военный завод. На этом заводе, по сведениям, изготовлялся новый вид оружия — Фау-2.

Михаил Наумович Зубок получил задание: зарисовать снаряд, дать характеристику и технологию его изготовления. Задание это Михаил Наумович успешно выполнил.

После приступили к организации побега. Старшим был избран Зубок Михаил Наумович, а я проводником.

В день побега Афанасьев снабдил нас запасом еды, дал компас, кусачки, часы, топографическую карту и поручил нам передать советским воинским частям чертеж и описание технологии изготовления снаряда Фау-2.

Ночью в полу камеры вырезали лаз. Между полом и фундаментом — пространство, (которое) позволило нам ползком добраться до конца блока (барака). Цоколь блока заделан шифером. Шифер мы легко сняли с гвоздей. Выползли во двор лагеря. Была гроза. Шел сильный ливень. Побежали к ограждению лагеря. Вдруг яркий удар молнии. Кругом светло, как днем. Сердца у нас замерли — все пропало. Но обошлось благополучно: гестаповцев на посту не было, они ушли в сменное караульное помещение. Зубок М.Н. и я перерезали кусачками проволоку. Потом мы побежали прочь от лагеря. Шли в ночное время по направлению к Берлину, на реку Одер. Днем из опасения быть обнаруженными и пойманными укрывались в лесу, в лесопосадках либо в степи — в не убранных с полей хлебах.

Карту, компас, чертеж и описание технологии изготовления снаряда Фау-2 мы закапывали вблизи укрытия, а собираясь в путь, откапывали.

Так мы скитались больше месяца. Запас еды давно был съеден. Питались зернами хлебов, не убранных с полей, и картофелем. Однажды мы отравились несозревшим картофелем, который ели без хлеба и соли.

Сила с каждым днем покидала нас. На привалах, лежа на земле, прислушивались к малейшему шороху. Ноги откашивались идти, от усталости мы их не чувствовали, а поднимаясь с земли, долго не могли наступить на ноги и идти. Даже угроза быть пойманными не могла поднять нас с места привала и заставить бежать от опасного места.

Однажды мы услышали стук мотора мотоцикла. Спустились в кювет. Легли. Мотоциклист, по-видимому, заметил нас; ему показалось

подозрительным наше исчезновение; остановил мотоцикл в нескольких метрах от места, где мы лежали в кювете. Эсэсовец, освещая себе путь карманным фонарем, стал осматривать окружность. Мы быстро поползли по кювету в противоположную сторону от эсэсовца. Когда были сравнительно далеко — перебежали в лесопосадку. В лесопосадке набрали на зенитную пушку. Вблизи никого нет. Тотчас же вернулись к шоссе, прячась, настороженно стали выбираться из расположения зенитной части фашистов.

Через несколько дней, голодные, полураздетые, еле держась на ногах, вышли к разветвлению реки Одер на два русла, вблизи Берлина. Через мост, что на главном русле реки, мы не пошли. Мост этот охранялся эсэсовцами. На берегу обнаружили лодку; она была привязана цепью на замке. Воспользоваться лодкой и перебраться на другой берег реки мы не смогли, а вплавь добраться — слишком слабы. Спустились ниже по берегу реки, где был второй мост. Мост этот связывал берег реки Одер с островком, образованным разветвлением реки Одер на два русла. Охраны на мосту нет. Перешли на островок, где укрывались в лесопосадке.

Гестаповцы днем, охотясь на коз на островке, обнаружили нас, подошли, стали спрашивать, кто и откуда мы. Кравченко Евгений Васильевич хорошо владел немецким языком; он объяснил, что мы русские, убежали от бауэра (крестьянина), который бил и плохо кормил нас. Гестаповцы забрали нас и отвезли в тюрьму города Кюстрин. Спрятанные нами на островке сведения о снарядах Фау-2 и другие вещи, очевидно, хранятся и сейчас там.

В тюрьме города Кюстрин мы пробыли семь дней. В августе 1943 года меня и других перевезли в лагерь Заксенхауз. Здесь начались допросы, сопровождаемые пытками.

В лагере многочисленные блоки (бараки), а среди них блок в два этажа. Всюду в блоках трехъярусные нары, широкие проходы, а в центре проходов по 2 сторонам граненые деревянные столбы. Во втором этаже блока — комната, где гестаповцы производят допрос узников. Рядом с комнатой допроса — карцер. Здесь много трупов замученных пытками узников. Эсэсовцы трупы не убирают и не хоронят. Пытки производятся здесь же в блоке, в центре прохода, недалеко от комнаты допросов.

Пытали меня, Бельданова, Николашина и поляка Юзека (фамилию его не помню).

Первым пытали Бельданова в присутствии всех узников. Узников заставляли смотреть на пытки, очевидно, для устрашения.

Вслед за Бельдановым пытали меня. Подвели к столбу; руки назад; заставили прислониться головой и опереться плечами в граненый деревянный столб. Били резиновой плетью с металлической оплеткой; удары наносили медленно, с оттяжкой; вели отсчет количеству ударов; били до тех пор, пока терял сознание; бросали в карцер к трупам замученных узников. В карцере, когда возвращалось сознание, выводили на допрос.

Заставляли сидеть на «корточках», т.е. с согнутыми коленями; движение — удар плетью; терял сознание; опять карцер и снова допрос. Сажали на скамью с вытянутыми вперед руками; движение — удар плетью по голове или затылку; от удара падал со скамьи на пол; поднимался; опять скамья и вытянутые вперед руки. Иногда били «гуманно» не по голове, а по рукам; сидел с вытянутыми вперед руками, боясь пошевелиться; кружилась голова; сознание выключалось; падал; опять карцер, трупы и снова допрос. Заставляли ходить «гусиным» шагом; терял сознание; снова карцер и опять допрос.

В пролет между гранеными деревянными столбами клали шест; подвели; связали руки назад; конец веревки перебросили через шест; подтянули за руки от пола вверх; другой конец веревки закрепили за железное кольцо на граненом деревянном столбе; нестерпимая боль; вывих предплечий; терял сознание. Подвешивали три раза, каждый раз до 40 минут; снова карцер, трупы и снова допрос.

Такие пытки продолжались в течение 15 дней. Все это время находился в карцере среди трупов замученных эсэсовцами узников. Первые 10 дней — ни хлеба, ни воды, последующие пять дней — стакан воды в сутки.

В сентябре месяце 1943 г. Зубок Михаила Наумовича и Кравченко Евгения Васильевича увезли в Бухенвальд. Я и Николашин оставались в Заксенхаузене до конца 1944 года.

В этом лагере мы вели подпольную работу среди узников, имели связи с немецкими антифашистами, которые снабжали нас газетами и листовками на русском языке. Гестаповцы обнаружили листовки. Снова допрос, карцер, трупы замученных узников и опять пытки.

Николашин и Юзек погибли в Заксенхаузене от пыток, их трупы были сожжены в крематории.

Меня и Бельданова спас русский военнопленный — врач Чернооков Владимир.

После очередных пыток меня и Бельданова доставили в бессознательном состоянии в «ревир» (лагерная больница). В «ревире» две палаты: одна для смертников, другая для заразнобольных. Меня и Бельданова принесли в палату смертников. Гестаповцы в эту палату не ходили. Обслуживающий «ревир» персонал были узники, которые нас не трогали. В их обязанности было вменено — вынос трупов умерших узников в крематорий. В палате смертников я и Бельданов пробыли месяц. Когда я пришел в сознание в палате смертников, я считал, что пришел мой смертный час. Лежал неподвижно, чтобы не вызвать боль измученного тела. Мысленно прощался с близкими, родными мне, дорогими людьми. Иногда душа моя была опустошена: я был ко всему безразличен, безразлично воспринимал мысль о «неизбежном», т.е. смерти; не обращал внимания на стоны окружавших меня полумертвых узников, не обращал внимания на участливые заботы таких же несчастных, как и я, узников, обслуживающих «ревир».

Спустя месяц врач Черноокий В. перевел меня и Бельданова в палату заразнобольных. Гестаповцы во время обхода боялись подходить близко и прикасаться к постели больных. Мы этим воспользовались. Ко времени обхода гестаповцев мы накрывали головы одеялами, гестаповцы, не тревожа нас, проходили мимо.

Из Заксенхаузена узников отправляли в концлагерь Нейенгамме. С очередным этапом меня, Бельданова и Черноокого отправили в Нейенгамме. Из одного «лагеря смерти» волею судьбы я попал в другой «лагерь смерти» и оттуда на «корабль смерти» — «Кап Аркона».

В апреле 24 числа 1945 года днем узников «лагеря смерти» Нейенгамме выгнали из блоков. Часть узников на автомашинах, а часть пешком строем доставили на станцию железной дороги. Загнали в товарные вагоны. Вечером доставили в порт Любек. В тот же день ночью нас перегнали в трюмы на борт «Кап Аркона».

Трюмы переполнены людьми. Воздух пропитан кислым запахом потных тел, запахом разлагающихся трупов умерших узников от голода и болезней. Эсэсовцы трупы умерших из трюмов не выносили.

С 24 апреля до 3 мая — дня трагедии на «Кап Аркона» — узникам выдавали на сутки: 200 грамм эрзацхлеба с древесными опилками и 200 грамм маринованной свеклы.

Истощенные голодом и болезнями узники умирали каждый день. Я был в очень плохом состоянии: не мог без помощи товарищей ни встать, ни ходить. Я считал, что обречен на смерть. Лежа в трюме, я большую часть был в забытьи: не замечал и не обращал внимания, что происходит вокруг меня. Забываясь, вспоминал Родину, милых, любимых детей и жену. Я забывал, где я. Лишь громкий стон умирающего либо окрик эсэсовца возвращал меня к действительности. Тогда чувство безнадежности и отчаяния вновь овладевало мною. Спазмы перехватывали дыхание, горько-соленые слезы текли по щекам, плакал беззвучно, потом рыдал. Успокоившись, наплакавшись, забывался.

В ночь на 3 мая фашисты торпедировали находившееся в Любекском порту судно с женщинами и детьми. Мы видели через иллюминатор, как женщины с детьми прыгали в воду с борта тонущего судна. В море на катерах патрулировали эсэсовцы и расстреливали спасающихся. Были слышны полные ужаса и отчаяния крики матерей и плач детей.

В эту ночь из нашего трюма через иллюминатор ушли пять человек: Бельдянов, Ковалев, остальные фамилии я не помню. Они достали где-то пробковые пояса и спустились в воду. Удалось ли им спастись или они погибли, я не знаю.

3-го мая в 11 часов дня, лежа в трюме, я услышал два разрыва бомб, сброшенных на борт «Кап Аркона» английскими бомбардировщиками. Бомбами и были повреждены машинное отделение и борт корабля. На «корабле смерти» вспыхнул пожар.

Огромное судно «Кап Аркона» накренилось и начало тонуть. Трюмы заливало водой. Узники, кто был в состоянии, стали выбегать на палубу. Те, кто был слишком слаб, оставались в трюме и там погибли.

Страх смерти и жажда жизни придали мне силы, шатаясь, я добрался до лестницы трюма, схватился руками за поручни лестницы и, напрягая последние силы, пополз вверх, к выходу из трюма. Вода затопила почти весь трюм, грозно, неумолимо подступала ко мне все ближе и ближе. Вот вода уже у моих ног. Последнее усилие, и я достиг выхода из трюма. Здесь силы покинули меня; руки соскользнули с перил лестницы; я стал падать в воду. Вдруг я почувствовал, что кто-то подхватил меня и вытащил на палубу. Это был узник из Днепропетровска — Ткачев.

На палубе я увидел незабываемую, страшную картину гибели тысяч людей. На корабле бушевал пожар. Люди прыгали в воду с головокружительной высоты борта «Кап Аркона». Всюду крики ужаса и смертельного страха. Пулеметные очереди. В море — каша людей, и среди них катера фашистов, стрелявших из пулеметов в несчастных узников.

На палубе «Кап Аркона» та же страшная, незабываемая трагедия. Истощенные голодом узники обнаружили бочку с маринованной свеклой. Голодные люди, не обращая внимания на бушующий огонь, на стрельбу, на крики гибнущих в море, бросились за свеклой. Около бочки образовалась пробка: сильные сбивали с ног слабых, слабые падали, их тела топтали другие.

В другом месте кто-то обнаружил на судне несколько десятков буханок хлеба — эрзац-хлеба с древесными опилками. Узники бросились за хлебом. Та же незабываемая картина, что и у бочки со свеклой.

В схватке голода с жизнью погибло много обездоленных, измученных в концлагерях узников.

Ткачев, вытащив меня на палубу «Кап Аркона», где-то разыскал резиновый спасательный круг. Круг этот Ткачев надел на меня. Мы прыгнули в воду. Всплыв на поверхность моря, Ткачев подплыл ко мне, руками схватил круг. Мы плыли к противоположному от порта берегу.

В холодной воде ноги и руки сводили судороги. Расстояние в пять километров мы плыли больше пяти часов. Силы оставляли нас.казалось, не доплыть нам до берега. Страх перед смертью победил — мы доплыли.

На берегу ноги отказались передвигаться. Мы долго лежали на берегу у моря. Нас подобрала английские танкисты и доставили в свой военный госпиталь.

Через две недели англичане отправили нас в Русское Бюро № 22 625 по репатриации пленных, где начальником был товарищ Гордеев.

В Бюро я встретил много узников из других, обреченных на гибель судов. Один из узников, фамилию не помню, рассказал мне, что узники с судна, на котором он находился, избежали участи узников «Кап Аркона».

Капитан, командовавший на этом судне, очевидно, был антифашист; смог организовать команду из преданных ему матросов, капитулировал.

Когда начался обстрел судов английскими бомбардировщиками, капитан вывел всех узников на палубу судна, поднял белый флаг, взял курс к берегу, где были войска союзников, и тем самым спас многим жизнь. Фамилию капитана рассказывающий не знал.

Русское Бюро по репатриации 20 мая 1945 года эвакуировало меня в местечко, название не помню, вблизи города Штеттин, в русский военный госпиталь, а оттуда в Польшу, где я был в госпиталях городов Ковалево, Торно и Глевица примерно семь месяцев. После меня эвакуировали на Урал, в город Березники, где был в госпитале пять месяцев.

Всем узникам, спасшимся при трагической гибели «корабля смерти» «Кап Аркона», Русское Бюро по репатриации № 22 625 выдало справки, в том числе справка была выдана узнику № 47 059 Корсунову Ф.Д. следующего содержания:

«Справка

Дана Корсунову Федору Дмитриевичу, рождения 1911 года, № 47 059, что он находился в концлагере Нейенгамме, в Гамбурге был эвакуирован на пароходе «Кап Аркона» и спасся во время (его затопления).

Сейчас находится в Нейепштадт в Хольштейн.

(Русское Бюро (печать Нейепштадт (Хольштейн)

14 февраля 1965 г.

Товарищ Гордеев № 22 625 (подпись)».

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 56. Л. 108—117 об. Подлинник.

№ 104

Побеги из плена

Я решил рассказать нашей молодежи, что пережил я, мои друзья. Хочется назвать своего друга Сафали Адулай Ададовича, азербайджанца из Баку, с которым мы были закованы вместе цепями, хочется назвать других друзей, с которыми бежали из глубокого немецкого тыла и пробивались 19 суток на восток.

На фронт я пошел 8 июля 1941 г. Был я зачислен в 93-й кавалерийский полк и назначен командиром орудия. Первый бой мы приняли у реки Западная Двина. Наше орудие было установлено на открытой, передовой линии. Первым выстрелом, метким и точным, нам удалось подбить немецкий танк. Со стороны немцев по нашему орудью был дан сильный огонь. Орудие было разбито, я волной был отброшен, контужен и тяжело ранен. Это было 22 июля 1941 г. вечером.

В тяжелом, бессознательном состоянии я был захвачен в плен, направлен в лагерь военнопленных в г. Минск, а из Минска эшелонам был направлен в Восточную Пруссию, позже в Германию, г. Фистенберг,

лагерь № 3. Первое время я не работал, больше лежал в бараке, раны мои стали гноиться, появились черви. Друзья по бараку, чем могли, помогали, кто стащит бинт, кто и марганцовки достанет. Стали просить коменданта лечить меня; положили меня в лазарет. Немцы в начале войны еще благодушно были настроены, занимали наши города, села, деревни, думали — им так легко достанется и Россия, как те, другие покоренные ими страны. Поэтому меня, видимо, они и не расстреляли, видимо, увидели, что сложения я богатырского был, сказали: «Подлечим, «скотом» хорошим будет!»

Да не тут-то было! Русского сломить трудно, гордость наша мужицкая сильна.

Вернулся я из их лазарета и стал готовить ребят к побегу. Но тут приехали немецкие помещики — «бауэра» и стали отбирать к себе рабочий люд. Попал в их число и я. Увезли нас в бауэрское поместье в 200 км от Берлина, тогда это был глубокий немецкий тыл. Днем мы у бауэра сажали картофель, а на ночь нас, как скот, загоняли в бывшую конюшню, запирали на огромный замок. Окна были узкие, забитые решетками из лобогреек (концы заострены). Проработав с полмесяца, обдумав план побега, заготовив спичек, решено было бежать в одну из темных ночей. Многие считали наш побег бессмысленным, слишком далеко было до линии фронта. Желающих бежать оказалось пятеро. Жаль, что фамилий этих товарищей не помню, знаю только, что один был из Москвы, двое из-под Москвы, один сибиряк и я из Кавказа. Набросав на заостренные концы решеток шинели, мы согнули их и через окна бежали. Шли в одном направлении — на восток, шли ночами. Днем отсиживались в лесах, оврагах.

Шли 19 суток. Вначале питались корой, потом случайно попалась коза, потом снова кора. На 20-е сутки около г. Познани вечером в лесу, не зная, что находимся вблизи дороги, т.к. чаща была густой, решили стготовить себе ужин; трое из нас пошли собрать сушняк, а двое готовили ужин; нас троих заметила охрана дороги, которая охранялась полицейскими с собаками. Мы бросились бежать, но было поздно, нас догнали собаки, стали рвать на нас одежду, кожу. Нас арестовали троих, а о судьбе тех двух товарищей так мы и не узнали, видимо, им удалось бежать.

Повели нас в Познань, в гестапо, избили, перевели в тюрьму в центре города, после чего направили нас в г. Вальштейн — лагерь военнопленных. Там посадили каждого в одиночку в темницу на 21 сутки, а оттуда снова в Познань, в лагерь военнопленных. Там я пробыл год, на моем костюме, спине, руках, брюках, был написан красной краской крест. Это знак о совершенном побеге, но мысли о втором побеге не давали мне покоя. Не выносит русская душа насилия, не могла переносить рабства. Здесь я познакомился с Сафали Адулай Анадовичем — азербайджанцем из Баку, с честным, хорошим, настоящим советским другом, с такой же натурой, как моя. Мы быстро с ним сдружились, двух товарищей я уже

больше не встречал; с Сафали мы быстро поняли друг друга, мысли у нас были с ним одни: «Бежать!» Мы стали готовить план побега, стали готовить себе попутчиков. В бараке нас было человек 30.

Соглашались все. Стали готовиться, но постепенно пришли к выводу, что побег бессмыслен, т.к. слишком глубокий тыл, до своих не добежать! Верен слову остался Сафали, решили мы с ним рискнуть. Если побег будет удачен, нашему примеру последуют другие. Стали первыми.

Однажды вызвали меня из барака к коменданту; захожу. Рядом с комендантом сидел офицер в немецкой форме и на чистейшем русском языке стал агитировать меня вступить во власовскую армию. До чего гадко было слушать речи предателя, кулаки сжимались, сердце обливалось кровью. Я еле сдержался, чтобы не плюнуть ему в лицо. Я ответил ему, «что я русский солдат, родился в России, принял присягу в русской армии, в другой армии служить не присягал, а значит, и воевать против России, против своих братьев, которых у меня пятеро, но они воевать не будут». Долго упрашивали, угрожали, но... бесполезно. Меня отправили в другой барак, чтобы не встречался я с товарищами, которых стали водить по одному человеку к нему, и скоро ко мне весь барак пришел. Ох, как легко на душе стало!.. Значит, предателей своей Родины не оказалось среди нас, и как было хорошо смотреть друг другу в глаза, передать это чувство трудно.

Мысль о побеге не оставляла ни на минуту меня. Месяц мы с Сафали готовились к побегу. Барак наш был без окон, деревянный, одна дверь запиралась на замок и охранялась часовыми. Один часовой охранял несколько барачков. В углу барака находился умывальник, около которого было небольшое окно, забитое гвоздями. Ежедневно по несколько гвоздиков вынимали, а которые поглубже сидели, расшатывали. И вот настала намеченная ночь, прослушали, где ходит охрана, легко вытащили остальные гвозди и по одному вылезли из окна. Удачно! Не заметили! Не передать этого чувства наслаждения свободой. Откуда взялись силы! Шли 5 суток, опять, как и первый раз, шли ночью, днем отсиживались в лесу, в копнах. Путь опять был тот же — направление на восток. Все шло хорошо, но вот путь нам преградила река. Сафали не мог плавать. Я решил узнать, глубока ли река, нельзя ли ее перейти вброд, но река оказалась очень быстрой, меня течением сбило с ног и понесло меня вниз по реке, сказалась слабость. Кричать было нельзя, т.к. было близко селение. Несло меня быстро, еле-еле, приложив все оставшиеся силы, выбрался я на берег. Пошел вверх по берегу к Сафали, он бежал мне навстречу с моими товарищами. Там перебраться мы не смогли и пошли вдоль реки.

Пройдя ночь, мы выбрались в лес, который оказался городской рощей. Легли в чашу и уснули. Вдруг слышим разговор мужской и женский. Видим, около нас стоят молодые поляки и говорят нам: «Паны невольники, вас ищут, ищут везде, уходите отсюда скорее». Отдали

нам продукты, которые у них были с собой, и мы быстро от них ушли. Вышли к реке, нашли овраг и там провели весь день. В ночь мы опять пошли вверх по реке, минуя рощу. На пути нам встретилась железная дорога. В 10 часов вечера мы хотели перейти ее, и только мы вступили на путь — мы заметили немца офицера с женщиной, вернулись и пошли вдоль пути, но он нас заметил. На той стороне, где шел офицер, был лес, мы решили обогнать его и скрыться в лесу (думая, что он нас не заметил), но он специально спрятался. Потеряв их из вида, мы стали перебегать железную дорогу, тут он окликнул нас, стал стрелять. Мы бежали по дороге, которая, оказывается, вела в город. И тут навстречу полиция, нас забрали, хотели сразу пристрелить, но женщина, которая была с ним, стала просить его не убивать нас. Они положили нас вниз лицом, били ногами, прикладами, а потом подняли мою руку и руку Сафали, сковали цепью и повели в том направлении, где мы хотели перебежать дорогу. Ввели нас 2 полицая и немецкая овчарка. Привели нас в полицию (оказалось, что железная дорога перерезала этот город). Сняли допрос, одели наручники, кандалы на ноги, привели в камеру, посадили на деревянный топчан, приказали лечь. Смотрю — достают цепь, вдевают в ту цепь, которая находилась на ногах, и протягивают к стенке, где находилось кольцо. Итак, нас приковали к стене. Всю ночь мы были прикованы, утром открыли камеру, отперли цепи и разрешили выйти принять туалет с цепями на руках и ногах. И так продолжалось месяц. Через месяц с нас с Сафали цепи были сняты, и мы были снова с ним отправлены в лагерь г. Познани, только теперь в наручниках, прикованные друг к другу. Привели нас в гестапо г. Познани, и после допроса были направлены в особый лагерь гестапо. Кормили нас брюквой, щи из брюквы, хлеб из свеклы, 300 гр.

Просидев вместе с Сафали с полмесяца, нас однажды вывели на прогулку и показали, как трех наших русских товарищей, прикованных друг к другу в клубок цепями за убийство часовых, били на наших глазах, после чего повесили. В этот лагерь гестапо попадали те, кто бежал, за побеги, за убийство, за неподчинение немцам. Здесь были особенные порядки. Утром, выпуская на прогулку, стоят у дверей двое немцев и бьют плетками, палками, чтобы быстро выходили, ослабленные получали 3—4 палки по спине, голове, не успев быстро пройти. Сам барак был набит людьми, душно без воздуха; ослабленные, раны мои стали гнить без перевязки. Ежедневно 2—3 человека выносили мертвых. Лежать негде было; сидя спали, лагерь был оцеплен в 3 ряда колючей проволокой, и через 100 м часовой, вся территория ночью освещалась прожекторами. Кормили 1 раз в день.

Вскоре мы с Сафали были отправлены в концлагерь Дахау поездом. Вместе с нами были отправлены еще 100 чел. Ехали сутки, прибыли ночью, привели в лагерь, затем в баню. Состригли на голове волосы по бокам и оставили полосу вдоль головы в 2 пальца (такой прическе

вмиг мы дали кличку «Гитлерштрассе»). После этого повели нас в карантинный барак, метров за 200 от бани. Были уже заморозки, а мы шли голыми. Одели нас в рябую полосатую одежду. По утрам выстраивали на плацу и по команде «Мицен-аф» заставляли снимать колпаки, команда «Мицен-аф» — одеть; не успел снять и одеть — выводили из строя, били в грудь, заставляли сесть на корточки и сидеть, пока не окончится вся процедура издевательства, — минут 20.

Барак не закрывался, т.к. проволока находилась в 3 ряда под большим электрическим напряжением. Мы были голодны, в помойной яме собирали объедки, делили их пополам. Сафали промывал мне раны. После 10-дневного карантина в этом бараке перевели нас в другой барак, переводили группами 5—10 человек. Подошла моя очередь заходить в барак, я увидел, что всех укладывают лицом к ногам товарища. Я был возмущен и лег лицом к лицу Сафали, за что меня схватили, били ногами, палками, в бесчувственном состоянии я был почти до утра. На работу нас не водили. Это был лагерь для политзаключенных. Были здесь французы, русские, немцы. Во дворе возвышалась большая яма, откуда шел дым от сожженных трупов.

Все это время мы были с Сафали, другом, которого я никогда не забываю. Через полмесяца меня разлучили с ним и направили меня в лагерь Маутхаузен на р. Дунай. Выдали нам металлические номера, и носили мы их на руке, как знак. За потерю этого номера получал возможность попасть вскоре в крематорий.

Носили камень на руках в лагерь из каменного карьера за полкилометра, кормили плохо, били за все, упал — бьют, идешь медленно — бьют, сел передохнуть — бьют. Говорят, увели в баню — увели в крематорий. Из Маутхаузена был направлен в концлагерь в г. Целу (1944 г.), работали в ночное время на автозаводе. Шли на работу в строю по 4 чел. в шеренге, держа один другого под руки, если бы кто бежал (а мысль эта все время преследовала), то были бы расстреляны три шеренги. У нас здесь была подпольная организация, руководимая бывшим подполковником (фамилию не помню). Устроился он работать специально у начальника лагеря денщиком для того, чтобы читать газеты, слушать приемник (на немецком языке, владел он им в совершенстве). Ждали мы его с нетерпением, и, когда он входил, мы окружали его, и дух захватывало от радости от таких известий. Наши наступали, наши перешли границу, наши подходят к границе Германии и на подступах к Берлину.

Подпольная организация следила за тем, чтобы меньше было умерших, поднимала воинский дух, вселяла надежду. Ослабевшим собирали ото всех понемногу и подкармливали их. Подполковник разбил нас на три команды, так как он узнал, что нас отправляют в глубь Австрии. Те, кто попал (я был в том числе) в команду подполковника, должны были в пути напасть на конвой, убить и сбежать всем. Повели нас на Штаер, но осуществить план нам не удалось, т.к. отступала большая немецкая

армия. Из 300 человек до Штаера дошло 100 человек, остальные были пристрелены, умерли от голода.

В лагере нас не водили на работу, сидели в бараках. В мае месяце подали приказ — идти строиться. Переводчик объявил: «Специалисты — направо, не специалисты — налево». Мы уже знали, что кого-то из них поведут в крематорий Маутхаузена, но кого — специалистов или не специалистов?

Я встал в строй не специалистов. Дали команду — не специалистам разойтись, специалистов — под строгий конвой и повели. Через 4 часа конвой вернулся, и тут нам стало известно, что наши товарищи были расстреляны в лесу.

А через некоторое время, т.е. через три дня, наши войска освободили нас. Я долго лечился в госпитале, потом был назначен комендантом по отправке эшелонов репатриированных и военнопленных. Служил в Одессе до 1946 г. А в 1946 г. вернулся после демобилизации из Красной армии домой.

С благодарностью

Краснопольский Г.К.

б/д.

Ставропольский край, село Петровское.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 35. Л. 48—56.

№ 105

Подвиг лесника

В дни трагической годовщины начала войны мне хотелось бы отметить не столько боевые эпизоды, а верность Отчизне, дружбу и стойкость людей в тяжелые для Страны дни оборонительных боев 1941 и 1942 гг., которые, кроме физической боли, наносили малостойким людям непоправимое моральное самоуничтожение.

Мне, имеющему небольшой опыт войны с белофиннами в 1940 году, запомнился один из дней больших боев и потерь, когда самому пришлось в этой обстановке решать и отвечать за людей. Особенные переживания были у меня вторично в день, когда в конце мая Студия телевидения передала некоторые кадры о леснике Москаленко из-под г. Добруш. За длительностью времени фамилию не запомнил, но думаю, что это тот лесник, который помог нам выйти к своим частям.

Лично я и, видимо, все, кто жив сейчас, передают семье его желание быть здоровыми и наисчастливейшими. Память о леснике и его семье как о больших патриотах страны не должна меркнуть.

Ополченческие дивизии Москвы готовились выступать на фронт. Из 19-й Красногвардейской вызвали 22 офицера (в том числе и меня) и направили формировать линейную 266 стрелковую дивизию в г. Калугу. Еще 200 человек не обули (не было сапог), но эшелоны поданы.

Фашисты рвутся к Киеву, ломая оборону 21-й армии. Стараются окружить его. Наш 1010-й стрелковый полк в первых эшелонах подходит к р. Сож. Уходит из Гомеля под бомбежкой последний эшелон с оборудованием и сопровождающими людьми.

Не ожидая подхода тыловых подразделений полка, батальоны направляются через г. Добруш к лесной деревушке М, где немцы стремятся отрезать последнюю нить — дорогу отхода частей нашей армии. Удерживаемый рубеж останки 219-й мотострелковой дивизии, которой подчинили и нас. С хода батальоны бросаются в атаку, но безрезультатно, люди мало подготовлены, велики потери. Тяжело ранены командир дивизии и рядом командир полка, майор, контужен начальник штаба капитан Уманский.

К утру фашисты отрезают нас от дороги, обороняясь, удерживаемся в лесу 3 дня. Немного продуктов дали встреченные партизаны.

Встретили офицера связи дивизии, который должен был доставить нам приказ об отходе, но уже поздно — переправы разбиты, р. Сож глубока. Остатки нашего полка малоподвижны — много раненых. Тяжелораненых, несколько десятков человек, оставляем у домика лесника. Ухаживают за ранеными маленькие девочки и женщина.

Пришел нам на помощь лесник, на рассвете 29 августа 1941 года перевел через Сож выше д. Романовка. Человек 120 здоровых, человек 35 раненых. Удалось даже перетянуть оставшуюся у нас одну 76-мм полевую пушку и 4 станковых пулемета. Из офицеров остались я (первый помначальника штаба полка) и молодой лейтенант — артиллерист...

Отдохнули и за несколько дней поели. Нашли какую-то дивизию, командир которой на ходу передал нам оставшиеся у него от двух артиллерийских полков 1 гаубицу и 1 пушку 76-мм дивизионную, плюс наша. Приказал выбить немцев из Романовки (это уже на нашей стороне). Выгнать не удалось, но задержали немцев на сутки. За это время другие подразделения и раненые отошли на новый рубеж. Считаю, что только большая преданность Родине лесника оказала помощь на этом участке в эти тягчайшие дни. Капитан Уманский с группой красноармейцев как будто вышел из окружения позже.

Прошел год, за это время побывал я в госпитале, заехал к отцу в Донбасс с одним товарищем, немцы уж были на подступах, и отец 80-летний спросил: «Хлопцы, де ж ваши замки?» — намекая на «границу на замке». Другие были в окружении, и все выходили.

Встретил в лице командира бригады (10-я Запасная стрелковая) бывшего командира 266 стрелковой дивизии, пришел из окружения. Оказался я у него в 390 стрелковом полку южнее г. Сталинграда (август 1942 года), на последнем кольце обороны. Тяжелые бои, недостаток воды и боеприпасов. У с. Нариман немцы. Начальник оперативного отдела бригады майор просит продержаться и сообщает, что на помощь идет танковое подразделение. Фронт держится по длине, положенной

по уставу, а людей в полку после нашей атаки на Двойную балку сотня человек. В тылу у нас такие же остатки 8-го Гвардейского стрелкового полка.

Немцы на танках Т-34 с красными звездами на бортах заходят с тыла. Связь потеряна. Ожидая своих танкистов, солдаты вылезают из щелей показать цели, куда направиться танкам, неожиданный и сразу не понятый огонь из танков уничтожил много наших воинов и офицеров.

К ночи остались в тылу у немцев, за линией фронта. Командир батальона капитан Зубов, батальонный комиссар Олейников и политрук Гольдберг¹⁵¹ (точное окончание может быть другое), пользуясь сильной темнотой, собирая остатки живых и подвижных раненых, натолкнулись на меня — тяжело раненного. К утру общими усилиями добрались к своим и опять — в оборону на окраине города.

Мне хотелось бы отметить отвагу молодой девушки Зины Бондарь, за первый год войны она была дважды ранена. Попав в начале 1942 года к нам в часть, она исключительно героически вела себя в бою, собирая и перевязывая раненых. Отца у нее не было, воспитывалась она в детском доме в г. Кривой Рог на Новоукраинской улице, окончила техникум по специальности топографа, но не захотела работать в дивизии по специальности, ушла на передовую. Была возможность отправить ее из Сталинграда, но она отказалась уходить. Видимо, погибла — у нее был адрес моей жены, чтобы она сообщила, если чего ей надо, но до сих пор не разыскалась она, а встреченный лейтенант из части уже после войны сказал, что она, видимо, погибла у элеватора. Хотелось бы, чтобы детский дом, где она воспитывалась, знал о его воспитанниках.

В такие дни, казалось бы, последние дни жизни человека и своей Родины, люди находили силы и волю сопротивляться, несмотря на все лишения.

*Кривенко М.Г.
г. Москва.*

16 июня 1961 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 35. Л. 133—138.

№ 106

Помог бежать немец — коммунист¹⁵²

Я вспомнил рассказ своего соседа, который я буду вести от своего имени.

В нем нет ничего героического, и я не знаю, напечатают ли его...

Война застала меня в одном из сел Винничины — Белиловке. Я, рядовой колхозник, изготовлял сбрую для лошадей, так как по профессии был шорником.

---

¹⁵¹ Так в тексте.

¹⁵² Фамилия не указана

Немцы были близко, но никто из односельчан не думал, что наша местность будет оккупирована, что зверства фашистов они увидят собственными глазами.

Я был откомандирован в соседнее село изготовлять сбрую для колхозных лошадей. Срок моей командировки кончался, когда вдруг по селу пронесся слух о том, что в Белиловке немцы.

Я со всех ног бросился к своему родному селу. Уже издалека было видно зарево, поднявшееся над селом.

Вот и мой дом. Ужас сковал мои движения.

Во дворе лежала жена с грудным ребенком. Вокруг них лужа крови. У меня помутился взор, мне казалось, я сейчас упаду и не смогу встать. В это время из-за угла дома показались фашисты. Они заметили меня, стали стрелять. Я бросился бежать. На повороте я почувствовал, как что-то кольнуло меня в спину. Я резко повернулся в сторону дороги. Этот поворот спас мне жизнь. Пуля прошла через грудь, изменила направление и вышла через руку.

Я вбегаю в первый попавшийся мне навстречу дом. В нем жила Мария Гуменюк. Она и выходила меня. Целый месяц я прятался у нее, пока не излечил рану.

Потом мне пришлось скитаться по селам, помогая сельским жителям в работе.

Я встретил своего коллегу по работе. Его звали Семен Р.

Однажды Семен отправился на поиски какой-нибудь работы. То ли он неосторожно вел себя, то ли еще была какая-то причина, но его схватили фашисты.

«Юда — партизан?» — спросил мордастый ефрейтор.

Семен затрясся от страха, беззвучно шевеля губами: «Нет, я не партизан, но покажу вам партизанского комиссара». И он привел фашистов к тому месту, где прятался я. Меня схватили, долго пытали, но так как я ничего не сказал, да и ничего не знал об отряде, меня бросили в Житомирскую тюрьму.

Шло время. Наша армия освобождала город за городом, приближаясь к Житомиру. Каждый день из разных камер выводили товарищей на расстрел.

Ждать было невозможно.

Спасение пришло, и совершенно неожиданно. В караульной команде был коммунист — немец. Мы договорились с ним о побеге.

Благодаря ему спаслось 130 человек.

*Кригер.
г. Львов.*

20 апреля 1965 г.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 35. Л. 189—190.

Жили и боролись в концлагерях

Сегодня, 3-го апреля 1965 г. я получил письмо из г. Чернигова, ул. Урицкого, 31, от Шаллар Юлии Ивановны, в котором она обратилась с просьбой сообщить, что я знаю о ее муже, летчике, капитане Шаллар Григории Лукиче. Ниже привожу текст ее письма.

«Уважаемый Григорий Гаврилович!

«Мне стало известно о том, что Вы были вместе с Шаллар Григорием Лукичем во время Великой Отечественной войны и можете сообщить нам подробно обо всем, что произошло в то страшное и незабываемое время с Григорием Шаллар. Очень прошу Вас не посчитаться со временем и написать нам о его судьбе. Будем очень благодарны. Ждем с нетерпением ответ. Мне кажется, что он жив и мы еще встретимся.

Жена, Юлия Ивановна Шаллар.

Передаем Вам большой привет и хорошего, крепкого здоровья. Ждем ответ!! Адрес: ...»

Я знал его, вместе плечом к плечу боролись с ненавистным врагом человечества — фашизмом в условиях террора и мракобесия концлагерей смерти гитлеровской империи. Я думаю, что не только должна знать о своем муже жена Юлия Ивановна Шаллар, как жил и боролся в невыносимых условиях в фашистских концлагерях смерти Григорий Шаллар. Но на примере его стойкости, мужества и несгибаемой воли пламенного патриота своей Родины, отдавшего жизнь за освобождение от гитлеровских полчищ и дальнейшее ее процветание, должна воспитываться наша советская молодежь.

В моем рассказе нет никакого вымысла, что ниже написано — испытано, пережито, и видены мною все зверства фашистских палачей. Все, что сохранилось в памяти, все, что хранится в сердце моем, я кладу на бумагу. Первый раз я описываю свои воспоминания из прошлой жизни страшных военных лет Великой Отечественной войны. Если я не так пишу, непонятно, вы извините меня за неподследовательность.

Я, бывший узник концлагерей смерти Майданек, Бухенвальд, Дахау и лагеря Оснабрюк, всегда с содроганием вспоминаю о страшном пережитом времени фашистского рабства. Мне было всего шестнадцать мальчишеских лет, когда худое, измученное, истерзанное тело находилось в самых страшных руках гестаповских палачей, отнявших не одну человеческую жизнь. Это были самые жестокие и беспощадные костоломы. Никакие годы не смогут стереть в памяти людей следы кровавых преступлений извергов фашистов. В шестнадцать лет я испытал и пережил то, что никогда не увидят и не испытают поколения веками, если люди мира не дадут вновь воскреснуть нацизму, не дадут поднять голову оставшемуся недобитому змею — фашизму.

Еще не все имена героев, отдавших жизнь в борьбе со злейшим врагом человечества и оставшихся в живых, известны на сегодня. Еще не все злодеяния, учиненные фашистами над людьми, известны народу. Слезы матерей, жен, родных и друзей еще по сегодняшний день не высохли на их невыплаканных глазах.

Познакомился я и сдружился с Григорием Шаллар в концлагере смерти Дахау, в 27 блоке, третьей штубе. Вот какие трудные, неторные дороги, через пытки, гестаповские тюрьмы, через все лишения, через саму смерть привели нас к встрече...

Из концлагеря Майданек в Польше меня фашисты перебросили в лагерь Ослабрюк в 50 км от Гамбурга на каторжные работы, где за участие в организации группы Сопrotивления, объявление голодовок, саботаж, за побег из лагеря приговорили к пожизненному заключению в концлагере смерти Бухенвальд, заменив смертную казнь через повешение. До Бухенвальда меня прогнали через восемь фашистских тюрем, настоящих осиных гнезд гестапо.

В Бухенвальде я находился в восьмом блоке малолеток, первой штубе. Гоняли меня вместе с командой взрослых на каторжные работы в Штаинбрух (Каменоломню). Подпольный комитет концлагеря Бухенвальд спас меня от неминуемой гибели. С помощью шранштубы внес мой лагерный номер 17 655 в списки этапируемых в концлагерь Дахау.

Дахау, такой же лагерь смерти, как многие другие концлагеря, со своими свойствами и методами уничтожения людей. В лагере имеется обширная площадь построения с виселицей в центре. Страшный крематорий, день и ночь пожирающий человеческие жизни, только черный густой дым со смрадом. Из высокой закопченной трубы расстилается над лагерем смерти (пепел), падая на землю тяжелыми хлопьями. Рядом с крематорием навалены две большие кучи человеческих трупов, не успевающих пройти через огненное чрево фабрики смерти, а убитых, замученных, расстрелянных, отравленных газом и еще живых все везут и везут в этот страшный, все поглощающий ад. Кругом мрак и смерть, и человек в этом фашистском вертепе чувствует себя не живущим на земле, а в загробном мире, где всюду трупы и смерть, блуждающая с тобой всегда рядом. В концлагере Дахау имелись на нечетной стороне три блока, 1—3—5, называемые санчастью или лазаретом больных. Это только так назывались, а на самом деле эти блоки являлись филиалом института какого-то фашистского профессора, где вместо оказания медицинской помощи делали в этих блоках-лазаретах всевозможные эксперименты над живыми людьми. Заражали людей всякими заразными болезнями, малярией, замораживали в ваннах, опускали человека в ванну с водой и подключали ток высокого напряжения, закрывали в камеры и выкачивали воздух, испытывали отравляющие вещества. Во власти палачей находились десятки тысяч подопытных человеческих

жизней. Лагерь смерти Дахау подразделялся на два вида узников — рабочих и не работающих. Не рабочие заключенные содержались в нечетных блоках, с 7 по 31. Рабочие — со 2 по 30. Все нечетные блоки были опутаны колючей проволокой, чтобы узники не могли между собой общаться. Каждый блок состоял из четырех штурб. Эти секции блоков настолько были забиты людьми, что четырехэтажные нары не могли вместить всех заключенных, плотно ложившихся друг к другу. Сколько за годы фашизма нашли вечный покой на этих жестких и холодных нарах людей многих стран Европы. Десятки тысяч людей, согнанных фашистами из разных стран на пожизненную каторгу, насильно оторванных от родных мест, людей, измученных непосильным, каторжным трудом, голодом, плетью и пытками палачей, уже отчаявшихся дожить до дня освобождения из фашистского рабства.

Для заключенных изолированных 13 блоков был установлен жесткий режим. С 5 утра до 11 ночи в любую погоду круглый год всех выгоняли на улицу. Отощавших и больных, всех, кто не мог ходить, увозили вместе с трупами к крематорию и сжигали живьем. Концлагерь Дахау по своим ужасам и методам уничтожения людей фашистскими извергами не отличался от Бухенвальда и многих других лагерей смерти гитлеровской империи.

Не работающим заключенным, находящимся в изолированных блоках, давали четверть положенного пайка. Такого малого количества пищи хватало на то, чтобы продлить агонию умирающих от истощения и упадка сил. Полученные несколько граммов хлеба я умел сэкономить его, отламывая по маленькому кусочку, клал в рот и медленно сосал, как конфетку, стараясь продлить удовольствие. Это было страшное, незабываемое время.

Если бы человечество нашей планеты взглянуло на людей, содержащихся в изолированных блоках, пришло бы в неопишумый ужас и потребовало бы окончательного уничтожения нацизма, стереть с лица Земли кровавый фашизм, и чтобы уста человеческие никогда не произносили это мерзкое слово.

Может ли сейчас идти речь о прекращении преследования нацистских военных преступников, после стольких совершенных злодеяний на Земле, нет! Никогда не должно быть им пощады! Надо преследовать их до тех пор, пока не понесет заслуженной кары последний фашистский преступник, а скрывающие их подлую личность одинаково к ответу. Самая суровая кара гитлеровским палачам, вот мое слово, слово бывшего узника фашистских концлагерей смерти! Прибывший этап из Бухенвальда в Дахау разместили по изолированным блокам. Меня поместили в 27 блок, третью секцию. В четвертой секции этого блока содержались штрафники из других лагерей смерти, привезенные в Дахау. Там были из Освенцима, Маутхаузена, Эбензес и др. в т.ч. и штрафники Дахау. Эта секция была изолирована особо колючей проволокой,

через которую проходил ток. Когда нас — несколько человек с этапа втолкнули во двор 27 блока, через калитку ворот, опутанных колючей проволокой, и вахтером, охраняющим выход, я пришел в ужас при виде потрясающей картины. Двор между 25 и 27 блоками был забит заключенными. Трудно было пройти к третьей секции. Стоял жаркий летний день. Солнце палило нещадно. Люди сидели, накрывши голову что чем мог. Лежали, недвижимые, растянувшись во весь свой скелетный рост, бесчувственные, словно трупы, настолько худы, только кости обтянуты, как пергаментом. Сморщенные пожелтевшие лица, заострившиеся носы, глубоко запавшие глазницы с потухшим взором. Мертвых стаскивали в кучу к стене 25 блока, а то и вовсе не обращали внимания, трупы рядом лежали с живыми, и сразу трудно было понять, где живой человек, а где умерший.

Оживали заключенные, когда привозили еду. В глазах вспыхивал огонек жадного голодного зверя. Все сползались в очередь к баку с пищей, если только можно было назвать пищей баланду из брюквы, капустных листьев и еще чего-то. Человек проглатывал ее моментально. Глаза теряли тот живой блеск. Человек по-прежнему становился ко всему безразличным до отупения, шел и ложился рядом с тем, кто уже не вставал и никогда больше не встанет за этой вонючей баландой, да и сам, кто только что лег рядом с трупом, через несколько часов будет лежать вместе в общей куче мертвецов около стен крематория. В 27 блоке я познакомился с Кошкиным Николаем Васильевичем, который жизненную роль сыграл в моей лагерной жизни. Сам он из Орехово-Зуева Московской области. Мы стали с ним друзьями, делили все тяготы фашистской неволи, вместе выполняли задания подпольного комитета. Это был умный, мужественный советский человек, всем сердцем ненавидящий фашистов, воодушевлял и поддерживал моральное состояние тысяч узников.

В 1944 году в 27 блок, в третью секцию, где находились и я с Николаем Васильевичем, пригнали 74 измученных пытками, прошедших весь ад гестаповских застенков военнопленных офицеров Советской Армии, взятых в плен ранеными, контужеными, потерявшими сознание. С прибытием в лагерь этих советских людей взоры многих десятков тысяч узников концлагеря смерти Дахау были (устремлены) обращены на 27 блок в надежде из уст этих мужественных воинов услышать правду о великой кровопролитной битве с гитлеровскими полчищами. Они внушали уважение всей многонациональной армии узников концлагеря смерти Дахау. Из числа этой группы военнопленных офицеров выделялся летчик, капитан Григорий Лукич Шаллар, который являлся старшим этой группы и руководил борьбой Сопrotивления. Это был человек огромного мужества, воли и железной стойкости. Григорий Шаллар до конца своих дней был предан Родине, великой ленинской партии, той большой идее, ради которой шел в первых рядах в борьбе

с фашизмом и умирал, не преклонив головы своей перед палачами. Григория Шаллар фашисты взяли в плен без сознания. Кисть правой руки, левой руки локоть, лоб, нос обгорели. Его самолет сбили, когда он бомбил находившиеся в Варшаве фашистские группировки и военные объекты в Польше. Фашисты подобрали его и лечили в госпитале, рассчитывая привлечь советского офицера на свою сторону, сделать предателем. Нацисты рассчитывали посадить советского летчика на свой рогатый крестосмертоносец, чтобы он бомбил свои родные города и села, разрушая и уничтожая то, что не смогли уничтожить сами палачи — душегубы. Но фашисты, вылечив советского офицера Григория Шаллар, глубоко просчитались, не учли и не предусмотрели одного: мужества и стойкости Советского человека, воспитанного в советской школе и Ленинским комсомолом, его любви к своей Родине, во имя которой Шаллар Григорий готов вынести любые испытания, пойти на любые мучения, но не быть предателем, не опозорить имя Советского человека.

На предложение перейти на сторону врага после выздоровления Григорий Шаллар ответил фашистам, «что Советский человек никогда не предаст свою Родину, какую бы казнь палачи ему ни придумали». После предложения, угроз последовали пытки, избиения, но сильного духа, большой воли и высокого человеческого мужества не сломить было палачам — гестаповцам. Несмотря на весь свой опыт, палачи не догадывались, что, чем изощреннее становятся муки, которые они придумывали для своей жертвы, тем ярче разгоралось пламя ненависти к своим мучителям в душе Григория Шаллар. Он готов был в любую минуту принять мученическую смерть — только не предательство. Все перенес Григорий Шаллар — и голод, и подземные темные камеры, и ослепление светом, и страшные избиения, сохраняя в себе чистое, человеческое.

Так собирали фашисты в одну группу всех, кто отказывался встать под их знамя, обгаренное кровью многих народов. 74 человека офицеров Советской Армии, прошедших через все пытки гестаповского ада, были привезены в концлагерь смерти Дахау для новых мучений. Все 74 мужественных борца поклялись умереть, но не предать своей Родины, чего бы это ни стоило. По указанию Григория Шаллар из прибывшей группы офицеров и он сам лично развернули агитационную работу среди многотысячных узников 27 блока, и нити пропаганды потянулись по всему лагерю. В информации говорилось, что Советские Вооруженные Силы вырвали стратегическую инициативу у врага и громят его войска по всему фронту, освобождая народы других стран из-под фашистского рабства, что ненавистный враг будет разбит окончательно и навсегда. В лагерь был брошен клич, написанный под диктовку Григория Шаллар мною и Кошкиным Николаем Васильевичем от имени 74 советских офицеров: «Будьте сплоченней, товарищи! Скоро придет свобода, Со-

ветские войска громят врага везде: в воздухе, на земле и под водой!..» Такого содержания была агитация и писались прокламации, ходившие из барака в барак, переписывались, переводились на разные языки. В скором времени Григорий Шаллар был связан с подпольным комитетом, который действовал в концлагере смерти Дахау. У меня была самая душевная и самая братская дружба с этим замечательным человеком, Григорием Шаллар, и память о нем я сохранию на всю жизнь, образ его пронесу в своем сердце через все года, о нем знать должны все.

Старший секции 27 блока Эвальд был связан с подпольным комитетом и оказывал большую помощь Григорию Шаллар и его группе. В неделю 2—3 раза устраивал мне выход в зону для связи с подпольным комитетом. Рискуя жизнью, я пробирался в 14 блок к старшему секции Роберту Вайнеру, приносил ему маленький бумажный шарик, переданный Григорием Шаллар, и возвращался с тем же. Роберт Вайнер — немец, в заключении с 1934 года, коммунист, лично знал Тельмана и под его руководством работал. Гестапо жестоко пытало Роберта. Кисть правой руки вывернута, пальцы переломаны, и вся рука висит сухой неподвижной плетью. Но гестапо было бессильно против его мужества и выносливости. Роберт Вайнер, как патриот рабочего движения, коммунист, стойко вынес страшные мучения, но организацию, находящуюся глубоко в подполье, не выдал. Фашисты приговорили его к пожизненному заключению в концлагере смерти.

По просьбе Григория Шаллар подпольный комитет сумел через шрайбштубу перевести меня в рабочий барак 14 и устроить на работу разнорабочим лагеря. В 14 блоке Роберт познакомил меня с Виктором Коротюковым из г. Мариуполя, вторая Слободка, который был членом подпольного комитета. Работая разнорабочим, я имел возможность подходить к каждому блоку, изолированному от лагеря. Мне давались поручения распространять прокламации с Советским информбюро. В подпольном комитете имелся радиоприемник, печатная машинка. Последние известия Москвы прослушивались, перепечатывались на машинке, и я распространял по баракам, передавая определенным лицам. С Виктором Коротюковым сроднила нас фашистская неволя, жизнь и борьба в постоянной опасности, единая цель, одинаковая сильная ненависть к врагу и многое другое. Я каждый день посещал 27 блок, где находились 74 советских военнопленных офицера, где находил и всегда с радостью встречал меня Григорий Шаллар. Я приносил ему отпечатанные листки, мы залезали на верхние нары, и он рассказывал мне о своей жизни счастливой в мирное время, о семье, о жизни в военное время. В минуты набегавшей тоски Григорий любил напевать песенку: «Маленький дом с мезонином, чуть потемневший фасад...» Я всей душой полюбил этого мужественного человека, привязался к нему всем своим существом, он для меня был примером во всем, я готов был выполнить любое его поручение, пусть это стоило

бы жизни, хотя я и так выполнял все, что мне поручалось от имени 74 советских офицеров.

Однажды прихожу в 27 блок, друга своего и всю его группу в третьей секции не застал, фашисты изолировали в четвертую секцию, где находились штрафники. Последний раз фашисты обращались к 74 офицерам принять условия германского командования, и последний раз фашисты получили 74 плевка в морду.

Когда фашисты попытались вызывать по одному для агитации, Григорий Шаллар вышел вперед и заявил, «что у нас, у советских людей, офицеров Советской Армии, одни интересы, одни задачи, одна цель, один враг. Если вы обращаетесь к одному, значит, обращаетесь ко всем. Мы живем по принципу — “Один за всех и все за одного, мы никогда не будем рабами”». Фашисты устроили страшную экзекуцию Шаллар Григорию. Во двор 27 блока привезли специально изготовленный станок для пыток заключенных. Привязали на этом станке Григория и избивали плетью, хлыстами до полусмерти перед всеми выстроенными заключенными 27 блока. Мужественно, с нечеловеческим терпением переносил Шаллар пытки, и никто не слышал ни единого стога. Еле живого, товарищи сняли его, окровавленного, без сознания, и отнесли в четвертую секцию, куда их изолировали. Поймет ли кто сейчас, прочитав эти строки, какое большое было для меня горе, как больно было мне за моего лучшего друга и брата, как тяжело было переносить утрату не только мне, всем кто знал этого человека. Из строя подпольного комитета выбыл самый ее активный и бесстрашный борец — Григорий Шаллар.

Фашисты не успокоились, изолировав группу Шаллар Григория, а у ее вожака истерзали все тело, как голодные шакалы, они стали глумиться над человеческой личностью, над офицерской честью. Специально сделали большую, на колесах площадку, запрягали в нее этих отважных и мужественных людей и развозили по баракам баланду, вывозили из барачных трупы, из конца в конец лагеря возили мусор, но волю сломить было невозможно. Чувствовали фашисты близость своего конца, вокруг их змеиного горла затягивалась петля все сильней, разгром фашистской Германии был неизбежен. Стали палачи поспешно уничтожать людей, свидетелей страшных, кровавых преступлений, совершенных перед лицом всего человечества. За успешное наступление советских войск фашисты отыгрывались над беспомощными заключенными, находившимися в заточении концлагерей смерти.

Так, длительное время фашисты издевались над 74 военнопленными советскими офицерами, но волю и мужество этих замечательных людей сломить было невозможно. В ноябре 1944 года всех 74 человека фашисты загнали в санитарный блок № 3 под видом прохождения медицинского осмотра, по одному заводили в одну дверь и выводили закандаленных в другую. В этот роковой день по заданию подпольного комитета я вы-

шел на свидание с заместителем Григория Шаллар (который был еще не в состоянии возить площадку) — с майором Новосельцевым. Группа должна была подойти с минуты на минуту за бочками к «комбинату» и развозить по лагерю.

Больше встретиться мне не пришлось ни с одним человеком из группы 74. Их, закандаленных по рукам и ногам, через площадь погнали под усиленным конвоем к крематорию. Заключенные рабочих блоков кинулись на площадь, но пулеметная очередь с вышек сразила бегущих. Я видел медленно идущих людей, обреченных на смерть. В первом ряду без кандалов шел Григорий Шаллар, взяв товарищей под руки, т.к. был еще слаб. (Шел) с высоко поднятой лысеющей головой. На (его) лице блуждала прощальная улыбка. 74 военнопленных советских офицера зверски были расстреляны у стен крематория, вместе с ними погиб летчик, капитан Шаллар Григорий Лукич, но он умер не сломленным, твердо веря, что прожил жизнь на пользу людям, оставаясь до конца своего часа пламенным патриотом социалистической Отчизны, негнибачимым коммунистом. Как бы ни был враг коварен и жесток, но он побежден, разбит и уничтожен. 11 апреля — Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.

11 апреля 1965 г.,

Кустов Г.
г. Тула.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 37. Л. 48—55 об.

№ 108

Через Бухенвальд к Победе

22 июня 1941 года — начало войны.

Самое страшное, что может быть на земле, началось...

Счастливое детство и юношество кончились. Мечты мирной жизни оборвались. Я готовился поступить в военную Академию. Вместо Академии в первые же недели войны тяжелые бои под Рогачевом (Западный фронт). С боями выходим из Гомельского окружения. Опять тяжелые бои. Опять окружение (Полтавское). Выходя из окружения, контузия разрывом мины. Плен. Это произошло 20-го сентября 1941 года. На переправе через заболоченную р. Сулу вблизи г. Лубны.

Что может быть страшнее смерти — это плен. Так началась долгая неделя. 7-го ноября побег с этапа (Лубны, Хорол, Кременчуг, Кировоград, Адобаш...). Полуживой скелет в дорожном кювете, подбирает украинский возница и привозит в село Петроостров Кировоградской области. Здесь украинская патриотка Елена Яковлевна Кодашева взялась спасти меня от неминуемой смерти от истощения, ран и язв. Так я обрел вторую мать (через 18 лет, т.е. в 1960 г., мы встретились). Она

приезжала ко мне в гости. Сейчас она продолжает работать в колхозе. На фронте (она) потеряла мужа и брата.

Более двух месяцев был прикован к постели. Елена Яковлевна ухаживала за мной, как за родным сыном. Укрывала от полиции, не боясь, что за это грозит смерть. Не успел стать на ноги, как был обнаружен жандармами и заключен в лагерь за колючую проволоку. Каторжный труд в каменоломне. И здесь, за 50 км от Петроострова, нашла меня Елена Яковлевна. Приносила передачи, которые половинили охранники.

«Если будешь бежать, — говорила она, — иди в Петроостров: упрячем, снаряжу на восток, к своим». Побег из каменоломни был неудачным. Вскоре после побега был схвачен полевой жандармерией и заключен в Кировоградскую тюрьму.

Каждый день плена — это пытки, издевательства, физическое умерщвление людей. Не так страшна смерть, как предсмертие! И вот в предсмертном состоянии, т.е. каждый день, пленные закалялись духовно, находили себя, чтобы вести борьбу с врагами Родины, казалось бы, в невыносимых условиях.

В Кировоградской тюрьме находились выловленные партизаны, пленные беженцы, члены партии, председатели колхозов, сельсоветов и др. руководители местной власти.

Всем тюремщикам¹⁵³ грозила неминуемая смерть. Каждую ночь десятками выводили на расстрел. Оставшихся в живых (около 2-х тыс. человек) зимой 1942/1943 года под усиленным конвоем посадили в товарные вагоны и повезли в неизвестном направлении. Так я оказался в Германии. Фашисты изменили тактику уничтожения советских людей. Фашисты увозили наших людей в Германию и там их уничтожали после непосильного труда в шахтах, рудниках, подземных химических заводах. Особо подозрительных (военнопленных) заключали в концлагерь. В Германии мне удастся сменить фамилию на Олега Миронова. Этот маневр не принес мне маскировки. Я угодил с группой в 42 человека в концлагерь Бухенвальд, где был зверски убит Эрнст Тельман, где было замучено и сожжено в крематории несколько десятков тысяч стойких антифашистов из 18 стран Европы. Здесь, в Бухенвальде, сближаюсь с руководителями подполья Николаем Симаковым и Степаном Баклановым. Получаю задание по созданию самодельного оружия. Через неудачи — успех. При испытании замедлителя для ручной гранаты приспособление взрывается у меня в руках. Ранение. Через 1,5 месяца после выздоровления возвращаюсь к выполнению задания. Задание выполнено. Получена самодельная взрывчатка (нитроклетчатка), ручная граната, мина, зажигательная бутылка. Это самодеятельное оружие было использовано узниками в восстании 11-го апреля 1945 г. (В изготовлении самодельного оружия участвовали русские, чешские,

¹⁵³ Имеется в виду — заключенным.

польские, австрийские, немецкие, французские политзаключенные.) Перед восстанием, т.е. 9-го апреля 1945 г., нас, русских военнопленных, из лагеря эвакуировали с целью уничтожения. Ночь. Взламываем дверь вагона. На полном ходу выпрыгиваем во тьму. Отделался ушибами и царапинами. Вчетвером продвигаемся на восток, навстречу родной Армии-Освободительнице. При мне самодельная ручная граната собственной конструкции, у Федора Девкина заряженный пистолет, у Александра Коробейникова самодельный компас, у Евгения Соловьева самодельная карта Восточной Германии. Все это мы вынесли из Бухенвальда. В ночных переходах растеряли друг друга. К своим выходили в одиночку. Через три недели после побега достигаю прифронтовой полосы. Питался подножным кормом — кореньями, выкапывал вчера посаженный картофель, случайными трофеями.

На рассвете слышу рев прорвавшихся танков. Выхожу из леса ближе к дороге. Двигутся танки. На танках вооруженные солдаты. На пилотках и шапках красные звездочки. На гимнастерках ордена, медали. Ура! Наши! На мой сигнал один из танков делает тихий ход. Солдаты подхватывают меня за руку. На танк. От радости плачу. Слез нет. Глаза высушил плен. Обида за выпавшую мне судьбу не давала сказать ни слова... Солдатам было и так понятно, кто я есть, по моему жалкому виду. Солдаты-освободители успокаивали меня и говорили, что фашисты за поругание Земли русской платят сторицей.

Так я обрел свободу и встречу с Родной Армией. На привале меня познакомили с майором Аратунян (62-я танковая бригада, 1-й Украинский фронт). Майору сообщил, что я лейтенант-артиллерист, комсомолец, узник Бухенвальда. Мои сообщения проверялись в бою... Мне доверили минометный взвод.

Так я опять становлюсь народным мстителем за замученных и сожженных в крематориях боевых товарищей в фашистских застенках...

Памятный день — 9-е Мая 1945 г. Штурмом, на танках врываемся в восставшую Прагу. Ликующая Прага и воины празднуют Победу, конец войне и народным бедствиям. В Праге встречаюсь с чехами в полосатой одежде — это узники Бухенвальда вернулись на Родину. «Наздар, коллега!» Юзеф узнает меня. В Бухенвальде крепла интернациональная дружба...

После войны меня демобилизовали. Приезжаю в родной Прокопьевск в Кузбассе. Мать показывает извещение: 1941 г.: «Без вести пропавший...» Родственники узнают из моих рассказов — был в плену. Чуждаются. Больно, но ничего не сделаешь... Время покажет. Родина требовала от оставшихся в живых новых испытаний, но уже на мирном фронте. Надо было восстанавливать разрушенное врагом хозяйство. Нужны были специалисты. С ослабленным здоровьем решаю пойти учиться. Работаю и учусь в институте. В 1950 году получаю диплом и назначение в Сызранское медучилище, где и работаю по настоящее

время преподавателем фармакологии и химии. Имею семью. Сын Алик перешел в 7 класс.

Пусть наши дети не знают тех памятных дней войны, которые так много принесли горя и испытаний их отцам и матерям.

Лысенко Павел (по Бухенвальду, Олег Миронов).

9 июня 1961 года,

г. Сызрань, Куйбышевская обл.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 43. Л. 10—15 об.

№ 109

Это нельзя забыть, нельзя простить!

...Много времени я собирался написать Вам или писателю Смирнову С.С., но из-за того, что я не могу вспомнить фамилий палачей и эсэсовских карателей и даже своих друзей, я дело это откладывал...

То, что я видел и пережил, это не забудешь никогда. То, что я описал, это мало и сокращенно. Я несколько раз пробовал описать все подробно и, прочитав за собой, оценивал работу плохой, не литературной — уничтожал.

Никакие предлоги давности не должны спасти палачей человечества. Правосудие должно совершиться.

Прошу редакцию поместить на страницах вашей газеты мои претензии к нацистским убийцам и их покровителям...

...Я родился при Советской власти, в 1919 г., но и отец мой умер в 1920 году, оставив нас с матерью 10 человек, мал мала меньше. Но, несмотря на большие трудности, нас мама всех вырастила, даже не получая никаких пособий от государства, как получают теперь. Трудно было маме, но она победила, а главное, что нас с ней вместе воспитало, — это Советская власть. Ведь, как только стали организовывать на селе артели из единоличных хозяйств, мама, не задумываясь, записалась самой первой в деревне, и мы все, начиная с 8-летнего возраста, принимали участие в труде — пастухами и также на всех сельскохозяйственных работах. Не видели мы в то время ни автомашин, ни тракторов, ни самолетов, но первые председатели колхозов: Мамонтов, Смирнов — писали в районной газете «Трактор» статьи, как мы, будучи пионерами, учащиеся начальных классов, принимали активное участие во всех колхозных работах, начиная с подбора колосьев после уборки полей и до всех других заканчивающихся полевых делах. Ни одного каникулярного дня не пропускали. Закалялись в труде, давали пользу колхозу, зарабатывали на хлеб — милостыню не просили, как на нашем месте люди падали духом и делали это.

В 1932 году, окончив 4 класса, я поступил в ШКМ (школу колхозной молодежи). 3 года изо дня в день ходил на занятия в село за 9 км, делая ежедневно 18 км. В 1935 году окончил школу и поступил на 10-месячные

учительские курсы в районном поселке Туме. С 1936 года, в возрасте 17 лет, вступил на путь народного просвещения. Как видите, мне и всем нам путь-дорогу в жизнь указала Советская власть. На первых порах я встретился с трудностями, но и их хорошие советские люди помогли устранить, а именно — перед началом работы в школе пришлось обратиться в Наркомпрос, лично к Надежде Константиновне Крупской — помощь ее я никогда не забуду, не забуду ее доброту и ласку.

Перед началом Отечественной войны — в мае 1941 года я окончил Подольское стрелково-пулеметное училище и был послан в воинскую часть при звании — лейтенант, должность: командир пулеметной роты. Началась война, я был переведен на работу в должности начальника военной цензуры города Арзамаса, откуда, не вытерпев такой работы, я попросился в штабе, чтобы меня послали на фронт, где часто попадал в нехорошие истории.

6-го августа 1941 года вступил в бой под Смоленском. Бои шли и день, и ночь, кушать и отдыхать было некогда, потому что противник наседал со всех сторон. Особенно нас беспокоили танки и самолеты, но в то же время нас воодушевляла наша прославленная «катюша»; мы, советские бойцы, всегда вели бои с превосходящими силами противника.

31 августа в боях, которые длились около недели, при штурме местечка Малые Репищи, находящегося на возвышенности, меня ранили. Я попал на излечение в ППГ-586 (полевой подвижной госпиталь. — *Н.П.*) через МСБ-269 (медико-санитарный батальон. — *Н.П.*). С 20 августа по 31 августа был дважды отмечен командиром 927 стрелкового полка и представлен к правительственным наградам.

31 августа при штурме Малых Репищ я был ранен. Лечение проходило в ЭП-48.

Долечиться полностью не удалось, так как фашисты пробирались к Москве, а я лежал в г. Верея под Москвой и 22 сентября прямо из госпиталя вновь вступил в бой под Вязьмой, но уже с другой воинской частью — в составе 1-й Московской гвардейской дивизии. За короткое время я был в боях и на Харьковском направлении за город Сумы, потом снова переброшен под Москву. Под Сумами был ранен мелкими гранатными осколками, на 4 дня выбывал из строя.

По приказу Сталина нашу дивизию сняли из-под г. Сумы и направили на оборону г. Москвы. 18 октября прямо из вагонов эшелона вступили в бой за город Наро-Фоминск. Здесь в этих тяжелых боях и кончилась моя судьба. Каждую ночь вели бои в г. Наро-Фоминске, с наступлением рассвета бои переходили к населенным пунктам. Времени на отдых не было, кушать так же не было возможности по нескольким суткам.

23 октября в одном из боев под Наро-Фоминском погиб мой боевой товарищ, младший политрук роты Малука. Наш батальон 6-го мотомехполка попал в окружение. После некоторых проведенных мероприятий и смелых решений под прикрытием огневыми силами пулеметной роты

батальон из окружения вышел. Этому помог сильный осенний дождь и ветер. Но одно пулеметное отделение во главе с младшим политруком Малука выйти не смогло и в течение 2,5 часа вели неравный бой с батальоном противника.

9 человек вели бой из 4 станковых пулеметов до последнего патрона. Четверо пулеметчиков было убито, четверо тяжело ранены и взяты в плен, а младшего политрука, тяжело раненного в голову и в грудь, взяли в плен и тут же, в маленьком круглом леске, издевались над ним — вырезали на руках звезды, а потом тремя штыками винтовочными приколоты к дереву. Но недешево они достались фашистам. Более 200 человек эти отважные пулеметчики вывели из строя убитыми и ранеными. Раненых взяли в плен, не имея у них ни одного патрона.

В одной из передач по телевидению писатель Сергей Сергеевич Смирнов много говорил о смелых героях-политруках, известных и не известных. Да, стоило о них говорить, и говорить много. Не так уж большой путь мной пройден с Малукой, но, где бы я ни был с ним в боях, он днем и ночью брал на себя самые ответственные участки и направления и, как правило, всегда выполнял правильно, с минимальными потерями живой силы. Он был молод и холост. Однажды в одной из деревень около Наро-Фоминска выбрали время пообедать. Он мне и говорит: «Товарищ лейтенант, ты знаешь, какая у меня в Москве невеста, цены ей нет, красивая, веселая, умная, как мы любим друг друга, вот немного утихнут бои, задержим фашистов здесь и тогда выберем время и съездим к моей невесте хотя бы на пару часов. Ведь находимся рядом, а увидиться не можем». Так и не довелось им встретиться. Не знаю, ведь, наверное, нет о нем никакого известия, а он самый настоящий герой (я и звать-то его позабыл, будто Николай).

24 октября, т.е. на следующий день, наш батальон получил особое задание.

Левее города, где проходит шоссе, дорога, перейти на рассвете по заранее сделанной переправе в районе моста, который был взорван, через реку Нару, сосредоточиться в лесу и внезапно нанести удар по врагу, находящемуся в Наро-Фоминске, — удар с тыла. Во время боя, который мы им навяжем, все внимание сил противника возьмем на себя, и в это же время наша основная сила сделает удар с фронта, займет весь город Наро-Фоминск и соединится с нашим батальоном с дальнейшим преследованием противника.

Я со своей ротой оказался замыкающим при переправе. Переправу произвели удачно. Вправо от дороги, в лесу, подготовились к выступлению, здесь же и позавтракали. Но во время завтрака в этом же лесу завязалась ружейная перестрелка, батальон поднялся к бою, но оказалось, что наша разведка внезапно встретилась с разведкой противника. Живым взять ни одного фашиста не удалось, а убитых оказалось четыре солдата и один офицер. У нас было двое легкораненых. Здесь получи-

лось небольшое отступление от нашей боевой задачи, и наступление началось, только получилось наоборот. Фашисты несметным числом солдат двинулись на нас. Мы увидели стройные ряды от самого города, насколько захватывал наш глаз, все это пространство было заполнено людьми в черноватых шинелях. Зрелище представляло черную тучу саранчи. Первые их ряды от нас были метров 800. В контрнаступление идти не было смысла, пришлось готовиться к обороне, времени на размышления не было. Мы заняли оборону на окраине леса, недалеко от насыпи железной дороги буквой «Г». Где первая рота стрелковая под командованием лейтенанта Новикова первая вступила в бой сседающим врагом. В наших рядах других рот началась паника. Некоторые солдаты стали покидать свои места и бежать в лес, в том числе и сам командир 2-й роты, лейтенант (фамилию забыл, но очень стройный и высокий). Потом я заметил, что сбоку у одного сарая мелькнули два силуэта человека, один из них был наш комбат — лейтенант Концедайлов, а второй комиссар батальона — политрук (фамилию также забыл).

Дела плохие, размышлять нет времени, немцы черной тучей приближаются со всех сторон с автоматами. Останавливаю лейтенанта — командира 2-й роты, и всех остальных, объявляю себя командиром батальона и принимаю бой. Бой длился долго, наши войска почему-то молчали, связи никакой не было. У меня была задача: иметь как можно меньше потерь в людской силе и технике, остановить в чистом поле противника и с наступлением темноты атаковать. Так и получилось. Обойдя через связанных весь батальон, я выяснил приблизительно о потерях убитыми и ранеными, о наличии боеприпасов и оружия. Кроме станковых и ручных пулеметов, у нас ничего не было, были ручные гранаты РГД-33 и Ф-1.

Когда мы окапывались глубже для стрельбы стоя, нас мучили минометы противника. Наступила темнота, и мы ринулись в атаку. Во время атаки я был тяжело ранен и контужен. Волной взрыва меня отбросило в глубокую воронку, наполненную водой, или даже какой-то пруд, откуда меня вытащили. Когда я вошел в память, я видел, что меня положили на плащ-палатку младший лейтенант Романов, сам раненный в ногу, и один из моих связанных. Меня спросили, кто будет командовать батальоном. Командовать батальоном я доверил одному бесстрашному и вполне надежному старшине, башкиру по национальности, до войны работавшему милиционером (забыл его фамилию). Хотя были и офицеры, но командование я доверил именно своему старшине. У меня в роте еще были живые два лейтенанта — командиры пулеметных взводов: один лейтенант Постолагин, второй, кажется, лейтенант Падалка.

Дальше моя судьба трагична, не забудется никогда: мытарства, издевательства и зверства.

Очутился я в одном из сараев. Когда я проснулся и увидел вокруг себя несколько таких же окровавленных людей, кричащих и стонущих,

я сначала не понял, что со мной случилось. Боль невероятная, кругом связан и весь окровавленный, в виски бьют удары, подобные ударам молотков. Вдруг открываются ворота, и послышался разговор чужой речи. Я, как после похмелья, очнулся. У меня пронеслась мысль, что это немцы и что не попал ли я в плен, чего очень боялся. Раньше были такие мысли, что если так придется — в плен сдаваться ни при каких обстоятельствах не буду. У меня всегда пистолет при себе, и последняя пуля будет для себя. Не знаю, если бы так случилось, хватило бы такого мужества, но так я думал, настолько я боялся плена, что я бы сделал, что думал. Но вот что получилось.

Вошли трое в белых халатах. Один из них спросил на русском языке о самочувствии, я ничего не сказал, только от ужасной боли потемнело в глазах, и опять потерял сознание. Потом снова очнулся. Около меня стояли двое в халатах и дали мне большую белую таблетку, дали воды. Затем под руки других пленных я вышел из сарая, ввели в большую толпу пленных, где меня узнали бойцы, на глазах которых поставили к дереву младшего политрука Малуку и приколотили тремя штыками еще живого. Одним штыком в живот и двумя с боков. Они же и рассказали, какой ценой достался им младший политрук. Он сам был за пулеметом и стрелял с криком: «Получайте, гады, это вам за Родину, это вам за Сталина, это вам за наш народ». На его счету одних убитых фашистов не менее сотни. Так мне рассказали его помощники в смертельной схватке. Они хотели вынести пулеметы, замешкались, фашисты перерезали им путь к выходу из мешка. А мы вышли и думали, что вышли все.

Здесь, в этой толпе кто-то угостил меня вилок капусты, срезанным на огороде, я немного закусил. Если писать все подробно, это очень много и долго. Пока собирали нас в одну колонну, за это время один из конвойных успел с меня снять хорошие хромовые сапоги и нашу отечественную плащ-палатку, которая меня спасала от холода. Но, надо сказать, среди врага были звери и люди. На меня были надеты рваные громадные сапоги, и без плащ-палатки я не мог существовать, и я пожаловался одному из офицеров, проходящему мимо. Офицер меня спросил: «Сможешь ли ты узнать этого солдата?» Искать его не пришлось — он был недалеко, и я указал. Это был один из конвоиров-извергов. Офицер подвел его ко мне, ударил его по морде, отобрал плащ-палатку окровавленную, снял с него сапоги, померил их себе, они оказались ему хороши, надел их, а свои отдал мне вроде бы по согласию.

Колонна тронулась. В течение каждой минуты был выстрел, это расстреливали упавшего раненого, который сам не мог идти. Упал, ему сразу наставляють дуло или в висок или в грудь. С одного выстрела не убили, то упражнялись прикладами — добивали и этим самым веселились, смеялись. Пройдя около полутора километров, я насчитал семьдесят жертв.

Но я являлся такой же несчастной жертвой — я шел уже давно через силу, у меня закрывались глаза от потери сознания, мне становилось темно, и я валился с ног, но меня не выпускали из рук товарищи. Они бодрили меня: осталось немного, осталось немного идти, ведь нельзя сейчас падать — убьют. Но я не могу отставать — бьют прикладом тех, кто ведет больного. Наконец силы все, круги в глазах, я шага сделать не могу, я прошу товарищей бросить меня, участь моя решена. Подходит ко мне молоденький, тонкий и высокий солдат, наставляет автомат в грудь. В это время перед спуском крючка я ему сказал на немецком языке: «Господин солдат, сколько вам лет?» Он от неожиданности такого вопроса на их языке опустил дуло автомата и ответил: «Ахцен» — 18. А мне «Цванциг» — 20. Далее наш разговор был таков. Я ему говорю: «Тебе 18 лет, а мне 20, да, наверно, у тебя есть мама и невеста, которые тебя будут ждать живым». Он ответил — «Да, есть». Я ему говорю, что и у меня есть. Они ждут меня, а ты меня убиваешь. Ты меня сегодня убьешь, тебя завтра тоже могут убить, но у нас так ведь не поступают.

Вдруг он засунул с обеих рук по два пальца в рот и сильно свистнул, потом поступил сигнал остановить колонну. Колонна остановилась, наступил непредвиденный отдых. Подогнали лошадь, запряженную в двуколку, и с помощью товарищей посадили меня, а потом по моей просьбе положили еще одного тяжело раненного. После этого выстрелов почти не было.

В одной из деревень сделали остановку. Всех оставили около дороги, а нас на подводе поставили около одного дома. Из дома вышли совсем молодые женщины, взяли меня под руки и ввели в дом. Накормили, остригли, сделали, как умели, перевязки. Потом вошел немецкий солдат — конвоир. Женщины угостили его и стали уговаривать, чтобы они оставили с повозки обоих. «Они тяжелораненые, чтобы вам с ними не путаться, мы их немного подержим в своем доме, а потом вы их можете взять». Немец согласился, но не согласился глава семьи — старик лет под шестьдесят, одна нога деревянная. Я ту войну пережил, а сейчас чтобы меня за них повесили, нет, уберите их от меня. Как ни просили женщины, он стоял на своем. «Уберите их отсюда». И так я очутился в Боровске.

На ночь загнали в какое-то угловое двухэтажное здание без окон, без дверей, часть людей загнали в подвал, куда и я попал. В подвале было по колено воды. Одни думают, что в подвале потеплее, и лезут туда, другие, искусив подвального тепла, лезут обратно. Получились давка и убийство слабых. Не знаю, как и что мне помогло, но я выбрался из подвала, укутался в плащ-палатку, приткнулся в углу к стоящим товарищам, которые создавали друг другу тепло, просуществовал до утра. Очень много нашего брата осталось навсегда в этом доме и много убитых из винтовок около этого дома. На пути в Боровск видели, как одна обнаженная девушка выпрыгнула из окна, со 2-го этажа, а за ней в дверь на

улицу выбежали 2 разъяренных солдата. Одну девушку изнасиловали, а эту хотели насиловать на глазах матери, но девушка оказалась смелой и сильной, покорявав им звериные морды, вырвалась и выпрыгнула из окна, со второго этажа. За ними следом с криком выскочила ее мать, она все и рассказала. Это какой-то совхоз по дороге на пути к Боровску. **Это забыть невозможно — прощать нельзя!** Потом Юхнов и Медынь. А затем Рославль. В Рославле поместили нас в конюшнях на соломе, но это много лучше, чем в каких-то больших домах — казармах с выбитыми окнами. Очень много народа померзло в Рославле в каких-то больших домах, я был в них лишь одну ночь, потом тяжелораненых перевели в конюшни. Там тепло и мягко. Старушка и старичок, видимо, местные бывшие медицинские работники, ежедневно приносили продолговатую, плетенную из прутьев корзину с одной ручкой, наполненную вареной картошкой, морковью. Они кормили, раздавая по 2—3 картошки, и делали перевязки не бинтом, а тряпками от рубашек.

Так ими мне была оказана первая медицинская помощь. Рука была раздроблена, они удалили некоторые металлические осколки и раздробленные кости, дали мне их в руки, сделали шину и хорошо забинтовали. Хотя все сделали и не совсем удачно, но я почувствовал облегчение и за несколько дней первый раз хорошо спал.

Из Рославля — в Бобруйск, из Бобруйска — в Гомель. В Бобруйске дважды выстраивали всех в лагере и каждого десятого ставили под расстрел. Первый раз за то, что кто-то из пленных отломил от настила нар, на которых спали, кусок доски. Пытали: кто это сделал? Никто не признавался. 300 человек взяли для расстрела, я был на этот раз девятым.

Второй раз нашли запалы от гранат в одном из барачков. Здесь взяли 25 человек к расстрелу — я был третьим по счету. Как в Бобруйске, так и в Гомеле кормили супом с невытой картошкой в кожуре, порубленной на 2—3 части. Хлеб давали по 250 гр., испеченный из овса, не очищенного от кожуры, и гречихи с добавлением свеклы. Мертвые люди валялись по всему лагерю, особенно в уборных. Трупы долго не убирались, и они навели ужас и страх.

Потом из Гомеля, запаковав в телячьи вагоны по 110 человек стоя — сесть было нельзя, и эту плотную массу везли четверо суток с большими остановками где-то в тупиках, но не открывали вагонов. Стали высаживать в городе Алитусе. В нашем вагоне оказалось мертвых 27 человек, так было и в каждом вагоне. Идти до лагеря не могли, с трудом передвигались, только все сцепившись друг с другом. Конвойные ужасно били и некоторых добивали из винтовок. С нашим прибытием в Алитусе в лагере стало около 29 тысяч человек.

Пополнения больше не было, но за 4 месяца пребывания в нем осталось около 6 тысяч человек, остальных взяли голод и вошь. Я остался живым лишь потому, что лежал в лазарете. Там суп давали из чищенной картошки и хлеба по 200 граммов без вредных примесей. Ежедневно

команда из пленных человек 10—12 во главе одного старика — литовца собирала мертвых, складывала их в штабель, как складывают поленицы дров, и ежедневно, делая много рейсов на лошади, также складывая штабелем на сани, увозила. Но под шумок торговли литовских женщин, приехавших каждое воскресенье к лагерю, с конвойной охраной лагеря — табаком, салом на трофейные тряпки по 2—3 пленных каждое воскресенье убывали из лагеря. Из лагеря и я вывозился, но постигла неудача, и я очутился опять в лагере, а потом опять в Алитусе. Травили людей насекомыми, хлеб и суп давали специально для убийства. Евреев и всех черных, на личность схожих с евреями, ежедневно выискивали. И сразу в лагере расстреливали. Были случаи, когда расстреливали на наших глазах. Одного замечательного врача признали евреем — фамилия у него была украинская, и он себя выдавал за украинца. Схватили, зверски избили, вывели из санчасти и тут же застрелили. После него пристали ко мне, что я еврей, но вступились врачи и товарищи и доказали, что я русский, чуть-чуть не поплатился жизнью. Это зверство убийцам прощать нельзя. Однажды и нас, больных, взяли на завод, где пилили дрова. Во время обеденного перерыва выстроили всех в 4 шеренги и перед строем расстреляли 6 военнопленных, якобы за попытку к бегству. 5 человек упали сразу, а один упал, потом поднялся на локти, ему несколько раз стукнули в лоб прикладом, а потом выстрелом в лоб добились с употреблением бранных слов. Плохо то, что убивали не немцы, а продажные псы, их там называли «украинские добровольцы», и всего им было по 18—19 лет. Немецкие охранники стояли и смеялись: «Мы вас не убиваем, это делают ваши братья».

Далее я очутился в г. Каунасе. Сначала поселили в военные казармы, кажется, из красного кирпича, трехэтажные, окна все выбиты, за одну ночь пребывания там померзло много людей, потом раненых и больных отправили в форты, я попал в 9-й форт — подземный, где были одни офицеры. Мне кажется, этот форт я видел в кинокартине «Шаги в ночи». Там через проволочное ограждение пришлось быть свидетелем одной из трагедий. На наших глазах расстреливали большую группу евреев, у каждого на груди была пришита шестиконечная красная звезда и с какими-то пометками на спине. Возраст евреев был разный — молодые и старые, девушки и женщины, и даже матери с детьми на руках. В июле 1942 г. нас вывезли в Германию, где очутились в большом Нюрнбергском лагере. Его называли «лагерь смерти». Из этого лагеря здоровых отправляли на работы, а слабых помещали в отдельно выгороженные места на территории лагеря. Морили голодом, и они умирали. В начале сентября 1942 года я смог с группой здоровых выехать из этого лагеря в Бельгию, г. Шварцберг, на шахты, где пробыл до середины лета 1943 года. 17 ночных смен мне пришлось опускаться в шахту на глубину 1014 м. Там немцы издевались меньше, так как бельгийский народ защищал нас и на каждый издевательский случай рабочие, техники и инженеры

бастовали в шахтах, а немецкие инженеры в шахту спускались с большой охраной. Учащиеся девушки и женщины врывались в колонну оборванных рабочих пленных и раздавали хлеб, овощи, фрукты, несмотря на то что конвоиры отталкивают, угрожая применить оружие.

Бельгийские рабочие каждую неделю увозили с шахты по одному и по два советских товарища. Эти увезенные товарищи вели определенную работу, имели в потайных местах радиоприемники, и ежедневно мы в лагере пользовались последними известиями из Москвы. И все это делалось через бельгийских полицейских и даже жандармов. В лагере нас было около 1200 человек, и все дышали одним желанием и одной верой в нашу победу. Но были и предатели, хотя нам их предавал как сам комендант лагеря — австриец, так и бельгийские полицейские, и мы сами их судили и даже уничтожали. Но, однако же, и я поплатился. Все было сделано, (чтобы) отправить меня из лагеря в специальной бельгийской машине, (спрятан) в сидение у шофера. Но нашлись предатели, работавшие под руководством русского офицера — предателя, называли его господином лейтенантом Кравченко из так называемой Русской освободительной армии.

Из Бельгии меня в закрытой машине довезли до какой-то железнодорожной станции, потом впихнули в закрытый вагон, в котором везли таких, как я, 15 человек. Вагон был под большой охраной, и через двое суток высадили из вагона в германском городе Лимбурге. Так я очутился в Лимбургской тюрьме. Называли ее «Тюрьма смерти». Не знаю, куда остальных отправили, но меня посадили в одиночную камеру. В этой тюрьме были заключены люди многих стран, а больше всего советских и польских. В одном из разговоров через окно мне сказали, что из этой тюрьмы живыми не выходят.

Когда меня стали отправлять из бельгийского лагеря, я попросил свидания, хоть пятиминутного, со своими товарищами, с докторами бельгийским и русским (тоже военнопленный, но фамилию забыл). Мне это сделали. Свидание длилось около 20 минут. За это время мне бельгийские полицейские вручили трое часов и тут же их забинтовали бинтом к руке, с которой бесконечно лежал в госпиталях. Много мне надарили папирос, сигарет, хотя я и не курил, и мыла.

Вот на часы и сигареты в тюрьме и позарился охранник. Пока — говорит — нигде не успели зарегистрироваться, я могу высвободить из тюрьмы и этим самым спасти тебя от смерти. И так он меня вывозит в одну из больниц в этом же городе, там сдал меня врачу, а врачу сказал, что у меня остались еще сигареты и еще кое-что (часы). Врач меня поддержал около 10 дней, затем переправил в другой город, за несколько сот километров, в сопровождении немецкого солдата по железной дороге. И так я появился в небольшом городе Бидбург (я не знаю, как он значится, но называли его г. Бидбург). В нем был крупный военный госпиталь, и рядом с ним, то ли как эксперимент, находился лазарет

русских пленных. Здесь нас лечили два польских доктора. Одного звали «Пан поручик», второго «Пан капитан». Так мы их называли в присутствии немцев, а одних мы называли товарищами. Они были великими врачами, так как на самые сложные операции в немецком госпитале шли за ними. Русских пленных старались очень подолгу держать в лазарете под видом страшных болезней, лишь бы только не работать на немцев, и всех так напугивали. Искать все возможности, но лишь бы не работать на врага. Они были оба коммунисты.

Спустя около трех месяцев моего пребывания в этом лазарете (за это время мне эти врачи сделали сложную операцию под наркозом) меня выписали на работу в г. Хенинген на кирпичный завод. Так как рана моя окончательно не поджила и я жаловался на болезнь сердца (хотя у меня такой болезни не было), мне дали в руки метлу и заставили подметать мусор по цехам. В команде при заводе было около 50 человек. Кормили очень и очень плохо. Мясом служили ракушки, наловленные в реке. Я приехал — их стояло 3 бочки. Комендант был немец унтер-офицер, всегда ходил с палкой и сильно бил, особенно если пожалуются на заводе. Переводчик был по прозвищу «Герман», молодой круглолицый краснощекий парень. Меня товарищи предупредили, чтобы я при нем не проболтнулся. Он продал много людей и тебя, говорят, изучает и подозревает. На заводе я пробыл всего несколько дней — заявил, что я очень болен, и меня снова отправили в Пидбург. Сделав вторую серьезную операцию и последнюю в моей жизни, врачей предали, хорошо, что успели мне сделать и закончить операцию. Приехали фашисты на легковых машинах, схватили обоих врачей, связали им руки и бросили их в машину. Все их вещи пересмотрели, ничего с собой им не дали, все выбросили в окно. Капитан на немецком языке попросил, чтобы ему дали проститься с русскими военнопленными, им разрешили. Подойти к нам им не дали, но несколько хороших фраз они сказали для нас. У капитана из глаз катились крупные капли слез. Последние фразы капитана были такие: «Победа близится, она будет скоро, а вы поменяетесь местами, мы встретимся». С этими словами их обратно толкнули в машину. Прошло много времени, когда мы вышли из плена, слышали от двух товарищей, которые сидели в одной тюрьме с этими докторами. Они видели их только через решетчатое окно, когда их раз в сутки выводили на прогулку во двор, а потом из них остался один — по их словам, капитана расстреляли. Вскоре после них меня опять выписали и отправили в лагерь в г. Трир (родина Карла Маркса). Лагерь также был международным, в нем были пленные многих стран, всех континентов, и черные и белые.

Переводчик был (звали его Конопка) исключительно советский замечательный человек, работал в нашу пользу. Он помог мне выбраться в село на виноградники. Село Казель и Рувер. Село Рувер, исключительно село коммунистов. Здесь в руверских лесах было очень много немецких

дезертиров, покинувших свою армию, некоторые ночью приходили, и я со многими встречался. Встречи устраивали женщины и девушки — дочери этих солдат и коммунистов. Отсюда в феврале 1944 года мы с Васей Ботанцовым и сделали побег. Побег прошел удачно, хотя он длился около месяца и проходил он очень в тяжелых условиях. Иногда не было пищи до 3—4 суток. Часто натыкались на немецкие зенитные расчеты, на дезертиров, вооруженных оружием. Дезертиры встречались группами до 7—8 человек, но нас они не трогали, а наоборот, кормили, давали пищу с собой и указывали, как нам лучше пройти до линии фронта. Когда вышли за линию фронта, у нас радости не было предела. За неделю до нас убежал наш товарищ Петя Генералов, мы потом с ним встретились.

Нас собралось более сотни людей, и мы написали письмо на имя Сталина. В нем мы просили, чтобы нас послали на фронт, чтобы принять последние участия в боях, добивать ненавистный фашизм — врага человечества. Ответ мы получили такого содержания: армии у нас хватит и без вас, вы много лишений пережили, и надлежит вам отдохнуть, фашизм доживает последние часы.

Эти слова не доподлинные — их нам прочел прилетевший на самолете майор, и с ним был старший сержант.

Через некоторое время нас отправили в город Лейпциг, потом в г. Торгау — в 282 проверочно-фильтрационный пункт НКВД СССР. В 1945 году, в сентябре, был отправлен на родину, где с большим трудом доверили работу учителя в начальных классах, но в 1951 году под предлогом сокращения штатов заставили написать заявление об уходе с работы. Зав. роно тов. Ксенофонтов наедине сказал мне: «Знаю, очень хороший вы учитель. Вас любят учащиеся и учителя. Вы принимаете большое участие во всех общественных делах. Но как бывшего в плену я не могу вас больше держать на этой работе, на это есть решение РК КПСС»¹⁵⁴. Я значился инвалидом Отечественной войны, и назначалась мне пенсия, но тут же вызвали в облвоенкомат, где и ликвидировали инвалидность. С 1952 года по сей день работаю в системе строительства. В настоящее время — мастер производственного обучения 5-го профтехучилища г. Рязани.

Два созыва избирался депутатом горсовета. Ударник коммунистического труда, член КПСС с 1958 года. Моя фотография не сходила с доски Почета, много раз печатали и в газетах.

Сейчас снова работаю с молодежью.

В г. Алитусе и до него мы жили, как близнецы-братья, оба тяжело раненные, и друг другу делали перевязки, это Гостев Миша — лейтенант, раненный пулей с переломом кости у самого плеча и в живот осколком, рана все время открыта, и все время шла течь. Нас было 99 инвалидов, но здесь в июле мы с ним расстались. Он остался, а я уехал в Германию. Его

---

¹⁵⁴ Читать: ВКП(б), которая была переименована в КПСС в 1952 г.

судьбу не знаю. Жив он или нет. Называл он себя москвичом. Запомнил еще фамилию лейтенантов: Ларин и Фролков, которые охотились в лагере за крысами. Крыс в лагере ели.

В Бельгии хорошо работали, в частности, агитации распространяли принесенные с шахты настоящие сведения из Москвы:

Иванов Георгий Максимович, живший до войны по адресу: Ленинград, ул. Труда, д. 10, комн. 50, п/о Кувшиново Калининской обл., с. Сурушино, д. 70.

По возвращении писал письма по этим адресам, но ответа не было. Много этот человек делал для Родины, а сам был все время больным. Часто опухал.

Сусличенко Павел Зосимович — Днепропетровская обл., Юрьевский район, с. Юрьевка (жена Гудзенко Ольга Антон., соседи: Яровая Мария Антоновна, Мороз Марфа Ант. Адрес его матери — г. Павлоград Днепр. области, ул. Интернациональная, д. 117. Шепетько Ульяна Прокофьевна). Его лагерные номера 7588 и 47 599.

Марусов Григорий Дм., Орловская обл., Дятьковский район, ул. Октябрьская, д. 50.

Воровский Вас. Григ. — Николаевская обл., Каховский р-н, с. Любимовка (жена — Мария Лукьяновна) и др.

*Макаров П.М.
г. Рязань*

20 марта 1965 г.,

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 44. Л.86—98 об.

№ 110

Нас всех спасла своей заботой мама

Война нас застала в пригородном совхозе «Брилеве» г. Гомеля. Все, что пришлось пережить во время войны г. Гомелю, пришлось пережить и нам, т.к. совхоз «Брилев» — это пригород г. Гомеля. Об ужасах войны уже немало рассказано и в других источниках, но городу Гомелю, как и многим городам белорусской земли, выпала особая доля. Вот мама, а она уже у нас старушка, со слезами на глазах вспоминает это время. Слишком глубоко вошли в душу те страшные годы войны. Она рассказывает это, как будто это было вчера.

Недалеко от совхоза находился лагерь пленных. Лагерь размещался на территории бывшего конзавода. Мама и другие — наши соседи — пекли лепешки из последних запасов продуктов. Снаряжали моего старшего братишку, надев полный школьный ранец, и отправляли в лагерь. В лагерь он пробирался незаметно, отрывая доски в заборе. Братишке поручали все соседи отгадывать знакомых и сообщать родителям. От пленных он получал целый рюкзак записок. От мамы у

него было особое задание — искать отца. Но соседям он всегда отвечал, что никого не видел, а матери: отца я не нашел. Отец ушел на фронт при наступлении немцев в 1941 г., и мама думала, что он не успеет догнать наши части.

Матери из нашего дома выходили часто с сумками продуктов на дорогу, по которой везли наших пленных, всматривались в их лица и бросали на ходу в машины свои небогатые продукты. Немцы в ответ на это строчили из автоматов по стоящим матерям.

Умерших наших пленных везли на автомашинах к противотанковому рву и там их сбрасывали в ров, откуда по ночам доносились стоны.

В августе месяце 1943 года по просьбе многих матерей, а также при содействии подпольных работников (а может, еще каких причин) удалось вырвать из лагеря человек 15 наших пленных. Немецкие жандармы разрешили взять самых молодых, на выздоровление которых не надеялись. Мама говорит, что в них еле-еле теплилась жизнь. Пленных, конечно, разобрали самые сознательные матери, т.к. прокормить человека в то время была целая проблема. Одного из пленных возвращала к жизни и наша мама.

Вот небольшие подробности.

То, что он ел, сразу у него выходило, т.е. не усваивалось. Матери каждый раз после этого нужно было менять белье. Делала она, конечно, это с полной материнской заботой. Лечила всем, чем знала и что можно было достать. Помогли, по воспоминаниям матери, сухари со сметаной, которые приходилось доставать с большим трудом.

Через месяца полтора он поднялся на ноги и стал помаленьку ходить. Звали его Валентином. Родом из Ленинграда, 22 или 23 года рождения.

Фамилию мама помнила, но сейчас забыла.

В марте 1943 года маме прокормить нас стало трудно.

Старшему брату в то время было 12 лет, мне 6 лет и сестренке 10 лет. С нами же жил мамин отец, которому было в то время 83 года, ну и с нами Валентин.

Вот такой была наша семейка. За жизнь всех боролась одна мать.

Чтобы спасти нас, мама вынуждена была увезти нас на родину отца, в Могилевскую область, в деревню. Валентин остался здесь же, в «Брилеве».

С Краснопольского района в конце марта мама по семейным нуждам пешком ходила в совхоз «Брилев». Расстояние это было километров 120.

Валентин узнавал, что мама в «Брилеве». Он сразу же прибежал к ней и угощал, чем можно. Зачастую таким подарком были горсть гречихи и ячменя, а для матери они являлись лучшим подарком.

Дальнейшую судьбу Валентина мы не знаем. По рассказам жителей «Брилева», вскоре он ушел в партизанский отряд.

Валентин! Мама обращается к тебе, если ты жив, отзовись!
Напиши письмо или, будет возможность, приезжай к нам!

*Манко А. К.
г. Совгавань.*

27 января 1965 г.,

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 45. Л. 78—82 об.

№ 111

Ужасы плена трудно описать

Я помню 1942—1945 гг., когда германские фашисты издевались над пленными. Попал я в окружение 17 мая 1942 года под Харьковом. Было нас 79 тысяч солдат, угнали нас в сторону станции Лозовая. В одной деревне за проволочным ограждением стоял 2-этажный дом, вокруг дома стояли часовые на вышках с автоматами в руках, где и находились мы. Ночью прожектора освещали территорию лагеря. В дом загоняли по 200—300 человек и ничего не давали кушать, с голоду умирали каждый день партиями. В этот дом попал и я. Из разговоров ребят узнал, что два дня назад расстреляли 200 человек за то, что они ели мертвеца. В эту ночь решил я бежать, рискуя жизнью, но бежать не удалось. Меня поймали и кинули в другой лагерь, а потом всех нас повезли в город Днепропетровск, но там было не лучше. В день умирало по 150—200 человек от дизентерии, их складывали, как дрова, пять подвод не успевали вывозить.

Однажды собрали нас человек 150 и повезли вроде на работу, и увидели мы такое зрелище: (на площади в) один километр были засыпаны землей живые люди. Когда я спросил у ребят: «Что это за люди?» — то они сказали, что евреи: дети, женщины старики, комиссары. Нас заставили засыпать их как следует землей, иначе мухи лезли. А потом я попал в лагерь 33, и тут я увидел кошмар: офицер СС ставил пленных в две-три шеренги и заставлял бить друг друга по морде, а сам с резиной в руке стоял и наблюдал, если, кто бьет слегка, то подходил и бил сам резиной.

Помню 1943 год, декабрь, мороз достигал от 30 градусов и до 40 градусов. Привезли эшелон пленных, полузамерзших (людей). Когда их разгрузили в холодные помещения, на второй день все умерли.

Нет, гитлеровские фашисты, свои грехи не утаите, эти раны, что вы нанесли народу, народ не простит, как вы рано хотите все забыть. Когда немцы нас гнали из Западной Германии в сторону Дании, то в это время они нас ничем не кормили, а могли бы достать с немецкого огорода картошки. Рядом с нами гнали американских пленных солдат, от голода они умирали, а советские пленные, несмотря на то что сами были голодные, поддерживали американских солдат, делились с ними,

кто чем мог. А сейчас что думают эти солдаты, ведь во Вьетнаме тоже такое положение.

Товарищи американцы, бывшие пленные! Неужели вы это не помните?.. Неужели вы не говорите своим детям, что вашу жизнь спасли советские пленные и чтобы ваши дети не убивали детей вьетнамских? Очнитесь, товарищи американцы — бывшие пленные, что вы делаете?

8 мая 1965 г.,

Маркоряц Г. Г.
г. Грозный.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 46. Л. 11—13.

№ 112

Не смирились, не подчинились

Правдивая статья «Люди світу, на хвилину встаньте!»¹⁵⁵ В. Сечкина — бывшего узника фашистского концлагеря смерти Заксенхаузен, моего товарища по совместной борьбе с фашизмом за жизнь и свободу в концлагере Заксенхаузен-Хейнкель, которого я хорошо знал, и фотоснимок в «Комсомольской правде» с пояснением заставили меня с новой силой вновь вспомнить все пережитое в одном из самых мрачных фашистских застенков — концентрационном лагере Заксенхаузен и его филиалах в период с июня 1942 г. по апрель 1945 г.

...Концлагерь Заксенхаузен находился в г. Ораниенбург под Берлином, это был показательный лагерь. В нем центральное управление концлагерей фашистской Германии разрабатывало и испытывало на узниках усовершенствованные орудия и способы массового уничтожения людей, а потом распространяло их по всем остальным концлагерям гитлеровского рейха.

Тысячи узников погибли в нем от тяжелой работы, голода, изуверских истязаний, под палками и пулями, на виселицах, отравленные ядами при «лечении», затравленные собаками и удушенные газами в «банях». В этом лагере смерти за период 1941—1945 гг. было зверски убито и замучено более ста тысяч человек.

В самом центральном лагере Заксенхаузен постоянно находилось узников до 50 тысяч и примерно столько же в его многочисленных филиалах.

В этот лагерь попадали советские военнопленные и люди, угнанные гитлеровцами из разных стран Европы, которые не смирились и не подчинились в неволе фашистскому режиму и не склонили свои головы.

В Заксенхаузен попадали за саботаж, диверсии, агитацию, политическую работу, за распространение листовок, военных сводок, за не-

---

¹⁵⁵ Это первая строчка песни «Бухенвальдский набат»: «Люди мира! На минуту встаньте!»

подчинение, за побеги и отказ работать, т.е. те люди, которых гестапо приговаривало как опасных политических преступников к смерти и направляло в концлагерь Заксенхаузен на уничтожение.

Когда обреченных людей отправляли из тюрьмы в концлагерь Заксенхаузен, то эсэсовцы цинично им говорили: «Оттуда живыми не возвращаются, а если кто и выйдет, то только через трубу крематория», — дымившую зловонным дымом беспрерывно.

Волею трагически сложившейся судьбы в период Отечественной войны, в июне 1942 г. среди первых партий советских людей попал в Заксенхаузен и я. До этого около 4-х месяцев я просидел в тюрьме «Полиций-президиум» Берлина на Александрплатц, где подвергался допросам, зверским пыткам и издевательствам гестаповцев. С июня 1942 г. по апрель 1945 г. я был узником Заксенхаузена и его филиалов: Клинкер, Хейнкель, Свинемюнде, Эрлих и снова Хейнкель. Во всех этих концлагерях фашисты ставили невыносимые условия жизни заключенным и применяли нечеловеческие издевательства.

Фашисты в концлагерях особо выделяли советских людей и создавали для них поистине каторжные условия: морили голодом, истязали, травили газом, собаками, вешали, топили, убивали, заставляли выполнять непосильную работу и т.п.

По сравнению с жизнью и мучениями узников Заксенхаузена все ужасы вымышленного библейского ада меркнут и бледнеют.

Находясь в этих ужасных и невыносимых условиях, в мире бесправия и полного произвола, советские люди не были сломлены, они держались стойко, организовали сопротивление и боролись всеми доступными им методами и средствами.

В концлагерях Заксенхаузена мне пришлось встретиться со многими советскими людьми, волею судеб попавшими в тяжелую беду. Среди советских людей я в концлагерях встречался со многими своими земляками — харьковчанами, и в том числе людьми, победившими смерть, ныне живущими и работающими в Харькове

Это Швачко Е.Г., № 51 988, Томленов Н.Н., № 45 144, (до концлагеря я вместе с ними находился в тюрьме), Цымбал Д.В., № 44 325, Оноприенко П.Г., Курочкин И.А., Курочкин А.А., Бобров В.М., № 54 713, Сечкин В.Н., № 67 903, Зинченко А.О., № 48 772, Черкашин П.Ф., Савин А.П., № 89 673, Шакуров И.М., № 132 582, Сиренко И.Ф., № 48 026, Семенов Н.И., № 52 757, Духопелов А.Г., Беляев А.М. и др., которые смело боролись с фашизмом, поддерживали один другого, всегда помогали друг другу, организовывали постоянную взаимопомощь, крепили интернациональную дружбу и солидарность, а в трудную минуту всегда приходили один другому на помощь.

Советские люди, в том числе и харьковчане, в Заксенхаузене сломлены и покорены не были. Они активно, смело и дерзко боролись против фашизма в невероятно тяжелых условиях.

Даже своей смертью советские люди призывали живых к борьбе, показывая, как надо любить свою Родину и бороться за ее честь. Советские люди для узников всех 19 национальностей являлись примером стойкости, мужества и отваги. Они всегда возглавляли борьбу и вели за собой на борьбу узников всех национальностей.

В условиях полного произвола, бесправия и абсолютной беззащитности в концлагере Заксенхаузен в глубоком подполье организуется движение Сопrotивления. В подпольных интернациональных комитетах участвовали коммунисты, офицеры, политработники, а также много советских и других борцов с фашизмом.

Во главе подпольного центра советских военнопленных и советских людей стал узник № 46 883 — коммунист-генерал А.С. Зотов. Вместе с советскими людьми в движении Сопrotивления участвовали немцы антифашисты, в т.ч. коммунисты Эрнст Шнеллер (бывший депутат рейхстага) — руководитель немецкого Сопrotивления, Зепп Хаан, — узник № 52 434, партийный работник, автор книги «Безмолвная схватка», также чехи, французы, бельгийцы, голландцы, поляки, норвежцы и многие заключенные других стран.

Во всех концлагерях в строгой тайне создаются боевые тройки и пятерки, в которые обязательно входили советские люди, которые их же, в основном, возглавляли.

Среди всех узников Заксенхаузена была большая сплоченность, солидарность и взаимопомощь в борьбе против фашизма.

В Заксенхаузене каждый человек терял свою фамилию и имя, а получал номер и становился безликим хефтлингом (заключенным), не имеющим никаких прав, никакой защиты, кроме права на тяжелую, страшную жизнь и, в конечном счете, смерть.

И вот эти люди, находясь в ужасных условиях, все время смотревшие смерти в глаза и ежеминутно рискуя своей жизнью, под руководством подпольных комитетов готовили и осуществляли диверсии и акты саботажа, вели политическую борьбу и всеми силами спасали людей от смерти.

Во всех лагерях Заксенхаузена все время шла непрерывная безмолвная схватка. Узники устраивали аварии, поломки, крушения, выводили из строя заводское оборудование, портили станки, аппараты и машины, жгли электромоторы. Выводили из строя электроподстанции, трансформаторы, автоматические линии.

Узники развивчивали рельсы, переключали стрелки, засыпали в буксы вагонов песок, вызывая этим аварии и нарушая нормальную работу железнодорожного транспорта. Узники устраивали пожары, а при бомбежках подавали самолетам световые сигналы. Узники работали плохо и медленно, т.е. больше работая глазами, чем руками, много делали брака и работали не так, как надо, и вообще вредили, чем только могли и где только была возможность.

При всем этом узники вели борьбу с разного рода лагерным начальством из заключенных уголовников-немцев, которые плохо относились к заключенным, очень их били, издевались над ними. Также приходилось расправляться с доносчиками и провокаторами-предателями, которые за пайку хлеба или за миску баланды из брюквы были готовы предать лагерному эсэсовскому начальству своих товарищей. Правда, таких подонков было мало, но иногда они все же встречались.

На заводе «Хейнкель» узники всеми силами портили самолеты и задерживали их выпуск. При сборке самолетов применяли заранее непригодные и бракованные детали, в трущиеся и вращающиеся части и детали подсыпали металлические опилки, засоряли и сужали масло и бензинопровода. Подпиливали и поливали кислотами тросы и важные узлы, при помощи кислот портили резину колес самолетов.

В результате большого и продуманного саботажа узников летом 1944 г. был остановлен на несколько дней крупный военный завод «Хейнкель», изготовлявший самолеты.

В январе 1945 г. узники концлагеря Клинкер вывели на 3 дня завод, изготовляющий мины для минометов и гранаты.

На секретном острове Пенемюнде в Балтийском море находился один из самых страшных филиалов Заксенхаузена — концлагерь Свинемюнде. На этом острове фашисты создавали свое новое секретное оружие. Здесь находился центр распространения фашистского инженера фон Брауна. На этом острове в подземных лабораториях и цехах фашисты изготовляли ракеты Фау-1 и Фау-2, работали над атомной бомбой, а на аэродроме испытывали и осваивали реактивные истребители.

В октябре 1944 г. я и мои друзья, харьковчане Савин А.П., Шакуров И.М., Беляев А.М., попали из Заксенхаузена на транспорт в количестве 700—800 чел., в этом транспорте был и наш товарищ, летчик Девятаев М.П. Транспорт — это слово имело в лагере зловещий смысл. Узники никогда не знали, когда и куда их отправят. Мы боялись, что на новом месте нам будет еще хуже, и ломали голову над тем, что нас ждет. Но у нас всегда теплилась надежда, что и там будут люди, с которыми можно найти общий язык.

И вот спустя несколько дней тяжелого пути в вагонах для перевозки скота, в которые узники были набиты, как селетки в бочки, мы очутились на этом страшном острове. За всю дорогу нас — узников эсэсовская охрана не кормила и не поила, в результате много узников умерло.

В этом концлагере Свинемюнде узники также вели мужественную борьбу, портили детали и запчасти к ракетам и самолетам, выводили из строя и нарушали радиоаппаратуру и системы управления ракетами и самолетами, в результате чего ракеты у фашистов плохо зачатую летали, не слушались в полете и часто падали в море. Да и с освоением реактивных истребителей у них дела шли плохо. Узники из цистерн и бочек выливали горячее, спирт и бензин, портили горячее и масла,

применяли часто для саботажа песок, металлические опилки, кислоты. Также узники ломали и портили различное оборудование, аппараты.

Этот остров очень много и часто бомбили, и узники всегда старались подать самолетам световой сигнал. Кроме всего этого, узники, рискуя своей жизнью, делали много другого, нанося своим врагам вред за то, что, если бы поймали гестаповцы или эсэсовцы, узников ждали зверские пытки, нечеловеческие издевательства и, в конечном счете, смерть...

Несмотря на зверский террор, ужасные условия жизни и очень усиленную эсэсовскую охрану на этом проклятом острове, в начале февраля 1945 г. пленный советский летчик Девятаев М.П. со своими товарищами по рабочей команде совершил дерзкий побег. Проявив безмерную отвагу, десять изможденных, полуживых людей убили конвоиров и похитили из-под носа гитлеровских летчиков новейшей конструкции бомбардировщик «Хейнкель III». На глазах многих узников они улетели и, как нам стало потом известно, приземлились за линией фронта. За этот героический подвиг Девятаеву М.П. присвоено звание Героя Советского Союза. Этот побег из ада на фашистском самолете Девятаев и его товарищи смогли совершить только благодаря подпольной антифашистской группе своих товарищей по борьбе и взаимопомощи друзей.

Несмотря на то что после того, как улетели наши товарищи, а на нас — оставшихся узников с новой силой обрушился террор эсэсовцев, которые издевались над нами, усиливали нам муки страдания, этим самым срывая свою злость и беспомощность за похищение самолета, этот героический подвиг наших товарищей вдохновил нас, придал нам силы и уверенность в нашей борьбе. Мы были горды, что улетели наши товарищи — советские люди, а фашисты ходили растерянные и подавленные. В марте 1945 г. нас, узников концлагеря Свинемюнде, звери в эсэсовских мундирах при помощи автоматов, железных палок и собак стали грузить в старые дырявые баржи. И, погрузив, вывезли в море, чтобы нас там потопить, но им что-то помешало, и поэтому они нас привезли в порт Росток, погрузили в скотные вагоны и повезли. Через несколько дней пути мы оказались в концлагере Эрлих, вблизи города Нордхаузен. В этом лагере узники долбили в горах подземный завод для выпуска секретного нового оружия. Здесь я и мои друзья, Савин А.П., Беляев А.М., Шакуров И.М., встретили своего земляка, харьковчанина Духопелова А.Г., который нам помогал, чем мог, и познакомил нас со своими товарищами, которые нас поддерживали, как могли. В этом лагере мы пробыли недолго. В скором времени нас всех фашисты погрузили, как скот, в угольные вагоны и под страшными бомбежками и обстрелами американских самолетов повезли. Везли нас несколько дней, за это время половина транспорта было убито, т.к. сверху нас бомбили и обстреливали американцы, а снизу расстреливали эсэсовцы. Для чего наш транспорт полуживых узников бомбили и обстреливали американ-

цы под Берлином, нам это никак не понятно. Ведь они хорошо знали, что в вагонах находятся полуживые узники концлагерей.

В начале апреля 1945 г. наш транспорт живых мертвецов прибыл в концлагерь Закзензаузен на завод «Хейнкель», где мы опять встретили многих своих знакомых и товарищей...

Когда в 1945 г. орды фашистских захватчиков под ударами советских войск покатились на Запад, терпя поражение за поражением, антифашистский подпольный комитет Заксенхаузена взялся за подготовку вооруженного восстания во всех филиалах лагеря. Пытаясь замести все следы своих злодеяний, фашисты стремились уничтожить всех узников. Обер-палач Гиммлер отдал приказ своим подручным: ни один заключенный не должен спастись и попасть живым в руки врага. Эсэсовским частям предписывалось смести с лица земли все концлагеря смерти вместе с теми, кто выстоял в неравной, тяжелой борьбе за жизнь и свободу. В этой напряженной обстановке только вооруженное восстание узников могло сорвать преступные замыслы фашистов, спасти от уничтожения десятки тысяч людей. К вооруженному восстанию стали готовиться все узники лагерей под руководством антифашистских подпольных комитетов.

Но вооруженному восстанию узников Заксенхаузена и других лагерей помешала неожиданная эвакуация. Никто из заключенных не знал о действительной цели эвакуации, и о ней ходили невероятные слухи.

Подпольный антифашистский комитет, все взвесив и хорошо обсудив, отдал необходимые распоряжения и указания в отношении формирования маршевых колонн и предстоящей эвакуации.

Эвакуация началась рано утром 21 апреля 1945 г. Выходили из лагеря колоннами по 500 чел. Каждую колонну сопровождала сотня хорошо вооруженных эсэсовцев и несколько охранников со специально обученными собаками. В каждой колонне находились члены подпольного комитета, стойкие антифашисты, коммунисты и доверенные лица от национальных групп.

Начался страшный десятидневный марш по дороге смерти на г. Шверин. Как нам стало вскоре известно, эсэсовцы всех узников гнали к морю, чтобы там их сразу всех потопить и этим самым скрыть все следы своих преступлений.

Это был ужасный марш смертников, вся дорога устилалась трупами убитых и пристреленных людей. Узники были изможденные, изнуренные, от слабости едва переставляли ноги. Вид их был ужасный, страшно худые, заросшие, грязные, оборванные. Это шли не люди, а живые скелеты, выходцы с того света. За всю дорогу нас эсэсовцы не кормили и не поили. Кто ослаб и пристал — пуля, шаг в сторону — пуля.

Когда же по дороге, по которой гнали нас, попадались бурты картофеля, брюквы, свеклы или же убитые лошади, а также колодец с колонкой, то, несмотря на строжайший запрет, не выходить из колонн под угро-

зой смерти, голодные, ослабевшие узники бежали к ним, и в это время эсэсовское зверье спокойно и со смехом из автоматов расстреливали несчастных людей, которые оставались лежать убитыми около буртов и колодцев. Раненые же товарищи от потери крови и слабости дальше не могли идти и эсэсовцами пристреливались.

На третий или четвертый день пути мы встретили женские колонны узниц концлагеря Равенсбрюк, которых, как и нас, гнали эсэсовцы. На этих несчастных женщин даже нам, привыкшим ко всему, было страшно и жутко смотреть. За все время десятидневного марша узники только два раза получили понемногу еды от Международного Красного Креста, и это очень многим спасло жизнь.

Члены подпольного комитета, коммунисты и доверенные лица подбадривали людей, вселяли в них уверенность в скорое освобождение, говорили о необходимости вооружиться чем только можно, чтобы дороже отдать свою жизнь. Они призывали беречь свои силы, помогать друг другу, не поддаваться на провокации и всеми силами тормозить движение колонн на г. Шверин.

Все узники в это напряженное время были сплочены, слушали своих товарищей-вожаков и, идя по дороге, вооружались, чем могли, помогали и поддерживали друг друга.

Я шел в последней колонне концлагеря Хейнкель со своим другом Савиным А.П. и другими товарищами, в этой же колонне шли Зепп Хаан и другие коммунисты и антифашисты.

В конце апреля месяца ночью мне с несколькими товарищами удалось бежать из леса, в который нас загнали эсэсовцы на ночь. Это было недалеко от г. Шверин. Через сутки мы встретились с советскими разведчиками — нашими дорогими освободителями.

Сколько при этом было радости и слез, что мы остались живые и свободные. Это было наше второе рождение, ведь никто из нас не думал и не надеялся остаться в живых.

Среди встретившихся нам первых советских солдат я встретил гвардии старшину разведчика Попова Андрея Трофимовича, который, к моей радости, оказался харьковчанином. Он с солдатами накормил нас, расспросил нас. Попов А.Т. рассказал мне о Харькове, оставил мне свой адрес, а потом сообщил письмом моим родным в Харьков, что я жив и он встретил меня, освободившегося из концлагеря.

Все остальные узники концлагеря освободились 1—2 мая 1945 г. Вскоре мы вновь встретились со своими товарищами, уже свободными, с которыми долгое время мучились, страдали и боролись в концлагерях. При своем освобождении узники захватили многих эсэсовцев из охраны, которых передали советскому командованию. За время марша смерти по дороге на г. Шверин я встречал своих товарищей и друзей, харьковчан Духотепова А.Г., Томленова Н.Н., Черкашина П.Ф., Швачко Е.В., Зинченко А.О., Боброва В.М., братьев Курочкиных, Ивана и Анатолия,

и многих харьковчан. К большому сожалению, им не всем удалось дожить до светлого и радостного дня освобождения.

Мы, оставшиеся в живых, бывшие узники, склоняем свои головы светлой памяти погибших наших товарищей.

Во время эвакуации Заксенхаузена эсэсовцы вывели около 40 и даже, возможно, 50 тыс. узников, но за время десятидневного пути в живых осталось не более восемнадцати тысяч...

Благодаря стремительному наступлению советских войск фашистам не удалось осуществить свой дьявольский план уничтожения всех узников концлагерей смерти.

Бывшие узники фашистских концентрационных лагерей смерти — это люди с искалеченной судьбой и надорванным здоровьем, каждый из них хлебнул горя полной меркой, жизнь каждого — трагедия, которую не перескажешь словами.

Всему миру известно, какие страшные несчастья и бедствия принес человечеству немецкий фашизм. Люди, выдавшие его звериный облик, никогда это не забудут. Нашим людям, народам всего мира и в особенности молодому поколению важно знать лицо фашизма...

Фашизм везде одинаков, и несет он всегда человечеству разрушения, страдания, слезы, муки, горе, порабощение и истребление целых народов.

После освобождения и победоносного окончания Отечественной войны я около двух лет работал в Советской военной администрации в Германии, где бывшие советские воины помогали трудящимся Германии строить новую, демократическую Германию — государство рабочих и крестьян.

По приезде к себе на Родину, в свой родной Харьков, я со временем встретил некоторых своих друзей и товарищей, вместе с которыми я долгое время томился, страдал и боролся в фашистском концлагере смерти Заксенхаузен. Также встретил бывшего гвардии старшину разведчика Попова А.Т. Спустя 19 лет меня разыскал мой верный друг Савин А.П., вместе с которым мы были долгое время вместе.

В настоящее время у нас с ним крепкая дружба и большая переписка. Ведь наша дружба родилась в тяжелых условиях нашей жизни в фашистских лагерях смерти и прошла суровые испытания, которые с честью выдержала.

Она крепка и надежна.

Мой верный друг Савин Александр Петрович живет и работает в г. Усурийске Приморского края. Мой хороший немецкий товарищ Зепп Хаан в ГДР, в Берлине и работал заместителем председателя Центральной ревизионной комиссии Социалистической Единой Партии Германии. Недавно от его жены и детей я получил письмо, в котором они мне с прискорбием сообщают, что их муж и дорогой отец, мой товарищ по концлагерю Заксенхаузен-Хейнкель Зепп Хаан, антифашист, немецкий коммунист, верный сын своего народа, умер 24 февраля 1965 г. на 68-м

году жизни. Сказалось все пережитое и перенесенное в концлагерях. О чем мы, бывшие узники, хорошо знавшие Зеппа Хаана, искренне сожалеем, т.к. Зепп Хаан был хороший человек, друг русских, который хорошо относился к нам и в трудных условиях эсэсовского террора помогал советским людям и всегда приходил нам на помощь.

Каждый год все дальше и дальше отдаляет нас от страшных событий, пережитых нами в фашистских концлагерях смерти в Германии. Теперь это уже история. Когда я вспоминаю те дни, полные ужаса, то иногда думаю: как можно было выжить в тех нечеловеческих условиях? Но мы все-таки выжили! Пусть немногие, но все же выжили! Нам помогла любовь к своей Родине, крепкая и верная дружба, нам помогли борьба и уверенность в победе нашего народа.

Большая дружба и поныне объединяет нас — бывших узников фашистских концлагерей смерти. Я и сегодня слышу многоязыковое «клянемся!», которое было торжественно произнесено на митинге узников Заксенхаузена, освобожденного Советскими войсками, что мы никогда не забудем зверств фашизма и всегда будем бороться, чтобы это не повторилось. Мы, бывшие узники концлагеря Заксенхаузен, всегда верны этой клятве и своей дружбе.

Гитлеровские преступники не могут оставаться безнаказанными. Палачам не может быть прощения. Этого требуют не только уважение к памяти погибших в Отечественную войну но и жертвы фашизма. Этого требуют интересы международного мира и безопасности всех народов, этого требует будущее всего человечества.

Махорин К.П.,

быв. узник 437 концлагеря смерти Заксенхаузен.

18 апреля 1965 г.,

г. Харьков.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 47. Л. 74—83.

№ 113

Фашисты мстили за свои неудачи

Наш пулеметный расчет сдерживал кольцо от прорыва, примерно не более километра от деревни Гарбузовка. Маленький хуторок, расположенные в один ряд не более 10 домов у подножия лощины, ведущей от Гарбузовки. Эту лощинку немцы избрали (для) выхода из окружения, (это был путь), скрытый от глаз наших войск. На пути прохождения лощинкой стояла улочка. Через нее, вернее, поперек нее проходили, бежали немцы. В одном из этих домов улочки засел пулеметный расчет. Своим огнем (он) косил валившую лавину немцев, безумевших от огня наших «катюш».

Этот пулеметный расчет накопил столько, что образовалась лощина, высланная из трупов не в один ряд, а в несколько, переходя как бы в

волны-бугры из трупов. Этот бушующий поток (врагов) валил и валил (на) пулеметный расчет, пока у него не кончились патроны. После чего начали отстреливаться одиночными выстрелами.

Наш пулеметный расчет укрылся в доме, не сдавался на требования врага. Разъяренный враг не мог их взять живьем. (Враги) сожгли дом вместе с героями пулеметчиками. Настолько враг был разъярен, что не смог успокоиться сожжением героев. (Враг) набросился на беззащитных жителей этого дома, укравшихся в погреб, в огороде. Враг извлек из погреба троих: хозяйку дома, дочь ее, а у дочери был ребенок ее — дочерин. Вражеский офицер застрелил на руках матери ребенка, потом мать ребенка, а потом бросился на саму хозяйку. Воткнул пистолет ей в рот. Но разъяренному немецкому офицеру помешали покончить с хозяйкой. Итальянские и румынские солдаты кричали: «Не тронь матку. Она нам давала молоко и яйца». Эта хозяйка дома осталась в живых, что и пришлось мне услышать из ее уст и увидеть жертвы невинного населения.

Немцам не удалось уйти, их остановила и разоружила соседняя дивизия на открытом поле среди ночи. В этой группировке были немецкие СС-овские войска, но они использовали под силой оружия итальянцев и румын, в передние окопы ставили их. Если они не стреляли, они стреляли по ним. Под страхом смерти они воевали, но при удобном случае они всюду сдавались...

1 февраля 1965 года.

Миронов А.Л.
Горьковская обл., пос. Сотис.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 49. Л. 63—65 об.

№ 114

«Фашизму прощенья нет»¹⁵⁶

...Демобилизовавшись из армии, я возвратился в родной колхоз и пошел работать на трактор, на котором я выполнял обработку почвы в садах и виноградниках колхоза, и однажды произошло следующее:

Из-за серого облака выглянуло яркое солнце, говорившее о прекрасном наступающем дне. Дождь вчера не давал долго работать, но солнце сегодня восторжествовало, нагрело землю, и теплые испарины, отдаваемые донским черноземом, заколыхались вдали — на горизонте.

¹⁵⁶ Это воспоминание-исповедь Василия Петровича Минка — участника Великой Отечественной войны. В мае 1941 г. он служил в районе станции Лесной в Белоруссии. После войны был бригадиром-садоводом. Воспоминания В.П. Минка записал и прислал в редакцию «Комсомольской правды» Мирошниченко Леонид Захарович, проживавший в 1965 г. в с. Круглое Азовского района Ростовской н/Д области.

Земля была еще влажной, и почвообрабатывающие машины не могли производить требуемое. Трактор мой работал на малом газу, а я сидел под цветущей яблоней, лениво жевал пирожок и прислушивался к мелодичным звукам пчел, перелетающих из цветка на цветок, собирая сладкий нектар и золотистую пыльцу — обложку.

В это время подходит ко мне бригадир-садовод, не по годам состарившийся, спросил меня: «Что, жуешь?» Да, жую, а что мне оставалось делать, я чувствовал свою вину, работая трактором, сломил цветущую яблоню. И я знал, что за это мне не поздоровится, но, увы, все обошлось благополучно, только и сказал бригадир, что помни, юноша, иногда цветы дороже плодов. Дерево мы срежем на обратный рост, и через 4—5 лет оно зацветет и заплодоносит, а человек, утративший свою совесть, сломивший это дерево, больше никогда не посмеет прикоснуться к нему. Если это только честный человек и сделал это случайно, он постыдится своего прошлого, он не посмеет посягнуть на вновь расцветшую эту яблоню, ему даже будет стыдно сорвать плод с нее.

«А вы расскажите, пожалуйста». Бригадир присел рядом, взял кусок из моих рук недоеденного пирожка, спокойно положил в рот, пожевал, глотнул, по-отцовски взглянул на меня, сказал:

— Слушай, сын мой, то, что я тебе сейчас расскажу, это была правда.

Я родился в 1919 году, в тяжелые годы для молодой Советской власти, рано остался без матери, а отца тоже мало встречал, но, однако, вырос и выучился с помощью Советской власти, работал на транспорте, а в 1939 году призвался в армию, где на вокзале станция Ахтырка Ю.Ж.Д. комиссар Ахтырского райвоенкомата сказал всем призывникам: «На вашу честь предстоит защищать город Ленина от белофиннов».

На перроне стояли провожающие, отцы, матери, братья и сестры, знакомые и любимые девушки — у меня же никого не было. Я ощущал единственное плечо друга, Виктора Чередника.

И перед нами стояла старушка-учительница, мать Виктора, которая любила беспредельно нас обоих, она не плакала, как другие, нет, а только прижимала к груди своей, как младенцев, и говорила: «Будьте достойными сынами Родины своей, вы дороги мне, но колыбель Революции дороже на свете всего, и защитить ее ваш долг. Прощайте, дети, я буду жить в надежде, что вы вернетесь ко мне». Дали третий звонок, свернутый желтый флаг, поднялся над головой дежурного по станции, протяжный гудок паровоза «СУ» отдался эхом далеко в строениях и рощах привокзальной площади.

Медленно качнулись вагоны, создавая легкий шум катящихся колес по рельсам, встречая стык за стыком, переходя в частую дробь.

Купе классных вагонов заполнилось шумными и веселыми призывниками. Но я стоял в тамбуре, прижавшись к оконному стеклу, ощущая его приятную прохладу, смотрел вдаль и ничего не видел. Глаза мои за-

крывала тройная пелена: обида слез, не совсем чистого оконного стекла и пролетающий мимо вагона светлый паровозный дым.

Я ехал со своими одногодками отдать долг и защитить свою Родину.

После краткой подготовки мы с Виктором были направлены в 178-й Краснознаменный орденосный противотанковый истребительный дивизион, который действовал в составе 155-й с.д. дивизии, прошедшей 210 км с боями под командованием генерал-майора Александра. В марте месяца 1940 года линия Маннергейма полетела в пух и прах, наши юные сердца ликовали, мы в рядах доблестной Советской армии шли плечо к плечу и защитили не только город Ленина, а и честь Страны Советов. Всего 7 км не дошли до нынешней столицы Финляндии Хельсинки, белофинны подняли белый флаг, это значило, что кончилась война.

13 мая 1940 года 178-й Краснознаменный орденосный дивизион покинул Финляндию и переехал в Беларусь, в г. Барановичи. Жизнь армейцев с белорусами проходит дружно. В декабре месяца 1940 года наш дивизион по приказу вышестоящего начальства перебазировался в местечко Кривошено (в имение бывшего графа Потоцкого), где мы проходили дальнейшую службу с Виктором Чередником. Это была замечательная часть, и самыми дорогими для всего личного состава были: командир части капитан-орденосец Шкодин, комиссар Яшин, начальник штаба Фофанов, командиры батарей Краснокутский М.Г., Гранич, Иванов, старший политрук Никаноров, командир огненного взвода Рыбин, замполит Сафонюк и много-много других товарищей.

Но вот для нашей части, которая казалась мне родной семьей, неожиданно-негаданно пришло несчастье.

Вышестоящее командование отозвало командира части капитана Шкодина и комиссара Яшина, а в мае месяца 1941 года последовал приказ, покинуть зимние квартиры и выехать в летний лагерь, в район станции Лесной. Осиротевшая часть и раздробленная, оставив на зимних квартирах законсервированную боевую технику и 3-ю батарею, в состав которой входил Виктор, я же с большей половиной части выехал в лагерь, где и расквартировались в общем артиллерийском лагере.

На 22 июня 1941 года ожидалось большое празднество, т.е. открытие артиллерийского лагеря, но в 7 часов утра трубы заиграли боевую тревогу. Так началась война. По приказу командира дивизии генерал-майора Александра наша часть направилась к западной границе, к г. Бресту, где 23-го числа мы встретились с 3-й батареей и своей боевой техникой, пригнанной из зимних квартир той же батареей, хотя я и не в полном составе, а 24-го под Брестом принял 1-й бой, командовал дивизионом майор Винник и старший политрук Никаноров, дрались не на жизнь, а на смерть.

В 1-м бою же погибли: начальник штаба лейтенант Фофанов Александр, старший политрук Никаноров, лейтенант Иванов, политрук Иванов Николай, сержант Виктор Чередник. Старшина Солодов Александр

из Ленинграда. Сержант Александров Александр из Пензы. Сержант Герасименко Петр. Сержант Конопля Василь. Сержант Зайцев Емельян из Пятихаток и много других товарищей.

Но свои жизни отдали не зря, они дали понять фашистам, что для непрошенных гостей земля Русская является могилой, и это было так. Больше сотни уничтожено фашистских танков, бронетранспортеров и много уничтожено самоходных орудий, и около трехсот было убито фашистов.

Но история не знает об этих героях. Дрались беспощадно, немецкие танки, бронетранспортеры, самоходки пылали, как свечи. Сержант Василь Конопля не растерялся и из противотанкового орудия сбил фашистский самолет М-109 (мессершмитт) на бреющем полете.

В 1-м бою было много потеряно боевых товарищей, но нас это не сломило. Старший лейтенант Марк Григорьевич Краснокутский принял на себя командование, так как командир части майор Винник пропал без вести, и под командованием Краснокутского, хотя и в малом составе живой силы и боевой техники, еще 28 суток беспощадно дрались за каждую пядь своей земли. Эти бои проходили в так называемом Белостоцком котле.

Комдив генерал-майор Александров приказал отходить (от Бреста), и мы отошли. Отход был тоже с повседневными боями, горел Минск, Могилев, Смоленск. Последние бои приняли в городах Рогачеве и Жлобине, после чего осталось единственное противотанковое орудие и тягач «Комсомолец».

Затем вновь отступление, и на реке Десне я был контужен, очнулся в Орше в госпитале. И только после этого понял, что нахожусь в плену.

Немецкие врачи — мясники быстро находили «выздоровливающих», кто мог двигаться, тех гнали этапом, кто не мог передвигаться — тех грузили на автомобили и везли к станции Орша-1, грузили навалом в товарные вагоны и увозили, а куда — одна история знает. Меня же гнали этапом до Смоленска, трудно пересказать все то, что творили немцы-конвоиры по пути следования.

Могу только сказать одно тебе, что из 47 тысяч нас осталось 15 тысяч, все остальные были расстреляны фашистами по пути следования. На 11-е сутки нас подогнали к окраине г. Смоленска и всю колонну подогнали к территории, огражденной высоким дощатым забором, куда и загнали нас. Здесь уже находились советские военнопленные, потому что внутри было проволочное заграждение и по углам стояли пулеметные вышки с часовыми — фашистами. Как в дальнейшем выяснилось, это был ветеринарный склад областного значения, здесь были всевозможные медикаменты, инструменты, ступки с пестами, бочки с желеобразной мазью, сладковатой на вкус, все это было съедено, не только мазь, до единой травинки, стружка и та была съедена, остался только один фарфор и стекло.

Я напомним 9-е сутки, так как колхозник привез турнепс небольшим возом, впряженным быком. Фашисты впустили его в расположение лагеря. Но человек этот уже не вернулся, он погиб под пулеметными очередями, остался только сломанный воз и куча трупов, а от турнепса и быка не осталось и признака, все это было растерзано, я не участвовал там, потому что был без сил.

На 14-е сутки я уже не мог двигаться совсем, и когда постучали в мою голову носком кованого сапога, я приподнял голову, но она падала. Тогда чья-то сильная рука взяла за мою густую курчавую шевелюру, приподняла и с ужасной силой ударила в лицо, сказав: «Политрук, офицер?» Я сказал: «Да, офицер» — «Пойдем со мной». Я приподнялся, но снова упал, меня взяли под руки и выволокли за ворота.

То ли от того, что меня беспощадно терзали, то ли от того, что светило и обогревало яркое солнце, ко мне вновь вернулась жизнь. После того как выволокли меня, в 10 шагах от ворот бросили меня, и я увидел группу офицеров, (которых) ранее знал. Это были офицеры из нашей дивизии и других дивизий Западного военного округа, участвовавших в боях Белостокского котла, но мне было безразлично. Они стояли на ногах, я был беспомощен, я с большим усилием подполз к чахламу деревцу, уселся на землю, опершись на это дерево.

Вдруг над головой раздался девичий голос: «Ой! Какой вы молодой, а какой вы худенький, вы — офицер?» Я молчал, мне казалось, если я произнесу слово, значит, я не смогу совершенно двигаться. И я сидел неподвижно, без движения, смотрел в землю и думал одно: «Кушать», — хотя уже мой организм этого не требовал. Но девичий голос продолжал: «А ведь брат мой точно такой же, как вы, он служит в Прибалтике, наверное, и он где-либо так страдает, так, как вы, но вы будьте уверены, я вас спасу, вы, наверное, кушать хотите?» Меня пронизало, как током. «Спрашиваешь у больного здоровья, — сказал я, — кушать, кушать!» — «Я сейчас принесу». Через 10 минут девушка пробивалась через толпу пленных офицеров и немецких солдат и без конца твердила: «Брудер (брат), брудер, брат!»

Я понял, что пленные просили у нее кушать, а немцы не позволяли приносить передачи, но она им объяснила, что я ее брат. Так я неожиданно встретил сестру, совершенно чужую для меня девушку со Смоленска.

Фашисты, собрав группу офицеров и тех, кто имел длинный волос¹⁵⁷, и поместили рядом в подвал бывшего бензохранилища, двор которого также был обнесен колючей проволокой, но с более легким режимом. Офицерам разрешали разговаривать с гражданским населением, брать передачи от жителей Смоленска, даже разрешали копать картофель на прилегающих участках вблизи лагеря и в расположении разводить костры и варить картошку. Смоленская дивчина меня не покидала, оказалось, что она живет от этого лагеря в ста шагах, и каждый час посещала

---

¹⁵⁷ Т.е. офицеров.

меня. Она была знакома с фашистской охранкой, через старшую родную сестру, работающую в немецком офицерском госпитале в центре города Смоленска. Она знала сведения о передвижении военнопленных.

Однажды вечером подошла смоленская дивчина к проволоке лагерного заграждения с узлом и позвала: «Вася!» Услышав ее голос, я подошел к проволоке, но услышал зловещее «Цурюк» — назад! Но смольчанка закричала: «Вилли, дас ист майн брудер (брат)». Вилли сказал: «Ап Марш».

Я подошел к дивчине, она передала мне передачу, в которой был не харч, а одежда для побега, и не для одного, а для двоих: и для друга — лейтенанта Долгова, которого она кормила, как и меня. Но Долгов мне сказал: «Верни девушке одежду и не пытайся бежать, ибо на каждом шагу спрашивают “аусвайс”». Мне трудно было понять, хотя и знал немецкий язык, однако я задал вопрос Долгову: «Ты что — не хочешь бежать, не хочешь вернуться к своим, советским?» Он промолчал, а я, бестолковый, ничего не понял. Девушка вновь вернулась ко мне, к проволочному заграждению, и Вилли не прогнал ее, она спросила: «Вася, бежите?» А я ответил: «Долгов не хочет идти со мной, а я беспомощен». Смольчанка¹⁵⁸ сказала: «Долгов — предатель, он пришел сюда в полной выкладке офицера с листовкой, сестра об этом знает, а ты честный, скорей беги, мы с сестрой поможем тебе». Я только мог сказать: «Девушка, советские офицеры не бывают предателями, он такой же честный, как и я! Возьми свои вещи!»

Девушка вещи взяла, от проволоки не отошла, только достала из узелка трикотажную рубашку и синий носовой платок и сказала: «Сейчас же надень под гимнастерку, а платок сохрани до своего расстрела. Вас вывезут завтра утром и расстреляют, сестра знает, что расстреляют». Я взял платок, вытер сухой лоб и спрятал в карман. Здесь же при ней снял гимнастерку, одел трикотажку, что солдату не положено было раньше. Через колючую проволоку она протянула руку и сказала: «Дай мне что-нибудь на память!» Что я мог ей дать — у меня ничего не было. Я попросил ее нагнуться белым девичьим лицом к колючей проволоке и отдал то, что я имел: поцелуй молодости. Она приняла его. Она сказала: «Хотя ты и трус, но я хочу видеть тебя всегда до смерти, дай мне свой комсомольский билет». Мой волос поднялся дыбом: я не представлял, откуда знает она, что я комсомолец. И действительно, я уже был не комсомолец, был членом партии, но на фронте я не успел сдать комсомольский билет, он был при мне — между стелькой и подошвой армейского сапога. Я тут же в присутствии лейтенанта Долгова и девушки снял левый сапог, достал билет оторвал фотокарточку и отдал ей. Долгов похлопал меня по плечу и сказал: «Чудесный малый, ей подарил фотокарточку, а мне подари билет, ведь мы с тобой друзья». И я отдал плод, который оказался дешевле цветка, так бывает в жизни, юноша. Ну, вот и все, наверное, пора работать.

---

¹⁵⁸ Так в документе. Правильно: смолянка.

Ранним утром подошли немецкие дизели с прицепами, укрытыми тентами, куда нас и погрузили. Девушка была тут как тут и успела передать небольшую сумочку с солью, кусок туалетного мыла, кусок сала и махотку молока, так как мой друг, лейтенант Долгов, сидел у борта, он принял все это, подшучивая надо мной, что у меня заботливая «жена». Я посмотрел укоризненно на него и сказал: «Стыдись, товарищ лейтенант, она делает добро для нас всех, военнопленных, а вы говорите пошлости». Долгов переменял тему разговора, спрятал передачу в свой новенький рюкзак и ответил мне: «Чудак парень, не понимаешь шуток, да и мадонна не ах, стоит ли о такой беспокоиться. Будем в великой Германии, увидишь таких, что пальчики оближешь». Меня передернуло всего, и я понял, что за человек Долгов.

Между тем подошло подразделение с автоматами, уселись по машинам и скомандовали всем молчать, машины тронулись. Поздно вечером мы были в Минске, по моему определению, это было где-то в центре города. Стояло какое-то недостроенное здание, ночью было понять трудно, нас разгружали по очереди и без конца считали, сопровождая ударами прикладов. Загоняли в огромное кирпичное здание.

Покончив с разгрузкой, машины ушли, а охрана закрыла нас, где мы оставались до утра. Спать мы не спали, ибо всю ночь слышались автоматные очереди и крик пьяных фашистов. Чуть забрезжило утро, как мы услышали зловещее: «Ауф штейн, АЛЕС РАУС». Не всякий из нас это понимал, но люди чувствовали и все подошли к открывшейся огромной двери. Нас вновь без конца считали и били прикладами. Получив слишком чувствительный удар по голове автоматным прикладом, мой друг лейтенант Долгов чувствовал себя неважно, но я поддержал его и физически, и морально, сказал ему: «Ну что ты, сейчас думаешь о великой Германии, если тебе фашисты на Родине устраивают головомойку?» Но Долгов ответил: «Они скоро разберутся в этом стаде баранов». Я промолчал, так как последовала новая команда выходить всем на плац.

Оказывается, это был двор, огромного строительства, мы же ночь сидели в одном из отделений гаража. Нас выстроили среди двора этой стройки, где находилась огромная яма для гашения извести. На другой стороне стояло 1500 гражданских людей, разного возраста и пола, все они были с большими нашитыми шестиугольными желтыми звездами. Впоследствии выяснилось: это были жители города Минска, и все они были евреи. Я не понимал и не представлял, что это значит. Но скоро выяснилось. Начали подходить такие же крытые дизели, как и нас привезли, но эти были битком набиты людьми — крошками, т.е. детьми выстроившихся у ямы евреев.

Фашисты подняли тенты машин и начали сбрасывать детишек в эту яму, тут же поливая их автоматными очередям. Нельзя, сынок, рассказать весь этот ужас, это варварство, эту нечеловечность. Фашистские

верзилы с засученными рукавами и расстегнутыми воротниками своими кровавыми руками хватали нежные создания, крошек — малюток от грудного и до 10-летнего возраста, швыряли в эту яму и тут же на глазах у их отцов и матерей, братьев и сестер расстреливали, а советские воины были тому свидетелями. Фашисты это делали как своего рода укор нам и этим самым подчеркивали нашу беспомощность.

От воплей детей и взрослых я больше ничего не слышал, мои глаза закрыла тройная пелена, но это были не слезы, это уже был прилив крови, страшной ненависти и жажды мщения.

Я не упал в обморок, а только сказал Долгову: «Вот, смотри и запомни арийскую цивилизацию».

Долгов молчал, все мы молчали, так как все было уже кончено. Машины уходили. А евреям приказали закидывать эту яму. Нас построили в колонну, сопровождающие автоматчики нас вывели со двора, колонна наша двигалась к одной из окраин гор. Минска. Трудно вспомнить, в какой стороне города Минска находилось то место, куда нас привели, но я хорошо запомнил, здесь был раньше типовой Артиллерийский городок КТАП (корпусной тяжелый артиллерийский полк). Я служил в таком в гор. Пскове, вернее, в 7 км от Пскова — в селе Черёхи на реке Великой.

Увидев этот городок и пройдя почти такое же расстояние, я определил, что это подобный псковскому. В этом городке и был основан лагерь советских военнопленных, нас было свыше 80 тысяч человек.

Возле городка торфоразработки, куда военнопленных фрицы сопровождали добывать его и носить в расположение лагеря.

По прибытию в расположение этого лагеря всех нас поместили в одну из самых больших казарм. Выставив кругом часовых, нам не разрешали разговаривать с пленными, ранее находившимися там. На следующее утро фашисты и всякие «фолькс дойчс» — переводчики начали делать опрос, опрашивая и уточняя фамилию, имя, отчество, национальность, год рождения. Нас сортировали: одних куда-то уводили, других оставляли на месте, третьих отправляли в другую казарму. Нас с Долговым оставили на месте.

По окончании этой процедуры, которая окончилась только к вечеру, я предложил Долгову что-либо покушать из той передачи, которую нам дала смольчанка, но он ответил: «Потерпи часок, я схожу сейчас к одному из земляков, которого я увидел в другой казарме». Я согласился и стал ждать. Он тоже не заставил долго ожидать себя, он явился с фашистом и переводчиком, ткнул на меня пальцем, при этом сказал: «Коммунист, хотел убежать». Немец рванул меня за воротник и увидел на мне нательную трикотажную рубашку. Немец ударил меня прикладом и приказал идти вперед. Я взглянул на Долгова, он стоял с плетью в руке и с повязкой на рукаве: «Полицай». Я понял, что он, как и утверждала смольчанка, является не только изменником Родины, но

и предателем. Размышляя об этом, я задержался какую-то минуту и за это еще получил удар приклада в затылок, который напомнил мне, что мне следует идти вперед.

Меня вывели, провели через проходную и вели через другую проходную, как потом выяснилось, что это было не что иное, как бывшая фуражная площадка для сена и соломы, которая теперь была ограждена двойными рядами колючей проволоки, и на всех 4-х углах стояли прожектора и пулеметные вышки. Неусыпно сторожили фашисты днем и ночью. В этой загородке находились люди, более 3-х тысяч человек, и все они были одеты в гражданское. Здесь находились совершенно юные и мужчины, убеленные сединой. Помещений здесь никаких не было, и люди располагались кому где приходилось: кто на охапке прелого пресованного сена, кто в яме, вырытой руками, кто просто на земле.

Прохладная ночь и бессознательная тревога не давали мне уснуть, я был настолько потрясен, что не мог себе представить этого бесчеловечного поступка, ведь это человек, который родился в Советской стране, которого воспитала Родина-Мать. Я просидел до рассвета и только утром узнал, что все эти люди на клочке земли, обнесенной проволокой, обречены на смерть. Эти люди были собраны со всей Белоруссии, одни по доносу фашистских прихвостней, другие, попавшие к немцам сами, подозреваемые в партизанщине, а третьи попали случайно, только потому, что переменяли военную форму на гражданскую. Но, так или иначе, здесь находились исключительно коммунисты и комсомольцы. В большом лагере были выставлены ванны, самые настоящие эмалированные ванны из банных номеров, в которые наливают утром кофе, а в обед баланду и по очереди раздают военнопленным. Нам не давали ничего.

По истечении 3–4 дней появились вновь немецкие дизеля, сопровождаемые литовскими, латышскими и эстонскими националистами; они были вооружены немецкими, бельгийскими винтовками, а на рукавах носили нашивки белого и желтого цвета со свастикой.

Машины по очереди выезжали в расположение лагеря малого, а националисты на русском языке выкрикивали: «Кто хочет работать у помещиков в Прибалтике — садись в машины». Люди которые могли двинуться, лезли в машины, и машина за машиной, наполненные народом и сопровождаемые нацистами, уезжали.

К вечеру 5-го или 6-го сентября нас осталось в малом лагере около 1500 человек, люди уже не способны двигаться. Я каждый день сожалел, что тот народ, который уехал, сможет подкрепить свое здоровье и уйти в леса, добыть оружие и создать партизанские отряды, а мы об этом думать не могли. Я сидел и мечтал, а рядом со мной лежал довольно пожилой человек, с которым за этот короткий срок успел подружиться, это был поляк Вацлав Лиходиевский. Он рассказал мне, почему очутился в малом лагере. Его 14-летнюю внучку изнасиловали 2 фашистских офицера у

него на глазах, а ночью Вацлав убил их обоих, а сам с внучкой бежал на восток, он двигался только ночью, а днем отдыхал в лесах.

Но вблизи Минска его задержали и привезли в малый лагерь, внучку от него увели, что с ней случилось, он не знает. Я от всей души сочувствовал этому человеку и, как мог, утешал его, и старик полюбил меня. Он сказал мне, что людей, которых увезли, их не на работу, а в (Беловежскую Пущу) на расстрел; сопровождающие — это каратели. Они скоро явятся сюда и нас расстреляют на месте. Мы недолго их ожидали.

К обеду следующего дня нацисты с белыми и желтыми повязками появились. Старик сказал: «Ну, вот и все»; в большом лагере раздавали баланду — обед. А нас нацисты выводили из малого лагеря, и по 5 человек мы, взявшись под руки, выстраивались в колонну. Старик Лиходиевский сказал мне: «Не бросай меня, дитя мое, я должен спасти тебя, а ты, в свою очередь, если заступится звезда твоя и останешься жив, ты расскажешь людям, что творят эти звери». Но я ничего не думал, знал одно — что никакая звезда не спасет меня.

Послышалась команда, да это не команда, а лай псов «Марш вперед», колонна медленно двинулась вперед, впереди виднелся лесочек. Шел мелкий холодный дождь. Меня знобило, не от страха, нет, а просто от бездарной смерти. Ведь так бестолково умереть, и умереть в то время, когда надо беспощадно драться, бить фашистскую гадину. Сзади колонны слышалась бесконечная стрельба. Это нацисты в упор расстреливали людей, которые не в состоянии были двигаться.

Я шел, поддерживая старика, и мысли роились в моей голове какие-то спутанные, бестолковые, однако я механически считал шаги: 300, 600, 900, 1700, 1800... И перед глазами открылся огромный ров; нацисты пытались нас выстроить в ряд у этого рва. Народ сгрудился в кучу, нацисты отрывали поодиночке, стреляли в упор и сталкивали в ров. Вацлав Лиходиевский в этом замешательстве подвел меня к самому рву, все время прикрывая меня своим телом, и когда разъяренные нацисты начали стрелять всем отрядом в толпу, старик толкнул меня в яму, и закричал: «Псы, звери». Я услышал один за другим залпы, затем на меня навалилась какая-то тяжесть, то ли я задохнулся, то ли потерял сознание, больше не слышал ни выстрелов, ни стонов, ни криков.

Стекавшая вода по стенке рва от усилившегося дождя привела меня в чувство. Я сообразил, что жив, и понял то, что говорил старик. Да, он спас мне жизнь, он прикрыл меня своим телом. Кругом было тихо, только хлюпал бесконечный дождь. Я попытался подняться, но из-за наваленных трупов это мне долго не удавалось. С большим трудом вылез и пополз по рву.

Передать никакими словами невозможно то, что я испытывал в ту темную ночь. Я прислушивался к каждому шороху, мне хотелось услышать хоть единственный стон, но кругом было тихо, все были мертвые.

Я вылез из траншеи и первым делом снял подаренную мне трикотажку, спрятал ее в листьях в лесочке, сам медленно побрел, по моим предположениям, на восток. Брел до рассвета, мне казалось, что я прошел сотню километров, но, однако, утром я обнаружил, что нахожусь буквально рядом с лагерем. Возле небольшого домика, где однажды мне приходилось видеть, как копают торф для лагеря. Мне было безразлично, и я подошел к двери и постучал, мне открыла женщина лет сорока и впустила в дом. Не могу вспомнить ее имя: или тетя Аня, или тетя Маня, она приютила меня и держала 3-е суток в одной из кладовок своего дома.

Трое суток она кормила меня очень понемногу, но через каждый час. На четвертые сутки я мог двигаться энергично. И по ее совету двинулся на восток, ночью шел, днем отсиживался в лесах и кустарниках.

Но вот закончилась моя провизия, данная тетей. Я вынужден был идти в село и просить кушать. В одном из населенных пунктов я зашел в дом, стоящий на окраине, попросить покушать. В доме была старуха, которая приняла меня и стала кормить.

И вдруг появился немецкий мотоцикл во дворе и два немецких солдата направились в дом. Старуха забеспокоилась, предложила спрятаться, но куда? Я остался сидеть за столом. Вошли немцы с автоматами на изготовку, увидели меня и закричали: «Рус, комиссар, политрук». Но я спокойно ответил, нет, я военнопленный солдат, они спросили, почему здесь, я им ответил, иду домой, и наговорил еще чего-то, не помню. Они требовали у меня документы, но где они у меня взялись, их не было.

Немцы взяли у старухи яйца, убили несколько куриц во дворе, забрали меня в мотоцикл и привезли опять в Минск, но не в лагерь, а на вокзал, где на станции стоял эшелон, нагруженный советскими военнопленными. В один из вагонов посадили и меня. Эшелон двигался в Белосток, на третьи сутки оказался в Белостоцком сорок седьмом оф. лаге.

47-й оф. лаг. был раньше польским военным лагерем, а затем советским военным городком, который немцы «оборудовали» для советских военнопленных. Оборудование заключалось в том, что его обнесли многократными рядами колючей проволоки и через каждые 10 шагов поставили пулеметные вышки. Казармы, конюшни и гаражи заполнили 3-этажными нарами. Это было жилье военнопленных. Каждый блок также был отделен колючей проволокой, в каждом блоке был свой штат из предателей — русских полицаяв, переводчиков и комендантов. Я попал в 6-й блок, где был главным полицаем лейтенант Евгений Калугин, ныне проживающий в г. Ростове-на-Дону. Это был довольно злой зверь, он намного превосходит любого фашиста. Все зверства его были равны «внештатному полицаяу» из 4-го блока по кличке «Николай Палкин». Эти два полицая за провинность одного военнопленного могли держать всех узников раздетыми целый день на 30-градусном морозе, не позволяя им заходить в помещение, а стоять в строю смирно. И народ стоял.

Трудно перечислить все ихние зверства, применяемые к своим Советским людям. Но один эпизод мне хорошо запомнился. Однажды утром Калугин зашел в расположение 6-го блока с рыжим маленьким унтер-офицером медицинской службы.

Немец приказал выстроить всех во дворе. Калугин выстроил, немец проходил по-над рядами и всматривался каждому в лицо. За унтер-офицером бегала его собака, точно похожая на него, такая же маленькая и рыжая, вся съежилась от холода.

Немец ударил с десяток человек, закричал «ап», строй разошелся, но ровно через час вновь послышалась злая команда Калугина: выходи строиться. Мы были построены, унтер был взбешен, он кричал: «Ву ист мейн гунд». Калугин, как попугай, повторял эти слова: «Где собака?» Все стоявшие в строю молчали, так как никто не знал, где именно его собака. Унтер-офицер настолько взбесился, он орал, что мы сожрали его собаку.

Тут же начал отсчитывать каждого 5-го, стоящего в строю, выхватив парабеллум, начал расстреливать в упор. Расстреляв 10—12 человек, на этом бы не окончилось, но довольно пожилой человек, попавший в эту пятерку, вышел из строя и сказал: «Я съел твою собаку, ты заставил меня».

Немец разрядил всю вторую обойму в этого старого военнопленного; когда военнопленный упал на снег, прибежала собака и стала обнюхивать свою жертву.

Люди с ужасом смотрели на эту неопишемую картину. Фашист забрал свою собаку на руки, расцеловал ее, удалился в сопровождении Калугина. Строй разошелся и занял свои нары, дрожа от холода, злобы и ненависти.

С каждым днем зима 1941 года становилась суровее, а люди все больше истощались от голода, холода и ужасной грязи.

Шинель, оставленная на нарах, шевелилась от вшей, никакой возможности не было спастись от этой нечисти. А поэтому в блоках вспыхнул тиф, дизентерия. Заболел и я. Но благодаря советскому военврачу был спасен, не помню его имени и фамилии, но это был человек большой души. Тот, кто к нему попадал, если он в состоянии был бороться с болезнью человека и при наличии тех медикаментов, которыми он располагал, то он спасал этих людей. Он не выписывал их из госпиталя до весны. Правом этим пользовался он потому, что немцы лагерь не посещали, так как он был тифозный, и все руководство принадлежало полиции, а медицинский персонал ей не подчинялся.

К весне 1942 года население лагеря с 45 тысяч уменьшилось до 2-х тысяч.

Все остальные заполнили траншеи, заготовленные с осени, а кто не влез в траншеи, те были сложены в штабеля и сожжены.

В апреле 1942 года я был отобран вместе с другими военнопленными и отправлен в город Алинштейн. Из Алинштейна был направлен на

станцию Кобыльбуде, вблизи Кёнигсберга, так как советские самолеты появились над Кёнигсбергом и бомбили, то немцы решили построить на этой станции сортировочную горку, которую мы строили.

К зиме 1942 года мы кончали это строительство. Но нас часто использовали на других видах работ, мы иногда грузили прессованное сено на платформы, которое отправлялось на Восточный фронт. Однажды, работая на погрузке, я с одним военнопленным из Горьковской области, Петром звать, а больше ничего не знаю, предложил бежать, на вопрос, каким способом, я ответил — простым.

Как только в следующий раз будем грузить сено, мы в центре платформы не положим несколько тюков и в конце погрузки залезем в эту ячейку, а сверху закроемся тюками. Таким образом, заранее, подготовив скудную провизию, т.е. по 10 картофелин, при следующей погрузке нам удалось бежать. Начало побега было удачным, нам удалось добраться до Смоленска, а здесь произошел случай, и, к большому сожалению, утром.

Наша платформа находилась в хвосте состава и не прошла контрольный столбик.

А маневровый паровоз, идущий на следующий путь, ударил в платформу, от чего стойки, укрепляющие сено на платформе, полопались, тюки развалились. Сбежали немцы и нас обнаружили. Мы получили по десятку ударов прикладом и были отправлены в комендатуру на станцию Смоленск. Нас спасло только то, что мы были одеты в бельгийские шинели с огромными трафаретами на спинах «SU»¹⁵⁹, сделанными масляной белой краской. Кроме того, мое объяснение на немецком языке, что мы бежали из Кёнигсберга, нас хотели расстрелять как партизан, но не расстреляли.

Соединили нас одной парой наручников и одним из пассажирских поездов, идущих в Германию, отправили в Кёнигсберг.

В гестапо опросили, нас избивали и отправили в город Данциг, где мы работали на доках. Нас находилось в этом лагере 800 человек, которые ежедневно ремонтировали немецкие подводные лодки, катера, различные военные суда. Нас радовало при виде каждого изуродованного судна нашим боевым флотом. И вот в один прекрасный день в обеденный перерыв вой сирен оглушил нас.

Немцы всполошились, бросились на катера и стали уходить в море. Нас окружили охранники и всех угнали в лагерь. А затем выяснилось, что группа советских военнопленных во главе с Валерием Лебидь угнала немецкую подводную лодку, которую немцы так и не смогли отыскать. Долго нас избивали, допрашивали, уточняли — кто это бежал. Но все было бесполезно. Наш лагерь начали расформировывать. Меня и несколько человек привезли в Берлин, а затем направили в гор. Ганновер. В Ганновере нас каждого опрашивали в отдельности и

---

¹⁵⁹ Советский Союз.

устраивали медицинскую комиссию. После выдавали «вильгельмовское обмундирование», и этих людей помещали в отдельные камеры, собрав, таким образом, несколько групп, погрузили в вагоны и повезли. Мы прибыли в г. Гаген (Рурской обл.), вновь нас разбили на небольшие группы, по 10—12 человек. Посадили в машины и развезли в разные направления.

Как далее выяснилось, наши группы были предназначены для обслуживания зенитных батарей. Немцы пытались хорошим обращением и лучшим питанием, чем в лагерях, сагитировать нас, заставить воевать против союзников, но ни один из нас не согласился. Нас били, травили овчарками, но ничего из этого не получилось. Тогда нас заставили грузить и разгружать на вагоны и из вагонов снаряды и возить к батареям. В этой группе я подружился с двумя товарищами, Виктором Малышевым из Горького и Павлом Розовым из г. Саратова.

Договорившись с ними о побеге, мы бежали. Долго скитались по лесам, но однажды нас задержал лесничий и доставил в гестапо г. Бохума. Но в это время мы уже были переодеты в добытую нами гражданскую одежду. При очередных допросах и побоях мы не признались, что военнопленные, и не назвали правильно свои фамилии. Я стал Славкой Чередником, так как при любых обстоятельствах я не мог забыть имя польского товарища, спасшего мне жизнь, и не мог забыть своего друга Чередника. Виктор Малышев назвал себя Виктор Львов, а Павел Розов стал Колесником Валентином. Под охраной нас отправили в концлагерь г. Людиншайд, где строилась огромная плотина.

Это был лагерь строгого режима, нас еще направили в самую ужасную колонну — штрафную, которой ведал самый ярый фашист Вилли Линк. Этот зверь потерял 3-х сыновей и одного зятя под Ленинградом и поэтому беспощадно мстил русским военнопленным. Линк каждый день приезжал на мотоцикле с коляской и привозил полную коляску палок, которые к вечеру все были побиты о наши спины и головы на куски. Из этого лагеря за все время существования никто не бежал, так как это было ущелье с отвесными скалами, охраняемое собаками и эсэсовцами. За малейшую провинность военнопленные вешались на виселице, которая никогда не убиралась. 6 месяцев — срок заключения небольшой, но любой человеческий организм истощался до крайности. Люди пухли, умирали. Но мы трое и еще полужившийся нам мальчик Сережа отбыли свой срок и были освобождены из этого лагеря.

Были доставлены на биржу труда, откуда были направлены в тот же г. Гаген на авиационный завод «Руберга». Комендант лагеря завода «Руберга» был поражен нашим видом. Несмотря на то что я имел рост 174 см, я весил 42 кг. Дальше выяснилось, что этот комендант, которого называли «дядя Фриц», был антифашистом, а поэтому он отнесся к нам по-человечески.

На протяжении 10 дней мы ничего не делали, по его приказу нас усиленно кормили и одели в более человеческую одежду.

Мало-помалу мы ознакомились с обстановкой и привыкли не оглядываться на сопровождающую охрану. По субботам и воскресеньям мы могли выходить из лагерей и встречаться с другими товарищами. Вскоро мы познакомились с Сергеем Бобырем, Николаем Павленко из литейного завода «Килинг». А эти товарищи познакомили с Батей, также работающим на «Килинге».

Когда Батя осведомился о нашем пройденном пути, то он предложил войти в группу «Саботаж», центр которой находился в гор. Тагене. Мы дали согласие и приступили к действиям. Задание наше — распространять среди русских и других национальностей, насильно угнанных в Германию на работу, листовки, написанные от руки, в которых говорилось: «Товарищ! Ты каждый день должен сломать то, чем работаешь, будь это лопата, кирка, сверло или даже станок; нас много, и мы принесем какой-то ущерб». В конце каждой листовки было написано: «Прочитай сам и передай товарищу». Вскоро это дало себя знать. Ломали не только инструменты, насколько могли — били готовые детали, делали брак.

В 1944 году в день смерти В.И. Ленина все девушки и женщины пришли на работу, а в 10 часов повыключали станки и надели заранее припасенные траурные повязки.

На вопрос фашистов, почему не работаете и что значит этот траур, девушки ответили, что сегодня день смерти нашего дорогого Ильича и чтим его память.

Фашисты взбесились, били девушек, но девушки не работали, тогда выехало гестапо и забрали несколько девушек.

Группа, которая руководила женским составом, это Валентина Кривенко — медсестра, Александра Ключева, совсем юная девушка Лида и самая старшая женщина, тетя Настя. Все они из Дебальцево.

О! Это женщины, сильные духом, они и приняли гестаповские поби на себя.

В конце 1944 года и начале 1945 года, когда наши войска подходили к Берлину, эти женщины превзошли все надежды и чаяния центрального комитета «Саботаж».

При малейшей тревоге они сжигали станки: в г. Приорае в Дельстрене и Гаспене. Я повторяю: этого передать нельзя, надо видеть этих людей, а эти люди у меня есть на снимках. Их было много со всего Советского Союза: с Донбасса и Урала, с Крыма и Сибири, отовсюду.

Я уверен, что эти люди, которые состояли в группе «Саботаж», не забыли своих действий и, наверно, рассказывают своим сыновьям и дочерям. Да, нас было очень много, не только русских, украинцев, белорусов, грузин, армян и таджиков. Но, кроме нас, советских граждан, в этом огромном глубоком тылу участвовали: сами немцы — антифашисты, французы, поляки, чехи, словаки, венгры, румыны, болгары,

югославы, греки, бельгийцы, англичане. А итальянцы находились в гор. Гагене в полном своем составе части со своим командующим капитаном Бадوليو, который восстал против фашистской Италии и против самого Муссолини.

И все они участвовали в группе «Саботаж», руководимой советскими военнопленными и насильно увезенными гражданами, состоящими членами штаба «Саботаж». От наших рук не один завод и не один склад с боеприпасами, которые готовились на заводах логова фашизма, были взорваны.

Помню, в день после освобождения мы многих товарищей недосчитались, и эти недосчитанные погибли при выполнении задания группы «Саботаж». Виктор Мальшев погиб, взрывая склад с оружием господина Круппа в г. Эссене. Вовка по кличке «Младенец» из Харькова, взрывая хранилище с зарядными припасами Фишверка, тоже погиб. Костя из г. Таганрога, хотя среди членов организации был разговор, что он погиб в Ганноверской тюрьме, но это не так, Костя взорвал в г. Гагене — Гаспе фабрику КЭКС УНД ЦВЫБОК ВЕРК¹⁶⁰ господина Гельмута Бранта.

Разрушения были огромные, котельная и все газовые печи, конвейерная система были выведены из строя полностью.

Косте захотелось вывести из строя и тестомесный цех, но сам подорвался на минах, сделанных своими руками. Павел Розов, по кличке «Валентин Колесников», со своими товарищами из группы «Саботаж», с Сергеем Бобырем и Николаем Павленко, взорвали склад зенитных снарядов. Им помогал совсем юный немец из люфтваффе — молодой зенитчик воздушной службы, житель гор. Кёльн Макс Каце. Всех событий и действий группы «Саботаж» не перечислить.

Мой сын часто спрашивает: «Папа, ты в Отечественной войне участвовал?» Я отвечаю: «Да». — «А немцев убивал?» Я говорю: «Нет, немцы такие же люди, как и мы, и их убивать никто не посмеет.

Я убивал зверей — фашистов, но это делалось в силу необходимости. Это делалось за тем, чтобы не дать поработить свой народ, свою Отчизну.

А там, в плену в Германии, убил только одного зверя — Вилли Линка из города Людиншайд, слишком много преступлений на его совести. Я расстрелял не самовольно, а по приказу центра группы «Саботаж». Всех остальных мелких фашистов заставили ползать у своих ног на глазах всех людей, которых видишь на снимке».

В ночь на 14 апреля 1945 года мы были освобождены и возвратились на Родину.

По возвращении на Родину, засучив рукава, принялись за восстановление своей священной Родины. Мы разъехались во все концы и, увлекшись работой, забыли о существовании друг друга.

---

¹⁶⁰ Так в тексте.

Мы расстались, но память друг о друге не разъединит нас никогда. Ибо мы делали общее дело, уничтожали нашего общего врага — фашизм. Фашисты ползали, просили пощады, и люди простили, потому что Русский народ добрый к тем, которые наносят небольшую обиду, а кровная обида для всего человечества не прощается никогда.

Нет прощенья.

21 апреля 1965 г.,

*Мирошниченко Л.З.
г. Ростов-на-Дону, с. Круглое.*

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 49. Л. 77—107.

№ 115 День казни

Как далек и как близок сентябрь 1944 года. Память навек запечатлела картину расправы немецких фашистов над героями, сынами нашей Великой Родины. Перед моими глазами так называемый лагерь восточных рабочих возле города Ромбах (Лотарингия), где находилось по меньшей мере пять тысяч человек, угнанных с оккупированных территорий: Курской, Смоленской, Кировоградской, Днепропетровской, Полтавской, Запорожской областей.

Лагерь с его гестаповцами, полициями, овчарками, колючей проволокой был похож на много других лагерей смерти, созданных немецкими палачами. Но люди, наши люди советские, коммунисты и комсомольцы, как во всех других лагерях, ежечасно думали, как найти оружие и повести борьбу и этим приблизить хотя бы на долю секунды час победы.

Передо мной, как живой, один из героев — 16-летний мальчик Носенко Павел Федорович, уроженец с. Сметановка Кировоградской области. После того как у него была сломана нога на заводе, как он получил двухстороннюю грыжу, как он оглох на оба уха, он был оставлен для работы в лагере. Он имел доступ в полицейскую комнату. Для выполнения уборки и других работ. Им было замечено оружие и патроны, хранящиеся в ящике.

Организацией патриотов было решено взять это оружие силой. Встал вопрос: кто должен начать эту рискованную операцию?

Начать ее должен был этот 18-летний мальчик и наш второй друг, Иволгин Александр, уроженец Днепропетровской области.

11 часов вечера, две тени скользнули к помещению полицейской, где находились два полицейя. Войдя спокойно в полицейскую, Павел бьет электролампу. В этот миг вскакивает Александр. Короткая схватка, и оба полицейя лежат мертвыми. Оружие в руках, семь револьверов и два ящичка патронов были погружены в машину партизан-французов, подошедшую к лагерю, с которой одному из участников операции удалось

уехать. Остальные скрылись в бараках, так как во дворе лагеря рыскали овчарки и стреляли фашисты.

На большую нашу беду, один полицейский пришел в сознание, несмотря на то что горло его было перерезано. Ему удалось написать одно слово «Пауль», после чего он умер.

Павел, два Александра, из которых один был летчиком, бежавшим к нам из лагеря военнопленных, находившегося в Стальгейме, Анатолий были арестованы гестаповцами. Летчик Александр, которому удалось бежать, был арестован в Стальгейме.

После восьми дней допросов в охранке гестапо, не добившись признания от взятых героев, в страшной злобе привезло их в лагерь Ромбах и измученных, но не павших духом повесили на деревьях возле бараков. Последними слова Павла были слова: «Хай живэ Батькившина».

Дорогие друзья, из нас много таких, которые лично знали этих героев. Читая эти строки, просим почтить их память минутой молчания.

Мы никогда не должны забывать этих дней и ни за что не должны прощать фашистам их черные дела.

Фамилий летчика Александра и Анатолия (он был из Донбасса) мы не знаем.

6 февраля 1965 г.,

*Носенко Г. П.
г. Кременчуг. Украина.*

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 54. Л. 176—176 об.

№ 116

Бессмертные номера

При сдаче Крыма в мае 1942 г. я попал в плен и находился в лагере военнопленных в г. Друизбурге (Германия), при шахте Беккеверк... В моей памяти осталось много тревожных дней войны, связанных с моей жизнью, а также с жизнью моих соотечественников. Но не о себе я хочу рассказать... Я хочу рассказать о тех, кто о себе не расскажет, о тех, чей прах покоится на вражеской земле, там, в Западной Германии в г. Друизбурге...

Высокие трубы угольной шахты, вскинув свои головы к небу, курили черным, едким дымом день и ночь. Вокруг них раскинулся шахтный двор с большими и малыми постройками, а немного поодаль, припав к земле, стояли рядами серые и мрачные, похожие на спичечные коробки фанерные бараки. Опоясанные со всех сторон четырьмя рядами колючей проволоки, со сторожевыми вышками по углам, пулеметами и прожекторами на вышках, они наводили на человека страх и ужас. Это лагерь советских военнопленных. Здесь жили и умирали жертвы фашистского рабства. За 3 года существования этого лагеря фашисты уничтожили десятки пленных, используя для этого различные методы

истребления людей. Но главным и самым распространенным из них был — истребление голодом и непосильным трудом в подземелье. Там внизу, глубоко под землей, после жидкой похлебки-баланды склонялись по 16 часов в сутки истощенные пленные.

Специально приставленные к ним фашистские палачи-мастера не давали им разогнуть спины и избивали их, как хотели и чем хотели. В лагере их добивали конвоиры и полицейские.

Лагерный гроб, постоянно стоящий на глазах у пленных у большого барака, не застаивался без дела. Почти каждый день ложили в него выдохшее, а часто и изуродованное тело покойника, и два пленных везли его в тачке на специальное кладбище, где вываливали труп в заготовленные ямы, а гроб возвращали опять на прежнее место. Никто за покойниками не плакал, никто не провожал их к месту покая. Бывало, что никто и не знал, кто были эти люди и откуда они. Знали лишь, что в лагере убили часовые номер 701, в шахте завалило № 196, умер от голода № 63, и еще номера, и много, много номеров.

Умиряли люди, но оставались бессмертные номера. На место умерших пленных присылали новых, которым прикрепляли на воротниках гимнастерок номера их умерших собратьев. К такой обстановке пленные уже давно привыкли. Они знали, что нацисты выполняли гнусный план истребления пленных, а поэтому не удивлялись всему происходившему в лагере. Каждый лишь ожидал своего дня. Когда его искалечат или положат в гроб и вывалят где-то за городом в братскую могилу, но того, что произошло однажды, никто не ожидал.

А случилось это 6 ноября 1944 года.

С утра в этот день моросил мелкий осенний дождь. Было тепло. К обеду дождь перестал, но небо так и осталось до конца дня облачным и хмурым. Над шахтой целый день клубился тяжелый, черный дым, который стелился к земле и заволакивал лагерь, словно пытаясь укрыть его навсегда от честного человеческого взгляда. Неприятная погода, однако, не помешала пленным после изнурительного труда выйти во двор и стать у своих бараков группками. Такие группки, состоящие из крючкообразных человеческих фигур, можно было видеть всегда. Здесь у бараков шла торговля баландой и «пайкой» хлеба, табаком и мылом. Менялось все и вся, начиная от иглы и кончая хлебом.

Но, собираясь группками, узники фашистского застенка не только меняли крошечные «пайки» хлеба, наполовину состоящие из древесных опилок, но и говорили о лагерных делах, о зверствах немцев, об очередной жертве шахты, о фронтах и тосковали по Родине. Иногда в таких группках решался план побега или как лучше вывести мотор в шахте и остановить конвейер.

В этот же день ко всему обычному добавилась какая-то еще предпраздничная суета. Пленные брились, вымывали начисто свои худые скуластые лица с запавшими глазам и выходили в лагерный двор, чтобы

поговорить с товарищами о предстоящем празднике. О тех праздниках, что праздновались ими до войны на родной земле, в кругу своей семьи и друзей.

Никто из них не собирался встретить праздник за столом с различными яствами, не рассчитывал даже на праздничную, сваренную с ржаной крупой баланду, которую обычно выдавали в лагере в религиозные праздники: Пасху, Рождество. Вовсе нет. Они просто чувствовали праздник душой русского, согнутого фашистским пленом, но до конца не сдавшегося им.

Дотемна топтались пленные во дворе, бродили по баракам, а когда бараки были заперты часовыми, каждый взбирался на свои нары, ложился или садился, свесив костлявые ноги, и о чем-то думал.

А в бараке № 5 пленные не успели еще подумать о родных местах, о праздничных обедах, что бывали у них пять, а то и 10 лет назад, как небольшого роста, рябой, высохший до предела номер 306-й затянул слабым, но красивым тенором грустную песню. Сначала его голос звучал одиноко, потом примкнули другие голоса, а через минуту пели все: «...Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда...» За этой песней последовали другие песни. Потом кто-то завел «Калинку».

В узком промежутке трехэтажных кроватей-нар кто-то присвистнул и ударил деревянной колодкой о пол. Потом загремели колодки в нескольких местах барака. Пленные пустились в пляс.

Всему пришел конец тогда лишь, когда послышались удары прикладом в стену барака. Все после этого сразу заняли свои места и один за другим отдались сну. Но не спали фашистские палачи. В то время, когда пленные готовились встретить свой советский праздник, когда в бараках раздавалась песня, окровавленные руки палачей готовили для них смерть. Как только лагерь погрузился в сон, в воздухе появился самолет. Солдаты-часовые открыли бараки и, орудуя прикладами автоматов, стали выгонять пленных в убежище, находившееся в конце двора. Пленные, накинув на головы шинели, в недоумении плелись к убежищу. И вдруг почти у самого входа в убежище раздался один и еще один взрыв. Тут только послышался гул мотора самолета, а через несколько минут, когда самолет был уже далеко от лагеря, вяло пропела сирена шахты предупредительную тревогу.

Ни одна зенитная пушка не произвела ни единого выстрела. Всем стало ясно, что этот гостинец в честь праздника сбросили на лагерь сами немцы. В лагере в этот день не стало трех товарищей. Одному из них оторвало ноги у самого таза, и он тут же умер, другого поразил осколок прямо в сердце, третьему вырвало осколком кусок шинели вместе с телом на спине, но он в горячке еще забежал в убежище и сел на скамью. Глядя на его, немного улыбающееся лицо, можно было подумать, что он, забежав в убежище, считал себя спасенным, но через мгновение глаза его вдруг широко раскрылись, сверкнув белками, а затем медленно стали закрываться.

Прощаясь угасающим взглядом со своими однолагерниками, он не сказал, кто он, откуда, а произнес лишь четыре неполных слова: «У меня трое дет...» Последнее слово он незакончил. Глаза его навсегда сомкнулись, и худое окровавленное тело повалилось на руки своих собратьев.

Рано утром четверо пленных выкатили из лагеря двухколесную тачку, на которой, прижавшись друг к другу, лежали три трупа. Их нагие, истощенные и окровавленные тела прикрывал кусок мешковины, кем-то принесенный из шахты. В больничном бараке лежали еще 7 израненных, но живых пленных.

И на сей раз никто из пленных не плакал, но, сняв пилотку с красным трафаретом «SU» (Sowjetunion — Советский Союз), сказал про себя: «Прощайте, братья! Вечная вам память! Мы отомстим за вас».

Будучи очевидцем этой трагедии, мне хотелось бы обратиться к молодежи со словами: «Дорогие молодые люди! Чтите память о погибших отцах и братьях, о тех, кто сложил ради вашего счастья свои головы на фронтах войны, о тех, кто зверски замучен и истреблен в фашистских лагерях смерти.

Я не знаю, кто дети зверски убитых моих однолагерников, но я слышал предсмертные слова одного из них, в которых прозвучала большая забота о детях, это значит, о вас, дорогие друзья.

Будьте всегда бдительны, боритесь за мир на земле, не допускайте ужасов новой войны».

Овчаров М.Б.

7 июня 1961 г.

Краснодарский край, г. Хадзыженск.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 55. Л. 3—10 об.

№ 117

Спасли поляки и любовь

Мне хочется рассказать вам о том, что пережил мой муж за годы войны. Война его застала на Орловско-Курской дуге. 22-летний юноша был старшим летчиком 92-го истребительного полка 283 авиадивизии 6-го авиакорпуса 16-й воздушной Армии.

23 мая 1943 года во время выполнения очередного задания его самолет сбили на оккупированной врагом территории. С трудом приземлившись, раненный в плечо, он стал переходить линию фронта, но был схвачен фашистами в плен, где находился около четырех месяцев (лагерь в г. Лодзь). 2-го октября 1943 года удался побег из плена. Во время перехода линии фронта в городе Брно в 1944 г. его схватили гестаповцы. В апреле 1944 г. отправили в концлагерь «Освенцим». Но советские люди и там не падали духом. Они готовили побег. Измученные, голодные, рыли подкоп длительное время голыми руками. К побегу готовились 8 человек. Удалось бежать вдвоем, об остальных

не знает, т.к. услышали лай собак, поднялась тревога. Он знает только имя второго — Костя...

2 августа 1944 г. нашел польских партизан и был ими принят в «ПСП», затем перешел в «ППР», потом в партизанский отряд «Висла» от Киевского штаба.

Алексей прошел спецподготовку и стал бойцом-подрывником, потом командиром диверсионной группы. Они сделали немало полезного. Пустили под откос 8 вражеских эшелонов, взорвали 2 железнодорожных моста, химический завод.

1 декабря 1944 г. получил тяжелое ранение в позвоночник, в результате этого — паралич нижних конечностей. До 9-го февраля 1945 г. без квалифицированной медицинской помощи находился в партизанском отряде (в землянке). И лишь с приходом Советской Армии его госпитализировали. На лечение направили в госпиталь 4106 под Ташкентом. В такой трудный момент жизни от него отказались родные и близкие.

Я работала медсестрой в этом госпитале. И до глубины души меня тронула история жизни этого молодого, очень больного человека. В палате Алексея находились все тяжело раненные. Я взяла шефство над этой палатой. Врачи потеряли надежду на его выздоровление. Как хроника, хотели выписать и направить в инвалидный дом.

В каждую свободную минуту я занималась с ним физиотерапией и массажем. Через длительное время начали шевелиться пальцы ног. С еще большим старанием я продолжала массажировать ноги и заниматься лечебной физкультурой. Постепенно он стал вставать на ноги. Каждый день он прибавлял по шагу.

Наконец он стал ходить на костылях. Мы полюбили друг друга. В то время мне было 20 лет. Врачи говорили, что у нас не может быть детей. Но это все позади.

Сейчас мы живем очень дружной, счастливой семьей. У нас трое детей, самый старший уже занимается на 1 курсе «ЛВВМИУ». А младшие сын и дочь — в школе. Сейчас муж работает в аэропорту Самарканда, а я работаю медсестрой. Сейчас Алексей ходит с палочкой. Фамилия моего мужа — Орлов Алексей Александрович. Нам очень хотелось бы узнать о товарищах по Освенциму и об однополчанах.

*Орлова Т.П.
г. Самарканд.*

3 марта 1965 г.,

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 55. Л. 74—75 об.

№ 118

«Несмотря ни на что, я осталась жива»

Я родилась в 1924 г., бывшая узница концлагеря «Освенцим» с 1942 г. Фашисты угнали меня вместе с другими в Германию на работу из Днепрпетровской области, село Коминтерн.

Я не могла работать на своих «братьев» и сбежала, была задержана; в гестапо били и отправили в Освенцим. В Освенциме я заболела, меня поместили на ревир (барак, где находились больные, лечения не было). Ухаживала за больными пани Марыся, полька, возраста 30—35 лет. В Освенцим попала за участие в восстании против гитлеровцев в г. Варшаве.

Я была безнадежной, у меня было воспаление легких и паралич левой ноги. Каждое утро была проверка, кто не стоял около своих нар (постель для 10-ти человек), а лежал на нарах, то записывали номер и отправляли на «излечение» особое — в крематорий, на сжигание.

У пани Марыси было много больных и много работы. Но она находила много времени и для меня. Где-то достала две ампулы пенициллина, делала массаж и гимнастику моей ноги, а также грела песок и клала к ноге. И однажды случилось! Я упала на проверке. Мой номер был записан. Я знала, и все знали о том, что в ближайшее время меня заберут на вечное «излечение».

И пани Марыся все усилия приложила, чтобы я стояла на ноге. Когда начали собирать написанные номерки, то пани Марыся начала настаивать, что номер 47 498 записан по ошибке и что больная с этим номером даже может плясать! И что же вы думаете — меня, такую больную, слабую, заставили плясать! Но я осталась жива, меня перевели в другой блок (барак), мы с пани Марысей расстались и больше не встречались никогда. Чувство благодарности за жизнь осталось вечно в душе моей. В данное время я имею семью, муж — Александр Павлович, дочь Марина (Марыся), дочь Екатерина. Работаю на строительном комбинате в должности машиниста электрических мостовых кранов, свою работу я люблю и получаю от нее большое удовольствие.

Героического в своей жизни ничего не сделала, но стремимся жить так, чтобы не было совестно оглянуться в прошлое. Я думаю, что эта женщина жива до нынешних дней и живет в своем любимом городе Варшаве, Польша.

Я прошу вас поздравить в честь 8-го марта и поблагодарить за мою жизнь...

*Паладьева Н.М.
г. Москва.*

18 февраля 1965 г.,

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 56. Л. 98—99 об.

№ 119

Нас спасли польские граждане

Во время штурма города Люблин — в Польше нас, раненых 6 человек бойцов, спасли польские граждане от немцев. Дело было так. Я служил в 79 гвардейской дивизии, в 220-м стрелковом полку, 8-й гвардейской

армии. Нашей роте автоматчиков под командованием капитана Гаркина было задание перейти с южной стороны города плато (поляну), взять с ходу завод и продвигаться через тепличное хозяйство к окраине города. Наша рота штурмом заняла завод, перешли тепличное хозяйство к последнему рубежу и при больших сражениях. Мы были ранены. Нас было 6 человек. Но фамилий, к сожалению, не помню, может, кто и есть жив. Наступление было приостановлено, мы оказались недалеко от окопов немцев, которые сидели в засаде.

Мы 4 часа ждали, пока нас вынесли с поля боя. Помню, нас выносили на руках наш санитар сержант Бордюга и местные поляки. Нас шестерых уложили во дворе поляка под деревом. Шли ожесточенные бои. Наш полк под вечер временно отступил, и нас не успели забрать. Мы чувствовали, что нам грозит смерть, но нам на помощь пришел хозяин двора, решил нас спасти. Он с женой и, кажется, с дочкой нас занесли в деревянный амбар, где — помню — было немножко снопов пшеницы, и нас в амбаре укрыл снопами этой пшеницы.

Наступила ночь, немцы заняли покинутую нашими частями территорию. Немцы, помню, стучали в дом хозяина, ругали его, чего-то бормотали. Потом открыли амбар и осветили батарейками по всему амбару, но нас не заметили и ушли. Наутро наш полк пошел в наступление. Тогда хозяин показал нашим офицерам нас — раненых. И нас погрузили на автомашины и увезли в медсанбат. Помню все это и не могу забыть, что в тяжелые минуты нас спасли граждане поляки города Люблина. Помню хорошо дом, где мы лежали. Но не знаю его фамилии и имени, может, через газету вы сможете установить его фамилию и поблагодарить, что он нас спас от смерти. Помню, нас представили к награде, но мы попали в эвакуогоспиталь, а после в другую часть и этих наград не получили.

Тот прошлый тяжелый период, он в памяти остался. Но думаю, что больше этого не повторится. Мир преодолет страх для наших детей войну.

Паненко М.И.

7 мая 1961 г.,

с. Яски Беляевского района Одесской обл.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 56. Л. 135—136.

№ 120

Жил с верой в спасение

В 1943 году из концлагеря Майданек в товарных вагонах, с колодками на ногах и под сильной охраной перевозили в Германию большую партию заключенных. В их числе был и я. Все жили мечтой вырваться из плена. В Польше нам удалось бежать. Я и белорусский паренек скрывались около месяца в одной из деревень у польских крестьян. За оказанную помощь мы искренне благодарны им.

Мы пытались попасть к польским партизанам, но не удалось — нас схватили полицаи.

Снова неволя, но мысль о побеге не покидала все время. Правда, бежать мне удалось, но не пришлось долго воспользоваться свободой. После этого побега я оказался в концлагере Освенцим, этом страшном комбинате смерти. Здесь я и стал номером 187 901. Более 20 блоков были переполнены людьми различных национальностей. А один блок — «стационар» был особенным. Кто попадал туда — обратно не возвращался. Во время ежедневных проверок на плацу стоило Рихарду Беру показать на пленника пальцем, как тот попадал в печь крематория.

В 1944 году фашисты отобрали большую партию заключенных из более выносливых и перевезли их в концлагерь Маутхаузен. Я попал в эту партию. Жизнь, если ее можно так назвать, в этом лагере была ужасной. По двенадцать часов нас заставляли работать на заводе, а после очередных бомбежек гоняли за 10 километров исправлять железнодорожные пути.

Голод, холод, жара, грязь — все это было.

У каждого на голове крестообразно были сбиты волосы. Эту операцию аккуратно делали дважды в неделю. Но вера в победу Советской Армии, вера в спасение не покидала ни на минуту. Работая, мы портили оборудование, выпускали брак. За выведенный из строя крупный пресс я был зверски избит мастером. Совершенный еще один побег привел к тому, что я был избит до полусмерти. Свободу я увидел в последние дни войны.

Этого часа мы, узники концлагерей, ждали и днем и ночью, и наяву, и во сне, и каждая весточка о славных делах Советской Армии, доходившая в застенки концлагеря, была вдохновляющей силой, которая поддерживала наше ужасное существование в этих концлагерях.

Скоро исполняется 20 лет со дня вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу священную Родину. Этого дня никогда не забудут те, кому пришлось пережить все невзгоды, все ужасы прошлой войны. А кто не испытал и кто еще не родился в эти тяжелые годы, пусть узнают из наших рассказов, из наших переживаний этой суровой поры.

Итак, начинаю свой короткий рассказ о моих злоключениях в дни Великой Отечественной войны. Когда фашистские захватчики напали на нашу Родину, мне было 20 лет, и я находился в рядах Красной Армии — служил в г. Минске. И вот при временном отступлении в беспрерывных боях под г. Могилевом был я захвачен в плен. В тот же день, испытав плетку завоевателей (от которой до сих пор имею плохой слух на левое ухо), я совершил побег и пробирался к линии фронта, которая уже далеко продвинулась в пределы Родины.

Но при сложившемся положении в тылу у врага нас, военнопленных, укрывали белорусские колхозники. И вот я, ряд других таких же военнопленных нашли приют в д. Лесные Круглянского района Могилевской области. Я жил у гражданки Близначевой Анастасии

Максимовны, которой буду век свой благодарен за то, что она, быть может, сохранила мне жизнь, рискуя своей жизнью, своей семьей. Она не побоялась приютить солдата, который душой и помыслом ненавидел фашистских захватчиков и всем, чем мог, помогал партизанам, а об этом немногие знали. А кто знал, оставшись в живых, пусть подтвердят, что мы не сидели сложа руки и не ждали, когда нас освободят.

Вот за это-то я и был предан неким полицаем Черных Николаем, который был из местных жителей д. Волконосово. Меня арестовали, и начались пытки, допросы и тяжелое тюремное заключение.

После Круглянской тюрьмы Толочинская, Крупская — это в местечке Крупки, лагеря в г. Борисове, в котором переболел тифом и чудом остался в живых, я оказался в концлагере Майданек.

Вот отсюда я вкратце и описал «мои университеты» по концлагерям. Это не должно повториться...

Но я хочу рассказать о том дне, когда после долгих мук и скитаний я снова обрел долгожданную свободу — освобождение из ненавистного плена.

Это было 5 мая 1945 года. 4 дня оставалось до окончания войны. Но к нам в застенки концлагеря Линц-3 — это филиал Маутхаузена — много проникало того, что совершалось в истории. Но для нас уже было достаточно, что мы чувствовали отдаленную канонаду, охватившую паникой охранявших нас фашистов, которые в последние дни сосредоточенно готовили наше полное уничтожение путем заживо погребения в заминированном под Дунаем земельном гроте. Но, к нашему счастью, это не совершилось. Доблестная Советская Армия пришла вовремя и сняла с нас полосатую одежду концлагерщиков.

Сколько было радости, слез, когда мы увидели знакомую защитную форму советского солдата. Я помню первого попавшего к нам в лагерь солдата, которого целовали и почти на руках несли через трупы узников, которые не смогли дожить нескольких дней, а может быть, часов до освобождения. Это была очень трогательная картина, и она навеки останется в сердцах тех, кто пережил ужасы великих испытаний. А что было с теми, которые были нашими палачами, которые не успели скрыться? Их постигла участь самосуда самих узников, столь была велика ненависть узников к своим палачам, что каждый, кто имел достаточно силы, чтобы хоть плюнуть ему в лицо или пнуть, или излить свою ненависть, каждый не остался перед ним в долгу.

Вот самый мой памятный день войны — день моего освобождения из неволи. Пусть я не совершил достойного подвига, пусть моя горькая участь была не из легких, но я всей душой был связан с Родиной и всегда был и буду готов отдать жизнь за ее счастливое свободное процветание.

Панов А.Н., быв. узник концлагеря Майданека.

16 июня 1961 г., г.

Мурманская обл., Пос.Лесозаводский.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 56. Л. 130—131.

Мне не забыть день моего освобождения

Есть такое событие, которое в свое время прошло как-то стороной и, казалось бы, внешне незаметно, а оставило о себе такое сильное впечатление, что не забыть его до самого конца жизни. Ибо явилось оно даже основным во всей жизни. Такое воспоминание даже срослось с твоим организмом, живет и будет вечно жить, пока ты ходишь, видишь и дышишь. И никакая сила не может вытеснить из твоей памяти такое событие.

Это случилось в 1943 году. Я попал во 2-е Харьковское окружение во второй половине февраля, а точнее, бой начался с 22 февраля.

Я служил в то время радистом в 244 дивизии отдельного батальона связи. Наступление шло в районе деревни Вязовок под Павлоградом. Здесь нас и прихватили в окружение.

После месячного блуждания с двумя другими радистками, как сейчас помню, одну звали Маруся, а другую Надя, к сожалению, я совсем забыл их фамилии, мы остановились в деревне Федоровка, но в разных домах. Я как раз попал с одним из автоматчиков нашей части, с кем нас тут же и забрали — в деревне оказались немцы. А на станции Лозовая в пересылочном лагере я уже видел многих из нашей части, в том числе и нашего старшину — фамилию совершенно забыл, помню только, что он был украинец.

Так начался мой путь страданий. Пребывание по многим пересылочным лагерям сопровождалось каторжными работами и побоями. Наконец, первый так называемый стационар в Восточной Пруссии. Концлагерь 2 Б под городом Хаммерштадт находился в 6—8 км, как мы думали сами, потому что нас туда прямо со станции гнали этапом под конвоем автоматчиков и собак. Там я пробыл недолго, что-то около полугода, за которые я уже выглядел, как мощи Печерской лавры.

Осенью 1944 года нас отправили эшелоном в телячьих вагонах, опутанных колючей проволокой, под усиленной охраной на запад. Сначала мы не знали, куда нас везут, но когда прибыли на станцию, то уже узнали, что это Нюрнберг.

Да, это был Нюрнберг — город седого дьявола и коричневой чумы, город, в котором зародилось все то зло, которое унесло миллионы жизней ни в чем не повинных людей. Лагерь находился в 2—3 км от города, где содержались представители почти всех наций Европы. Это и было мое последнее пристанище. Я думаю, что нет нужды подробно останавливаться на тех издевательствах и муках, которые пришлось пережить, особенно нам — русским; много об этом уже писалось и говорилось до моего рассказа, а то я боюсь, что это займет бумаги целый том.

И если бы не событие, о котором я и хочу рассказать, то я, видимо, не писал бы эти строки, а давным-давно был бы действительно без

вести пропавший, и вспоминали бы меня лишь одна-единственная мать, которой прислали извещение о том, что я без вести пропал. И не растил бы сына, своего любимого красавчика (не могу не похвалиться, ведь он у меня богатырь, и ему 2 $\frac{1}{2}$ года), если бы не то, о чем я хочу рассказать ниже.

День 17 апреля 1945 года в лагере начался, как всегда, только почему-то вопреки лагерному порядку к 8.00 не было поверки и не выносили мертвых, которые скончались за ночь. Все это нам показалось странным. Но вскоре послышались какие-то гулы, похожие на звук авиационных моторов, но тут же все выяснилось. Оказывается, летают несколько истребителей с белыми звездами на фюзеляжах и расстреливают в упор угловые вышки лагеря, где обосновалась лагерная наблюдательная охрана с пулеметами. Это продолжалось примерно минут сорок. Затем появились наши краснозвездные самолеты, которые, с ревом, снижаясь, на бешеной скорости что-то расстреливали вокруг лагеря. Очевидно, это были казармы немцев или же какая-либо техника. И все это происходило с такой поразительной точностью, что ни одна американская и советская пуля или бомба, выпущенные с самолетов этими славными ребятами, не попала в лагерь и никто не погиб от этого стремительного нападения.

Я в это время лежал в бараке, как и многие другие, ничего этого не видел, только лежал и слушал с набежавшими слезами этот огневой салют приближающегося чего-то, мне пока не известного, но все же уже лежал и ждал какую-то надежду на освобождение. Ведь я уже от полного истощения не мог подниматься с нар совершенно и с жадностью слушал только входящих и выходящих ребят в бараке, которые сообщали нам всем, доходягам, обо всем, происходящем за пределами барака.

И вдруг настала какая-то мертвая тишина. Ни выстрелов, ни шума, в бараке все смолкло, даже не были слышны шепоты, все притаились и чего-то ждали. Но вдруг словно гроза разразилась возле лагеря. Ружейная и автоматная перестрелка с ревом танковых моторов все нарастала. В лагере все как бы сжалось в кулак и притаилось. И как сейчас помню, забегают в барак ребята из ходячих и кричат со слезами на глазах: «Свобода!», «Свобода!» и целуются с каждым подряд.

Оказывается, идут танки прямо по проволочной ограде и все ровняют с землей. И кто, вы думаете, выскакивает из этих танков? Да, негры. Да, да, самые настоящие, живые негры из американской армии. Они первые и вошли в лагерь и предрешили все!!!

Это было действительно братание, которое было сплошь залито слезами радости со стороны пленных и их спасителей. Они буквально выносили нас из барачков на руках, как грудных детей, бережно переносили в санитарные, уже поданные машины, которые отвозили нас в ихний полевой госпиталь, где я пробыл полтора-два месяца до эвакуации на родину.

Вот об этой истории я и хотел рассказать, т.е. о дне своего освобождения. Разве можно забыть этих мужественных негритянских ребят...

*Паршков Н. С.
г. Москва.*

21 июня 1961 г.,

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 56. Л. 166—170 об.

№ 122

Я побывал в аду

9 января 1965 г. я послал рукопись на имя писателя С.С. Смирнова.

В рукописи я описал о людях и боевых делах русских партизан, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны на территории Бельгии, Франции, Западной Германии. Я — участник всех событий. И (писал) на основании сохранившихся многочисленных документов. На мою долю пришлось вести путевые записки, они несколько раз пропадали при весьма сложных обстоятельствах, и я при возможности всякий раз их восстанавливал.

Слава русским партизанам, которые нашли в себе силы вырваться из фашистского плена и продолжать вооруженную борьбу с врагом на чужой земле, в глубине Западной Европы, которые показали примеры железной стойкости, верности, долгу перед Родиной.

В моих записях рассказывается о русских партизанах.

В мае 1942 г., будучи на комсомольской работе в 812 стрелковом полку, я был ранен и захвачен в плен. Мне удалось остаться в числе немногих живых бойцов, доставленных в Бельгию.

Работая на шахте Цвартберг, я познакомился со старым бельгийским шахтером — коммунистом Ю. Касселем. А через несколько дней концлагерь облетела весть о побеге. Вместе с ленинградцем Михаилом Постниковым ушли в леса и начали вести борьбу против фашистских палачей.

Много, очень много описано о славных делах русских партизан. Взрывали мосты, пускали под откос поезда, [производились] налеты на фашистские гарнизоны, печатали и распространяли листовки.

Гитлеровцы рыскали по лесам, устраивали облавы на патриотов.

Руководство борьбой против советских партизан и отрядов сопротивления осуществлялось из Бонна.

В этом довелось убедиться и мне лично. Во время одной из операций меня схватили гестаповцы. Привезли меня в г. Аахен и бросили в камеру-одиночку; но самое страшное ждало узников аахенской тюрьмы в Бонне, куда увозили товарищей одного за другим на допросы.

На всю жизнь запомнился мне многоэтажный дом боннского гестапо. Длинные коридоры, множество дверей, из-за которых доносились крики жертв.

Но каждый, кто попадал в этот дом, уже вскоре убеждался, что у боннских гестаповцев существовала тщательно разработанная система допросов и пыток.

Я, как и многие, побывал в аду, в камерах, так называемых камера дожда и камера блох. При одном воспоминании волосы становятся дыбом.

В Бонне меня приговорили к смертной казни через повешение и объявили, что приговор будет исполнен у тюремной стены г. Аахен на глазах у русских заключенных.

К счастью, приговору не суждено было сбыться.

Во время налета бомбардировочной авиации на город Аахен тюрьма была разрушена прямым попаданием бомбы.

В числе нескольких заключенных, которым удалось вырваться на свободу, был и я.

Прячась в силосной яме, печатали листовки.

Однажды после операции, когда взорвали железнодорожный мост, опять схватили гестаповцы в водосточной трубе. Снова тюрьма, смертный приговор и опять побег.

Постникова схватили предатели, и он был отправлен в лагерь смерти Дюренч. Ему удалось познакомиться с русским врачом Костриковым, который помог ему бежать из лагеря.

Его обмотали в рогожку, уложили в ящик, который служил для отправки трупов, и вместе с трупами он лежал, и его вывезли из лагеря.

А меня вывез из этого же лагеря один 13-летний мальчик — украинец, работавший у одного немца и вывозивший в цистерне жидкость из уборной лагеря. 8 человек вывез мальчик.

Опять за оружие, опять борьба...

Пономарев П.Ф.

9 марта 1965 г.,

г. Старый Оскол Белгородская обл.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 60. Л. 2—5.

№ 123

Годы, проведенные в лагере

Фашисты нескончаемым потоком лезли на нашу Советскую Украину. Нас, молодых девушек, выгоняли работать на них, расчищать дороги, чтоб им было лучше ехать на восток. Но никакая сила не могла заставить нас работать на немцев. И за это нас бросили в подвал школы, набили битком, мы просто задохнулись. Наши матери в слезах бросались им в ноги, чтобы они выпустили нас. И нас выпустили. Из подвала нас вывезли в Германию.

В конце 1942 года мы работали в городе Вене на военном заводе. Жили мы в деревянном бараке. В одной половине девушки, в другой —

ребята. Кормили нас исключительно брюквой. Как-то и шпинатом. Мы теряли свои силы, но у нас жила надежда, вера. Как-то нам привезли суп из гороха, но то был не горох, а одни черви. И мы не захотели идти на работу. Прибежала полиция, закрыла нас на замок и вызвала гестапо. В гестапо забрали мою подругу, и она назвала меня и еще трех девушек, (сказала), что мы уговорили всех, чтобы не шли на работу. Тогда я проломила деревянную стену к ребятам, потому что моя кровать как раз стояла около этой стены, и сказала ребятам, чтобы они не шли на работу, пока не привезут лучшей еды.

Мою подругу Колесник гестапо выпустило, а меня и тех трех, тоже моих подруг, повели в гестапо на допрос. Гестаповцы хотели узнать, кто был организатором. Нас били, мучили, но гестапо так и не узнало, кто был организатором. И нас из Вены привезли в Польшу, в лагерь Освенцим.

Сначала мы попали в карантинный лагерь. Мы не могли поверить своим глазам, что там делали с людьми. И недаром этот лагерь называли «лагерем смерти», «фабрикой смерти». Это была настоящая фабрика смерти, где сгорали в крематориях или просто в ямах сжигали людей. Лагерь был очень большой. Он делился на цыганский, мужской и женский, карантинный и рабочий. Тут было очень много людей и очень много национальностей. Мой лагерный номер, который был выколот на левой руке, 49 201. Это было в начале 1943 года. В этом лагере очень сильно издевались над нами.

Лагерь был обнесен проволокой в несколько рядов, и по проволоке был пропущен электрический ток. Через каждые 5—10 м была будка эсэсовца, который стоял с автоматом. Наш подъем делали в 3 часа ночи, выгоняли во двор и выстраивали на так называемом плаце. Мы стояли до тех пор, пока всех нас не пересчитают, а если кого-то не досчитывались, то мы стояли по 3—5 часов в рядах. Потом из рабочего лагеря нас колоннами выгоняли на работу.

На браме лагеря стояла команда музыкантов и играла нам марш. И если кто шел не в ногу, того брали и сжигали. Большим счастьем для нас было, когда мы попадали работать на поле, убирать хлеб, картошку или свеклу. Тогда мы могли поесть хотя бы сырой свеклы, но когда об этом узнавали эсэсовцы, то ставили на колени на измельченные камни. И стояли мы до тех пор, пока ноги не онемеют, так что не могли держать. И нас подгоняли плетками. В 5 часов вечера мы кончали работу. Нас приводили в лагерь и ставили на плацу. И нас снова пересчитывали. Встречали нас так же с музыкой.

Нас били, били за то, что мы ели свою, выращенную на нашей родной земле сырую свеклу, за то, что мы им не нравились, за то, что мы дышали одним с ними воздухом, за то, что мы ходили по одной земле. За все нас били, били и калечили, чтобы, искалеченных, сжечь в крематориях или в ямах.

А мы все надеялись и пели одну песню: «Выше головы, русские девушки, нам дано право бороться». И когда фронт стал подходить ближе к Кракову, и когда мы уже услышали далекий гул канонады, эсэсовцы, чтобы замести свои следы, стали командами вывозить нас в свой тыл. Команду, в какой я была и еще 500 девушек, вывезли в город Хемлиц на военный завод, но тут мы были недолго. Налетели самолеты. Бомбили город. А мы в это время сидели в общежитии на 5 этаже, и каждый из нас радовался, что пришел немцам конец, что пришла и их очередь.

Освободили меня в Чехословакии, от Праги в 50 км. Это было 8 мая в 11 часов вечера 1945 года. А 9 мая мы со всеми людьми отмечали День Победы. Прошло 20 лет, но время не стерло в моей памяти те страшные годы, какие пережила я и мои подруги...

Я поднимаю свой голос за мир во всем свете, за счастье наших детей, чтобы они не знали и не слышали, что такое война. Пусть они видят только светлое небо и яркое солнце.

Сажай А.О.

7 мая 1965 г.

Полтавская обл., г. Решетилловка.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 66. Л. 63—65 об.

№ 124

Распятая юность

Бывшая девчонка Аня Якушова, а ныне полноправная свободная гражданка Анна Федоровна Супрунова, мать уже взрослых двоих детей, на пятом десятке лет своей жизни не может без слез рассказывать, вспоминать о прошлом, горьком, прожитом в стране «цивилизованных вандалов», фашистских чистокровных арийцев — этих мастеров смерти.

Родилась я в 1924 году в семье хлебороба Якушова В.Н., жителя села Победа Орловской области. Там же и закончила 4 класса сельской школы.

Двенадцатилетней девчонкой я была перевезена родителями в Днепропетровскую область, в село Зеленый Гай. В четырнадцать лет я была трудоустроена в местный колхоз «Коминтерн». Радовалась тому, что я являюсь нужным человеком в такой большой, дружной и сильной семье.

Эта моя радость и трудовая гордость продолжались недолго, всего скоротечные пять лет. С приходом немецких оккупантов все перевернулось вверх дном, как говорится.

Летом в 1941 году после многократного «хования» полицаи взяли меня под конвой. Отец и мать от этого свалились в постель. Первый — отец, скоро после этого от расстройства умер (он носил в груди белогвардейскую пулю со времен революции 1918—1919 гг.). Поставщиком в немецкое рабство в то время был у нас кулацкий ублюдок, староста Прокопец и его телохранители, немецкие добровольные опричники — полицейские — Холод Алексей и Куший Афанас.

Первый — Холод расстрелян, а эти два иуды и ныне живут дома. Я была взята названными слугами гитлеровцев вместе с тремя подругами: Чернобай Галиной, Бордаченко Катей и Приставкой Саней. Мы были доставлены на немецкую биржу.

На бирже мы держали экзаме́н на выносливость: два дня нам ничего из пищи «не полагалось» выдавать. После этого всех «надежных» рабов погрузили, как скот, в товарные вагоны по 50—60 человек и, закрыв наглухо двери и люки, при усиленной охране, с собаками отправили со станции Письменной на запад, к границе Германии.

Наш 4-суточный путь был бесчеловечен и кошмарен. Мы, закупоренные и голодные, самоотравлялись своими же потовыми испарениями. Почти в каждом вагоне смерть тешилась молодежными покойниками. Вопли, рыдания и стоны сопровождали «бал проклятия» во всю дорогу от станции Письменной до второй биржи — уже на территории Германии.

Там на автомашинах нас развозили по лагерям. Я с моими подругами, оказавшимися выносливыми наравне со мной, была доставлена в город Липштат. Загнали нас в грязные и пахнувшие каким-то смрадом бараки с нарами в три этажа. Пять месяцев нас держали в жутком кольце эсэсовского конвоя, гонявшего нас — дармовых работниц в разные заводы города на «арбайт».

Ночью же охрана буквально спрессовывала нас, изнуренных, обиженных и голодных работниц, смертной тишиной. Мы с Галей, не выдержав физического и морального гнета, сделали побег. Три дня без пищи, если не считать траву и листву, и без сна бродили мы в неведомых лесных чащах, держа курс на восток, на Родину, милую Родину. Но, увы! Наши муки не окупилась, а наоборот, во много крат увеличились.

В лапах фашистского закона

Город Олейда и его окрестности, по неведению и без ориентировки нам — беглецам, оказавшийся на нашем пути, стал непроходимым кордоном для таких жертв, как мы с Галей. Стражники, поймав нас, со скрученными руками отдали в руки фашистского «правосудия», втолкнули в отдельные камеры городской тюрьмы.

Это была интернациональная смертоносная обитель со стенами, сплошь исписанными на разных языках. Это была казематина кошмарных тайн и хранилище прощальных летописей и проклятий всех жертв, оставивших на стенах для истории свидетельские показания о бесчеловечности нацистских чиновников. Одна из важнейших форм следствия — это избивание до шокового состояния допрашиваемого.

Без этого гитлеровские юристы не могут и не пытаются проникнуть в суть дела. При первой же минуте моего допроса им — юристам — понадобился «законный удар» меня в правую область головы, отчего я, потеряв сознание, упала. И только с появлением красных ручейков с головы — правого виска и глаза — изверг следователь начал свой допрос.

Навечно этот допрос оставил постоянную и мучительную боль в моей голове, и впоследствии с другими видами ненормальных условий,

он отразился на моем слухе, в данное время сильно ослабевшем. Я выстояла, не назвав ему лагерь, из которого бежала.

Доля Гали, моего близнеца по судьбе, с тех пор и поныне мне не известна. Меня же отправили и сдали в концлагерь Равенсбрюк. Это было зимой в начале 1942 года. Тут меня «оформили» как узницу знаменитой людостной крепости: постригли наголо, надели полосатый, мешкообразный капот с большим, через всю спину, писаным крестом и с номером — 33 502.

Этот номер отобрал у меня все — и мягкое красивое имя, и отцовскую фамилию, и гордое, высокое звание ЧЕЛОВЕК, и даже пол. Но я, как и все советские девушки и юноши, твердо верила, что все потерянное будет найдено, отнятое возвращено нам нашими освободителями — воинами прославленной Советской Армии, только надо выжить, перенести жим фашистского когтистого зверя.

Изведать лично и увидеть в этом лагере, что совершалось, я не желала бы никому. Издевательства планировались на каждый день, и их не перечесать. Бежать оттуда было невозможно. Узники были в любое время дня и ночи в фокусе глаза озверевшей охраны внутри и за пределами лагеря. К тому же высокие (от 3-х до 4-х метров) стены всегда были под электротоком.

Даже «работа» планировалась для нас исключительно с целью изнурения, а для них это было как прихотливое блюдо изощренного тонкого вкуса, после которого от удовольствия потирают ладони рук и облизывают пальчики. Вот для примера привожу такую «работу». Рано утром по тревоге (а что стоит эта самая тревога?). Содрогаюсь от одного воспоминания о ней, колонна за колонной, производя глухие и надрывные звуки тысячью стуками деревянных башмаков — шуй, проходили под конвоем с собаками к озеру на целый день за тем, чтобы выдалбывать глыбы мерзлой земли и бросать их в озеро.

Баракы лагеря были, как один, без окон, чтобы легче было контролировать и без того гнусную жизнь и поведение узников. А их были там тысячи.

В 1945 году нас перевезли в город Ноенбранденбург. Жили в лесу. Копали глубокие траншеи для фундамента под какой-то завод военного значения, носили кирпичи днем и ночью, а кормили «рабочих» два раза в сутки баландой из брюквы и прочего суррогата.

Когда я все это вспоминаю, то мне не верится, что я ныне живу и хожу спокойно и счастливо на родной отечественной земле без № 33 502 и его «узаконенных» принадлежностей — полосатой одежды, креста и бритой головы. Перед моими глазами проходят лица подруг, терзаемых фашистами и убиваемых ими ни за что ни про что.

Так погибла от одного удара плеткой с металлическим концом девушка-ростовчанка по имени Виктория. Убийца в черном плаще, улыбающийся, стоит как бы явно перед моими глазами и сейчас, Викто-

рия за один только взгляд и разговор на апеле (проверочная площадка) заплатила, бедняжка, своей юной жизнью. А девушка Лазовая Ира за свисток ради шутки была затравлена собаками.

После вечернего апеля разводили нас по блокам. Мой, проклятый, торчал под знаком..32, а штубе (отделение в нем) за номером 2. Но ни одна ночь не проходила спокойно: уходили товарищи то на кровавые допросы, а другие, прощаясь, шли на казнь. Живешь с постоянной думой — неужели сегодня придет и моя очередь умереть вдали от родины и так нелепо?

Но вера в освобождение, как морской огромный вал, накрывала такие мысли и уносила меня к благополучным и цветущим берегам любимой Родины моей. Так и совершилось то, во что я верила. Перед приходом нашей Советской Армии нас бросились зверюги вывозить из Ноенбранденбурга.

Пищу уже не давали, а бросали на ходу в толпу девушек. Вся масса бросалась с голода за одним куском хлеба, маргарина или брюквы. Два дня гнали нас, как скотину, а потом бросились спасаться сами. Нам того и надо было. Пришла минута встречи с родными богатырями — воинами нашей Советской Армии. Мы с радостью обменивались взаимными братскими объятиями и поцелуями, и пролились тогда большие реки слез от незабываемого и неизмеримого счастья быть свободными от фашистского гнета и спасенными от нелепой смерти.

И так с лета 1943 года по 1945 год до 1-го мая я провела свою золотую юность в страшных страданиях, в душевных и физических муках. Но мое русское сердце все вынесло, превозмогло за тем, чтобы вновь возвратиться на любимую Родину-матушку, любоваться ее полями, лесами.

Летом, отдыхая, плескаться в глубоких озерах с кувшинками и кататься на ласковых волнах полноводных наших рек, а главное, стать на трудовую вахту вместе со своими сестрами и братьями по строительству коммунизма.

Только надорванное пленом фашизма здоровье не позволяет мне держать эту заветную вахту так весело и почетно, как бы мне хотелось, наравне с другими здоровыми товарищами.

20 апреля 1965 г.,

*Супрунова А.Ф., бывш. узница¹⁶¹.
г. Миллерово, Ростовская обл.*

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 70. Л. 169—172.

№ 125 Жизнь или смерть

Мы находились в лагере для военнопленных где-то недалеко от г. Седлец, в Польше. Название маленькой станции в памяти стерлось. Помню еще, недалеко находился г. Луков. На месте лагеря раньше были

¹⁶¹ Со слов А.Ф. Супруновой воспоминания записал Мрыхин П.

поля польских крестьян. Вокруг нас возвели высокие проволочные заграждения, а по углам торчали зловещие вышки с ручными пулеметами. На ночлег загоняли нас в длинные шалаши по 100 чел. Ложились в одну сторону боком по 50 чел. и в другую по 50 чел. Вход был только с одного конца. Под собой голая земля. Постелить никакой одежды не имели. Таких шалашей в лагере было много, целый городок. Кормили нас очень плохо. Давали баланду по одной кружке три раза в день. Били нещадно по всякому поводу. Каждое утро увозили трупы умерших от голода, холода и разных болезней военнопленных.

Чем же занимались люди в лагере? С утра до вечера наши взоры направлялись в сторону кухни. Наблюдали, как туда заходят люди и выходят, ждали, когда и нам принесут эту несчастную баланду. Целыми днями люди рассказывали о своей довоенной хорошей жизни, о том, что они любили кушать, как их матери и жены умели прекрасно стряпать. Наперебой хвалили своих матерей, жен и детей. Если бы матери и жены слышали эти разговоры, то, наверное, никогда не стали бы обижаться на отсутствие к ним любви и уважения со стороны своих мужей и сыновей.

И вот 30 августа 1941 г. во всех шалашах появились агитаторы. Они говорили коротко и ясно: «Товарищи, вы сами, своими глазами видите, как наши друзья ежедневно умирают десятками от голода и холода, разных болезней и побоев фашистских палачей. Дальше терпеть нельзя. Милостей от лютых врагов ждать нам не приходится. Давайте все сегодня организовано прорвемся сквозь проволочные заграждения, нападём на склады с оружием, вооружимся и двинемся на восток на соединение со своей родной Красной Армией, которая ведет героическую борьбу с гитлеровскими захватчиками. У нас есть связь с соседним лагерем, где настоящие командиры, которые берут на себя командование. С нашей стороны требуются только согласие и решимость. Давайте, товарищи, по-большевистски, организовано выступим и вырвемся из этого ада. Жизнь или смерть!» — «Уйдем все, не будем ждать своей смерти здесь! — раздался в ответ единодушные голоса. — Или мы не русские, не советские люди? Давайте нам командиров, которые повели бы нас к своим, на восток!»

Так возникло решение бежать. Целый день разговор шел только о победе. Давали клятву идти только на восток. Постепенно надвигалась темная осенняя ночь. Моросил мелкий дождь. В 9 часов вечера раздался установленный сигнал, и над всем лагерем прокатилось мощное «Ура!». Люди оставили свои ненавистные шалаши и бежали в западном направлении, где имелся лес, туда, где намечался по плану прорыв проволочных заграждений. Когда мы прибежали к установленному месту, то уже не было никаких препятствий. Свободно выбежали из территории лагеря. Кто-то постарался расчистить нам дорогу. Заработали ручные пулеметы с вышек. Бежавший со мной рядом товарищ упал. Видимо, его скосила вражеская

пуля. Наконец мы добежали до леса. Мы на свободе! Сердца бьются, как будто хотят выпрыгнуть. Позади, над территорией лагеря, одна за другой поднимались в небо ракеты, шла непрерывная стрельба.

Со всех сторон стали раздаваться голоса:

— Московские, ко мне!

— Горьковские, подходи сюда!

— Ленинградские! Подходи!

— Куйбышевские, ко мне! — крикнул я.

Ко мне подошли два человека. Один оказался пензенским, а другой из Куйбышевской области, Камышинского района, молодой парень, по национальности татарин. Фамилии их не запомнил. Один — русский, другой — татарин, я — чуваш, составили группу и двинулись дальше. Остальные тоже по группам в 2—3 человека взяли курс на восток. Форсировали маленькую речушку.

Вышли на крестьянские огороды. Подзакусили капустой, морковью, свеклой и другими овощами. Перешли железную дорогу Брест—Седлец. Уже отошли далеко от лагеря. Стало светать. На день устроились в лесу. Образовались своеобразные колонии. Ходили друг к другу в гости, кто даст ложку соли, кто спичек. Весь день варили и пекли картошку, сушились и отдыхали.

К обеду подошел к нам один поляк. Разговорились. Трудно было говорить. Он не знал русского языка, а мы польского, но тем не менее объяснились. Он дал нам понять, что поляки — друзья русских, что они выдавать нас немцам не будут.

— Вы ешьте картошку смело, мы не будем на вас обижаться. В поле ее пока много, — сказал нам щедрый поляк.

— Спасибо, но у нас нет соли и спичек, — ответили мы.

Он сходил домой и принес соли и спичек. Долго мы с ними сидели и говорили о том, что победа будет на нашей стороне.

В первые дни мы двигались на восток по ночам, ибо не верили еще полякам, но идти было трудно, плутали, кружились на месте, а потом убедились в том, что они искренне относятся к нам, и стали продвигаться днем. Только двигались маленькими группами, то можно было встретить своих друзей почти на каждом шагу. Встретимся где-нибудь на дороге, поговорим и идем дальше разными путями, но направление одно — на восток.

Где бы мы ни шли, везде поляки встречали нас со словом «товарищ». Из них многие знали хорошо русский язык. Они нас снабжали хлебом, картами, указывали дороги, где нет немцев, населенные пункты, где имелись немецкие агенты, принимали на ночлег. В одном селе моих товарищей на несколько дней взял к себе поляк, по фамилии Красовский, для работы в своем хозяйстве. Они были колхозниками, а меня не взял, как учителя, усомнился в том, что я справлюсь с сельскохозяйственными работами. Мне пришлось дальше идти одному. Два-три дня держал

меня у себя поляк Высотинский, который показывал мне рану на груди, полученную еще в Русско-японской войне. Другой молодой поляк, Куликовский принял на ночлег, снабдил продуктами питания и маленькой картой, вырезанной из какого-то учебника. Мы почти всю ночь беседовали с ним. Он до начала войны учился в университете, по разным вопросам политики, философии и религии. Ночевал у Георга Юхновича.

Шел по территории Польши 17 дней. 17 сентября 1941 г. дошел до села Ганна, которое расположено на берегу реки Западный Буг. В этот же день, при помощи польских крестьян преодолел пограничную линию, форсировал Западный Буг и вышел на территорию Волынской области.

В соседнем селе с Ганной встретился с одним старым поляком, который благословил меня и сказал: «Обязательно вернитесь к нам. Мы вместе будем гнать немцев на Запад и нанесем полный разгром швабам (он так называл немцев)».

Как будто выполняя наказ этого старика, я в составе войск 1 Белорусского фронта в 1944 и 1945 годах шел по этим же следам. Участвовал в освобождении городов Седлеца, Праги, Варшавы и других населенных пунктов. Имею награды: «Орден Отечественной войны II степени», медали «За отвагу», «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией».

В боях за Варшаву получил ранение 15 января 1945 г. и попал в госпиталь...

Я обращаюсь к своим польским друзьям со словами благодарности и призывом еще больше крепить нашу дружбу, которая зародилась в совместной борьбе против гитлеровской Германии.

Мы тогда так и не узнали организаторов массового побега военнопленных из лагеря под Седлецом. Неизвестны нам и те причины, по которым не удалось организаторам довести это дело до конца, т.е. вооружить восставших и организованно вести их на восток. В печати об этом массовом побеге я не читал. Может быть, я просто не заметил. Хотелось бы узнать имена тех, кто организовал такой массовый побег военнопленных.

Ургалкин А. С.

17 июня 1961 г.

Чувашская АССР, г. Чебоксары.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 76. Л. 40—47.

№ 126

Согласен умереть, но не простить

Прошло двадцать лет, и, казалось бы, обо всем можно было бы забыть навсегда.

Двадцать лет, как утих грохот орудий, пронзительный визг бомб, не стали видны огромные клубы дыма взрывов и пламени пожаров и где-то исчез запах пороха.

Все теперь стало на свои места, природа, села, города. Все кругом стало новое и прекрасное, совсем не похожее на прежнее. Но принесенные фашизмом страдания человечеству в годы Отечественной войны надолго остались в сердцах народов. И, несмотря на то что прошло два десятилетия, нанесенные раны не заживают.

Когда читаешь газету или слушаешь радио о том, что боннское правительство хочет прекратить судебное преследование нацистских военных преступников, то невольно встревожишься и вспомнишь прошлое... В семнадцатилетнем возрасте я угодил в лапы кровожадных фашистов вместе со своими путниками Бурнаткиным и Ляховым.

Жестокие пытки в польском городе Гуре-Кальварии, в гестапо г. Груец, где пришлось испытать много пыток, разных по своему характеру.

Одиночные водяные камеры, в бочке с водой, закупоренной специальной крышкой с небольшими отверстиями для воздуха. Бесконечное избиение и буксировка за ноги с третьего этажа по лестнице, отсчитывая головой количество ступенек, и, в конечном счете, подвешивание за кисти рук.

Я часто задумываюсь о выносливости человека, когда он лишен всего, что способствовало его существованию. И какая сила противостояла для того, чтобы остаться живым, хотя впереди еще предстояли новые мучения. Варшавская тюрьма, транспортировка в концлагерь в закрытых вагонах из-под цемента, когда в пути из каждого вагона было выброшено не меньше, чем по тридцать трупов, задохнувшихся в цементной пыли или убитых сквозь крышу вагона из автомата сопровождающих эсэсовцев.

Эшелон из двадцати вагонов, наполненный по 120 человек, оставил тогда в поле несколько штабелей страшных трупов. Здесь были все дети, женщины, подростки и старики и даже грудные малютки, которые оползвали своих мертвых матерей.

Ужасные зрелища уходили, но на их место приходили новые и новые. Варшавская тюрьма ушла, но вскорости встретили г. Легниц и концлагерь Гросс-Розен. И сейчас я вижу измученных узников, гранитный карьер и огромные тяжелые камни на спинах вереницы узников, движущихся, точно муравьи, друг за другом.

Разукрашенная одежда кристаллами и всевозможными полосами сливалась в кровавую рану. Высокие вышки с пулеметами и электроизгороди, жестокие порядки никому не обещали свободы.

Только граненая труба крематория пожирала беспомощную жертву, выбрасывала прахом, и тянуло неприятным запахом горелого мяса и костей.

Не забыть поднимающие вагонетки на эстакаду в крематорий, шептание узников, которых увозили еще живыми, достигших веса 25 кг.

Бесконечный страх окружал каждого, и каждый ожидал последнего пути, пути в ненасытную печь. Мне пришлось побывать в двух

таких лагерях смерти, Гросс-Розен и Аушвиц, не считая Либенау. За номером 17701 я был зачислен в Гросс-Розене, но и после меня лагерь пополнялся бесконечно. Вход был свободный, но выход только через трубу. Проводить глазами в крематорий удалось мне многих, не менее чем по полста человек в день, но сколько проглотила и выбросила эта труба, мне было не известно с того времени, когда меня угнали в лагерь смерти Аушвиц.

В двадцатичетырехкилограммовом весе в последнем взвешивании, считавшемся годным для работы подростка, я оставил Аушвиц, оставил навсегда.

Труба канализации на стройке смогла спрятать небольшую связку костей, обтянутых шкурой, и через двое суток вывести меня за пределы высоких изгородей и охраны — я бежал.

Мне было известно, что случилось бы со мной, если бы я задержался еще на несколько дней, — служил бы башмаком под колесом тяжелой, с бетоном вагонетки. И только недавно палящее крымское солнце смогло несколько сгладить полосы плетей, которые невозможно сосчитать на спине и ниже, где кончается позвоночник. И как можно простить кровопийцам, как можно равнодушно смотреть в глаза нечеловеческим созданиям, которые пропустили через свои руки десятки тысяч невинных жертв.

И теперь просто оставить судебное преследование и оставить извергов без наказания, этого допустить невозможно. Я призываю всех узников Бухенвальда, Гросс-Розена, Аушвица, Дахау, Хаммельбурга, Флоссенберга и остальных, не допустить прекращения наказания преступников, кровопийцев, пока не заживут наши раны, а они никогда в сердцах не заживут.

Простить — это значит еще стать миллионами жертв прогрессивного человечества.

Вырвать с корнем нацизм и предать суду не двадцатого века, а двадцать веков назад...

Я хочу, чтобы меня хорошо поняли.

*Федотов В.А., быв. узник лагерей смерти Гросс-Розен—Аушвиц,
12 марта 1965 г., г. Севастополь.*

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 77. Л. 73—73 об.

№ 127

Побег из неволи

— Итак, мой рассказ подходит к концу, — пояснил летчик. За десять долгих вечеров, проведенных вместе, я впервые пожалел об этом, так как слушать Кострова очень интересно. — Наступал сорок пятый год, — без долгих раздумий сказал Александр Иванович. — На город

Эгерь, куда привезли нас, скованных попарно, из гродненской тюрьмы, налетели с полтысячи американских бомбардировщиков «боингов» и стали квадратом бомбить его. Это было что-то невероятно страшное. С неба, как горох, сыпались бомбы. Все летело в воздух. Кругом стоны, крики, пожарища. Казалось, не было и живого места. Обычно лагеря не бомбили. В этот раз несколько бомб попало и в наш концлагерь. Многих убило. Воспользовавшись паникой, оставшись чудом в живых, я убежал со сталинградцем Иваном Григорьевым. Но вскоре мы потерялись, и сейчас я не знаю, живой он или нет.

Куда идти? Фашистская Германия была в двух огненных кольцах. С восточной стороны — наши, с западной — американские и английские войска. До нашего фронта примерно семьсот километров, до войск союзников — около трехсот. Пешком не дойдешь. Здесь не родная земля. В Германии и люди, и постройки, и даже воздух кажется чужим. Нужно опять жить на положении зверя: самое главное — осторожность. На каждом шагу тебя ждет опасность. Вот если бы пробраться на аэродром, схватить самолет и... улететь, решил я. Другого выхода нет! Нужно рисковать! Но как это сделать? Я был тогда худой, истощенный, одни кости да кожа.

На счастье, я встретился с нашими репатрированными гражданами. Они помогли мне. Набрался силы. Познакомился поближе. Осторожно намекнул о своем замысле одной девушке. Мы узнали, что в семи километрах от города есть глубокий, стационарный тыловой аэродром, что стоят там «Хейнкели-111», «Мессера-109», «фокера», «Арады-96». Но как пробраться? Один раз, не доходя двух километров, я просмотрел все: машины друг от друга в двадцати—тридцати метрах, стоят в капонирах, большая взлетная полоса. Выследил, что есть и бетонированные площадки. Мысль сработала — это неспроста. Я так и подумал, что где-то под землей здесь находится подземный завод, выпускавший турбореактивные самолеты. На всякий случай стараюсь запомнить расположение аэродрома. Как сейчас помню, он занимает ровное большое поле в стороне от города. Невдалеке местность холмистая: с западной стороны — лесная, с восточной — больше населенных пунктов. Но, чтобы наверняка схватить машину, этого было недостаточно.

Тогда Вилесова Аня знакомит меня с бывшим стрелком-радистом с Ил-2 Иваном Дмитриевичем Суповым, который работал на аэродроме чернорабочим. Сразу посвящать в тайну — значит идти на риск. Я долго присматривался и наконец поверил ему.

Он оказался единомышленником. Тогда я дал ему задание: просмотреть все командные пункты аэродрома, зенитные точки, количество охранявших солдат, систему охраны и строго следить за заправкой горючим... то есть будто бы учел все. Осталось выбрать машину, на которой лететь от врага. У «юнкерса» и «хейнкеля» я не знал запуска, заниматься этим было некогда. Решил остановиться на «Арадо-96». Это тот же «Мессер-109», только двухместный. На них немцы готовили своих летчиков-испытателей.

Я изучал их еще в военной школе, правда, летать не приходилось. Вспоминая прошедшие невзгоды, продумываю каждую мелочь. Не забыл ли чего? Не ошибся ли в товарище? Наконец решаюсь. В ночь на шестое апреля 1945 года поодиночке убиваю двух немцев. Надеваем на себя форму немецких летчиков: темно-серую шинель, головной убор и сапоги. Остальное — не нужно. Мы шли на все — лишь бы убеждать из плена. Пять дней у аэродрома во вражеской шкуре мы дожидались удобного момента.

«Арадо-96» запроваден горючим, стоит в капонире в пятидесяти метрах от командного пункта, но оттуда его не видно. Казалось, все было готово. Товарищ торопил. Я воздерживался. Возле ангара время от времени проходили фашисты. Зря рисковать не хотелось. И вот нам повезло. Долгожданный день настал. В девять часов тридцать минут утра 12-го апреля на аэродром налетели американские «мустанги». Воздушная тревога. Завыли сирены. Началась штурмовка, а у нас — радость. Немцы в панике — кто куда. Бьют зенитки. Горят «хейнкели», «юнкерсы», взрываются их боевые патроны.

— Сашка, давай быстрее! — торопит меня напарник. — Эти американские штурмовики подобьют нашу «араду».

Что есть силы бегу к самолету. Напарник — за мной. В мгновение залезаю в кабину и сразу за мотор. Иван раскрутил инерционный самопуск, но, видимо, сгоряча — неудачно. Включаю мотор — срыв. Винт провернулся три раза и встал. «Мустанги» бомбят. А нам нужно взлетать.

— В чем дело? — спрашиваю. — Давай второй раз! — а мимо пробегают два немца. Хорошо, что они спасали свои шкуры, им было не до нас. Чихнув, мотор завелся. Машу ему — быстрее в машину.

Едва напарник перевалился в кабину, еще ноги у него были за бортом, я дал полный газ и с места поперек взлетной полосы, под пулями и снарядами «мустангов» пошел в угол набора. Убрал шасси и, сделав правый крен с разворотом, чуть не коснувшись земли, ушел за здание штаба. Выбрасываю фашистскую пилотку. Думаю: куда лететь? До наших далеко, не дотянем. До войск союзников близко. Беру курс на запад. Как тогда не сбили меня «мустанги» — сам не пойму. Они погнались за нами. Их первым заметил напарник и с перепугу так дернул ручку на себя, что машина полезла вверх, под огонь. Что есть силы я заорал на него и тут же бросил машину к земле. Чтобы не сбили зенитки, иду бредущим. «Мустанги» отступились. Подо мной лес. Прижимаюсь к земле так, что вот-вот задену винтом за макушки деревьев. Пролетаю лес, впереди огневая трасса. Немцам уже известно о случившемся. Они бьют по мне откуда-то со стороны.

Чувствую, берут упреждение по скорости. Трассы все ближе и ближе. Сбавляю газ и резко к земле, да так, что чуть из кабины не вылетел. Машину вниз, а меня по инерции вверх, к тому же колпак не закрыт. Я даже не заметил, как в это мгновение проскочил под проводами высоковольтной линии. Через несколько минут замечаю: идут танки. На

башнях белые звезды. Догадываюсь — линия фронта. Напряженный момент прошел. В теле почувствовал слабость. Ну, все, думаю, наконец-то перетянул линию фронта. Мучения кончились. Остается посадить машину. Однако, заметив свастику, застучали зенитки. Со всех танков открыли ураганный огонь. В воздухе — одни шапки разрывов. Я машу плоскостями. Огонь не прекращается. Бросаю машину из стороны в сторону. Дальше лететь нельзя. Нужно садиться прямо на передовой.

Взметываю машину вверх. Бить не прекращают. Что делать? Прибираю газок. Кричу Ивану:

— Одевай парашют! Выпрыгивай! Иначе собьют обоих. Не понимают нас!

Не раздумывая, Иван надевает парашют.

— Застегни, — говорю, — крючки покрепче. — Застегнул?

Смотрю, а внизу у него не застегнуто.

Напомнил ему и спрашиваю:

— Знаешь, как кольцо открывать?

— Знаю, — отвечает, — только прыгать не приходилось.

Сделал крен. Он скатился по плоскости вниз. Выходя из крутой левой полуспирали, замечаю: огонь прекратился, а парашют уже раскрылся, почти у самой земли. Садиться на шоссе невозможно. Кругом бугры, ямы. Пролетел немного дальше. Хотел садиться на пахоту. Немец на лошади пахал землю. «Здесь, — думаю, — не сяду, а сяду около друга, там, где он приземлился». Развернул самолет и, не выпуская шасси, сел на живот. Оказалось, это было в районе Манхайм. Узнав, что мы русские и улетели из плена на немецком самолете, негры горячо и приветливо жали нам руки. Мы попросили немедленно сообщить о нас советской миссии. Вскоре она прибыла.

12 апреля я улетел из глубокого вражеского тыла, а четырнадцатого, по нашим данным, которые мы уточнили перед побегом, был разбомблен подземный немецкий завод турбореактивных самолетов. Вот так я и вернулся на родину, сказал Александр Иванович. Этот последний эпизод был словно заключительным аккордом его фронтовых испытаний.

Такую суровую и мужественную повесть, повесть о борьбе с врагом, рассказал мне летчик Костров. И я, как в зеркальном отражении, увидел в ней героическую жизнь всего авиаполка, в котором он сражался, настоящих людей Донбасса, временно оккупированного немецкими фашистами, друзей и сообщников, с кем столкнула его судьба в тылу врага, настоящих советских людей, людей с большой буквы. Я разыщу их, и тот, кто остался живым, расскажет о себе и о погибших товарищах, чью светлую память мы обязаны хранить вечно.

*Филиппов Г.
г. Казань.*

27 июня 1961 г.,

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 77. Л. 135—139.

Не везде, не всегда врачи лечили

Мне было 16 лет, когда началась война. Два года пребывания в Германии, куда я была угнана, оставили в моей душе неизгладимые следы на всю жизнь.

— Правосторонняя очаговая пневмония. Немедленно ложитесь в отделение.

Просторная светлая палата, внимательные лица, ласковые руки медицинских работников. Женщину не успокаивали, она и сама нисколько не сомневалась в скором выздоровлении.

— Я уже, кажется, болела воспалением легких во время войны, — сказала больная врачу, — говорят, у меня сохранились уплотненные очаги.

— Это не от воспаления легких. Значит, у вас был туберкулез.

Впервые за долгие годы женщина вспоминает пережитое и беззвучно, таясь от соседей по палате, плачет.

В ночь под 21 января 1944 года бомбили Шейнебек на Эльбе. Когда работники господина Крайзинга выбежали во двор, кто в чем успел, все вокруг горело от фугасных бомб. В бомбоубежище их хозяин не пустил, а выгнал спасать горевшее имущество. Целый месяц после, отработав день, по ночам тушили горевший невымолоченный хлеб.

Ей было 18 лет. Это была здоровая украинская девушка из тех, о которых говорят «кровь с молоком». Она никогда не болела, а тут что-то болит, разрывается от кашля грудь. А когда немец работник, покачав головой, сказал многозначительно: «Лунге (легкие)», — стала просить хозяина отпустить ее к врачу. «Я отработаю, господин шеф». Девушке хотелось жить, хотелось возвратиться на Родину.

Иностранцев лечил дряхлый старик. Выписал он девушке лекарство и велел из аптеки к нему зайти. Лекарство отобрал и больше сказал не приходить.

Немка поденщица повела ее к врачу, лечившему немцев. Врач выписал лекарство, дал освобождение на 12 дней и направил на снимок легких. Лекарство успокаивало кашель, но снимок в больнице не сделали, а дали что-то запечатанное в конверте. «Отдашь врачу».

В приемной врача была большая очередь. «Пусть войдет русская», — сказал врач, увидев ее в приемной.

Он, стоя, разорвал конверт, а она смотрела на него и не могла понять, почему врач, читая, рвет на себе галстук, как бы задыхаясь, почему изорвал содержимое конверта и, выбросив в сорный ящик, как-то отрывисто, не глядя ей в лицо, сказал: «Можете идти работать». — «А лекарство?» — робко спросила девушка. «Лекарство не нужно. Вы здоровы». А следующий врач, увидев «ОСТ» на ее груди, попросту выгнал ее, закричав так, что девушка, вобрав голову в плечи, как оплеванная, прошла сквозь толпу больных.

Она лежала в холодной темной комнате (после бомбежки окна «остеклили» черной бумагой) на соломенной постели, укрытая всем, чем можно было согреться. Работать сил не было. Лежала и загадывала: если муха доползет до того места — буду жить.

Два килограмма хлеба, который на следующий день превращался в камень, 50 гр. мармелада (повидло), 150 гр. конины, 50 гр. маргарина и картошка на суп — недельный паек. При всем своем богатстве хозяйка ни разу не послала ей даже объедков со своего стола. Единственным добрым делом было то, что ее не выбросили, как это сделали соседи с искалеченной работницей.

Парень остался круглой сиротой с 13 лет. За четыре года пребывания в Германии много горя хлебнул.

Делил он с девушкой каждую крошку. После недели изнурительной работы шел в воскресные дни к соседям заработать ей кусок хлеба. Единственным стаканом ставил банки, укутывал мехом степного кролика. И не каждому было понятно, отчего все темнее выступали веснушки на его прозрачном до синевы лице, отчего украдкой смахивал парень слезу со своих впалых щек.

Очевидно, победила молодость, воля к жизни. Девушка выздоровела. И, когда их освободили, не было у них колебаний, в какой стране их ребенок, которого они ждали, будет счастлив. Не ожидая транспорта, рано утром 26 мая 1945 г. в лодке, вычерпывая просачивавшуюся воду руками, они переплыли Эльбу и пришли к русским бойцам.

Сын пишет: «Мама, верь врачам. Они меня вылечили и тебя вылечат. Я им верю».

Откуда сыну знать, что не везде врачи лечат больных. ПУСТЬ ОН ЭТОГО НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ!

б/д,

*Хребтова Л. Г.
г. Шахты, Донецкая обл.*

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 79. Л. 51—54.

№ 129 Воздушный стрелок Николай Греков

...Удар пришелся по голове. Капитан тихо ахнул и медленно повалился на бок. Больше он не шевелился.

Николай Греков, связанный по рукам и ногам, в злобном исступлении скрежетал зубами и грыз землю. Из его окровавленного рта хрипло вырывалась отборная ругань, которая ни до кого из присутствовавших не доходила — никто не знал русского языка.

К нему подошел, судя по бутылкообразным сапогам, офицер. Сверху каркнуло:

— Эй, ты, руске швин!¹⁶² — последовал удар сапогом. — Их габе шпросиль, ду бист ширехен! — Он прокричал еще что-то, только по-своему. Николай разобрал последнее: «Пук-пук — капут!»

...В сознание пришел во дворе, видимо, под тем же бревенчатым сараем. Чуть поодаль курил часовой в дубленом полушубке и своей фрицевской капелюхе с наушниками. Откуда-то доносилась пьяная песня, связавшая в немыслимый пучок хриплые голоса. По небу медленно ползли рваные тучи, похожие на грязные тряпки. Где-то шумел ветер, но здесь, под сараем, было совсем тихо.

В голове Грекова тяжелыми жерновами ворочались воспоминания. Живе представилась последняя атака.

— Идем на третий заход! — скомандовал капитан Сергиенко ведомым.

Внизу коптящими факелами пылали вражеские танки. Уцелевшие (танки), спешно расползались в стороны от дороги, по которой до этого шли стройной колонной, направляясь к Харькову.

Штурмовики части Героя Советского Союза майора Бугая в этот день уничтожили несколько десятков бронированных чудовищ. Но надо было добить врага, чтобы ни один танк не прорвался к цели.

По пикирующим «Илюшиным» со стороны леска лихорадочно били зенитки. Воздух прошивали трассы крупнокалиберных «эрликонов». Но летчики, казалось, не замечали всего этого. Охваченные неудержимым стремлением и боевым азартом, они заход за заходом громили ненавистного врага.

Воздушный стрелок флагманской машины, старшина Николай Греков был, как и все его товарищи, охвачен боевым азартом. Когда капитан Сергиенко выводил самолет из пикирования, он в своей пармовской кабине стрелял по наземным целям.

Пулемет работал безотказно. В калимоторном прицеле падал поверженный враг. Стрелку больше ни до чего не было дела...

Когда пошли в третью атаку, стрелять «по земле» Николаю не пришлось: на него пикировал воздушный хищник в образе истребителя «Мессершмит-109». Короткий воздушный бой... Греков хорошо помнит, что удачно тогда поранил желтобрюхого дракона прямо в «брюхо», когда тот выходил из атаки.

...Помнит он и необычный приказ командира: «Николай, прыгай! Мотор горит... Я... ранен...»

Устройство нашего штурмовика в первые дни войны с его самодельной пармовской кабиной для воздушного стрелка не разрешало последнему контактно общаться с пилотом. Отделенный от летчика бронешитом, он сам был «защищен» лишь турельным пулеметом и собственной грудью. Иногда, правда, выдавали стрелку обычную ме-

---

¹⁶² Помесь русского с немецким. Так в тексте.

талическую каску, но ее, кстати, никто не надевал, а если и случилось такое, то только «для начальства». В бою же она лишь мешала и поэтому всегда валялась где-то под ногами.

Итак, не видя командира, не в состоянии чем-либо помочь ему, старшина после нескольких тщетных вызовов капитана решил не оставлять самолет...

Машина теряла высоту с такой же стремительностью, как летчик капитан Сергиенко терял кровь свою, сознание и силы. Инстинктивно он потянул ручку управления на себя, когда, объятая дымом и пламенем, земля почти ворвалась в его кабину. От сильного удара головой о бронестекло он потерял сознание.

То же самое случилось и с Николаем. Но его забытие продолжалось всего несколько минут. Еще не осело облако пыли, поднятое машиной при «скольжении на брюхе», а стрелок уже выскочил на землю. В совершенное чувство его привел жар от пылающего мотора. Пламя уже лизало переднюю кабину, подходило к плоскостям, в которых сосредоточены бензобаки. Вот-вот разразится взрыв.

Он не помнит, как очутился на крыле смертельно раненного «Илюши», как ударом сапога высадил «форточку» командирской кабины, с каким трудом отодвинул «фонарь»... Не помнит, как скатился вместе с бесчувственным капитаном на землю и, положив его на себя, пополз... Все это представлялось, как в полусне.

Хорошо запомнились оглушительный взрыв и единственный выстрел из пистолета, который он успел сделать по врагу.

Полуобгоревший, наспех отремонтированный товарный вагон, прицепленный к «хвосту» железнодорожного состава. Таких «душегубок» — несколько десятков, и около каждой из них — часовой. На вагонах написано по-немецки: «Nach Osten».

— Значит, отвоевался, летчик? — невесело спрашивает кто-то. — Теперь, стало быть, на гитлеряку работать заставят... Эх!

— Поработает лопатой напоследок, — перебивает рядом сидящий, — они летчиков, которые противничают, не держат...

— Тогда считай, что и я отжил свое... — снова невесело отвечает первый. — Хотя я и не летчик, а супротивничать буду до последнего. Ежели не вырвусь — как...

Говорили о разном: вспоминали родных и близких, рассказывали разные случаи из боевой жизни, строили самые невообразимые мосты в свое темное и, безусловно, несладкое будущее, на что-то надеялись... Но общей мыслью, которая довлела надо всем, была одна: мысль о свободе. Здесь ехали советские люди, военнослужащие, силой обстоятельств попавшие в унижительное положение животных, подготовленных к сдаче на заготовительный пункт.

Греков молчал. Когда с визгом задвинулась тяжелая дверь, он обратил внимание на тесноту и почти полный мрак. Затем снова всем существом

своим погрузился в единственную, точившую израненную душу мысль: как бежать? В кармане его грязных и окровавленных шаровар лежал, уцелевший чудом перочинный нож.

...Несколько суток спустя ночью где-то на польской земле произошло следующее: километров в десяти от малоизвестной станции¹⁶³ из последнего вагона поезда «Nach Osten» «вывалились» люди. Среди них был и Николай Греков, по инициативе которого все население вагона по очереди перочинным ножом прорезало в толстом полу «дыру спасения». Однако охотников «прыгать в неизвестность» нашлось только трое.

...Предстоял поистине смертельный прыжок. Но, предпочитая смерть фашистскому плену, Николай без колебания подошел к дыре. Глянул в грохочущую бездну. На секунду почувствовал весь ужас предстоящего и величайшим усилием воли подавил в себе страх.

— Первый прыжок без парашюта, — произнес, ни к кому не обращаясь, и опустился на колени у задней кромки продолговатой дыры. Прыгнул головой вперед...

...Пропустив состав с пленными, польские патриоты вышли на железнодорожную магистраль. Сейчас должен пройти «их» эшелон. Ему-то и подготовлялась «достойная» встреча.

— Эге-ге ж, пан Йосиф, да тут кто-то залег...

— Двое...

Партизаны долго не решались выйти из укрытия, боясь испортить дело. Осторожность — мать успеха — закон партизанской борьбы. Решили ликвидировать немецкие посты без шума. Двое, вооруженные ножами, поползли к лежащим.

Нужно было скрытно и неслышно подобраться вплотную к противнику и, одним прыжком оседлав его, прикончить ударом ножа. А время не ждало. Поезд с немецкой техникой и боеприпасами приближался.

...Николая спас его собственный стон, который был услышан человеком, притаившимся в двух шагах и готовым к решительному броску. Второй товарищ оказался мертвым — у него был надвое расколот череп. Третьего не было, по-видимому, в последнюю минуту перед прыжком дрогнул сердцем...

Через три недели воздушный стрелок старшина Николай Греков явился в свою часть. Это было поистине воскресение из мертвых, так как все считали экипаж капитана Сергиенко погибшим славной, героической смертью на поле боя.

В кругу товарищей, простых, веселых, порою озорных и в то же время духовно и физически совершенных боевых ребят, Николай снова почувствовал себя, как в родной семье. Он мечтал о немедленной боевой работе, но начальник особого отдела, дружески обняв его, сказал:

— Отдохни, Коля, недельки две. Еще навоюешься...

---

¹⁶³ Название не указано.

Начальник особого отдела был прав: ровно через две недели старшину вызвал командир полка.

— Ну, что Греков, отдохнул?

— Вынужденная посадка, товарищ майор...

— М... да... Соколу на земле делать нечего. Но закон есть закон, сам понимаешь, не маленький. Небось дома жену оставил? Так ведь?

— Так точно, товарищ майор, и двое детишек вдобавок.

— М... да... — Командир полка на минуту глубоко задумался, затем встряхнул головой, словно отгоняя надоедливый сон, и закончил: — Назначая вас флагманским стрелком лейтенанта Садчикова и поздравляю с высокой правительственной наградой — орденом Боевого Красного Знамени.

— Служу Советскому Союзу, — отчеканивая каждое слово, как клятву, в ответ произнес старшина. — Разрешите принимать боевое оружие?

— Да!

В этот же день на боевую работу поднялась краснозвездная машина. На ее фюзеляже было выведено золотыми литерами: «За капитана Сергиенко!»

Воздушный стрелок, кавалер орденов Красного Знамени, Отечественной войны и Красной Звезды, трижды медаленосец, старшина Николай Греков снова занимал свой законный боевой пост.

Воронеж—Кёнигсберг — таков боевой путь Николая Грекова. Не один десяток вылетов на штурмовку переднего края и боевой техники противника занесен на его счет. 12 фашистских самолетов, сбитых в воздушных боях, — вот достойная месть врагу за смерть любимого командира, за поруганную честь родной земли, за стон и слезы советских людей, временно попавших под гнет фашизма.

В конце войны младший лейтенант Греков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Но его «расчетный счет» у врага в то время еще не был закрыт. Не закрыт он и поныне. Не будет закрыт он до тех пор, пока по земле свободно ходят гитлеровские ублюдки, мечтающие свергнуть мир в новую кровопролитную войну.

Чернов О. Ф.

7 февраля 1965 г.,

пос. Андреевка, Запорожская область.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 81. Л. 108—111.

№ 130

Спасали, рискуя своей жизнью

...Прошло так много лет, многое забыто, трудно вспоминается. Но многое до конца жизни не забыть, все эти годы меня мучает совесть неблагодарности. Коротенько о прошлом.

1941 год. Страшные июньские ночи войны, белорусские леса. Кругом бомбежка, высадка фашистских десантов. Сколько тяжело раненных, умирающих, Чаусы, Орша, Сухиничи и обратно. Вот могилевские леса, а вот и г. Могилев, переезд с остатками машин с тяжело ранеными через Днепр. Полевой передвижной госпиталь при Тульском 61 стрелковом полку в плену вместе с ранеными (воинами). Нас было тринадцать девушек. Мужчины все ушли на защиту г. Могилева и не вернулись. Проходит день, 2-й, 3-й. Раненых кормить нечем. Медикаменты и перевязочный материал кончились. Воды не было; ходили за водой к Днепру под охраной часовых.

Выздоровливающих немцы забирали и отправляли в плен. Не помню число. Но это было в конце августа, когда мне часовой приказал собираться быстро. Меня провели два часовых по улицам Могилева. Я решила, что все кончено, уходя, попрощалась с подругами. Но меня привели на пересыльный пункт в городскую больницу и сдали часовым пересылки. На пересылке людей — мужчин и женщин было много, условия были страшные. Здесь я встретилась с двумя тулячками — медсестрами из медсанбата. В таких условиях мы прожили около 2-х недель. Куда нас собирали — мы ничего не знали, то ли в Германию или куда-то.

Нас обслуживали медработники, беспокоились за наше здоровье, правда, приходящие. И вот я в кабинете зубного врача. Молодая красивая девушка хорошо говорит по-русски, без акцента. Наклоняется и шепчет: «Вы, — говорит, — старшая сестра Чумакова, такого-то госпиталя». Я с ужасом посмотрела на нее, мысль: кто она? Провокатор или наша? Она не дала мне опомниться: «Я пришла за вами, вам надо бежать сегодня вечером». Я сначала не знала, что ответить, потом подумала: «А часовые?» — «Все наши», — услышала я. Я — как мои две землячки, одна с ангиной, с температурой 38,9. Я не могу их оставить.

С помощью этой красивой девушки вечером нас не стало на пересыльном (пункте). Не помню улицу, точнее, глухой переулок, подвальное помещение, где нас кормили-поили 5 дней, пока прекратились розыски сбежавших 3-х пленных. Нас готовили в дальнюю тяжелую дорогу совершенно незнакомые люди, а какие близкие и родные. Они ходили в деревни, меняли вещи, кормили нас и собирали нам на дорогу. Вот готов мешочек с продуктами, дорожный план, ведь мы совершенно не знали Белоруссии. Да и что мы до войны, кроме хорошего, знали? Готовы гражданские документы и гражданская одежда. В одно раннее утро через какие-то туннели под чужими фамилиями нас вывели в могилевские леса. попрощались, поблагодарили мы двух могилевских девушек, и начался наш тяжелый путь. В это время фашистские войска своими грязными сапогами топтали уже землю Тульской области и творили черные дела палачей. Но кто были те девушки?¹⁶⁴

¹⁶⁴ Здесь и далее в письме подчеркивания в тексте письма.

Там была целая семья патриотов: две сестры, их мать и старенький отец, возможно, нам просто он таким казался, мы его очень редко видели, он рано уходил и поздно приходил, мало говорил, но давал указание.

Многое в памяти не сохранилось. Эту семью забыть нам преступление, это была семья Гарбуз: Женя, старшая дочь, зубной врач. Валя (не окончила педагогический институт, помешала война).

Не помню, кто был фельдшер-акушер, мать или отец.

Стоит вопрос: почему я со своим письмом обращаюсь к вам так поздно? Я много писала в Могилев, разыскивала эту семью. Но ответа не получила, писала на горздравотдел, писала на облздравотдел, но ответа не последовало. Встретилась с одним товарищем, который был в Могилеве. Он мне сказал, якобы одна семья Гарбуз повешена гитлеровцами на площади Ленина за связь с партизанами, возможно! Но невозможно в это верить! Неужели их никого не осталось? Как хотелось узнать их судьбу и, если они живы, обнять их, как близких родных, и сказать им русское спасибо. Возможно, жив их брат Гарбуз, он до войны был счетчиком и служил в Москве. Как о нем горевали его мать и сестры, не получая весточек.

Я часто слышу по радио, читаю газеты о патриотах Родины, я считаю: семья Гарбуз — тоже патриоты. Они с первых дней включились в борьбу с фашистами. Спасение трех русских девушек — это, очевидно, только их начало.

Мы все, медсестры, живы и здоровы, работаем в медицинских учреждениях.

18 апреля 1965 г.,

Чумакова С.С.
г. Тула.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 82. Л. 85—88 об.

№ 131

Ужасы Майданека не изгладятся из памяти

Вот мы в г. Люблине (Польша), а в семи примерно километрах от него знаменитая «фабрика смерти» Майданек.

На третий день после бегства оттуда немцев мне представилась возможность побывать на этой «фабрике».

До этого я знал много о злодеяниях и зверствах гитлеровцев. Читал (не помню, в какой газете) большую статью И. Эренбурга «Фабрика смерти», но мне казалось, что кисть художника Эренбурга заведомо положила более яркие краски, чтобы вызвать больше ненависти к врагу, чтобы его клич «Папа, убей немца» (конечно, фашиста) еще глубже проник в душу каждого нашего солдата, офицера, каждого честного человека.

Но вот я подъезжаю все ближе и ближе к лагерю.

Уже чувствуется трупный смрад, издали виднеются утопающие в зелени, симметрично расположенные однотипные деревянные домики. Подъезжаем к лагерю, въезжаем в ворота, и о ужас: тут же справа большая гора человеческих черепов, а вот и знаменитая печь. Она еще цела, и отбит лишь один верхний угол. Топки (кажется, четыре) раскрыты, и в них на механизированных железных носилках вдвинуты не все до конца разрубленные на части уже полуобгоревшие трупы.

А вот недалеко от этой печи начаты уже раскопки и штабеля трупов обнажены.

Помню, как совсем неглубоко, чуть ли не на поверхности земли лежал еще совсем свежий труп молодого рыжеволосого человека с мускулистыми руками. Черепа, обгоревшие трупы и вот эти мускулистые руки лежали и зывали о мести.

Я не плакал, но душа разрывалась на части. Невероятный ужас охватил меня. Я еще некоторое время оставался на территории лагеря, заглянул в подсобные здания, но помню, что находился все время в полузабытьи.

Стоны убитых, сожженных, замученных и заживо погребенных людей не оставляли меня все время.

Прошло уже столько лет, но это нисколько не изгладилось из моей памяти.

15 июня 1961 г.,

Шарлот М.Ю.
пос. Малаховка, Московской обл.

Ф. М-98. Оп. 3. Д. 83. Л. 90—94.

№ 132

Нестерпимые муки плена

Август 1941 года.

Первая ночь в плену. Тяжелая ночь. Нельзя поднять головы, иначе пристрелят проклятые фашисты. В голове не укладывается: как я мог попасть в плен? Присяга. В боевом листке писал: «Атаку любого врага отразим».

В плену нас много. Настал день. Раненого моего товарища забрали. Если выживет, может быть, когда встретимся, если я останусь жив.

Голодных, нас гонят дальше. Рука моя болит. Перебита ключица. Конвой на остановке снимает с наших бойцов сапоги. Остался и я босиком. Болят ноги. Одолевает голод.

Вечер. В поле болотистое место, огороженное колючей проволокой. Это временный лагерь пленных (перевалочный пункт). Загнали в эту ограду. На «ужин» убитая лошадь. От нее запах разложения. Разрубили, сварили в котлах. Раздали полусырое. Многим не хватило. Не досталось и мне. Пленные делятся. Подхожу к бойцу. В руках он держит часть

передней лошадиной ноги, с копытом и подковой. С какой жадностью он грызет эту ногу в шерсти.

— Дай грызнуть.

Он посмотрел на меня...

До чего может довести человека голод! Посмотрел, затрясся, отворачивается.

— Не дам!

Потом все же дал. Я и говорю:

— Вот бы эту косточку да в горло Гитлеру.

Засмеялся парень...

Наутро этап движется проселочными дорогами. Встречают нас женщины, вглядываются, плачут, оставляют на дороге корзинки и узелки с пищей. Кто сумеет отскочить — схватит. Несколько легли убитыми возле корзин.

Пришли в Кременчуг. Переночевали во дворе одного разрушенного завода, опустевшего, тихого (тот завод, что находится возле Днепра по левую сторону). Утром переход Днепра по примитивному мосту. Возникает мысль о побеге.

Часть пути едем на грузовиках. Длинный путь шли пешака до Кировограда. В Кировограде большой лагерь военнопленных. Голод. Страшная вещь — голод. Мрут люди. 10 дней в этом лагере смерти.

Дальнейший этап — Белая Церковь. Лагерь. В нем голод и смерть. Пленных несколько тысяч. За проволоку нам бросают женщины тыкву, картошку, хлеб. Это еще хуже. Пленные бросаются к проволоке, давка, охрана стреляет.

Второй день в Белой Церкви.

За что мучают фашистские изверги этого средних лет, невысокого советского военнопленного? Они выстроили нас четырехугольником. Парня поставили в середине, дали ему в руки длинную сырую доску, заставили поднять над головой на вытянутые руки и в таком положении бегать босиком взад и вперед без отдыха.

Как только несчастный начинает опускать онемевшие руки, немец бьет его палкой по лицу. Разбил нос, губы, голову. Льется кровь советского человека от руки фашиста. А мы ведь ничего сделать не можем. Малейшее наше открытое негодование, и с вышки прострочат нас автоматные очереди.

А что, если все же поднять бунт против фашистов?

Сентябрь 1941 года.

Снова этап. На станции Белая Церковь состав железных, покрашенных в красный цвет полувагонов для перевозки извести. Крышки открываются сверху на две половины. В полувагонах много известковой пыли. Загоняют нас немцы битком. Стоим вплотную друг к другу. Крышки закрывают. Тесно. Очень тесно! Известковая пыль не дает дышать. Духота.

Двое суток были без пищи, без воды да и без воздуха. Слабых поддерживаем. Умерших (военнопленных) складываем в угол. У многих идет кровь из носа и горла. Очень тяжело в части сна. Спим стоя через одного, по очереди.

С каким трудом приходится будить спящих (товарищей), они не просыпаются, садятся, падают. У тех, кто бодрствует, подкашиваются ноги. Стены. Кошмар! Держитесь, хлопцы, духом не падай!

Прибыли в г. Бердичев. Лагерь. Несколько двухэтажных кирпичных казарм, вокруг колючая проволока. Всюду этот колючий металл.

Пленных много. «Старожилы» говорят: немцы готовят этап в Германию, а кое-кого в расход. Спим на цементном полу, один на одном.

У нас много, очень много вшей. Раздеваемся, стряхиваем, выворачиваем белье на левую сторону. Это не помогает. Вши заедают. Люди страшные, худые, грязные, обросшие, но стараются быть бодрыми.

Очень хочется курить. Махорки нет. Кое-кто находит в карманах махорочную «потеруху». Одной папироской делимся по одной затяжке. А под конец ловим дым в воздухе.

Кормят нас распаренной гречихой (в шелухе). Порции малы. Вместо котелков — пилотки. После такой пищи сильные запоры желудков. Воды нет. Роем ямки поодаль от уборной, нечистоты просачиваются сквозь землю, фильтруются. Пьем. А что же делать?

Фашисты гонят нас на работу. Бьют палками по чем попало. Вот только что одному разбил эсэсовец голову. Бедняга силится встать. На четвереньках ползет в строй, поднимаем под руки, ставим на ноги. Кровь по лицу, капает на пыльный двор. Как организовать побег? Беседуем, советуемся. Наш народ борется с врагом, а мы... Нужно и нам бороться. Но как?

На станции убираем разбитые вагоны. Подходят ко мне два длинных эсэсовца, показывают на вагонную рессору. Понимаю — надо отнести в кучу. Попробовал — тяжелая она, да и плечо побаливает. Фашисты гогочут: «Русь! Русь!» Берут рессору вдвоем, кладут, сволочи, мне на правое, больное плечо. Нестерпимая боль, потемнело в глазах. Нет, думаю, гады, не сдамся. Ступил раз, другой, пошатываюсь. Упал. Избили, изверги.

Две недели в Бердичевском лагере. Идет подготовка для отправки в Германию, а негодных (к работе), в расход. Морят голодом. Ребята принесли куски засоленных свиных шкур со щетиной (с кожзавода). Дали мне. Поел. Одолевает жажда. Вот-вот кончусь.

Октябрь 1941 года.

На станции Бердичев грузим на платформы камень. Тяжелая работа обессилевшему человеку. Болит плечо. Будьте вы прокляты всем миром... Под вечер вдвоем с напарником совершаем побег...

Шевченко Н.Н.

г. Чернигов.

2 февраля 1965 г.,

№ 133

Я был в Бухенвальде

Я в 1942 г. под Миллерово попал в плен, в первый лагерь — № 326 в Германии, Рурской области, пробыл там семь месяцев и 2 марта 1943 г. попал в концлагерь Бухенвальд, где пробыл до 1945 г.; и в 1945 году из Бухенвальда вывезли нас в лагерь Ордооф. Через три месяца нас снова отправили в смертный лагерь Бухенвальд, военнопленным в 13-м блоке, номер свой запомнил — 115457; в 1945 г., 3 мая, нас вывезли из Бухенвальда в Чехословакию, и мы попали под обстрел американской авиации. На моих глазах погибло много товарищей.

Шестаев Г. Н.

3 мая 1965 г.

Оренбургская обл., г. Соль-Илецк.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 84. Л. 131—131 об.

№ 134

Как это было

(О комсомолках старшего поколения)

Лето 1941 года в Прибалтике стояло на редкость теплое, солнечное. Море искрилось, блестело, как будто оно было отполировано рубанком. Ярко светило солнце. Жители города Лиепая собрались весело отдохнуть в воскресный день. Но утром 22 июня грохот воздушной бомбардировки разбудил их. Они услышали грозную весть: началась война. От этой тяжелой вести как будто померк солнечный день, суровыми стали лица людей.

Война разметала уют налаженного быта. Жены офицеров гарнизона — комсомолки Зинаида Степановна Мажарова, Евдокия Петровна Сердюкова, Татьяна Савишна Гуртовая — со своими детьми быстро собрались в дорогу. И женщины принимают смелое решение: они становятся в строй защитников города. Вместе с другими в течение нескольких дней они подносили боеприпасы защитникам города, готовили им пищу, стирали белье. Но тревога за детей не давала им покоя, и они предприняли попытку добраться до Риги. Нелегко был этот путь под обстрелом.

И когда они добрались до Риги, город был уже в руках фашистов. Так как сын одного офицера был ранен, женщины обратились во 2-ю городскую больницу. Здесь они встретились с профессором Стразыным.

Рискуя жизнью, он устроил женщин на работу в больницу. Но фашисты узнали о нахождении в больнице жен офицеров. Их забрали и отвезли в тюрьму. Здесь у Зинаиды Мажаровой сын Володя. В тюрьме им создали невыносимые условия: кормили одной мутной баландой, хлеб давали один раз в день по 120 граммов.

На глазах заточенных в тюрьму матерей таяли, теряли силы их дети. Маленький Вова Мажаров не мог кричать, только хрипел.

Седые пряди волос появились у 25-летней Зинаиды Мажаровой, Гуртовой и Евдокии Сердюковой.

В один из страшных дней февраля месяца 1942 года фашисты насильно отобрали у томившихся в камере узниц старших детей. Увезли неизвестно куда Славика Мажарова, Колю Гуртового, Юрика Сердюкова, Володу Рахвалова, Витю Мухаммедова.

Маленького Вову фашисты не взяли. Они видели, что жизнь его угасает. Только чудо могло спасти ребенка. И чудо это явилось в образе медицинской сестры — латышки из Рижской центральной тюрьмы. Она тайком от надзирателей приносила в камеру то яички, то протертую морковь, то овсяную кашу, витамины в таблетках. У Вовы с каждым днем стали прибавляться силы, появилась улыбка. Радости матери не было границ. Но эта радость была преждевременной. В один из сентябрьских дней в камеру вошли тюремщики и отобрали у Зинаиды Мажаровой сына. С лязгом захлопнулась дверь, звякнули тюремные ключи, и все было кончено.

В январе 1943 года жен офицеров Зинаиду Мажарову Евдокию Сердюкову, Татьяну Гуртовую, Елену Рахвалову, Марию Мухаммедову перевели из тюрьмы в лагерь смерти Саласпилс. Побои и издевательства, травля собаками, непосильный физический труд — таков был удел заключенных в этом лагере. Организатором этих диких расправ над советскими военнопленными и мирными гражданами был начальник лагеря фашист Краузе.

И даже здесь, в холодных, не отапливаемых зимой бараках, лишённые какой-либо медицинской помощи, полуголодные, терзаемые думами о судьбе детей, о судьбе мужей, жены офицеров не падали духом, продолжали борьбу. Будучи комсомолками, Зинаида Мажарова, Евдокия Сердюкова и их подруги вели борьбу всеми силами: тайком от стражи лагеря беседовали с военнопленными воинами, вселяли в них уверенность в близкую победу Советской Армии, стирали тяжелораненым белье, организовали в дни революционных праздников пение советских песен.

Кто-то в лагере донес на Зинаиду Степановну Мажарову, что она является женой офицера-политработника, членом ВЛКСМ. Признаться в этом — значило быть расстрелянной на месте. Зинаида твердо решила не сдаваться, дала себе мысленно клятву не сказать правды.

Когда ее ввели в низкую комнату барака к следователю, навстречу ей из-за стола стремительно вскочил дебелый рыжий детина и, направляясь к ней, громко произнес: «Ваш муж — политрук Мажаров, мы знаем! А ты комсомолка! У нас принято говорить только правду, за неправду один исход — расстрел».

Но Зинаида нашла в себе силы разыграть роль человека, не имеющего к политруку Мажарову никакого отношения. Рыжий увесистый кулак

фашиста со всей силой бил хрупкое тело Зины. В течение 4-х часов четыре следователи, сменяясь один за другим, пытались сломить волю советской женщины, но так и не добились своего.

В один из майских дней 1944 года партию заключенных Саласпилсского лагеря в 4 часа утра вывели на расстрел. В их числе были и жены офицеров. Как всегда, жертвы выкопали себе ров и, крепко взявшись за руки, стали на краю его. Теплый майский ветер играл прядями седых волос молодых советских женщин. Но в глазах не было слез. Дважды за спиной слышалась отвратительная немецкая команда: «Открыть огонь!» — но выстрелов не последовало. Это начальник лагеря Краузе инсценировал сцену расстрела. Когда рассвело, он заявил своим жертвам: «Расстрелять мы вас всегда успеем, вы в наших руках, послужите нам еще как рабочий скот в Германии».

И их, действительно, как скотину, загнали в душные трюмы океанского парохода и под усиленным конвоем отправили в Германию.

Это было в августе 1944 года. Татьяна Гуртовая, Елена Рахвалова, Мария Мухаммедова оказались в лагере смерти в Равенсбрюке, а Евдокию Сердюкову и Зинаиду Мажарову отправили в другой лагерь — Бельцик. На них была полосатая тюремная одежда, на ногах — грубые деревянные колодки. Каждый из заключенных имел свой номер — бирку. Пережить и перетерпеть в фашистских лагерях смерти в Германии пришлось им не меньше, чем в Саласпилсе.

И даже здесь, на чужбине женщины не пали духом. Зинаида Мажарова и Евдокия Сердюкова через немецких патриотов узнавали последние известия о победах Советской Армии и рассказывали о них по возвращении с работы в бараки другим.

В один из последних дней апреля 1945 года заключенных из разных лагерей вывели на шоссе и повели куда-то на запад. Тех, кто не мог идти, согнали в два барака, а затем бараки облили бензином и подожгли.

И вот, когда весенний день клонился к вечеру, из разных партий предприняли попытку бежать Зинаида Мажарова, Евдокия Сердюкова, Татьяна Гуртовая. Любовь к жизни, стремление встретиться во что бы то ни стало с детьми придали им силы. Несколько дней Зинаида Мажарова и Евдокия Сердюкова скрывались в заброшенном сарае. Здесь их обнаружил угнанный в неволю русский паренек. По ночам он им приносил хлеб, картофель — все, что удавалось достать у хозяина, где он работал. Вскоре их освободили советские войска. И жены офицеров вернулись на родину. Они начали поиски своих детей. Оказалось, что они проделали тот же путь в Германию, что их матери в августе 1944 года. Началась переписка, матери посылали письма в многочисленные города Западной и Восточной Германии. И после настойчивых поисков им удалось напасть на след.

Вначале, казалось бы, все так просто: раз нашлись дети и живы их родители, раз у них имеется Родина, надо быстрее вернуть детей семьям.

Но потребовалась длительная переписка советских офицеров по делам репатриации с английскими оккупационными властями в Германии. Англичане не хотели вернуть детей, стремясь превратить их в сирот, не имеющих не только родителей, но и Родины.

Зинаида Мажарова и Елена Рахвалова обращаются с открытым письмом к президенту Британского Красного Креста лорду Вултону. Они писали, что отцы детей, которых задерживают в приюте, смело сражались с фашистами. Некоторые из них погибли, другие вернулись с победой домой. Они просили без промедления вернуть детей на Родину.

В ответ пришла формальная отписка заместителя лорда Вултона, некоего генерал-майора, который даже не удосужился отчетливо представить подпись. Этот бездушный генерал «Икс» сообщил, что, к сожалению, Британский Красный Крест не имеет возможности помочь в этом деле. Потребовался настойчивый громкий протест советской и международной общественности, чтобы принудить англичан отпустить детей на Родину.

Однажды Мажарова получила телеграмму из Берлина следующего содержания: «Ваш сын Владимир взят нами у англичан и находится в нашем детском доме. В ближайшее время будет доставлен Вам домой. Сообщите Рахваловой, что ее сын Виктор также нами взят у англичан и находится в нашем детском доме». Под телеграммой стояла подпись генерал-майора Юркина. Немного позднее радостные телеграммы пришли к Татьяне Савишне Гуртовой, к Марии Мухаммедовой, к Евдокии Сердюковой. Когда московский экспресс доставил в Ригу детей, каждая из матерей взяла на руки именно своего ребенка. Материнское сердце не обмануло...

Дети, о которых мы вели речь, стали взрослыми молодыми людьми...

Большой ценой было завоевано счастье на жизнь, на радость труда.

Ямщиков Б.М.

16 февраля 1965 г.

Город не указан.

Ф. М.-98. Оп. 3. Д. 89. Л. 64—68.

ЭПИЛОГ

Люди!
Покуда сердца
                        стучатся, —
помните!
Какой ценой
завоевано счастье, —
пожалуйста,
                        помните!

Песню свою
                        отправляя в полет, —
помните!
О тех,
кто уже никогда
                        не споет, —
помните!

Детям своим
                        расскажите о них,
чтоб
запомнили!
Детям
                        детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!

Во все времена
                    бессмертной
                    Земли
К мерцающим звездам
                    ведя корабли, —
о погибших
помните!

Встречайте
                    трепетную весну,
люди Земли!
Убейте
                    войну,
прокляните войну,
люди Земли!

Мечту пронесите
                    через года
и жизнью наполните!..
Но о тех,
кто уже не придет
                    никогда, —
заклинаю, —
помните!

Роберт Рождественский¹⁶⁵.

---

¹⁶⁵ «Венок славы». М., 1985. Т. 12.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Из дневника немецкого лейтенанта К.Ф. Бранда, чье подразделение входило в 6-ю армию группы армий «Юг»¹⁶⁶

28.VI.1943 г. Прекрасное время года протекает без каких-либо крупных операций. Надеюсь, русский не использует эти долгие месяцы для преждевременного наступления.

Со вчерашнего дня на нашем участке происходят большие передвижения танковых дивизий.

Может быть, это приведет к образованию хотя бы местного окружения. В садах и полях здесь все пышно цветет. Тыква, капуста, картофель, подсолнечники здесь такие, каких мы в Германии никогда не видели...

30.VI. На нашем участке продолжают большие передвижения войск. Танковые дивизии направляются к северу, в район Харькова. Трудно сказать, подготавливается ли немецкое наступление или только ожидают крупного наступления русских; по-видимому, все же последнее...

1.VII. Из ожидавшегося в течение нескольких дней контрнаступления русских, по-видимому, пока ничего не вышло. Но передвижения немецких войск продолжают. Сегодня вечером ожесточенный налет русских самолетов на нашу деревню.

Итак, снова полгода прошли почти в полном бездействии.

Мы еще долго не оправимся от зимних потерь. Крупные военные действия с нашей стороны вряд ли возможны, так как во всем ощущается недостаток. К тому же англичанин разрушает один немецкий город за другим. Положение в самой Германии тяжелое. На улучшение его надеяться трудно. Меня каждый раз охватывает ужасная ярость,

---

¹⁶⁶ Дневник был выявлен в РГАСПИ и подготовлен к печати к.и.н. В.Н. Шепелевым.

когда я думаю, с каким результатом мы пришли на четвертый год войны. Без сомнения, многого можно было бы избежать, если бы в наших рядах и среди нашего руководства не было столько глупости и зазнайства. Меня душит злоба, когда я вспоминаю все дурацкие утверждения, сделанные за последние годы. Мы попались на удочку своей же пропаганды. И это при наличии таких блестящих военных успехов, при таком героизме и готовности жертвовать собой. Теперь мы снова шатаемся, как в Первую мировую войну, и улучшения ждать не приходится. А идеи, желания и начинания были хорошими. Над Европой поднималась немецкая весна. Но проведение в жизнь всех планов все больше попадало в руки мещан и бюрократов. Посредственность расцвела пышным цветом и перестала поэтому выносить какую бы то ни было критику. А теперь она стоит накануне банкротства и не знает, что делать. Великая же идея пострадала от этого и постепенно гибнет. Теперь предстоит последняя борьба за немецкую мечту, за чаяния доброго тысячелетия.

2.VII. Прекрасный летний день. Цветут подсолнухи, но нет радости. Кёльн снова сильно пострадал. Похоже, будут уничтожены все старинные немецкие культурные ценности... А мы только можем выполнять свой долг — каждый на своем месте и время от времени предостерегающе возвышать наш голос; главное же — беспрестанно призывать к выдержке и стараться увеличивать силу нашего сопротивления.

Я часто смотрю на карточку сына. Как сложилась его жизнь? Захочет ли он стать солдатом?

3.VII. Часто я задумываюсь о борьбе этих двух великих мировоззрений — национал-социализма и большевизма. Неужели абсолютно необходимо, чтобы они растерзали друг друга? Неужели они не могли ужиться вместе? Были ли противоречия между ними на самом деле так велики? Не придется ли будущим поколениям с (о) страшным трудом выискивать в этом нагромождении лжи действительно существовавшие противоречия?

Неужели в этой войне на самом деле идеализм будет окончательно похоронен? Неужели одержит верх материализм американского или европейско-русского толка? Я никогда в жизни не поверю этому. Мир тогда потеряет свою последнюю прелесть, а жизнь свой смысл...

4.VII. Я повторил сегодня в дивизионной школе доклад об истории Германии. Присутствовали командующий и господа из дивизии. Эсэсовская дивизия «Викинг» опять с нами. Очевидно, скоро все же начнется наше наступление. Я полагаю, в ближайшие дни мы должны будем уступить им место в Метчебеловке.

5.VII. «Викинги» настаивают и торопят. Длительные переговоры с их нахальными квартирными. Мы уйдем, разумеется, только если нам это прикажут. Думаю, это будет уже завтра.

6.VII. ...Вчера началось наше наступление севернее Харькова. Так по крайней мере рассказывают эсэсовцы из дивизии «Викинг», которые снова расположились здесь два дня тому назад. Надеюсь, что это правда. Нам в этом году достаточно досталось. Пора что-то предпринимать.

Офицеры из дивизии СС удивляются пессимизму, царящему в нашей дивизии. Они при этом всегда забывают о том, насколько лучше по сравнению с нами условия, в которые они поставлены. Сам вид их возбуждает у наших уставших, измотанных солдат чувство подлинной классовой ненависти. В наши войска входят те жалкие остатки, которые еще можно было наскрести в Германии. Они же собрали лучший человеческий материал в Европе.

Каждый их ефрейтор у нас был бы фельдфебелем. Притом они пьют, кутят, а наши солдаты часто самым настоящим образом голодают.

Тем не менее СС бесстыднейшим образом грабят и отбирают все у местных жителей, в то время как мы все время проповедуем, а также проводим на деле дружбу с украинцами.

У нас сурово наказывается каждый маленький проступок, даже офицеров (как недавно) сразу заключают в крепость, а СС всегда остаются безнаказанными.

Поэтому русский никого так сильно не ненавидит, как эсэсовцев.

9.VII. После обеда посетил эсэсовскую дивизию «Викинг». Будь я на 5 или 10 лет моложе, я бы, пожалуй, пошел в СС, был бы СС-фюрером. Конечно, они очень ограничены и чрезмерно оптимистичны, но все же в них живет новая, молодая Германия.

При более строгой дисциплине и более сильном упоре на немецкие этические основы из их превосходного человеческого материала можно сделать очень многое...

Первые русские листовки о нашем наступлении севернее Харькова. Они содержат в общем и целом искаженные сообщения наших сводок с неоднократно уже повторяющейся угрозой устроить нам новый Сталинград.

10.VII. Вчера и сегодня сильный дождь, частые грозы. Надеюсь, это не повредит немецкому наступлению. Эсэсовская дивизия «Викинг» вчера вечером выступила, предполагаю, для того, чтобы принять участие в военных действиях.

12.VII. Десант американцев в Сицилии. Надо надеяться, что их удастся скоро сбросить. Мы должны удержать Италию, если хотим отстоять Балканы...

16.VII. ...Мы снова в боевой готовности и ждем. Днем и ночью мимо нас катятся танковые дивизии. Все преисполнены беспокойства и ожидания. У нас так же, как и у русских, сразу за линией фронта происходят

крупнейшие передвижения войск. Положение между Белгородом и Орлом до сих пор еще неопределенное.

17.VII. Вчера началось большое русское наступление на участке нашей дивизии. Главный удар был направлен на южный фланг, между Петровской и Изюмом. Там наш 457-й полк после первого же удара был сильно разбит. Русские наступали с севера тремя-четырьмя дивизиями, перейдя через Донец по двум мостам и вброд. Повсюду им удалось глубоко вклиниться в наше расположение. Они окружили несколько населенных пунктов и рот. Бои были жестокими, положение чрезвычайно серьезным. Мой 466-й полк вначале был позади, как находящийся в резерве армии, и первый удар его не затронул. К полудню положение стало еще более серьезным, и нас ввели в бой.

Тяжелые бои продолжаются непрерывно. Уже поступают сведения о первых потерях. Весь день действуют крупные соединения немецких самолетов. Эсэсовская дивизия «Викинг» снова переведена на наш участок в качестве резерва. Весь день ужасная неразбериха, переговоры, телефонные звонки и приказы. Наш батальон прикрывает КП дивизии, который подвергается серьезной опасности. Бросили в бой даже роту выздоравливающих, которая только вчера прибыла из Германии. (По одной винтовке на троих.)

После полудня переговоры между нашим оперативным отделом и оперативным отделом дивизии «Викинг», которая не хочет наступать как следует, хотя русский все больше укрепляется. Их поведение меня неприятно поражает. Посмотрим, какая обстановка будет завтра.

18.VII. День и ночь продолжают ожесточенные бои. Сильные соединения русских самолетов атаковали нас, а также бомбардировали все тыловые позиции. Произошло много воздушных сражений. Русский получил подкрепление и снова атаковал упорно и массированно. У него очень большие потери, но и у немцев так же. Многие знакомые и друзья уже убиты. Это был для нашей дивизии второй очень тяжелый день, который, к сожалению, закончился не так успешно, как мы все надеялись. Местные прорывы русских, правда, всюду ликвидированы, но противник все время получает подкрепления и дерется упорно и ожесточенно. В нашей дивизии нет больше резервов. Введено в действие все, до последнего подразделения. Дивизия «Викинг» атаковала сперва только танками, 466-й полк расформирован, остатки влили в 457-й полк. Будем надеяться, завтра полегчает. Так как вследствие наших тяжелых потерь в офицерском составе я не считаю свою должность адъютанта батальона остро необходимой, я попросил полковника отозвать меня...

19.VII. Снова день переменных боев. Тяжелые потери среди офицеров, унтер-офицеров и солдат. И наш полевой запасной батальон также понес большие потери. Последние резервы штаба батальона со

всем обозом двинуты на передовые. Ночью проходим через Грушеваху и Камышеваху, которые подвергаются сильнейшей бомбардировке. Обоз располагается в Петрополье. Сильный артиллерийский огонь, четыре лошади убиты. Идут настоящие воздушные бои...

20.VII. Утром установлена связь с 457-м полком. Полевой запасной батальон, несмотря на громадные потери, понесенные вчера, остается в бою... Танковая атака русских отбита, но с большими потерями для нас...

21.VII. Рано утром началась большая русская атака с танками. Обоих командиров дивизии не было. Русские шли с востока, с юга и с запада. Мне удалось успокоить и образумить кучку наших пехотинцев и заставить несколько бронбойщиков вернуться к своим орудиям... Так как русские, видимо, боялись контрудара с нашей стороны, то они весь день сегодня обстреливали нас из артиллерийских орудий. У нас, к сожалению, были тяжелые потери. Мне тоже осколки снарядов попали в руку и в заднюю часть.

И, несмотря ни на что, жизнь снова доставляет удовольствие. Знаешь, для чего ты здесь и что все это имеет смысл.

22.VII. Бесперывные ожесточеннейшие артиллерийские обстрелы наших позиций. Много прямых попаданий. К сожалению, у нас почти нет укрытий. Мы лежим, распластавшись на земле, как рыбы на песке. Русский расходует огромное количество боеприпасов... К сожалению, у нас опять большие потери...

23.VII. Бесперывный дождь, что с бесперывным артиллерийским и минометным обстрелом действует подавляюще. Пытаемся укрыться в земле, твердой, как камень. Это нелегко.

Снова очень большие потери. На смену нечего надеяться, так как все части дивизии находятся в бою (даже тыловые службы) и почти все они сильно потрепаны. Дивизия «Викинг» тоже постепенно просочилась для подкрепления в наши ряды и поэтому не является уже резервом. К сожалению, у нас недостаточно сил, чтобы очистить весь участок, и поэтому мы не выходим к Донцу.

В нашем распоряжении нет абсолютно никаких резервов. И все же положение ни в коем случае не было критическим, так как наши люди сражались превосходно. Seriously повредила нам неустойчивость на отдельных участках, например, недавно слева от нас слабость нервов у некоторых командиров.

Поздно вечером сильное наступление русских справа и слева после убийственной артиллерийской подготовки. Русский часами пытался отрезать нас от тыла. Мы, как кулаком, бьем по его позициям. В такие критические моменты я всегда благодарен судьбе, что я офицер, имею власть над людьми и могу действовать на них успокаивающе или, как сегодня, угрожаю им.

Русские несут большие потери, но людей у них больше, чем у нас, и чудовищное количество боеприпасов.

Такого огня, как в эти дни, я не видел за всю войну. О, если бы у нас была наша армия 1941 года!

24.VII. Сильные артиллерийские атаки, русских танков немного. Он (русский) стреляет без усталости. Целый день переговоры с артиллеристами и подготовка к контрудару.

За несколько минут до начала таинственная черная женщина на ничьей земле. Шпион или шпионка?..

28.VII. Снова большие потери в результате обстрела. Убитые и раненые. От тесноты в блиндажах и окопах настроение у всех раздраженное (у офицеров также). Наконец в 9 часов смена...

1.VIII. Как всегда после больших переживаний, у меня наступает нечто вроде похмелья. Я думаю о наших громадных потерях, о множестве убитых из нашего батальона, которых мы в большинстве случаев не могли даже похоронить.

С ужасом я только в последний день вспомнил, что ни одного из них мы не проводили добрым словом или молитвой. Мы не в состоянии больше установить, где лежит каждый из них, потому что часто мы не могли даже взять у них ни солдатской книжки, ни опознавательного знака. У нас не было даже воды, чтобы смыть с себя зловонный яд.

А мучения раненых! Но нашей первой обязанностью было сражаться и отражать атаки русских.

Русского тоже сильно потрепали. Но он в состоянии сейчас выставить огромное количество техники.

Если бы наша собственная армия не растаяла бы так страшно за две зимы! Сколько бессмысленных жертв! Сейчас как раз наступило время, когда можно было бы закончить восточный поход, но теперь у нас для этого нет войск. Особенно велики потери среди офицерского состава дивизии...

Только необходимость и сознание долга поддерживают нас. Отчаяние придает нам несокрушимую силу. Как счастливы погибшие в Польше и во Франции — они верили в победу...

2.VIII. ...Итальянская трагедия разворачивается неслыханно быстро. Ее ожидали давно, но не думали, что итальянцы отнесутся к ней так спокойно. К Муссолини я всегда питал некоторые симпатии, но его отставку я не совсем понимаю. Диктатор, который в конце концов отступает, мне отвратителен. Разглагольствовать в течение десятилетий, а затем бросить свой народ в величайшей беде — это подло. Теперь итальянцы, наверное, забросают его камнями, но через несколько лет будут снова чествовать его, а через несколько десятилетий попытаются снова осуществить его программу. Для нас

падение Муссолини — это тяжелый удар. «Le commencement de la fin...» («Начало конца...»)

3.VIII. Наши потери понятны, если вспомнить, что мы должны были выдерживать ураганный огонь по крайней мере 40 батарей и полка минометов. К тому же ежедневно около 100 вражеских самолетов. Мы вправе гордиться нашей обороной. Но все же впервые русские решились наступать летом.

4.VIII. До 1933 года Россия была второстепенной державой. И только в результате столкновения с нами она достигла своего современного величия и силы. Если русским удастся нас выбросить из своей страны, а мы уже теперь занимаем, в сущности говоря, только ее окраины, то сила России еще возрастет. Мы сами дали ей возможность приобрести такое значение в Европе. Если русские отразят это наступление, то никто не сможет с ними справиться в течение многих десятилетий. Если же счастье будет на нашей стороне, то мы укрепимся на обширных пространствах, расположенных между нашей границей и собственно русской территорией. Но возникает вопрос, не могли ли бы мы получить их с помощью умелой политики более дешевой ценой, без войны и без этих колоссальных жертв. Во всяком случае, 22 июня 1941 года мы сделали Германию на десятилетия, если не на столетия неоплатным должником России.

Вечером большой налет русских бомбардировщиков. Один «юнкерс» был подбит и сгорел.

Опять сильная бомбардировка Гамбурга. Это уже слишком!

Очевидно, 1943 год хочет стать самым черным годом во всей немецкой истории.

5.VIII. Издалека снова слышна канонада. Кроме того, оживленнейшая деятельность русских самолетов. Надеюсь, противник не будет больше наступать. Мы слишком ослаблены. Вдобавок мрачные новости: сдали Орел. Около двух лет тому назад я участвовал во взятии этого города. Я получил тогда Железный крест II степени. Какая ирония, именно сегодня мне дали Железный крест I степени! Почти два года моя старая дивизия после отступления 1941—1942 гг. защищалась в этом городе. Оставление или, вернее говоря, сдача его является для нас тяжелым ударом. Число поражений все растет, а выхода не видно.

6.VIII. Дивизия «Викинг» снова проходит по нашему участку. На этот раз в Харьков. Они идут с Миуса. Так в течение недель немские наши резервы перебрасываются непосредственно за линией фронта то туда, то сюда. Для того чтобы предпринять что-нибудь серьезное, у нас больше нет достаточных сил...

7.VIII. ...Утром русские бомбили наши позиции и проходящие части СС. Страшная картина: раненые, убитые. Пронзительные крики,

дикое смятение, кругом пожары и воронки. Это повторялось каждые 2—3 часа. Вечером я побывал в дивизии, в полку и в старом батальоне. На всех путях и дорогах картина одна и та же. Не раз приходилось нам останавливать нашу машину и искать убежища в канавах. На этот раз у русских везде были хорошие попадания. На нашем пути нам встречаются только растерянные солдаты и гражданские...

8.VIII. Бесперывно воздушные налеты. Не решаешься высунуться из землянки. Сегодня я, несмотря на это, пошел купаться и провел в воде во время налета ужасных полчаса. Проходящие СС тоже сильно пострадали. Преступная безответственность: никакого прикрытия, они движутся четвертый день без сопровождения зениток. Политическое и военное положение по-прежнему очень печально. Как давно мы уже не слышали хороших известий! После Орла — Белгород. К тому же снова ожесточенные сражения за Харьков. И на других участках Восточного фронта опять вспыхнули бои. Потери русских, наверное, огромны, но и мы жестоко страдаем.

14.VIII. 10.VIII согласно приказу по дивизии, я переведен снова в полк...

...Русский ведет сильный артиллерийский и минометный обстрел. Позиции у нас хорошие, но заняты незначительными силами. Солдаты держатся мужественно, но мысли их на родине. В ближайшие дни ожидается новое крупное наступление русских.

Но все это ничтожно по сравнению с тем, что происходит на родине. Я уже много недель не могу отделаться от мысли об этом. Гамбургу приходилось страдать больше всех. Видимо, такая же участь ждет Берлин, и мы не в состоянии ни спасти его, ни помочь. Это невероятно угнетает всех нас, парализует всю нашу энергию. Германия, несмотря на наши успехи в обороне, находится в тяжелом состоянии.

15.VIII. ...На фронте несколько тревожнее, чем обычно... русский сбрасывает каждую ночь фосфорные бомбы... Хорошая погода настраивает людей на мысли о мире. Мне редко приходилось слышать так много слухов и предположений, как сейчас. Каждый старается убедить себя в близости благополучного конца войны. Мы ведем политику страуса и все еще сами себя обманываем. Впрочем, я тоже не верю, что война будет продолжаться еще четыре года. Но какой будет конец? Каким он может быть? Политика теперь занимает всех. Одного волнует судьба Германии, другого — потери его личного имущества, третий думает об ужасных опустошениях на родине, четвертый — об уничтожении культурных ценностей.

Англичане и американцы уничтожили до сих пор в Германии и Италии больше произведений искусства и культуры, чем все, что оба эти народа, вместе взятые, произвели и когда-нибудь произведут в этой области.

Для Германии решающим вопросом теперь будет: в состоянии ли она сохранить себя и свою самобытность, хотя бы в разбитом виде, в тисках между большевизмом и американизмом?

15—16.VIII. На дворе непрерывный дождь. Бедные солдаты в их землянках. Но еще несчастней жертвы бомбежек, блуждающие по всему свету без всякого имущества. Опять меня берет безумная злоба, которая переходит даже в ненависть к правителям. Бедный наш народ! Мы все разучились смеяться. Но все-таки мы должны выстоять — и мы выстоим. Народ, который переносит такие трудности и лишения, который способен на такие жертвы, не приходя при этом в отчаяние, не может не жить, если только эти круглые дураки не погубят его окончательно...

18.VIII. Началось наступление у Изюма. В первые два дня русский даже добился некоторых успехов. На этот раз, говорят, пехота русских была значительно лучше.

Возникает большой и решающий вопрос: сознательно ли он придерживает свои лучшие силы для зимнего наступления или действительно они у него истомились и хороший материал попадает у него только в виде исключения? Но я боюсь, что от него можно ожидать всего на свете. В этом отношении мы не должны обольщать себя ложными надеждами.

Если бы только у нас была наша армия 1941 года! Битва в России приближалась бы теперь к концу. Если бы мы сумели продержаться всю зиму, то к весне у нас могли бы быть кое-какие перспективы. Все зависит от нашей выдержки и от родины.

Сицилия оставлена, это, правда, не неожиданность, но все-таки тяжелый удар, потому что остров относится уже к Европе. Серьезнейшими вопросами будущего остаются: что станет с Италией и с Балканами, сможем ли мы их удержать, сможем ли мы положить конец бомбардировкам родины, выдержит ли родина? Наконец-то получил письмо от Элизабет. Все ее имущество погибло. То, что еще осталось, подвергается сильнейшей опасности. При этом нам, как и прежде, дорог каждый предмет. Мысли всех солдат все время обращены к родине, заботы их снедают. И все же они сохраняют мужество и выдержку. Если уверенность в победе и невелика, то все же остается желание выдержать до последнего. В этом гарантия вечного существования нашего народа. С такими бойцами Германия никогда не погибнет.

19.VIII. Чувствую себя сейчас очень одиноко и испытываю настоящую тоску по родине. К тому же вечное беспокойство о семье и имуществе, а еще больше о Германии и ее будущем...

Русский относительно спокоен, но все же у нас ежедневно выбывает из строя 1—3 человека.

23.VIII. Русский стал беспокойнее. Наш батальон снова участвует в ожесточеннейших оборонительных боях и несет большие потери...

Сегодня утром русские ликовали в своих окопах. При этом они размахивали красными флагами, так что мы решили, что они готовятся к атаке. Но ничего не произошло. Оказывается, мы сдали Харьков. Еще один тяжелый удар. А бои на всех участках фронта продолжаются с неослабевающей силой. Солдаты даже говорят, что и Сталино будто бы оставлено. Атмосфера сгущается.

1943 год, очевидно, будет самым ужасным годом немецкой истории. Когда приходилось одному народу в такой короткий срок пережить столько поражений и тяжелых потерь! А бомбардировки Германии продолжаются. Нигде не видно ни луча надежды для немцев. При этом еще далеко не все разбираются в событиях. Жутким вырисовывается перед нами будущее нашего народа.

24.VIII. Все мы наслаждаемся последними прекрасными летними днями. О зиме никто не хочет думать, хотя мы уже готовимся к ней. Потеря Харькова должна отразиться и на нашем участке фронта. К югу, под Изюмом, идут ожесточенные бои. И у нас русский весьма неспокоен. Воздушные налеты снова усилились. Кроме того, бомбардировки Берлина придавили всех. Элизабет и я можем легко оказаться нищими после этой войны. К тому же мы привязаны к вещам. Может быть, я слишком пессимистически настроен? Если бы можно было хоть чем-нибудь помочь или хоть что-нибудь изменить! Страдания достигают необычайных размеров, а правительство вынуждено взирать на это в бездействии. Вот Германия после десяти лет национал-социалистского строя и после четырех лет войны! Право, мы хотели другого.

25.VIII. Гиммлер — министр внутренних дел! Все развивается по программе. Мы продолжаем идти по предначертанному пути. «Конец судьбы не избежать». Сомнение в том, действительно ли это назначение способно придать бодрости миллионам пострадавших от бомбардировок и побудить их к дальнейшей стойкости, теперь может стать опасным... В то же время наш народ никогда еще не был так полон готовности бороться и приносить жертвы и не воодушевлен такой твердостью, как на пороге пятого года войны. Теперь же лучше совсем не говорить о политике и о своей тревоге за Германию. Но разве этим можно на самом деле отогнать от себя тревожные думы? Здесь русский очень неспокоен. У Изюма начались контратаки немцев, поддерживаемые пикирующими бомбардировщиками. Слышна сильная стрельба. У нас выбывает из строя несколько человек. Наш обоз мы передвинули дальше в тыл и принимаем меры предосторожности на тот случай, если нам придется все же (отступить).

25—26.VIII. Опять сильная стрельба. Русский снова работает с фосфором. Впервые за долгое время оживилась и наша артиллерия. Так как

за последние дни много частей выбыло, наша артиллерия усиленной стрельбой старается, видимо, создать впечатление плотного фронта. Удивительно, что в то время, как на севере и на юге от нас все пылает и грохочет, как раз на нашем участке фронта относительно спокойно. Для того чтобы убить время, я продолжаю писать. Но только ли потому я это делаю? По правде говоря, это уже давно стало для меня приятным ежедневным занятием. У меня никого нет, с кем бы я мог поделиться своими мнениями и своими заботами. Многие, даже умные люди считают малейший намек на подобные мысли чем-то опасным, чуть ли не государственным преступлением. Меня же что-то толкает думать до конца, понять причину. Но самые последние выводы я не решаюсь доверить даже дневнику...

1.IX. Четыре года тому назад началась эта драма. Она становится трагедией». Меня поставили во главе полкового обоза: 100 человек и 180 лошадей, я нахожусь в 30 км от фронта.

4.IX. Дни здесь, в тыловом районе, проходят быстро. Много работы и беспокойства. Я должен был руководить размещением, снабжением и распределением, создавать комендатуры, устраивать охоты на партизан, переехать из Рыжова в Червонный Шпиль и по-новому организовать местную оборону. При этом два дня подряд шел дождь, так что дороги совершенно размыло, а вчера и сегодня нам пришлось выдержать тяжелые воздушные налеты русских...

В политике только печальные известия. Англичане высадились в Италии. После Орла и Харькова — Таганрог. В Сталино-Славянске идет подготовка к эвакуации, даже Полтава, говорят, находится под угрозой. Снова бомбили Берлин. Да будет судьба милостива к нам...

На нашем участке продолжается перемещение в тыл всех подразделений, не принимающих участия в боях, и эвакуация гражданского населения. Хотя фронт еще держится, но все принимает характер бегства. Действительно необходимые предупредительные меры проводятся слишком поспешно. Сельскохозяйственные руководители должны сдавать инвентарь до того, как кончат жатву и молотьбу. Таким образом, немного получит Германия. Дороги кишат беженцами, со всем их скарбом и семейством. Удобное время для партизан и бродяг. Немцев, проживающих в Рыжове и расположенных вокруг него местах, мы подвезли к железной дороге и переправили на ту сторону Днепра. По этому случаю я побывал в Беспализеве, где видел потрясающие картины. Мир пылает от Волги до Атлантики.

5.IX. Из этой борьбы против русской земли и русской природы едва ли немцы выйдут победителями. Сколько детей, сколько женщин, и все рожают, и все приносит плоды, несмотря на войну и грабежи, несмотря на разрушения и смерти! Здесь мы боремся не

против людей, а против природы. При этом я снова вынужден признаваться сам себе, что эта страна с каждым днем становится мне все милее. И коммунистическая идея не утратила еще окончательно своей притягательной силы, это я замечаю время от времени у отдельных солдат и ежедневно у русских. Это — месть пространства, которой я ожидал с самого начала войны. По селу разносятся протяжные жалобные крики. И здесь производится эвакуация населения. Взять с собой они могут очень немного. Какая жалость, что на полях остается неубранный хлеб!

7. IX. Печальные известия учащаются. Мы сдали Славянск. За ним последуют Сталино и Горловка. Очевидно, мы потеряем всю Восточную Украину с Донбассом. Предмостные укрепления на Кубани тоже не удастся удержать, и снова начнется битва за Крым. То, что мы теперь теряем, мы не вернем никогда. Неужели мы собираемся отдать обратно всю завоеванную нами территорию в России? Есть ли в этом необходимость? Не лучше ли бы было предложить ее без борьбы Сталину в качестве платы за мир? Это половинчатые меры. Фронт здесь мы непременно удержали бы. До декабря или января, в сущности говоря, никакая опасность нам не грозит. Уже сейчас очень дает себя чувствовать второй фронт. К тому же создается впечатление, будто англичане могут овладеть Южной Италией без борьбы. Мы везде отступаем и пока можем еще это делать. Но скоро и мы дойдем до границы. К тому же бесперывные бомбардировки Германии. Все сейчас надеются на одно: на давно возвещенный удар по Англии. Хотя бы только он совершился! Если этого не случится, конец. Тогда нам действительно не остается ничего, кроме надежды на чудо.

8—9. IX. ...Гражданское население деревни эвакуировано, а наш обоз переводится на 120 км в тыл, ближе к Днепру. Странное это чувство — неожиданно оказаться одному в покинутой местности. Воют собаки и кошки, потому что они подымают от голода, бродят наседки с цыплятами. Курочек и петушков мы всех перерезали. Их было даже слишком много. Весь урожай остался на полях. Вокруг столько подсолнечников, что можно было бы маслом обеспечить небольшой город. Жалко пропадающую напрасно рожь, картофель, кукурузу. Вдобавок еще огурцы, помидоры, лук и тысячи тыкв. В деревне амбары, полные овса, ячменя, ржи и проса. Все обмолочено, но вывезти не удастся.

Тем, что здесь брошено, можно прокормить в течение года Берлин. Сердце обливается кровью, когда проезжаешь по полям.

Гражданское население может взять с собой только крохи своего имущества. Им и так забиты все дороги. Часть населения прячется в кукурузе, они не хотят уходить. Во всей этой суматохе русские самолеты легко находят для себя цели. Страдания гражданского населения очень велики. Далеко вокруг слышны стоны женщин и плач детей. Они пла-

чут и одновременно поют монотонно жалобные песни. Немцы, слушая эти жалобы, думают о Германии, у которой еще более тяжелые переживания. Сколько там разрушено ценного! Мои мысли с тревогой все возвращаются к нашей берлинской квартире. Ведь у нас было столько прекрасных вещей, картин, мебели, книг.

9. IX. Я отправляю последнее военное имущество с наших складов и очень сожалею, что не имею транспорта для продовольствия. Но фронт приближается. После сдачи Сталино трудно сдерживать натиск русских. При этом наши позиции выгодные, и русский наступает вовсе не крупными силами. Кто бы мог подумать, что его летнее наступление может оказаться таким успешным! Бедная Германия. Тяжелые удары судьбы следуют стремительно один за другим. Пора бы наступить перемене...

Ах, когда же человечество или по крайней мере старая Европа обретет покой для мирного труда?! Когда же наконец мы сможем снова начать строить свои дома и сажать сады?..

Только что получили известие о безоговорочной капитуляции Италии. Светит солнце, но я хотел бы, чтобы земля покрылась мраком... Последнее действие трагедии началось. Нам предстоит мрачная и тяжелая зима. Теперь начнутся чересчур поспешные отступления...

Бедная Германия! Такой конец после такой борьбы? Этого не должно быть. Надо было давно прогнать наших бездарных политиков. Мы расплачиваемся за их глупость и чванство. Но Германия должна жить и сохранить все свои права. Мы должны продержаться любой ценой. Германия, наша родина! Каким прекрасным и манящим был мир, когда мы были еще преисполнены надежд на прекрасное будущее нашей страны. В Европе наступила весна народов, и Германия выдвинула новую большую идею... Но успехи развратили немцев. Они стали тщеславными и заносчивыми, а наши правители потеряли всякое чувство меры.

Гитлер — крупная личность. Но ему не хватает глубины и проницательности. Он дилетант почти во всех областях... Может быть, только в политике он дошел до конечных выводов. Но и здесь ему помешали его догматические установки. По-видимому, он плохо разбирается в людях, и поэтому его сбивали с пути византийцы и льстецы. Роковым для него было то, что он не нашел рассудительных, обладающих широким кругозором и способных сотрудников.

Геринг — пожалуй, самый популярный из всех наших фюреров. Он не теоретик и не догматик, а человек практики и здравого смысла. На него и на его энергию можно положиться. Но и он шагает через трупы. Во время войны он отошел далеко на задний план. Восходит ли его звезда или закатывается, это зависит от многих обстоятельств и людей.

Гиммлер — не чистый лист бумаги, как кажется некоторым простачкам. Его дела говорят за себя. О его убеждениях и целях можно судить по его внешности. Его не следует упускать из виду. Его путь будет в течение продолжительного времени тесно связан с путем, которым следует Германия.

Геббельс — очень умен и очень хитер.

Изворотлив, как интеллигент старого толка. Но это мелкая личность, а не выдающийся гений. Он часто поступает против своей совести и убеждений — политик черного хода, представитель третьего сословия. Пролетаризированный Талейран.

Руст — посредственный член Совета народного просвещения и более чем посредственный министр. Поза, манера держаться и говорить — а-ля Гитлер, но без собственных мыслей, всем известный паникер, незначительная личность.

Функ — замечательный хозяйственник. Не совсем арийский облик, неуклюж и некрасив. Вряд ли в такой оболочке может скрываться прекрасная душа. Его финансовая и экономическая политика — типичная азартная игра. Далеко не загадывает. Можно предположить, что его преступное легкомыслие и ура-оптимизм были причиной войны.

Лей — внешне напоминает Функа, к тому же тщеславен и самовлюблен. Очевидно, из того же теста. Умственные способности довольно примитивны. Весьма посредственный организатор и очень плохой оратор.

Риббентроп — господин комильфо Третьего рейха. Пустой фасад и мало содержания. Безусловно, плохо образован. Он не имеет никакого понятия о великих геополитических вопросах в Восточной и Южной Европе, а что касается Запада и англосаксонских государств, то тут он абсолютно ничего не смыслит. Парвеню, который кое-чему научился в Англии, но человек без настоящего воспитания и глубины.

Кроме них, целая куча посредственных помощников и бюрократов, которые всячески подражают «великим» и ухаживают за ними. На этом поколении ужасающе сказываются тяжелые, кровавые жертвы Первой мировой войны. Да и на военном поприще — ни одного крупного человека, кроме Роммеля. Все-таки наш народ здоров (силен), готов к самопожертвованию и сумеет пережить и подобные эпохи засилья посредственности и беспомощного топтания на месте. Он должен только выдержать войну. Да будет милостива к нему судьба. Не мешало бы, чтобы нам тоже когда-нибудь улыбнулось счастье.

Если бы у нас хватало сил, чтобы смелым контрударом сбросить в Средиземное море американцев и начать наконец давно обещанные операции против Англии! Тогда положение снова изменилось бы коренным образом, и весной мы могли бы отважиться на новый удар в Донецкой области.

Тогда мало было бы рассчитывать на выгодный мир к будущей осени. Вопрос только в том, есть ли у нас столько сил.

10.IX. Повсюду пылают села, деревни. Какое несчастье, что мы не смогли удержать этот плодородный край хотя бы еще на месяц. Наш обоз мне удалось, несмотря на все трудности, благополучно передвинуть на 150 км дальше в тыл, и я теперь сам готов в любую минуту следовать за ним, когда поступит приказ.

Мы в Николаевске, большой деревне колонистов, недалеко от Ново-Московска. До Днепропетровска теперь тоже недалеко. Это была для меня захватывающая и одновременно мучительная поездка. Плодороднейшие пашни и цветущие поселки. Затем снова бесконечные колонны беженцев, а также уже многочисленные отступающие полки. Иногда встречались дикие картины бегства и беспорядка. Отступление всегда стоит больше крови и материальных потерь, чем наступление. Зачем такая поспешность? До нового года для нас никакой опасности не было, а сохранить мы здесь сможем едва ли одну дивизию. Пройдет еще много времени, пока соединения будут приведены в порядок. В Лозовой мы видели наше начальство — фон Маккензона. Славы он там себе не стяжал. Он выехал из города в тот момент, когда на другом его конце русские попытались произвести первую танковую атаку. Я редко видел такую неразбериху, хотя для обороны послали тысячи солдат, множество офицеров и даже генерала. Мы тоже хотели пробраться туда, но увидели танки и вернулись. У нас слишком неравные силы. Затем наш обоз хотели задержать для местной обороны, и мне стоило больших трудов добиться, чтобы мне вернули опять людей и повозки...

12.IX. Период дождей начался очень рано, и это может привести всю Южную армию к катастрофе. 62-я дивизия совершенно разгромлена. Мы наталкиваемся на ее остатки. Наш юго-восточный фланг почти совершенно обнажен. Может быть, дорога на Днепропетровск будет для нас отрезана уже через несколько дней. Надеюсь, наша дивизия благополучно преодолет все это. Потерь, так или иначе, будет достаточно.

16.IX. 13-го мы выехали днем. По глубокой грязи и слякоти проехали через Ново-Московск, а поздно вечером прибыли в Днепропетровск, где остановились на западной окраине города. 14-го утром я переехал обратно через Днепр и доставил 2-ю колонну из Николаевска. 15-го утром мы обходными путями прибыли на наше новое месторасположение, приблизительно в 100 км западнее Днепропетровска. Со вчерашнего вечера мы разместились в маленьком местечке Алферово.

Поездка временами была очень приятна. В Ново-Московске я видел красивый, выкрашенный в красное и синее девятиглавый собор. 14-го днем и вечером я был в Днепропетровске и мог осмотреть город.

Многие дома выстроены почти в классическом стиле вильгельмовской эпохи, как было принято при царизме, большевики тоже много построили. Есть несколько великолепных зданий и много новых поселков, даже очень красивых. Колонны беженцев, рогатый скот и лошади запрудили все дороги. Отступление обоза на этот раз происходило гораздо организованней. Все же много повозок было разбито. Мы собрали сюда далеко не все...

22.IX. ...По-прежнему отступление на всех фронтах. И в Италии после освобождения Муссолини не будет больших изменений. Он теперь все равно мертвый человек. Песенка Савойской династии наконец спета. Для нас дело может идти только о том, чтобы спасти все, что можно еще спасти для империи. Наше общее положение из-за отпадения Италии существенно ухудшилось. Но постепенно становишься равнодушным и к судьбе Германии. Вчера я читал речи Гитлера за 1940—1941 годы. Они меня потрясли и в то же время сильно отрезвили. Пожалуй, нет книги, которая бы так быстро устарела и которая с такой силой свидетельствует против своего автора. Он не пророк и также, пожалуй, весьма посредственный политик. Но осознать это тяжело после того, как я в течение долгих лет обожал его, и еще тяжелее прийти к этому мнению на пятом году войны. Куда ни взглянешь, нигде нет просвета. Нам сейчас важно только отстоять и использовать изменения в отношениях между великими державами. Рассудок мне подсказывает, что надежды у нас очень слабые, но чувство твердит, что Германия не может погибнуть. Только все будет не так, как мы надеялись и желали.

Отступление нашей дивизии здесь, на юге, все больше принимает для людей, животных и техники характер катастрофы, хотя и производится в образцовом порядке. Во время отступлений, правда, это обычное явление...

27.IX. 24-го был с моторизованным обозом в Днепропетровске, который как раз эвакуировался. Много горя. Крупные взрывные работы. Расформирование обоза, возвращение в полк.

...Третий батальон расформирован. Не хватает снабжения. Говорят, что так в каждом полку. Зловещие признаки множатся — обозы и тыловые части пухнут... Я вчера встретил полковой обоз, который насчитывал не менее 950 человек. Полковника следовало бы арестовать. Ведь во всем нашем полку нет столько людей. И все тащат с собой баб и барахло. Несчастливая Германия! Во многих отношениях сейчас хуже, чем в 1914—1918 гг. Наша боевая сила пропала, а русские день от дня становятся все сильнее. Генерал только за сегодняшний день предал полевому суду 9 человек из нашего батальона, которые трусливо убежали. Убегали от русских! Куда мы пришли на пятый год войны?! Кто же осмелится поднять камень при виде всего этого горя и страданий?

Меня охватывает глубочайшая жалость к каждому солдату. Да, похоже, к каждой русской старухе, которая вынуждена теперь оставить свое жилище. Несчастный мир, несчастное человечество, уничтожившее всякую человечность! Несчастливая родина, которой приходится выносить такие ужасы!

Мы должны выдержать. Мы не имеем права распускаться и должны оставаться твердыми, иначе плотина прорвется и начнется ужас. Русские со вчерашнего дня захватили предместное укрепление на нашей стороне Днепра. Уже два дня они отбивают наши сильные контратаки, нанося нам тяжелый урон. Только и слышим об убитых и раненых. Он (русский) по-прежнему вводит в дело колоссальное множество тяжелых орудий и самолетов. Но завтра утром он, несмотря ни на что, должен быть окончательно отброшен. Будем надеяться!

28.IX. Ожесточеннейшие бомбардировки. О сне нечего и думать. Русская артиллерия очень сильна и разбивает все. Наши атаки захлебываются, так как русский с противоположного берега реки поливает каждого отдельного солдата ожесточеннейшим огнем. Большие разногласия между полковником и генералом. Танковые атаки и пикирующие бомбардировщики также мало помогают. Пехота сильно ослаблена большими потерями. От первого батальона осталось немного... Порядочная неразбериха. Контратаки откладываются с часу на час или захлебываются... По всем подсчетам, на этом берегу не больше двухсот или четырехсот русских. Если бы только у них не было так много артиллерии и самолетов!

Русские стреляют, как безумные. Растет гряда убитых и раненых. Я пишу последние строчки и отправляюсь на позиции. Немногих я там найду. Батальон растаял. Мы окончательно зашли в тупик. Родина истекает кровью из тысячи ран. Кажется, всюду захватили руководство бездарности. В величайшей нужде Германия вызывает к своим последним сыновьям. Однако большинство не хочет следовать этому зову. Но именно теперь нужно делать все, что в наших силах, хотя выполнение долга становится все труднее. Между нами и родиной громоздятся горы. Многие пытаются их обойти. Жизнь манит, и родина манит, и никто не умирает легко или охотно. Все же мы продолжаем следовать тяжелым путем долга. Он действительно нелегок. Ведь и я страстно люблю жизнь. Но мы — немцы и мы хотим жить, а если это нужно, то и умереть, как немцы. Попытаемся штурмом взять те высокие горы, которые отделяют нас от родины и от близких. Все чаще разрывы снарядов. Я собираюсь на передовую. Да здравствует Германия! И я знаю, что она будет жить вечно...

29.IX. Прекрасный вечер и темная ночь. Я принял первую роту. В ней было только несколько человек. Во всем батальоне осталось 26 солдат. Тяжелейший русский огонь длится часами. Каждый дом горит, каждый

угол пронизывается насквозь. Наше наступление приостановилось. С имеющимся небольшим количеством людей — это настоящая бойня. Сделать ничего нельзя. Очень тяжелые потери... Утром получили приказ свезти весь обоз в одно место, прочесать его и собрать всех оставших. Об участии батальона в боевых действиях не может быть и речи. В нем всего лишь два или три отделения, которыми командуют три офицера... После полудня страшные крики, прорыв фронта, откатывание всех частей и, наконец, дикое бегство. Я стоял в маленькой деревне и безрезультатно пытался остановить бегущих. Страшная картина распада. Одному молодому офицеру я был принужден дать пинок в задницу. Успеха это не возымело. Путем угроз и прочего удалось собрать не более десяти человек.

В конце концов я отошел с нашими конюхами на высоту и организовал оборону. Мрачный день!

1.Х. ...После тяжелых потерь мы смогли наконец оторваться от русских. Наши жалкие остатки теперь — резерв полка. В бой бросаются новые дивизии. Ничтожные успехи немцев.

Лейтенант Ян пропал без вести, капитан Штурм лишился обеих ног, а Ридель убит во время контратаки. Я больше не могу писать, я любил его больше всех: так молод и должен был так рано погибнуть! Несчастливая Германия, у которой отрицают эту молодежь, несчастная родина...

3.Х. Я командую 1, 2 и 3-й ротами. В действительности все три роты составляют кучку, не более 30 человек. Правда, сегодня или завтра нам обещают пополнение. Но пока мы с ними работаем, пройдет, наверное, еще некоторое время. Надеюсь, новеньких не сразу бросят в бой.

Немецкое контр наступление мало-помалу развивается. Все-таки пройдет еще по крайней мере несколько дней, пока предместное укрепление будет ликвидировано. Капитан Зонтаг убит. Второму нашему батальону тоже не везет.

В нашей роте были два близнеца из Эльзаса, которые, видимо, стали перебежчиками и теперь обращаются к нам по радио. Бывший денщик офицера К. тоже передает привет своей жене и детям. Наш народ теперь уже не тот, каким он был. Воодушевление и порыв переходят на сторону русских.

6.Х. Вчера наконец пришло пополнение, и я составил совершенно новую 1-ю роту. Нас уже 35 человек, из них один офицер и один унтер-офицер. Почти все пожилые, главным образом, рабочие и крестьяне. Я надеюсь, что все будет хорошо. Вчера мы прилежно занимались обучением их обращению с оружием. Большинство, к сожалению, не знакомо еще с новым пулеметом — 42.

...Переписка с родственниками погибших. Удивительно, как быстро многие утешаются. В трех письмах жены требуют выслать им перочинные ножи или бритвенные приборы погибших.

7.Х. Незадолго до полуночи мы сменились и заняли позицию у Воеводского, у самого Днепра. Ночь была очень беспокойной, так как русский, очевидно, заметил наши перемещения. Его артиллерия и минометы стреляли оживленно. Немецкая артиллерия отвечала время от времени довольно удачно...

8.Х. У одного товарища оказалась испанская газета со всевозможными интересными сообщениями. Но утешительных очень немного. Я прочел также несколько совершенно новых мнений о Гессе. (Поручение Гитлера склонить Англию к борьбе против России.) Это хорошо подходит к нашей чрезвычайно тупой политике. Скорее противоположное — установление прочных договорных отношений с Советами — привело бы к союзу с Англией. Правильность этого утверждения еще следует проверить. Дети и дураки творили политику, они рядились в макиавеллиевскую одежду, что, по существу, им совершенно не подходит. Флорентиец ведь требовал прежде всего величия, ясности, сознательности и последовательности. В политическом отношении англичане нас все еще превосходят. С 1939 года мы все время не понимали и недооценивали их фанатической воли к уничтожению. Еще и теперь наш народ закрывает глаза на неминуемую опасность, грозящую ему с Востока и с Запада. Следствие этого — разрушенная Германия. Мы слишком долго играли с огнем и думали, что он будет гореть только для нас. Это — последствия пропаганды Геббельса, жертвой которой сделался скорей наш народ и правительство, чем заграница. Нам так долго преподносили искаженное представление о мире и обо всех вещах, что мы стали принимать наши иллюзии за правду.

Русский вчера и сегодня ночью вел себя очень беспокойно. Это был, в истинном смысле этого слова, ад. Вот уже два дня, как мы бешеными темпами роем землянки и строим позиции. Но от артиллерии и множества русских минометов они нас не защищают. К сожалению, снова выбыло из строя три человека.

10.Х. Вчера поздно вечером большое наступление русских. Нас сильно обстреливали артиллерия и минометы. Русская пехота совсем не показывалась, но наши солдаты вели себя очень беспокойно и сами стреляли, как сумасшедшие, даже когда ничего не было видно. Эта идиотская привычка привита им прежними приказами по батальону. Я вынужден был переползть от землянки к землянке для того, чтобы хоть немного образумить и успокоить солдат.

Сегодня оживленная артиллерийская деятельность по направлению к Запорожью. Говорят, мы там начали все взрывать и отдали наше предместное укрепление. Только не это! Тогда наше положение здесь станет еще более критическим. И где же мы, в конце концов, будем зимой?

Ведь катящийся вал где-то должен остановиться, и это должно быть здесь, на Днепре!..

15.Х. Вчера утром у меня было столкновение с Массенбахом, так как я не хотел производить ненужных разведок. Я ему сообщил все мои наблюдения относительно русских позиций, а он хотел еще раз получить подтверждение. Наконец мы договорились послать разведку с моим участием. Но когда я довел его до наших последних позиций, он приказал выслать разведку без меня. В ярости я вынужден был ему подчиниться. И это с моими зелеными новичками. Я подготовил все самым основательным образом и против своего желания послал их. С половины дороги я следил с пулеметом за дальнейшими событиями. Как я ожидал и предсказывал, они вскоре попали под вражеский огонь. Мой лучший пулеметчик упал, тяжело раненный, все остальные бегом помчались обратно. С рекрутами ведь ничего не поделаешь.

Сегодня в 2 часа ночи ударная операция 2-го батальона перед участком моей роты. Мы давали огневое прикрытие. Это продолжалось добрых полтора часа и снова оказалось безрезультатным. Подобные истории только влекут за собой ненужные жертвы, приносить которые мы не имеем больше права. Доверие у людей подрывается быстро. Кроме того, всякое действие, предпринятое с солдатами пятого года войны, весьма рискованно. Они плохо дерутся, их почти невозможно заставить идти в атаку. Они очень деморализованы.

Запорожье сдано. Наше положение чрезвычайно ухудшилось. Теперь у русского освободится еще большее количество артиллерии и минометов. Он и так очень беспокоен. Если бы у меня был по крайней мере хоть один-единственный хороший унтер-офицер!

18.Х. С позавчерашнего дня я, кроме моей части, командую еще соседней ротой, расположенной справа от нас. После тяжелых потерь, понесенных нами, недостаток офицеров очень чувствуется... К сожалению, у меня совсем нет унтер-офицеров, а те немногие, которые еще имеются, почти никуда не годятся. Поэтому я все должен делать сам. Одного, фельдфебеля, надо уговаривать, когда начинается стрельба, другой, санитар, переведен лишь из-за проступка (согласно) § 175. Из трех моих унтер-офицеров один каптенармус, другой писарь, третий четыре года войны просидел в управлении в Познани. В течение нескольких дней русский постепенно передвигал фронт вперед и теперь сидит в кукурузном поле, приблизительно метрах в 200 от нас. Он беспрерывно подвозит новые силы и укрепляется. Поэтому пора было бы снова уничтожить предместное укрепление. Но пока на это вовсе не похоже. Артиллерия и минометы у него опять очень сильны. Мы уже слышим шум танков на этом берегу.

22.X. У нашего соседа справа русскому удалось прорваться. Для ликвидации прорыва мне пришлось ввести в бой мои последние резервы. К сожалению, не обошлось без потерь.

Соседняя рота, приданная мне, причиняет мне много хлопот, так как там не только не хватает унтер-офицеров, но и солдаты необычайно индифферентны и ленивы. Даже во время большого наступления я мог заставить бодрствовать только часть из них. Конечно, сам я при таких обстоятельствах и думать не могу ночью о сне.

По сообщению перебежчиков, на нашем предместном укреплении находится уже около пяти русских дивизий, которые теперь получают подкрепления и вновь собираются наступать. Они тратят бесчисленное множество боеприпасов и обстреливают нас с утра до вечера, так что мы не можем высунуть головы из землянок. Как слышно, на ликвидацию предместного укрепления в этом году рассчитывать не следует. При тех потерях, которые мы несем ежедневно, мы можем высчитать, когда наша часть будет окончательно уничтожена. С раннего утра и до поздней ночи я бегая по позициям, подгоняю, подбадриваю. Мы должны продержаться и продержимся. Но как мы выйдем из этой рожи, я почти не представляю...

23.X. В 11 часов утра после наблюдавшейся в течение нескольких часов подготовки, которой мы старались помешать, русский начал большое наступление...

У нашего соседа справа ему удалось прорваться на широком фронте. Начала также поддаваться правая половина приданной мне роты. Русские наступали тесными рядами. От продолжительной стрельбы некоторые наши пулеметы отказали.

Кое-какие солдаты испугались и побежали обратно. Русские толпами бросились в наш лес, прежде чем я с 2—3 солдатами сумел этому помешать. Внезапно мы обнаружили также, что и впереди, не дальше как в 30—50 м от нас, находятся русские. Под защитой танков они лихорадочно рыли узкие траншеи и укрытия. Положение вследствие этого стало исключительно критическим. Я радовался лишь тому, что в этот грозный момент смог сам появиться на правом фланге и начать действовать. Руганью, криками мне удалось загнать нескольких солдат в землянки, так что мы удержали по крайней мере опушку леса.

Соседней роте меньше повезло. Ее правый фланг до сих пор обнажен. Русские прорвали правый фланг на широком фронте. К тому же у нас в тылу залегло около сотни русских. На востоке и на юге — Днепр, дорога на запад отрезана. Рассчитывать на крупные контратаки нельзя — не хватает резервов. Так родина все больше удаляется от нас. Ночь опять очень темная. Надеюсь, русский не будет больше наступать. Только что получен приказ возможно скорее бросить все, что мы не можем захватить с собой. Значит, опять наступление!

Несчастливая Германия. Это слишком. Почти невозможно это перенести. Все имеет свои границы. О, эти идиотские политики, которые на пятом году войны причиняют нашему народу и армии такие страдания! Как это изматывает и сколько жертв это снова стоит!

Несчастливая родина, кто же тебя спасет?

*Опубликовано: «Военно-исторический журнал», 1991. № 8. С. 14—26.
Копия перевода с немецкого на русский язык.*

№ 2

Дневник старшего ефрейтора 5-й роты 35 мотополка 25 мотодивизии Германа Шварца¹⁶⁷

8 июня 1941 года. Мы были очень довольны, когда дошли до вокзала. Много жен и невест товарищей пришли на вокзал. Повсюду заметны слезы.

В 13.15 тронулся поезд. В 22.00 укладывались спать: 4 человека на скамейках, один под скамейкой, 2 человека на полу. Спал отлично.

10 июня. В 8.00 длительная остановка на станции Катовице. Здесь мы расстаемся с Германией. Когда мы снова увидим Германию?

Сразу заметно, что находимся в Польше. За редким исключением, всюду опущенные лица. На расстоянии многих километров поля обработаны скудно. Вот целое семейство ведет единственную корову или козу на пастбище. Часто можно заметить девушку, которая пасет на лугу одного гуся.

11 июня. В 2.00 приехали в Деблин. Долгое время двигались вдоль реки Вислы. Широкое мелководное течение с раскинутыми кругом бесконечными лугами и равнинами представляет собой нечто величественное, торжественное и возвышенное. Так я себе представляю Россию, Волгу.

Вот если бы кругом не было грязных полуразрушенных хижин и этого пришедшего в упадок населения.

13 июня. Ходят самые различные слухи. Одни утверждают, что гигантский марш в восточную Польшу направлен против России, в то время как другие желают объяснить это вступлением России в войну на нашей стороне. Здесь в самом деле расположено невероятное количество войск, вплоть до восточной границы.

16 июня. Наконец мы выступаем на исходные позиции. Я определен в передовой отряд, который отправляется завтра утром.

20 июня. Неясное и нервное положение было сегодня разъяснено нашим командиром. Наступление готовится против России. Основное

---

¹⁶⁷ Пропуски в тексте соответствуют пропускам в документе.

острие нашего наступления будет направлено против Украины. Продолжительность похода 4 недели. Я твердо убежден, что мы проведем этот поход успешно и в короткий срок.

22 июня. Завтра мы должны дойти до Киева. По-моему, это бессмыслица, так как это невозможно даже технически.

23 июня. В 18.00 приказ о подготовке к отъезду. Оживленная воздушная деятельность нашей авиации.

25 июня. Пришел приказ наконец на марш. Все ликуют. В 16.00 наши машины тронулись по направлению противника.

Ровно год тому назад заключен мир с Францией. Сегодня — через год — мы шагаем против нового врага.

27 июня. Выежаем в 16.00. В то время, когда мы при последнем марше развивали скорость в среднем 12 км в час, то теперь ехали со скоростью 3 км в час. Не могу понять, в чем дело. Во всяком случае, это катастрофически. После первых 5 км 2-часовая остановка. Остановки от 5 минут до 3 часов считаются нормальными.

28 июня. На рассвете мы достигли реки Буг. Пограничный городок полностью разрушен. Гражданское население, очевидно, было выброшено из кроватей выстрелами. Я полагаю, что большая часть из них сгорела. Видны многие немецкие могилы, даже массовые могилы с 5—7 убитыми солдатами. Русские здесь хорошо оборонялись.

3 июля. Какая драма разыгралась со времени моих последних записей, какие ужасы мы пережили. Я хочу отразить эту катастрофу в хронологическом порядке.

30 июня. К обеду мы достигли города Луцка. Город сильно пострадал. Целые кварталы почти полностью сожжены. Если до обеда можно было говорить о немецком господстве в воздухе, то после обеда видны были исключительно русские самолеты. Самое интересное началось за Луцком. Мы, а также находящиеся рядом зенитные позиции подверглись вторичному налету вполне современных, похожих на «ДО-17» тяжелых бомбардировщиков. Мы совершенно не могли подумать, что это могут быть русские самолеты. Только тогда, когда они сбросили свои ячки над нашими головами, то наши сомнения улетучились.

31 июня. Ежеминутно появляются русские бомбардировщики, которые кругом сбрасывают свой груз. Смешно, когда русские здесь, то не видим ни одного немецкого истребителя, как только исчезают русские, появляются в воздухе наши самолеты. Мы были очень рады, когда к обеду был получен приказ на марш.

1 июля. Наступаем вдоль шоссе. За ночь русские укрепились в отдельных домах и обороняются из них. Пытаемся отогнать их обратно в лес. Дошли до одного хутора. Дальнейшее продвижение невозможно. Со всех сторон сыпят по нам. Несколько часов лежим на хуторе. Боль-

ше там продержаться не могли. Вынуждены были отступить. Русские стреляют, как бешеные. Орудийные снаряды разрываются слева и справа от нас. Мы себя почувствовали неважно. Русские продвинулись далеко вперед к лесу, находящемуся примерно на расстоянии 1 км левее нас. Если им удастся пробраться правее, то они окажутся в тылу у нас.

Мы уже вырыли себе окоп, когда получили приказ: прекратить рытье окопов, рота переходит на новую, главную оборонительную линию. За 50 метров до главной оборонительной линии нас внезапно обстреляли. Огонь усилился. Мы не верили своим глазам: это русские занимают нашу главную оборонительную линию, к которой мы приближались. И вот наступил настоящий ад. Стреляют со всех сторон, спереди, справа и слева. Это настоящая адская котловина. Русские преследуют нас по пятам.

Силы начинают меня покидать, чувствую, что опускаюсь. Но каждое ослабление, каждая остановка означает смерть.

Около Ровно мы натолкнулись на наш боевой обоз. Нас повели в казарму и накормили. Несмотря на то что мы 2 дня не ели, мы не чувствовали голода. Один товарищ получил нервный шок.

Батальон собирается, вернее, собираются остатки. Из 7-й роты осталось только 16 человек. У нас не хватает 50.

Идем дальше, мы составляем резерв, никто из нас, пожалуй, больше небоеспособны. Ни одного живого офицера.

Привели русского солдата, переодетого в гражданскую одежду. Я вызвался добровольцем. Поставили его у обрыва. Вслед за этим он опустился, как мешок.

3 июля. Утром выделяли людей, чтобы подобрать тела наших погибших товарищей. Я вызвался добровольцем. Мы нашли ужасное поле трупов. Я нашел своего друга Эрвина Кура. Мы отнесли его к грузовику. Надо хоронить еще много убитых. Лейтенант, руководящий мертвым транспортом, спешит. Я никогда не забуду это первое июля и эти ужасы у Броники.

8 июля. Мы наступаем на русские укрепления третьей волной. Было жарко от бомб. Русские обороняются упорно. Пленных нельзя достать.

11 июля. Русские пропустили несколько наших дивизий и закрыли засов. Они наступали с обеих сторон на шоссе и отрезали его. Наш 3-й батальон попал в эту клоаку. Русская артиллерия действует активно. То тут, то там разрываются снаряды. Пулеметы строчат на близкой дистанции. Вокруг смерть.

12 июля. В Житомире нельзя ничего достать, в большей части все разрушено и сожжено.

13 июля. Дорога Ровно—Житомир снова перерезана. Снабжение прекращено. То, что требуется для еды, надо самому доставать.

14 июля. В 3 часа снова в путь. Проехали 4 км, спешили, через несколько часов вернулись назад. Никто не знает, что произошло. Смешная война.

Вчера у нас одного убило и четырех ранило.

16 июля. Боже мой, как мало еды. Уже несколько дней ни куска хлеба. Ничего нет, кроме кофе и гадкого сыра. В такой стране, покровительствуемой самой природой, голодать!

К вечеру мы организовали картошку. Я мечтаю о сне. Как только собрался зайти в палатку, получили приказ на марш. К чертям!!! Мы едем назад по проклятой дороге в направлении на Житомир.

17 июля. В 3 часа прибыли в населенный пункт Высокое. Окапываемся. Как только мы появились, то рядом с нами началась бешеная стрельба. Нам удалось вовремя удрать. Сумасшедшая война! Когда себя чувствуешь вне всякой опасности, большей частью появляется какой-нибудь черт. В этой войне будто нет никакого фронта, повсюду стреляют, повсюду появляются русские: то посреди, то сзади.

18 июля. В 12.00 едем на фронт. Русская артиллерия, так же как и авиация, весьма активна. Находимся на окраине деревни Макаров, несколько километров от передовой линии. Сегодня должны продвигаться вперед.

19 июля. Опять неизвестно, где, собственно, находится фронт. Повсюду стрельба. В поте лица своего роем окопы до рассвета. Русские задумали нас отрезать, начался ужасный артиллерийский обстрел. Даже стрелки, вооруженные винтовками, стали наглыми и начали стрелять по чем попало.

В 17.00 отошли остатки нашей роты. Мы вернулись к машинам. Здесь узнали, что бургомистр деревни, в которой находились наши машины, имел радиосвязь с русской артиллерией. Он руководил огнем по нашему первому взводу.

20 июля. Идет дождь. Отвратительная погода! Мы уже два дня ничего не ели.

21 июля. Положение нашего полка неблагоприятное. Нас повсюду отбросили назад. Часть разведотряда нашей 25 дивизии уничтожена русскими. При этом погиб командир.

24 июля. Нас отвели назад в сторону Житомира.

25 июля. Идет сильный дождь Ночью все спали на грузовиках. Безумие!

27 июля. Ночью было несколько тревог. Несмотря на хорошие квартиры, мы не смогли отдохнуть.

29 июля. Занимаем участок обороны. Донесено, что русские наступают с 60 танками.

31 июля. Сегодня снова русские самолеты. К 13.00 прибыли в одну деревню. Говорят, что мы здесь остановимся на несколько дней.

3 августа. Продовольствия уже давно нет. Вечером пришла походная кухня. Получаем по одному ломтику хлеба и по куску вонючего мяса.

5 августа. На наш участок привели много раненых, поэтому нет занятий.

13 августа. На высоте мы натолкнулись на сопротивление противника, который прочно засел в деревне. Ранены командиры 2-го и 3-го взводов Шварц и Ланговинш. Падают русские бомбы, содействуя сухопутному бою.

14 августа. В 6 часов начинаем дальнейшее наступление. Через 2 км наталкиваемся на хорошо оборудованную русскую позицию. 3-й взвод на разведке. Через 500 метров они натолкнулись на усиленный ружейно-пулеметный огонь русских. Продвижение вперед невозможно. 1-й взвод идет на усиление, но должен скоро отступить. Тоже происходит и со взводом 6-й роты. О 2-м взводе мы ничего не знаем.

Продвигаемся до Лозоватки¹⁶⁸. Когда мы вошли в населенный пункт, русские пытаются нас отрезать. Нам удается проникнуть от входа в город по шоссе. Они напали на противотанковое орудие и одну машину. Бешеная стрельба, трескотня во всех углах и концах.

15 августа. В 7.00 — выступление. Задача: охранение промышленных сооружений Кривого Рога. Шахтные сооружения видны издали. Подъезжаем к рабочему поселку. Чисто убранные, красивые дома. В большом количестве книги и радио. Это мог быть вполне немецкий поселок. Шахтные сооружения большей частью уничтожены.

18 августа. К вечеру приехали в немецкий поселок Нейдорф. Активная деятельность русской авиации.

19 августа. Задача — взять город Кичкас. Во время воздушного налета в 1-м батальоне пострадало 50 человек. Мост через Днепр взорван. Плотина взорвана. Железнодорожный мост поврежден.

20 августа. Сегодня утром нас обстреляла вражеская артиллерия.

29 августа. Последние три дня было совершенно спокойно. Вдруг русские начали обстреливать местность тяжелыми минометами, «грохочущими» и моторизованными орудиями. Русский самолет сбросил 8 бомб. В ночь с 28 на 29 русский разведдозор поджег в Федоровке склад, в котором находилось около 1700 тонн зерна, стоимостью в 200 тысяч марок.

7 сентября. Противник перешел Днепр на широком фронте. Если венграм не удастся отбросить русских, тогда нам придется взяться за это дело. Два дня тому назад через Бутавичевку проехал венгерский мотобатальон. У меня создалось впечатление, что венгры совсем не приспособлены, чтобы завершить войну. Их заслуги очень скромные.

---

¹⁶⁸ Географические названия соответствуют тем, которые есть у автора документа.

12 сентября. Я вчера пристреливал русский полуавтомат. Стреляет превосходно. К тому же это оружие не такое тяжелое, как наш карабин. Оно довольно новое. Выпуск 1941 г.

Стреляют разрывными пулями около одного колхоза. Рядом находилось много людей, занятых уборкой урожая. Уже после первого выстрела все находившиеся там люди побежали с поля в деревню.

13 сентября. В 10.20 двигаемся дальше. Нам сказали, что мы сегодня должны форсировать Днепр. По дороге встретили большое итальянское соединение. Русские обстреливают нас из бортового оружия. Огненные пули падают вниз, как мелкий дождь, при детонации бомбы небо на миг освещается, как в полдень.

15 сентября. С фронта доносится артиллерийская канонада. Завтра мы должны пойти на фронт.

18 сентября. Где-то в 120 км отсюда большая движущаяся русская колонна. Наш полк со 2-м батальоном впереди должен захватить эту колонну. Когда мы проехали 10 км стало совсем темно. Поставили машину к правой обочине на дороге и ожидали рассвета.

19 сентября. В 3.30 двинулись дальше, а в 8.00 догнали нашу роту. Рота доехала до следующего села, Вероники. Поднявшись на высоту, заметили, что на скате двигается по направлению Вероники целая мотоколонна с конницей и артиллерией. Полных 2 батальона. Наша рота одна, без тяжелого оружия. Спротивляться было безумием. Вернулись назад. Если русские нас догонят, то мы пропали. Мы убежали ради жизни. Мое отделение едет вместе с зенитным орудием, чтобы первыми поймать русских. Мотоциклист-связист оставил мотоцикл и еле пробрался к своей роте. Стрельба. Один товарищ из второго взвода получил при этой стрельбе пулю в лоб. Кругом горит. Фронт идет полукругом. В этом полукруге находимся мы и русские.

21 сентября. Прошли до расположенной в долине деревни Мелехи. Оттуда наступаем на Горищице. С высоты у деревни Мелехи мы увидели солдат 6-й роты, попавших в руки противника. 6 и 7 роты имеют снова большие потери. 7 рота потеряла у Броники 100 человек убитыми, а вчера около 30.

Начинаем наступление. Дошли до конца деревни. Вдруг нас начали обстреливать с высоты, расположенной правее деревни. С левой стороны также строчат. Нам ничего не оставалось делать, как только выскочить на дорогу. Нам удалось попасть в фруктовый сад. Продвигаемся медленно вперед. Дальнейшее наступление при таком огне противника не имеет смысла, так как начало темнеть. Отошли около 300 метров назад, в общем, заняли оборону в самой деревне. Через час отошли еще немного назад.

22 сентября. В 7.00 приступаем к дальнейшему наступлению. Мы должны очистить лес от противника, однако мы натолкнулись на со-

противление. Примерно 10 русских спрятались в лесу, полностью отрезанные и окруженные, вообще совершенно в беспомощном и безнадёжном положении, открыли по нам огонь. Один унтер-офицер, мой прежний командир отделения, получил при этом ранение в живот. Он умер на полевом перевязочном пункте. Судя по перестрелке, русские отчаянно оборонялись. Как я потом установил, 7 рота имела опять большие потери.

23 сентября. В 6.00 начинается снова наступление. Повсюду могут сидеть русские, одиночки и группами. Один русский спрятался в кустах, имеет с собой пулемет и обстреливает нас. Пули свистят кругом. Когда прекратилась стрельба, мы пошли дальше и поймали его. На наше счастье, у него получилась задержка при зарядании.

Уже добрую неделю не умывались и не брились. Пища часто отсутствовала по целым дням. О сне, само собой разумеется, нельзя было думать.

24 сентября. Сегодня мы расстаемся с танковой группой Клейста и переходим в подчинение Гудериана. Меняется наш маршрут, и, верно, мы теперь шагаем на Москву. Начинается новый этап войны.

25 сентября. В 14.00 мы выступили из Вероники на Москву, вернее, в битву за Москву. Дни ожесточенных боев лежат позади. Пусть предстоящая битва окончится также победоносно.

26 сентября. С продовольствием стало хуже. Обеденный суп был очень жидкий. Мы получаем одну треть хлеба.

27 сентября. В 6.00 едем дальше. Не проехали и часа, как колонна остановилась. Два русских самолета атаковали нас, летая красиво на бреющем полете. Самолеты прожужжали над самыми машинами. 4 бомбы упали примерно в 75 метрах от меня, однако они не разорвались. Все бегут к бомбам, чтобы посмотреть на них. Тут-то все и началось. Части машин вскоре взлетели в воздух. Я опять поднялся невредимым. Наполовину сам, наполовину под давлением воздуха я снова ложусь на землю. Слышатся крики, призывающие санитарок. Кроме раненых, имеются убитые. Русские в течение всего дня атакуют нас.

29 сентября. На участке 119 пехотного полка, должно быть, нас атаковали русские тяжелые, 52-тонные танки. Они приближались к транспорту с боеприпасами, проехали через несколько грузовых машин и 2 повозки, побывали на наших артиллерийских позициях. 2 легких и 2 тяжелых орудия они смешали с землей. Один танк, у которого уже была сбита башня, носился по местности и задавил еще 2 орудия. Всю ночь где-то поблизости слышалась стрельба из всех видов оружия.

30 сентября. Мы едем назад, к хорошей для движения дороге, находящейся в 15 км отсюда, чтобы по ней в течение нескольких дней подойти к Москве.

В битве за Москву на нас возлагается задача лишь обстреливать.

1 октября. Мы потеряли связь, не знаем, что делается справа, слева и впереди нас. Наша рота находится в 4 км позади нас.

Тем временем проникла весть о том, что 8 батальон прорвался из окружения, но без машин. Все машины 3 батальона могут считаться пропавшими.

119 пехотный полк также окружен. К вечеру услышали, что 1 батальон получил возможность прорваться, но он также должен оставить все машины. Как обстоят дела у нас самих, никто не знает, говорят, что вокруг нас фронт.

2 октября. По причине больших потерь в машинах курсируют невероятные предположения о дальнейшем применении нашей дивизии. Мы не обладаем больше подвижностью. Моторизованное подразделение, которое не располагает средствами передвижения, не может существовать. О потерях в машинах нашей дивизии объявлено уже официально. Я сам имел возможность прочесть один дневной приказ по дивизии, в котором указывается, что 3 батальон 35 мотополка, 2 и 3 батальоны 119 мотополка, 1 взвод 25 саперного батальона потеряли все свои машины. В приказе призываются... шинели, одеяла, бритвенные приборы, белье, мыло и т.д., так как товары и остались без средства защиты от холода.

3 октября. Вчера русские применили новое, страшное оружие. При одном ударе, должно быть, получается 65 выстрелов.

11 октября. В 4.00 выскакиваем из «перин». Галопом бежим к машинам. Едем до окраины города, высаживаемся, освобождаемся от имущества и идем дальше пешком. Что-то случилось? Постепенно узнаем, что русские прорвались и находятся уже в населенном пункте.

12 октября. У меня настоящий рай для вшей. Все мое тело искусано. Оно выглядит так, будто покрыто сypью.

13 октября. Ходят нелепые слухи о том, что Москва пала. Будто Сталин застрелился, а Молотов ходатайствовал о переговорах со ставкой фюрера. Война на Востоке якобы в общем и целом закончена. Фюрером получены со всего мира поздравительные телеграммы с победой. Наша дивизия будто должна быть погружена и отправлена на родину. Эти слухи нельзя проверить. Из авторитетных источников узнать ничего нельзя.

15 октября. Сегодня с нами разговаривал командир батальона. 7 рота распушена, а 5 и 6 рота этого получили пополнение. Для полного укомплектования состава все равно не хватило.

22 октября. С продовольствием туго, и оно однообразно. Картофель, приготовленный в разных видах, составляет главное питание. Мы достаем себе кур или гусей. Иногда добываем мясо.

24 октября. Вчера вечером было совещание у командира дивизии. Рассказывают, будто Тула будет целью наступления нашей дивизии. Со вздохом рассказывают об установлении строгой дисциплины, безупреч-

ных приветствиях и смотрах. За каждый проступок угрожают арестом. Ничего другого не слышишь, как арест, петли, виселицы.

25 октября. Обстановка, очевидно, снова резко изменилась. Создается впечатление, что высшее командование само не знает, что происходит. Я уже давно перестал верить тому, что сообщается официально и неофициально. Поход в Россию, очевидно, не может быть окончен в этом году.

8 ноября. Наступила ночь. Останавливаемся. Обстановка в высшей степени экономна и проста. Семья состоит из 2-х старых женщин, одного старика и кучи детей. Женщины здесь действительно «страдают» удивительной плодовитостью. Кажется, что старость не приносит никакого ущерба их плодовитости. Для меня немецкая овчарка — более высокое существо, нежели эти русские.

12 ноября. Ночью было очень холодно, морозит. Несмотря на то, что мотор работает целый час, вода замерзла сразу, как только мы ее налили в радиатор. Необходимо было снова разогревать машину, и только в 13.00 выехали.

13 ноября. Вечером я стал палачом двух человек, которые не могли удостоверить свою личность.

21 ноября. В 9 часов утра двинулись дальше. После долгого перерыва снова красные бомбардировщики.

22 ноября. Едем по хорошему шоссе Орел—Тула—Москва. Видны большие постройкИ в хорошем стиле, в большинстве случаев они сгорели. Через центральные улицы проходит двухколейная трамвайная линия. Проезжаем мимо солдатского кино и удивляемся большому наплыву. Когда мы увидим какой-нибудь фильм?

По дороге мы обогнали «телегизированные» части. Потрясающая картина. Дрожа от холода, с опущенными головами, они плетутся за своими телегами. Одетые в различные тряпки, которые их защищают от холода, можно подумать, что перед тобой толпа ландскнехтов. Это шествие замыкалось нашим продовольствием в обозе коров и овец.

3 декабря. За последние 10 дней мы проделали большой путь назад. Один день езды, а на второй день партизанская война, затем опять марш. Сейчас мы находимся юго-восточнее Москвы, до которой осталось около 180 км... сгорело все это отродье — в доме было 6 человек. Страх перед немецким солдатом должен быть ужасным.

4 декабря. Остановились в нескольких километрах от Венева. Как видно, ночью будет ужасно холодно. Проехали не более часа, раздалась дикая стрельба. Сразу спешились. Установили, что наш дозор натолкнулся на противника. Наше противотанковое орудие подожгло полдеревни. Пришлось заниматься ранеными, что при таком морозе не так просто. За ночь многие отморозили пальцы ног. Было 32 градуса ниже нуля.

6 декабря. Ранним божьим утром началась бешеная стрельба со всех видов оружия, которая не прекратилась на протяжении всего дня.

Русские наступают на 4 танковую дивизию, которая занимает деревню слева.

Наступление было отбито, но русские опять наступают. К вечеру шепчутся о том, что у нас не все в порядке. В самом деле, стреляют со всех сторон. Этот слух усилился, когда 4 танковая дивизия отошла.

Наши передовые части вынуждены были отойти, русские хотели их отрезать. Большое количество машин и орудий, а также танков было при этом потеряно.

Вечером пришел и для нас приказ о подготовке к отступлению. Все неисправные машины, которые не могут двигаться своим ходом, уничтожаются. Как видно, мы тоже должны убраться отсюда.

7 декабря. В 4.00 получили приказ на марш. Отступление проводится лихорадочно. Наши солдаты уже впадают в панику. Каждый хочет со своей машиной удрать, поэтому получается пробка. Бесконечное число войск проходит на ад. Видна тяжелая артиллерия, зенитные войска всех калибров, броневики, танки, пехотные полки, повозки и т.д. Путь отступления кажется опустошенным.

4 танковая дивизия очень рьяно выполняет приказ об уничтожении всего, что не может быть захвачено с собой. Полевые кухни, наполненные продуктами питания, дорогостоящие консервы взлетели на воздух. Тяжелые, совершенно новые грузовики, четырехосные броневики, большое количество машин и танков уничтожены. Миллионные ценности взлетели на воздух. Приказано также сжигать без остатка все оставленные нами населенные пункты. Вся местность вокруг Венева должна быть очищена и сожжена. Это самая жестокая из всех войн, которые когда-нибудь велись. Все гражданское население лишается крова и пищи и обрекается на замерзание и голод.

9 декабря. Когда мы утром встали, то убедились, что все войсковые части, которые здесь располагались, уже отошли.

Так как никто не может объяснить нам обстановку, то мы сочли самым целесообразным убраться отсюда.

Все возбуждены. Мой командир взвода кричит мне, чтобы я достал себе машину, так как русские наступают. Я опять вскочил в машину связи. Тем временем мы подожгли деревню. Наша рота прикрывает путь отхода 119 мотополка, который должен прорваться в другом направлении, так как предусмотренный маршрут занят русскими.

10 декабря. В 3.00 рота тронулась дальше. Мотоциклетно-стрелковый батальон сильно потрепан русскими. Мы отступаем все дальше¹⁶⁹...

РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 6798. Л. 1—17.

Копия перевода с немецкого на русский язык.

---

¹⁶⁹ Очевидно, автор погиб. Дневник найден после боя в результате наступательной операции Красной Армии.

**Свидетельства советских репатриантов
(по материалам пересыльного пункта ССП 17)**

ДУБИНСКИЙ ИВАН ОНОПРИЕВИЧ

**10.10.26 года Черниговской области Остерского р-на
села Сорокишечи (украинец)**

После смерти матери, которая скончалась в госпитале, оставив нас, 3-е детей. Мне было тогда в то время 15 лет. Немцы начали в нашем селе отправку в Германию на работу. Меня сразу же взяли на учет, а через 3 дня я оставлял свою семью, сестру 17 лет, брата 4-летнего. Тяжело было покидать родное село, в котором родился и прожил 15 лет, да еще постигло такое несчастье, смерть моей матери. Как я ни плакал, ни просился у немецких бандитов остаться дома, ничего не помогло, и под ихними карабинами пришлось со слезами уходить на биржу труда, даже не простившись с родной сестрой и маленьким братишкой. В городе Чернигове с биржи труда нас посадили в черные с решетками вагоны, которые тотчас же закрыли на тяжелые запоры. В вагонах помещалось 30 человек, ужасная духота, вонь от испарений, душа жаждала пить, но не так-то легко было достать каплю воды. При остановках мы выскакивали из вагонов, и все попадающиеся лужи, канавы, впрямь наполненные грязной водой, становились сухими. Для всех, однако же, воды не хватало, и люди, истомленные от жажды и голода, снова садились в вагон, каждый боялся получить плетки от немецких палачей. Ехать пришлось 3 недели. Наконец приехали в Бреслау, в распределительный лагерь, где уже ходили и ожидали хозяева, каждый из них выбирал человека с силой, а я хотя и был молод еще, но меня тоже взял один хозяин, у которого я работал в коровнике, убирал за 90 коровами. Работа мне показалась каторжной работой, которой я никогда не исполнял дома, но что ж, получив несколько раз подзатыльника, я начал привыкать и к этой работе. Несколько дней спустя я заболел, и меня отвезли в госпиталь, из которого я вышел через месяц слабым и бессильным. Придя к своему хозяину, он уже не хотел меня больше принять, и я вынужден был пойти на пункт, откуда посылали на работы. С пункта меня направили к другому хозяину, у которого и пришлось мне испытать жестокую жизнь Германии. Каждый день побои старой немки, которая имела близкую связь с гестапо. Я не мог сказать ни единого слова против нее, потому что я знал: попасть в концентрационный лагерь — это значит смерть. Много знал я людей, которые каким-то чудом оттуда возвращались и рассказывали следующее: попавшие в гестапо сначала идут на допрос, потом их раздевают и начинают бить резиновыми шлангами, если один жандарм уставал, то его заменял другой, а другого третий, и, таким образом, били до тех

пор, пока заключенный приходил в бессознание. После этого обливали холодной водой и бросали в цементные ямы, где заключенный пленник умирал с голоду и холоду. Вот этого я боялся. Я молодой, я хотел жить, я верил в свое освобождение. Слушая передачи по радио из Берлина, я слышал, как говорили о Москве, о Сталинграде, я слышал, как немцы проклинали большевиков, которые так крепко громят ихние войска и защищают свои родные города. А поэтому я ожидал каждую минуту, что наша Красная Армия скоро подойдет и к границам Германии. Но случилось совсем неожиданное: русские войска перешли уже немецкую границу и находились совсем недалеко от нас. Я еще больше начал прислушиваться к радио и еще больше начал озорничать перед моими хозяевами, которые дрожали при каждом выстреле, при каждом взрыве, а я веселился, смеялся над ними. Хозяин все чаще и чаще избивал меня, издевался, даже ночью заставлял работать, но не сломили молодое сердце, я дождался наконец своих братьев, которые меня освободили, а проклятого палача моего наказали по заслугам. А теперь я с радостью иду в ряды РККА и обещаю беспощадно добивать врага.

ТРОЯНОВА АЛЕКСАНДРА МЕФОДИЕВНА

26.6.25. г. р. (украинка)

В 1940 году я находилась под Доном на окопах, где вместе со своими подругами попала в окружение немцев. Я бежала тогда домой. Дома была мать и меньшая сестра. Пробыв дома, я узнала от матери, что всю молодежь немцы гоняют на работу, но я решила, нежели работать у немцев, лучше прятаться. В 1942 году немцы отступили, и в наше село зашли войска Красной Армии. Моя меньшая сестра при отходе наших войск также ушла с ними, а потом была послана в партизанский отряд, который находился в лесах Днепропетровска. Она часто заходила ночью домой и уходила снова на разведку в город. В первых числах мая месяца полиция узнала об этом, и доложили органам немецкого командования. Начались обыски, допросы, наконец, арестовали мать. Меня сильно избили розгами и отпустили домой. На следующий день я получила повестку о немедленной явке на биржу труда. В это день я не пошла, поскольку не на кого было бросить 4-летнего брата. Утром на следующий день полиция была уже у меня в доме. Меня снова избили и под автоматом повели на биржу труда. Больше домой я не возвратилась, в темных, с решетками вагонах нас угоняли в Германию. Душно и тесно было в наполненном до отказа вагоне, каждый хотел напитокся, хотя каплю холодной воды, но воды не было, только по большим станциям давали по кружке черной несладкой немецкой кавы и по 300 гр. хлеба на день. Через 18 дней мы доехали до распределительного пункта, здесь также нас встретили такие же полицаи с палками. Пробыв 3 дня, меня взял хозяин на работу, где я работала в степи и дома. Поднималась

всегда в 4 часа утра и ложилась в 11—12 часов ночи. Работа тяжелая, непосильная, вечные угрозы гестапо, вечные грубые оскорбления, побои отнимали здоровье и жизнь. Но пришло тожданное (т.е. ожидаемое. — *Сост.*) время, наша героическая Красная Армия освободила меня и других моих товарищей от проклятого фашистского террора. А теперь я еду домой на родину и даю слово работать в тылу честно и добросовестно и помогать Красной Армии для скорейшего разгрома этой подлой фашистской своры.

АНДОНЕВА АГАФИЯ ДАНИЛОВНА

**1.14.26 г. р., из Ростовской обл. Чернышевского р-на
совхоз отдел II (молдаванка)**

Я молдаванка, проживала до 1940 года в Бессарабии, в конце 1940 года вместе с Красной Армией моя семья и я приехали в Россию, где и жили до 43 года, когда наша территория была оккупирована немцами, — для нас работы не было, а поэтому мы должны были ехать в Германию. Не приглашали нас по-человечески, а просто, как звери, бросались немецкие бандиты на девушек и под оружием сопровождали до биржи труда. До сих пор я еще не знаю, каким путем с окровавленной физиономией меня притащили на биржу труда. Подошли страшные немецкие вагоны, в которые в тот день же нас загнали, как животных, и состав отправился на страшный нам запад, от которого я так долго пряталась. В вагонах по 45 человек, не хватало места даже сесть как следует. Вагоны закрыты тяжелыми запорами. Первую неделю хлеба совершенно не давали, воды также не было. При остановках на больших станциях мы уже не просили кушать, а просили воды, но воды нигде достать нельзя было. Палачи немецкие ходили с нагайками и все кричали «шнель, шнель, лос, лос», что и можно было слышать только от них. Те, которые отставали от эшелона, были расстреляны сразу же на месте. Девушки падали, залитые кровью, а варвары смотрели и смеялись над ихней смертью. С каждым днем, с каждой ночью все меньше и меньше становилось людей в эшелоне. Через 3 недели мы доехали до города Шнайден-Мюль, здесь тот же режим, те же противные морды, те же нагайки нас встретили. Начался торг, через полчаса меня купил один хозяин и повез меня к себе в Белград. У него я работала в поле, а также исполняла всю домашнюю работу. Каждый день крик, на каждом месте подзатыльники. Как ненавидела я этого проклятого алкоголика, который беспрерывно пил, а потом заставлял меня работать втрое. Но вот пришел конец ихнему царству. Русские бойцы второй раз меня освободили: первый раз от румынских господ, а второй раз из германской каторги. Я молдаванка, но, пока будет биться сердце в моей груди, никогда не забуду родных русских братьев, которые возвратили меня снова к жизни. Сейчас еду на родину в Бессарабию и всем расскажу

про эту «Славную Германию», как умирают в ней беспомощные люди, чтоб все слышали и знали и ненавидели немецких фашистов так, как ненавижу их я.

ЗАХАРОВ МАКСИМ ГЕРАСИМОВИЧ из Орловской обл. Брянского р-на села Малово Полнеца

Слыша свою невыдержку под Москвой, ошалелые гитлеровские захватчики начали истреблять народ нашего города. Поскольку были массовые переходы в партизанские отряды, которые не давали жизни немцам, находившимся в нашем районе. Тысячи человек мирного населения были расстреляны, а остальных начали угонять в Германию. В эту группу попал и я со своей женой и дочерью.

Холодные дырявые немецкие вагоны наполнили нами до отказа. Воды, однако, трудно было достать, хотя часто шли дожди. Пить из луж не разрешали, а хорошей воды не давали. На 8 дней получили по полтора кг хлеба, а на больших станциях получали кипяток по пол-литра. Доехали до Бреслау, в распределительный пункт, где уже были тысячи русских, которые ожидали отправки на работы. Нам также пришлось побыть 3 дня, а потом нас, 170 человек, забрали и привезли в город Кримберг. Тройная колючая проволока, черные деревянные бараки, похожие на гробы мертвецов, крик полицаев, плач женщин — все сразу открыло нам жизнь лагеря. Вот распределили нас всех по баракам. Я был послан в мужской барак, а жену с дочерью вовсе отослали из лагеря к хозяину, который жил в 25 км от нашего лагеря. Вечером этого же дня нас всех записали, выдали пропуска, а утром на следующий день нас под конвоем погнали на работу. Пришли на посудную фабрику, начали мастера учить нас работать; сначала учили, рассказывая, а потом начали учить кулаками или нагайками. Так тянулась наша монотонная жизнь в лагере. Подъем был в 6 часов, с 7-ми часов приступали к работе и кончали в 7.30. Получали на день 300 гр. хлеба, 1 литр так называемой баланды, которая была сварена из гнилой брюквы вместе с песком, но она казалась нам такой вкусной, что как будто бы дома никогда никто не мог бы состряпать подобного блюда. По воскресеньям мы имели свободное время с 12 часов дня до 2 часов дня, но причем обязательно нужно было взять пропуск у коменданта лагеря. Выходить за ворота лагеря без букв ОСТ не разрешалось, замеченных без остов штрафовали, и этот человек лишался права выходить на прогулку в течение нескольких недель. Во время таких прогулок мы украдкой разговаривали с иностранцами, которые рассказывали нам известия о фронте. На фабрике мы видели, как убитые неудачей немцы собирались группами и тихо что-то разговаривали. Догадаться было нетрудно, мы уже знали, что наши недалеко. Через месяц немцы начали по одному убегать в Берлин. Наконец не осталось ни одного. Делать было нечего, сами остались хозяевами, и я

бегом пустился к своей жене и дочери. Хозяина моей семьи уже не было, убежал, а моя жена уже сама хозяйничала в доме. Я здесь остался, а через 3 дня в наше село заехали передовые части Красной Армии. С радостью встретили русские люди, которые 3 дня назад были поработаны немецкими людоедами. А сегодня все собираются домой, на родину.

МОРОЗ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ

**1925 г. р., из Киевской области Баршневского р-на
села Лукаши (украинец)**

21 мая 1942 года был дан приказ германского верховного командования о «добровольном» выезде с родной украинской земли на работу в Германию. С первых дней были организованы конвои для сопровождения «добровольцев». И так 22 мая выезжали родные сыновья и дочери, расставаясь с родными семьями. Сколько слез протекло, никто не мог бы смерить. Каждый знал, что едем «добровольно», но возвратиться скоро не придется. Питание сказали брать только на 2-е суток, но мы были не настолько глупые — мы знали, что немцы кормить нас не будут. Ехали с 22.5 до 4.6.42 года. Приехали в большой лагерь, огражденный колючей проволокой. Кушали только германскую каву и 300 гр. хлеба на день. Вот пришел большой купец, и нас всех повели с лагеря на площадь, где купцы разглядывали товар. Ни одного человека он не взял, поскольку не сошелся ценами с нач. лагеря. Тогда нас привезли в город Штольно, покупателей также не было. На второй день нас перевезли в город Лямбург. Расположили нас на базарной площади и ждали купцов. Вот прохаживаются немецкие купцы и выбирают себе посильнее, попрочнее товар. Несколько человек, в том числе и меня, продали одному богатому помещику-землеробу. Сколько заплатил за каждого, не знаю, но за меня заплатил 5 марок и 20 пфеннигов. Приехали мы к нему автомашиной. Поместили нас в крестьянский амбар. Спали на соломе. В тот вечер внесли нам нечищенной картофели и по кружке кофе. Работы было по горло. За малейшее неподчинение били и замыкали в холодные подвалы. Я сам просидел сутки целые без пищи за то, что без разрешения помещика я поехал к своему товарищу. Сидел я и думал, что недолго будут эти звери так расправляться с нашим народом, что скоро придет время и мы встретим своих братьев и сестер, но говорить много нельзя было. Везде нас окружало гестапо. Но время шло, Германия слабела и слабела, и войска ее все время отступали, а наша Красная Армия все крепла и крепла и гнала беспощадно врага и все ближе и ближе подходила к границам Германии. Вот 10 марта 1945 года в наше село вошли ряды Красной Армии, которые и освободили нас из этой каторги. Сердечно благодарим нашей Красной Армии за наше освобождение и присоединяемся к рядам ее, обещаем помочь разбить как скорее фашистскую свору.

ОКИПСКАЯ МАРИЯ РОМАНОВНА
из Черниговской области Яблунковского р-на, село Рудовка
(украинка)

В 1941 году при отступлении наших войск я также уходила с ними. Доехали мы машиной до села Варваровка, немецкие бомбардировщики нас начали бомбить. Наша машина потерпела катастрофу, и я была ранена в руку. Я начала пробираться домой и по пути встретила своего брата, который ушел из немецкого плена и также направлялся домой. Через м-ц к нам зашли немцы. Я скрывалась в то время в подвале, а мой брат вместе с четырьмя товарищами ушел в лес в партизаны. Он часто заходил ночью к нам в село и все время уводил по одному, по два человека с собой. Немцы, находившиеся в нашем селе, узнали об этом, что каждую ночь кто-нибудь исчезал. Однажды ночью к нам в избу ворвались пьяные солдаты, они начали шарить по комнате, в сундуках, в шкафах, искаая партизанов. Но в эту ночь ничего не нашли, за нами начали следить немецкие патрули. Через 3 дня рано на рассвете брат и 4 его товарища зашли домой, а по их пятам уже шли немецкие сыщики, которые нанюхали свежий след. Как сумасшедшие, залетели к нам они во двор. Чувствуя опасность, мой брат быстро придумал и сказал мне: «Марийка, спаси нас, беги скорее им навстречу и заговори их, а мы уйдем через крышу». Я мгновенно вылетела навстречу гитлеровским собакам. Помогло то, что они были в дрезину пьяные и им сейчас было не до партизан, а душа их собачья требовала молодой девушки. Они начали со мной что-то разговаривать, смеяться, скаля свои желтые кривые зубы. Я также покорно им подражала, ибо я знала: в эти минуты решается судьба моего брата и его товарищей. Заметив, что все уже было сделано, моя мать, чтобы отвлечь их внимание от конюшни, пригласила нас всех в комнату. Но немцы не захотели идти в комнату, а пошли в указанное место, откуда только что исчезла ихняя добыча. Обнаружив тотчас отверстие в крыше, они, как ошалелые, заорали «Партизан, партизан вэк» и бросились с кулаками на меня. Избили меня до бессознания, ковырнув грязными сапогами, они побежали в дом, где начали бить, ломать все и всех подряд. А наутро полиция забирает меня и ведут в какой-то лагерь, где погрузили еще тысячу таких девушек, как и я, и повезли в Германию. В дороге получали 300 гр. хлеба на день и кружку кофе. Привезли нас до гор. Шлау. На большой площади нас сгрузили, и здесь началась торговля. Не знаю, сколько брали за каждую, но меня взял хозяин на 2 года и уплатил 20 марок. Работала с 4-х часов утра и до 12 часов ночи. Били каждый день. Питание получала только ограниченную норму — 300 гр. хлеба и приварок. Когда уходили хозяева из дому, я слушала по радио информационные сводки. Я знала, что начали отступать немцы от Сталинграда, как удирали и удирали с русской земли. С каждым днем

мой хозяева становились все злее и злее, а через несколько месяцев начали собирать свои вещи, упаковывать в чемоданы, узлы, мешки, а в одну ночь они исчезли из деревни, оставив все узлы и мешки. Утром, когда я вышла на улицу, то я не встретила ни единого немца. Русские собирали хорошие вещи и уходили к своим солдатам, которые находились в 2-х км от нашего лагеря.

РЕВИНСКАЯ ОЛЬГА АНТОНОВНА **1927 г. р. из Минска (белоруска)**

В 1941 году, когда нашу территорию оккупировали немцы, я и моя мать с 2-мя братьями жили в деревне Корюки. Моя мать и братья связались с партизанским отрядом, который находился в Узде. В скором времени был дан приказ всем, которые не работают, явиться на биржу труда для регистрации в Германию. Я решила поспешить устроиться на работу, чтобы не ехать. В Минске я устроилась в военном госпитале работать уборщицей. Я помогала матери, крада там медикаменты, бинты, бумагу и передавала ее партизанам. В 1943 году моя мать была задержана немцами, когда она шла от меня с бумагой и карандашами. А меня на следующий день отослали на биржу труда для отправки в Германию. В Польше, в городе Модлин я и 6 девушек были направлены работать в русскую деревню. Выходить из пределов деревни я боялась, чтобы не попасть в Германию. Радио не приходилось нигде слышать, некоторые сведения получала от иностранцев, которые слушали радио и передавали нам. Так текла моя жизнь 8 м-цев. Русские войска стояли в Дембове, а немцы находились недалеко от нашего села. Узнав о том, что в селе находятся русские девушки, несколько немцев офицеров заехали в наше село и пришли в наш дом. Они сразу спросили мою фамилию, а потом приказали взять одеяло, подушку и белье, но, поскольку я имела собой маленького братишку, я сначала отказалась ехать. Как зверь, один из них бросился ко мне, я не сказала больше ни слова, мой братишка упал тотчас на колени, обвинил мои ноги руками. Здесь все слилось в одно: крик ребенка, слезы девушек и нагайка офицера. Я вынуждена была ехать. По дороге он мне сказал, что я еду на 3 дня всего. Привез он меня к какой-то кухне и сказал: «Вот здесь будешь работать». Там было еще несколько таких же невольниц, как и я. Недолго пришлось мне там работать. Вечером приехала машина, и мне сказали садиться, что повезут меня совсем в другое направление. Машина остановилась возле большого дома, куда завели меня. Придя в этот дом, меня встретил старый генерал с такой красной отвратительной мордой, я прочла тотчас в его сверкающих злостью глазах что-то недоброе для меня. Он ядовито улыбнулся и спросил мое имя, а потом предложил идти с ним пить чай. Но я категорически отказалась. Он приказал одному

офицеру принести ему наган, тот сейчас же исполнил его приказание, и железное дуло сверкнуло перед моей физиономией: «Убью сейчас же, русская свинья, если не пойдешь со мной». Я смотрела в упор на него, готова была умереть, но не пойти с ним. На мое счастье, кто-то пришел к нему и его позвали в гостиную, я стояла, не двигаясь, на том же месте, не двигаясь. Через 5 минут он возвратился снова и, подойдя важным шагом ко мне, ударил меня несколько раз в лицо и приказал: «Отвезти эту свинью вон». Меня снова отвезли на старое место, где меня встретили мои подруги со слезами, а мой братишка тотчас же бросился мне на шею. Наконец начали приближаться все ближе и ближе русские войска. Немцы убегали, бросив все по дороге, а нас всех загнали в убежище. При своем отступлении озверевшие солдаты бросили несколько гранат на наше убежище. Много людей погибло там же, но мы остались в живых. На третий день зашли наши гвардейцы и освободили нас.

БАТАЛОВ КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ
1927 г. р. из Ленинградской обл., гор. Пушкин

17 сентября — день оккупации немецкими захватчиками нашего города. Придя в наш город, фашистские варвары начали применять к населению свои зверства. На следующий день немцы имели уже к смертному наказанию людей, обвиняя их в саботаже. Среди них попал один из рабочих, который проживал рядом со мной. Он совершенно не был ни в чем виноват, но его повесили на телеграфном столбе, и висел до тех пор, пока не упал сам. В течение месяца проживя в таком положении, все столбы были увешаны людьми. Это так было в России, оккупированной немцами. Теперь что было дальше с русским народом. Все мирное население мужчин, которых захватили немцы, были направлены в концлагеря, где они жили, вернее, дожидали голодной смерти, которая обрекала каждый день сотни, а может, и больше людей. После всех этих мучений люди, которые остались еще живыми, были отправлены в Германию. Отправка производилась под силой оружия, вагоны, в которых ехали люди, были закрыты. Насчет питания говорить уже не стоило, потому что с русским народом расправа была коротка. Привезя в Германию, нас загнали в лагерь, который был огражден колючей проволокой. Получали здесь 300 гр. хлеба, пол-литра супа, как вода, и 15 гр. маргарина. Ввиду этого началось заболевание на тиф. Каждый день десятками вывозили мертвых людей. На нас наложили карантин. Целый месяц не выходили из бараков и не мылись, вследствие чего завелись вши в таком количестве, что нельзя себе представить. После карантина нас

начали направлять на работы, а как направляли, просто продавали, как скот, не считаясь с семейством, разбивали семьи, чего пришлось пережить и мне, я был разделен с матерью, но счастье мое в том, что я попал в одну деревню. А именно, какое счастье, что по воскресеньям после обеда мог сходить к ней и поговорить. Труд в Германии был непосильным для рабочих-иностранцев, а в особенности нас, русских. Здесь не считались ни с возрастом, ни со способностями человека, а одно только и знали — работать и работать. За неподчинение побои и штрафы. Заработная плата была ничтожна, за которую не купишь ничего, потому что русским не продавали. Живя в таком положении в фашистской Германии, русские многие убегали с Германии в партизаны. Боролись всячески с немцами, но пойманные подвергались смертной казни или к повешению. Все новости с фронта мы получали из уст в уста, а также пользовались листовками, которые сбрасывали с наших самолетов, в которых писали о фронте, о движении русских войск, а также временами подслушивали радио. Все это пополняло наши сердца новостями о родине. Слухом пользовались все, но за разговоры о фронте, о политике люди подвергались жестоким наказаниям, побоям и даже расстрелам. Но это не страшило русский народ. Мы пережили все скитания в Германии и теперь освобождены от фашистских варваров, чтобы бороться до конца своей жизни и не попадаться в плен к врагу, зная его зверства.

ОСАДЧИЙ АФАНАСИЙ ДАНИЛОВИЧ 1915 г. р., из Ростовской обл., г. Миллерово

В 1942 году при отступлении наших войск в Курске я был ранен и отстал от своей части, потому что не мог больше идти. Нас многих здесь забрали в плен. Сопровождали нас немецкие автоматчики. Привели нас в город Курск в лагерь, который представлял собой площадь без никакого навеса, окруженную в 3 ряда колючей проволокой. Нас встретили здесь гестаповцы с резиновыми шлангами. Тяжело раненных сразу же уводили в сторону и расстреливали, а нас до полусмерти избили. Пробыли мы в таком лагере месяц, а потом нас перебросили в Псков, в так называемый лагерь смерти. Что же было нам здесь: тех, которые отощали и не могли уже подыматься, расстреливали на месте в упор, а тех, кто еще двигался, заставляли бегать, петь, танцевать, а кто не мог это исполнить, также убивали. Каждый день, каждую ночь умирало несчетное количество людей. Если человек был не в состоянии работать, то ему был положен штраф: 25 кг песка ложили на спину и приказывали лезть попластунски. Кормили 2 раза в день: утром давали хлеба 100 гр., в обед суп из отходов гречки или проса. Пробыли в Пскове 4 месяца, нас

снова перебросили в Валки, здесь было то же самое, что и в Пскове. Несчетная смертность, ежедневные расстрелы, побои. Потом нас оттуда отправили в Ригу. Приехали мы, а вместе с собой привезли эпидемию тифа, который каждый день начал косить сотни людей. Вот здесь уже совсем свалило и меня. Я попал в госпиталь, но это было самое настоящее кладбище, откуда люди больше не выходили. Пролежав там 2 недели, я начал просить доктора, чтоб она меня выписала. Через 2 дня я уже снова был в лагере, меня перевели в комсоставский лагерь. На работу нас не посылали, а заставляли исполнять в лагере ненужные каторжные работы: носить песок с места на место, копать ямы на каменистой почве, потом эти ямы снова засыпать песком и т.д. Через 5 месяцев весь комсоставский лагерь перевезли в Кольвар. Что было здесь, мне даже тяжело рассказывать. Люди на ходу умирали сотнями каждый день от голода и побоев, а сколько погибло людей, зараженных вакциной на туберкулез легких, жутко вспомнить. Люди, которые совсем ослабшие были и не могли подниматься, их живыми зарывали в землю. Кормили нас так же, как и в Риге, а кому не хватало, добавляли прикладами. Пробыли мы в этом лагере 17 суток, нас отправили в Германию, в город Ризу. Я заболел на туберкулез легких и, как больной, был направлен в госпиталь Лейпциг, где я смог проработать еще 4 месяца, а потом лежал в госпитале до самого своего освобождения. Сообщаю о смерти моих товарищей, которые были заражены вакциной, после чего заболели на туберкулез легких.

1. Усенко Виктор Федорович (лейтенант), похоронен в г. Лодзь.

2. Лысов Павел Платонович (капитан), из Москвы, похоронен в г. Лодзь.

КИПРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ

1921 г. р., из Калининской обл., гор. Новосokolьники

В городе Хаммерштейне, когда я находился в лагере военнопленных. По приказанию глав. врача в нашем лагере началась прививка вакцины, которая заражала легкие на туберкулез. Выбирали 20—30 человек, проводили к доктору, который отбирал со здоровыми легкими и делал вливание вакцины в вену, а тем, которые были послабже, давал выпить. Когда люди начали сотнями в день умирать, то мы догадались, что это они нас заражают, и на следующий день, когда начали звать к врачу на медосмотр, все разбегались и не хотели идти, но они придумали. Ночью, когда все спят, заходят в бараки и под оружием приводили к доктору. Отказавшиеся пить были расстреляны, а те, которые пили, через несколько дней умирали.

Сообщаю о смерти капитана Филимонова Василия из города Ленинграда, который был заражен вакциной и умер в городе Хаммерштейне.

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

1920 г. р., из Саратовской обл. Балтайского р-на, село Царевщина

Сообщает о смерти в немецком плену старшего лейтенанта танковых войск, который попал в плен 1941 году под Ленинградом. После продолжительных мучительных пыток гестапо умер Ефремов Анатолий Степанович из Калининской обл. Фировского р-на, села Рождество.

Зайц Вячеслав, сын начальника Саратовской консерватории и муж певицы Московского гос(театра) радиокомитета Максимовой, умер от тяжелых переживаний и туберкулеза легких. Он дал очень многое в нашем лагере. Проводил политбеседы, рисовал географические карты, по которым многие пленные удирали из лагеря.

АНТИПОВ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

1923 г. р., из Кабардино-Балкарии

Сообщает о смерти капитана-летчика Лютикова Леонида из города Горького, который был заражен вакциной. Был осужден на каторжные работы, но через 6 м-цев скончался.

МАРТХЕЛЕВИЧ АКИМ ЦАРКОВИЧ

1928 г. р., из Гродно (еврей)

В 1942 году нас оккупировали немцы. А через неделю вместе с тремя тысячами жителей города меня взяли и повезли до смертного лагеря в Освенцим. На перроне нас ожидала эсэсовская комиссия, которая сортировала прибывших людей. Из нашего эшелона всех маленьких детей, женщин, стариков отвезли в газовые камеры, где их сжигали в так называемых крематориумах. Таких газовых камер было 6 штук. В каждом крематориуме было 15 специальных печей для сжигания трупов, а каждая печь была рассчитана на 15 трупов. Нас, 250 человек молодых ребят, завезли в лагерь на каторжные работы, Жизнь в лагере была невыносима. Спали на цементном полу без постельной принадлежности. Бараки так были наполнены, что негде даже было лечь, а ночью нечем было дышать. В 4 часа утра нас подымали и мы выходили на поверку. На поверке приходилось стоять 2—3 часа, ожидая, пока придет лагерфюрер. После поверки нам давали черного кофе, несладкого и без хлеба, и отправляли на работы. На работе нельзя было отдыхать и работать нужно было только быстро. Если часовые замечали, что кто-нибудь работает медленно, то таких людей прикладами или нагайками избивали до смерти. В 12 часов нам привозили обед, который был из гнилой брюквы или отходов капусты и воды. В 6 часов вечера после работы мы возвращались в лагерь. Сначала было построение

на поверку, во время поверки вызывали тех заключенных, которых бригадир записывал, что они плохо работали, тогда этих людей посылали снова на работу на 3—4 часа, после чего сажали под арест, где каждый день били, гоняли на работу и не давали есть. После поверки мы расходились по баракам и получали ужин, по 300 гр. хлеба и 20 гр. маргарина. Окончив ужин, старший барака выгонял заключенных из бараков и выводили в поле на «гимнастику», которая заключалась в следующем: нужно было качаться по воде, или грязи, или по стеклу, или по камням. По окончании такой «гимнастики» мы приходили в бараки и мертвыми падали на пол, сразу засыпая. Некоторые засыпали до утра, а некоторые навсегда. Когда приблизилась Красная Армия, немцы нас вывезли в город Блехамер, в котором был большой лагерь. По дороге расстреляли больше как 2500 человек. Много падали дорогой с голода и с мучений. Немцы почувствовали, что им грозит опасность, что им уже поздно расправляться с нами, они нас бросили, а сами убежали. Когда я узнал, что Красная Армия находится всего в 5 км от нас, я решил перейти фронтową линию и уйти скорее к своим. Еще одну ночь пришлось мне пересидеть в подвале, но в эту ночь к нам неожиданно забежали несколько немецких солдат, которые скрывались в лесах, и под винтовками вывели нас из подвала, приказав убежать с ними. Я больше не намерен был мучиться на ихней каторге, и я решил рискнуть убежать из-под винтовки. Этот риск мне удался, поскольку ночь была совсем темная и они не смогли меня подстрелить. Я благополучно перешел фронтową линию и увидел танковые части Красной Армии. Благодаря героической Красной Армии, которая громила гитлеровцев с такой быстротой, гитлеровские бандиты не успели ничего с нами сделать.

КУЧЕР КОРАЛЬ ИВАНОВИЧ

1923 г. р., из Ростовской обл., шахты ГПУ

В 1940 году при освобождении Бессарабии я приехал в Россию, на Донбасс. Работал в шахте. В 1941 году я добровольно уехал на окопы за Дон. Здесь немцы нас взяли в плен. Пленных русских было до 5 тысяч. Под конвоем нас привели в лагерь, который был огражден колючей проволокой. Мы зашли в лагерь, здесь уже много было таких же пленных, они встречали нас голодными глазами, побитые, исхудалые, не похожие на людей. Рано утром погнали нас на работу. Придя вечером в лагерь, изнеможенные от тяжелой работы, люди падали на ходу и засыпали. Каждую ночь чувствуешь, как коченеет лежащий возле тебя товарищ, становится от него холодно, тогда переходишь в другое место, но там также следует та же картина. Тысячами вывозили людей, умерших от голода, холода и немецких нагаек. Прошел целый м-ц, нас всех погнали к ближайшей железной дороге, где погрузили в немецкие вагоны для от-

правки в Германию. Находясь в плену, нас кормили очистками из проса, из картофеля и гнилыми бураками. В дороге получали 100 гр. хлеба в неделю, да еще вдобавок каких-нибудь прокисших помой из немецкой кухни. Каждую ночь почти половина людей умирали, но их заменяли такие же трупы, уцелевшие из какого-либо транспорта. Ехали, как по расписанию, ровно 2 м-ца, во Франкфурте-на-Одере нас разгрузили и повели в лагерь. Серые сырые бараки, как гробы, стояли рядышком. Люди, худые, черные, измученные, дрожащими руками несут что-то из кухни. Мы тоже получили ужин, и мне показалось, что я еще никогда не ел такого вкусного блюда. Суп был сварен из гнилой брюквы и старого желтого шпината. Поужинав с таким аппетитом, я улегся спать, и только утром, когда раздирающе зазвонил звонок, я подхватился и начал одеваться, следуя примеру других.

Вышли мы на построение, я присоединился к стоящей впереди колонне. Через час пришли жандармы. Тысячу раз пересчитывали, перестраивали колонны, кричали, ругались, бегали, суетились, но ничего не помогало, один человек в нашей колонне был лишний, а в другой не хватало. Товарищи, рядом стоящие, сказали мне, что я стал не в свою колонну. Я тогда вышел из колонны наперед, молнией подскочили ко мне жандармы и начали колотить кулаками, плетками, а когда я не мог стоять и упал в бессознании, они чуть не добились меня сапогами. Облив водой, меня отправили на работу. Вот так мы жили в этом страшнейшем лагере Франкфурта. В 1944 году, идя с работы, вечером мы, 6 человек, убежали. Скрывались первое время в селах, спали в соломе, а кормились тем, что приносили нам русские девушки, которые работали в селах.

Посиживая в таких щелях, мы придумывали всякие планы, а потом договаривались взорвать мост через Одер, который находился недалеко от нашего села. Достав динамит, мы подошли к мосту. В это время ни одного человека не было, все кругом спало, только наша шестерка стояла у моста. В течение нескольких минут все было закончено, мост был взорван. Тогда мы пошли дальше, почти перед рассветом мы дошли до одного села, где нас всех схватили гестаповцы. После продолжительных допросов и побоев нас перевезли в город Калыш, в тюрьму. Здесь мы уже были разделены, и я не знал, где находятся мои товарищи. Меня допрашивали о взрыве моста, но я отвечал, что ничего не знаю. Тогда меня избивали, отливали водой, снова допрашивали, снова били, а потом загоняли в камеру. Как-то на рассвете меня вызвали и 3 жандарма вывели меня во двор этой тюрьмы, от картины, увиденной мной, у меня потемнело в глазах и оставшаяся кровь хлынула к сердцу. Площадь, обрызганная кровью, представляла собой почти геометрический квадрат, со всех сторон огражденный бетонированными стенами, а через центр проходил ряд виселиц, на которых болтались поседевшие трупы. Меня подвели к одной из них и приказали взойти

на ступеньки, один жандарм подошел важно ко мне, оскалил зубы и набросил мне на шею петлю. Я приподнялся вместе с веревкой вверх. Очнулся я вечером в камере лежащим на цементном полу, я не верил, что я жив, я начал расспрашивать других заключенных, как я сюда попал живым, они мне все рассказали, что было со мной. Утром меня снова допросили, снова били, снова отливали, а вечером я снова был на знакомой мне площади, где я увидел висевших своих товарищей. Мне показалось, что ни были еще живыми, но посиневшие руки и ноги безжизненно болтались в воздухе. Мне сказали, что, если я не признаюсь, завтра буду так же висеть, как и они. Но в эту ночь нашу дверь открыл офицер в русской форме. Мы замерли на месте, но когда полилась русская речь: «Товарищи, довольно вам здесь сидеть, пришел день вашего освобождения, выходите за мной!» — мы все поднялись и бегом побежали за ним. На улице дымился еще пепел рядом сгоревшей большой тюрьмы, а нашу, наверное, не успели поджечь.

Песня русских военнопленных, находящихся в немецкой неволе

*В немецких лесистых песчаных полях
Баракы большие стояли.
В них тысячи пленников, русских бойцов
От голода и тифа вмирали.*

*Лежали в бараках в соломе гнилой,
Дышали известкой вонючей,
Вокруг тех бараков в три ряда столбы
Обтянуты дротом колючим.*

*А ветры бушуют, снег вихрем крутя,
Баракы насквозь продувая.
А те, кто в тяжелом тифозном бреду,
Под снежным покровом вмирают.*

*Товарищ, мой милый, ко мне подойди,
Прикрой мои плечи соломой.
Нет силы, я чувствую, скоро умру
Томительной смертью голодной.
Поверь мне, товарищ, нельзя подойти,
Без пищи отек, нету мочи.
И тот не дослышал последнее «прощай!»,
Тускнели уж мертвые очи.*

*И слышатся стоны из темных углов
Тифозно больных и голодных.
И только спокойно глядят в потолок
Глаза уже мертвых голодных.*

*Вот утро настало, открылася дверь,
И немцы вошли с автоматом.
Больных пристрелили на нарах в упор,*

Голодных кормили прикладом.

*Тяни за барак! — свирепел офицер,
Пусть ночь на снегу заночуют,
Шакалы их ночью придут навестить,
А завтра вороны учуют.*

*Вот утро настало и солнце взошло,
Дымились фабричные трубы,
А там, за бараком, в пушистом снегу
Валялись, растерзаны, трупы.*

*Над трупами кружатся стаи ворон
И щелкают клювом кровавым,
А солнце дрожит, и бледнеют лучи
Над этой зловещей расправой.*

*Начальник пересыльного пункта СПП-117
капитан Луговой.*

Ф. М-7. Оп. 1. Д. 7066. Л. 1—9 об. Подлинник.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АзССР — Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
- АКСМ — Антифашистский комитет советской молодежи
- арт. — артиллерийский
- Артснаб — артиллерийское снабжение
- АТР — автотранспортная рота
- БАО — батальон аэродромного обслуживания
- БПВ — Бюро политической войны в Министерстве иностранных дел Британии
- б/д — без даты
- ВВС — Военно-воздушные силы
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
- ВМС — Военно-морские силы
- ВМФ — Военно-морской флот
- ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
- г. — город
- ГАП — Гвардейский артиллерийский полк
- гв. с. д. — Гвардейская стрелковая дивизия
- горздравотдел — городской отдел здравоохранения
- гп. — городской поселок
- ГФП — тайная полевая полиция Гремании
- д. — деревня
- дивинтендант — дивизионный интендант
- ж. д. — железная дорога
- зав. — заведующий
- иг. — инфекционный госпиталь
- кг — килограмм
- ЛВВМИУ — Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище

кд — кавалерийская дивизия
КП — командный пункт
Кл. — класс
км — километр
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КП — командный пункт
к-р — командир
КС — самовоспламеняющаяся жидкость, смесь фосфора и серы
КСД — Краснознаменная стрелковая дивизия
КУ — Комендантское управление
МБ — медицинский санитарный батальон (он же медсанбат)
МВД — Министерство внутренних дел
мл. — младший
мин — минометный
м/о — материальное обеспечение
МООП — Министерство охраны общественного порядка
МП — минометный полк
МТС — машинно-тракторная станция
НЗ — неприкосновенный запас
наркомпрос — Народный комиссариат просвещения РСФСР
НКВД — Наркомат внутренних дел СССР
НП — наблюдательный пункт
облздравотдел — областной отдел здравоохранения
ок. — около
оо — особый отдел
ОРБ — отдельный разведывательный батальон
ОП — опорный пункт
ПВХО — противовоздушная и противохимическая оборона
п/о — почтовое отделение
пгт — поселок городского типа
ппг — передвижной полевой госпиталь
ППР — Польская рабочая партия
ПСП — Польская социалистическая партия
по — политический отдел
пос. — поселок
профтехучилище — профессионально-техническое училище
ПТР — противотанковое ружье
ПУ РККА — Политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГД-33 – ф1 – марка ручной гранаты на вооружении Красной Армии
РГК – резерв Главного командования
Р – ранг
РО – разведывательный отдел
РОА – Русская освободительная армия
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
рп. – районный поселок
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РУ – ремесленные училища
РУ – разведывательное управление
с. – село
роно – районный отдел народного образования
райвоенкомат – районный военный комиссариат
св. – свыше
СД – Стрелковая дивизия
СД – внутривнутрипартийная служба безопасности НСДАП, позднее служба безопасности рейхсфюрера СС (Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS [SD])
СНК СССР – Совет Народных Комиссаров СССР
СОАССР – Северо-Осетинская Автономная Советская Социалистическая Республика
Совинформбюро – Советское информационное бюро при Совете Народных Комиссаров СССР
СП – Стрелковый полк
СС – служба безопасности (Schutzstaffeln [SS])
с/с – сельский совет
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
Ст. – станция
СУ – марка паровоза
УБ – Управление государственной безопасности
УПА – Украинская повстанческая армия
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФЗО – школа фабрично-заводского обучения
ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества

ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ЦК ВЛКСМ – Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи

ЧИ АССР – Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика

ЧССР – Чехословацкая Социалистическая Республика

ЧГК – Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершивших немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками в годы Великой Отечественной войны, и определению причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, государственным учреждениям СССР.

ЮЖД – южная железная дорога

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПРОЛОГ	40
Раздел I.	
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ	43
Раздел II.	
ЗВЕРСТВА ФАШИСТОВ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ	275
Раздел III.	
КОНЦЛАГЕРЯ СМЕРТИ. УЧАСТИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ	362
ЭПИЛОГ	522
ПРИЛОЖЕНИЕ	524
№ 1. Из дневника немецкого лейтенанта К.Ф. Бранда, чьё подразделение входило в 6-ю армию группы «Юг»	524
№ 2. Дневник старшего ефрейтора 5-й роты 35 мотополка 25 мотодивизии Германа Шварца	544
№ 3. Свидетельства советских репатриантов (по материалам пересыльного пункта ССП 17)	554
ПЕСНЯ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ, НАХОДЯЩИХСЯ В НЕМЕЦКОЙ НЕВОЛЕ	569
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	571

Научно-популярное издание
Память Великой Победы

Автор-составитель

Петрова **Нина** Константиновна

**ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФАШИЗМА В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *С.В. Цыганова*

Верстка *И.В. Хренов*

Оформление и подготовка обложки *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел. : (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 22.03.2018. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 36. Тираж 1000. Заказ 2093.

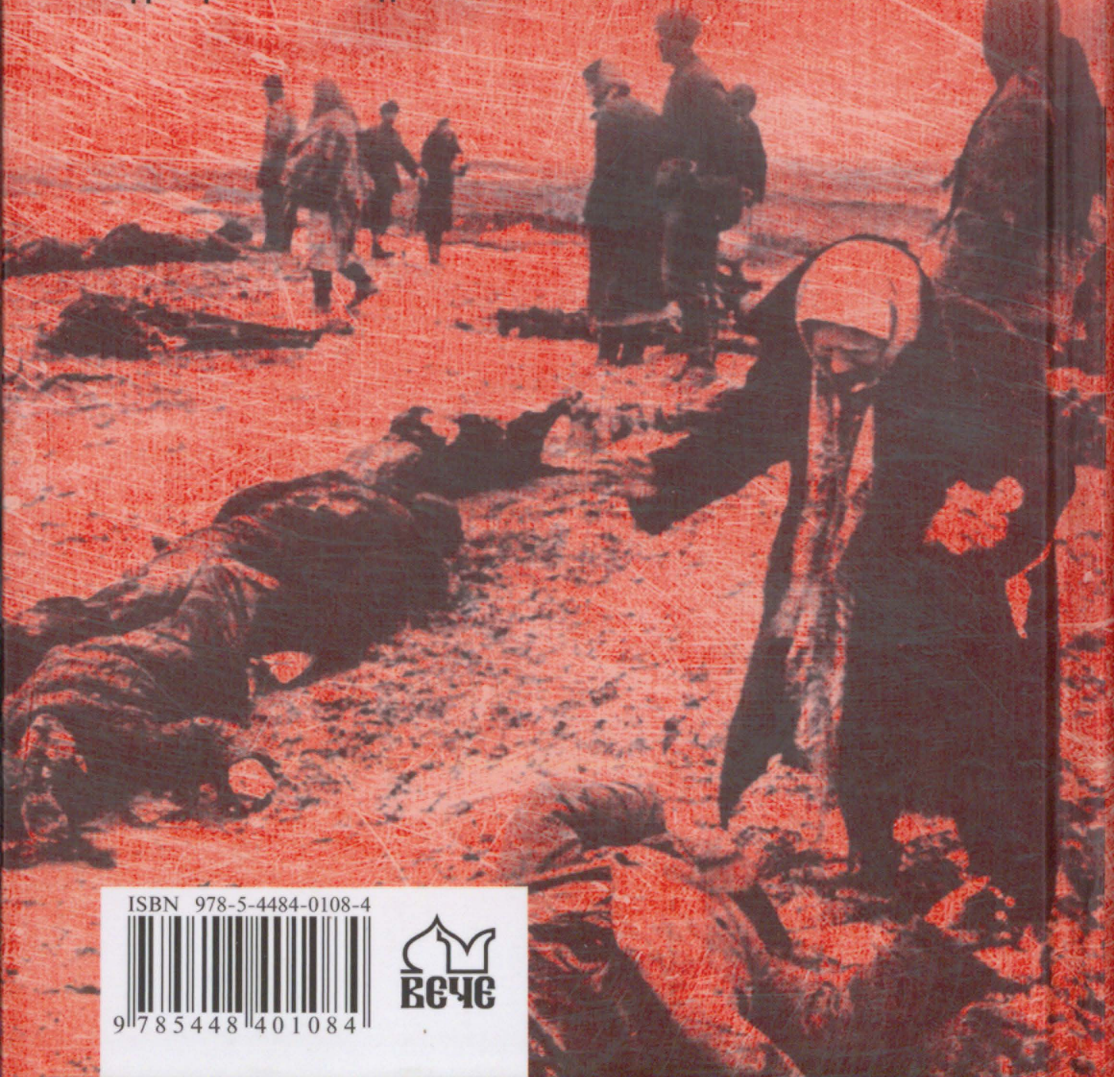
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

С каждым годом отдаляется от нас во времени грозная военная эпоха. Уходит военное поколение, и все меньше и меньше интересуется современная молодежь трагической и героической правдой прошлой войны. Но люди, прошедшие через нечеловеческие испытания, никогда их не забудут. Не скоро еще заживут в сердцах и душах ветеранов глубокие раны, оставленные нацистами.

Книга возвращает нас к трагедиям и ужасам, которые выпали на долю людей, побывавших в оккупации или плену. В книге собрано большое количество документов, свидетельствующих о чудовищных преступлениях, совершенных руководством нацистской Германии на территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

ISBN 978-5-4484-0108-4

9 785448 401084

